ТОТЕМСКОЕ МУЗЕЙНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Сборник посвящается 85-летнему юбилею со дня рождения русского поэта Николая Михайловича Рубцова (1936–1971)

РУССКИЙ СЕВЕР - 2021: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Рубцовские чтения

Сборник работ V Всероссийской научной конференции с международным участием

Вологда
«Полиграф-Периодика»
2021

УДК 94(47)
ББК 63.3(2Рос)
Р89

Печатается по решению научно-методического совета МБУК «Тотемское музейное объединение»

Издание выпущено в рамках проекта «Агентство музейного развития "Лоция"», поддержанного грантом Благотворительного фонда Владимира Потанина в рамках программы «Эффективная филантропия» (грантополучатель – Тотемское музейное объединение)

Автор идеи, куратор проекта *– А. М. Новосёлов*
Составитель и редактор *– О. В. Полоцкая*

Редакционно-издательская коллегия:
Вересов Л. Н. (заместитель председателя Вологодского Союза писателей-краеведов, член Союза писателей России), Новосёлов А. М. (директор МБУК «ТМО»), Полоцкая О. В. (редактор электронных баз данных, научный сотрудник МБУК «ТМО»), Якушева Л. А. (кандидат культурологии, доцент кафедры теории, истории культуры и этнологии ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»).

Рецензенты:
Ермолин Е. А., кандидат искусствоведения, доктор педагогических наук, профессор, Ярославль – Москва
Красильников Р. Л., доктор филологических наук, профессор, Москва.

Материалы выпускаются в авторской редакции.
Редколлегия может не разделять точку зрения авторов публикаций.

Р89 **Русский Север-2021:** проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия: Рубцовский сборник : сборник работ V Всероссийской научной конференции с международным участием / Тотемское музейное объединение, Вологодский государственный университет; [редколлегия: Новосёлов А. М. (ответственный редактор) и др. ; составитель и редактор О. В. Полоцкая].– Вологда : Полиграф-Периодика, 2021.– 546 с.: ил.
ISBN

УДК 94(47)
ББК 63.3(2Рос)

ISBN

© МБУК «Тотемское музейное объединение», 2021
© ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», 2021
© Оформление. ООО ПФ «Полиграф-Периодика», 2021

Новосёлов Алексей Михайлович,
директор МБУК «Тотемское музейное объединение»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всероссийская научная конференция «Русский Север: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия» отмечает в 2021 году свой первый маленький юбилей – 5 лет. За минувшее время проект сумел найти своих друзей, единомышленников и меценатов, твёрдо встать на ноги и занять определённую нишу, о которой и мечталось изначально. Речь в данном случае идёт о площадке для научного полилога, посвящённого Тотьме и территориям бывшего Тотемского уезда, т. е. так называемого «Среднего Посухонья».

Так вышло, что эта территория долгое время оставалась несколько обособленной от краеведческих ассоциаций, возникавших в последние десятилетия в сопредельных районах Севера: объединений музеев и краеведов Поважья (Вельск, Шенкурск, Верховажье, Устьяны, отчасти Тарнога), Поюжья (Великий Устюг, Кичменгский Городок, Никольск), «Северного Трёхречья» (Котлас, Сольвычегодск, опять же Великий Устюг). Конечно, связи со многими из перечисленных территорий были крепки, и доводилось принимать участие в целом ряде партнёрских проектов. И всё равно было ощущение, что Тотьме и окрестностям необходим какой-то свой вектор для научного развития: слишком явны культурные особенности региона, имеется богатейшая для исследователя фондовая база Тотемского музейного объединения, созданная нашими предшественниками, наконец, есть мощный административный ресурс учреждения, позволяющий организовывать на нашей базе полновесные научные встречи. В общем, требовалось преломить ситуацию, о которой в предисловии к сборнику конференции «Русский Север-2018» отзывался Михаил Исаевич Мильчик: *«Тотьма – в прошлом центр одного из самых больших уездов Вологодской губернии – до недавнего времени оставалась как будто в тени...»*.

Вместе с тем нам менее всего хотелось придумывать очередные локальные краеведческие чтения и вариться в собственном соку. Задумывая конференцию, мы хотели оценить и понять роль Тотьмы и Тотемского уезда в общекультурном контексте Русского Севера. И более узко, в разных лейттемах: этнографической,

художественной, архитектурной, биографической... Имевшаяся до того возможность увидеть различные территории этого замечательного региона (начиная от вологодско-костромского пограничья и заканчивая Мезенью и Беломорьем), своеобразная «насмотренность» тоже стали неким катализатором к тому, что мы не стали ограничивать круг исследователей, желающих приехать в Тотьму, рамками одного-двух регионов, а исследуемые темы – исключительно Тотемским уездом. В конце концов, мы просто хотели познакомиться и подружиться с людьми, которые заняты одним общим прекрасным делом – изучением истории и культуры Русского Севера.

Мы рассчитывали на этот взаимно полезный диалог, но, наверное, до конца даже не представляли, сколько новой интереснейшей информации о Тотьме, Тотемском районе и многих других территориях Севера он принесёт нам. Оглядываясь назад, можно уверенно сказать: пять (вместе с нынешним) выпущенных сборников «Русский Север» стали если не прорывом, то очень существенным движением вперёд в изучении истории края. Среди наиболее интересных материалов стоит выделить глубокие исследования Марины Черкасовой, Василия Копыткова и Александра Кузнецова, затрагивающие раннюю историю Тотьмы (в том числе весомый труд о тотемской крепости-остроге), обладающие исключительной новизной труды Сергея Гладких об участии тотьмичей в событиях Русско-Японской войны, материалы вологодского историка-архивиста Дмитрия Пшеницына, начавшего наше совместное сотрудничество с отдельных материалов для конференций и в итоге дошедшего до монументального многостраничного труда о Тотемской земле «Солигаличский торговый тракт, или история волости Толшма» (2019). Вызывают несомненный интерес факты об участии тотьмичей в строительстве Новодвинской крепости в Архангельске (автор Игорь Гостев), художнике Феодосии Вахрушове как выдающемся керамисте (Андрей Роденков), архитектурных особенностях барочных храмов и взаимосвязи стилистики разных церквей России с «тотемским барокко» (Марк Головизнин).

При этом особо хочется отметить существенно возросший уровень многих исследований, выполненных сотрудниками Тотемского музейного объединения наравне с учёными, участвующими в мероприятиях конференции. Настоящим открытием стал материал Анатолия Пахнина о судьбе жены тотемского морехода Ивана Кускова Екатерины Прохоровны, в котором было опровергнуто множество спорных суждений об этой женщине и её роли в судьбе

как Кускова, так и основанного им Форта Росс. Ежегодно держит высокую планку докладов Валентина Притчина, чьи доклады об иконописцах и стенописцах Тотемского уезда, а также о судьбах Ф. М. Вахрушова и Н. Л. Дилакторской, отличаются взвешенностью и глубиной. Комплексное исследование тотемской медицины от земского времени до наших дней, фигурирующее фрагментами как в сборниках «Русского Севера», так и в альбомах трилогии «Осколки времени», проводит Светлана Кузнецова. Список можно продолжить.

Исследование фондовых коллекций Тотемского музейного объединения идёт как усилиями тотьмичей, работающих в музее (Мария Правдина, Ирина Савкова, Ольга Полоцкая и др.), так и привлечённых специалистов (Ольга Соколова, Людмила Харебова, Ирина Балашова). Продолжается пополнение музейных коллекций, тесно сопряжённое с появлением новых исследований о тех или иных предметах, сдаваемых в фонд.

Созданные в рамках «Русского Севера» перекрестные связи используются Тотемским музейным объединением в рамках смежных проектов. Так, например, московский музеолог Иван Николаев, впервые побывавший в нашем городе на конференции «Русский Север - 2017», стал автором сайта центра развития музеев малых городов и сёл «Лоция», функционирование которого происходит усилиями ТМО в рамках гранта Благотворительного фонда Владимира Потанина.

О том, как конференция и проходящие в её рамках круглые столы влияют не только на изучение прошлого Тотьмы, но и на происходящее в городе в настоящем, мною уже отмечалось в предисловии к предшествующему сборнику. Замечу лишь, что воплощён в жизнь долгожданный проект реновации набережной Кускова (первая очередь), концепцию которого обсуждали в рамках «Русского Севера - 2019». Выбранное архитектурное решение, как нам кажется, удачно вписалось в исторический облик города, а новые панорамные точки обогатили создающееся от посещения Тотьмы эстетическое впечатление. В рамках конференции 2021 года проводится круглый стол о будущем территории Тотемского солеваренного завода, статья о начале реновации которой публикуется в настоящем сборнике. Будем надеяться, что совместное обсуждение также принесёт плоды.

Особенностью нынешней конференции также будет то, что мы впервые идём на эксперимент и объединяем «Русский Север» с традиционными «Рубцовскими чтениями», история которых

значительно дольше и сложнее. Первым прообразом мероприятия, посвящённого Николаю Рубцову и его творчеству, можно считать ещё проведённый в 1986 году «Праздник поэзии» в Тотьме и селе Никольском, объединивший бывших детдомовцев, товарищей Николая Рубцова, литературоведов, критиков, писателей, простых тотьмичей и никольчан. В дальнейшем «Рубцовские чтения» на тотемской земле получили статус научной конференции и стали проводиться как мероприятие музея. Основными темами обсуждений стали аспекты биографии, особенности творчества Николая Рубцова и сохранение памяти о поэте.

Первые научные чтения состоялись в селе Никольском в январе 2001 года. В числе слушателей тогда была и гражданская жена поэта Генриетта Шамахова (Меньшикова), спустя год ушедшая из жизни. Организаторами мероприятия было принято решение, что «Рубцовские чтения» будут проходить один раз в два-три года. Так и случилось: конференция проходила в 2001, 2003, 2006, 2008, 2011, 2013, 2016 и 2019 годах. По материалам первых и вторых Рубцовских чтений в 2005 году был издан сборник «Исследования о жизни и творчестве Н. М. Рубцова», затем в 2011 году – сборник «Слово о Рубцове» по материалам третьих и четвёртых чтений, и, наконец, сборник «Рубцовские чтения» с докладами конференции - 2011 год спустя. В 2016 году к юбилейным чтениям, посвящённым 85-летию поэта, был выпущен электронный сборник публикаций на диске с присвоением ISBN. Наконец, в 2019 году вновь увидел свет печатный «Рубцовский сборник» с избранными материалами конференций 2013, 2016 и 2019 годов.

Место проведения конференций варьировалось: сначала чтения проводились исключительно в селе Никольском, потом стали проходить в Тотьме с последующим выездом в Николу. Заседания секций в разное время вели наш земляк, директор Института мировой литературы Феликс Кузнецов, вологодский журналист, поэт и начальник департамента культуры Владимир Кудрявцев, председатели Вологодской писательской организации Александр Грязев и Михаил Карачёв, историк Сергей Тихомиров, авторитетные исследователи жизни и творчества поэта Вячеслав Белков и Леонид Вересов, филолог Анастасия Чернова, руководители Тотемского музейного объединения Юлия Ерыкалова и Алексей Новосёлов.

Постоянными участниками стали представители Рубцовских центров, музеев и библиотек Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Емецка, Дзержинска, Сургута, Вологды, Череповца, Бабаево, Биряково. В Тотьму и село Никольское неоднократно

приезжали такие исследователи жизни и творчества поэта, как Юрий Кириенко-Малюгин, Валентина Зинченко, Майя Полетова, Алексей Антуфьев, Наира Переслегина, Владимир Соколов, Валентина Кузнецова, Лариса Тимашова, Любовь Федунова, Тамара Данилова, Алексей Тищенко, супруги Марина и Андрей Кошелевы (впоследствии перебравшиеся на постоянное место жительства в село Никольское) и другие. В числе участников Чтений из-за рубежа были Людмила Беженару, доцент кафедры славистики Ясского университета (Румыния), и Лу Вэнья из КНР, сначала присутствовавшая в качестве аспирантки Пекинского университета иностранных языков, а затем – преподавателя Сычуаньского университета иностранных языков (г. Чунцин). Почетным гостем неоднократно являлась дочь поэта Елена Рубцова.

Надо сказать, что с появлением в 2017 году конференции «Русский Север» творчество Николая Рубцова также являлось темой, без которой данное мероприятие было трудно представить. Это касалось в равной степени как научных заседаний, так и культурной программы. Концертная программа Тотемской ДМШ, посвящённая открытию конференции 2018 года, до сих пор памятна многим, что уж говорить о двух «рубцовских кострах» в заречном бору.

Плодотворная история Рубцовских чтений требовала должного внимания и отношения к мероприятиям юбилейного для Николая Рубцова 2021 года (85 лет со дня рождения и 50 лет со дня трагического ухода из жизни). Изначально планировалось провести два отдельных мероприятия – «Русский Север» и «Рубцовские чтения», тем более что уже имелся позитивный опыт двухгодичной давности. Однако в ход подготовки вмешалось обстоятельство пандемии коронавирусной инфекции, существенным образом повлиявшей как на бюджеты музеев и муниципалитетов, так и на саму возможность проведения массовых мероприятий. Было принято трудное решение объединить два мероприятия в одно – в качестве эксперимента, который может стать как традиционным (в годы проведения «Рубцовских чтений»), так и единичным. Неопределённость ситуации присутствует даже в случае с объединённой встречей на тотемской земле: так, в момент написания этих строк до конца неизвестно, пройдёт мероприятие в запланированные даты марта 2021 года или будет перенесено.

И тем не менее, усилия по пропаганде как общего культурного наследия Тотемской земли, так и творчества Николая Рубцова не пропадают зря – несмотря ни на какие пандемии. 14 января 2021

года стало известно о победе сразу пяти грантовых заявок, поданных от Тотемского района в Фонд президентских грантов, с общим финансированием более 12 миллионов рублей. На эти средства предстоит издать третий том книжной серии «Осколки времени», продолжить работы по реновации территории Тотемского солеваренного завода, провести консервационные работы на объекте культурного наследия – городской церкви Рождества Христова. А главное в контексте проведения «Рубцовских чтений» – будет реализован долгожданный и в какой-то мере выстраданный проект «Деревня непогашенных огней».

В названии проекта – отсылка к одной из наиболее известных строк Н. М. Рубцова из стихотворения «Зимняя песня». Строчка «В этой деревне огни не погашены» часто употребляется общественниками как некий символ того, что на сельских территориях продолжается жизнь, однако мало кто знает, что эти слова написаны о конкретной деревне – Николе (ныне с. Никольское) Тотемского района.

Расположенное на удаленной территории, вдали от крупных городов и от Тотьмы (более 80 км по весьма условным дорогам), Никольское только начинает свое развитие как достопримечательное место. Ведется работа по выявлению и сохранению мемориальных адресов поэта, подана заявка на выявление села как природно-ландшафтного объекта культурного наследия регионального значения. Но пока в Никольском не создан музей-заповедник Николая Рубцова – а это обязательно рано или поздно должно произойти, – важной задачей как музея, так и общественников остается сохранение мемориальности, подлинности «рубцовских» пейзажей, облика домов, которые помнят поэта, чтобы впоследствии не пришлось горевать об утраченном.

Среди предусмотренных проектом активностей – запись аудиогидов по рубцовским местам Тотемского района, их картирование; формирование «Рубцовских экотроп», снабженных информационными стендами, турстоянками, указателями, выполненными в едином стиле; волонтерское приведение в порядок мемориального дома М. И. Богдановой в деревне Аникин Починок; организация масштабного творческого праздника «Рубцовский костер» и эколого-литературного краеведческого лагеря.

Кроме того, проектом подразумевается создание краеведческой базы для дальнейшей работы по формированию музея-заповедника: сбор и систематизация материалов, документов, воспоминаний, связанных с именем Николая Рубцова, оцифровка и

выгрузка собранного в открытый доступ в интернете; проведение научной конференции школьников; издание альбома «Тотемская земля в судьбе и творчестве Николая Рубцова». Надеемся, что ближайший год для всех нас будет плодотворным и позволит существенно продвинуться вперёд в деле изучения биографии Николая Рубцова и пропаганды его творчества.

Тарханы, Спасское-Лутовиново, Карабиха, Ясная Поляна, Константиново – все эти уголки России стали известны широкой общественности благодаря «гениям места» и творцам русского слова, писателям и поэтам. Формирование музея-заповедника, посвящённого Николаю Рубцову, должно стать одной из приоритетных задач в сфере культуры Вологодской области и, шире, всего Русского Севера, всей России. Ведь пока ещё можно увидеть «за огородами, в сумерках полей», как восходит «ярче и полней» звезда Николая Рубцова, погулять «у сгнившей лесной избушки», наблюдая за полетом журавлей и собирая «бруснику, спелую бруснику!...». И хочется верить, что у Никольского есть будущее, что вновь и вновь сюда будут приезжать поклонники творчества поэта, что здесь останутся и будут работать люди увлечённые, влюблённые в свои родные места.

Раздел первый

Н. М. РУБЦОВ: БИОГРАФИЯ, ТВОРЧЕСТВО, ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Пшеницын Дмитрий Александрович,
историк-архивист, действительный член Вологодского Союза писателей-краеведов, руководитель Отдела генеалогических исследований Культурно-исторического центра «Свѣточъ», г. Вологда

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ГЕНЕАЛОГИИ РОДА РУБЦОВЫХ (К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ РОДОВОГО ГНЕЗДА)

В 2021 г. исполнилось бы 85 лет со дня рождения русского национального поэта Николая Михайловича Рубцова (1936–1971), но до сих пор его стихи будоражат умы почитателей. Однако и в настоящее время, несмотря на ряд публикаций в области генеалогии, в т. ч. автора[1], остается ещё много белых пятен в истории старинного Тотемского рода стрелицких крестьян Рубцовых, причём не столь глубоко, как кажется, а касающихся родителей и дедов великого поэта. В продолжение проекта «Биряково – родина предков Николая Михайловича Рубцова», мы рассмотрим некоторые генеалогические аспекты периода истории фамилии Рубцовых из д. Самылково Биряковской волости Вологодской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Ведь до сих пор документально неизвестно, сколько всего же было детей у Андриана Васильевича Рубцова, деда поэта, среди которых является отец Михаил; какова

[1] См.: *Суров М. В.* Рубцов. Факты, воспоминания, посвящения.– Вологда 2011.– С. 367–407; *Пшеницын Д. А.* Николай Михайлович Рубцов. Родословная // Рубцова Г. Б. Под куполом синих небес.– Вологда, 2015.– С. 87–97; *Пшеницын Д. А.* О древних корнях черносошной крестьянской династии Рубцовых XVII – нач. XVIII вв.: [изучение родословной поэта Н. М. Рубцова] / Д. А. Пшеницын // Рубцовский сборник. Судьба и творчество Николая Рубцова в культурном контексте современной России: материалы науч. конф. / Администрация Тотем. муницип. р-на, МБУК «Тотем. муз. об-ние».– Вологда, 2019.– С. 137–142; *Вересов Л. Н.* Михаил Андрианович Рубцов. Документальная история жизни отца поэта Николая Рубцова / Леонид Вересов.– Череповец: Окраина, 2019.

судьба его старших дочерей; каким годом датируется родовой дом Рубцовых и кем он построен.

Для нашего настоящего исследования гораздо упростила бы ситуацию сохранность исповедных ведомостей начала XX в., но их нет (они были уничтожены в советское время), поэтому пришлось задействовать материалы духовного ведомства – консисторские и приходские экземпляры метрических книг Спасо-Преображенской Стрелицкой церкви Тотемского уезда Вологодской епархии. Метрическая книга – документ духовного ведомства для записи актов культовой регистрации, удостоверяющих как естественные события (рождение, бракосочетание, смерть), так и совершение православных таинств (крещение, венчание, погребение) конкретных лиц, в виде хронологических записей в книжной форме, велись в двух экземплярах – консисторские (метрические книги собирались и подшивались за один год со всего уезда) и приходские (в нашем случае, книги выдавались из Тотемского духовного правления или из Вологодской духовной консистории). Первое законодательное оформление практика ведения метрических книг в России получила в решениях Московского церковного собора 1666–1667 гг.

Как известно, что стрелицкий род государственных (черносошных) крестьян Рубцовых происходит из д. Самылково Биряковской волости Тотемского уезда Вологодской губернии (сейчас д. Самылково Биряковского сельского поселения Сокольского района Вологодской области). Деревня издавна относилась к приходу Спасо-Преображенской Стрелицкой церкви, в которой собственно и фиксировались все официальные актовые записи рождения (крещения), брака (венчания), смерти (погребения), поэтому и мы обратимся к ним при изучении данного рода. Стоит отметить, что все даты в метрических книгах до 1 февраля 1918 г. указаны по юлианскому календарю, т. е. по старому стилю.

12 февраля 1888 г. венчались государственный крестьянин из деревни Самылково Биряковского сельского общества Биряковской волости Тотемского уезда Вологодской губернии Андриан Васильевич Рубцов (19.08.1861–1920) и дочь государственного крестьянина из деревни Косово Семеновского сельского общества Биряковской волости Тотемского уезда Вологодской губернии Раиса Николаевна Тюрнина (5.11.1867–1940 или 1942), о чём свидетельствует в части второй о бракосочетавшихся запись № 17 венчания: «*12 февраля 1888 года. Жених – деревни Самылкова крестьянский сын Андриан Васильев Рубцов 26 лет, православного вероисповедания, первым браком, невеста – деревни Косова крестьянская девица*

Раиса Николаева Тюрнина 20 лет, православного вероисповедания, первым браком. Поручителями при венчании были: по жениху – деревни Самылкова отставной рядовой Аполлинарий Ильин Рубцов и Нутренского Николаевского прихода деревни Уваровицы крестьянин Александр Васильев Рубцов, по невесте – деревни Косова крестьянин Михаил Николаев Тюрнин и деревни Михеева крестьянин Николай Аггеев Кандаков. Таинство венчания совершал священник Николай Сперанский с диаконом Евгением Малевинским и псаломщиком Петром Григорьевым»[2].

Благодаря данной актовой записи о бракосочетании автору удалось обнаружить в том же Стрелицком приходе и дату рождения невесты Андриана – Раисы 5 ноября 1867 г., о чём свидетельствует актовая запись № 120: *«5 ноября родилась (12 ноября крещена) 1867 года дочь Раиса. Родители: деревни Косова крестьянин Николай Матфеев Тюрнин и законная жена его Марфа Иванова, оба православного вероисповедания. Восприемницей при крещении была деревни Михеева крестьянская жена Настасья Матфеева Кандакова. Таинство крещения совершал священник Вячеслав Малевинский с пономарем Павлом Поповым»*[3].

В семье Андриана Васильевича и Раисы Николаевны Рубцовых известно в настоящее время, согласно данным автора, о рождении с точными датами всех 9 детей (3-х сыновей и 6 дочерей)[4], поэтому мы, дабы в дальнейшем не было каких-либо разночтений или неточностей, представим все записи в хронологическом порядке из метрических книг части первой о родившихся Спасо-Преображенской Стрелицкой церкви Тотемского уезда Вологодской епархии:

АЛЕКСАНДРА, родилась 28 ноября 1888 г. в д. Самылково, о чём свидетельствует актовая запись № 104: *«28 ноября родилась (4 декабря крещена) 1888 года дочь Александра. Родители: деревни Самылкова крестьянин Андриан Васильев Рубцов и законная жена его Раиса Николаева, оба православного вероисповедания. Восприемницей при крещении была деревни Самылкова крестьянская девица Евгения Васильева Рубцова. Таинство крещения совершал священник Николай Сперанский с псаломщиком Петром Григорьевым»*[5].

---

[2] ГАВО. Ф. 496. Оп. 39. Д. 8. Л. 416 об.– 417.

[3] ГАВО. Ф. 496. Оп. 16. Д. 214в. Л. 1242 об.–1243.

[4] К примеру, исследователь Е. Пажитнов, основываясь на своих данных и сведениях автора (Д. П.), в своей электронной публикации «Родословная поэта Николая Рубцова» отмечает у Андриана и Раисы Рубцовых только лишь о 5 детях (2 сына и 3 дочери). // Портал Проза.ру [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://proza.ru/2016/12/02/1416 (дата обращения: 11.12.2020).

[5] ГАВО. Ф. 496. Оп. 39. Д. 8. Л. 402 об.– 403.

НАДЕЖДА, родилась 13 сентября 1891 г. в д. Самылково, о чём свидетельствует актовая запись: *«13 сентября родилась (15 сентября крещена) 1891 года дочь Надежда. Родители: деревни Самылкова крестьянин Андриан Васильев Рубцов и законная жена его Раиса Николаева, оба православного вероисповедания. Восприемницей при крещении была деревни Самылкова крестьянская вдова Наталия Иванова Рубцова. Таинство крещения совершал священник Вячеслав Малевинский с причтом»*[6].

АННА, родилась 3 апреля 1894 г. в д. Самылково, о чём свидетельствует актовая запись: *«3 апреля родилась (9 апреля крещена) 1894 года дочь Анна. Родители: деревни Самылкова крестьянин Андриан Васильев Рубцов и законная жена его Раиса Николаева, оба православного вероисповедания. Восприемницей при крещении была деревни Самылкова крестьянская жена Сепфора Михайлова Рубцова. Таинство крещения совершал священник Вячеслав Малевинский с причтом»*[7].

ПАВЛА, родилась 9 августа 1896 г. в д. Самылково, о чём свидетельствует актовая запись: *«9 августа родилась (11 августа крещена) 1896 года дочь Павла. Родители: деревни Самылкова крестьянин Андриан Васильев Рубцов и законная жена его Раиса Николаева, оба православного вероисповедания. Восприемницей при крещении была деревни Самылкова крестьянская дочь Евгения Васильева Рубцова. Таинство крещения совершал священник Вячеслав Малевинский с причтом»*[8].

МИХАИЛ (отец поэта), родился 12 сентября 1899 г. в д. Самылково, о чём свидетельствует актовая запись: *«12 сентября родился (19 сентября крещен) 1899 года сын Михаил. Родители: деревни Самылкова крестьянин Андриан Васильев Рубцов и законная жена его Раиса Николаева, оба православного вероисповедания. Восприемником при крещении был деревни Косова крестьянин Маркелл Николаев Тюрнин. Таинство крещения совершал священник Феодосий Малевинский с диаконом Павлом Поповым»*[9].

НИКОЛАЙ, родился 28 апреля 1903 г. в д. Самылково, о чём свидетельствует актовая запись: *«28 апреля родился (1 мая крещен) 1903 года сын Николай. Родители: деревни Самылкова крестьянин Андриан Васильев Рубцов и законная жена его Раиса Николаева, оба православного вероисповедания. Восприемником при крещении был*

---

[6] ГАВО. Ф. 496. Оп. 16. Д. 336. Л. 905 об.– 906.
[7] ГАВО. Ф. 496. Оп. 16. Д. 347. Л. 550 об.– 551.
[8] ГАВО. Ф. 496. Оп. 16. Д. 354. Л. 209 об.– 210.
[9] ГАВО. Ф. 496. Оп. 16. Д. 366. Л. 829 об– 830.

деревни Самылкова крестьянин Николай Александров Рубцов. Таинство крещения совершал священник Феодосий Евгеньев Малевинский с причтом»[10].

ВЛАДИМИР, родился 22 апреля 1906 г. в д. Самылково, о чём свидетельствует актовая запись № 43: *«22 апреля родился (23 апреля крещен) 1906 года сын Владимир. Родители: деревни Самылкова крестьянин Адриан Васильев Рубцов и законная жена его Раиса Николаева, оба православного вероисповедания. Восприемником при крещении был деревни Самылкова крестьянин Анемподист Александров Рубцов. Таинство крещения совершал священник Феодосий Евгеньев Малевинский с псаломщиком Николаем Суворовым»*[11].

АЛЕКСАНДРА (сестра-близнец Владимира), родилась 22 апреля 1906 г. в д. Самылково, о чём свидетельствует актовая запись № 52: *«22 апреля родилась (23 апреля крещена) 1906 года дочь Александра. Родители: деревни Самылкова крестьянин Адриан Васильев Рубцов и законная жена его Раиса Николаева, оба православного вероисповедания. Восприемницей при крещении была деревни Самылкова крестьянская дочь Павла Андрианова Рубцова. Таинство крещения совершал священник Феодосий Евгеньев Малевинский с псаломщиком Николаем Суворовым»*[12].

СОФИЯ, родилась 7 декабря 1910 г. в д. Самылково, о чём свидетельствует актовая запись: *«7 декабря родилась (12 декабря крещена) 1910 года дочь София. Родители: деревни Самылкова крестьянин Андриан Васильев Рубцов и законная жена его Раиса Николаева, оба православного вероисповедания. Восприемницей при крещении была деревни Самылкова крестьянская дочь Анна Адрианова Рубцова. Таинство крещения совершал священник Феодосий Евгеньев Малевинский с причтом»*[13].

Затем в списке членов общины Стрелицкой Спасо-Преображенской церкви Тотемского уезда Биряковской волости за 1925 г. находим такой состав семьи умершего крестьянина Андриана Рубцова:

Деревни **Самылкова**:

Глава – Рубцов Михаил Андриянов, 26 лет, **средняк**, крестьянин, грамотный

Рубцова Раиса Николаева, 61 года

---

[10] ГАВО. Ф. 496. Оп. 57. Д. 6. Л. 732 об.– 733.

[11] ГАВО. Ф. 496. Оп. 57. Д. 20. Л. 946 об.– 947.

[12] Там же. С. 946 об.– 947.

[13] ГАВО. Ф. 496. Оп. 57. Д. 65. Л. 470 об.– 471. Примечание: в метрической книге стоит запись о выдаче свидетельства о рождении 6 сентября 1972 г.– *Авт.*

Родовой дом Рубцовых

Рубцова Александра Михайлова, 25 лет, грамотная
Рубцов Николай Андриянов, 21 года, грамотный
Рубцова Александра Андриянова, 17 лет, грамотная
Рубцова София Андриянова, 13 лет, грамотная
Рубцова Надежда Михайлова, 3 лет[14].

Из данной записи выясняется, что главой семьи был женатый Михаил, с ним же проживала мать его вдова Раиса Николаевна, а также 2 младшие сестры – Александра и София, жена Михаила – Александра Михайловна и дочь их Надежда.

На основе вышеприведенных данных можно сделать смелое предположение, что перевезенный из д. Самылково дом – родовое гнездо Рубцовых, который в настоящее время находится в с. Бирякове Сокольского района, ранее в нём располагалась с конца 1950-х гг. Биряковская автобусная станция, где сейчас создается усилиями Алексея Константиновича Задумкина с командой музей «Дом у дороги» (Родовой дом Рубцовых), построен, по нашему мнению, в **1886/87 г**.

[14] ГАВО. Ф. 53. Оп. 2. Д. 796. Л. 89 об.

Тому имеются следующие доводы: купленный в 1930 г. дом в Самылкове, в котором впоследствии размещалась автостанция, уже был старым, т.е. выдвигавшуюся ранее гипотезу о датировке 1922–1929 гг. можно сразу отбросить, т. к. она не выдерживает критики, ибо в 1920 г. умирает Андриан, где полноправным наследником становится Михаил вместе с матерью вдовой Раисой Николаевной, поэтому не имело смысла строить новый дом, а жить в родовом семейном гнезде, да и к тому же советская власть убила в русском крестьянстве самостоятельность и ведение крепкого хозяйства. Как известно, в царской России в крестьянской среде, где практиковались традиционные устои, молодым людям, вступающим в брак, родственники всем миром помогали («помочи») заранее устроить быт (построить дом, приобрести скот, дать земельный надел и проч.). В личном архиве автора имеются данные, когда первенец, к примеру, родился в 1875 г., а отцовский дом, согласно данным похозяйственных книг 1949–1951 гг., где он затем проживает, построен в 1873 г., или, человек родился в 1885 г., а дом, согласно тем же данным 1949–1951 гг., поставлен в 1883 г. и т. д.

В нашем же случае, вероятно, Андриан Рубцов познакомился с будущей невестой из соседней деревни Косово Раисой Тюрниной, когда ей было 18–19 лет, и тогда же возник сам собою вопрос о женитьбе, тем более жених уже «перезрел», но с условием, что построит свой собственный дом, где и будет жить молодая семья. На том, видимо, и решили: Андриан, у которого были 3 брата да 2 дяди, помогли выстроить в 1886/87 г. новый просторный двухэтажный дом-исполин, куда впоследствии он и заехал после венчания 12 февраля 1888 г. с молодой невестой, а вскоре спустя 9 месяцев у них 28 ноября 1888 г. рождается первенец – дочь Александра; она выдана 28 февраля 1907 г. замуж за крестьянина из д. Следова Биряковской волости Василия Алексеевича Уханова и у них рождаются дети: Виталий, 1908 г. р., Михаил, 1913 г. р., Павла, 1910 г. р., Надежда, 1916 г. р., Августа, 1919 г. р., Анна, 1924 г. р.[15] Затем, в семье Андриана и Раисы Рубцовых 13 сентября 1891 г. рождается и вторая дочь, нареченная Надеждой; она выходит 19 февраля 1910 г. замуж за крестьянина из д. Арганово Биряковской волости Николая Александровича Шунина. Ну а далее об изучаемой семье Андриана и Раисы Рубцовых нам известно *(см.*

[15] ГАВО. Ф. 53. Оп. 2. Д. 796. Л. 21 об.

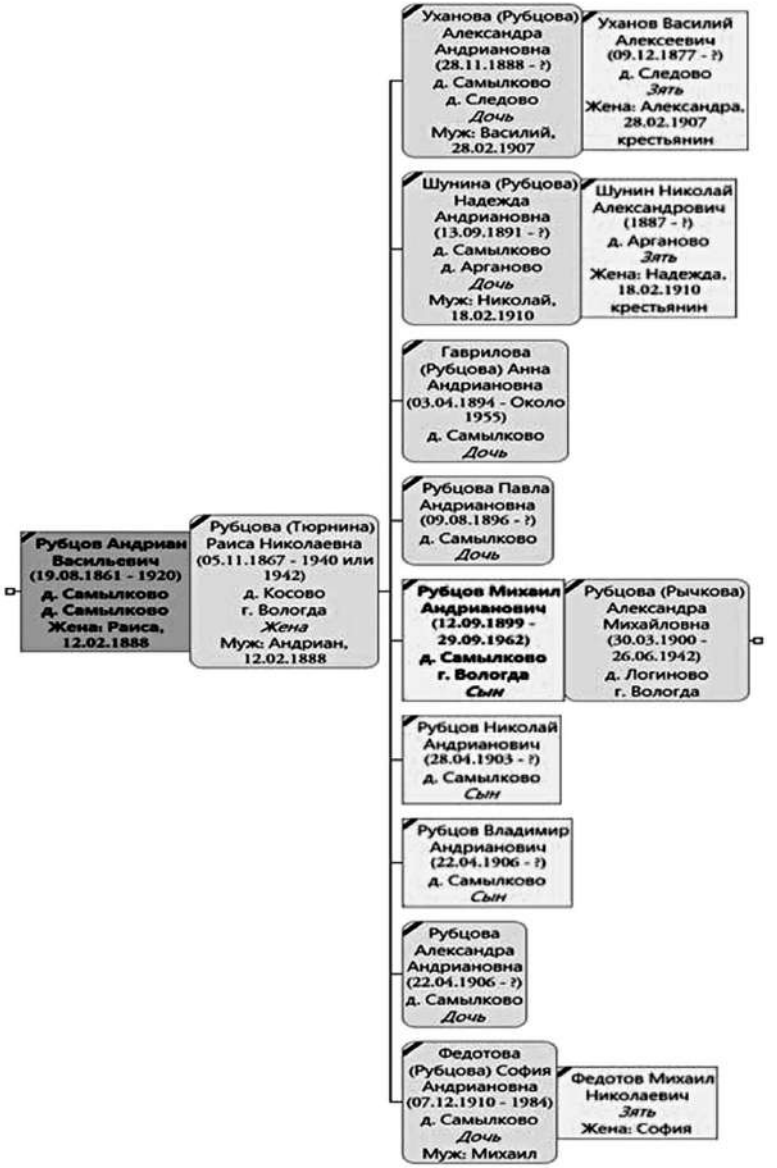
выше): возраст вступающих в брак составил 26 и 20 лет, период рождения детей составил 22 года (с 1888 по 1910 гг.), количество детей – 9 (3 мальчика и 6 девочек), средний интергенетический интервал рождаемости был 2–4 года, что было характерно для традиционной модели демографического воспроизводства и поведения (1888–1891–1894–1896–1899–1903–1906 (двойня) – 1910). Отсюда следует, что для рождения в семье Андриана Рубцова детей была создана благополучная и благоприятная среда, а именно: наличие своего большого двухэтажного собственного дома, крестьянского хозяйства и земельного надела. Да и к тому же имеются данные (воспоминания мамы поэта А. М. Рубцовой *«Но чудом сохранился дом её семьи в с. Бирякове...»*, записки А. П. Смолина из книги Л. Н. Вересова *«насмотревшись ужасов Гражданской войны, Михаил Андрианович вернулся в родовой дом в Самылкове»*[16]), проливающие свет, что это был именно родовой дом семьи Рубцовых, который построил сам Андриан с помощью родственников и односельчан.

Таким образом, мы попытались приоткрыть ещё одну тайну, используя архивные данные, показать, обосновать и доказать, что дом *(см. ниже)*, в котором родился и вырос отец поэта – Михаил Андрианович, является родовым гнездом, построен предположительно, по нашему мнению, в 1886/87 г. дедом А. В. Рубцовым, род которого происходит из старинной стрелицкой династии черносошных крестьян Рубцовых, обосновавшихся изначально в д. Кульсиево, а затем перебравшихся в д. Самылково, где они и проживали на протяжении столетий. Также нам удалось установить, что в семье Андриана известно о рождении в семье не 3 и даже не 5, а 9 детей, из них 3 мальчика и 6 девочек *(см. ниже схему)*. Впервые автором обнаружено и рождение бабки поэта – Раисы Николаевны Тюрниной, 5 ноября 1867 г. и прослежена судьба старших дочерей Андриана – Александры и Надежды. Все эти новые открытия в области генеалогии стрелицкой династии крестьян Рубцовых дают стимул для дальнейших исследовательских поисков.

---

[16] Вересов Л. Н. Михаил Андрианович Рубцов. Документальная история жизни отца поэта Николая Рубцова.– Череповец: Окраина, 2019. С. 91.

XI–XII ПОКОЛЕНИЯ (ОТ ИВАНА КУНАШИНА). РУБЦОВЫ: АНДРИАН ВАСИЛЬЕВИЧ И РАИСА НИКОЛАЕВНА РУБЦОВЫ И ИХ ДЕТИ

Вересов Леонид Николаевич,
член Союза писателей России, зам. председателя
РОО «Вологодский Союз писателей-краеведов»,
г. Череповец, Вологодская область

НЕИЗВЕСТНЫЕ И ЗАБЫТЫЕ ЭПИЗОДЫ ТОТЕМСКОЙ ОДИССЕИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Эта исследовательская работа уточняющего характера дополняет три наших статьи, которые отмечены в примечаниях. В ней мы постараемся ответить на вопросы о причинах ухода Николая Рубцова из Тотемского лесотехнического техникума, но предварительно затронем тему юношеской любви поэта, вернее, сравним воспоминания о ней. Как известно, Татьяна Ивановна Агафонова (Решетова) благодаря своим воспоминаниям создала вроде бы непробиваемую оборону, представляя дело, касающееся чувств, так, как ей бы хотелось, и заставила поверить в их правдивость многих исследователей[17].

Не будем говорить сегодня о всех эпизодах воспоминаний предмета воздыханий юного Николая Рубцова, об этом мы уже писали[18].

---

[17] Т. И. Решетова «...Сколько лет пронеслось...». Газета «Вологодский комсомолец» 19 июля 1991 года. Перепечатка материала в книге «Воспоминания о Николае Рубцове» т. 2. Вологда. 1994.

Т. И. Решетова «Я ещё, слава богу, жива...» Предисловие. Статья «И юность, и плач радиолы...». Журнал «Пятницкий бульвар» № 5, 6, 7, 8. 2006 год.

Т. И. Решетова «...Сколько лет пронеслось...». «...Как будто вечен час прощальный...». Вологда. 2013.

Николай Красильников «Жизнь меня по Северу носила и по рынкам знойного Чор-су». Ташкентская эпопея Николая Рубцова. Газета «Русский Север» 23–29 мая 2007 года, стр. 11. Перепечатка под названием «Открывая всей земли красу» в газете «Российский писатель» № 9–10 май 2008 года и др.

А. В. Быков «И золотое имя Таня...» Повесть о первой любви поэта Николая Рубцова. Вологда. 2009.

В. И. Аринин «Первая любовь поэта». Газета «Красный Север» 15, 29 июля 2006 года.

Е. Гусев «Первая любовь поэта». Газета «Ярославская культура» № 1 (26) 2007 год.

Полина Краснова «Повесть о первой любви». Журнал «Пятницкий бульвар» № 12, 2005 год, № 1, 2, 2006 год.

М. А. Полётова «Душа хранит: Николай Рубцов. Малоизвестные страницы биографии». М., 2009. Глава «Первая любовь Николая Рубцова».

[18] Л. Н. Вересов «Рыбацкая юность поэта Николая Рубцова». В книге «Из души живые звуки. Поэт Н. М. Рубцов: жизнь и творчество».

Л. Н. Вересов «Поездка Николая Рубцова в Ташкент: миф или реальность. Документальное исследование темы». В книге «Судьбу мою я ветру доверяю...» Вологда. 2020.

Л. Н. Вересов «Улика из прошлого или надо ли вносить коррективы в биографию великого поэта Н. М. Рубцова?». В книге «Судьбу мою я ветру доверяю...». Вологда. 2020.

Но вернёмся в начало отношений студента лесотехнического техникума и будущей учительницы начальных классов, а пока учащейся педучилища города Тотьмы. Даже не будем брать в расчёт воспоминания Татьяны Ивановны в журналах и газетах, где много противоречий. Процитируем её главный обобщающий труд, книгу «...Сколько лет пронеслось...» с надеждой всё же найти истину.

Выдержки из книги касаются только интересующих нас 1951–1952 годов и подводят к одной из причин оставления Николаем Рубцовым лесотехнического техникума. Делать выводы предоставим читателям, занимаясь этим вопросом не для уличения кого бы то ни было, но во имя биографической правды в рубцововедении. Итак, цитаты книги Татьяны Решетовой с указанием страниц.

«...В 1952 году Коля уехал из Тотьмы, потому что не захотел учиться в лесном техникуме и, может, потому, что не смог тогда добиться внимания любимой девушки»[19] (стр. 55, надо бы много чего цитировать из неё, например, о единственном их свидании на берегу Сухоны в 1954 году, но, кто захочет разобраться, найдите книгу.– *Л. В.*). *«Тотьма. Первая встреча, декабрь 1952 (исправлено – 1951) года. В таком возрасте Н. Рубцов увидел меня в лесном техникуме на танцах...».*[20] *«В ту зиму 1952 года часто бывал он со своим другом Валей Борзениным в общежитии педучилища. Коля настойчиво добивался моего внимания, но безуспешно. Весной я получила от него открытку, на обратной стороне которой были написаны стихи, я поняла, что это его стихи. Но такие обидные для меня, злые. Он не жалел ядовитых эпитетов, характеризуя меня, называл гордой, самовлюблённой, вздорной, высокомерной. Резкие очень стихи были. Мне показалось, что Николай не справедлив ко мне, и в гневе я тут же порвала открытку. Теперь я уже демонстративно не замечала Колю. Да вскоре и он перестал появляться в нашем общежитии. Слышала, что не стал учиться в техникуме и уехал из Тотьмы. Это было весной 1952 года. Потом были письма, фотографии, признания в любви...».*[21] *«...И самая главная черта, которую я заметила: настойчивость в достижении цели. Год ухаживал за мной безрезультатно. Я не обратила на него внимания. Потом два года переписки, потом снова приехал в 1954 году в Тотьму, когда заканчивала педучили-*

[19] Решетова Т. И. «...Сколько лет пронеслось...». «...Как будто вечен час прощальный...»: литературно-критические, исследовательские работы, стихотворения, черновики, автографы, письма, проза / Татьяна Решетова; [сост.: Т. Ю. Краснова; ред.: Т. Г. Короткова].– Вологда: Полиграф-Книга, 2013. С. 55.

[20] Там же. С. 56.

[21] Там же. С. 58.

Коллектив преподавателей Тотемского лесотехникума. Тотьма, август 1960 г.

ще...».[22] Даже в этих отрывках какие-то нестыковки. Рубцов, только и думающий о Татьяне, а она даже надежды ему не даёт и вдруг два года переписки... С чего это? Но давайте приведём цитаты из других, тоже опубликованных, воспоминаний, на которые внимание не обращается. А между тем сама Т. И. Агафонова (Решетова) признаётся, что их автор М. Е. Бугримова (Дружининская) была её подругой. Воспоминания опубликованы в журнале «Автограф».[23]

Мы возьмём только фрагменты, которые показались наиболее показательными для нашей статьи. «*Николай Рубцов в юности, когда я училась в Тотемском педучилище, дружил одно время с моей подругой Таней Агафоновой (Решетовой)... Несколько раз с*

[22] Решетова Т. И. «...Сколько лет пронеслось...». «...Как будто вечен час прощальный...»: литературно-критические, исследовательские работы, стихотворения, черновики, автографы, письма, проза / Татьяна Решетова; [сост.: Т. Ю. Краснова; ред.: Т. Г. Короткова].– Вологда: Полиграф-Книга, 2013. С. 82.

[23] Автограф: литературно-художественный журнал. Вып. № 21.– Вологда, 2002. С. 12–13.

Таней захаживал он в наш дом на улице Горького, 4, который находился напротив общежития педучилища, где жила Таня. Однажды пришли они с гармошкой к нам на крыльцо, и Николай заиграл, напевая юморную песенку «Старушка не спеша дорожку перешла. Её остановил милицанер...». А потом мы зашли к нам есть окрошку с горячей картошкой. Квас из хлеба всегда делала моя мама. Заходили на окрошку и мои однокурсницы Шура Бойко, Галя Селивановская, Шура Борзенина – сестра Вали Борзенина, друга Рубцова. Валя был приятелем и моему брату Кузьме, тоже студенту лесного техникума. Незабываемые вечера и танцы в лесотехникуме! Учились там и девочки, которые очень не хотели пускать нас к ним, как соперниц. Дежурства были на вечерах строгие, пропускали нас через знакомых парней, братьев, а то и не пройдёшь. Без туфель на танцы не пускали... Часто играл духовой оркестр из числа студентов. В перерыве играла гармошка, нередко гармонистом был и Коля Рубцов. Во время танцев он всегда мило улыбался, любил подшутить, подтрунить... Особенно модны были танцы с «отхлопом» – отнимали партнёршу друг у друга. С танцев возвращались с песнями, настроение всегда было хорошее. Обувь обычно несли кавалеры. Однажды шли мы четверо – Таня с Колей, я с Павлом Бортом. И он мою туфельку потерял. Рубцов предложил дать объявление по радио, и назавтра её принесли. Чудная, незабываемая пора юности, радостная, хотя бывали и огорчения. Ссорились тогда по пустякам, ревновали друг к другу, но не завистничали никогда. Татьяну я нашла много лет спустя. Она тоже помнит свою юность и первую любовь...».

Итак, Мария Дружининская вспомнила об интересующем нас периоде много больше, чем Татьяна Агафонова. В этих воспоминаниях ещё один рубцовский адрес в Тотьме, конкретные отношения поэта с её жителями, имена друзей Николая той поры, описание бытовых подробностей.

Но самое важное, что вытекает из её воспоминаний, то, что отношения Тани и Коли были довольно близкими, поэтому кто-то показал характер, а кто-то написал едкие стихи. Были причины и ревновать, и потом писать письма. А судя по воспоминаниям Татьяны, ничего такого вроде бы и не было, один раз проводил и то шёл далеко позади девушки. Опять эти девичьи тайны, обиды, недоговорённости. Но зачем лукавить? Может, это в характере Татьяны Агафоновой, а может, не о Коле Рубцове были её думы? А тут всё так подвернулось, что он знаменит, а она была предметом его обожания. Пусть ничего нет – ни писем, ни фотографий, но можно же постараться выстроить историю их взаимоотношений, случайных встреч...

Вот как сама Татьяна Ивановна сетует на странице 34 своей книги: *«Ведь сколько неправды, искаженных фактов о нашем знакомстве с Рубцовым было опубликовано...»*[24]. Но виновата в большей степени ни фантазия исследователей, а недоговорённость и непоследовательность самой Агафоновой (Решетовой в замужестве). Или вот ещё на странице 98: *«Можно бы обо всём и не писать, но что делать, всё написано...»*[25]. И опять лукавство, такие документы, как воспоминания М. Е. Бугримовой или письмо Валентина Борзенина 1954 года, топят все россказни и слова Т. И. Агафоновой о знакомстве с Николаем Рубцовым, переводя то, что романтизировано ею, в суровую правду жизни.

Да, не везло поэту Рубцову с женщинами. Прав он был, самолюбивыми были почти все встреченные им дамы, оставившие в его жизни след. И сейчас продолжается вакханалия воздыханий о поэте представительниц противоположного пола, считающих, что уж с ней-то поэт был бы счастлив. А на деле ни одна не смогла дать ему его, и было у Н. М. Рубцова только счастье творчества. Что упорно скрывает Т. И. Агафонова, несколько запутавшись в воспоминаниях? Может, это и не наше дело и имеет она на это право. Но и мы имеем право подвергать сомнению ценность воспоминаний, градус их правды, если не чувствуем искренности...

Ну а теперь, после половины материала, которую условно назвал бы «Как туфелька тотемской принцессы не стала началом сказочной истории любви», попытаемся разобраться, почему же Николай Рубцов покинул Тотьму в том же 1952 году. Ответ вроде бы дала сама Т. И. Агафонова: не добившись взаимности от своей девушки. Но только ли это было причиной и поводом для такого решительного шага будущего поэта, как расставание с лесотехникумом, в котором всё вроде бы складывалось более чем удачно с учёбой, бытом, жизненной перспективой? Попробуем разобраться.

Последний приказ по техникуму, в котором есть фамилия Рубцова, датирован 7 августа 1952 года и подписан директором Сумароковым Н. Н.

Процитируем статью В. А. Притчиной: *«Учащихся, показавших крайне низкую успеваемость, слабую подготовку и нежелание учиться из числа учащихся техникума исключить...». Тринадцатым в списке идёт Николай Рубцов. Можно предположить, что Николай Рубцов*

---

[24] Решетова Т. И.. «...Сколько лет пронеслось...». «...Как будто вечен час прощальный...»: литературно-критические, исследовательские работы, стихотворения, черновики, автографы, письма, проза / Татьяна Решетова; [сост.: Т. Ю. Краснова; ред.: Т. Г. Короткова].– Вологда: Полиграф-Книга, 2013. С. 34.

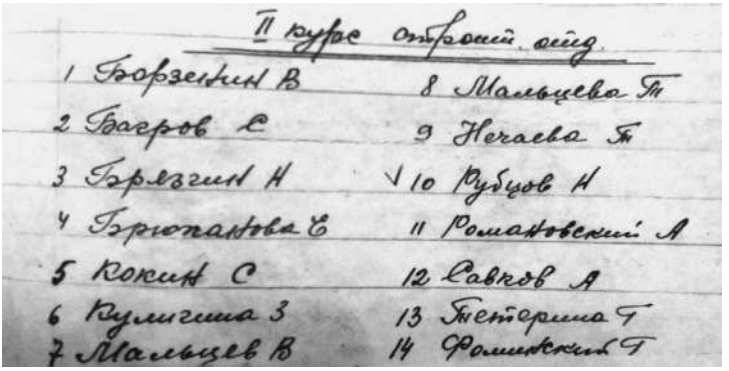
[25] Там же. С. 98.

весной 1952 года уехал из Тотьмы, не взяв документов из техникума, так как ехал в неизвестность и, может быть, в случае чего предполагал вернуться. Но поскольку он не вернулся, из числа студентов его исключили»[26]. Об этом же говорят и воспоминания.

А. А. Перцев пишет в письме Шананиной М. А. (2005 г.), что Рубцов уехал из техникума в конце июня 1952 года. Получил паспорт, и перед ним открылись другие дороги.[27]

Н. Н. Алексеевская, преподаватель математики в лесотехническом техникуме, в своих воспоминаниях писала: *«Весной 1952 года я зашла в канцелярию учебной части. Около стола секретаря стоял Рубцов. Он обернулся и сказал: «Вот, уезжаю...».* Но если Николай ушёл из техникума ещё весной, то почему приказ об исключении подписан только 7 августа. По-видимому, лишь к этому времени администрация техникума удостоверилась в том, кто из учащихся точно не будет учиться дальше, и закрепила этот факт в приказе.

Но есть и другие приказы о том, что учёба и поведение студента Рубцова были успешны, более того, пока в техникуме преподавались общеобразовательные предметы, учился Николай Рубцов хорошо и охотно. Приказ о зачислении Рубцова Николая на отделение строительства и эксплуатации лесовозных дорог в пункте втором гласил, что *«Товарищей Рубцова Николая и Фоминских Германа, получивших на приёмных испытаниях 75% отличных и 25% хороших оценок, с 1 сентября 1950 года зачислить на повышен-*

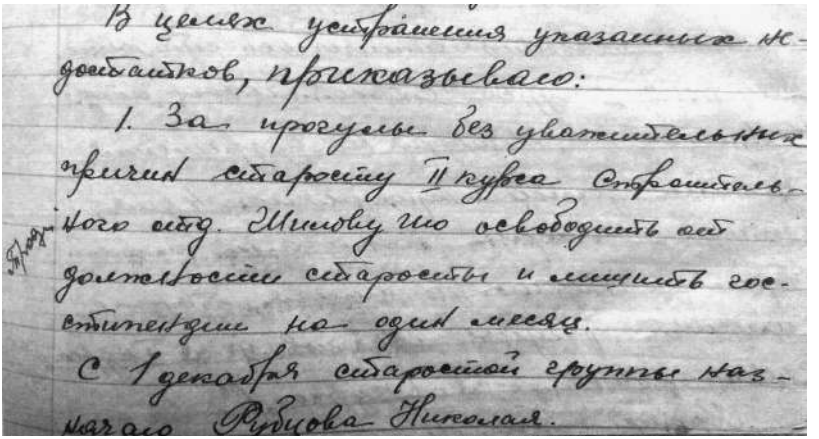

II курс строительный отд.

1 Борзенин В
2 Багров С
3 Брезгин Н
4 Брюханова Е
5 Кокин С
6 Кулигина З
7 Мальцев В
8 Мальцева Т
9 Нечаева Т
10 Рубцов Н
11 Романовский А
12 Савков А
13 Пестерина Т
14 Фоминский Г

Приказ о зачислении Н. М. Рубцова на II курс строительного отделения Тотемского лесотехникума

[26] Притчина В. А. Студент из Тотьмы Николай Рубцов. // Литературные традиции Русского Севера.– Вологда, 2008. С. 264.

[27] Полётова М. А. Душа хранит...: Николай Рубцов: малоизвестные страницы биографии.– М.: Молодая гвардия, 2009. С. 44.

В целях устранения указанных недостатков, приказываю:
1. За прогулы без уважительных причин старосту II курса Строительного отд. Жилову Ию освободить от должности старосты и лишить стипендии на один месяц.
С 1 декабря старостой группы назначаю Рубцова Николая.

Приказ о назначении Н. М. Рубцова старостой группы

ную стипендию». Приказ № 90 по Тотемскому лесотехническому техникуму от 7 октября 1950 года в пункте первом гласил, что *«На основании представленных документов, подтверждающих право на освобождение от платы за обучение, нижеперечисленных учащихся освободить от платы за обучение в 1950–1951 году, 1 курс строительного отделения: 1. Рубцов Николай 2. Гладковский Александр 3. Черницын А. Н. 4. Фоминский Г.»*. Таким образом государство заботилось о студентах со сложной жизненной ситуацией. Вот новый приказ по отделению, по нему с первого курса на второй переводятся: 1. Борзенин Валентин 2. Багров Сергей 16. Рубцов Николай. Более того, в следующем приказе по техникуму: *«с 1 декабря 1951 года Рубцов Николай назначается старостой группы»*, а это доверие и ответственность.

Приведём малоизвестные воспоминания В. Упадышева о студенческих годах Николая Рубцова. *«Это был тихий, открытый добру парнишка, который в ту пору жил в Тотьме. Держался он возле рослых и крепких ребят. Был исключительно впечатлительным, краснел, если слышал бранные слова. Поход в кино был для нас праздником. Помню, он мастерски подклеивал «контрольки» к использованным билетам, по которым сам проходил на сеанс и проводил товарищей. А потом неожиданно для всех он бросил техникум и укатил в Архангельск, искать морской доли»*.[28]

[28] Упадышев В. Воспоминания. // Звезда полей. Собрание сочинений Н. М. Рубцова в I томе.– М.: Воскресение, 1999. С. 560.

Для большинства знавших Николая в ту пору его поступки были неожиданными. Так, предпоследний приказ по техникуму, где упоминается имя Рубцова, относится к 22 апреля 1952 года. В весенний день 21 апреля учащиеся второго курса строительного отделения (среди них и Рубцов) открыли окно аудитории № 2 и ходили по карнизу главного корпуса до 4-й аудитории и соответственно получили выговоры. Об этом эпизоде хорошо написано в воспоминаниях участника событий писателя С. П. Багрова. Обратимся ещё раз к работе В. А. Притчиной, в которой приводятся важные воспоминания преподавателей техникума.

«...Нина Алексеевна Алексеевская, учитель математики, помнит его весёлым, смелым в разговоре с кем бы то ни было, иногда задиристым, самолюбивым.

Математические способности у него были хорошие. Но учился он только на «хорошо», а мне казалось, что он мог бы учиться на «отлично». Я решила поговорить с ним.

В ответ на вопрос, что ему мешает, он сказал, что математику дома он совсем не учит, он помнит всё, что было на уроке.

– По-видимому, этого недостаточно?

– Мне математика не нужна.

Я попыталась доказать, что математика нужна, что она потребуется уже на втором курсе при изучении общетехнических дисциплин.

– Я в техникуме учиться не буду, я буду моряком.

Когда я сказала, что и моряку нужна математика, он ответил, что будет «совсем простым моряком». Говорил он спокойно, но достаточно решительно. Видно было, что всё у него основательно продумано и решено. Экзамен по математике за первый курс он сдал на «хорошо»...

...Преподаватель литературы Анна Феодосьевна Корюкина вспоминает, что «зимой Николай Рубцов носил свои тетрадки в голенищах серых валенок,– очень любил, когда в ближайших деревнях топили бани, видимо, они напоминали ему деревню Николу. Все ждал, когда исполнится ему шестнадцать лет, чтобы уехать на море.

– Там, в море – волны и ребята смелые,– говорил Рубцов.

По мнению Анны Феодосьевны, Николай Рубцов в техникуме жил безбедно, сиротам выдавали бесплатные талоны на питание в столовой. Иногда ребята просили Николая продать их».

В том и другом воспоминаниях мечта о море учащегося Николая Рубцова ярко выражена. К тому же надо напомнить, что неудачная попытка поступления в рижскую мореходку в 1950 году у него уже была.

С. П. Багров вспоминал в разговорах, что Николай ждал только паспорта, чтобы уехать из Тотьмы, переменился по отношению к учёбе, стал пропускать занятия. Возможно, ему не нравились и строгие порядки в лесотехническом техникуме, о которых пишет, анализируя приказы, В. А. Притчина.[29] К тому же в техникуме начались специальные предметы, которые совершенно не увлекали будущего поэта, и он охладел к получению специальности, которая явно не была целью жизни.

Возле здания техникума

Итак, из-за всех вышеперечисленных причин Рубцов бросил техникум, едва закончив второй курс. Но почему так внезапно и неожиданно, что всегда вызывало недоумение исследователей? Возможно, даже не сдав экзамены за второй курс? Ведь был на хорошем счету, старостой группы, с повышенной стипендией, не бедствовал, имел хорошие перспективы в получении профессии. Видимо, нужен был ещё повод, который бы не оставил сомнений в выбранном шаге. И вот такой повод нашёлся в воспоминаниях брата Валентина Борзенина.

Но прежде чем говорить о воспоминаниях Василия Ильича Борзенина, хочется выразить благодарность членам большого семейства Борзениных. Василию, брату Валентина, Марине Шаровой,

---

[29] Притчина В. А. Документы свидетельствуют (по материалам Архивного отдела администрации Тотемского муниципального района). // Рубцовские чтения. Материалы научно-практической конференции. Тотьма – Никольское, 2012. С. 79–89.

Общежитие Тотемского лесотехнического техникума. 1958 год

племяннице Валентина Борзенина и, особенно, доброму ангелу моих некоторых работ Валентине Яковлевой, жительнице Тотьмы, которая хорошо знала семью Борзениных.

Ну, а о семье этой надо рассказать особо. У Ильи Арсентьевича и Клавдии Николаевны Борзениных, живших в Тотьме, было семеро детей (две девочки и пять мальчиков). Илья Арсентьевич преподавал в Тотемском лесотехническом техникуме предмет тяговые машины и механизмы. (Правда, по другим сведениям, лесоведение и механику.– *Л. В.*). Это позволяло его супруге говаривать своим товаркам, что она женщина не простая, а инженерша. Судьба свела их сына Валентина с Николаем Рубцовым. Они учились вместе на отделении строительства и эксплуатации лесовозных дорог и, по воспоминаниям Марины Шаровой, не раз заходили в гости к родителям Валентина.

Итак, о том, что послужило поводом к оставлению Николаем Рубцовым техникума, рассказывает Василий Ильич Борзенин, который большую часть жизни тоже был моряком в Архангельске (друг Николая Рубцова Валентин Борзенин умер по одним данным в 1992 году, по другим в 1995 году.– *Л. В.*). *«В техникуме в мае 1952 года был то ли вечер отдыха, то ли выпускной. Возможно, не всех*

пускали на него. Но факт, что Николай Рубцов и Валентин Борзенин сорвали пломбу с пенного огнетушителя и облили из него директора Н. Н. Сумарокова. Нарочно это было сделано или случайно, сейчас трудно разобраться. Но оскорбление директора было налицо. Видимо, чтобы замять инцидент, ребятам было предложено покинуть техникум по своей воле. С извинениями или нет с их стороны, но им пришлось уходить. Вероятно, с юношей было взято слово, что они будут держать язык за зубами, а то уйти можно было и поплохому».

Тот факт, что даже Сергей Багров ничего не знал об этом случае, говорит о многом. А может быть, Николаю только этого толчка для ухода и не хватало? Оскорбление директора – серьёзный проступок, вполне годный для отчисления без объяснения причин.

Но если с Николаем Рубцовым всё более-менее ясно, то как же обстояло дело с Валентином Борзениным? Его отец преподавал в техникуме и мог вероятно поручиться за сына и отстоять его пребывание перед директором Сумароковым. Тут, правда, возникает вопрос, а хотел ли сам Валентин учиться дальше или его, как и друга, влекла романтика моря. Тотьма в своей истории имела немало имён, именно в морских походах прославивших Россию, наверное, об этом говорилось и на уроках истории в техникуме. Возможен вариант, что Валентин решил поступать в Архангельскую мореходку под влиянием друга, вместе с ним. А инцидент с огнетушителем не только не охладил их намерение, но и послужил предлогом к решительным действиям. Но если Валентин мог надеяться на поддержку семьи, то Николай мог только думать,

Справа В. И. Борзенин

что не пропадёт в советском государстве той поры и получит от него хотя бы минимальную помощь.

Немало ещё рубцовских тайн можно при желании отыскать исследователям, но, будем надеяться, несколькими маленькими штрихами биография нашего любимого поэта приросла.

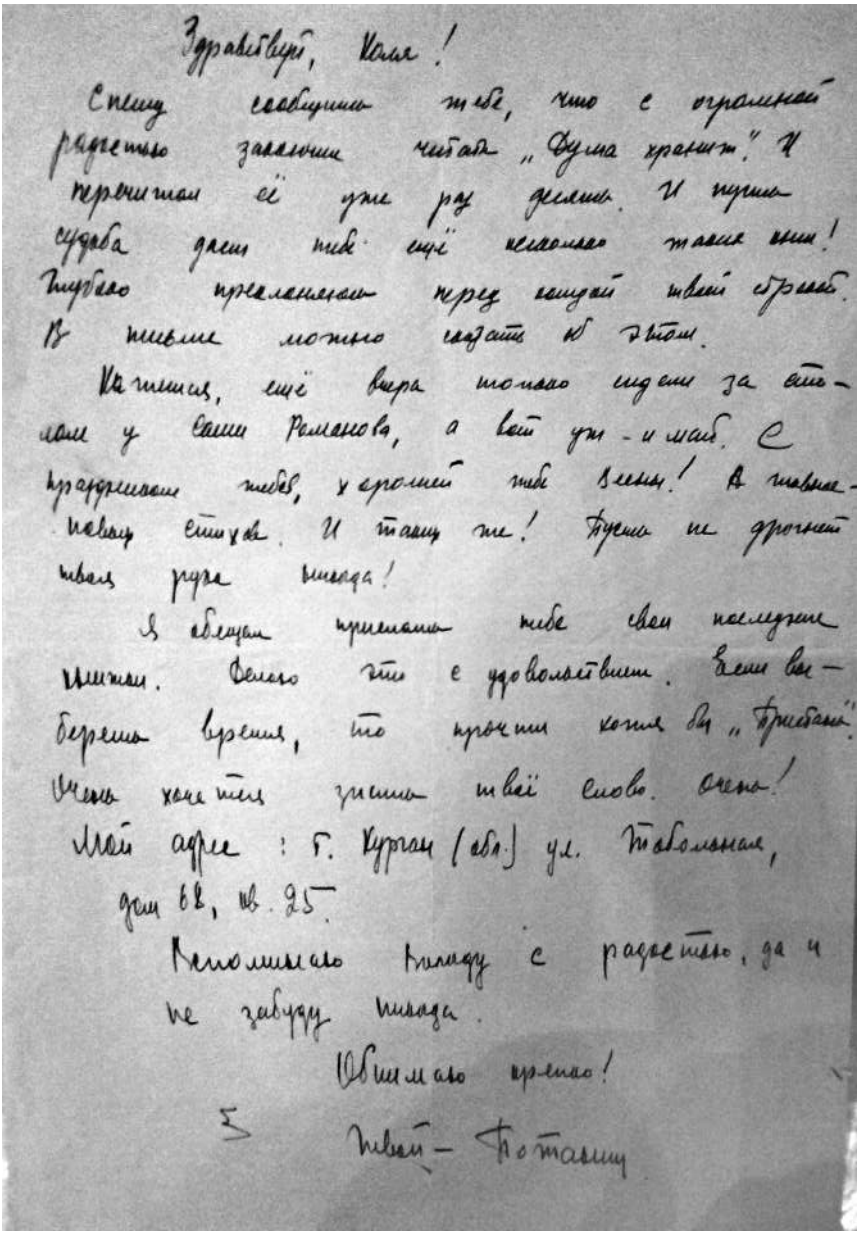
Вересов Леонид Николаевич,
член Союза писателей России, зам. председателя
РОО «Вологодский Союз писателей-краеведов»,
г. Череповец, Вологодская область

НИКОЛАЙ РУБЦОВ И ВИКТОР ПОТАНИН: ДРУЖБА ЧЕРЕЗ ГОДЫ

Иногда приходится задумываться, почему исследовательский текст имеет читательский успех, или почему проходит почти незамеченным? Составляющих запоминающегося материала много: среди них неожиданная тема, толково раскрытое содержание, горение автора публикацией. Но тут должен быть и элемент удачи, когда найденный документ просто вдохновляет на исследование и написание работы. Так случилось с письмом, которое ждало своего часа в архиве Сергея Дмитриева. При первом знакомстве буквально заворожила подпись «Твой Потанин». При всём том естественно, что письмо вело происхождение из бумаг, поднятых с пола квартиры Н. М. Рубцова после его трагической гибели Н. А. Старичковой. Письмо было на одной страничке, без даты, но как много содержание говорило историку литературы.

«Здравствуй, Коля!

Спешу сообщить тебе, что с огромной радостью закончил читать «Душа хранит». И перечитал её уже раз десять. И пусть судьба даст тебе ещё несколько таких книг! Глубоко преклоняюсь перед каждой твоей строкой. В письме можно сказать об этом. Кажется, ещё вчера только сидели за столом у Саши Романова, а вот уже и май. С праздником тебя, хорошей тебе весны! А главное новых стихов. И таких же! Пусть не дрогнет твоя рука никогда! Я обещал прислать тебе свои последние книжки. Делаю это с удовольствием. Если выберешь время, то прочти хотя бы «Пристань». Очень хочется знать твоё слово. Очень! Мой адрес: г. Курган (обл.) Тобольная, д. 68, кв. 25. Вспоминаю Вологду с радостью, да и не забуду никогда. Обнимаю крепко! Твой Потанин».

Здравствуй, Коля!

Спешу сообщить тебе, что с огромной радостью заполучил читал „Дума хранит". И перечитал её уже раз десять. И пусть судьба даст тебе ещё немалую такую книгу! Трудно представить перед какой твой стремительный взлёт можно сидеть за столом у Саши Романова, а вот ум - и наоборот. С праздником тебя, с огромной тебя весной! А твоим новым стихам. И таким же! Пусть не дрогнет твоя рука никогда!

Я обещал прислать тебе свои последние книжки. Вместо этого с удовольствием. Если вдруг будет время, то прочти когда-нибудь „Прибавление". Очень хочется услышать твоё слово. Очень!

Мой адрес: г. Курган (обл.) ул. Тобольная, дом 88, кв. 25.

Непременно приеду с радостью, да и не забуду никогда.

Обнимаю крепко!

Твой — Потанин

Письмо Виктора Потанина Николаю Рубцову 1970 года

(Адрес в письме указан старый. Писатель Виктор Потанин по нему давно не проживает. А месяц, указанный в письме, это май 1970 года.– *Л. В.*).

Неужели это тот самый Виктор Фёдорович Потанин, давно ставший классиком русской литературы, именем которого названа детско-юношеская библиотека в Кургане? Но ведь его имя никогда ещё напрямую не связывалось с именем Николая Рубцова. Исключения составляют упоминание В. С. Белкова в книге «Неодинокая звезда» и В. Д. Зинченко в предисловии к трёхтомному собранию сочинений поэта, а также краткие дневниковые записи писателя В. И. Лихоносова, они будут приведены дальше. Но тем интереснее будет это литературное исследование для автора и читателей, поклонников таланта поэта Рубцова и писателя Потанина.

Если вы думаете, что это так просто решиться на разговор со знаменитым писателем или найти его адрес или номер телефона, то попробуйте обзвонить всех знакомых литераторов. Нет, контактов с Виктором Потаниным ни у кого не оказалось. Решил уже действовать через библиотеку его имени, но пришла в голову счастливая мысль обратиться к Александру Кердану, а вдруг? Перечислю только некоторые должности поэта и писателя Александра Борисовича Кердана – сопредседатель правления Союза писателей России, координатор «Ассоциации писателей Урала». Он написал, что регулярно созванивается с Виктором Фёдоровичем, что писатель здоров, в хорошем творческом тонусе, несмотря на возраст. Звонил несколько раз, поменялся код города Кургана, и когда в трубке ответили: «Да...» это уже было приятной неожиданностью.

Удостоверившись, что у телефона Виктор Потанин, даже не представился, а сразу сказал ему, что хочу передать привет из далёких 70-х годов 20 века и прочитать его письмо Николаю Рубцову. Даже в трубке телефона была слышна взволнованная заинтересованность писателя при таком известии и при чтении письма, которое приводится выше. Потом он немного помолчал и начал говорить. Удалось записать наш разговор, поэтому приведу часть его, касающуюся письма Н. М. Рубцову, без сокращений. Наверное, будет не лишним сказать, что и письмо, и разговор с писателем Виктором Потаниным печатаются с его разрешения.

«Во-первых я вам сердечно благодарен за Колю, простите, что я его так называю, за Николая Михайловича, что вы к нему так благоговейно относитесь... Вот. Конечно же после Николая Рубцова у нас какая-то образовалась озоновая дыра, понимаете, в поэзии, ну это

моё личное мнение... Она может длиться столетия даже, понимаете, настолько он велик и как Тютчев, и как Фет. Я вам очень благодарен за это. Ну, а в отношении того, что вы нашли моё письмо, то я сейчас думаю точно так же, как я написал тогда, в пору своей молодости, и Коля был молод. Мы с ним были в Литинституте в довольно близких отношениях. Иногда он встречал меня из Кургана, потом мы сидели за чашкой чая и не только чая, говорили, мечтали... Для меня он не умер, и я его часто вижу во сне. Вот я вам как на исповеди говорю, действительно часто, понимаете, и это бывает в январе обычно, в тяжёлый, страшный месяц ухода его... Конечно же, если вы найдёте нужным опубликовать это моё письмо, то, ну что же, это всё ради памяти Коли...».

Складывается такое впечатление, что поэт Николай Рубцов был знаком, оценён, творчески общался или дружил со всей писательской элитой своего времени. А вот теперь и имя Виктора Потанина можно включить в этот список. И как приятно сознавать, что тёплые, значительные слова Виктора Фёдоровича о своей поэзии Николай Рубцов смог прочитать при жизни... По каким-то причинам: занятость, нехватка времени, но поэт не ответил Виктору Потанину на это письмо. Однако в семье Потаниных хранится телеграмма от Николая Рубцова Виктору Фёдоровичу и Людмиле Александровне Потаниным с поздравлением со Старым Новым годом. Она датирована 13 января 1971 года и, по факту, это последняя телеграмма, отправленная поэтом Рубцовым при его жизни. Ну а теперь попробуем рассказать о встрече писателя Потанина и поэта Рубцова в Вологде.

В. И. Лихоносов и В. Ф. Потанин

В марте 1970 года с 24 по 28 число в Москве состоялся Третий съезд писателей РСФСР. Чтобы не опираться только на воспоминания, дадим слово другу В. Ф. Потанина В. И. Лихоносову и процитируем его дневник того времени. Но прежде ещё одна выдержка из телефонного разговора с

Виктором Потаниным: *«...Иногда, в телефонном разговоре, Виктор Лихоносов вспоминает Колю. О том, что время Рубцова, оно будет бесконечно долго длиться, потому что ничего рядом поэтического поставить просто невозможно. Это его позиция, Лихоносова...»*.

(из «Записей перед сном...»)

«После съезда писателей поехали в Вологду к В. Астафьеву. Н. Н. Яновский с женой Фаиной Васильевной (Новосибирск), В. Потанин и я. Астафьев так звал, что не могли отказаться, хотя только что все вечера проводили вместе и трепались допоздна. В. Белов тоже ждал. Всей гурьбой остановились у Астафьевых, бедная Мария Семеновна не управится с нами. Они живут в панельном доме, в невзрачной квартире, переехали из Перми недавно. В первые же часы зашел Николай Рубцов.

...Ходили на базар покупать шаньги. Я порою наглею очень быстро, подшучивал чересчур над В. Потаниным, Астафьев добавлял.

...Вечер с Колей Рубцовым, он играл на гармошке и пел.

...В доме у Белова. Матушка его Анфиса Ивановна читала мою повесть «На долгую память».

В. И. Белов, В. Ф. Потанин, А. И. Белова (мать В. И. Белова). 1970 год. Архив В. Ф. Потанина

...Проводы на станции. Василий Иванович достал нам билеты по блату (его знают) на поезд из Котласа (проходящий)».

Собственно, это и есть записи Виктора Ивановича Лихоносова о той встрече. Думал, что их достаточно для документального рассказа, но нет, надо публиковать и слова писателя о них, никак нельзя обойтись без эмоций и чувств Виктора Лихоносова.

«Что это за записи? что за легкомыслие? Что в этом человеке (во мне) было от писателя? Ничего! Перечитал сейчас – хоть плачь и рыдай. А поздно локти кусать. Многое не помню, а свежих чувств никакая память не возродит. Я уже был автором нашумевшей повести <Люблю тебя светло>, и меня, недавнего забитого учителя средней школы под Анапой, с такой лаской встречали вологодцы – и Саша Романов, и Витя Коротаев. Астафьев вел себя как старший добрый братишка (вдобавок мы с ним с чалдонской стороны), Белов стал другом любезным. С Потаниным я вообще уже три года жил душа в душу, по дороге к матери в Новосибирск останавливался у него в Кургане, Люся (его жена) была ласкова как сестренка, и я, с некоторых пор купавшийся в лучах дружбы и внимания, потихоньку терял ту тоску по близкому высокому обществу, которой маялся все студенческие годы на юге. Жил, наслаждался, ничего не записывал о том, отчего умер бы в счастливых снах, если бы достались такие мгновения раньше. Вот какая беда случается. Умер Рубцов, умерли Романов и Коротаев, умер Астафьев, болеет Белов, исчезла великая страна и... не подышишь тем воздухом весны 70-го года... нет строчек подробных, нет долгих разговоров Астафьева с Яновским, нет слов Рубцова, нет слов матери Белова (тоже покойной). Не просто механических слов, а той паутинной связи слов, переливов мелодии речи, того, что сплетается в художественное волнение, в подробности текучей жизни. Если б знал, где упаду, соломку б подстелил>. Это про меня. Теперь дорога была бы каждая мелочь. Надо бы письма найти, может, там, вослед событию, что-то сохранилось. Русские беспечные. Сейчас выходит много книг, мемуаров, евреи фиксировали каждую секунду. А русские... Я уверен, наша встреча не записана никем. Я не помню, как мы пришли домой к Рубцову в его запущенную квартирку. Он подписал мне сборничек <Душа хранит> (3 апреля, 70 г.), а я ему книгу <На долгую память>. Я пожелал ему <жить долго>, и он встрепенулся, спросил: <А ты что, боишься, что я скоро умру?>. Как мы расставались с Яновскими и Потаниным – сейчас мне так важно удержать все до мелочей, а я уже не помню. Николай Николаевич тоже умер. Книжица Рубцова с избушкой, тонкой

березой на ветру и с одиноким лебедем, чуть ли не касающимся большой луны на обложке,– дар и тогда таился бесценным, а нынче к тому же еще и скорбный. Тогда мы, писатели русские, еще не так горько чувствовали сиротство на своей родной земле, еще не так заметно земля русская была обобрана и присвоена злыми силами, что-то тревожило, но еще не унижали русских в открытую, мерзко и нагло. Сейчас душа скитается по знакомым углам и бесполезно зовет исчезнувших единоверцев. Тридцать пять лет прошло, в красных строчках на внутренней стороне обложки хранится надпись: <Виктору Лихоносову, без лишних слов, на добрую память о встрече в Вологде. С любовью Н. Рубцов. 3.IV.70 г.>. А этот Виктор Лихоносов ни в поезде, ни дома не собрался запечатлеть драгоценное мгновение. Пока писал это, выпил винца и легко захмелел; сожаление поднялось еще выше, и я со слезою в душе вздохнул обо всех потерях, о самом времени потерянном (как будто по моей воле) и о том еще, что мне были подарены мгновения, часы, дни, недели и месяцы, а вообще-то целые годы вольного скитания по жизни, любимых занятий, прикасания к дружескому пиру. Привык и не боялся утрат. А к нынешнему дню их уже так много. Не пожалел бы о записях, если бы и Рубцов, и Шукшин, и Ю. Казаков, и другие наши близкие друзья-писатели были живы и писали шедевры. И я родственно горюю оттого что их нет...».

Невозможно не привести и другие воспоминания (часть их) В. И. Лихоносова, впервые опубликованные им в журнале «Родная Кубань» № 1 за 2016 год.

«Как печально, что о поэте, которого любишь, не можешь написать поподробней, потому что видел его всего два раза, да и то не подолгу. Я несколько раз тосковал по его сборничку, который он мне подарил в Вологде, принимался искать его в своих шкафах и уже согласился, что его кто-то присвоил. Но всё-таки порою надеялся его найти. В канун его восьмидесятилетия, 2 января, решил просмотреть на полках особо уставленные в дальние ряды стопки узеньких маленьких томиков. Долго не трогал, уж и позабыл, какие там сокровища... И... Коленька! Чудо вологодское. Это ты?! Наконец-то. Слава Богу. Как будто живого застал. Николай Рубцов – «Душа хранит». Северо-Западное книжное издательство, 1969 год. «Виктору Лихоносову, без лишних слов, на добрую память о встрече в Вологде. С любовью. Н. Рубцов. 3 апреля 70 г.»! И развернулась 33-я страница... «Меж болотных стволов красовался восток огнеликий... Вот наступит октябрь – и покажутся вдруг журавли!..». О-о-о, тотчас вспомнилось мне: это Рубцов пел у Астафьева поздно вечером, после

ужина за старательно богатым столом, Коля появился к концу, и мы расположились кучкой в маленькой комнате, вологодцы приготовили астафьевским гостям музыкальное угощение, выманили Колю с улицы, у кого-то на один вечер отняли гармонь, сперва читали стихи Романов, Коротаев, повеселился с гармонью Белов и, наконец, уговорили Рубцова «спеть про журавлей».

И разбудят меня, позовут журавлиные крики
Над моим чердаком, над болотом, забытым вдали...

Это был вечер сиротливого русского счастья. И приехали мы в Вологду к Астафьеву (он позвал) и Белову как к родне. В Москве отсидели в Кремле и в Колонном зале на писательском съезде, проводили с поста Председателя российского Союза писателей Л. Соболева и избрали С. Михалкова, поприкалывали друг дружке к пиджакам значок «Русь» (не всем конечно), и Астафьев на прощание пригласил новосибирца Н. Н. Яновского с женой, В. Потанина и меня проведать его в Вологде, куда только что переселился с Марьей Семеновной из Перми. 1970 год, конец марта, недавно громко обругали в газетах мою повесть «Люблю тебя светло», и меня провинциалы и вологодские писатели, в частности, окружали как родного. Уже тогда замелькала в статьях, стихах, разговорах тяга к русскому откровенному согласию, к укреплению родных исторических чувств, возвысились надежды на роль журнала «Наш современник». Русские поклонные мотивы в словесности, в кино и театре звучали редко, как-то глухо и сиротливо, на всё такое тут же некими наблюдателями накидывался ярлык патриархальщины. В Вологде мы ничего прямо не обсуждали, но душою объединялись в сокровенном ощущении забытой деревни, разрушенных храмов, отлученных от печати русских исповедников К. Леонтьева, В. Розанова, М. Меньшикова, А. Суворина, даже этнографа С. Максимова и других очень-очень русских писателей.

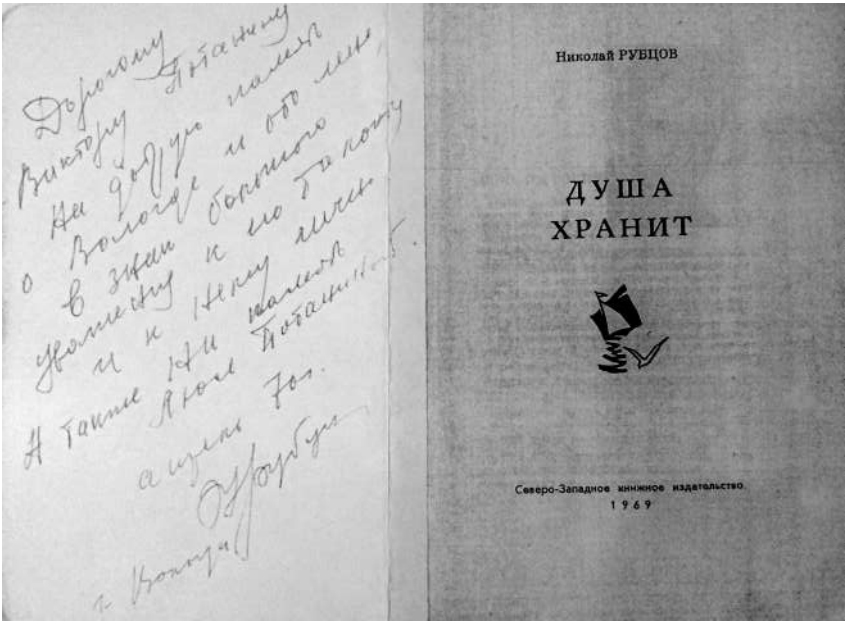
В лад этому настрою добавлялись все новые стихи Николая Рубцова. Сам он худенький, невысокого росточка, в каком-то негреющем пальтишке водил нас на нелюдный базар, хвалил тёплые шаньги, и мы покупали их, привёл в своё бедненькое жилище в казённом доме, я пожелал ему в надписи на книге «На долгую память» долгой жизни, и он спросил вздрогнув: «А ты что, думаешь, что я скоро умру?!»

Я досадую, что нету письменных следов той моей поездки в Вологду, что я не помню разговоров, своего самочувствия, не помню, как попрощались в последний час, негодую даже на то, что не хватило

мне простительного тщеславия, чтобы написать ему в надежде на ответ, который бы теперь берег и перечитывал».

Из воспоминаний Виктора Лихоносова можно легко представить всю картину посещения писателями своих вологодских друзей в марте – апреле 1970 года, в них перечислены все писатели, принимавшие участие в этих событиях, в автографе Николая Рубцова указана точная дата – третье апреля 1970 года. Но вот что показалось ещё важным. Виктор Лихоносов очень сожалеет, что не написал тогда письмо Николаю Рубцову, и в этой связи письмо Виктора Потанина как-то нивелирует переживания своего друга. И ещё Виктор Лихоносов пишет о своём автографе Николая Рубцова, а нам представилась уникальная возможность поведать об автографе Рубцова, адресованном Виктору Потанину. Виктор Фёдорович прислал копию этих бесценных для него слов на сборнике стихов «Душа хранит».

«Дорогому Виктору Потанину. На добрую память о Вологде и обо мне, в знак большого уважения к его таланту и к нему лично. А также на память Люсе Потаниной. Апрель 70 г. Н. Рубцов г. Вологда».

Автограф Николая Рубцова

Из личного письма В. Ф. Потанина автору материала от 22 сентября 2020 года: *«Дорогой Леонид Николаевич! Я Вам обещал выслать автограф Н. М. Рубцова на его сборнике «Душа хранит»,– что я и делаю... А вам огромное спасибо за любовь к русскому гению. Мне же даже посчастливилось учиться с Колей Рубцовым в одно время – в Литературном институте. И я рад сказать Вам, что Коля очень ценил мою прозу и даже всегда ждал мой курганский поезд. А потом были наши разговоры, мечты, надежды. Он, конечно, чувствовал, всей душой своей чувствовал, что его стихи будут жить долго-долго, а может быть, и вечно. Сам же он особенно ценил, точнее сказать, очень любил – Тютчева, Фета, Есенина, чуть меньше Блока. В нынешних трудах и воспоминаниях о Рубцове много лишнего, наносного, много неправды. Их часто пишут даже те, кто никогда не встречался с поэтом, не слышал его живого голоса, не разговаривал с ним, не спорил и не мечтал. И потому получаются монологи не о поэте, а о самих себе – о своих взглядах на поэзию, о своих идеалах. И это, думаю, очень печально. На мой же взгляд, самые сердечные, самые близкие отношения у Коли были с семьями Белова, Астафьева, Саши Романова. И сейчас самые честные, самые точные воспоминания о поэте получились у Марии Семёновны Астафьевой, но это, конечно, моё личное мнение. Больше того, я впервые говорю об этом. Сам же я постоянно говорю и вспоминаю о Коле на занятиях литературной студии. Студия при нашем университете, а я руководитель её уже много лет...»*.

Но вернёмся к стержневой нити нашего материала и, наверное, будет интересно привести автографы 1970 года писателей В. И. Лихоносова и В. Ф. Потанина, оставленные ими поэту Н. М. Рубцову на книгах. Такие автографы сохранились в архиве поэта и сейчас находятся в отделе рукописей Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (ВГМЗ).

Книга В. И. Лихоносова «На долгую память» М., 1969. На форзаце: «Коле Рубцову желаю долгой жизни и счастья. В. Лихоносов. Апрель 70, Вологда (ВГМЗ 26851).

Книга В. Ф. Потанина «Пристань». Челябинск, 1970. На форзаце: «Дорогому Коле Рубцову – на память мои первые повести. Сердечно, с надеждами. В. Потанин. 24.4.70 г.». (ВГМЗ 26852).

Книга В. Ф. Потанина «Шальная весна». Рассказы. М., 1969. На форзаце: «Николаю Рубцову – дорогому поэту России – с волнением, с любовью. В. Потанин. 24.4.70 г.». (ВГМЗ 26856).

Итак, книга Виктора Лихоносова подарена Николаю Рубцову в Вологде, а свои книги Виктор Потанин прислал Николаю Рубцову по почте, о чём говорят даты автографов и текст письма.

Позвольте сказать в конце этого материала, что чудесным образом письмо В. Ф. Потанина из далёкого 1970 года явилось нам как раз в канун 85-летия со дня рождения Н. М. Рубцова и открыло новые страницы его биографии, а именно творческую дружбу с писателем Виктором Потаниным, и подтвердило дружбу поэта с писателем Виктором Лихоносовым. А дружбе двух Викторов – Лихоносова и Потанина, уже много десятков лет и даже членами СП РСФСР они стали в одном 1966 году. Мы уже цитировали воспоминания Виктора Лихоносова, а закончить работу хочется прозой Виктора Потанина. Вернее, тем, как оценивал её ещё В. С. Белков в книге «Неодинокая звезда».[30]

«*Сибирский писатель В. Потанин, знавший поэта, в рассказе «В конце апреля» отстаивает вместе с героиней, молодой учительницей, самостоятельность мышления и настоящий поэтический вкус в противовес практицизму, формальному подходу к преподаванию литературы в школе. Молодая учительница читает на уроке стихи Рубцова, которые не устраивают ее противников прежде всего потому, что их (стихов) нет, так сказать, в методичках, они еще не спущены сверху и умные дяди не написали еще о них толстых книг... «...Кому это нужно – Рубцов да Рубцов? Он даже в программе-то не стоит, а вы... Он по таланту не меньше Тютчева! Да, да – это так! Заволновалась Люся Кондратьева, и лицо ее побледнело...» А потом Люся обращается к своему оппоненту рубцовской строчкой: «Мы были две живых души, но неспособных к разговору...». Здесь, в рассказе, хорошо передано, как идет борьба «в невидимой области духа», как лирика формирует убеждения...*». А мне и вам, дорогие читатели, осталось дождаться слова Виктора Потанина о Николае Рубцове. Виктор Фёдорович обещал прислать своё произведение, и мы обязательно его прочитаем.

[30] Белков В. С. Неодинокая звезда: (заметки о поэзии Н. Рубцова).– М.: Молодая гвардия, 1989. 43 с.

Никанорова Екатерина Борисовна,
член Рубцовского центра, г. Череповец, Вологодская область

ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ЭПОХИ

60-е годы прошлого века – время радикальных перемен, новых захватывающих открытий. Мы уже писали об этом[31]. Бурное время, бурная эпоха. Расцвет «громкой лирики», стадионные встречи с поэтами – глашатаями эпохи.

Представляется интересным почувствовать поэтический дух той эпохи, постараться понять, какое же место занимала в нем поэзия Николая Михайловича Рубцова. Сделать это, на наш взгляд, можно, проанализировав раздел «Поэзия» в одном из популярных журналов того времени. Обратимся к журналу «Юность», № 9 за 1969 год[32]. Тираж его – 2 000 000 экземпляров. Редактор – Борис Полевой. Редакционная коллегия: С. Преображенский, А. Алексин, В. Амлинский, В. Воронов, В. Горяев, Л. Железнов, К. Кулиев, Г. Медынский, М. Прилежаева. Нужно заметить, что в списке ни одного имени более или менее известного поэта нет, кроме К. Кулиева. Кто же из них «курировал» поэзию, как в свое время это делал Е. Евтушенко? Кому принадлежал отбор поэтических произведений для публикации в журнале? Наша задача – сделать обзор раздела «Поэзия».

В нем опубликовано 26 стихотворений. Было правилом печатать поэтические тексты не все сразу, а через разделы: в начале номера, после первого прозаического произведения, после второго, после публицистики, после научно-популярных статей и т. д. В девятом номере находим имена восьми поэтов.

Год 1969, страна живет в «Союзе нерушимом», поэтому строго соблюдено равенство: 4 имени, представляющих литературу народов СССР и 4 – непосредственно литературу русскую. Саги Жиенбаев – 1 стихотворение (перевод с казахского О. Дмитриева), Геннадий Юшков – 1 (перевод с коми В. Павлинова), Давид Кугультинов – 9 (перевод с калмыцкого Ю. Найман), Давид Бромберг – 2 (перевод с еврейского В. Цыбина) – всего 13 стихотворений. Сергей Дрофенко – 5 стихотворений, Станислав Куняев – 3, Дмитрий Сухарев – 3, Николай Рубцов – 2; всего 13 стихотворений. Публикация

---

[31] Никанорова Е. Б. Пересечение времен в лирике Николая Рубцова. Рубцовский сборник.– Вологда: Полиграф-Периодика, 2019. С. 220.

[32] Юность.– 1969.– № 9. 112 с.

Рубцова в журнале завершает раздел «Поэзия». Отмечаем строгое соблюдение «равенства»: 8 поэтов (4:4), 26 стихотворений (13:13).

Приближается 1970 – год столетия со дня рождения Владимира Ильича. «Юность» готовится встретить его достойно. Открывает номер Саги Жиенбаев стихотворением «Памятник Ленину»:

Наш Ильич, о как много ты сделал для нас! –
Говорим, вспоминая твой образ знакомый.
Высекали мы облик по памяти твой
Из поющего камня, не зная покоя.

(Прошу прощения у поэтов, что печатаю не все стихотворение, четверостишием обозначаю лишь его тему).

Ленинско-октябрьский мотив подхватывает Геннадий Юшков:

Родись я до Октябрьских лет,
Я, сын таежного народа,
Не прожил бы не то что года,–
Я б месяца не прожил, нет!

И достойно завершает Давид Бромберг стихотворением «Субботник в Кремле»:

На улицы выходит вся страна,
Субботний день от ветра овесенен.
Земля и та сейчас удивлена,–
Какую тяжесть поднимает Ленин!

Далее стихи в журнале подобраны по «духу» времени: главное в эпохе, в советских людях – бодрость, энергия, оптимизм на пути построения коммунистического общества.

Три стихотворения Станислава Куняева бодры и энергичны. Поэт кругом видит динамику жизни, ее беспокойный шум, суету и принимает все это в свое мироощущение. В стихотворении «Свидание» подтверждение этому:

Повсюду жизнь. Повсюду шум и плеск.
Журчит Угра. Шумит сосна угрюмо.
Гудит шоссе. Костер роняет треск,
И мне прекрасно окруженье шума.

И тема, заявленная в названии,– свидание с родными краями, свидание с той, которая была дорога когда-то в юности, и грустный

итог этого свидания: «И я уже не тот, и ты уже не та» – не опровергают убеждения поэта:

Жизнь – это шум. А там, где тишина,
Тоска одолевает человека.

Даже предрассветной тишины нет, по мнению поэта. Какое-то мгновение тихо..., но вот уже *«забормотали бабы, зазвенели жабы...»*.

Вспоминаются «Зеленые цветы» Николая Рубцова: *«За нами шум и пыльные хвосты. Все улеглось. / Одно осталось ясно...»*. Здесь, наоборот, желание уйти от шума, обрести благословенную тишину.

Но все-таки в каждом из стихотворений Станислава Куняева мы найдем момент какого-то щемящего размышления об этой суете, и ему «от мысли о жизни не спится».

Калмыцкий поэт Давид Кугультинов представлен в журнале наиболее объемно: публикуется 9 его стихотворений. Их темы самые разные, но все объединены одним настроением: жизнь деятельна и энергична, жить следует бодро, радостно, в коллективе.

...Ты – дивно легок. Ты – как всё вокруг.
Наполнен солнцем, щебетом, бесстрашьем,
И теплым золотом твой дом окрашен,
И день-младенец расправляет грудь.

(«Начало дня»)

Любой из нас, кто трудится во имя
Своей мечты, с другими плотно слит.
С другими вместе – жизнь вперед стремит,
И длит свой век в содружестве с другими...

И о любви поэт говорит с чувством восторга и умиления:

С тех пор, как я люблю тебя, с тех пор
Чудес не счесть во мне и во вселенной.
И ныне, рассмотрев себя в упор,
Был поражен я новой переменой...

(«С тех пор...»)

И о Москве так же восторженно:

...Для всех умеющих мечтать
Не ты ль, Москва, собой явила
Желаний сокровенных силу,
Надежд заветных благодать?

(«Москве»)

Большое стихотворение «Обращение к словам» – размышление о поэте, назначении поэзии, о поэтическом слове. В этом «обращении» – и просьба к словам, и молитва, и заклинание:

На пожелтевшие слегка
Страницы чистые тетради,
Слова желанные в тот миг
Поторопитесь, бога ради!
Слетайтесь!
Сами стройтесь в стих!

Интересно: Кугультинов просит, чтобы стихи пришли в дом, а Рубцова стихи гонят из дома...

Мотив жизнерадостности подхватывает Дмитрий Сухарев. Если бы задавался «вечный» для русских вопрос: Что делать? – он немедленно бы дал ответ:

Чем попусту слоняться
Меж никнущих лозин,
Не лучше бы заняться
Плетением корзин.
(«Хорошее дело»)

А вот разлука. Девушка любимая уехала и не вернется. Печаль является к поэту в таком вот образе:

Ни весен,
Ни писем,
И осень умрет за окном,
И вряд ли, я думаю, сблизим
Стаканы с венгерским вином...
(«Подражание»)

Если же ночь придет в «битком набитый город», сны будут благословенные, потому что «нет войны», за окнами осень и

Часы текут, текут, стекают,
Уходят прочь.
И тикают, и не стихают
Всю ночь, всю ночь.

Далее в разделе «Поэзия» находим «невеселую душу» Сергея Дрофенко. Он представлен из русских поэтов весомо: 5 стихотворений. Может быть, потому, что в течение 6 лет заведовал отделом поэзии в журнале «Юность». А может быть, потому, что

талант его оценили. Со страницы Сергея Дрофенко повеяло духом истинной поэзии: какая-то тайна, недоговоренность в словах, чувства противоречивые, предвидения. Боль и надежда. Сомнения и вера. Смятение и растерянность перед жизнью.

...и свобода
угнетает, как прежде, меня
на исходе печального года.
Я замечу, как чахнет трава,
как по осени мать постареет,
как о жизни простые слова
обступают меня то и дело.

А вот и созвучный с Рубцовым мотив:

Но снег летит сегодня вновь,
и веет силою начальной
к России давняя любовь
и к женщине моей печальной...

И предчувствие скорого конца жизни витает в стихах:

Летел, летел поспешный снег, за окнами клубилась вьюга.
Я вспоминал свой краткий век, лицо любимой, образ друга...

Поэт решает «пустую задачу о собственной странной судьбе», любовь и удача, о которой он мечтает, приходят к нему «только во сне»:

являются снова и снова
услышать ответное слово
души невеселой моей...

Завершает раздел «Поэзия» Николай Рубцов. На странице 91[33] (всего в журнале 112 страниц) в узкой колонке справа помещены два его стихотворения: «В этой деревне огни не погашены...» и «Стихи из дома гонят нас». Год на дворе – 1969, а публикуются стихи старые, одно написано в 1963, другое – в 1964 году. У поэта вышли уже три сборника, написано много новых интересных и глубоких, лирических и прочувствованных стихотворений. Редакция берет эти два – на ее усмотрение. И фотография Рубцова прежняя – в пальто, в модной шляпе – в таком виде он ходил еще в 1962 году. Что говорить по этому поводу?

[33] Юность.– 1969.– № 9. С. 91.

Ни одно из событий «бурной эпохи» не нашло отражения в лирике Рубцова. Разве что о космонавтах упомянул в проходящем стихотворении. В создании Ленинианы не участвовал, субботник не воспевал. О юбилее Советской власти ничего не сказал. Мимо всех событий. Сам признавался друзьям: *«Говорят, что надо писать о тракторе, комбайне, а меня больше привлекает камень, который лежал на этом поле тысячу лет и еще столько же пролежит»*[34]. И бодрого, созидающего духа не найдет в его стихах суровый критик. Как говорил Евтушенко о стихах Рубцова: «*Ну, кое-что тут можно опубликовать»*[35]. И «кое-что» опубликовали.

Вот и перевернута последняя страница журнала, но остался интерес к этим поэтическим именам. А как же сложились их судьбы? Каковы их жизненные и творческие пути? Ответ на этот вопрос находим в Интернете, во всезнающей Википедии.

И поныне здравствуют Дмитрий Сухарев (г. р. 1930) и Станислав Куняев (г. р. 1932). Сухарев – известный ученый, доктор биологических наук. Он один из признанных классиков авторской песни, автор нескольких поэтических сборников. Песни на стихи Д. Сухарева исполняет Сергей Никитин, они звучат в кинофильмах и театральных постановках. Станислав Куняев возглавляет редакцию журнала «Наш современник» с 1986 г., издал более 20 сборников стихов, прозы и публицистики. Лауреат премии имени М. Горького. Награжден орденом Дружбы.

У тех, кто шагал «в ногу» с эпохой, судьбы благополучные. Саги Жиенбаев. 1934–1994 г. Умер в 60 лет в Алма-Ате. Советский и казахстанский поэт, переводчик. Автор текстов многих песен, либретто опер. Издал 20 поэтических сборников.

Давид Бромберг. 1915–1998 г. Умер в 83 года в Москве. Участник Великой Отечественной войны. Еврейский и русский поэт. Автор более десяти книг.

Геннадий Юшков. 1932–2009 г. Умер в 77 лет в Сыктывкаре. Народный писатель Республики Коми. Автор многочисленных повестей, романов, пьес. Издал четыре поэтических сборника. Награжден орденом «Знак Почета».

Поражает судьба Давида Кугультинова. 1922–2006 г. Умер в 84 года в Элисте. Трижды подвергался репрессиям. В 1931 году семью раскулачили и выслали на Алтай. В 11 лет написал первое стихотворение об успешной отёлочной кампании в колхозе и получил

---

[34] Старичкова Н. А. Наедине с Рубцовым (воспоминания).– Вологда, 2001. С. 18.

[35] Кузнецов Ф. Ф. О судьбе поседевшей Руси. // Душа хранит. [сайт]. Режим доступа: https://rubtsov-poetry.ru/Memories/kuznetsov.htm. (дата обращения: 17.12.2020).

в подарок второй том К. Маркса. В 1942 году ушел на войну. Был политруком и корреспондентом фронтовой газеты. В 1944 году депортирован со всем калмыцким народом в Сибирь. В 1946 году арестован по 58 статье за стихи об освобождении своих соотечественников. 10 лет провел в лагерях в Норильске.

После реабилитации много печатался, учился на Высших литературных курсах в Москве в 1958–1960 г. Экстерном (!) закончил Литературный институт в 1960 году. За 30 дней сдал 50 экзаменов и получил диплом с отличием. Кугультинов – Герой Социалистического Труда, орденоносец, лауреат многочисленных премий. Народный поэт Калмыкии. На аллее героев в центре Элисты поэту установлен бронзовый барельеф.

И, к сожалению, судьбы трагические. Они, как это ни странно, у истинных поэтов.

Поэту Сергею Дрофенко осталось жить ровно год. Он погибнет 9 сентября 1970 года. Погибнет нелепо: за ужином в ресторане ЦДЛ (который хорошо известнее по биографии Н. Рубцова) кусочек мяса попадет в дыхательное горло. «Скорая» приехать не успеет. Эту невообразимую случайность объяснит один врач. В середине 60-х годов все вступающие в литературу поэты и писатели пили. Это не было алкоголизмом. Это входило в ритуал русско-советской жизни. Стал много выпивать и Дрофенко. То за столиком с Винокуровым, то со Смеляковым, то с кем-то еще из вершителей судеб советской поэзии. Но от неумеренного принятия спиртного пересыхают связки, становятся менее эластичными, и неожиданно оказывается, что ослабевшие мышцы дыхательного горла и пищевода направляют съеденный кусок не по тому руслу. Итог понятен. При жизни издал один сборник «Обращение к маю». После смерти друзья издали еще один – «Зимнее солнце».

Николай Рубцов к сентябрю 1969 г. издал три стихотворных сборника, окончил Литературный институт, стал членом Союза писателей. Полгода назад получил, наконец, квартиру в Вологде. Жизнь налаживалась? Но к нему уже три месяца назад пришла Дербина. И жить ему осталось 1 год 3 месяца...

Один номер журнала, на наш взгляд, ярко охарактеризовал эпоху. Выводы напрашиваются сами собой. Прежде всего, мы видим выполнение строжайших инструкций ЦК: приближается, можно сказать, «святая» дата: столетие со дня рождения великого вождя. Необходимо встретить достойно. Редакция журнала встречает в соответствии с партийными постановлениями. Следующее указание: в решении национального вопроса придерживаться

строжайшего равенства. Редколлегия соблюдает это требование принципиально – 4:4, 13:13. И самое главное – поэзия должна быть в бурную эпоху строительства светлого будущего жизнеутверждающей. Многие стихи в журнале и соответствуют этому жизнеутверждающему настрою. Вот только Сергей Дрофенко – слегка выбивается из этого ряда. (Может быть, потому и сместили с должности?) А Рубцов Николай... Печатают его в последнее время много, несколько сборников издал. Но никак не вписывается он в бурный век. Если и публиковать, то что-нибудь из раннего.

Такой вот получился портрет Николая Михайловича Рубцова. Портрет на фоне эпохи далеких 60–70-х годов 20 века. Портрет в сумрачных тонах.

Кувшинов Сергей Анатольевич,
поэт, лауреат международных премий,
г. Дзержинск, Нижегородская область

РУБЦОВ НА ВЕТЛУГЕ

«Ветлуга – река чаек, лесных дебрей, легенд и сказаний о дивных дивах, озёрах, кладах, край плотовщиков, рубленных светлых изб»,– написал «Ветлужский Пришвин»,– Алексей Матвеевич Красильников (1895–1965): 125-летие со дня его рождения в конце октября 2020 года отметила общественность Варнавина.

Русский поэт, Николай Михайлович Рубцов, единожды побывал на берегах Ветлуги, с 29 июня по 9 июля 1969 года, за полтора года до своей трагической кончины. Обстоятельства, факты и нюансы ветлужского вояжа полвека оставались «чёрной» дырой, *terra incognita* в его биографии. Поэт ни одной печатной строчкой не обмолвился о посещении Варнавинского Поветлужья, о своих впечатлениях, не изъявил скупых слов благодарности варнавцам, помнящим его по сю пору... И лишь после публикации ветлужского произведения, лесной сказки «Разбойник Ляля», стало известно – он побывал на Ветлуге.

Идея поездки возникла во время зимней сессии 1968 года заочников Литинститута, в комнате общежития ветлугая Александра Сизова. При этом, сам Рубцов выступил предтечей поездки на Ветлугу, сказав Саше и его школьному другу, Виталию Суворову: *«Как вы на «О»-то наворачиваете, будто бочки катаете... Знаете, я к*

вам приеду. В ваш Варнавин и на вашу Ветлугу».[36] Виталий Суворов – единственный свидетель обещания поэта. За прошедшие полвека не проведено ни одного значимого исследования: все «крутятся» вокруг Ляли – разбойника, вора и убийцы.

В 2016 году приняли решение выполнить литературно-краеведческие изыскания и выяснить: период, круг знакомств и воспоминания очевидцев, исторические и бытовые материалы сюжета лесной сказки, а также обнародовать результаты анализа 18-ти прижизненных стихотворений Рубцова, опубликованных в варнавинской газете. Итогом почти четырёхлетних хлопот стали 320 страниц сборника «Рубцов на Ветлуге».[37]

На переплёте: Ветлужская «Швейцария». Вид с Красной горы. Варнавин. Фото. 2004

На авантитуле уточнение: «МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА РУБЦОВА. ВЕТЛУГА 1969». Цветные форзацы: карта маршрута поездки на барже вверх по Ветлуге, с целью побывать на Лялиных горах в почи́нке Ляленский.

РАЗДЕЛ «ИСТОРИЯ ВЕТЛУЖСКОЙ ПОЕЗДКИ Н. М. РУБЦОВА». Виталий Суворов 16–18 мая 1969-го вторично встречался и беседовал с поэтом в комнате Александра Сизова и был свидетелем приглашения Рубцова в Варнавин на Годину Св. Варнавы (24 июня).[38] В письме Саше Николай обещал приехать, но опоздал на 5 дней.

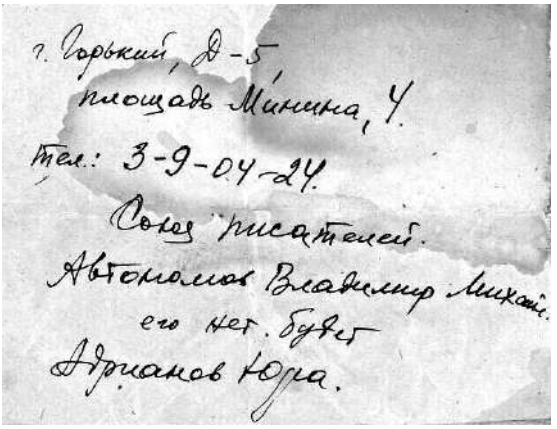
Николай уехал из Вологды 26 или 27 июня в Москву, а утром 28-го объявился на ж. д. вокзале Горького и намеренно сделал остановку для встречи с оставшимся неизвестным горьковчанином. Об этом он рассказал Саше Сизову. Встреча не состоялась.

---

[36] Суворов В. На берегах Ветлуги.– Варнавино, 2005. С. 48.

[37] Рубцов на Ветлуге: Сб. / Авт.-сост. С. А. Кувшинов, С. А. Першин. Дзержинск: Б. и. – Н. Новгород: ООО «Печатная Мастерская РАДОНЕЖ», 2019.– 320 с.

[38] Суворов В. Он всегда был оптимистом. // Новый путь. Варнавино (Нижегород. обл.).–12.09.1999. С. 3.

г. Горький, Д-5,
площадь Минина, 4.
Тел.: 3-9-04-24.
Союз писателей.
Автономов Владимир Михай.
его нет. будет
Адрианов Юра.

«Горьковская» записка» Н. М. Рубцова. Собр. С. А. Дмитриева

Позднее тот сказал Дмитрию Ширяеву: *«Если бы Коля застал того человека, то, наверняка, не доехал бы до моей Ветлуги»*. Ночь с 28 на 29 июня провёл в зале ожидания вокзала и привлёк внимание стражей порядка.

В апреле 2015 года из Череповца от С. А. Дмитриева получили копию записки с просьбой прокомментировать.

Записка написана рукой Рубцова. Указан телефон, фамилии В. М. Автономова, отв. Секретаря Горьковской организации Союза писателей, и поэта Юрия Адрианова. Николай не был в помещении СП и не встречался с указанными лицами. Записка, вторично, подтверждает факт остановки в Горьком.

Спустя пару лет появилось третье подтверждение. Нас «огорошил» сенсационным признанием добропорядочный бывший нижегородец, живущий в Апатитах, Николай Трофимович Ефремов: *«Могу точно сказать, что Н. Рубцов уезжал из Горького утром 29 июня 1969 года. Я с бригадой отбывал в Семёнов. На перроне встретился с братом – милиционером и спросил: «Кого это так отслеживают ваши ребята?» Он указал на спину странно одетого, не по погоде, человека. Фамилии не назвал. Мы садились в два вагона. Человек сел в другой, где ехал мой друг, Генка – гитарист. Когда приехали на место, он стал подбирать мелодию. «Что ты разучиваешь? Повтори слова». Он пропел. Говорю: «Где ты это слыхал?» Он рассказал: «Да вот в вагоне к нам подсел мужик. Мы пели, пили, угостили, попросил гитару, пропел – мы обалдели». Теперь он мелодию подбирал. Главное, я не забыл первые строки песни «В горнице». Позднее показал ему текст стихотворения. Кстати, тот что-то из ранних морских стихов им «сбацал». Мелькнула мысль: «А не Рубцов ли им пел-играл? По свежим следам я пытался выяснить – был ли «странный» человек Рубцовым? Мне повезло. Сведущие правоохранители поведали: «Утром 28-го этого человека «служивые» слегка*

отметили. Проводницы вагона ему вослед прокричали: «Иди, иди, а то сдадим тебя...» Вероятно, был конфликт в пути. Документы у него проверяли. Он показал членский билет СП, а дежурный упомянул фамилию – Рубцов. В разговоре один сказал мне: «Ты вот Рубцова помянул, а он ведь мог «загреметь» у нас на вокзале». На мой вопрос наряду: «Он что, приехал в Горький?» – Нет, говорит, что проездом, в Варнавино, к другу, к поэту, по приглашению. Я решил: «Пока ничего не предпринимайте, не надо нам лишней шумихи. Проследите утром с его отъездом...» Этот разговор произошёл в начале 1970-х. Мной виденный со спины «странный» человек был Николай Рубцов».[39]

Пристальное внимание к приезжим связано с «Университетским делом» – шли аресты подозреваемых. А развесёлые горьковчане вышли на платформе «Керженец». Н. Рубцов же через час доехал до станции «Ветлужская». Далее – на автобусе. Около полудня вышел на земле Поветлужья на остановке «Почта» и встретился с А. Сизовым, т. к. накануне тот получил от него письмо.

Н. М. Рубцов. Варнавино. Фото Ф. Д. Смирнова. 3 июля 1969

Пошли они в дом его сестры Валентины Померанцевой. В 1994-м она рассказала, что поэт с братом жили у них 3 дня, а 1 июля ушли в родовую деревню Ляпуново близ Варнавина. 2-го они принимали зам. редактора «Нового пути» И. С. Грачёва, вспоминавшего: *«Меня вытащил из «районки» братишка Сизова, среднешкольник. Тот звал к себе домой в Ляпуново, дескать, привёз из Москвы какого-то Руфцова, то ли Румцова. Я не очень понял фамилию. В деревне кто-то играл на гармони и это подсказывало – там живёт Саня. Я разглядел лысенький затылочек маленькой остроносенькой головки, голые до стыдобы белые плечишки. Игравшего человека водила, качала, закручивала и раскручивала мелодия. Белобабочка села на плечо, поелозила и села на гармонь. Это был Николай Рубцов».*[40]

---

[39] Письма Ефремова Н. Т. – С. А. Кувшинову, С. А. Першину. 22 февр., 3 марта, 16 июля, 24 августа 2017 года. Собр. С. А. Кувшинова.

[40] Грачёв И. С. Это был Николай Рубцов. // Качканарский рабочий.– 27.09.1994. С. 3.

Состоялось знакомство с газетчиком, пригласившим их обоих в редакцию. Вспоминает З. К. Ераполова: *«Встреча в варнавинской редакции... Иван Сергеевич радостно потирает руки – поэт приехал, настоящий, большой. Посылают гонца в магазин. Приём гостя ведётся под акациями. На скамейке – бутылки и стаканы. А мы, женская половина редакционного коллектива, прильнули к окнам, ахаем: «Да что же он такой тощенький? Господи, а пьют-то как! Как трактористы в колхозе. И рукавом закусывают. Руками размахивать начали – явно стихи читают. Интересно – хором или каждый своё?» А утром Иван Сергеевич Грачёв веером раскинул листочки со стихами. Читаем неожиданные строки: «Мать умерла, отец ушёл на фронт...»; «Мать моя здесь похоронена...»; «В этой деревне огни не погашены...» Молчим потрясённые. Знакомая до боли утонувшая в грязи деревня. Ни на что не похожее творчество. Но... Такое в газету? Нельзя! Это клевета на советскую действительность. Мы коммунизм строим. Вдруг на Западе прочитают? И школа уж слишком серая. А ворона вообще при чём? Да ещё весёлая. Всё сказали, что считали нужным. Из корректорской – «Почему задерживаем гранки?» Захватываю и вихрем в коридор. И словно запнулась. Залилась краской. Так стыдно мне никогда не было. По коридору прохаживался человек, стихи которого мы с восторгом читали и распинали. Боже, что было в его глазах! Боль. Страдание. Живые говорящие, горящие неземным пламенем коричневые глаза поэта».*[41]

На улочках Варнавина поэта встречали жители. Тамара Михайловна Басова написала: *«Вспоминается 1969 год, конец июня. На перекрёстке улиц мне встретился Саша Сизов и с ним невысокий, худощавый, на мой взгляд, неухоженный, лысоватый человек. Оба после «навеселе». Саня представил попутчика – «Николай Рубцов». Я пожала ему руку. Саша наклонился и прямо в ухо прошептал: «Запомни, Тамара, это имя. Скоро о нём будет знать вся Россия». Я совершенно без интереса и с большим сомнением в гениальности Рубцова смотрела на него; он мгновенно это почувствовал моё настроение и отошёл чуть в сторону. Запомнились его глаза, очень коричневые и грустные. Господи! Ну как жаль, что мне было тогда всего 23 года, сегодня я бы вцепилась в него двумя руками. Варнавино. 2010».*[42]

В Ляпуново Саша подарил Николаю две «вырезки» с рассказом И. С. Воронова «Ляленка», напечатанного в «Новом пути», где фигу-

---

[41] Ераполова З. К. Встречи в варнавинской редакции. Н. Рубцов на Нижегородской земле. // Наш современник.– М., 2000. № 12. С. 261.

[42] Басова Т. М. Встреча с Н. Рубцовым на улочке Варнавина. // Вестник краеведов. Вып. 2.– Дзержинск, 2011. С. 49.

рирует разбойник Ляля. Рассказ ему понравился, он понял, содержание возможно использовать для сюжета и фабулы поэтического произведения и произнёс: *«Я напишу об этом, обещаю тебе, Саша. Только по-своему»*. Сизов в воспоминаниях, ничтоже сумняшеся, нарёк рассказ легендой и вложил текст рассказа, как легенду, в уста жительницы почи́нка Ляленский М. В. Кирбитовой. На крыльце её дома они лишь отдыхали. Ничего она им не говорила, а прожив всю жизнь в почи́нке, возникшем в начале 1920-х годов, слыхом не слыхала ни о разбойниках, ни о Ляле, но по воле Сизова стала «сказительницей»...

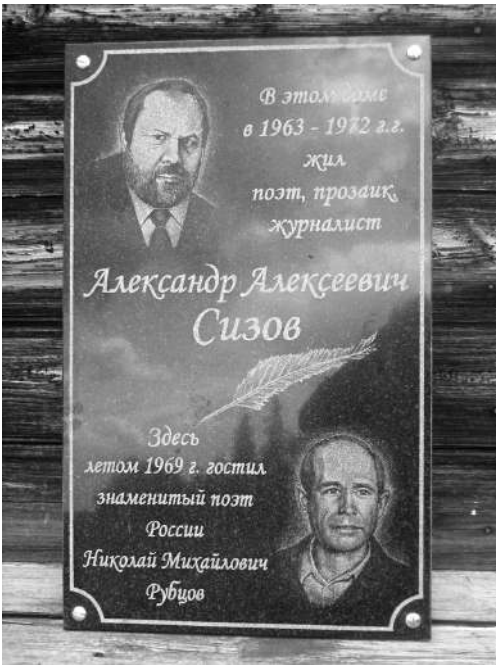
По приглашению Сашиного знакомого, С. П. Вылегжанина, фронтовика-инвалида, шкипера баржи, пчеловода, они отправились к нему в Ляленский на барже. Об этом написал Вит. Суворов: *«В лето 1969-го я служил в армии. Саша прислал мне письмо с описанием летнего вояжа Николая: «Вместе с ним он осмотрел Варнавин, поднялся на барже вверх по Ветлуге, побывал в Ба́рхатихе»*.[43]

4 июля Рубцов, получив в бухгалтерии редакции «Нового пути» гонорар за будущую публикацию 9 стихов, с Сизовым опустились к пристани, взошли на борт баржи. Часов в пять пополудни прозвучали три удара судовой рынды – бамм... бамм... бамм... В её приглушённых звонах прослушивалась горечь души, смятение, тревога. Убрали трап. Отдали швартовы. Неспешно пошли. Пассажиры притихли. Наступил душевный, блаженный покой. При закате солнца подвалили к пристани «Нижний Камешник». Пришли... Подались в дом супругов Л. А. и М. А. Кирбитовых, в пос. Нижник. Повечеряли, попив прекрасной медовухи. Переночевали на повети дома. На другой день пошли лесной тропой в почи́нок Ляленский, в 4-х км от вершины Лялиной горы. Отдохнули на крыльце дома М. В. Кирбитовой, откуда их забрал к себе С. П. Вылегжанин. Переночевали, а утром потопали в Ба́рхатиху. Вечером вернулись. Их позвали в гости в соседний дом, где Рубцов поссорился с лесовиками. Утром 7 июля, тайком, не попрощавшись с ними, ушли к Ветлуге. На полпути, у «Лавочек», их захватил Л. А. Кирбитов и на лесовозе подбросил до Поташного. Ушли в Нижник (1 км). На «Заринице» добежали до Варнавина. 8 июля Рубцов решил 9-го уехать. Уговор Саши остаться, не помог. «*На другой день автобус увозил его из Варнавина. Тихий, лысиной похожий на младенца и старика одновременно, он испуганно смотрел на меня из автобуса*»,– так описал Сизов отъезд вологодского гостя.[44]

---

[43] Суворов В. Берега. // Новый путь. Варнавино.– 14.11.1985. С. 3.

[44] Сизов А. А. Девочка на качелях: повесть и рассказы.– Горький: ВВКИ, 1988. С. 147–168.

Мемориальная доска на доме Сизовых

Спустя 35 лет стало известно: после отъезда 9 июля с Ветлуги, ему в Ляпуново поступило деловое письмо ст. редактора СЗКИ, В. К. Лихановой, от 25 июля 1969 года, касаемое издания сборника «Душа хранит». В январе 1971 года Н. А. Старичкова, допущенная после окончания следственных действий в квартиру поэта, извлекла письмо на официальном бланке из кучи мусора и впервые опубликовала в разделе «Автографы Н. М. Рубцова из архива Н. А. Старичковой (частный музей Н. М. Рубцова)» книги «Наедине с Рубцовым» (Спб., 2004). Выполнили реконструкцию подённого пребывания и деяний Н. Рубцова на Ветлуге. 23 июня 2011 года на бывшем доме Сизовых установили памятную доску «на двоих» – А. А. Сизову и Н. М. Рубцову.

РАЗДЕЛ «РАЗБОЙНИК ЛЯЛЯ. ЛЕСНАЯ СКАЗКА Н. РУБЦОВА». Поэт под впечатлением от знакомства с остатками патриархального уклада жизни в таёжной глубинке России и прочтения рассказа И. С. Воронова «Ляленка», уподобился написать лесную сказку о разбойниках. Автор рассказа, Иван Степанович Воронов (1902–1972), род. в д. Загзы, Варнавинского уезда Костромской губернии. Майор, фронтовик, военный комендант 5-го района города-крепости Кёнигсберг.[45]

Рассказ – современное произведение, в котором соединены воедино отголоски народных ветлужских лесных былей, преданий, широко бытовавших в Костромской губернии (Варнавинский

[45] Воронов И. С. Ляленка: рассказ. // Новый путь. Варнавино.– 20, 23 мая 1967. С. 4.

уезд лишь в 1922 году передали в Нижегородскую). Рассказ ввёл в литературно-краеведческий, научный и фольклорный оборот лялинских разбойников, о которых в Варнавинском и Ветлужском районах Костромской губернии зарегистрированы изустные, скудные и противоречивые сведения. В начале XX века, в селе Лапшанга, народными учителями С. Шаровым и Е. Заборским записаны предания-были о «лялинских» удалых, вороватых людях, живших на Лялиных горах, совершавших набеги на крестьян и помещичьи усадьбы.[46] О разорении разбойниками храмов на Ветлуге повествуется в трудах В.И. Смирнова «Потонувшие колокола».[47] Дотошно знакомясь с лапшанговыми «бывальщинами», убедились: «Так вот откелива – из «лялинских» разбойников, названых по Лялиным горам – «выпорхнул» и, пролетев «скрозь» сюжетную канву рассказа И.С. Воронова «Ляленка», угодил в сети лесной сказки «залётного» стихотворца Н. Рубцова, этакий «голубчик» Ляля-разбойник! Однако, атаман Ляля нигде ни разу не упоминается в Костромских материалах, а «лялинские» разбойники живут и свершают свои делишки сами,– без «пахана». Анализируя различные источники, с целью поиска первоисточника рассказа «Ляленка», открыли марийскую «Легенду о девушке Ирге», записанную «Летописцем Заветлужья» Павлом Севастьяновичем Березиным, со слов старика-охотника в 1930-х годах.[48] Выявили фразу, показавшуюся слишком знакомой – *«Давно это было, даже деды и прадеды не помнят»*. Она, почти дословно, соответствует началу «бывальщины» в рассказе «Ляленка» – *«Давно это было, даже старики стали забывать»*. И.С. Воронов знал легенду и использовал некоторые фрагменты. Однако, самое главное: он наделил персонажи – Бархотку и Шалуху – чертами характера двух главных героев легенды – Ирги и Одоша.

Вернусь к лесной сказке «Разбойник Ляля», опубликованной после смерти поэта в 1971 году журналом «Сельская молодёжь» и варнавинской районкой «Новый путь», и отмечу один немаловажный факт. Очень жаль, что никто из литературоведов не обратил внимания на то, что Николай Рубцов сделал себя одним из героев своего творения, единожды сказав «**Я**»:

---

[46] Смирнов В.И. Клады, паны и разбойники // Труды КНОИМК.– Вып. XIX. Кострома, 1923. С. 32–33.

[47] Там же. С. 3.

[48] Березин П.С. Легенда о девушке Ирге. // Горьковская правда.– 23.06.1958. С. 4.

Тут сверкнули ножики кривые,
Тут как раз и лёгкая заминка
Происходит в повести впервые:
***Я** всего не помню поединка.*

РАЗДЕЛ «ПРИЖИЗНЕННАЯ ЛИРИКА Н. РУБЦОВА. ВЕТЛУГА (1968–1971)». 8 марта 1968 года варнавинский «Новый путь» опубликовал «В горнице моей светло...» из сборника «Звезда полей». Это единственная публикация стихотворения «В горнице» без названия. При жизни поэта газета напечатала 18 стихотворений, причём – 5 последних – 16 января, за три дня до его гибели. Остановлюсь на стихе «По дрова», где строки 14–16 напечатаны по авторскому автографу, предоставленному редакции 3 июля 1969-го в первоначальной редакции:

Привезу я дочке Лене
Из лесных даров
*Медвежонка **НА КОЛЕНИ**,*

именно на колени дочке Лене. В сборниках «Душа хранит» и «Сосен шум» – «*Медвежонка на колене*», то есть на собственном авторском колене.

В сборнике ещё два раздела: «А. Сизов и Вит. Суворов вспоминают Н. Рубцова» и «Память».

Маргарита Афанасьевна Шананина из Тотьмы, основатель первого в России музея Н. М. Рубцова, как читатель, первая оценила наш сборник. Позволю себе привести фрагменты из её письма: *«...увидела Вашу новую книгу – была чрезвычайно обрадована! Я даже считаю, что у меня теперь появились новые друзья (в лице авторов). Книга расширила представление о Ваших местах. И когда я читала «Рубцов на Ветлуге», чтобы оценить Ваши бесспорные заслуги, я искала имя Дм. А. Ширяева. Очень радостно, что добрым словом вспоминается Дм. А. Ширяев. Своими познаниями он меня покорил! С интересом прочла, как проходили мероприятия, посвящённые памяти Н. М. Рубцова. В бытность нашей работы обязательно взяла бы на заметку, для себя. Здорово, что Вы не лишены чувства юмора.*

А главное – понравилось в книге, что стараетесь любой ценой докопаться до истины и не боитесь указать на прошлые ошибки, и на ошибки других. Обстоятельность, глубокая проработка темы – главные преимущества нового издания. Очень хотелось бы передать Николая Михайловича Рубцова «в руки» читателю – грамотному, думающему. Всего доброго и спасибо за радость и дружбу. М. А.».

Тищенко Алексей Борисович,
член попечительского совета Мемориального музея Н. М. Рубцова в селе Никольском, член Санкт-Петербургского Рубцовского центра, г. Санкт-Петербург

КОГДА НИКОЛАЙ РУБЦОВ НА «СПАРТАК» ХОДИЛ

Найти или установить новую, ранее неизвестную, дату биографии Николая Михайловича Рубцова – событие радостное и даже знаменательное для любого рубцововеда.

Когда в дни Рубцовской осени 2020 в селе Никольском судьба свела нас с Сергеем Николаевичем Шмитько, поэтом, журналистом, сослуживцем Николая Рубцова по Северному флоту, соратником по Литературному объединению «Полярное сияние» при газете «На страже Заполярья», мы почувствовали живое дыхание истории. Вот оно – всего одно рукопожатие до любимого поэта.

Особенно много, интересно, с юмором рассказывал Сергей Николаевич о приездах Рубцова в Москву во второй половине 60-х,

Шмитько С. Н. в Мемориальном доме-музее Николая Рубцова 11.09.2020. Фото Тищенко А. Б.

когда Николай Михайлович останавливался у своего флотского друга. Отметим: в одно время учились они и в Литературном институте, С. Шмитько – на курс старше.

Одним из совместных мероприятий в Москве было посещение флотскими друзьями футбольного матча в Лужниках. Историю этого похода Сергей Николаевич изложил в воспоминаниях «Как Николай Рубцов на «Спартак» ходил», опубликованных в журнале «Физкультура и спорт»[49], № 9 за 2014 г. Рассказал он о нем в ярких красках и в Николе.

Услышав рассказ вживую и прочитав его позже в журнале, я ощутил некую недоговоренность, что описанное событие никак не привязано к датам. Когда же это было?

Казалось бы, самое простое – спросить автора. Но как можно требовать вспомнить событие полувековой давности, которое только сегодня кажется важным, а тогда? Сергей Николаевич вспоминал: *«Это сегодня мы знаем, какой Рубцов известный, знаменитый... а тогда мы были обыкновенными парнями*». И еще: «*Есть у меня такие же впечатления и о посещении вместе с Рубцовым Третьяковки и других известных мест. И каждый раз все это было случайно, остались в памяти какие-то его слова, рассмешившие или поразившие тебя».*

И все же я решил заняться поисками ответа на вопрос: когда Николай Рубцов на «Спартак» ходил?

Для этого необходимо вкратце напомнить ключевые моменты из воспоминаний Сергея Николаевича, касающиеся этого похода.

В один из приездов Н. Рубцова в Москву С. Шмитько уговорил своего флотского друга посетить в Лужниках футбольный матч, пообещав угостить его пивом в буфете. Сам Шмитько предполагал «блеснуть» перед Рубцовым знакомством с известными футболистами «Спартака», так как недавно начал работать спортивным журналистом в газете «Советский спорт» и к этому времени успел познакомиться со многими знаменитостями. Он даже успел взять интервью у юного перспективного Миши Булгакова. Однако не учел, что Николай абсолютно не интересуется футболом, что стало очевидно по мере приближения к стадиону, когда он, реагируя на большое количество болельщиков, идущих на матч, произнес: *«Куда ты меня ведешь и отчего такой переполох?»*

---

[49] Шмитько С.Н. Как Николай Рубцов на «Спартак» ходил: [воспоминания] / Сергей Шмитько // Физкультура и спорт.– Москва, 2014.– № 9.– С. 30–31.

И когда начался матч, и даже когда «Спартак» забил гол, Рубцов не проявлял к игре никакого внимания. А через некоторое время все-таки спросил – *«А где здесь спартаковцы?»*

– Нет, мелковаты! – отреагировал он на пояснения, видимо, ожидая увидеть великанов или гигантов.

А когда после матча С. Шмитько подвел Рубцова к выходящему из раздевалки Михаилу Булгакову и познакомил их, Николай ошеломил молодого футболиста вопросом: *«Ты в господа-то веришь?»*.

Надеясь на ассоциативную память Сергея Николаевича, я полагал, что, опираясь на ключевые фрагменты из короткого сюжета, можно наводящими вопросами зацепить в памяти образы, впечатления, которые давно забыты, но могут возникнуть и что-то подсказать.

В статье уже были первичные данные, от которых можно отталкиваться, и я стал генерировать вопросы в поисках недостающей информации:

– В каком году, месяце мог проходить матч?

– С какой командой мог играть «Спартак»?

– Как закончился матч (победа, ничья, поражение, остался ли в памяти счет матча, много ли было забито голов)?

– Может, в памяти осталось яркое событие матча, например, гол кого-то из футболистов?

– Когда (в каком году) Вы начали работать в газете «Советский спорт», писали ли Вы отчет об этом матче?

– В очерке есть упоминание об интервью с Мишей Булгаковым, публиковалось ли оно?

Вопросов достаточно много, ответ пришел быстро: *«Уважаемый Алексей!.. Я был в штате отдела футбола «Советского спорта» с начала 1969 года, в нашу обязанность входило ходить на все матчи, включая дублеров, брать предварительные интервью у всех игроков, даже если эти интервью после матча и не вмещались на газетную полосу. О совсем юном, но очень талантливом Мише Булгакове большие интервью не появлялись, просто я упоминал о нем в своих отчетах, был с ним знаком. На футбол я водил своих друзей-болельщиков в ложу прессы. Как в случае с Рубцовым и моим сокурсником по литинституту, поэтом Анатолием Передреевым, которые были равнодушны к футболу. С Рубцовым же я ходил на футбол в Лужники или в конце 1969, или в 1970. Пить пиво в лужниковском спецбуфете Коле понравилось, он сказал об этом Передрееву, и тот тоже захотел пойти в Лужники вместе с нами уж не помню на какой матч. Но помню, что я тогда провел в ложу прессы их обоих, но игра их не интересовала, они провели весь матч в буфете...»*.

Браво, Сергей Николаевич! Первый шаг сделан – в поисках времени проведения матча сужаемся до отрезка 1969 – 1970 гг.

Предположение С. Н. Шмитько о том, что поход на «Спартак» мог состояться в конце 1969 года, опровергается самим же автором, так как в очерке есть описание, в чем Н. Рубцов был одет, обут – *«Рубцов был одет чистенько, но бедновато – рубашка светлая ситцевая навыпуск, темные невзрачные брюки вологодского пошива, дешевые сандалии на босу ногу»*[50]. Это описание позволяет четко определить время года – лето!

Параллельно я самостоятельно изучаю по футбольным справочникам спортивную биографию Михаила Булгакова – важного свидетеля и участника повествования, ставшего в 70-е годы легендой «Спартака» и любимцем болельщиков.

Фрагмент из общедоступной Википедии гласит[51], что Михаил Юрьевич Булгаков родился 12 октября 1951 в Курске, советский футбольный полузащитник, мастер спорта. Начинал карьеру в курских «Трудовых резервах», в 1970–1979 годах играл за московский «Спартак». Привлекался к играм за олимпийскую сборную СССР.

Из этой краткой справки мы узнаем нечто для нас важное – Михаил Булгаков пришел в футбольный клуб «Спартак» в 1970 году. Это совпадает с данными из письма Сергея Николаевича и означает, что Рубцов мог посетить футбольный матч «Спартака» только в 1970 году – не раньше и не позже, ибо в январе 1971 года Николай Рубцов погиб.

Итак, год 1970, лето, движемся дальше.

Матчи дублеров по объективным причинам рассматривать нет необходимости. Причина проста. Согласно очерку, матч проходил в Лужниках при большом количестве болельщиков. При этом следует заметить, что дублеры всегда играли накануне матчей основных команд и не на главной арене (чтобы не повредить газон до матча главных команд), то есть в данном случае – не в Лужниках. Практически все домашние матчи сезона 1970 г. дубль «Спартака» проводил на своей базе в Тарасовке, реже, как и гостевые матчи с другими московским командами,– на других полях[52]. Поэтому

---

[50] Шмитько С. Н. Как Николай Рубцов на «Спартак» ходил: [воспоминания] / Сергей Шмитько // Физкультура и спорт.– Москва, 2014.– № 9.– С. 31.

[51] Булгаков, Михаил Юрьевич. // Википедия: свободная энциклопедия [электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Булгаков,_Михаил_Юрьевич. (дата обращения: 10.12.2020).

[52] Чемпионат СССР среди дублеров 1970. //Footballfacts. Футбольная статистика и не только [электронный ресурс]. Режим доступа: https://footballfacts.ru/tournament/24927-chempionatsssrsrededublerov1970. (дата обращения: 10.12.2020).

утверждаем, что матч, который посетил Николай Рубцов – игра основных составов команд.

Вновь возвращаемся к Михаилу Булгакову.

Уж много внимания Сергей Николаевич уделяет в статье этому перспективному футболисту! Поэтому для дальнейших поисков я выдвигаю рабочую гипотезу, что Булгаков принимал участие в этом матче (выходил на поле), и по футбольным справочникам собираю полную статистику матчей «Спартака» в Лужниках в 1970 году, в которых принимал участие Михаил. Благо, что спортивная статистика (и футбольная в частности) знает всё!

Итак, согласно футбольной статистике, Михаил Булгаков в 1970 году принял участие в 12 матчах[53] (8 – в чемпионате страны и 4 – на кубок) за основную команду «Спартака».

Проанализируем эти матчи.

Из двенадцати игр ровно половина домашних. Из оставшихся шести – всего три приходятся на летний период, остальные – на весну и осень.

Из оставшихся трех – в двух (с «Черноморцем» и «Жальгирисом») «Спартак» не забивал (а согласно очерку, гол, хотя бы один, был), а лишь в одном сыграл с минским «Динамо» вничью со счетом 1:1. Этот матч состоялся 8 июня.

Казалось,– вот оно решение, причем, единственное и безальтернативное! На радостях сообщаю об этом Сергею Николаевичу с надеждой, что он подтвердит результаты моих исследований.

Но нужно было подтверждение этому результату и с другой стороны – мог ли быть Рубцов в эти дни в Москве? И как раз здесь наступает разочарование. Согласно биографическим данным последнего года жизни поэта, 9 июня 1970 года Николай Рубцов поранил руку и попал в Вологодскую больницу[54]. Дата конкретная, неоспоримая. Знал я об этом, но поторопился радоваться.

Значит, очевидно, что 8 июня он не мог посетить футбольный матч в Москве. Да и по пришедшему письму от Сергея Николаевича стало понятно, что в том матче, на котором был Рубцов, Булгаков на поле мог и не выходить: *«Уважаемый Алексей, о матчах дублеров я упомянул как о необходимости знакомства с молодыми и с новичками, которых еще только просматривают в командах. О 16-летнем*

---

[53] Михаил Булгаков в сезоне 1970 года. // Спартак (Москва) [сайт]. Режим доступа: https://fanat1k.ru/stats-player-63-season-1970.php

[54] Коняев Н.М. Николай Рубцов.– М.: Молодая гвардия, 2015.– (Жизнь замечательных людей: ЖЗЛ).

Булгакове из Курска заговорили задолго до его появления в основном составе «Спартака», восхищались его игрой... То есть он был уже в спартаковской обойме. Я же не написал, что Миша гол забил, может, он тогда и на поле не выходил, я только помню, как он удивился и смутился, услышав от Рубцова: "Ты в Господа-то веришь?"».

Судя по нашему анализу, так оно и есть.

Остается проанализировать остальные матчи «Спартака» того сезона, в которых М. Булгаков на поле не выходил.

Вновь обращаемся к футбольной статистике и выясняем, какие матчи сыграл «Спартак» в 1970 году.

На Кубок СССР летом 1970 года «Спартак» 2 июня проиграл в Лужниках вильнюсскому «Жальгирису» со счетом 0:1, а 27 июня в Баку проиграл местной команде «Нефтчи» 0:1 и выбыл из розыгрыша[55]. Поэтому матчи «Спартака» на Кубок страны оставляем без внимания.

А что в чемпионате СССР?

В чемпионате СССР «Спартак» в летний период в Лужниках (на Центральном стадионе им. В.И. Ленина) сыграл всего 9 матчей[56]. Из них матч 8 июня с минским «Динамо» мы рассмотрели выше, в матче с одесским «Черноморцем» зафиксирована нулевая ничья, еще в пяти матчах «Спартак» в первом тайме гол не забивал.

Остаются для рассмотрения два матча: 22 июня с донецким «Шахтером» («Спартак» победил со счетом 5:0) и 17 августа с «Зенитом» («Спартак» победил со счетом 3:0). В этих матчах «Спартак» в первых таймах поразил ворота соперника.

Из биографии Н.М. Рубцова известно, что со второй половины июня и по середину июля он пребывал в Москве[57] и занимался подготовкой к печати нового сборника стихов «Зеленые цветы», а по августу нет подтвержденных данных о возможном пребывании Рубцова в Москве.

Таким образом, все сводится к одному матчу («Спартак» – «Шахтер») и одной дате – матч состоялся 22 июня 1970 года.

---

[55] Статистика Спартак (Москва): Кубок СССР 1970. Информация о турнире // Спартак (Москва) [сайт]. Режим доступа: https://fanat1k.ru/stats-tournir-83.php (дата обращения: 10.12.2020).

[56] 32-й чемпионат СССР, 1970 г. Высшая группа «А», Спартак (Москва), все матчи. // Wildstat.ru [сайт]. Режим доступа: http://wildstat.ru/p/2091/ch/URS_1_1970/stg/all/tour/all/club1/URS_Spartak_Moskva. (дата обращения: 10.12.2020).

[57] Рубцов Н.М. Собрание сочинений в 3 т. Т. 1: Стихотворения. 1942–1967.– М.: ТЕРРА, 2000. С. 30., Полетова М.А. Душа хранит... Николай Рубцов: Малоизвестные страницы биографии.– М.: Молодая гвардия, 2009. С. 277.

Но сообщить Сергею Николаевичу ход моих размышлений и результат я не успел. Сергей Николаевич меня опередил, написав мне следующее письмо: *«Уважаемый Алексей, я разобрался, на какой матч ходил с Рубцовым в Лужники. Это было 22 июня 1970 года. Играли «Спартак» и «Шахтер» (Донецк). Спартаковцы победили – 5:0. Вот что написано во вступительной статье к трехтомнику Рубцова, в частности, о его последнем годе жизни: «С середины июня Рубцов около месяца кружился в тополиных метелях столицы – приехал с перебинтованным запястьем правой руки»*[58]*. В этом «кружении» мы и сходили с ним на «Спартак» в Лужники. И руку его забинтованную вспомнил»*.

Что ж, пора подводить итог.

Судя по приведенному письму, Сергей Николаевич параллельно со мной активно занялся изучением статистики футбольных матчей за 1970 год и методом исключения, а также только ему понятного включения памяти пришел к своему результату.

Я был несказанно рад, что Сергей Николаевич откликнулся на мое предложение по поиску даты похода Н. Рубцова на «Спартак» и что совместными усилиями мы дополнили еще одну страницу из биографии Николая Михайловича Рубцова.

В следующем письме Сергей Николаевич подвел итог: *«Уважаемый Алексей, по-моему, все получилось к месту, и теперь у всей этой истории похода Рубцова на «Спартак» есть два автора – я и Вы, и это замечательно, интригует, читается на одном дыхании. Разница только в том, что Вам была нужна точная дата, а в моих воспоминаниях мне это было не важно, я шел не от даты, а от того, что в тот вечер «Спартак» в Лужниках играл. Я очень хорошо понимаю, что в подобных воспоминаниях самое главное, не соврать ни в чем, обязательно будешь разоблачен, как примазыватель к личности выдающегося человека – в целом, и в частностях. А что может быть ужаснее этого?! Поэтому меня больше всего тронули Ваши и Тамарины слова в письме (когда выяснилась дата похода с Рубцовым на футбол) о том, что вы мне верили»*.

Однако это оказался не финал истории.

Когда материал уже был готов и даже с этими результатами размещен на сайте «Душа хранит» в качестве послесловия к воспоминаниям С. Н. Шмитько «Как Николай Рубцов на «Спартак» ходил»[59], я получил от Сергея Николаевича новое письмо: «*Уважаемый*

[58] Рубцов Н. М. Указ. соч. С. 30.

[59] Шмитько С. Н. Указ. соч. С. 30–31.

Алексей, звонил вчера Вам, но не дозвонился. Я вспомнил, почему знакомый контролер не пускал Рубцова в ложу прессы. Он все твердил, что ложа переполнена. А это могло быть только на матче в Лужниках ЦСКА – «Спартак», который состоялся 1 июля 1970 года и закончился проигрышем «Спартака» – 1:2. Значит, мы ходили с Рубцовым на столичное дерби этих команд. Я потому и познакомил его с неигравшим в этом матче совсем юным талантом Мишей Булгаковым, что к основным игрокам сразу после поражения лучше не подходить. Вот такой получился эпилог почти детективного расследования этой даты пятидесятилетней давности».

Что ж, очень хорошо, что мы не остановились, как оказалось, на новом промежуточном итоге. Данное письмо меня восхитило, в первую очередь, тем, что Сергей Николаевич после, казалось бы, окончания нашего «расследования» не успокоился, а продолжал думать над этой темой. А новая вводная требует новых размышлений. Эти размышления вызвали в памяти практически забытые штрихи. Теперь приоритетный аргумент – огромное количество зрителей и переполненная ложа прессы. Этот аргумент очень убедителен, ибо эмоции и впечатления всегда ярче сухой статистики.

Ход предыдущих размышлений уже свел возможные временные рамки до одного месяца – с середины июня до середины июля. За это время «Спартак» в Лужниках играл всего четыре матча – 15 июня с одесским «Черноморцем», 22 июня – с «Шахтером», 1 июля – с ЦСКА и 13 июля – с московским «Динамо». Рассматривая эти матчи через призму нового, приоритетного критерия – критерия посещаемости, отметим, что на матче с «Черноморцем» было всего 2,5 тыс. зрителей, на матче с «Шахтером» – 7 тыс., на матче с ЦСКА – 65 тыс., с «Динамо» – 65 тыс.[60] Это объяснимо. И ЦСКА, и «Динамо», и «Спартак» в сезоне 1970 года были в лидерах чемпионата. Таким образом, перевес в пользу двух последних матчей очевиден. А учитывая, что после похода на «Спартак» Николай Рубцов ходил на футбол еще раз, пригласив в компанию А. Передреева, то «наш» матч приходится на 1 июля, с ЦСКА.

Подводя итоги этим поискам, мы не будем со стопроцентной уверенностью пытаться убеждать читателей, что выявленная дата похода Николая Рубцова на «Спартак» окончательная, ибо она опирается на воспоминания, футбольную статистику и логику

---

[60] Протоколы футбольных матчей 1970 года. «Спартак» (Москва). Футбольный клуб «Динамо» (Москва) [сайт]. Режим доступа: https://fcdynamo.ru/champ/rezult.php?gd=1970&vk=%D1%EF%E0%F0%F2%E0%EA%20(%CC %EE%F1%EA%E2%E0). (дата обращения: 10.12.2020).

событий, но не подтверждена никакими документальными сведениями. Она остается наиболее вероятной.

Завершить это повествование хочется совершенно справедливыми замечаниями Сергея Николаевича Шмитько: *«...Так или иначе, все эти даты – 22 июня, 1 июля и 13 июля 1970 года связаны между собой в моей памяти с Рубцовым и «Спартаком». И еще с Передреевым, тоже оказавшимся равнодушным к футболу, но не к пивку в подтрибунном буфете. Тут не обойтись еще без одного «мозгового штурма. И главное, подсказать, уточнить эти три даты теперь уже никто не может, а знатоки статистики, наоборот, могут назвать «старым вруном», так знаменитый писатель называл другого знаменитого писателя своего времени... Назовешь навскидку дату, и пропал: тебе докажут, где в этот день был и ночевал Рубцов. Вот этого я больше всего и боюсь,* ***для меня главное не даты, а сам Рубцов и близкое общение с ним****».*

Мартюкова Галина Алексеевна,
заведующая Мемориальным домом-музеем Николая Рубцова, с. Никольское, Тотемский район, Вологодская область
Данилова Тамара Валентиновна,
председатель попечительского совета Мемориального дома-музея Николая Рубцова, заместитель руководителя Санкт-Петербургского Рубцовского центра, г. Санкт-Петербург

АЛЕКСЕЙ АНТУФЬЕВ – ПРИМЕР САМООТВЕРЖЕННОГО СЛУЖЕНИЯ ДЕЛУ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТИ ПОЭТА НИКОЛАЯ РУБЦОВА

В сентябре 2020 года исполнилось 75 лет со дня рождения Алексея Васильевича Антуфьева – ученого, кандидата военных наук, энтузиаста, искренне влюбленного в поэзию Николая Рубцова и много сделавшего для развития как мемориального музея Рубцова в селе Никольском, так и литературного музея при библиотеке имени Николая Рубцова Невского района Санкт-Петербурга, прекрасного человека, безгранично преданного своей малой родине.

Алексей Антуфьев родился 1 сентября 1945 года в деревне Хреново, что неподалеку от рубцовской Николы. Он стал первым ребенком в семье Манефы Алексеевны и Василия Матвеевича

Антуфьевых. Позднее в семье родилось еще трое детей: Валентин, Нина, Николай. По словам матери, дети росли трудолюбивыми, добрыми, дружными. Помогали по хозяйству, хорошо учились в школе. Алексей как старший всегда опекал младших, а когда в 1969 году не стало отца, и вовсе стал опорой семьи.

А. В. Антуфьев

После окончания семилетки Алексей год работает учеником моториста в клубе села Николы, затем отправляется учиться в Вологду, на киномеханика. В 1963 году, получив аттестат с отличием, возвращается в Николу, где в течение года трудится киномехаником в Никольском клубе, заодно учится в школе, в только что открывшемся 8 классе. Заведующей Никольским клубом в то время работала Генриетта Михайловна Меньшикова, гражданская жена Николая Рубцова, от брака с которой в апреле 1963 года родилась дочь Леночка – Елена Николаевна Рубцова. Молодой Алексей Васильевич имел счастье познакомиться и общаться с поэтом Николаем Рубцовым, который в 1963–64 гг. часто наезжал в Николу и иной раз жил там по несколько месяцев.

Затем последовали служба в армии, учеба в Ленинградском высшем артиллерийском училище, которое он оканчивает в 1972 году.

Из послужного списка Антуфьева Алексея Васильевича:

1972–1976 гг. – командир взвода, командир батареи, затем дивизиона. Группа Советских войск в Германии.

1976–1979 гг. – слушатель Военно-артиллерийской академии имени Калинина.

1979–1982 гг. – адъюнкт этой академии. По завершению адъюнктуры – защита кандидатской диссертации, присвоение ученой степени кандидат военных наук.

1982–1995 гг. – преподаватель и старший преподаватель Военно-артиллерийской академии.

Уволился в запас в звании полковника, после чего работал старшим научным сотрудником НИИ Министерства обороны, начальником отдела охраны одной из строительных фирм Петербурга.

В 1968 году женился, от брака с Верой Александровной родились сын Геннадий и дочь Алена.

По профессии военный. А в душе – лирик, великий подвижник, исследователь жизненного пути Николая Рубцова.

Более 30 лет отдал Алексей Васильевич собирательской и исследовательской деятельности. Однажды поняв всю значимость поэзии Николая Рубцова, он ставит своей целью собрать как можно больше материалов о жизни и творчестве своего великого земляка.

Из письма Алексея Антуфьева краеведу Станиславу Першину (город Дзержинск Нижегородской области): *«Материалы о поэте, его стихи стал собирать преимущественно с конца 60-х годов. Почти все, что собрано, а собрано было немало, подарил музею поэта в Никольском. Отыскал много знакомых, знавших Рубцова при жизни. В общем, я фанат этого дела... для меня это всё»*[61].

Любая мелочь в жизни Николая Рубцова его интересовала, занимала. Без устали он собирал новые данные, уточнял факты. Развивалось, оттачивалось незаурядное чутьё собирателя. Целеустремленнее и глубже становились поиски. Благодаря стараниям Антуфьева из небытия появлялись на свет редкие фотографии поэта, книги, публикации, воспоминания. Ничего из своих находок он не оставлял себе, все материалы попадали в музеи и рубцовские центры.

Алексей Васильевич собирал и тиражировал записи с голосом поэта. Начало этой коллекции составили магнитофонные записи, сделанные Б. И. Тайгиным в июне – июле 1962 года, в процессе работы над изданием книги «Волны и скалы».

Осуществляя столь широкую благотворительность, наш меценат оставался чрезвычайно скромным человеком, с огромным искренним уважением и благодарностью относившимся к другим исследователям жизни и творчества Николая Рубцова.

Из письма Станиславу Першину: *«Я не приемлю того, чтобы как-то приписывать себя к имени великого Рубцова. Считаю, что делаю любимое дело, и этим счастлив. Это дело моей жизни. Я*

---

[61] Першин С. А. Перечитывая письма родственной души.– Дзержинск (Нижегородская область), 2007. С. 8.

руководствуюсь принципом: если не я, кто это сделает? Уходит время, уходят люди, те, кто знал поэта. Есть еще возможность что-то успеть спасти, найти какие-то документы, материалы, фотографии, письма, воспоминания. Я считаю, что любая, даже самая маленькая, информация о том, что связано с именем поэта, должна быть в музее, это История! Поэтому делаю своё дело, не оглядываясь на то, будет там моё имя или нет, не думая о материальных благах, хотя это порой сдерживает поиск задуманного. Не жду пресловутых спонсоров, так как попытки привлечь убогих «новых русских» в это дело – с треском провалились»[62].

Летом 1996 года Алексей Васильевич впервые пришёл в дом-музей Рубцова в Николе, а еще раньше в январе того же года в музей пришла посылка из Санкт-Петербурга с книгами Рубцова, других вологодских писателей. В посылке лежало письмо: *«В дар музею Н. М. Рубцова от земляка поэта, кандидата военных наук, доцента, полковника Антуфьева Алексея Васильевича из собрания личной библиотеки в год 60-летия Николая Рубцова»*. Это был первый дар музею от Алексея Васильевича. А всего за 12 лет сотрудничества было передано около 300 единиц хранения. Это редкие

А. В. Антуфьев и Г. А. Мартюкова в Доме-музее Николая Рубцова. 2005 год

[62] Першин С. А. Перечитывая письма родственной души. Дзержинск. Нижегородская область. 2007 год.

книги, аудио- и видеокассеты, картины, газетные публикации, фотографии.

В родное село Алексей Антуфьев приезжал при первой возможности. В кабинет музея не входил, а вбегал, принося с собой хорошее настроение, свежие новости из Санкт-Петербурга. Положив на стол очередной дар музею, рассказывал:

– У Татьяны Алексеевны (Абрамовой) новая экспозиция в музее. А какой они вечер памяти Рубцова провели, сколько гостей было!

– А вот тут новые публикации о Рубцове. Это вот авторучка, которой пользовался Николай Рубцов при подготовке к изданию книги «Волны и скалы». Её передает в ваш музей Тайгин Борис Иванович.

– А это книга о Рубцове Николая Коняева с дарственной надписью для музея.

– А эти книги дарят вам поэты Санкт-Петербурга Николай Астафьев и Владимир Меньшиков.

– Вот это, Галя, на кассете уникальная запись: Николай Рубцов читает свою поэму «Разбойник Ляля».

Уходил также стремительно, как и появлялся.

Однажды у Г. А. Мартюковой родилась мысль пройти по старой рубцовской дороге от села Красного до Николы. И не просто пройти, а с камерой, и записать воспоминания людей, знавших Николая Рубцова при жизни. Алексей Васильевич загорелся этой идеей сразу. Поддержал и Валентин Клавдиевич Дуров, редактор Тотемской районной газеты, согласившийся быть оператором. В течение двух августовских дней 2000 года были записаны воспоминания художника Г. И. Попова, бывших детдомовцев Шихова А. Ф., Тугариновой Л. С., учителей Нечаевой Н. И. и Шамаховой Н. А., гражданской жены Николая Рубцова Шамаховой (Меньшиковой) Г. М. Позднее Валентин Клавдиевич на основании этого материала сделал любительский фильм «В Николу, к Рубцову». Фрагменты из видеозаписей были использованы Владимиром Кудрявцевым в фильме «Подорожники».

В конце 90-х годов прошлого столетия Алексей Антуфьев познакомился с Борисом Тайгиным, ленинградским поэтом, который в свое время активно занимался самиздатовской деятельностью и изготовил шесть экземпляров книги стихов Рубцова «Волны и скалы». В 1998 году Антуфьев переиздает «Волны и скалы», причем первую часть тиража в 300 экземпляров – на свои средства.

Обложки сборников стихов Н. М. Рубцова, вновь изданных благодаря А. В. Антуфьеву

По словам Бориса Ивановича, переиздав «Волны и скалы», Антуфьев совершил исторически святое дело. Когда-то, прочитав эту книгу, Василий Белов написал на ней: «Нужно издать миллионным тиражом». Но государство эту книгу так и не выпустило. Сделал это Алексей Васильевич Антуфьев.

Из письма Алексея Антуфьева Станиславу Першину: *«Книгу «Волны и скалы» мечтал отыскать и издать давно, но вот судьба свела меня с Борисом Тайгиным, как видите, задуманное осуществилось. Материалы его, а финансы мои. Результат – книга. Я считаю это самым большим делом моей жизни, что я смог сделать для моего земляка, его памяти»*[63].

В 2000 году Антуфьев и Тайгин выпускают еще один сборник – «Успокоение». Из вступительной статьи Алексея Антуфьева к сборнику: *«В государственном архиве Вологодской области в числе других рукописей поэта – оглавление задуманного им очередного*

[63] Першин С. А. Указ. соч. С. 9. Першин С. А. Сокрытое за книжными страницами: 50 лет первой книге поэта Николая Рубцова «Волны и скалы». // Душа хранит. [сайт]. Режим доступа: https://rubtsov-poetry.ru/others_3/volny_i_skaly_50_let.htm (дата обращения 04.01.2021).

сборника стихов, который по невыясненным обстоятельствам так и не был издан. Согласно оглавлению, в него должны войти 39 стихотворений с названием «Успокоение». Впервые спустя 30 лет издательством Бэ-Та было решено восполнить этот пробел в литературном наследии поэта: издать небольшим тиражом задуманный поэтом сборник»[64].

Все изданные им книги, а также другую приобретенную им литературу, Алексей Антуфьев дарил музеям и рубцововедам. На любые попытки передать деньги отвечал отказом. *«Я не могу продать, у меня рука не поднимается это сделать. Эти книги не имеют цены. Их можно только подарить, но не каждому. А только истинным фанатам поэзии великого поэта. Мне дорого то, что эти книги попадут в настоящие руки, где их оценят по достоинству»*[65].

В Петербурге Алексей Васильевич жил в Приморском районе, недалеко от Елены Николаевны Рубцовой, дочери поэта. Они довольно часто встречались, тепло общались, помогали друг другу. Алексей Васильевич делился своими находками. Елена Николаевна вспоминает: *«Часто бывало, позвонит, скажет – ты дома? Сейчас забегу к тебе! Прибежит, всегда оживленный, энергичный, принесет в очередной раз в подарок книгу или что еще...»*.

Елена Николаевна навещала уже тяжело больного Алексея Васильевича незадолго до его ухода. Он улыбался приветливо, разговаривал, видно, что рад встрече, несмотря на плохое самочувствие – уже тогда не мог вставать. По словам Елены Николаевны, он остался в ее памяти хорошим, светлым, очень отзывчивым человеком.

Одним из очагов безграничной любви к поэту является библиотека имени Николая Рубцова Невского района Петербурга, замечательный музей, где все дышит Рубцовым, его поэзией. Алексей Васильевич Антуфьев очень много души вложил в становление музея. Заведует библиотекой и руководит музеем заслуженный работник культуры РФ Абрамова Татьяна Алексеевна. По ее словам, Алексей Васильевич бескорыстно помогал не только их библиотеке, а всему рубцовскому сообществу – музеям, библиотекам, школам, рубцовским центрам и отдельным исследователям, которые себя проявили. Делился фотографиями, оказывал любую посильную помощь. Когда появлялось, к примеру, новое издание,

---

[64] Рубцов Н. М. Успокоение: сборник стихотворений / Н. Рубцов; [вступ. ст. А. Антуфьев].– СПб.: Бэ-Та, 2000. 50 с.

[65] Першин С. А. Перечитывая письма родственной души.– Дзержинск (Нижегородская область), 2007. С. 10.

то он совершал необходимые закупки и приносил в дар всем своим многочисленным «абонентам».

За свое многолетнее бескорыстное служению делу сохранения памяти Николая Рубцова Алексей Васильевич Антуфьев стал лауреатом премии имени Екатерины Дашковой в номинации «Меценат». Копия диплома хранится в музее библиотеки имени Рубцова в Петербурге.

Но моя родимая землица
Надо мной удерживает власть.
Память возвращается как птица
В то гнездо, в котором родилась...

– писал Николай Рубцов. Вот и Алексея Васильевича постоянно тянуло в родную Николу, куда он приезжал, как только появлялась возможность. Воздух родины, родные с детства места давали ему силы жить в этом непростом мире.

Из писем Алексея Антуфьева в Великий Устюг писателю Анатолию Мартюкову: *«Для меня нет ничего дороже, чем наши родные места, наша чудесная Толшма, леса, болота с красной ягодой брусникой и клюквой, с несравненным утренним пением птиц».*

«На улице весна, душа рвётся в деревню, очень скучаю, не знаю, как еще два с лишним месяца переждать»[66].

«Готовлюсь к отпуску, снятся родная Никола, речка Толшма»[67].

«Был в Новый год в Николе. Подышал воздухом родины, заготовил дрова матери. Съездил в лес. Вспомнил, как ходили заготавливать дрова с отцом. Разводили костер, пекли картошку. Какие чистые воспоминания детства».[68]

Для Алексея Антуфьева большое значение имела связь и со своими близкими, не только с женой, детьми, внуками, но и с братьями, сестрой, племянниками. Для каждого он находил особое доброе слово.

В Николе на улице Рубцова стоит дом (№ 37), построенный Алексеем Васильевичем для своей матери Манефы Алексеевны. В этом доме он останавливался, когда приезжал на родину. Здесь он мечтал жить после выхода на пенсию и переезда в Николу. Но этой мечте его не суждено было сбыться – в результате тяжелой

---

[66] Мартюков А. «Светла душа в любви, темна в печали» // Тотемские вести.– № 35.– 03.04.2007. С. 3.

[67] Там же.

[68] Письмо А. В. Антуфьева А. С. Мартюкову от 11.02.2000 года. Архив Мемориального дома-музея Николая Рубцова.

Открытие мемориальной доски. 11 сентября 2020 года

болезни 23 февраля 2007 года Алексей Васильевич ушел из жизни. Согласно его волеизъявлению, он был похоронен на родине в селе Никольском, на сельском кладбище. На его могилу ежегодно приходят гости Николы, рубцовцы, знавшие его при жизни. А на доме номер 37 по улице Николя Рубцова 11 сентября 2020 года была открыта мемориальная доска Алексею Васильевичу Антуфьеву. Доска изготовлена по инициативе и на средства Тотемского музейного объединения и Попечительского Совета Мемориального дома-музея Николая Рубцова.

На открытие доски собрались многочисленные гости и родственники Алексея Васильевича – сын Геннадий Алексеевич, брат Николай Васильевич, приехавшие из Санкт-Петербурга, любимая сестра Нина Васильевна, которая живет в Николе и свято чтит память безвременно ушедшего брата. День 11 сентября выдался дождливым, но никто не ушел с торжественного мероприятия, в адрес Алексея Васильевича было сказано очень много теплых слов.

Широкая благотворительная деятельность Алексея Васильевича Антуфьева является примером бескорыстного служения делу

своей жизни для всех представителей рубцовского сообщества. Особо хочется подчеркнуть его трепетное отношение к Мемориальному дому-музею Николая Рубцова в Никольском как главному хранилищу документов и других артефактов, связанных с именем Николая Рубцова.

Светлая память выдающемуся земляку великого поэта, подлинному благотворителю Антуфьеву Алексею Васильевичу!

Ефремов Николай Трофимович,
член Союза журналистов России, краевед,
организатор Рубцовских чтений в Апатитах,
г. Апатиты, Мурманская область

ЛЕОНИД КАЛЕНИСТОВ: ПОВТОРНОЕ ЗНАКОМСТВО

В 2010 году к 80-летию газеты «Кировский рабочий» меня попросили написать о литературном объединении (ЛИТО) «Хибины», которое я посещал в 70–80-е годы.

ЛИТО исторически зародилось, сложилось и работало при редакции газеты. В конце 60-х годов редакция газеты переехала из Кировска в Апатиты, с этого времени начался расцвет газеты. Возглавлял газету тогда Леонид Александрович Каленистов**.** Благодаря ему в газете появилась обширная сеть общественных и рабочих корреспондентов. И вот, листая подшивки газеты тех лет, я заново «открыл» это имя.

Каленистов Л.А.– адресат Николая Рубцова, редактор тотемской районной газеты «Ленинское знамя», где в 60-е годы публиковался Н. Рубцов. 14 января 1964 года публикуется первая в газете подборка стихов Н. Рубцова с предисловием С. Багрова – «Поэт Николай

Л. А. Каленистов. Фото из архива Н. Т. Ефремова

Рубцов – наш земляк». Были напечатаны два стихотворения – «В океане» и «Я весь в мазуте...».

Цитирую по книге С. П. Багрова: «Надвигается вечер» (2003):

«...Зная безденежье Николая, мы с Елесиным уговорили редактора Леонида Александровича Каленистова дать Рубцову командировку. Леонид Александрович в командировке не отказал. Но поставил условие: дать для газеты несколько материалов из жизни интеллигенции колхоза "Никольский", и если получится, то написать стихотворение, посвященное 47-й годовщине Великого Октября... Вскоре пришло из Николы четыре письма. В первом из них, адресованном Каленистову, было стихотворение. Называлось оно "Октябрьские ветры"».

Известно письмо Н. Рубцова от 6 ноября 1964 года, где он благодарит Л. Каленистова за командировку.

И вот тогда, сопоставив все факты, смог сделать вывод, что это одно и то же лицо.

А в то время, в 1972–73 годах, я не знал этого, хотя видел его, встречал в редакции, где проходили заседания ЛИТО, даже разговаривал с ним, но... Позже нашёл и людей, хорошо знавших его в Хибинах, установил и родственные связи. Здесь у Каленистова была семья, а его племянник Е. Слышов был зятем Айны Рябининой, журналистки газеты.

Где-то в середине 1965 года Л. А. Каленистов приехал на Север, в частности в город Кировск. Вначале в газете «Кировский рабочий» появляются его фотографии и заметки, статьи по партийно-хозяйственной жизни апатитско-кировского района, но уже с 11 марта 1966 года он зам. редактора, а с 1967 года стал редактором газеты «Кировский рабочий».

Причин его переезда на Север высказывалось несколько, одна из них, полагаю, это возможность работы в архивах Мурманской области. Здесь он собирал материалы, писал кандидатскую диссертацию по теме: «Большевистская печать Севера в борьбе с иностранными интервентами и белогвардейцами (1918–1920)». Защита диссертации проходила в МГУ (факультет журналистики, кафедра истории парт.-советской печати) в 1973 году.

В этом же году, ожидая присвоения учёной степени кандидата исторических наук, Каленистов уехал с Севера. Но, по свидетельству его сына Леонида, вследствие нарушения нормативных сроков присвоения кандидатской степени он год был без работы в деревне Кротынь. Затем он устроился преподавателем истории КПСС в Вологодскую государственную молочно-хозяйственную

В редакции газеты «Кировский рабочий».
Л. Каленистов (стоит второй справа). 1966–1968 гг. Архив Ефремова Н. Т.

академию им. Н. В. Верещагина, кафедра философии и истории. А в 1987 году канд. ист. наук, доцент Л. А. Каленистов возглавил кафедру истории КПСС, где и проработал до пенсии. Каленистов был учредителем газеты «Семейные хлопоты» с приложениями. (Вологда, 1992). Умер он в 2005 году. Место и год его рождения: 07.03.1931 г., деревня Кисово, Уломского сельсовета.

Что касается его человеческих качеств, мне тогда при кратком общении показался он человеком по партийному сухим, довольно замкнутым, принципиальным, но человеком дела, а это, на мой взгляд, было главным, при нём газета «оживилась», обрела новое дыхание. В эти годы наиболее продуктивно работало и ЛИТО при газете, в его составе было много ярких авторов, ставших впоследствии членами союзов писателей и журналистов. Каленистов-редактор щедро предоставлял страницы газеты для публикаций как начинающим, так и известным нашим литераторам. Да и сам он мастерски владел пером, свидетельством тому служит и его краеведческая работа «Забытый у судьбы» (Вологда, 2000). Это статья о «бурсацком» поэте-вологжанине Василии Сиротине, авторе стихотворения – «Улица, улица, ты, брат, пьяна», ставшего известной песней.

Николай Рубцов, покидая Кировск, оставил нам «Прощальные стихи», Леонид Каленистов оставил свой след в журналистике Кольского края. Знал ли он тогда о пребывании Рубцова в Хибинах – неизвестно...

Кувшинов Сергей Анатольевич,
поэт, лауреат международных премий,
г. Дзержинск, Нижегородская область

МИНИАТЮРНАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ РУБЦОВИАНА

Когда под гнётом тяжкого застоя
печальным стало Родины лицо,
когда в стране забылось всё святое,–
пришёл в её поэзию Рубцов...

Александр Колесов

Честно признаюсь, с детских лет я испытывал неописуемый восторг, когда видел миниатюрные издания в книжных магазинах. Я понимал, что передо мной не игрушки и не уменьшенные копии книг. Нет, это были настоящие, изящно изданные книги, живущие по своим законам и правилам. Прошли годы. И пусть я не стал собирателем миниатюрных изданий, но любовь к миниатюрной книге сохранил на всю жизнь. Вспоминаю даже такой забавный эпизод из своей жизни. Перед сдачей экзаменов в школе и институте я, как и все школьники и студенты, готовил шпаргалки. Правда, делал их не в виде рулончиков или отдельных маленьких листочков, а из тетрадных страниц, придавая им форму миниатюрной книги. На всех экзаменах книжечка с ответами на вопросы экзаменационных билетов лежала у меня во внутреннем кармане пиджака, хотя я ни разу ей и не воспользовался. Просто написанное лучше запоминается, чем прочитанное.

И вот теперь, когда я познакомился и, как мне кажется, стал по-настоящему понимать творчество великого русского поэта Николая Рубцова, само собой меня не могли не заинтересовать миниатюрные издания его стихотворений. Совершенно по-иному я увидел созданные им образы, обнаружил более чёткую прорисовку деталей. Повторюсь, но многие, казалось бы, самые безобидные стихи поэта вдруг стали неким подобием «ситечка для чая», из которого закапало то, что было сокрыто за строками и между ними.

Так что же всё-таки представляет из себя миниатюрная книга? Таковой считается книга, если размеры титульного листа не превышают 100×100 мм (первая цифра – высота, вторая – ширина).

При жизни Николая Рубцова ни одна из его книг не выходила в миниатюрном формате. Какие там могли быть изыски в то нелёгкое для поэта время...

Лишь через год после трагического ухода поэта, пермские издатели отважились включить лирическое произведение Н. М. Рубцова «Памяти матери» (без названия) по первой строке «Вот он и кончился, покой!» в коллективный мини-сборник «Стихи о матери» (75×59).

...Сижу среди своих стихов,
Бумаг и хлама.
А где-то есть во мгле снегов
Могила мамы...

Такое горькое откровение поэта напечатано пермяками в своём издании в 1972 году. МАМА, это для неё маленький Коля тайком выращивал цветы на дальнем конце огорода. Преждевременный уход мамы в 1942 году – самая большая утрата в жизни Николая Рубцова, определившая всю его дальнейшую судьбу.

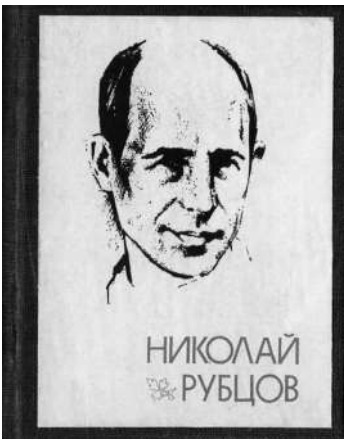
А пермяки и сейчас продолжают удерживать пальму первенства по числу миниатюрных книг, куда включают стихи Николая Рубцова.

В Перми в 1992 году издана поистине уникальная «жемчужина» – альбомчик «Золотые строки: Русская поэтическая миниатюра» (46×62). Это «маленькие шедевры русской лирики», отлитые 51 мастером поэтического слова России на протяжении XVIII–XX веков, начиная с великого Михаила Ломоносова и заканчивая Николаем Рубцовым. Его четырёхстишье «Пушкин» завершает поэтическую антологию:

Словно зеркало русской стихии,
Отстояв назначенье своё,
Отразил он всю душу России!
И погиб, отражая её...

Заслуживает восхищения оформление книжечки: прекрасный, ласкающий глаз светло-бежевый цвет переплёта с золотым тиснением, золотистый верхний надстрочный орнамент, изумительные ксилографии художника Н. Калиты. Воистину посчастливилось лирическим строкам Николая Рубцова!

Однако прошло более полутора десятка лет после «первенца», прежде чем увидел «свет» самостоятельный миниатюрный сборник стихов великого русского поэта. Осуществлена эта публикация журналом «Полиграфия», который, начиная с 1987 года, ежемесячно печатал в качестве приложений вкладные листы с текстами: при выполнении переплётных работ создавались мини-книжечки. В октябрьском номере за 1988 год впервые в миниатюрном формате издан рубцовский томик – Николай Рубцов. Стихи: Библиотечка журнала «Полиграфия» (68×47). 64 с.

В сборнике 44 стихотворения, однако, в оглавлении указано отсутствующее «На реке» (с. 61), а первое, открывающее изящную книжечку, вызывает недоумение и досаду на редакцию журнала, сделавшую «первый блин комом» – не указано название «На ночлеге» и пропущены первые две строфы:

Лошадь белая в поле тёмном.
Воет ветер, бурлит овраг,
Светит лампа в избе укромной,
Освещая осенний мрак.

Подмерзая, мерцают лужи...
«Что ж,– подумал,– зайду давай?»
Посмотрел, покурил, послушал
И ответил мне: – Ночевай!

Текст иллюстрирован пятью гравюрами Владислава Сергеева и Андрея Ушина и портретом поэта, по воле переплётчика украшающего переплёт или суперобложку. Заканчивается малютка стихотворением «Сентябрь»:

Слава тебе поднебесный
Радостный, краткий покой!..

Да, редакция журнала «Полиграфия» допустила две грубейшие ошибки со стихотворениями поэта в начале и конце сборника. Но что мешает нам исправить эту оплошность и привести отсутствующие строки Н. Рубцова в рамках данной статьи? А стихотворение «На реке» звучит так:

Реки не видел сроду
Дружок мой городской.
Он смотрит в нашу воду
С любовью и тоской!
Вода тепло струится,
Над ней томится бор
Я плаваю, как птица,
А друг мой – как топор.

Журнал «Полиграфия» впервые в практике современных отечественных издателей предоставил право «доморощенным» издательствам на коммерческой основе использовать журнальные тексты для самостоятельного набора или готовые фотоформы. Рассматривая известные издания «Стихов» Н. Рубцова, так называемые «новоделы», сохраняющие первоначальный текст 1988 года, но имеющие различные полиграфические отклонения от оригинала, представляется возможным отнести их к самостоятельным изданиям. Таковых выявлено пять: Москва, 1990 г., тираж 250000 экз.; Новосибирск, 1990 г. – 50 экз.; Ярославль, 1990 г. – 3000 экз. и два вологодских, 1995 и 2002 гг. – 100 и (?) экз. соответственно (сведения неофициальные). Общий тираж перечисленных изданий «Библиотечки журнала «Полиграфия» – порядка 275000 экз. Следует отметить вологодское издание, выпущенное Областной универсальной научной библиотекой имени И. В. Бабушкина. Оно посвящено 60-летию со дня рождения поэта, содержит 68 страниц, воспроизведён второй портрет Н. Рубцова работы художника Н. Калиты.

Журнал «Полиграфия» в 1991 году издал миниатюрный фотоальбом «Российский север» (94×62). В прекрасно оформленном альбоме представлены конкурсные работы вологодских фотохудожников, земляков Николая Рубцова. Книга открывается стихотворением «Душа хранит»:

Вода недвижнее стекла.
И в глубине её светло.
И только щука, как стрела,
Пронзает водное стекло...

«Душа хранит» – пожалуй, самое любимое моё стихотворение. Удивительно, как поэт смог в таком малом количестве строк соединить прекрасную пейзажную зарисовку с глубочайшей философией и выразить свою любовь к Родине и Богу. И что самое важное: не сказал «Я», предоставив читателю возможность додумать, дочувствовать. Как, скажем, в лучших образцах японской классической поэзии. Являясь большим почитателем последней, я часто сравниваю Николая Рубцова с великим Мацуо Басё. Не по литературным трудам, конечно, а по образу жизни. Оба – вечные странники, блаженные, не имевшие за душой ничего, кроме свободы. Ни денег, ни жилья... Выживали благодаря помощи добрых людей, знакомых и друзей. Их звали и гнали, уважали и боялись, восхищались ими и люто ненавидели. Но и те, и другие отдавали им дань за талант, признавая в них гениев. Даже сборнички стихов Николая Рубцова и классической японской поэзии из библиотечки журнала «Полиграфия» стоят у меня на книжной полке рядом.

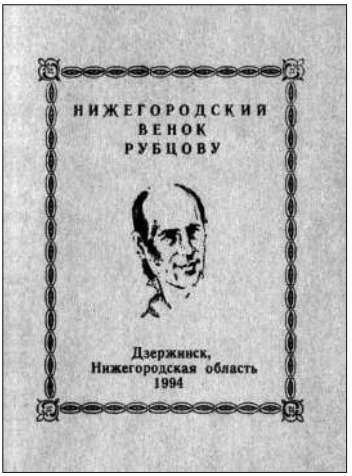
И что, на мой субъективный взгляд, самое важное. Журнал «Полиграфия» дал людям ту редчайшую возможность не просто стать обладателями миниатюрных книг, но и приобщиться к самому процессу книгоиздания.

Мне приятно держать миниатюрные книги Николая Рубцова в руках. Приятно ощущать, как покалывают они ладонь всеми четырьмя острыми краешками. Кажется, что поэт становится тебе особенно близок и понятен. И радости, и горести его ощущаешь, как свои собственные.

«Миниатюрная Рубцовиана» насчитывает около полусотни различных изданий. Это не только авторские книги, но и коллективные сборники, куда включены отдельные стихотворения великого поэта России. Помимо этого встречаются издания, где упомянуто имя Николая Рубцова, помещены стихотворные посвящения поэту или приведены его лирические строки в качестве эпиграфов, а также книги, целиком ориентированные на исследования его жизни и творчества. Даже рекламные проспектики с анонсами многочисленных встреч и выставок на рубцовскую тематику (объёмом не менее четырёх страниц) – всегда желанные гости на полках коллекционеров.

Я с глубоким уважением отношусь к собирателям и знатокам творчества Николая Рубцова, которые, как любящие родители, знают каждую «родинку» во всех книгах своего кумира и свято берегут память великого русского поэта.

Особую гордость я испытываю оттого, что являюсь обладателем редчайшего раритета – «Нижегородского венка Рубцову».

Испытываю гордость за своих земляков, которые безвозмездно отдали дань памяти великому поэту России. «Нижегородский венок Рубцову» (95×72), изданный библиофилами Черноречья, был представлен читателям 31 июля 1994 года в Варнавино (Нижегородская обл.), где состоялся «Рубцовский праздник поэзии», приуроченный к 25-летию посещения Нижегородчины Николаем Рубцовым.

Книжечка – первая попытка в России создать «Венок поэту», книгу лирики и прозы, фрагментов публикаций в периодической печати и рекламных изданиях, посвящённых Н. Рубцову и опубликованных в Нижегородском крае. Среди авторов – Александр Сизов (1949–1997), студенческий товарищ Николая Рубцова по Литинституту, принимавший поэта на своей родине, на Ветлуге, в 1969 году. Он представлен фрагментами из воспоминаний «Рубцов на Ветлуге» и впервые опубликованном стихотворением «Осень на Сухонской переправе», посвящённом безвременно ушедшему от нас ПОЭТУ.

Дичь улетела, паромщика нет.
Или в Николу под вечер, во мрак
Перебирается сирый поэт.
Вот он сидит среди ив и ухаб,
Маятно курит, разводит костёр,
В старом пальтишке, должно быть, озяб,
Взгляд же, как прежде, тревожно-остёр.
Думы о жизни...

Фронтиспис «Венка...» оформлен портретом Н. Рубцова (1994 г.) работы местного художника В. И. Дятлова в натуральную величину. Книга выпущена общим тиражом 250 экземпляров, из них 200 одеты в картонажную обложку, остальные – в твёрдый переплёт, причём 13 из них имеют и обложку, и переплёт.

В настоящем сборнике опубликованы произведения тринадцати авторов, посвящённых поэту. Среди них – подборка из восьми лирических стихотворений поэтессы Эльвиры Куклиной. Открывает цикл «Акростих», адресованный Николаю Рубцову и расположенный на 22-й странице:

***Н**икому судьбы не миновать.*
***И** к чему искать себе другую?*
***К**ораблям – взрезать волну тугую,*
***О**блакам по небу проплывать.*
***Л**юдям – милым краем дорожить,*
***А** не мнить, что их удел – столица.*
***Ю**ность в дальних странствиях прожить,*
***Р**вать цветы и на звезду молиться.*
***У**ходить из дому на рассвете,*
***Б**ез упрёка беды принимать.*
***Ц**еловать детей, за то что дети,*
***О**тчий край беречь и помнить мать.*
***В**сё пройти. Оставить для живых,*
***У**ходя, звезду, улыбку, стих.*

1983, г. Нижний Новгород

Одним из составителей сборничка был Дмитрий Александрович Ширяев (1950–2010), основатель музея Николая Рубцова в Дзержинске. Его личное собрание, подаренное городу и всем почитателям творчества Николая Рубцова, составило костяк музея. Очень жаль, но жизнь Дмитрия Александровича трагически оборвалась. Но осталось его детище и его строки, посвящённые крупнейшему исследователю жизни и творчества Н. Рубцова, вологжанину Вячеславу Сергеевичу Белкову (1952–2006), опубликованные в книжечке на 18-й странице:

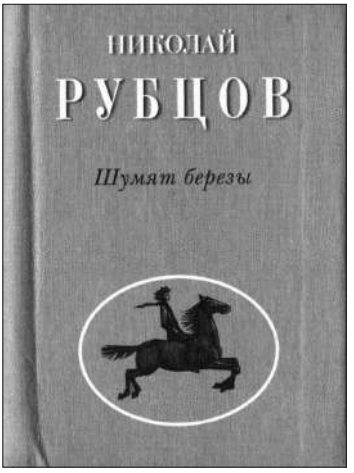
Листаю жадно
Книги в магазине,
Опять ищу в них
Дорогое имя –
Я «эр» ищу
В начале главных слов.
И там,
Где обнаружу вдруг –
«Россия».
Ищу синоним родины –
«Рубцов».

А как же обстоят дела с выпуском книжек-малышек со стихами Николая Рубцова в наше, новейшее время? В 2001 году в издательстве «Художественная литература» вышел коллективный сборник «Деревенские рифмы: Стихи русских поэтов о деревне

(от Жуковского до Рубцова)», составленный Г. В. Ивановым. Тираж книги 5000 экз. Издание иллюстрировано работами целой плеяды великих русских живописцев. Заслуживает внимание сельский пейзаж, украшающий суперобложку сборника. Здесь есть всё, что мило русскому сердцу и отображено в лучших образцах лирики Николая Рубцова: лес, поле, река, церковь и облака... Стихам Н. М. Рубцова в книге отведено аж двадцать страниц (282–302).

В следующем, 2002 году в той же «Художественной литературе» появляется на свет миниатюрный сборник стихов Николая Рубцова «Шумят берёзы» (96×67). Книга одета в суперобложку и иллюстрирована графикой художника Юрия Коннова. Открывается томик ранним произведением «Деревенские ночи», а заканчивается стихотворением «Встреча», в котором Николай Рубцов, пожалуй, обращается не только к своему другу, а к каждому из нас, делясь своим грустным открытием:

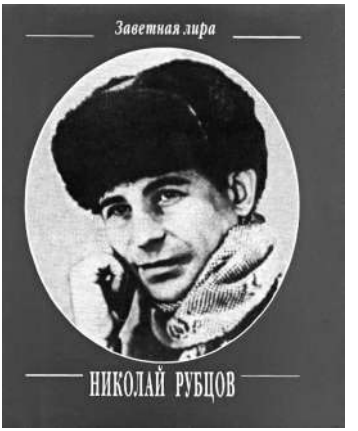

Не только я, не только ты,
А вся Россия изменилась!..

Да, тысячу раз прав составитель этого мини-сборника Виктор Максимов, подчёркивая, как и Рубцов, что Россия меняется. Правда, Рубцов сказал это сорок с лишним лет назад, что мы осознаём только сейчас. Да и осознаём ли?..

Следующее миниатюрное издание «Стихотворения» (95×68) из серии «Заветная лира», выпущенное в Москве в 2006 году издательством «Эллис Лак 2000» (редактор-составитель Н. П. Ходю-

шина) откровенно расстроило и огорчило. Открывается сборник разделом, в который вошла подборка стихов из книги «Волны и скалы». Так вот, из двух дюжин стихов этого раздела только одно напечатано без ошибок («Праздник в посёлке»). В остальных же нарушена авторская разбивка строк, строчные буквы в начале строк заменены прописными, приведены более поздние варианты стихов. Стихотворение «Добрый Филя» в книге «Волны и скалы» называлось «Лесной хуторок» (идиллия). «Добрым Филей» оно стало спустя три года после авторской публикации в десятом номере журнала «Октябрь» за 1965 год. Таким образом, издатели «Стихотворений» попросту упростили себе задачу, даже не удосужившись заглянуть в оригинал книги. Спрашивается, для кого в 1998–1999 гг. были отпечатаны два выпуска (общий тираж 1500 экз.) репринтного переиздания первого машинописного сборника стихов Николая Рубцова «Волны и скалы» (6 экз.!), выпущенного в 1962 году Борисом Ивановичем Тайгиным в своём «домашнем» издательстве «Бэ-Та» под редакцией и руководством Н. М. Рубцова? И, вполне естественно, что на душе остаётся неприятный осадок оттого, что тысячам читателей преподносятся псевдорубцовские стихи.

Однако, несмотря на отмеченные недостатки, внешне книга смотрится очень изящной и привлекательной. Суперобложку украшает известный фотопортрет поэта в шапке и шарфе. Но не покидает какое-то печальное чувство утраты, когда выпускаешь книгу из рук и ставишь её на стол. Одинокий томик начинает напоминать крохотный обелиск...

И почему-то возникает непреодолимое желание вернуться на шестнадцать лет назад и упомянуть о миниатюрной книге Ивана Данкова «Материнская заповедь» (96×68), изданную в Краснодаре в 1990 году тиражом в 10000 экз. за счёт средств автора. Здесь на 64-й странице напечатано стихотворение, посвящённое Николаю Рубцову:

Ты воли у неба не просил...
И светом душа наполнялась.
Неужто совсем не осталось
Ни друга, ни веры, ни сил?..

С судьбою твоей говоря,
Вдруг вздрагивал ветер от боли.
Молчало морозное поле
В глубоких снегах января.
Ты воли у неба просил...
И волей небесной осталась
Такая великая малость –
Страдать и любить на Руси.

Прочитав эти леденящие душу строки, на ум невольно приходят мемуары Бориса Шишаева, опубликованные в 2006 году, в которых он вспоминает день похорон Николая Рубцова: «Хоронили мы его на новом кладбище, и это тоже оказывало какое-то подавляющее действие.

Представь себе: чистое поле, в центре его два-три свежих могильных холмика и рядом с ними – в этом чистом поле, опускают в могилу Рубцова. Холодно как-то и жутковато стало на душе, когда застучали о крышку его гроба первые комья земли. До сих пор мурашки бегут по спине, когда вспоминаю об этом...».

В 2008 году в Удмуртии, в издательстве «Анигма» (г. Ижевск) при непосредственном участии библиотекарей посёлка Яр вышла из печати миниатюрная поэтическая книга «Страна туманов: Сборник стихов самодеятельных авторов Ярского района Удмуртской республики» (69×60). Издание открыло серию «Поэтический дебют». Тираж сборника 100 экз., из них 10 – в эксклюзивном исполнении. В книгу вошли стихи 7 самодеятельных поэтов Ярского района. Особенно привлекают поэтические строки Людмилы Викторовны Яковлевой о сборнике стихов Николая Рубцова:

Душой истерзанной пою
Тому, чьи раны кровоточат.
О Русь, я боль твою возьму
И разделю на много точек.

Рассею их во тьме ночной,
Зарёю алой окроплю их,
И нитку бус росы земной
Тебе, читатель, подарю я.

Буду весьма признателен собирателям миниатюрной книги, кто может поделиться конкретной информацией по поводу выпуска в 2001 году в издательстве «АШ» (Одесса-Рехobot) миниатюрного двухтомника стихов Николая Рубцова «И буду жить в своём народе». [Подбор материалов и сост.: Невежин А.; Художники Сергеев В. А., Чернецов Г.].

В период работы над статьёй родилось стихотворение:

И снова,– споря с фолиантом[69]*,–*
Давая пищу для ума, –
Пестрят, малы, но элегантны
Миниатюрные тома.

На их страницах неизменно
От старины до наших дней –
Петрарка, Пушкин и Есенин,
И сам певец звезды полей.

Из них последний, замечаю,
На равных говорит со мной –
Рубцов, весёлый и печальный,
Такой понятный и земной.

Пусть неустанно за окном на небосклоне продолжает, не угасая, гореть путеводным светом «для всех тревожных жителей земли», то бишь для нас, ЗВЕЗДА ЕГО ПОЛЕЙ...

При работе над статьёй частично использовано собрание черноречкого библиофила Станислава Алексеевича Першина.

Новиков Алексей Евгеньевич
кандидат филологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет»,
г. Череповец, Вологодская область

РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ ТВОРЧЕСТВА Н. М. РУБЦОВА

Отражению религиозных (прежде всего, православных) традиций в творчестве Н. М. Рубцова, роли православия в жизни поэта в последние годы было посвящено достаточно много различных материалов[70]. В настоящей статье хотелось бы поделиться и своими наблюдениями над поэзией Н. М. Рубцова, связанными с указанной проблематикой.

---

[69] «Споря с фолиантом» – статья Н. И. Левченко о миниатюрной книге.

[70] См.: Н. М. Рубцов и Православие: Сборник статей о творчестве Н. М. Рубцова.– Москва: ЗАО – «Издательский дом "К единству!"», 2009.– 430 с.; Кириенко-Малюгин Ю. И. Николай Рубцов и Православие // «Звезда полей». [сайт] – Режим доступа: http://rubcow.ru/index.php/publikatsii-kirienko-malyugina/stati-o-rubtsove/194-nikolaj-rubtsov-i- pravoslavie (дата обращения 26.12.2020); Яшина Н. А. «Но ты-то веришь, что я жив?» // Литературная газета.– № 1 (6054) [электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.lgz.ru/archives/html_arch/lg012006/Polosy/7_3.htm (дата обращения 26.12.2020) и др.

Образы вечности, вечного, несомненно, занимают значительное место в поэзии Н. М. Рубцова. При этом, на наш взгляд, они самым тесным образом связаны у поэта с образами земного. Это находит выражение, прежде всего, в любви к родному краю, к родине, к России, которая проявляется в обращении к конкретным земным реалиям.

Сильнее бурь, сильнее всякой воли
Любовь к твоим овинам у жнивья,
Любовь к тебе, изба в лазурном поле[71],–

подчеркивает Рубцов.

Родина для поэта – это и «низкий дом с крапивой под оконцем», и березы, с которыми он «жил и рос», и «черные бани по склонам крутых берегов», и «болото, забытое вдали», и «темный еловый лес»... Это мир, казалось бы, простых обыденных вещей, мир родной природы, с которым Рубцов чувствует

Самую жгучую,
Самую смертную связь[72].

И не случайно поэт заявляет в другом своем известном стихотворении, что

Вокруг любви непобедимой
К селам, к соснам, к ягодам Руси
Жизнь моя вращается незримо,
Как Земля вокруг своей оси!..[73]

Представляется, что тяга лирического героя к родному-земному настолько велика, настолько неразрывна его связь с ним, что небесное и вечное абсолютно чужды ему. Поневоле вспоминается есенинское:

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою»[74].

---

[71] Рубцов Н. М. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. // Вологодская областная научная библиотека имени И. В. Бабушкина [электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.booksite.ru/rubtsov/compose.htm (дата обращения: 26.12.2020).

[72] Там же.

[73] Там же.

[74] Есенин С. А. Полное собрание стихотворений. // Librebook [электронный ресурс]. Режим доступа: https://librebook.me/polnoe_sobranie_stihotvorenii_6 (дата обращения: 26.12.2020).

Впрочем, похожие, хоть во многом и отличные, строчки есть и у Рубцова, в его «Морошке»:

Ах, я тоже желаю
На просторы вселенной!
Ах, я тоже на небо хочу!
Но в краю незнакомом
Будет грусть неизменной
По родному в окошке лучу[75].

Казалось бы, тяга к земному побеждает, оно оказывается предпочтительнее для поэта, но в то же время именно в земном (как, кстати, и Есенин) Рубцов находит воплощение, отражение вечного. Он умеет, как и «небесно-земной Дионисий», о котором пишет в стихотворении «Ферапонтово», увидеть «что-то Божье в земной красоте»[76], найти нетленное, непреходящее в окружающих его картинах родного мира, в образах России.

*И надо мной – **бессмертных** звезд Руси,*
Спокойных звезд безбрежное мерцанье...[77] –

вдруг восклицает поэт, очнувшись от созерцания исторических «картин грозного раздора», военных испытаний, выпавших в прошлом на долю России, как бы осознавая вечность ее бытия.

Еще более отчетливо, явно, на наш взгляд, эта мысль звучит в стихотворении «О Московском Кремле».

Бессмертное величие Кремля
Невыразимо смертными словами![78] –

торжественно-одически возглашает поэт в начальных строчках этого произведения, мастерски используя при этом для усиления звучания приемы аллитерации (обыгрывания согласных звуков с-р-р-р-с-с) и полуповтора слов – «бессмертное» – «смертными».

Далее следует исполненное лиризма обращение к Родине («русской земле»), вновь переходящее в конце строфы-восьмистишия в мощный завершающий одически-возвышенный аккорд:

---

[75] Рубцов Н.М. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. // Вологодская областная научная библиотека имени И.В. Бабушкина [электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.booksite.ru/rubtsov/compose.htm (дата обращения: 26.12.2020).

[76] Там же.

[77] Там же.

[78] Там же. Т. 2.

В твоей судьбе,– о русская земля! –
В твоей глуши с лесами и холмами,
Где смутной грустью веет старина,
Где было все: смиренье и гордыня –
Навек слышна, навек озарена,
Утверждена московская твердыня![79]

В завершающей части строфы, как видим, для усиления звучания Рубцов вновь использует прием аллитерации (на этот раз обыгрываются звуки «р» и «н»), банальную вроде бы по своему характеру перекрестную рифму (гор*дыня* – твер*дыня*), которая тем не менее усиливает ощущение мощи и величия Кремля, и повтор (навек – навек), акцентирующий внимание на категории вечного, с которой и связывается в этом стихотворении образ Кремля – величественного символа России, *вечной* России.

В заключительных строчках этого стихотворения образ Московского Кремля, фактически символизирующий вечное существование России, приобретает молитвенное значение, т. е., как и икона, становится образом вечности.

И я молюсь – о русская земля!
Не на твои забытые иконы,
Молюсь на лик священного Кремля
И на его таинственные звоны...[80] –

признается поэт.

Проникновенно-лирическое воплощение мотив вечности, вечного бытия России получает в стихотворении Рубцова «Старая дорога».

Здесь русский дух в веках произошел
И ничего на ней не происходит,–

подчеркивает Н. Рубцов и продолжает далее с верой в вечное существование России, русского духа:

Но этот дух пройдет через века!
И пусть травой покроется дорога,
И пусть над ней, печальные немного,
Плывут, плывут, как мысли, облака...[81]

---

[79] Рубцов Н. М. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2. // Вологодская областная научная библиотека имени И. В. Бабушкина [электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.booksite.ru/rubtsov/compose.htm (дата обращения: 26.12.2020).

[80] Там же.

[81] Там же. Т. 1.

При этом вечная Россия осознается поэтом в тесной связи с ее прошлым, представляется им в «старинной короне» восходящих солнечных лучей, с храмами, «погостами и молитвами», православной по своему духу...

Что же касается соотношения образов вечного и личного бытия лирического героя поэзии Н. Рубцова, то здесь, на первый взгляд, складывается аналогичная картина: мы видим погруженность героя и автора в мир земного, в обыденные, сиюминутные житейские переживания. Он живет жизнью самого обычного человека: радуется, грустит, печалится, собирает *«волнушки на склоне осеннего дня»*, влюбляется, целуется *«у поленницы дров... от странного чувства»*, теряет надежды, вновь их обретает... *«И в прокуренной груди»* снова слышит вдруг волненье: *«Что же, что же впереди?»*[82]

Но случаются необыкновенные, чудесные минуты, когда поэт слышит

печальные звуки,
Которых не слышит никто[83].

Когда душе его нисходит успокоенье

С высоких, после гроз,
Немеркнущих небес[84].

Когда его душу посещает «*светлый покой*»[85]...

По существу, в этих строчках речь идет о встречах поэта с вечностью, с Богом...

Вообще, следует заметить, что имя Божие почти не встречается в стихах Н. Рубцова. Это, несомненно, в первую очередь было связано с особенностями времени, в которое жил поэт. Но, по-видимому, не только с этим, а и с его нежеланием в суете мирской говорить о сокровенном...

Стихотворение «Гость» одно из немногих, где говорится о Боге. Но как!

Лирический герой вместе с гостем пьет вино, поглядывая на иконы, и находится в приподнятом настроении.

---

[82] Рубцов Н.М. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2. // Вологодская областная научная библиотека имени И.В. Бабушкина [электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.booksite.ru/rubtsov/compose.htm (дата обращения: 26.12.2020).

[83] Там же. Т. 1.

[84] Там же.

[85] Там же.

Красным,
белым
и зеленым
Мы поддерживаем жизнь.
Взгляд блуждает по иконам,
Настроенье – хоть женись![86]

Плохое забывается, и вновь к герою возвращаются желание жить, надежды на будущее.

Как же так –
скажи на милость! –
В наши годы, милый гость,
Все прошло и прокатилось,
Пролетело, пронеслось? –

вопрошает он. И снова обращается к вину и иконам:

Красным,
белым
и зеленым
Нагоняем сладкий бред...
Взгляд блуждает по иконам,
Неужели Бога нет?[87]

Контекст, связанный с размышлениями героя о Боге, представляется не очень серьезным. Ну, а в каком контексте вообще в советское время разрешалось размышлять о Вере и Боге? Это, напомним, дозволялось делать только с атеистических позиций...

При этом риторический вопрос, которым завершается стихотворение, вовсе не содержит отрицания. Герой, глядя на иконы (а ведь далеко не в каждом доме они еще и были в то время!), недоумевает: *«Неужели Бога нет?»* (т. е. «Как же так? Не может этого быть! Вот же образ Божий на иконах! Бог есть!»). Словом, в этом не очень серьезном, на первый взгляд, стихотворении (написанном, кстати, в последние годы жизни Рубцова, а опубликованном впервые в сборнике «Подорожники» (1976 г.)) содержится, на наш взгляд, очень серьезный смысл: в нем, по существу, утвердительно говорится о существовании Бога...

---

[86] Рубцов Н. М. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2. // Вологодская областная научная библиотека имени И. В. Бабушкина [электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.booksite.ru/rubtsov/compose.htm (дата обращения: 26.12.2020).

[87] Там же.

О том, что это утверждение имеет под собой твердые основания, думается, свидетельствует следующий пример. В написанном в это же время стихотворении «Выпал снег», по воспоминаниям Н. А. Старичковой (со слов Рубцова), предпоследняя строка должна была звучать иначе. Не *«жизнь порой врачует душу»*, а *«Бог порой врачует душу...»*[88] Но в таком виде тогда напечатать это стихотворение Н. Рубцов не мог, поэтому и заменил слово «Бог» на «жизнь», хотя имел в виду все-таки Бога!

Таким образом, образы вечного, Бога, как мы видим, занимают значительное место в поэзии Рубцова и свидетельствуют, на наш взгляд, о глубоком «погружении» поэта в религиозную (православную) стихию.

Калита Светлана Павловна,
кандидат культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры Российского университета дружбы народов (РУДН), руководитель профессионального студенческого объединения «Музеологическая студия», г. Москва

ТВОРЧЕСТВО НИКОЛАЯ РУБЦОВА В КОНТЕКСТЕ ПОДГОТОВКИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В связи с интеграцией российской высшей школы в международное образовательное пространство проблема обучения иностранных студентов в российских и, в частности, московских вузах представляется все более актуальной. Как отмечается в Концепции государственной политики Российской Федерации в области подготовки национальных кадров для зарубежных стран в российских образовательных учреждениях «Российская Федерация обладает реальным потенциалом, позволяющим ей занимать достойное место в мировом образовательном сообществе. Определяющее значение здесь имеют высокое качество и доступность российского образования, широкий спектр предоставляемых образовательных услуг, мощный интеллектуальный ресурс, высокий, но вместе с тем не полностью реализуемый научно-педагогический потенциал образовательных учреждений. В интересах

[88] Старичкова Н. А. Наедине с Рубцовым. // «Душа хранит» [сайт]. Режим доступа: http://rubtsov.id.ru/knigi/star21.htm (дата обращения – 26.12.2020).

России – эффективное использование имеющегося образовательного потенциала, являющегося также одним из весьма значимых национальных экспортных ресурсов».[89]

Безусловно, укрепление международного авторитета российского высшего образования невозможно без обеспечения высокого качества подготовки специалистов для зарубежных стран. Одним из ведущих российских вузов, обучающих иностранных студентов, является Российский государственный университет дружбы народов – РУДН (ранее – Университет имени Патриса Лумумбы), в котором обучаются студенты из стран Африки, Азии и латинской Америки.

Качество обучения определяется как успешностью решения проблем организации обучения, так и культурной адаптацией иностранных студентов, которая в значительной мере формирует привлекательность вуза для иностранных граждан. Ведь иностранными выпускниками российского вуза, вернувшимися на родину, среди соотечественников распространяется информация не только о возможности получить востребованную специальность, но и о стране, ее культурных особенностях, окружающей природе, дружелюбии местного населения, безопасности и прочих очень важных вещах, не имеющих, на первый взгляд, отношения к специальности, но очень важных для молодого человека, решившегося на несколько лет уехать в другую страну. Поэтому потенциальный абитуриент получает от своих земляков, которые окончили конкретный российский вуз, первичную информацию, которой доверяет больше, нежели рекламе и информации официальной.

Создание комфортных, безопасных условий для иностранных студентов является важным фактором их адаптации к России, и мнение студентов об университете в целом формируется не только наличием современных программ обучения и квалифицированного профессорско-преподавательского состава, но и организацией разных университетских служб, условий учебных корпусов и общежитий, и вообще возможностей для их культурной и языковой адаптации. Полученная по «сарафанному студенческому радио» характеристика условий обучения, проживания в общежитии, а также особенностей культуры и достопримечательностей страны, притягательность ее исторических и природных характеристик

---

[89] Концепция государственной политики Российской Федерации в области подготовки национальных кадров для зарубежных стран в российских образовательных учреждениях // Научно-практическая конференция сотрудников международных служб вузов г. Москвы и Московской области, 28 октября 2002 г. Материалы конференции.– М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2012. С. 106–113.

является порой более весомым фактором при выборе места обучения, чем квалификация преподавателей или учебная программа. Интернационализация высшего образования идет на пользу и российской молодежи: российские студенты, обучающиеся совместно с иностранными гражданами, имеют возможность активнее включаться в процессы межкультурного взаимодействия, осваивать навыки межнационального общения и просто, как это водится в молодости, заводить друзей – причем – по всему миру.[90]

Очевидно, что с целью информирования и смягчения ожидаемого «культурного шока» с иностранными студентами следует проводить разные мероприятия по их адаптации в стране пребывания. Значительную роль в решении этих задач решает созданное в 2004 году профессиональное студенческое объединение «Музеологическая студия».

Руководителем и инициатором создания Студии является автор статьи, в прошлом практический музейщик, с 2002 года работающий на кафедре теории и истории культуры РУДН и ведущий блок дисциплин по музейному и экскурсионному делу, памятниковедению и культурному наследию. Деятельность Музеологической студии включает два магистральных направления. Первое направление – актуальные проблемы музейного дела и культурного наследия (изучение, знакомство, осмысление основных музеологических проблем и тенденций, а также адаптация их к конкретной профессиональной сфере). Второе направление – лаборатория музейного проектирования (инициирование, создание, реализация, продвижение, кураторство конкретных музейных проектов). Очевидно, что подобная форма интегрирует иностранных и российских студентов в коллектив, движимый общими целями. Что касается иностранцев, то молодые люди должны получать не рекламную, а адекватную информацию о стране, городе, географическом положении, истории, климате, принимающем вузе, о системе образования России, об особенностях русской культуры, образе жизни, традициях.

Тем более, иностранные студенты, как правило, ведут относительно замкнутую роль в студенческом кампусе, общаясь вне учебного процесса преимущественно в рамках своих землячеств. Выходя на «российские просторы», они часто испытывают когнитивный диссонанс и порой с трудом могут рассказать, что же они видели за пределами кампуса. В то же время, прожить несколько

---

[90] Гаранина О.Д., Прохоров А.В. Социологические особенности учебной деятельности иностранных студентов // Научный вестник МГТУ ГА, серия Общество, экономика, образование.– № 47.– М.: 2012. С. 87–93.

лет в чужой стране и не познакомиться с ее городами и городками, памятниками, природными объектами – это абсурд. Тем более, что иностранные студенты, приехавшие на учебу в Россию, выражают желание познакомиться с «настоящей» Россией, которая, в их представлении, не ограничивается Москвой и Санкт-Петербургом. И если Москва и Санкт-Петербург, а также города центральной России в радиусе 150–200 км и пределах однодневной экскурсии доступны для посещения, и вуз организационно помогает иностранным студентам знакомиться с Ясной Поляной, Поленовым, Спасским-Лутовиновым, Куликовым Полем и другими культурными и историческими объектами, то на более далекие расстояния выезд является более сложным, а уж после введения пандемийных ограничений – и архисложным.

Занятия в Студии дают возможность не только получше узнать культуру России посредством музейной сферы, но и лучше осмыслить и осознать русский язык. Все иностранные студенты, поступившие в РУДН, первый год обучения занимаются исключительно изучением русского языка. После годичного интенсивного изучения русского языка они поступают на выбранные факультеты и получают выбранные специальности. Обучение происходит на русском языке в смешанных группах, где учатся русские и иностранные студенты. И, конечно, на протяжении всего периода обучения иностранцы продолжают постигать своеобразие русского языка.

Тесные связи Студии с Музеем Маяковского – одним из лучших литературных музеев Москвы, дают возможность почувствовать иностранным студентам, что русская культура – литературоцентрична, и что российскую культуру нельзя понять и прочувствовать без знакомства с великой русской литературой. Студенты с большим удовольствием знакомились с творчеством Маяковского в процессе посещения Мемориальных квартир Маяковского в Москве, принимали участие в некоторых проектах музея. Так, один выпускник 2020 года, уезжая к себе на родину в Камерун, сказал, что он увезет с собой в сердце Москву, РУДН и Маяковского!

Как уже упоминалось, иностранные студенты хотят видеть и знать не только столичные города. Их интересуют и более удаленные российские регионы, и особенно – Русский Север (возможно, по контрасту – жителям Африки очень интересна русская зима и русская природа).

Для знакомства с Русским Севером через литературу был выбран поэт Николай Рубцов, который как никто в своих произведениях мог показать «старинную русскую самобытность». Для мероприятия, посвященного творчеству Рубцова, было сформиро-

вано три творческие группы, включающие как русских студентов, так и иностранцев каждая. Первая группа рассказывала о нелегкой биографии поэта, две другие – изучали и анализировали его творчество. Так, студентка из республики Чад рассказала о своем личном потрясении от знакомства с творчеством Николая Рубцова и сделала анализ стихотворения «Звезда полей», отметив, что это произведение поэта помогло ей, жительнице страны с жарким климатом, представить далекий Русский Север. Студентке показался очень красивым образ «звезда смотрит в полынью», и она специально ездила в Подмосковье, чтобы увидеть настоящую полынью и представить, как в ней отражается звезда. Студентка выразила желание, вернувшись домой, собрать местных поэтов и совместно с ними попытаться перевести это стихотворение на свой язык, чтобы познакомить своих соотечественников с таким интересным русским поэтом.

На многих иностранных студентов произвело неизгладимое впечатление стихотворение Рубцова «Я умру в крещенские морозы». Уже знакомые с его биографией, все студенты отмечают глубокий психологизм, с которым Николай Рубцов, содрогаясь, говорит о своем предчувствии скорой смерти, как поэт с ужасом видит собственный всплывший гроб. Студент из Колумбии подчеркнул образ про одинокий нелепый гроб, который «разобьется с треском» и отметил, что нечто подобное, предвидение своей смерти, есть в традиционных легендах его местности. Строку «Сам не знаю, что это такое» иностранцы в один голос назвали «крылатой» и отметили, что теперь будут использовать ее. Интересно, что после знакомства именно с этим стихотворением иностранные студенты стали обращать внимание на крещенские морозы в России, на разницу температуры воздуха на Крещение в центральной и северной России.

Практически все студенты выразили воодушевление, когда речь зашла о стихах «В Горнице» и «Букет». Все отметили очень удачную музыку, написанную к этим стихам и превратившую их в песни. Иностранцы единодушно отмечают, что обе эти песни очень лиричны и близки русскому народному творчеству. Студенты из Камеруна и Кении, занимающиеся в музыкальной студии Интерклуба РУДН, исполнили эти песни с большим воодушевлением.

В планах «Музеологической студии» – более тесное знакомство иностранных студентов с творчеством Рубцова и культурой Русского Севера. Хотелось бы, чтобы выпускники РУДН, уезжая на родину, на вопрос, что они возьмут с собой, перечисляя важные российские феномены и персоналии, затронувшие их души, назвали и русского поэта Николая Рубцова.

Раздел второй

ТОТЬМА И ТОТЕМСКИЙ КРАЙ В КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ РУССКОГО СЕВЕРА

Черкасова Марина Сергеевна,
доктор исторических наук, профессор кафедры теории, истории культуры и этнологии ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда

ТОТЕМСКИЙ СОЛЯНОЙ ПРОМЫСЕЛ СПАСО-ПРИЛУЦКОГО МОНАСТЫРЯ В КОНЦЕ XVI ВЕКА

В экономическом развитии средневековой Руси, наряду с земледелием, значительную роль всегда играли различные промысловые занятия людей. С учетом невысокой в целом урожайности зерновых, в силу природно-климатических условий страны, промыслы эти поддерживали минимальный хотя бы уровень жизни, а также существенно дополняли источники доходов государства, корпоративных и частных собственников. Для севера с его высокой степенью природообусловленности традиционной экономики незаменимое значение имели соляные промыслы, в организации которых весьма преуспевали духовные корпорации – монастыри.

По истории тотемских соляных промыслов XVI – начала XX в. имеется до сих пор не утратившая своего значения работа Д. А. Григорова[91]. Необходимо указать также на кандидатскую диссертацию П. А. Колесникова 1957 г., публикация которой, к со-

[91] Григоров Д. А. Тотемские соляные промыслы // Тотьма. Историко-литературный альманах. Вып. 2.– Русь: Вологда, 1997. С. 84–131. Работа была написана автором ещё в 1915 г. В 1916 г. была передана для публикации Вологодскому обществу истории Северного края, но тогда так и не вышла в свет. Научно-популярный характер имеет небольшая статья В. Н. Замараева (Замараев В. Н. Солеварение в Тотьме // Тотьма. Историко-литературный альманах. Вып. 1. Вологда: Русь, 1995). Вопросы солеварения и солепродажи на Тотьме затрагивались также в кандидатской диссертации А. В. Крайковского (Крайковский А. В. Торговля солью на русском севере в 1630–1650-х годах. Автореф. канд. дисс.– СПб., 2005.

жалению, до сих пор не завершена[92]. Почти одновременно с ней вышла работа В. Г. Геймана о промысле Спасо-Прилуцкого монастыря в Тотьме в начале 1620-х годов[93]. Новейшие разработки по Тотемскому солеварению в контексте историко-генеалогических исследований посадско-крестьянского рода Саблиных в XVI–XVII вв. опубликованы Д. А. Пшеницыным[94]. Непреходящей ценностью обладает и подготовленное И. В. Пугачем гигантское издание указных грамот 1613–1626 гг. городовым воеводам из Устюжской четверти, в составе которого имеются интересные документы о солеварении и соляной торговле на Тотьме, владельцах соляных варниц (посадских людях и крестьянах Окологородной волости, местных солепромышленниках Строгановых, монастырях – Николо-Угрешском, Троице-Сергиевом, Спасо-Прилуцком и их непростых отношениях с посадской общиной), таможенной политике государства, порядке налогообложения, «судовом ходе» на Сухоно-Двинском пути как вверх по течению великих северных рек – от Холмогор до Вологды, так и вниз – от Вологды до Холмогор, в рамках которого Тотьме принадлежало весьма важное место[95]. Режим речного судоходства в связи с торговой деятельностью Спасо-Прилуцкого монастыря и его финансово-таможенных льготах в XVI–XVII вв. рассматривался нами в ряде статей[96]. Удалось

---

[92] Колесников П. А. Город Тотьма в XVII веке (К вопросу о социально-экономической истории русского поморского города) // Тотьма. Краеведческий альманах. Вып. 3.– Вологда: Легия, 2001. С. 179–277. Публикация включила первые две главы диссертации. Главы 3–5 не попали в данный альманах да и само последующее издание Тотемских альманахов было прекращено.

[93] Гейман В.Г. Материалы по истории русской соляной промышленности (Тотемский соляной промысел Спасо-Прилуцкого монастыря в 1622/23 г.) // Труды Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.– Т. V (8).– Л., 1958.

[94] Пшеницын Д. А. Опыт исторической генеалогии посадских людей и крестьян (на примере рода Саблиных) // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные и педагогические науки.– Вологда, 2018.– № 2 (9). С. 18–22.

[95] Указные грамоты городовым воеводам и приказным людям 1613–1626 гг. / Отв. ред. И. В. Пугач.– М.: Круг, 2012. Раздел по Тотьме. № 8, 20, 62, 71, 74, 87, 91, 92, 94, 95, 100, 118, 135, 139, 143, 165, 178, 219, 222, 263.

[96] Черкасова М. С. Таможенно-проезжие привилегии Спасо-Прилуцкого монастыря на Сухоно-Двинском пути в XVI–XVII вв. // Проблемы развития транспортной инфраструктуры Европейского Севера России. Вып. 4.– Котлас, 2010. С. 85–95; Она же. Жалованная грамота Ивана IV Спасо-Прилуцкому монастырю из собрания Ростовского музея // История и культура Ростовской земли. 2011.– Ростов, 2012. С. 42–54; Она же. «Лодейной ход» на Сухоне и Северной Двине в XVI–XVII вв. // Проблемы развития транспортной инфраструктуры северных территорий. Вып. 2.– СПб., 2017. С. 150–161.

также установить его торгово-экономические связи и отношения в сфере солеварения именно на Тотьме и таможенного обложения в Вологде с богатейшим вологодским купцом 1660 – начала 1680-х годов, гостем Г. М. Фетиевым[97].

Хронологическое и территориальное распределение документального материала по разным субъектам солеварения и соляной торговли солью здесь (частные лица, представленные главным образом крупными купцами, и посадская община, местные и иногородние монастыри – из центра, из других районов севера) крайне неравномерное. Лидирующее положение в этом плане, несомненно, принадлежит вологодскому Спасо-Прилуцкому монастырю, корпус источников которого по Тотьме весьма обширен, являясь органической частью его необозримого архива вообще. Это акты (частные, публично-правовые), приходо-расходные книги, платёжные отписки, хозяйственно-управленческая переписка.

Солеварение и небольшое землевладение на Тотьме Прилуцкий монастырь имел уже к 1548 г. На начальном этапе его хозяйственной деятельности здесь несомненную роль сыграл св. Феодосий Суморин[98]. Как приказного старца Спасо-Прилуцкого монастыря, его не раз посылали на службу в Тотьму «к варницам на строение», где он, по словам Жития, лично наблюдал за трудоёмким процессом солеварения и проявлял милосердие к работным людям[99]. Происходить это могло в конце 1530-х – начале 1540-х годов, когда потребовалось восстановление прилуцких варниц и деревень, разорённых набегами казанских татар на Тотемский край. Однако в 1550–1560-е годы результаты деятельности Феодосия пошли на пользу не его изначальной обители, освободившей своего бывшего приказного от варничной службы, а возникшему в 1554 г. и ставшему динамично развиваться Спасо-Преображенскому монастырю, получавшему от местных жителей земельные участки и доли в «варничных промыслах». На раннем этапе его становления сыграло свою роль и царское пожалование: в марте 1555 г. Иван IV разрешил новооснованному Суморину монастырю «на Тотме у Соли труба садити и соль варити и продавати».

---

[97] Черкасова М. С. Купец Г. М. Фетиев: Исследование и архив. Вологда: Древности Севера, 2020. Часть 2. № 28–30, 32, 37, 46, 50–52, 54, 68, 72–73, 75, 83, 85–86 и др.

[98] Подробнее см.: Полоцкая О. В., Черкасова М. С. Духовное завещание преп. Феодосия (Суморина) 1567 г. // Вестник церковной истории, 2016. № 3–4 (43–44). С. 6–7.

[99] Жития Феодосия Тотемского, Вассиана Тиксненского и Андрея Тотемского. Текст и словоуказатель / Под ред. А. С. Гердта.– СПб., 2012. С. 60–61.

Годовая производительность такой трубы составляла – 5-4-3-тыс. пудов соответственно доброго, среднего и худого рассола[100].

Не выглядит случайным упоминание Феодосием в своей духовной грамоте 1567 г. четырех варниц, нескольких соляных труб и колодцев с рассолом у старого Тотемского посада и в ряде ближайших мест, а ещё двух снабженных парусами дощаников. В двух других дощаниках Феодосий Суморин указал: в одном «красной соли моря» 129 рогож на 3080 пудов с четвертью плюс 4 рогожи «соли тотмы» на 100 пудов; во втором – 122 пуда не взвешенной «соли тотмы». Кроме того, в Тотемском Заозерье[101] отмечено им 45 рогож «соли тотмы» на 800 пудов[102]. О несомненных успехах Феодосия Суморина в организации солеварения на Тотьме свидетельствуют отмеченные в его духовной внушительные запасы дров: 1,5 тыс. саженей в лесу и у Сухоны; столько же – у трёх варниц «в исадех», столько же пудов соли в «анбарех» и ещё 800 полиц «цыренного железа». Уже в 1560-е годы соль по местам добычи и покупки различалась на двинскую, заозерскую и «соль тотмы».

Однако за последующее время (вторую половину XVI в.) намного больше разнообразных источников сохранилось о соляных промыслах на Тотьме не Спасо-Суморина либо какого-то другого монастыря (вологодского Спасо-Каменного, подмосковных Троице-Сергиева и Николо-Угрешского, костромского Иоанно-Предтеченского Железно-Борковского), а именно Спасо-Прилуцкого. В совокупности своей они позволяют рассмотреть ряд важных вопросов социально-экономической истории – соотношение земледельческого и промыслово-торгового секторов в рамках монастырской экономики, их потребительской и товарной направленности, динамика и особенности налогообложения, организация наёмного труда на соляных промыслах (заготовка большого количества дров, работа на варницах, транспортное обеспечение), движение цен на соль в разных районах России (север, центр), вовлеченность в эти процессы представителей разных социальных слоев, география и диапазон торговых связей и др.

---

[100] Описание тотемского Спасо-Суморина монастыря, составленное в 1849 г. П. Савваитовым, пересмотренное и дополненное в 1896 г. Н. Суворовым.– Вологда, 1896. С. 49–50.

[101] По мнению А.В. Кузнецова, это была местность в сторону Вельска по р. Кулой, где имелись озера. Там же, вероятно, можно локализовать позднейшую Заозерскую Зосимо-Савватиевскую пустынь на оз. Сондожском (Описание тотемского Спасо-Суморина монастыря... С. 43). Но это могло быть и Вологодское Заозерье (по мнению Д.Е. Гневашева), к востоку от Кубенского озера, где проходили Петровские ярмарки и соль тоже продавалась.

[102] Полоцкая О.В., Черкасова М.С. Указ. публ. С. 18–20.

Монография Л. С. Прокофьевой, вышедшая вслед за исследованиями П. А. Колесникова и В. Г. Геймана, далеко не исчерпывает информационных ресурсов отмеченной выше источниковой базы по Спасо-Прилуцкому монастырю[103]. Ею же был опубликован комплекс его ценнейшей хозяйственно-вотчинной документации за последнюю четверть XVI в., в которой содержатся сведения о раннем этапе истории его соляных промыслов и торговли в Вологде, Тотьме, Соли Вычегодской, Холмогорах и Унском посаде нижнего Подвинья[104]. В приходных книгах продукция промыслов различалась по месту производства: «соль тотмы». ...вычегды, ...уны или покупки: «соль луды», ...моря, ...неноксы.

В нашей статье внимание будет сосредоточено на раннем этапе развития Тотемского соляного промысла и торговли Спасо-Прилуцкого монастыря, в последней четверти XVI в., разработанном в научной литературе слабее, чем XVII век. Попытаемся проанализировать документальные данные о прилуцких расходах на поддержание промысла в Тотьме, а вместе с тем о поступающих с него доходах в монастырскую казну за тотемскую соляную продажу (см. табл. 1), за ту соль, что частью продавалась в Вологде на торговом дворе монастыря, а частью – отвозимую на рынок в Москву. В расходной книге времени игуменства Иоакима (1574–1582 гг.) говорится, что старцу Левкею было дано 8 руб. – «пошел судном к Тотьме по соль». Тот же Левкея прислал с Тотьмы 60 руб., а в феврале 1576 г. 115 руб.[105] Приводятся важные для истории торговли цены на соль, поступающую с разных мест и в разные сезоны года. В зависимости от этого колебалась и товарная масса соли, наиболее значительная, как правило, в зимние месяцы (декабрь-январь-февраль). Эти данные отражены в табл. 1, охватывающей 1581–1584 гг.

В сентябре 1576 г. купчина-старец Мисаил продал на Вологде «Левкеевы соли тотмы» 1027 пудов и две четверти пуда, «упакованного» в 41 рогожу, цена за пуд по 2,5 деньги, что дало дохода в казну корпорации 76 руб. По такой же цене Мисаилом в октябре 1576 г. было продано 10 рогож «соли тотмы Левкеевы присылки»

---

[103] Прокофьева Л. С. Вотчинное хозяйство в XVII в. (по материалам Спасо-Прилуцкого монастыря).– Л., 1959. 177 с.

[104] Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Приходные, расходные, окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574–1600 гг. Вып. 1–2. М.– Л., 1979. Далее в сносках нами всюду приводится сокращение: ВХК-1; ВХК-2.

[105] ВХК-2. С. 288, 290.

весом 264 пуда на общую сумму 19,5 руб. Одновременно велась соляная торговля в самой Тотьме: из неё в феврале 1577 г. старец Левкея привез 25 руб. 20 алт.[106], а в марте 1594 г. старец Елизарей – 40 руб. В ноябре 1600 г. 47 рогож соли (1133 пуда) было продано в Тотьме ярославскому торговому человеку Ивану Клешне «с товарищи» по цене 10–11 денег за пуд. Выручка составила 61 руб. Объём продаж по такой же цене в декабре 1600 г. ещё более возрос – 1189 пудов на сумму 115 руб.[107] Помимо ярославцев, прилуцкую соль на Тотьме покупали местные жители – А. Неклюдов, К. Дементьев. П. Попов, некий «Прокоша с Манылова», а также приезжие люди из Шуйского городка, Соли Галицкой, Чухломы. Покупки они осуществляли «с товарищи», т. е. группами своих земляков, а не только для себя, и цена соли здесь была сравнительно невысокой – по 6,5-7-9 денег за пуд[108].

О продаже тотемской соли в Москве свидетельствует запись приходной книги от 16 апреля 1595 – за одну рогожу весом 24 пуда было получено 2 руб. В апреле 1600 г. в столице было продано 2 меха соли общей вместимостью 50 пудов, но это составило не более 10% от соли «вологоцкой продажи»[109]. Для «провозу» соли в Москву монастырю приходилось нанимать извозчиков на 270 лошадях, а платить им свыше 200 руб. Немалых расходов требовала оплата работы наемных людей (казаков), которые «волочили ту соль из амбара», набивали её в кули и взвешивали[110].

В декабре 1594 г. двум старцам на Тотьме – Елизарию и Илье – было послано на соляную варю 50 руб., в январе 1595 г. им же – 55 руб., в марте 1596 г. и январе 1600 г. – по 50 руб., по столько же – в Унский и Вычегодский соляные промыслы[111]. Недостаток денег мог возмещаться займами, предоставляемыми тотемским старцам некоторыми жителями Тотьмы. Так, в ноябре 1581 г. у Ив. Роспопина было занято 50 руб., по столько же у Вас. Шестакова и у Кузьмы Данилова с. Строганова. В декабре 1598 г. последнему был возвращен долг в 50 руб.[112]

---

[106] ВХК-2. С. 292.
[107] Там же. С. 248–249, 323, 357.
[108] ВХК-2. С. 222–224 (данные за август – декабрь 1598 г.).
[109] Там же. С. 356–357.
[110] ВХК-1. С. 72–73.
[111] ВХК-2. С. 332, 333, 347.
[112] ВХК-1. С. 11; ВХК-2. С. 228.

Таблица 1

Продажа прилуцкой соли в Тотьме (ноябрь 1581 – октябрь 1584 г.)

Дата	Количество соли (пудов и четвертей)	Цена за пуд (алтыны-деньги)	Общая стоимость (рубли[113])
1581 г.			
Ноябрь	2485,5	от 10–11 д. до 2 а.	341,8 р.
1582 г.			
Январь	445 п. 2 четв.	от 14 д. до 2 а.	54,65 р.
Февраль	1536 п.	по 2 а. 1 д.	91,3 р.
Март	519 п.	от 10 д. до 2 а.	41,1 р.
Апрель	1800,5 п.	от 11 д.до 2-3 а.	117,68 р.
Июнь	742 п.	2 а. с новгородкой	51,34 р.
Июль	791 п.	2 а.	49 р.
Август	663 п. 2 четв.	от 14 д. - 2 а.	45,9 р.
Сентябрь	331 п.	2 а.1 д.	21,4 р.
Ноябрь	3023 п.	от 16 д. до 2-3 а.	226 р.
Декабрь	373,5 п.	от 16 д. до 2,5 а.	29,3 р.
1583 г.			
Январь	2915,5 п.	от 16 д. до 2,5 а.	190,29 р.
Февраль	1313 п. 2 четв.	от 16 д. до 3 а.	110,7 р.
Март	237 п. 2 четв.	3 а. 1 д.	29,02 р.
Июнь	616 п.	2 а. 1 д.	99 р.
Август	230 п.	2 а. с новгородкой	13,9 р.
Сентябрь	60	2 а. 1 д.	1,95 р.
Октябрь	300 п.	2 а. 1,5 д.	20,25 руб.
Ноябрь	500	2 а. 1 д.	32,5 р.
Декабрь	2016 п.	От 14 д. до 2 а. 1 д.	119,57 р.
1584 г.			
Февраль	1390 п.	10 московок	50,37 р.
Март	395 п. с четвертью	10 московок	15,4 р.
Май	180 п. с четвертью	8-9 д.	6,9 р.
Июнь	1620 п. 2 четв.	9-10 д.	54,6 р.
Июль	196 п. 2 четв.	8-9 д.	7,48 р.
Август	1240,25 п. 4 четв.	8,5-10 д.	47,5 р.
Сентябрь	178 п.	8,5-9 д.	7,74 р.
Октябрь	300	8 д.	12 р.

Источник: ВХК-1. С. 11–18, 31–34.

Особенностью денежного счета приходных книг 1580-х гг., что подтверждается и данной таблицей, было употребление «московки» и «новгородки» как синонимов «деньги». Изредка и полушки

[113] В итоговой графе алтыны и деньги были преобразованы нами в доли рублей.

упоминались (половина «деньги») и ещё более мелкие доли копейки – «пироги». В конце XVI в. Спасо-Прилуцкому монастырю в Тотьме принадлежало по крайней мере 5 варниц. Их производительность за вторую половину 1596 г. отражена в табл. 2.

Таблица 2

Тотемские варницы Прилуцкого монастыря в июле – декабре 1596 г.

Название варницы	Период работы	Количество полуварь	Оплата водолеям и поварам	
			за полуварю	всего
Шуянка	26 июля – 13 декабря	17	25 алт.	13 р. 16 а. 4 д.
Веселуха	28 июля – 12 декабря	17	22 алт.	11 р. 7 а. 2 д.
Поползуха	28 июля – 10 декабря	17	19 алт.	9 р. 23 а.
Середняя	27 июля – 8 декабря	17	19 а.	8 р. 18 а.
Новая[114]	17 августа – 13 декабря	15	19 а.	8 р. 18 а.

Источник: ВХК-2. С. 234.

Названная в табл. 2 Шуянкой как варница «Шюченка» упоминается в данной грамоте братьев Семена, Якова и Немира Степановых детей Саблиных Троице-Сергиеву монастырю 1581/82 г., позднее продавшему её вместе с ещё двумя варницами (в июле 1588 г.) за 75 руб. Спасо-Прилуцкой обители[115]. Купчая сделка была осуществлена с доклада тогдашнему тотемскому наместнику Дмитрию Ивановичу Годунову и его приказным людям Сем. Ив. Пружину «с товарищи».

Вероятно, не все варницы на 1596 год, отмеченный в табл. 2, действовали, поскольку в более раннем источнике – расходной книге от февраля 1583 г. – названы варницы Сосновка и Задняя, «места чистить» в которых были наняты 2 чел. на год с оплатой 8 алт.[116] В расходной книге от октября 1584 г. говорится, что «нарубили варницу Луговую и подняли наверх, издержали казаком 6 алт.»[117]

---

[114] Интересный социокультурный момент: заведению новой варницы обычно предшествовал «молебен на заваре / на заварь» (ВХК-1. С. 11, 113, 128, 179).

[115] Опубл.: Черкасова М.С. Тотемские акты XVI в.: предварительный обзор // Русский Север-2018: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия. Сборник материалов второй всеросс. науч. конф. Вологда, 2018. С. 12–13; Православная церковь на севере России. Сборник документов / Сост. М.С. Черкасова.– Вологда, 2018. С. 92–93.

[116] ВХК-1. С. 26.

[117] Там же. С. 40.

Еще одна отсутствующая в табл. 2 варница – Каменка – фигурирует в расходной книге 1590/91 г. Из неё был «выкопан заямок за цреном, казаку дано 5 ден.»[118] Варница Каменка также была получена Прилуцкой корпорацией в 1581/82 г. от братьев С., Я. и Н. Саблиных, а несколько долей в трубе Каменке куплены за 20 руб. в январе 1583 и марте 1584 г. у их родственников – Григория Андреева, Пятого Тимофеева, Александра Андреева и Потапия Андреева Саблиных[119]. О троицкой в прошлом принадлежности Шуянки и трубы Каменки говорилось в позднейшей указной грамоте патриарха Филарета от 29 ноября 1619 г., хотя на тот момент варницами Шуянкой, Каменкой (и ещё третьей – Черной) владел уже Спасо-Прилуцкий монастырь[120]. Для последующих лет имеются опубликованные В. Н. Сторожевым свидетельства в сотной с писцовой книги 1625 г. с указанием на купчие грамоты[121], по которым этими объекты перешли к Прилукам. К середине 1620-х годов от былой варницы Шуянки оставалось только варничное место площадью 5×5 саженей и амбар 3×2,5 саженей. Дровяные же «исады» были у Троицкого монастыря (а теперь – у Спасо-Прилуцкого) совместными с посадскими людьми. И варница Шуянка, и труба Каменка запустели «лет с 30», т.е. как раз примерно с 1590-х годов, почему им и не нашлось места среди действующих варниц в табл. 2.

О различной производительности и неравномерности развития прилуцких соляных промыслов в разных местах свидетельствуют показатели приходной книги 1600/01 г.: «соли моря» было «набито» и продано 430 рогож на 741 руб. 10 алт. 1 ден.; «соли уны» – 301 рогожа на 505 руб. 26 алт. 5 ден.; «соли вычегды» – 4 рогожи на 2 руб.; «соли неноксы» – 61 рогожа на 160 руб. «Соль моря» покупалась прилуцкими старцами обычно на Холмогорах, а на Уне часть соли была «своей варки», а часть тоже покупалась у старцев разных монастырей – Спасо-Валаамского, Кандалакшского (с Кольского полуострова), двинских Николо-Корельского и Михайло-Архангельского, посадских людей Каргополя, Кандалакши,

---

[118] ВХК-1. С. 78, 82.

[119] Черкасова М. С. Тотемские акты XVI в. С. 13–15.

[120] Указные грамоты городовым воеводам... С. 185. № 62. В той же грамоте сообщается, что когда-то у троицкого монастырского двора были две церкви – Иоанна Богослова и Борисоглебская, чьи колокола после смуты оказались у других тотемских церквей – Никольской и Георгиевской.

[121] Сторожев В. Н. Материалы для истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII в. Вып. 2.– Петроград, 1918. С. 267.

Неноксы, Турчасова, Холмогор. Учет покупаемой соли вёлся «*лодьями*» вместимостью каждая в 95–100 рогож. Существенно меньше была грузоподъёмность «лодейки» – 23 рогожи.

Часть соли оставалась в арендуемых монастырём амбарах в Холмогорах и Устюге «на зимовище», за которые уплачивалась специальная пошлина – амбарное / амбарщина / порядный оброк. В одной более поздней платежной памяти (1633 г.) за Прилуцким монастырём отмечены в Холмогорах на государеве земле один амбар большой, два средних, «амбарец», а ещё несколько используемых им амбаров торговых вологжан[122]. К февралю 1594 г. относится платежная отпись трех земских целовальников в получении «государева порядного оброка» с прилуцкого слуги за соляной двор корпорации в Вологде[123].

Согласно серии царских жалованных грамот последней трети XVI в., подтверждённых и в XVII в., монастырь имел право на беспошлинную покупку, провоз и продажу не более 14 тыс. пудов соли[124]. Сверх же указанного количества он должен был платить «грузовые», «с людей», «посаженные», «контарные», «весчие» / весовые, свальные, писчие («записные»), печатные, подъёмные, «рукозноб»[125]. В расходной книге 1599–1600 гг. отмечена выплата «прохожих устюжских пошлин» с двух монастырских насадов с солью 8 руб. 7 алт. 2 ден., а с «малого дощаника» существенно меньше – 1 руб. 7 ден.[126] Право монастыря на использование двух насадов (тяжелогруженных речных транспортов) на Сухоно-Двинском пути для беспошлинного провоза не более 14 тыс. пудов соли от Холмогор для продажи в Вологде, а также 400 летних телег и 400 зимних возов для транспортировки непроданной соли и продуктов к Москве и Коломне также было закреплено серией цар-

---

[122] Акты юридические, или собрание старинных форм делопроизводства. СПб., 1838. № 218. II.

[123] Там же. № 218.1.

[124] Подробнее см.: *Черкасова М. С.* Жалованная грамота Ивана IV Спасо-Прилуцкому монастырю 1578 г. из собрания Ростовского музея… С. 42–54; *Она же.* Архивы вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв. Исследование и опт реконструкции. Вологда, 2012. С. 133–134. № 124; *Она же.* Монастыри и предпринимательство в Московской Руси (XVI–XVII вв.) // Православный монастырский мир: История и современность. Материалы международ. научно-практич. конф.– Ярославль, 2016. С. 216–239.

[125] ВХК-2. С. 296–297. «Рукозноб / рукознобные» пошлины – зимние, объяснение связано с зимней работой без рукавиц (когда руки могутознобиться, замерзнуть), брались за подъём и взвешивание товаров.

[126] ВХК-1. С. 70; ВХК-2. С. 362.

ских грамот 1572, 1596, 1606, 1614, 1619 гг.[127] В Тотьме с идущих вниз по Сухоне двух насадов длиной 44 саженей 3 локтя брались посаженные пошлины по 5 алт. с сажени, всего 7 руб. 5 алт. 2 ден., а также «задние калачи» с 2 насадов по 25 алт. В Сухонской торговой экспедиции Прилуцкого монастыря участвовало до 125 чел., и с каждого платилось по 8 ден. «замыту»[128]. Как говорилось в одной челобитной игумена Соловецкого монастыря Илинарха в 1621 г., особенно опасной Сухона была в районе Устюга («быстра, пороги и каменья великие»[129]), и им приходилось 50 чел. нанимать на свое судно.

Монастырь нёс немалые расходы на «судовой ход» по Сухоно-Двинскому пути до Устюга и далее до Белого моря, а затем от него вновь до Вологды для транспортировки «заморозной соли» – 100 руб. на экспедицию, а на покупку соли в Холмогорах в 1595 г. – 243 руб., в Неноксе – 200 руб.[130] Это влияло на вологодскую, а затем и московскую цены соли в сторону повышения. В апреле 1582 г. старец Пимен продал на Вологде «соли тотмы» 510 пудов, и записывая это в расходную книгу, он словно дает обоснование цены: «а стала за всем харчом по 2,5 алт. без полуденги» или: «стала та соль за провозом и за издержкою и за пошлинами по 3 алт. без денги, и всех денег взяли 43 руб. 10 алт. 10 ден.»[131] Намного дешевле была продажная цена за пуд (8–10 денег) соли, производимой в самой Тотьме *(см. табл. 1)*. Расходы на «судовой ход» от Вологды до Тотьмы также отмечались в хозяйственных книгах прилуцких старцев-казначеев и старцев-купчин.

Непременной статьей расхода была выплата государевых соляных пошлин сверх отмеченных выше 14 тыс. пудов. Интересно, что в некоторых расходных книгах 1582–1584 гг. они иногда определялись как «пошлины наместничьи с соли», адресованные тогдашнему тотемскому наместнику Вас. Ив. Непейцыну. Именно с доклада ему и его тиуну Окоёму Иванову братья А. А. и П. А. Саблины продали прилуцким приказным старцам треть трубы Каменки в марте 1584 г. Кроме того, отдельные взносы получали «в

---

[127] ВХК-1. С. 145, 164, 167; ВХК-2. С. 220, 239; Акты исторические. Т. 3. СПб., 1848. № 79. С. 75–77; Указные грамоты городовым воеводам... С. 189–190. № 71; Черкасова М. С. Архивы вологодских монастырей... С. 133–134. № 124.

[128] ВХК-1. С. 139.

[129] Указные грамоты городовым воеводам... С. 225. № 143. См. также: Черкасова М. С. «Лодейной ход» на Сухоне и Северной Двине... С. 150–153.

[130] ВХК-2. С. 332–333.

[131] ВХК-1. С. 14, 17.

почесть» наместничий тиун Меньшик Пыжев и другие приказные люди – доводчик Ив. Забелин, «кабатчик» Федор Григорьев, мытчик Томило (им несли рыбу, калачи, перепела, зайцев) и государевы посланники И. Г. Вельяминов, Ив. Федоров[132]. Размер же соляной наместничьей пошлины отмечен со ссылкой на тотемскую уставную грамоту в упомянутой выше царской грамоте Спасо-Суморину монастырю марта 1555 г.: с продавца 1 деньга с рубля[133]. Исходя из приведенной даты и учитывая начало формирования Тотемского уезда, а следовательно, наместничьего управления в нем, не ранее конца 1540-х годов, упомянутую уставную грамоту ориентировочно и можно отнести к концу 1540-х – началу 1550-х годов.

Государственные налоги выплачивались Спасо-Прилуцким монастырем суммарно с соляного промысла и двух тотемских деревень (Галицкой и Углецкой). Для исполнения ямской повинности с 1/8 и 1/16 долей сохи был нанят ямщик П. С. Попов на год до 1 сентября 1599 г. В ноябре 1599 г. «с промыслу из деревень» по сошному разводу было выплачено по 1 руб. с сохи[134]. Посошное (т.е. поземельное в своей основе) обложение давало на порядок меньший взнос в государеву казну, чем соляная пошлина. То же самое можно сказать и применительно к самому монастырю. В структуре его общего тотемского дохода в ноябре 1583 – октябре 1584 г. продажа соли занимала 63,4% (в абс. ок. 354 руб. от общей суммы в 558,16 руб.). А в сентябре 1599 – августе 1600 г. доля денежных поступлений в прилуцкую казну составила 77,2% (в абс. 1721 руб.), остальное – это феодальная рента с крестьян, вклады, возврат кабальных долгов[135]. И это при том, что в пределах указанного сентябрьского года деньги от соляной продажи в прилуцкую казну в отдельные месяцы вообще не поступали – в октябре, марте, июле и августе.

Расходы на приобретение земли и аренду различных угодий фиксировались казначеями и приказными старцами одновременно с движением денежных сумм по соляному промыслу. Например, в июне 1582 г. у С. Ф. Саблина за деревней Углецкой был куплен лес и непашенная земля «в поскотину» стоимостью в 31 алт.[136] В июне 1584 г. у слуги Андрея была куплена пожня на р. Ковде за 40 алт., в августе у какого-то Шуйка «за Даниловою поскотиною»

---

[132] ВХК-1. С. 36–38, 43, 44–46.
[133] Описание тотемского Спасо-Суморина монастыря... С. 49–50.
[134] ВХК-2. С. 228.
[135] ВХК-1. С. 34; ВХК-2. С. 351–359 (приходная книга казначея Исайи).
[136] ВХК-1. С. 20.

пожня за 1 руб., а аренда («кортома») пожни Боярской на р. Сухоне обошлась в 1 руб.[137] В этом же ряду учитывались траты прилуцких приказных старцев на оплату труда наемных работников в селениях – Никольском на усть-Стрелице и Пятницком в Мотырях[138].

О соотношении потребительской и товарной части в общем объёме соли дает представление вотчинно-имущественная опись Спасо-Прилуцкого монастыря 1593 г. Всего ней отмечено 43.853 пудов соли. Из них ориентировочно 34,3% было куплено на Холмогорах (свыше 15 тыс. пудов). С 1 сентября 1591 по 1 июня 1593 г. было продано 37.450,5 пудов и лишь 854 пуда – на собственный годовой обиход обители. Поскольку всего было продано и в расход вышло 38.509 пудов соли, то потребительская доля в общем объёме выглядит невысокой – 2,2%. Отсюда несомненна товарная направленность прилуцкого солеварения плюс ещё и покупок «соли моря» на Холмогорах, «соли неноксы» и «соли уны» с целью её рыночной реализации.

По описи 1593 г. очевиден немалый масштаб прилуцкого солеварения одновременно с некоторой затоваренностью, поскольку на Москве у монастыря оставалось ещё 3.857 пудов непроданной соли[139]. В июле 1593 г. с Холмогор на Вологду было «припроважено» 3.128 пудов купленной соли. Общая сумма денежной выручки Спасо-Прилуцкого монастыря от его соляной продажи в описи, в силу ее характера как источника, 1593 г. не указана, зато отмечен расход на поддержание всех его соляных промыслов – 1212 руб., что находится в сопоставимых пределах с Кирилло-Белозерским монастырём по ряду лет в первой четверти XVII в.[140] В описи 1593 г. зафиксирован и такой способ использования соли, как предоставление её по кабалам нуждающимся: 1192 пуда на сумму 78 руб.[141] Речь шла и о вотчинных крестьянах, и разных потребителях со стороны (посадских людях и пр.).

В приходо-расходных книгах соляных промыслов тщательно записывались траты приказных старцев на разные виды работ, выполняемых обычно наемными людьми в течение определенных сроков: «дрововоз придвигал дрова из исад к варнице Веселухе»;

---

[137] ВХК-1. С. 28, 29.

[138] Там же. С. 22, 38–39, 47.

[139] Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв.: Исследование и тексты. Вологда, 2011. С. 43.

[140] Дмитриева З. В. Введение // Приходные и расходные денежные книги Кирилло-Белозерского монастыря 1601–1637 гг.– СПб., 2013. С. 13 – табл. 1.

[141] Переписные книги вологодских монастырей... С. 43.

«наймовал в лесе сетчи дрова»; «заборщиком дров у варниц в костры дано 12 алтын»; «нанял повара такого-то на год, найму и за платье платил 10 алт.»; «кололи 400 кряжев дров у варниц, дал со ста 3 денги»; «бил кузнец 200 криц судромского[142] железа, выбил 400 полиц, дано с полицы 4 денги, итого 4 руб.»; «дал кузнецу 1000 гвоздья цыренного от дела 9 алт.»; «отвел дров по Кокшенской дороге сеченых веснодель[143] 130 саженей»; «насекли дров веснодели по Вожбалской дороге»; «вывезли дров валежу из лесу по Кулойской дороге к варницам»; «чистил в Новой варнице место подцыренное»; «починивал в Новой варнице повар трубу Ветреницу» и т. д.[144]

В хозяйственной документации чаще других упоминается разнообразный железный инструментарий – буравы земляные и сопелошные, веретена, гири весовые, дуги и крюки, гвозди и «лапки» цыренные, напарьи, перья земляные – буравные и напарейные, тесла, трезубы большие и малые, молотки, насеки, трубные клещи, тюрики, шесты, шурупы[145]. Отмечаются цырены новые либо «полдержь»[146].

Таким образом, в данной статье мы попытались осветить сравнительно ранний период развития соляного промысла Спасо-Прилуцкого монастыря в XVI в. главным образом в его конце. Выяснение дальнейших его судеб требует обращения к ещё более обширному корпусу источников за XVII в., который во всем своем объеме нуждается в специальной разработке.

---

[142] Имеется в виду место по рч. Судроме, левом притоке Ваги, к северу от Вельска, где имелись залежи железа. Благодарю за объяснение Александра Васильевича Кузнецова. Такого же типа можно считать определение железа / уклада как тульского, белозерского, олонецкого («олонского»), устюженского, важского. Уклад и железо судромские упомянуты на Холмогорском рынке в приходо-расходной книге Унского соляного промысла за август 1598 г. (ВХК-1. С. 21, 191).

[143] Веснодельные дрова сплавлялись по р. Песьей Деньге (ВХК-1. С. 75–76, 188). Это были дрова весенней высечки, а бравшиеся за неё наемные работники назывались весенними казаками (Словарь промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв. Вып. 1. СПб., 2003. С. 176). Благодарю за объяснение Евгению Николаевну Варникову.

[144] Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 228 (Пискаревское собрание). Оп. 1. Кн. 188.4. Л. 53–91.

[145] ОР РГБ. Ф. 288. Оп. 1. Кн. 187. Л. 187–188.

[146] Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 3.– М., 1976. С. 85 («в пол-держь» – подержанный, в наполовину истершемся, сработавшемся состоянии). Благодарю Е. Н. Варникову за разъяснение.

Ромашкина Светлана Николаевна,
ведущий искусствовед отдела по изучению истории
и культуры Русского Севера
культурно-исторического центра «Светочъ»,
г. Великий Устюг, Вологодская область

К ВОПРОСУ О ТОТЕМСКИХ ИКОНОПИСЦАХ В XVII ВЕКЕ

Тотьма считается центром древнерусской иконописи на Русском Севере, однако икон XVII в. сохранилось немного, а источниковая база изучена слабо. Известны имена только двух местных иконописцев XVII в. В публикациях П. И. Савваитова середины XIX в., посвященных Тотемскому Спасо-Суморину монастырю, названы изограф Яков Попов, написавший по просьбе игумена монастыря Галактиона в 1626 г. первую икону Феодосия Тотемского, и упомянутый на подписном кресте 1699 г. *«тотмянин иконописец Ивашко Ильин сын Клюсов»*.[147] Возможно, что подпись на иконе 1707 г. «Чудо Георгия о змие» из Иоанно-Предтеченской церкви с. Предтечи Тотемского уезда содержит имя еще одного тотемского иконописца, работавшего на рубеже XVII–XVIII веков Иоасафа Клепикова[148]. Исследование иконы проводится сотрудниками Вологодского музея-заповедника. Пока же, до уточения всех вопросов, нужно с оговоркой относить ее к тотемскому иконописанию, так как бытование иконы еще не гарантирует принадлежность ее автора к местным иконописцам. При множественности храмов в городе и уезде в XVII в. и растущих капиталах Тотемского купечества потребность в иконах вряд ли могли удовлетворить только вкладные, привозные образы или работы приглашенных мастеров. Вследствие чего количество местных изографов в этот период едва ли ограничивалось столь малым числом.

В результате предпринятого нами поиска, в государственном архиве Вологодской области в коллекции столбцов были выявлены документы XVII в., которые никем еще не изучались. Письменные источники содержат редкие материалы по истории иконописания в Тотьме, на основании которых мы вводим в научный оборот новое имя Тотемского иконописца XVII в. и связанные с ним сведения.[149]

---

[147] Савваитов П. И. Описание Тотемского Спасо-Суморина монастыря.– СПб., 1850. С. 36; 1851. С. 26.

[148] См.: А. Рыбаков. Вологодская икона. Центры художественной культуры земли Вологодской XIII–XVIII веков. М., 1995. Илл. С. 408. Кат. 272. С. 473.

[149] ГАВО. Ф. 1260. Оп. 7. Д. 111. Л. 2–5.

Документ, раскрывающий полное имя мастера, род занятий и сословие – это «Вкладная память посадского человека Петра Мелентьева сына Никоновского на три образа, написанные им для Тотемской Троицкой Благовещенской церкви» от 1 июня 1667 г. *(см. Приложение).* В источнике иконописец называет себя «Соли Тотемские посадцкой человек». Следовательно, происходит он с посада Соли Тотемской (Усолья у варниц) на р. Ковде, который позже стали называть Старым посадом Тотьмы[150].

Приход, фигурирующий во вкладной памяти, находился в Новом посаде города, на Троицкой стороне, за р. Песьей Деньгой. После составления регулярного плана Тотьмы в 1780–1781 гг., Троицкая сторона осталась за городской чертой и была выделена в подгороднюю слободу. Постепенно за ней закрепилось название «Зеленской слободы» или «слободки Зелени», при этом храм стал именоваться Троицким Зеленским. Первоначально в приходе было две деревянные церкви: «храм Живональные Троицы теплой да другой храм Благовещение Святой Богородицы», по мнению Д. А. Григорова построенные впервые около 1542 г.[151] Привлекая другие документы, мы установили некоторые факты из жизни прихода в XVII в. Так из «Данной памяти посадского земского старосты Григория Семенова сына Монзикова, земских целовальников и волостных посыльщиков церковному старосте Троицкой Благовещенской церкви Петру Никоновскому на мирской огород за речкой Песьей Деньгой» от 15 декабря 1650 г. узнаем, что иконописец был старостой в приходе и ему дали землю под мирской огород на Троицкой стороне.

Сколько времени Пётр был старостой, не известно, но в «Благословенной грамоте» митрополита Ростовского и Ярославского Ионы, посланной священнику Троицкой Благовещенской церкви Василию, церковному старосте и всем прихожанам на разборку теплой церкви из-за ее ветхости, подрубку и устройство ее заново, а также о получении антиминса в Ростовской соборной церкви и освещении новой церкви, выданной 18 октября 1667 г., церковным старостой назван Замятня Сидоров[152]. Имя еще одного представителя семейства Никоновских встречается в «Челобитной царю

---

[150] Копытков В. В., Кузнецов А. В. «Острожное дело на Тотьме» в XVI–XVII веках // Русский Север - 2020: проблемы изучения и сохранения культурно-исторического наследия. Сб. материалов.– Вологда, 2020.

[151] Григоров Д. А. Тотьма и ее окрестности. (Подготовка к публикации С. П. Белова) // Тотьма. Историко-литературнвй альманах. Вып. 1.– Вологда: «Русь», 1995. С. 181–183, 188–191.

[152] ГАВО. Ф. 1260. Оп. 7. Д. 113. Л. 1–2.

Алексею Михайловичу священника Троицкой Благовещенской церкви Василия Иванова и церковного старосты Ивана Григорьева сына Никоновского о выдаче новой грамоты на сенные покосы на острове Шахтыш и на присыпные пески на р. Сухоне на дикой стороне», черновик, написанный не позднее 1676 года.[153]

В церкви Троицкого прихода иконописец Петр Мелентьев сын Никоновской 1 июня 1667 г. вложил три местные образа: Воскресение Христово со страстями, Сошествие Святаго Духа на Апостолов и Неделя Всех Святых (или иначе Собор Всех Святых). Первые две иконы написаны были на золоте с золотыми пробелами, а третья – только на золоте.[154] Деревянная холодная Благовещенская церковь, перестроенная в 1689–1691 гг., сгорела в 1692 г.; вновь ее возвели в 1693 г. Деревянная теплая Троицкая церковь была поставлена в 1646 г. В 1768 г. в приходе начали строительство нового каменного храма. Церковь Троицкая Зеленская возведена двухэтажная. Внизу теплая с двумя приделами: в честь Благовещения и Казанской Божией Матери, освященными в 1772 г.; позднее надстроена холодная – во имя Пресвятой Троицы, освященная в 1788 г.[155] В летописи Троицкой Зеленской церкви 1868 г. среди «достопримечательных предметов» таких икон не названо[156].

Из текста памяти следует, что иконы были написаны и переданы в церковь по обещанию (обету) Петра Никоновского, данному им Богу. Так как к 1 июня 1667 г. сам он тяжело болел, то при вложении образов вместо него присутствовал брат его Антоний Мелентьев, «по велению» которого, то есть по неграмотности его, память подписал «посадцкой поп Василей», а также три сына иконописца: за братьев Тимофея и Семена «руку приложил» Михаил Петров.

Очевидно, что Петр Мелентьев сын Никоновской (уп. 15.12.1650–1.06.1667) происходит из тотемского рода иконописцев Никоновских, представители которого известны в XVIII–XIX вв.[157]

---

[153] ГАВО. Ф. 1260. Оп. 7. Д. 116. Л. 1.

[154] Там же. Д. 111. Л. 2.

[155] Григоров Д. А. Указ. Соч. С. 190.

[156] Григоров Д. А. Указ. Соч. С. 191; Летопись церкви города Тотьмы, градской Троицкой церкви, что на Зелене, составленная в 1869 году / Вст. ст. и публикация Е. А. Драницыной // Преображение в веках: исследования и материалы по истории Спасо-Суморина монастыря. Вологда, 2007. С. 144–157.

[157] Иркутское барокко / Автор вступ. ст., составитель кат. и прил. Т. А. Крючкова. М., 1993. Кат. 91–94. С. 246–253; *Григоров Д. А.* Указ. Соч. С. 191; *Кольцова Т. М.* Северные иконописцы. Опыт биобиблиографического словаря. Архангельск. 1998. С. 163; *Комашко Н. И.* Красота древней традиции: Выставка «Иконы из частных собраний» в музее древнерусского искусства имени Андрея Рублева // Наше наследие, 2004. № 72. С. 9–19.

На сегодняшний день это самый ранний иконописец этого семейства. У него три сына: Михаил, Тимофей, Семен и брат Антоний. Скорее всего к концу 1650 г. Петр жил в новом посаде Тотьмы, на Троицкой стороне, где ему около р. Песьей Деньги дали землю под мирской огород. Состоял в Троицком Благовещенском приходе и был выбран церковным старостой. При этом через шестнадцать с половиной лет во вкладной памяти иконописец отметил, что он «Соли Тотемские посадцкой человек». Значит, он хорошо помнил, что происходит с Усолья у варниц на реке Ковде. Видимо, переселение произошло не так давно и еще не стало прошлым, или сам этот факт был важен для него и окружающих. По обещанию им были написаны три иконы, следы которых теряются во времени.

Приложение

ГАВО. Ф. 1260. Оп. 7. Д. 111. Л. 2–2 об. Подлинник

1667 г. июня 1. – Вкладная память посадского человека Соли Тотемской Петра Мелентьева сына Никоновского на три образа, написанные им для Троицкой Благовещенской церкви.

Лета 7175 июня в 1 день. Соли Тотемские посадцкой человек Петр Мелентьев сын Никоновской дал памят на Тотме в дом Живоначалные Троицы и Благовещению Пресвятыи Богородицы в том написал я Петр по своему обещанию три образа местные образ Воскресение Христа Бога нашего страстми да образ Сшествие Святаго Духа а те образы оба писаны на золоте и пробеливаны золотом же да образ Неделя всех Святых писан на золоте и те три образа я Петр поставил в церкви Живоначалные Троицы и Благовещению Пресвятыи Богородице по своему обещанию и впред мне Петру тех образов из церкви не выносить вечно и в те образы не вступатца мне Петру и моим детям и роду моему и племяни и за те образы денег из казны неспрашивать стаять тем образам в тех церквах вечно. Память писал Карпушка Мокеев сын Ляхов же. //

К сей памяти посадцкой поп Василей вместо сына своего духовного Антония Мелентьева по его веленю что он в болезни руку прило[жил].

К сей памете Мишка Петров да вместо братьи своих Тимошки да Сенки по их веленью и руку приложил.

Иванов Павел Сергеевич,
кандидат философских наук, журналист, историк, г. Тверь

ИКОНОСТАС ПОКРОВСКОЙ ЦЕРКВИ В УСТЬ-ПЕЧЕНЬГЕ. ОПЫТ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ

Большое село Усть-Печеньга в Тотемском районе на реке Сухоне по причине довольно плохой (по столичным меркам) сухопутной дороги не входит в число популярных мест у туристов. И совершенно напрасно.

Над Сухоной на пологом берегу в ряду сельской застройки возвышается Покровская церковь. Ее внешняя простота (двусветный четверик с небольшим световым восьмеричком-фонариком и несложными тотемскими наличниками-картушами) не случайна: она повторяет чтимый прототип – собор Дедовой пустыни, что в десятке верст ниже по Сухоне. Собор Дедовой пустыни был построен в 1770 году и, к сожалению, разрушен в советское время.

Покровскую церковь в Усть-Печеньге выстроили около 1781 года как близкую реплику внешне не блиставшего изысками монастырского собора. Именно поэтому и Покровская церковь – один из самых невзрачных храмов тотемской архитектурной школы.

Своего рода компенсацией за скромный внешний облик печенгской церкви служит высокий иконостас начала 1780-х годов, единственный полный иконостас в Тотемском районе и, в целом, не часто встречающийся образчик этого искусства. Документов по его созданию пока не обнаружено, единственно, что можно внятно сказать – он современен постройке церкви и никогда серьезно не переделывался.

В существующем виде в нем 49 икон разного размера, еще пять (считая аккуратно разрезанное уже при установке «Благовещение» за одну икону) находятся в царских вратах, и еще два крупных образа находятся в отдельно стоящих киотах, созданных в то же самое время и теми же мастерами, что и иконостас. Тумбы этих киотов и два клироса (также подлинных и того же времени) украшены декором, который хотя и не является, собственно, иконами, но входит составной частью в единый художественный ансамбль. Таким образом, ко времени освящения главного престола печенгского храма в него прибыли порядка шестидесяти трех досок с живописью (если только пристенных киотов было два, а не больше). Это количество сопоставимо с числом икон в иных соборах. Отдельно от этого иконостаса прибыл в это же время или даже

ранее иконостас придела, от которого почти ничего не осталось. В настоящее время там можно видеть только одну сохранившуюся икону – «Илья Пророк со сценами жития», всё остальное заменено около 1897 года, когда приделы выстроены заново.

Иконы размещены в девять рядов – очень большая цифра даже для эпохи барокко, как правило, их никогда и не бывало больше.

При этом, строго говоря, в иконостасе только шесть крупных «циклов» или комплексов икон – местный (с «подместными» иконами у самого пола), праздничный, деисусный, пророческий, праотеческий и страстной. Праздники размещены в два ряда, но, по сути, образуют единый комплекс.

В иконостасе очень мало объемной резьбы – за исключением богато украшенных рокальными орнаментами царских врат. Это особенно странно для Тотьмы с её традицией такого искусства. Но хотя резьбы высокой, «виноградной», здесь почти нет, общие пропорции очень хороши, барочные сложные карнизы богаты и не избыточны, архитектоника всего сооружения удалась, несмотря на труднейшую задачу вписать верх иконостаса в искривленный восточный свод. В этом отношении примечательно, что это чудо находится не в столичном храме, а как раз в такой провинции.

Церковь построена «на средства местного уроженца купца Волокитина». По клировой ведомости – в 1781 году[158]. Скорее всего строители – это тотемские купцы Семен и Никифор Волокитины, упоминаемые первыми в списке тотемского купечества в 1782 году[159]. Еще один Волокитин – священник Усть-Печеньгской церкви Иаков – упомянут без года (XVIII век) в числе вкладчиков в Троицкую Дедову пустынь[160]. Не был ли он священником здесь как раз в это время? В любом случае можно утверждать, что на протяжении длительного времени церковь находилась под опекой этого семейства. Покровская церковь может быть поставлена в ряд с другими «купеческими» церквями города Тотьмы как еще один памятник купеческой удачи одной семьи.

Сохранность памятника плохая, он остро нуждается в грамотной реставрации. Хотя вся церковь, слава Богу, защищена от осадков, грандиозная алтарная преграда претерпела несколько неудачных «косметических» ремонтов. Во-первых, ее покрасили в позднесоветское время эмалевой половой краской прямо по

---

[158] Кузнецов А. В., Новосёлов А. М. По следам Тотемского барокко. Вологда: Древности Севера, 2016. С. 73.

[159] Попов В. Т. Город Тотьма Вологодской губернии. Вологда, 1888. С. 60.

[160] Синодик Троицкой Дедовой пустыни. СПб., 1877.

позолоте, чем закрасили или сильно притушили множество мелкой резьбы и других деталей и очень лишили благородного изящества все сооружение в целом.

Во-вторых, иконы, покрытые толстым слоем олифы, уже потемневшей и сильно искажающей восприятие, шелушатся. Местами шелушение уже критическое. Отслаивается и выпадает красочный слой, иногда вместе с левкасом, и иконы просто утрачиваются.

Потемневшая олифа сильно искажает цвета на иконах, делая их сейчас желто-зелеными. Но это не первоначальный колорит. Несколько икон нижнего ряда предварительно промыты – скорее всего, каким-то спиртовым раствором и явно самовольно, с уничтожением подлинных верхних колеров. К счастью, этот неизвестный «поновитель» увидел, что он творит, и вовремя остановился. Эта промывка показала, что под олифой находится очень красивая, многоцветная барочная живопись с насыщенными голубыми, синими, розовыми, красными, охристо-желтыми и зелеными тонами. Конечно, прежде чем что-то промывать, все доски надо укреплять, а для этого снимать и последовательно отправлять на реставрацию. Очевидно, что у прихода на это средств нет – и когда будут, неизвестно.

Настенная живопись в храме появилась примерно через сто лет после создания иконостаса, не раньше 1880-х годов. В позднесоветское время ее тоже правили, но не сильно. Сплошной краской закрасили нижние композиции (видимо, самые потертые) и немного поправили фоны остального. Живопись – не самое ценное в этом храме, но она аккуратная, гармоничная, и несет в себе память того же стиля, эпоха расцвета которого породила и иконостас.

Авторы икон неизвестны. В Тотьме были свои крупные иконописцы – за этот период мы знаем, как минимум, одного очень талантливого мастера. Это Федор Никоновский, сделавший вклад в церковь Троицы на Зелене около 1788 года. Уцелели другие его подписные иконы, две из них сейчас находятся в Иркутске и датированы 1790 годом[161], одна – в частной коллекции. Другой тотемский иконописец Александр Брагин оставил подпись на довольно провинциальной по исполнению иконе 1797 года из Архангельского музея. Конечно, иконописцев в Тотьме было больше, местное иконописание заметно активизировалось в конце столетия, во время и сразу после канонизации преподобного Феодосия.

[161] Кузнецов А. В., Новосёлов А. М. По следам Тотемского барокко. Вологда: Древности Севера, 2016. С. 115.

Можно отметить, что иконы в Усть-Печеньге писались разными мастерами. Работавший над местными иконами и большей частью праздничных, деисусных и пророческих икон мастер был профессиональным иконописцем высокой квалификации. «Подместные» иконы у самого пола, возможно, страстные и часть праздничных образов (например, «Успение» и «Благовещение» были написаны художником, намного менее уверенно владевшим кистью, хотя, очевидно, работавшим в той же мастерской и под началом опытного мастера. Возможно, этих учеников было несколько, их работа заканчивалась на подготовительной стадии, а главный мастер доводил все иконы до окончания. Некоторые второстепенные образа дописывались учениками почти полностью.

Рассматривая тотемский иконостас, можно отметить стилистическую близость его резьбы к такому хорошо известному и знаменитому иконостасу как иконостас Троице-Гледенского монастыря, созданному в 1776–1784 годах резчиками из Тотьмы Тимофеем и Николаем Богдановыми и украшенному иконами мастеров-устюжан Алексея Колмогорова, Егора Шергина и Василия Афанасьева[162]. Подобные гледенскому иконостасы, восходящие к знаменитому иконостасу в Спасо-Яковлевском монастыре в Ростове Великом, существовали и в других местах на Вологодчине – это более скромные, но украшенные богатой резьбой иконостасы, в частности, сохранившиеся в Ильинском погосте под Кадниковом (1776) и в церкви Дмитрия Прилуцкого на Наволоке в Вологде (около 1781 года).

В деталях иконостаса в Усть-Печеньге мы видим много общих черт с гледенским иконостасом и его прототипом: это и четкое вертикальное деление иконостаса, до середины – 3-й четверти XVIII века в провинции практически неизвестное, и деление разделительных карнизов на основные и второстепенные, и фланкирующие вертикальные пилоны полуколонны, и прихотливые формы малых икон, и мелкую плоскостную резьбу, которой покрыты основные поверхности иконостаса. В тот момент это все было и в Устюге, и в Тотьме в новинку. Нужно подчеркнуть, что прямого влияния гледенского иконостаса на иконостас в Усть-Печеньге нет, создавались они одновременно.

Структуру печенгского иконостаса образует один постоянно повторяющийся вертикальный элемент: длинные, от пола до сводов выступы-пилоны (всего их получилось четыре). Эти вертикальные

[162] Бочаров Г. Н. Выголов В. П. Сольвычегодск. Устюг. Тотьма.– М., 1983. С. 257.

выступы иконостаса по горизонтали разделены на пять ярусов сложными многообломными карнизами. При этом в нижнем ярусе расположены три ряда икон, во втором снизу – два, а в остальных – по одному. Центральная, слегка заглубленная, часть иконостаса в Усть-Печеньге выделена лучковыми изгибами карнизов.

Сами карнизы почти одинаковы, за исключением того, что в самом нижнем к декору добавлен маленький поясок сухариков. Вертикальные членения оформлены с боков слегка выступающими полуколоннами с капителями коринфского ордера.

Такая конструкция обнаруживается в различных произведениях того времени. Архитектурные формы усть-печенгского иконостаса почти полностью (но с другим оформлением!) повторяют такой известный московский памятник, как иконостас церкви Ризоположения на Донской улице (середина XVIII в.). Причем тотемский памятник архитектурной композицией и деталями в целом не уступает московскому. Резьба иконостаса в Усть-Печеньге, конечно, не сравнима по богатству с иконостасом в Троице-Гледенском монастыре Великого Устюга, но качество ее довольно высоко, видно, что здесь работала если не одна мастерская, то близкие. Резные рамы и скульптура были, видимо, самой дорогой частью работы. В Устюге ее много, в Усть-Печеньге она только на царских вратах, однако исполнение ее там и здесь очень высокое.

Иконы в Усть-Печеньге обнаруживают несколько разных образцов, которые ярко свидетельствуют о той среде, которая заказывала подобные вещи и формировала запрос на церковную живопись Тотьмы.

Образцы для икон в этом, кажущемся провинциальным, храме достаточно «свежие» и сопоставимые с аналогичными в памятниках, близких к столичному кругу. Наиболее современными образцами (которые однозначно узнаются) для иконописцев были гравюры иллюстрированной библии Филиппа Килиана середины XVIII в. С них написаны, например, страстные иконы «Бичевание Христа» и «Несение креста», обе содержат длинные пояснительные надписи из немного сокращенных евангельских цитат. Подобная практика характерна для XVIII века.

Иконографические образцы для большинства праздничных икон различны и с трудом поддаются однозначному определению. В основном это переиздания и перерисовки голландских гравюр, очевидно разного происхождения, в том числе и русского. Но несколько икон («Преображение», «Успение», «Троица»,

«Воздвижение») созданы в традиционной иконографии по старым иконописным подлинникам (обычное явление для Устюга середины XVIII в.). Однако и в тех иконах, которые, как, например, «Троица», традиционны по иконографии, содержатся уникальные и очень редкие детали, например, богато накрытый стол с вилками на скатерти. Подобная деталь встречается только на новейших иконах тех лет, например, на храмовой «Троице» 1778 года Алексея Колмогорова в Троице-Гледенском монастыре. Можно отметить известное сходство в манере письма некоторых второстепенных гледенских икон и икон в Покровской церкви.

Храмовый «Покров» восходит к ярославской иконографии XVII века, тиражированной, однако, в это время в многочисленных русских гравюрах.

Любопытно и распределение икон. 14 икон праздников размещены в два ряда и представляют собой не хронологически и не по смыслу расположенную последовательность. Следуют слева направо и сверху вниз: «Рождество Богородицы», «Введение во храм», «Вознесение», «Воскресение Христово» (центральная), «Вход в Иерусалим», «Благовещение», «Успение» (далее – второй ряд): «Рождество Христово», «Сретение», «Крещение», «Сошествие Святого Духа» (центральная), «Гостеприимство Авраамово» («Троица»), «Преображение» и «Воздвижение креста». Эта очередность не соответствует ни хронологии событий, ни их порядку следования в церковном году, что, кстати, типично для памятников 2 половины XVIII в., когда существовала какая-то другая традиция размещения праздничных икон. Ее принцип пока до конца не выяснен.

Очень необычны иконы пророческого и праотеческого рядов. Не совпадает ни с одним устюжским иконостасом состав изображенных здесь святых. В самом верхнем (праотеческом) ряду изображены Адам, Исаак, Авраам и Иаков, в следующем (пророческом) – Елисей, Иеремия, Давид, Захария (первосвященник), Илия и Моисей.

Сохранившиеся тексты на свитках пророков Илии, Елисея, Иеремии и Захарии нестандартны и именно в таком виде нам вообще неизвестны среди образцов XVII–XVIII вв. Если искать их приблизительные аналоги, то, скорее всего, в Ярославле XVII–XVIII века. Очень возможно, у тотемского иконописца существовал какой-то рукописный текст о библейских пророках, откуда взяты эти цитаты (они практически никогда не встречаются на пророческих свитках в таком виде). А возможно, в этой части своей работы он пользовался какими-то прорисями как раз с икон Поволжья.

Тексты следующие:

У пророка Илии: *«Ревнуя поревновах по Господе Бозе Вседержителю вдовичеа сына воскресих»*. Текст в первой части типичен (до слова *«...Вседержителю»*), а вот дальше и в целом он уникален и совершенно не соответствует 1 Цар. 19, 10–12, являясь вольной вариацией вокруг библейской цитаты.

У пророка Елисея: *«Прообразовахъ Святую Троицу, треми удареими раздели Иорданъ»*. В таком виде текст не встречается нигде. Но в ярославской иконописной традиции середины 2 половины XVII века есть любопытная привычка усваивать именно Елисею подобный текст на свитке. Например: *«Аз прообразовах святую Троицу»* (такой текст у пророка Елисея на фреске 1686 года в куполе Софийского собора в Вологде) или *«Прияхъ милоть Илиину и прообразовах святую Троицу»* (икона пророческого чина кон. XVII–нач. XVIII в. ЯХМ), *«Прообразовах Троицу единосущную илиною милотью»* (икона около 1654 года из церкви Иоанна Златоуста в Коровниках, ЯХМ) и аналогичная надпись на иконе из церкви Илии Пророка в Ярославле (1651). Во всех случаях – это первоклассные ярославские вещи.

У пророка-первосвященника Захарии: *«Из Чистыя Девицы богоизбранныя общее воскресение всем»*. Как правило, Захарии усваивается другой текст (из Лк. 1, 68–79). Варианты с нашей надписью, во всяком случае, чрезвычайно редки. Основой для нее стала, видимо, служба на Введение во храм или какие-то другие церковные тексты, толкующие именно Захарию как первосвященника, принимавшего маленькую Марию, будущую Богородицу, в храме Иерусалимском.

Пророк Иеремия: *«Сей Богъ наш, не применится инъ к нему, изобрете бо хитрость»*. Это текст, на самом деле, не из книги пророка Иеремии, а из книги пророка Варуха, но в паремии на Навечерие Рождества Христова озаглавлен «Пророчество Иеремиино». Цитируется на печенгской иконе он не точно. (Ср: Вар. 3, 36–37). Эта надпись находит аналоги в ярославском искусстве, в частности, на иконе пророка Иеремии из пророческого чина из церкви Иоанна Златоуста в Коровниках (около 1654 года, ЯХМ) и в чине в церкви Илии Пророка (1651). На ярославских памятниках библейская цитата правильная: *«...изобрете всякъ путь хитрости»*.

Таким образом, у тотемского художника были как новейшие для того времени европейские гравюры, так и старые прориси и даже чрезвычайно сомнительные русские рукописные прототипы-подлинники, которые он смешал без какого-либо критического

анализа и сомнений. Стиль его письма сильно (лет на тридцать) запаздывающий для столиц, но, в общем, вполне актуальный для Устюга и Вологды того времени. По всей видимости, в иконах, как и в иконостасе и в архитектуре храма, мастер (мастера) Усть-Печеньги прямо копируют утраченный иконостас собора Дедовой пустыни. Иконостас в последнем был утрачен еще до революции, по сути, из путешественников его видел лишь К. К. Случевский в 1885 году.

«...Его Высочество приказал остановить пароход и сошел на островок. Переполох произошел великий; старенький иеромонах в старенькой ризе вышел к великому князю навстречу и окропил его святой водой. Церковь очень мала; иконостас, однако, пятиярусный – зеленое с желтым; в церковке масляною живописью по стенам или, лучше сказать, по некоторым местам стен, вразброс, совершенно неправильно, точно пробы кисти, намалеваны самые первобытные изображения...». Не исключено, что именно создателям дедовского иконостаса и принадлежит авторство столь удивительного симбиоза нового и старого в одном ансамбле.

Увы, Дмитрий Григоров, приехавший на монастырский остров около 1917 года, уже не увидел ничего интересного, обнаружив вместо нетронутого в 1885 году барочного интерьера скучный типовой ремонт конца XIX века.

Можно осторожно надеяться, что с находкой архивных описаний дедовского иконостаса гипотезу о том, что он является прямым прототипом иконостаса Усть-Печеньги, удастся подтвердить.

В Покровской церкви сохранились два клироса, украшенные декоративными панелями – все это подлинники, современные созданию иконостаса. Подлинное в храме и паникадило – и это тоже XVIII век, и это тоже уникальное произведение искусства.

Декоративные панели чрезвычайно интересны. Вот они совершенно не архаичны. Они украшены любимыми в конце XVIII в., но почти нигде не сохранившимися декоративными панно «под мрамор» или с условными пейзажами. В Устюге такие клиросы с мраморировками, «пейзажами», иногда и с сюжетами, созданными в технике гризайль, сохранились в Успенском соборе, соборе Михайло-Архангельского монастыря и в соборе Троице-Гледенского монастыря. Все они выполнены в 1780–1790-х годах. Подобные существовали не только в Устюге. Их остатки можно увидеть в Угличе в церкви Димитрия царевича «на крови» (около 1787). Крайне упрощенные «мраморы» можно найти даже на клиросе церкви

Дмитрия Солунского в Верхней Уфтюге (1784, Архангельская область). По-видимому, короткая мода на такой декор пришла из присоединенной Речи Посполитой в 1770-х годах. Усть-Печеньга – яркий пример ее мало испорченного поновлениями воплощения.

В Усть-Печеньге в Покровском храме исстари имелся придел в честь Прокопия и Иоанна Устюжских, а на центральной местной иконе Спаса «Царь Царем» мы встречаем обоих устюжских святых покровителей в качестве главных предстоящих перед Христом. Это, пожалуй, единственный и самый яркий памятник того, что когда-то эти территории входили в область Ростова и (позже) Великого Устюга.

Однако в художественном отношении Устюг, хотя и оказал в XVIII веке влияние на Тотьму, в это время влиял на ее искусство, скорее, технически. Устюжане научили тотьмичей класть первые каменные стены церквей и работать кисточками – но еще в начале XVIII века. Во времена Екатерины II это влияние было уже сильно опосредованным, а две школы развивались параллельными путями. «Устюжский след» в Усть-Печеньге, который, по идее, должен тут быть, потому что само село стояло на границе территорий, исторически тяготеющих к Устюгу, достаточно слаб.

Конечно, на примере единственного подобного памятника сложно делать далеко идущие выводы. Однако главный не подлежит сомнению: иконы конца XVIII века в Тотьме вполне профессиональны и очень своеобразны. Если сравнивать печенгские иконы с более ранними тотемскими (среди них немного выдающихся), можно видеть как выросший профессиональный уровень иконописцев, так и хорошее знакомство с новинками моды (как они усваивались, это другой разговор). Но памятников этого периода, лучшего в истории для Тотьмы, уцелело, к сожалению, крайне мало. Из минимум полутора десятка крупных барочных ансамблей в Тотьме и ее окрестностях, существовавших в начале XX века, помимо печенгского сохранились лишь обломки современного ему иконостаса Входоиерусалимской церкви в Тотьме и несколько погибающих фрагментов иконостасной резьбы в сельских церквях.

На фоне катастрофических потерь маленькая церковь в Усть-Печеньге может стать (если ей очень повезет) настоящим заповедным интерьером и, в целом, еще одним островком среди огромного пустынного моря, к сожалению, разлившегося в минувшем столетии на месте богатейшей художественной культуры нашей страны.

Головизнин Марк Васильевич,
научный сотрудник Института проблем глобализации и социальных движений, г. Москва

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТОТЕМСКОГО БАРОККО. СИНТЕЗ КУЛЬТУР, ТРАДИЦИЙ И ДИВИДЕНДОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ

В качестве вступления в дискуссию о тотемском архитектурном феномене как объекте общекультурного значения лучше всего подходит фраза исследователя-энтузиаста Станислава Михайловича Зайцева: *«Заметим, что иметь свою школу это привилегия столиц и крупных центров культуры. Однако в этом отношении не отличились даже именитые соседи, всегда заслонявшие Тотьму,– Вологда и Великий Устюг. Так, не избалованная чьим-либо вниманием, тотемская золушка стала вдруг настоящей принцессой*[163]*».*

Генезис тотемской школы барокко. Версии, аргументы, контраргументы

До недавнего времени научную литературу, посвященную Тотьме, можно было пересчитать по пальцам на одной руке. Первая профессиональная публикация, посвященная тотемской архитектуре, была сделана П. А. Тельтевским в 1962 году. По описанию и фотоснимкам четырех городских храмов и церкви в с. Усть-Печеньга, автор выделяет две особенности архитектуры Тотьмы как самобытной школы. Это – устремленность вверх (высота основного объема храмов – четверика почти вдвое больше его горизонтального размера в длину или в ширину), а также оригинальный декор стен – скомпонованные из множества керамических элементов «картуши». Тельтевский также впервые упомянул, что аналоги тотемской архитектуры можно найти к востоку от Тотьмы, указав на храм Иоанна Предтечи в селе Красном под Соликамском, имеющий такую же устремленность ввысь, как и тотемские храмы[164].

Второе профессиональное исследование о Тотьме было опубликовано в 1980 году В. П. Выголовым[165]. Оно остается доныне

[163] Зайцев С. М. Тотемское барокко / С. Зайцев // Русская Америка.– № 1.– Вологда, 1994. С. 18–20.

[164] Тельтевский П. А. Памятники архитектуры XVIII века в Тотьме // Архитектурное наследство. 1962. Вып. 14. С. 203-210.

[165] Выголов В. П. Архитектура барокко в Тотьме // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Материалы и исследования.– М., 1980. С. 103–125.

наиболее глубокой и концептуальной работой. В. П. Выголов показал, что памятники Тотьмы неоднородны и разделил их на две самостоятельных группы. Храмы 1-й группы относятся к простому типу, представляя собой невысокие одноглавые одноэтажные постройки с трехчастным планом, бесстолпным четвериком и декором раннебарочного характера. Наиболее своеобразные памятники Тотьмы В. П. Выголов объединил во вторую группу церквей, которые и представляют особую школу зодчества. Это уже двухэтажные постройки, исключительно стройные, возносящиеся вверх объемы зданий имеют легкие, устремленные ввысь пятиглавия. Убранство фасадов,– продолжает В. П. Выголов,– отличается здесь также более развитыми барочными формами. Именно появление этих картушей в убранстве храмов Тотьмы,– здесь автор солидаризируется с П. А. Тельтевским,– дает возможность говорить о сложении местного варианта барокко. Ученый дает понять, что переход от первой группы храмов ко второй (от «начального» к «позднему» этапу стиля) не является очевидным и автоматическим. Выголов подчеркивал, что в большинстве церквей соседних с Тотьмой Сольвычегодска и Великого Устюга, имевших, как и тотемские храмы, нижний этаж, выдержанный в традиционных для XVII века формах, верхний этаж достраивался в духе скромного провинциального барокко, без резких эволюционных скачков.

В 1990–2000-е годы в литературе появились сообщения о «родственниках» тотемских храмов, находящихся почти в 4000 км восточнее Тотьмы. Оказалось, что на ряде церквей конца XVIII века в Иркутске и Западном Прибайкалье выявляются картуши, довольно близко сходные с тотемскими. Интерес к этим храмам возник в связи с вновь возникшими дискуссиями о «Сибирском барокко», в которых участвовали авторитетные архитекторы и исследователи архитектуры Сибири Л. К. Минерт, С. Н. Баландин и, несколько позже, Л. К. Масиель-Санчес. Согласно доминировавшим в истории архитектуры взглядам, барочные картуши, обнаруженные на храмах Иркутска и Прибайкалья, трактовались ими как заимствования из Европейской России и свидетельствовали о том, что «художественные связи Иркутска в 18 веке не прерывались со своей прародиной». Поскольку документальные доказательства участия мастеров из Тотьмы в строительстве прибайкальских церквей отсутствовали, Л. К. Масиелем-Санчесом было выдвинуто предположение, что тотемский стиль в «деградированной» форме был воспринят сибирскими мастерами, так как богатые купцы, тотьмичи по происхождению, выступали заказчиками строи-

тельства церквей как в Прибайкалье, так и у себя на родине»[166]. Пока отметим, что три указанных историка архитектуры Сибири, априорно утверждавшие, что храмы Тотьмы и их декор были образцами для «прибайкальского барокко», на момент публикации своих концепций не исследовали тотемские храмы. На наш взгляд, эта дискуссия лишь отвлекла внимание от вопроса откуда же произошел сам тотемский стиль, точнее, его завершающий, «высокий» этап, который, по мнению В. П. Выголова, резко отличался от других архитектурных школ Русского Севера.

Вопрос о происхождении тотемского барокко был «грубо и зримо» поставлен упомянутым нами С. М. Зайцевым (1939–1992). Зайцев, знакомый с работами Выголова и Тельтевского, связал его возникновение с эпохой Великих географических открытий. Преждевременная смерть помешала С. М. Зайцеву привести развернутую аргументацию своих догадок, основанную на проработке источников. Необходимо сказать, что версия С. М. Зайцева о клеймах-картушах, в которых отражены карты тотемских мореходов, не кажется слишком фантастической. Он наверняка знал из литературы, что в эпоху Ренессанса и позже в барокко резко возросла популярность эмблем. Картуши-эмблемы вдохновляли художников Возрождения, таких как Альбрехт Дюрер, или врачей-философов, как Нострадамус. Эпоха Ренессанса знаменовала собой и развитие картографии, связанной с дальними плаваниями. В этот период в Италии в качестве архитектурного декора действительно применялись географические карты. Вероятно, эти сведения позволили С. М. Зайцеву трактовать картуши как «эмблемы», «клейма» или даже как символические изображения карт тотемских путешественников. Вместе с тем он не учел, что сведения о барочных картушах-эмблемах или гербах только часть картины. Стенной узор зданий эпохи Ренессанса-Барокко был обусловлен также закономерностями эволюции окна, наличников и межоконных узоров, в частности, сменой прямоугольных проемов на арочные и появлением т. н. ложных окон, особо популярных в барокко. На определенном этапе между картушем-эмблемой и картушем-ложным окном произошла конвергенция, которая породила путаницу даже в научном мире.

Как нам представляется, картуши храмов Тотьмы являлись не эмблемами, а особым видом межоконного орнамента. Подтвержде-

[166] Масиель-Санчес Л. Православные каменные храмы Западного Забайкалья XVIII – первой половины XIX в. История региональной традиции.// Памятники русской архитектуры и русского монументального искусства XVI–XX вв. Вып. 7.– М., 2005. С. 178–207.

нием тому служит факт, что на тех стенах тотемских церквей, где нет окон, нет и картушей. Надо также сказать, что если «картуш-эмблема» есть продукт европейской эстетики, то «картуш – деталь межоконного узорочья» – явление значительно более интернациональное, встречающееся в архитектурах всех времен как на Западе, так и на Востоке. Иными словами, «картографическая концепция» С. М. Зайцева оказалась ошибочной по факту, но перспективной по заданному вектору поиска.

Современные тотьмичи-краеведы отошли от гипотезы С. М. Зайцева и сосредоточились на сугубом регионализме сольвычегодской и великоустюгской школ, из которых якобы и вышли мастера, создавшие тотемское барокко[167]. На наш взгляд, эта гипотеза верна лишь отчасти. Она объясняет происхождение «начального этапа» стиля, когда архитектура Тотьмы еще ничем не отличалась от соседствующих регионов. В. П. Выголов также утверждал, что каменное строительство в Тотьме, начатое лишь в конце 1730-х годов, производилось приезжими, по-видимому, великоустюжскими мастерами. Однако он подчеркивал, что этот факт не объясняет, почему тотемский стиль «вырвался вперед», преодолел провинциальную скромность и перешел на «второй этап», «высокого барокко». Вопрос о причинах скачка между этапами, или о его «движущих силах» В. П. Выголов оставляет открытым.

Современные краеведы Тотьмы также говорят об «эволюционном пути» тотемского барокко. Однако нам кажется немного странным, что они увязывают зарождение этой самобытной школы ни с чем иным, как с «выхолащиванием» в Тотьме «пышного» сольвычегодского стиля. Если сюда добавить упомянутый ими вслед за Л. К. Масиелем-Санчесом *«тотемский картуш в деградированном виде»*, который якобы усвоило прибайкальское барокко, то очевидно, нам придется рассмотреть «деградацию» как одно из условий прогресса в истории архитектуры. Если говорить серьезно, в случае Сольвычегодска и Тотьмы 1770–1800-х годов, речь идет об уже разошедшихся к тому времени архитектурных направлениях. Храмов, аналогичных тотемскому барокко, *«где высотность стиля выгодно отличалась от пропорций приземистых храмов»,* ни в Сольвычегодске, ни в Устюге не зафиксировано.

В архивах, впрочем, сохранился почти единственный документ, приводимый сторонниками сольвычегодской версии как косвенное доказательство. Это контракт на возведение Троицкой церкви

---

[167] Кузнецов А. В., Новоселов А. М. По следам тотемского барокко. Альбом-путеводитель.– Вологда, 2018. С. 11.

в Тотьме, заключенный между купцом Черепановым и сольвычегодским зодчим Федором Титовым. В контракте есть упоминание картушей: *«а между верхними и нижними окнами клейма сделать как наилутче возможно»*[168]. Последнее, по мнению краеведов свидетельствует в пользу того, что именно сольвычегодские мастера владели секретом картушей-клейм. Однако, картуши-клейма, аналогичные тотемским, опять-таки неизвестны в Сольвычегодске. Более того, само слово «клейма» в русском искусстве совсем необязательно относится к декору архитектуры. Вероятнее всего, она перешло туда из иконописи, где клеймами называют размещенные по периметру и на одной доске с главной иконой небольшие сюжеты, комментирующие основную композицию иконописного образа. В Сольвычегодском Благовещенском соборе доныне хранятся как экспонаты строгановские иконы с большим количеством этих «клейм». Не удивительно, что каменных дел мастера, освоившие новую, «пришлую» технологию убранства церковных стен, подобрали для него привычное название. Тем более, что аналогия между окном и основным полем иконы, равно как между картушами и иконописными «клеймами» напрашивается сама собой.

Говоря о зарождении тотемского барокко как оригинального стиля и о рождении картушей, краеведы называют обычно две даты: 1749 год – год постройки Богоявленского, впоследствии кафедрального собора Тотьмы и 1764 год, когда была построена соборная, декорированная картушами, колокольня, к сожалению, утраченная впоследствии. Эти же даты приводятся и в доказательство сибирского «культуртрегерства» Тотьмы, поскольку, аналогичный тотемскому сибирский декор храмовых стен появился не ранее 1770-х годов.

В 2019 году вологодским историком А. И. Меньшиковым были найдены архивные документы, по реконструкции Богоявленского собора Тотьмы сильно пострадавшего при пожаре 1816 года, в том числе несколько прорисовок фасада здания, которое позже было перестроено[169]. Среди рисунков имеется вид собора, каким он был до пожара. Там представлен уже двухэтажный храм, увенчанный

---

[168] Кузнецов А. В., Новоселов А. М. По следам тотемского барокко. Альбом-путеводитель.– Вологда, 2018. С. 15.

[169] Кузнецов А. В., Новоселов А. М. Ранний Богоявленский собор в Тотьме и Воскресенская Вотчинская церковь – новые выявленные объекты тотемского барокко // Русский север-2020: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия. Сборник работ IV Всероссийской научной конференции с международным участием.– Вологда, 2020. С. 79–91.

пятиглавием. В прорисованном оформлении стен можно увидеть картушный орнамент. Вне всякого сомнения, этот неизвестный прежде документ восполняет некоторые пробелы, являясь «следующей ступенькой наверх» от храмов первого типа ко второму.

Вместе с тем, мы не можем согласиться с тезисом, что именно Богоявленский собор стал «омегой» – образцом для барочных церквей в городе в последующие несколько десятилетий. При внимательном рассмотрении прорисовки видно, что собор до реконструкции являлся сравнительно небольшим сооружением в виде трехчастного храма с пятигранным алтарем и прямоугольной трапезной. Эта церковь не достигала высоты более поздних храмов. Более того, форма последних в виде корабля позволяет утверждать, что эволюция тотемского барокко не остановилась на Богоявленском соборе, а продолжала свое развитие к более высоким в прямом и в переносном смысле образцам. Не столь типичен для «высокого барокко» и орнамент стен собора, указанный на прорисовке. Собственно картуши звездчатой формы числом три видны только под окнами верхнего яруса. Остальные украшения являются пышными наличниками, обрамляющими оконные проемы, вполне типичными для русской средневековой архитектуры.

В этой связи стоит обратиться к подробному описанию Богоявленского собора, размещенному в Прибавлениях к Вологодским епархиальным ведомостям за 1883 год. Автор – соборный протоиерей Николай Голубков, хотя и не являлся современником постройки и перестройки храма, оставил его очень подробное описание, сделанное, вероятно, по более ранним источникам. Оно подтверждает сравнительно небольшие размеры здания: *«Новосооруженный в 1744–1749 годах собор был не огромный по размерам, но благолепный по архитектуре и внутреннему устройству. 15 сажень (37–42 м М.В.) длины и 6,5 сажень ширины, увенчанный осьмериком с пятью главами»*[170]. Интересно, что очень детально описывая собор внутри и снаружи, автор ничего не говорит о картушах. Сказанное выше можно объяснить только тем, что межоконные украшения на том этапе их развития еще не бросались в глаза своей оригинальностью и вычурностью, как это было в последующие годы. Наконец, в описании прот. Н. Голубкова есть один очень важный факт, автор пишет, что построенная в 1764 г. соборная колокольня (которая, судя по дореволюционным снимкам, была обильно

[170] Голубков Н. Богоявленский собор в Тотьме. Прибавления к Вологодским епархиальным ведомостям.– № 16. 1883. С. 281–284.

декорирована) – сгорела при пожаре 1816 года вместе с находившимися под ней храмами. Ее восстановление растянулось почти на два десятилетия, новый храм (Казанской иконы Божьей матери) был открыт под ней в 1835 году. В документах информация про ремонт колокольни отсутствует. Можно предположить, что она была восстановлена в традиционном, уже отходящем в прошлое барочном стиле. Такой «компромисс» между барокко и классицизмом в церковном строительстве был не столь редким явлением, особенно в провинции.

«Стимулы эволюции» тотемского барокко за пределами Тотьмы

Таким образом, вопрос о возникновении и эволюции тотемской барочной архитектуры, поставленный на повестку дня В. П. Выголовым и С. М. Зайцевым, отнюдь не закрыт. При отсутствии строительных документов, которые в XVIII веке не сохранялись, пролить свет на проблему могут только мультидисциплинарные исследования с привлечением данных истории, археологии и экономики как самой Тотьмы, так и тех областей, где осели выходцы из нее. При этом целесообразно отойти от воззрений, представляющих тотемское барокко как продукт «выхолащивания» чего бы то ни было и актуализировать взгляды С. М. Зайцева о роли географических открытий в подъеме культуры востока Вологодчины.

В данном разделе мы постараемся конспективно дать важные на наш взгляд соображения о вневологодских «стимулах» тотемского барокко, находящихся в Прибайкалье и Камско-Уральском регионе, которые не публиковались нами ранее. Архивы свидетельствуют, что в XVII веке Тотьма вступила в период глубокого упадка, связанного с истощением соляных запасов. Местные варницы не выдерживали конкуренции с камскими усольями, куда постепенно переезжали в поисках лучшей доли тотемские солевары. Как говорят документы, зарплата рабочих солеварен в Соликамске или Чердыни была значительно выше, чем в Тотьме. Интересно, что фамилия «Тотьмянин» является исключительно распространенной в Предуралье, особенно в Березниках, Соликамске, Кудымкаре, где до сих пор живут потомки тотьмичей. Через Соликамск была проложена дорога на Верхотурье, ставшая коротким путем в Сибирь. В этой связи актуально предположить и проверить версию, что деньги на строительство Богоявленского храма в 40-е годы XVIII столетия могли поступить в Тотьму именно с Камы. Актуально также вспомнить мнение П. А. Тельтевского

Иоанно-Богословский собор г. Чердынь, Пермский край

о сходстве архитектурных форм тотемских храмов с церковью Иоанна Предтечи близ Соликамска.

Вертикализм уральских церквей XVIII века объясним особенностями гористого рельефа, а также межконфессиональной «борьбой за высоты», которая возникла с момента русской колонизации Урала. Храм Иоанна Богослова (1712 г.) в г. Чердынь – самом раннем оплоте русских в этих местах, хотя и не отличается величиной, но, будучи расположенным на крутом берегу реки Колвы, господствует над городом. С колокольни храма на востоке видна вершина горы Полюдов камень, бывшая когда-то священным местом коми-пермяков. Интересно, что окна нижнего этажа храма снабжены высокими наличниками – ложными окнами, которые подчеркивают стремление конструкции ввысь. Кстати, все основные храмы Чердыни имели пятиглавое завершение. Точно так же в современном Североуральске напротив священного места манси горы Кумба стоит устремленный ввысь пятиглавый барочный храм Петра и Павла – ровесник тотемских церквей. А эталоном пятиглавия для всего этого региона был, конечно, собор Святой Троицы в Верхотурье (1703 г.), который абсолютно доминирует над местностью.

Слева направо, сверху вниз. Свято-Троицкий храм г. Верхотурье. Церковь Иоанна Предтечи. Соликамск. Введенский храм г. Карпинск. Храм Петра и Павла. Североуральск

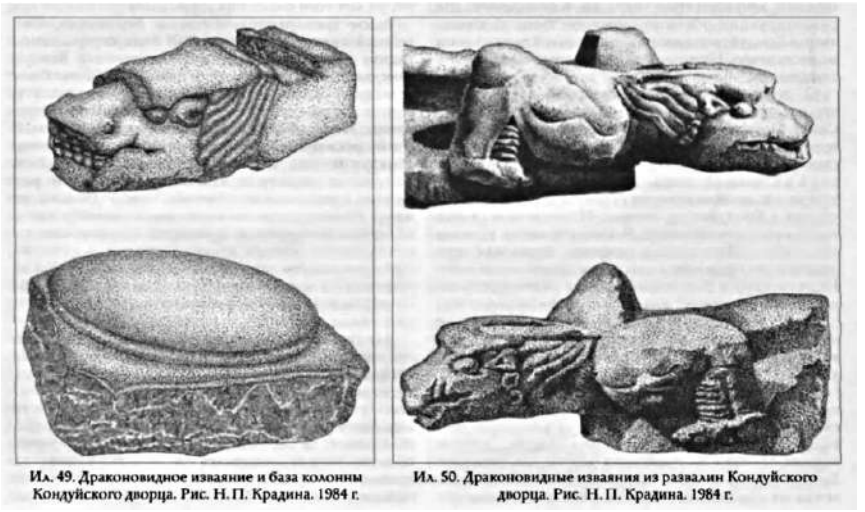
Нам представляется, что пятиглавые храмы Чердыни, Верхотурья и других городов Северного Урала являются ближайшими к Тотьме пятиглавыми храмами барочного типа, а исторические данные об освоении тотьмичами камских и уральских усолий являются основанием для гипотезы об усвоении ими архитектурных приемов более ранней камско-уральской школы.

В середине XVIII столетия в состав России вошли территории Казахстана с соляными озерами Эльтон и Баскунчак, где промышленная разработка лежащей по берегам водоемов соли сводилась лишь к ее транспортировке. Стоимость баскунчакской соли была примерно в 18 раз ниже тотемской и в 16 раз ниже соликамской. В этих условиях камские промыслы также стали приходить в упадок, а предприимчивые тотьмичи устремились дальше в Сибирь, достигнув Иркутска. Со временем в Иркутске возникло сплоченное и богатое землячество тотьмичей, наладивших торговлю с Китаем в Кяхте. Ими были организованы многочисленные экспедиции к Алеутским островам для промысла «морского зверя», шкуры которого шли в Китай в обмен на товары, выгодно перепродававшиеся в России. Селенгинский чайный путь, идущий из Монголии через Селенгинск к Иркутску, знаменит также тем, что вдоль него выстроены барочные храмы, которые по картушному декору напоминают храмы Тотьмы.

Ранее мы обосновывали, что Прибайкальское храмовое барокко является местной школой, развитие которой вполне объяснимо региональными закономерностями без необходимости привлечения «тотемского влияния». Повторимся лишь в том, что прибайкальские церкви – от Иркутска до Селенгинска строились сибирскими мастерами, и имена некоторых из них сохранились. Второе: технологии создания тотемского и прибайкальского картуша весьма не похожи друг на друга, чтобы считать один упрощенной копией другого. Если тотемский картуш есть узорочье, набранное как пазл из определенных элементов фигурного кирпича, то прибайкальский картуш является щитовидным монолитом, выступающим над поверхностью стены, верх и низ которого служат контрналичниками для окон верхнего и нижнего этажей. Третье: эволюция прибайкальского картуша, например, в Иркутске, коррелирует с изменением формы оконного проема. Прямоугольные окна храмов сопровождаются таким же прямоугольным межоконным декором. Арочные более поздние окна окружены уже фигурными картушами, вполне барочными по форме. В Тотьме данная закономерность отсутствует. Вычурные картуши почти всегда

Ил. 45–48. Рождественская церковь в с. Кондуй Читинской обл. 1806 г. Фрагменты стен церкви с вмонтированными драконовидными изваяниями и базами колонн из развалин Кондуйского дворца XIII–XIV вв. Фотографии 1984 г.

Ил. 49. Драконовидное изваяние и база колонны Кондуйского дворца. Рис. Н. П. Крадина. 1984 г.

Ил. 50. Драконовидные изваяния из развалин Кондуйского дворца. Рис. Н. П. Крадина. 1984 г.

Языческий декор Рождественской церкви с. Кондуй. Материал из книги Н. Н. Крадина

сочетаются не с арочными, а с архаичными прямоугольными проемами окон. Этот интересный факт будет объяснен нами далее. Мы также ранее писали, что щитовидные картуши селенгинских храмов могут быть переосмысленным бурятско-монгольским орнаментом, усвоенным местной школой барокко. Ранее эти утверждения можно было назвать спекулятивными, однако в настоящее время они подтверждены фактами. В Забайкальском крае в селе Кондуй существует Рождественская церковь, 1806 года постройки, в стену которой в качестве межоконного декора были вмонтированы головы драконов из развалин средневекового Кондуйского дворца, относящегося ко времени Монгольской империи. При этом строители храма расположили средневековые элементы не в хаотичном а в определенном порядке, что позволяет трактовать их как украшения[171]. Исследование храма проведено чл.-корр. РАН, проф. Н. Н. Крадиным (Владивосток).

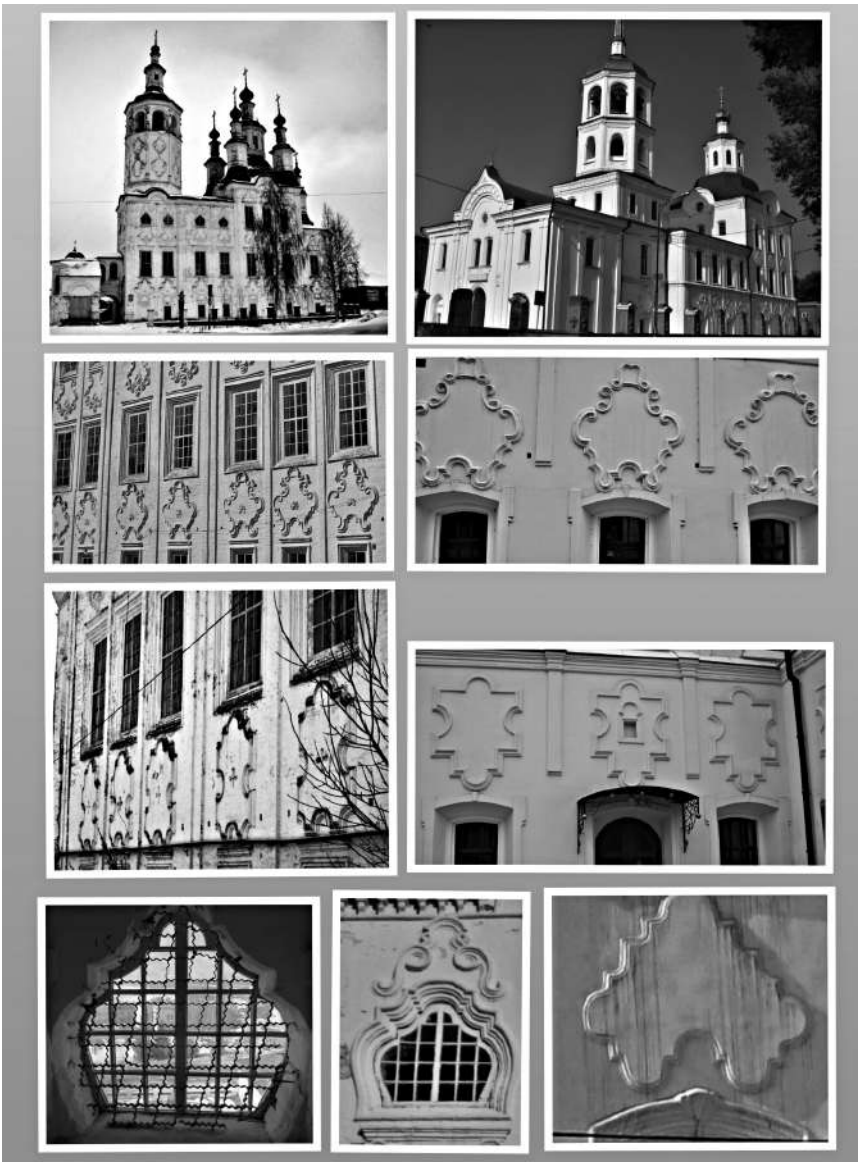
Данный феномен связан с сословием т. н. «карымов» – бурятских казаков, потомков смешанных русско-бурятских браков. Формально карымы, как состоящие на службе, должны были принять православие. На деле их мировоззрение представляло собой «двоеверие», где элементы православия сочетались с дохристианскими реликтами. Думается, именно поэтому на стенах храмов Забайкалья и Иркутска тех лет сохранился «монгольский» орнамент, который и наблюдали выходцы из Тотьмы, десятилетиями жившие в Прибайкалье. В книге «По следам тотемского барокко» авторы не без поэтической фантазии повествуют, как купцы-тотьмичи, стоя на скале, советовали местным строителям применить в конструкции Селенгинского собора планировку Входноиерусалимской церкви и красивые клейма, использовавшиеся в Тотьме. Мы думаем, что дело было как раз наоборот, местные строители не только рассказали, но и показали тотемским купцам замысловатые прибайкальские формы, а те, вернувшись на родину, воплотили идею на родной почве с помощью тотемских технологий. В Тотьме и сейчас можно найти следы картушного экспериментирования XVIII века. Над входом в Успенскую колокольню (ныне музей церковной старины) по центру видна группировка элементов, формирующих незамкнутый контур по определенной закономерности. Рядом с ними над заделанным окном виден уже

[171] Nikolay N. Kradin, Nikolay P. Kradin. Heritage of Mongols: The Story of a Russian Orthodox Church in Transbaikalia // International Journal of Historical Archaeology (2019) 23:430–443.

вполне сформированный картуш, состоящий из тех же элементов, но уже замкнутых в сложную фигуру.

Как мы уже отмечали, в отличие от храмов Прибайкалья, имеющих арочные окна, куда криволинейные картуши вписываются, формируя контраналичники, в Тотьме на храмах и 1-й и 2-й групп (по В. П. Выголову) оконные проёмы прямоугольной формы, что исключает формирование контрналичников с помощью фигурных картушей. Но именно это, казалось, эклектичное соединение архаики с пришлыми инновациями стало неповторимой чертой тотемского архитектурного стиля на последнем его этапе. Дело в том, что для размещения вычурных фигурных картушей между этажами из прямоугольных окон необходима гораздо бóльшая ширина междуэтажного пространства, чем в случае арочных окон, где картуш-контрналичник «обтекал» бы дугообразный верх оконного проёма. А увеличение ширины междуэтажных промежутков увеличивало и общую высоту здания. Так тотемское «высокое барокко» на базе уральской высотности и прибайкальского декора превзошло и сибирские храмы, и вятские церкви-башни, где отсутствовала «тотемская дисгармония». На Вятке и в Устюге прямоугольные окна церквей обрамлялись таким же прямоугольным картушным орнаментом, что экономило пространство, не позволяя выйти из добарочной традиции.

В заключение мы хотели обратить внимание еще на одну очень интересную деталь. Возможно, между прибайкальской и тотемской школами барокко существовал картушный «диалог». Для этого необходимо сравнить два сооружения – Входоиерусалимскую церковь в Тотьме и храм Михаила Архангела (Харалампия) в Иркутске. Эти два достаточно разных строения имеют одну закономерность. Нижний ярус картушей юго-восточной стороны Харалампиевского храма представлен чисто тотемскими картушами, аналогичными таковым на юго-восточной стороне церкви Входа Господня в Иерусалим в Тотьме. Нижний ярус обоих храмов на северо-западной стороне также представлен однотипными картушами, но «сибирскими щитовидными» (на тотемском храме они находятся в перевернутом положении). По всей видимости, оба храма имеют одинаковую ориентацию по сторонам света. Их продольные оси от алтарной части до колокольни направлены с северо-востока на юго-запад. Контур окон верхнего яруса Входоиерусалимской церкви аналогичен контуру сибирского картуша (ложного окна) Харлампиевского храма. Представляют ли эти феномены закономерность – покажут будущие исследования.

Слева Входоиерусалимская церковь в Тотьме и ее картуши нижнего яруса. Справа – Хараламиевская церковь в Иркутске и ее картуши нижнего яруса. Внизу – окна-картуши

Кузнецов Александр Васильевич,
независимый исследователь, д. Усть-Печеньга, Тотемский район

НАБЛЮДЕНИЯ НАД АНТРОПОНИМИЕЙ ТИКСНЕНСКОЙ (ПОГОРЕЛОВСКОЙ) ВОЛОСТИ ТОТЕМСКОГО УЕЗДА ПО ИСТОЧНИКАМ 1775, 1799, 1824 И 1915 ГОДОВ

Тиксненская волость Тотемского уезда располагалась на Большой Столбовой дороге из Вологды в Тотьму, в 50 верстах к западу от последнего города. Название своё волость получила от реки Тиксны, впадающей слева в Сухону. У Тиксны есть два главных притока (оба левых) – реки Лизна и Вопра. Между указанными тремя реками на вершинах невысоких холмов с пологими склонами и стоят все тиксненские деревни. Дозорная книга 1619, а также писцовая и межевая книга 1622–25 годов отметили в волости Тиксна следующие деревни, заселённые исключительно черносошными крестьянами: Боярская (Боярское), Семеновская (Семенково), Ивакина (Ивакино), Петрилово, Микиткина (Микиткино), Быкова (Быково), Угримовская (Угрюмовская), Ерасцов Починок (Ерасцово), Федоровская, Мальцово, Жилина (Жилино, Глушица), Залисья (Залесья), Погорелая (Погорелое), Мануиловица, Горбенцово, Фоминская (Фоминка), Фроловская (Прямиковское, Прямиково, Прямоково), Топориха, Комарица, Святица, Кузновица[172]. Кроме них, до 1613 года существовала деревня Грибиха в междуречье Тиксны и Лизны, близ Жилина, но, согласно писцовой книге 1622–25 годов, «запустела та деревня в 121 году от литовского разоренья, крестьяне посечены»[173]. Внутри волости выделялось гнездо из четырёх-пяти деревень под общим названием Кулига (от народного географического термина *кулига* – «отдельная от волости группа деревень среди леса»). В неё входили деревни Угрюмовская, Ерасцово, Федоровская, Мальцово с присоединившейся к ним во второй половине XVII века деревне Маслиха, возникшей на месте пустоши. В писцовой книге 1622–25 года был разрешён также спор о второй

[172] 128 г. сент. (1619 г.) – Дозорная книга гор. Тотьмы с посадом и уездом письма и дозора кн. Ивана Андреевича Козловского и дьяка Марка Мартемьянова. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 479. Лл. 108 об.– 122 об. Автор приносит благодарность И.Р. Николаеву за предоставленный текст книги; 131–133 (1622–1625) гг. – Писцовая и межевая книга гор. Тотьмы с посадом и уездом письма и межевания московского дворянина Фоки Ратманова Дурова и подьячего Евстафия Колюпанова. // РГАДА: Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 480, 486. Лл. 588–623 об. Далее – ДК 1619, ПМК 1622-25.

[173] ПМК 1622-25. Л. 613 об.

деревне Прямиково. Дело в том, что в дозорной книге 1619 года была запись следующего содержания: «Деревня Прямиково, а в ней живет никольской поп Никифор Митрофанов на тяглой земле, пашни паханые, худые земли шесть четей в поле, а в дву потому ж. Сена косит по реке по Тиксне и по речке по Шонтосу пятнатцать копен, пол выти без пол чети»[174]. Спустя всего несколько лет эта фраза местными крестьянами была признана неверной по сути: «А что в приправочных книгах написано деревня Прямикова живущем в полу выти без полу чети. И все крестьяне сказали, что у них в волосте одна деревня Прямикова, Фроловская тож. А другие Прямиковы деревни нет, а поп де живет на церковной на никольской земле, а не на тяглой»[175].

Старинным административным центром волости Тиксна была деревня Боярская, расположенная в самом центре тиксненского гнезда деревень, близ Тиксненского погоста с деревянными Никольским и Пятницким храмами. Судя по названию деревни, Боярская в старину принадлежала некому *боярину* (имя которого не известно), владельцу всей этой земельной вотчины по берегам Тиксны, Лизны и Вопры. В деревне мог проживать, или иметь свой двор, управляющий вотчиной (тиун). К XVI веку боярская вотчина по каким-то причинам исчезла и все деревни полностью перешли во владение черносошных крестьян. Любопытно, что описание Тиксненской волости в писцовой и межевой книге 1622–25 годов начинается именно с деревни Боярская[176], что подтверждало её старинный высокий статус.

Согласно экономическим примечаниям к Генеральному межеванию Тиксненской волости 1780-х годов, в неё тогда входили следующие деревни: Ивакино, Петрилова, Угрюмиха, Герасцево (Якуниха), Погорелово, Горбенцево, Залесье, Боярская, Семёновская, Фроловская, Жилина, Быкова (Чертуголье), Фёдоровская (Верховье), Мальцево (Верхотина), Святица (Светица), Комарица, Топориха, Мануйлова (Маныловица), Фоминская, то есть, те же самые, что и в начале XVII века. Но к старым деревням присоединилось несколько новых, возникших на месте пустошей: Маслиха, Тетеревиха, Никитинская (бывшая Микиткина, потом «казенная оброчная пустошь, на которой ныне вновь поселена деревня»), Полянка (на месте деревни Кузновицы (Косновицы), «что была

[174] ДК 1619. Л. 113.

[175] ПМК 1622-25. Л. 622–622 об. Иными словами, поп жил около Тиксненского церковного погоста на холме, близ слияния Тиксны и Вопры.

[176] ПМК 1622-25. Л. 589–590.

Погореловская волость на карте И. С. Стрельбицкого (1871)

пустошь»), Жукова (Жуково Большое) (возникла в верховьях реки Тиксны), Новая (Жуково Малое) (возникла в верховьях реки Шонтас)[177].

В середине XIX века, после реформы графа П. Д. Киселёва 1837–41 годов, Тиксненская волость была включена в состав вновь образованной Семёновской волости[178] как Быковское сельское общество (центр в деревне Быково)[179]. Чуть позже Быковское общество было выделено из Семёновской волости в виде Погореловской волости – от названия деревни Погорелово, стоявшей на Большой дороге близ Тиксненского Спасо-Преображенского погоста. В Погорелове тогда размещалось волостное правление (сельское управление). В Погореловской волости на рубеже XIX–XX веков выделялось Угрюмовское сельское общество из пяти деревень Кулиги[180]. Деревни Новая и Жуково (общее название – Жукова́)

---

[177] Экономические примечания к Генеральному межеванию Тотемского уезда. // Материалы и методические рекомендации к практическим занятиям по специальным и вспомогательным историческим дисциплинам.– Под ред. П. А. Колеснико-ва.– Вологда, 1973. – С. 99–100.

[178] Деревня Семёново ныне находится в Сокольском районе близ Бирякова. В старину Семёново входило в Стрелицкую волость Тотемского уезда.

[179] Вологодские губернские ведомости.– № 12. 1840. С. 87 (часть официальная).

[180] Кузнецов А. В. Тотемский ономастикон.– Вологда: ВГПУ. С. 268.

были переданы из Погореловской волости во вновь образованную Большедворскую волость. В середине XIX века из бывшей Царевской (затем Калининской) волости в Погореловскую перешли четыре деревни Тафтенского улусца, расположенные на обоих берегах реки Тафты, правого притока Царевы: Горка, Подгорная, Родная (Заречье), Остроконье. В 1869 году близ деревни Горка, на высоком левом берегу Тафты была построена новая каменная Никольская церковь[181]. До этого тафтенские деревни относились к приходу Воскресенской Царевской церкви. В списках деревень Вологодской губернии 1859 и 1881 годов в Погореловской волости стала отмечаться отдельная деревня Погост (Тиксненский Спасо-Преображенский Погост)[182].

В связи с увеличением численности жителей волости в XIX–XX веках священники Тиксненского погоста при составлении исповедных ведомостей стали делить её на две половины. Каких-то особых названий для них не было, условно эти половины можно именовать западной и восточной. В первую были отнесены деревни Боярская, Семёнково, Ивакино, Петрилово, Жилино, Никиткино, Быково, Угрюмиха, Герасцево, Маслиха, Фёдоровская, Мальцево, Новая, Жуково, а во вторую – Фоминская, Горбенцево, Погорелово, Залесье, Маныловица, Тетеревиха, Косновица, Фроловская, Топориха, Светица, Комарица.

Самой большой деревней в Тиксненской волости на протяжении всех лет была Фоминская (Фоминка, Фоминское). Уже в начале XVII века писцы насчитали в ней 23 жилых двора и 32 жителя-мужчины (женщин и несовершеннолетних тогда не учитывали). Больше Фоминской четыреста лет назад во всём обширном Тотемском уезде были всего две деревни: Великий Двор волости Толшма (22 двора, 34 мужчины) и посухонская слободка Коченьга (28 дворов, 33 мужчины)[183]. В дальнейшем рост деревни Фоминская продолжался постоянно, о чём свидетельствуют следующие источники: по материалам Генерального межевания 1780-х годов в Фоминской был 41 двор, в которых проживали 124 мужчины и 125 женщин[184];

---

[181] Кузнецов А. В. Памятники церковной архитектуры Тотемского района. // Тотемский край: Сборник краеведческих материалов.– Т. 1: Природа, история, культура.– Сост. и гл. ред. А. А. Огарков.– Вологда: Родники; Тотьма: Интеллект будущего, 2020. С. 504.

[182] Вологодская губерния: Список населённых мест по сведениям 1859 года.– СПб, 1866. С. 305; Список населённых мест Вологодской губернии.– Вологда, 1881. С. 134.

[183] Колесников П. А. Северная Русь: Архивные источники по истории крестьянства и сельского хозяйства XVII в. – Вологда, 1971. С. 21, 50.

[184] Экономические примечания... С. 102.

по данным 1859 года – 67 дворов, 232 мужчины, 223 женщины[185]. В «Списке населённых мест Вологодской губернии» указанного года «почтовое *село* с ямской станцией *Фоминское*» открывает список всего Тотемского уезда, что свидетельствует о его высоком статусе – бывшую деревню официально стали именовать селом, хотя это и шло в разрез с русскими традициями, когда *селом* именовали деревню с церковью. На Фоминском была ямская почтовая станция, где меняли лошадей и могли отдохнуть проезжающие по главному губернскому тракту XIX века – от Вологды до Усть-Сысольска. От Фоминской в южном направлении отходила другая Большая Столбовая дорога в сторону города Солигалича. Жители деревни Фоминская называли её ещё Сухонской дорогой, так как она первоначально выходила к реке Сухоне, на Устье-Толшменское. По сведениям о населении Северного края из переписи 1926 года в деревне Фоминское Погореловского сельсовета Толшменского района имелось 150 дворов, проживало 390 мужчин, 408 женщин (165 семей с общей численностью 798 человек). В деревне уже был свой колхоз «Маяк», контора лесхоза, «одно торговое заведение», школа первой ступени и школа крестьянской молодёжи[186].

Антропонимия – это раздел ономастики (науки об именах собственных), который исследует личные мужские и женские имена, отчества, фамилии (далее – ФИО). В качестве источников для исследования антропонимии жителей Тиксненской (Погореловской) волости были использованы исповедные ведомости (именные росписи) 1775, 1799, 1824 и 1915 годов[187]. Эти документы дают возможность проследить, как менялась «мода» на мужские и женские имена среди тиксняков за промежуток времени в полтора столетия; где, в каких деревнях возникли типичные тиксненские фамилии и как они постепенно распространялись внутри волости. Обычные формулы записи ФИО в использованных ИВ для мужчин

---

[185] Вологодская губерния: Список населённых мест... С. 302.

[186] Список населённых мест юго-западных районов Северного края.– Архангельск, 1931. С. 115.

[187] Исповедная роспись Преображенской церкви Тиксненской волости Тотемского уезда 1775 года. // ВУЦА: Ф. 363. Оп. 1. Д. 3051. Лл. 1–34 об; Исповедная роспись Преображенской церкви Тиксненской волости Тотемского уезда 1799 года. // ГАВО: Ф. 496. Оп. 19. Д. 478. Лл. 98–123. Автор приносит благодарность А.Н. Хомутову за предоставленные источники; Исповедная ведомость Тиксненской Преображенской церкви Тотемского уезда 1824 года. // ГАВО: Ф. 496. Оп. 19. Д. 502. Лл. 128–167; Исповедная ведомость Спасо-Преображенской Тиксненской церкви Тотемского уезда 1915 года. // ГАВО: Ф. 1063. Оп. 1. Д. 1096. Лл. 1-52 об. Далее – ИВ 1775, ИВ 1799, ИВ 1824, ИВ 1915.

были следующими: Иван Андреев Кряжев, Илья Блинов, а для женщин: Марина Ворыпанова, Анна Егорова дочь, Евдокия Иванова дочь Максимовская жена Кузнецова.

1. Количество жителей Тиксненской (Погореловской) волости

Годы	**1775**	**1799**	**1824**	**1915**
Мужчин	860	917	1077	2770 (+386)*
Женщин	905	1023	1231	3049 (+437)*
Всего людей	1785	1940	2308	5819 (+823)*
Всего деревень	25	25	25	24 (+4)*

** В скобках – данные по деревням Тафтенского улусца.*

2. Наиболее частотные мужские имена

Имена	**1775**	**1799**	**1824**	**1915****
Александр*	10	7	25	446
Алексей	33	39	39	128
Анатолий				56
Андрей	27	50	53	55
Арсений		2	20	15
Архип		2	6	
Афанасий	16	12	7	2
Борис	8	8	5	3
Василий	53	83	97	337
Вассиан				10
Виталий				34
Владимир	1		1	34
Гаврила	9	17	9	3
Георгий (Егор)	19	21	17	41
Герасим	8	5		2
Григорий	50	38	53	58
Дмитрий	21	23	33	62
Евгений			1	28
Евдоким	5			1
Ефим			7	
Иван	116	114	91	441
Игнатий	3	5	5	1
Илья	16	16	20	14

Имена	**1775**	**1799**	**1824**	**1915****
Иосиф (Осип)	12	17	11	1
Ипполит				7
Каллистрат				9
Константин	3	2	3	5
Кузьма	4	4	5	1
Леонтий	1	6	6	1
Максим	12	9	13	4
Матвей	19	24	30	2
Михаил	28	34	42	171
Никифор	12	8		1
Николай	7	24	24	345
Павел	2	11	42	107
Пётр	48	54	51	45
Прокопий	15	18	10	1
Прохор	6	6	5	2
Родион	2		7	
Семён	20	28	27	5
Сергей	6	5	5	9
Степан	43	41	71	22
Тимофей		8	8	1
Фёдор	50	48	61	173
Феодосий			3	31
Яков	25	25	26	18

** В таблицу включены только те имена, которые в использованных источниках (хотя бы в одном из них) зафиксированы 5 и более раз.*

*** Подсчёт имён по ИВ 1915 года проведён без учёта жителей Тафтенского улусца.*

Всего в ИВ 1775 года зафиксировано 90 разных мужских имён. Чаще всего (5 и более раз) встречаются 27 имён *(см. таблицу 2)*. Лидерами по числу носителей являются имена Иван (116), Василий (53), Григорий (50), Фёдор (50), Пётр (48), Степан (43), Алексей (33). 41 мужское имя, которые встречаются лишь по 1 разу, можно отнести к редким для тиксняков: Аникей, Анисим, Арефа, Варфоломей, Венедикт, Владимир, Дометий, Донат, Дормидонт, Евлампий, Евстафий, Емельян, Епифан, Еремей, Ермолай, Ефим, Ефрем, Иев, Иона, Карл, Карп, Климент, Лаврентий, Лев, Леонтий,

Логин, Леонтий, Нефед, Мартын, Мефодий, Мина, Мирон, Митрофан, Никита, Поликарп, Прохор, Савватий, Селиверст, Тарас, Тихон, Харитон. Этот факт свидетельствует о преобладающей роли священника при выборе имени младенцу. Родители были вынуждены принимать то имя для своего ребенка, которое имелось в святцах на день рождения. Надо отметить, что многие православные имена, как мужские, так и женские *(см. ниже таблицу 3)* в ИВ отличаются в написании от канонических форм[188]. В ИВ 1775 и 1799 годов тиксненские священники больше ориентировались на запись имён на основе народного произношения, а в ИВ 1824 и 1915 годов стали фиксироваться имена, соответствующие каноническим формам из церковных святцев.

В ИВ 1799 года записано 84 разных мужских имени. Чаще всего встречается 31 имя. Лидерами по числу носителей являются имена Иван (114), Василий (83), Пётр (54), Андрей (50), Фёдор (48), Степан (41), Алексей (39), Григорий (38), Михаил (34). 31 мужское имя встречается лишь по одному разу. Кроме перечисленных выше (из ИВ 1775 года), к ним можно добавить имена Амвросий, Гурий, Данило, Кирик, Кондратий, Измаил, Иоасаф, Исидор, Полиект, Потап, Терентий, Тит, Феоктист, Флор.

Через четверть века, в ИВ 1824 года, священники Тиксненского погоста записали 115 мужских имён тиксняков. Налицо большой рост разнообразия антропонимов. Лидерами по числу носителей были имена Василий (97), Иван (91), Степан (71), Фёдор (61), Андрей (53), Григорий (53), Пётр (51), Михаил (42), Павел (42), Алексей (39), Дмитрий (33). 44 мужских имён встречается лишь по одному разу. Кроме перечисленных выше (из ИВ 1775, 1799 годов), к ним можно добавить имена Автоном, Аким, Виссарион, Давид, Евгений, Евграф, Елпидифор, Захар, Зинон, Капитон, Касьян, Михей, Мокий, Пантелеймон, Роман, Трофим, Философ, Фока.

В начале XX столетия, в ИВ 1915 года было зафиксировано 109 мужских имён. Лидерами по числу носителей были имена Александр (446), Иван (441), Николай (345), Василий (337), Фёдор (173), Михаил (171), Алексей (128). 46 мужских имён встречается лишь по одному разу. Кроме перечисленных выше (из ИВ 1775, 1799, 1824 годов), к ним можно добавить имена Акиндин, Ардалион, Аристарх, Всеволод, Вячеслав, Галактион, Герман, Евсей, Иезекиил,

---

[188] Вот несколько примеров: мужские // Василей – Василий, Егор – Георгий, Иван – Иоанн, Михайло – Михаил, Осип – Иосиф, Сергей – Сергий, Степан – Стефан...; женские // Авдотья – Евдокия, Агафья – Агапия, Катерина – Екатерина, Маланья – Меланья, Прасковья – Параскева, Федосья – Феодосия...

Иринарх, Ириний, Касторий, Кельсий, Ксенофонт, Лазарь, Лукиан, Рафаил, Серапион, Фалалей.

Из наблюдений над мужским антропониконом Тиксненской волости можно отметить несколько любопытных моментов: во второй половине XIX – начале XX века набрали популярность имена местных святых Вассиана Тиксненского и Феодосия Тотемского вследствие популяризации их житийных историй священниками Тиксненского погоста. Во всех использованных выше ИВ наибольшей популярностью у тиксняков пользовались «царские» (Василий, Иван, Фёдор, Михаил, Алексей) и «императорские» имена (Пётр, Павел, Александр, Николай). Всплеск интереса к трём последним приходится как раз на XIX – XX века и продолжался даже в первые десятилетия советской власти.

3. Наиболее частотные женские имена

Имена	**1775**	**1799**	**1824**	**1915****
Августа*				7
Агафья	6	7		1
Агния				85
Агрипина	15	21	17	3
Акилина	24	25	28	1
Алевтина				5
Александра	1		24	380
Анисья			8	
Анна	60	84	95	433
Апполинария				106
Афанасия		5	10	13
Варвара	15	18	14	7
Васса	36	43	46	1
Вера	1	3	8	17
Галина				17
Глафира				11
Гликерия	8	9	5	2
Дарья	40	53	55	12
Доминика	7	4		
Домна	5	5		
Евгения	1			33
Евдокия (Авдотья)	64	78	96	79

Имена	**1775**	**1799**	**1824**	**1915****
Екатерина	37	40	54	168
Елена	15	10	11	14
Елизавета			10	168
Еликонида				8
Ефимия	20	24	18	
Ефросинья	5	9	18	14
Зиновия		5	15	24
Ирина	26	35	52	8
Клавдия			1	202
Клеопатра				6
Ксения	25	36	31	12
Лидия				114
Любовь			5	57
Лукерья			6	
Мавра	9	11	8	
Манефа				36
Маремьяна	17	20	14	
Марина	17	19	20	9
Мария	34	39	47	243
Марфа	42	36	31	4
Матрона	45	42	41	19
Меланья	10	16	7	
Надежда		5	15	117
Настасья	14	19	9	8
Наталья	13	26	57	35
Нина				32
Олимпиада			2	7
Ольга			14	105
Павла			3	64
Параскева	52	63	90	72
Пелагия	27	24	31	13
Платонида				6
Пульхерия				6
Раиса				9
Серафима				37
Соломония	16	11	12	3

Имена	**1775**	**1799**	**1824**	**1915****
София	2	1	1	8
Степанида	12	12	18	
Таисия				5
Татьяна	20	19	33	45
Ульяна	12	24	20	12
Устинья	23	24	25	3
Фаина				6
Федора	19	13	7	1
Федосья	11	14	17	2
Фекла	19	23	16	1
Фелицата				7
Хиония		1	2	12
Юлия				12

** В таблицу включены только те имена, которые в использованных источниках (хотя бы в одном из них) зафиксированы 5 и более раз.*

*** Подсчёт имён по ИВ 1915 года проведён без учёта жительниц Тафтенского улусца.*

Всего в ИВ 1775 года зафиксировано 51 разное женское имя. Чаще всего (5 и более раз) встречаются 36 имён (см. таблицу 3). Лидерами по числу носительниц являются имена Евдокия (64), Анна (60), Параскева (52), Матрона (45), Марфа (42), Дарья (40), Екатерина (37), Васса (36), Мария (34). 7 женских имён, которые встречаются лишь по 1 разу, можно отнести к редким для жительниц Тиксненской волости: Александра, Евгения, Епистимья, Епифания, Неонила, Текуса, Фотия.

В ИВ 1799 года записано 60 разных женских имён. Чаще всего встречается 38 имён. Лидерами по числу носительниц являются имена Анна (84), Евдокия (78), Параскева (63), Дарья (53), Васса (43), Матрона (42), Екатерина (40), Мария (39), Марфа (36). По 1 разу встречаются 11 имён. В дополнение к списку из ИВ 1755 года можно добавить антропонимы Евпраксия, Елизавета, Капитолина, София, Феврония, Хиония.

Через четверть века, в ИВ 1824 года, священники Тиксненского погоста записали 67 разных женских имён. Виден лишь небольшой прирост разнообразия антропонимов по сравнению с мужскими именами *(см. таблицу 2)*. Лидерами по числу носительниц были имена Евдокия (96), Анна (95), Параскева (90), Наталья (57), Дарья

(55), Екатерина (54), Ирина (52), Мария (47), Васса (46), Матрона (41). 11 женских имён встречается лишь по одному разу. Кроме перечисленных выше (из ИВ 1775, 1799 годов), к ним можно добавить имена Архелая, Киликия, Клавдия, Мастридия, Микодора, Сигнитиния, Фетинья.

В начале XX столетия, в ИВ 1915 года, было зафиксировано 96 женских имён. Рост разнообразия по сравнению с более ранними источниками очевиден. Лидерами по числу носительниц были имена Анна (433), Александра (380), Мария (243), Клавдия (202), Екатерина (168), Елизавета (168), Надежда (117), Лидия (114), Аполинария (106), Ольга (105). 18 женских имён встречается лишь по одному разу. Кроме перечисленных выше (из ИВ 1775, 1799, 1824 годов), к ним можно добавить имена Агапия, Василиса, Евлария, Евтропия, Еннава, Назалия, Неонила, Руфина, Сара, Тамара, Феоктиста.

Наблюдения над женским и мужским именословами Тиксненской волости рассматриваемого периода позволяют выделить несколько любопытных моментов. Например, долгое время популярностью пользовалось имя Параскева, что можно связать с наименованием церкви Параскевы Пятницы на Тиксненском погосте (позднее – приделом в каменной Спасо-Преображенской церкви). В ИВ 1824 года отмечен редкий случай, когда в одной семье в двух поколениях было четыре Параскевы. Однако имя Николай у тиксняков вплоть до XIX века не было частотным и лишь с появлением императоров Николая I и II приобрело популярность, хотя на погосте имелась «своя» деревянная церковь святителя Николая (позднее – придел в каменной). Как и в случае с мужскими «царскими» и «императорскими» именами, у женщин также наблюдается «мода» на подобные имена цариц и императриц: Евдокия, Мария, Соломония, Анастасия, Марфа, Ирина, Екатерина, Анна, Елизавета, Александра и др.

Можно отметить также наличие в ряде тиксненских семей детей с одинаковыми именами: «Анна 12 лет, Анна же 8 лет», «Фёдор большой, Фёдор малый». Это явление связано с наличием в церковных святцах одинаковых имён святых в разные дни. Родители в этих случаях при выборе имён для детей были вынуждены соглашаться с мнением священников. Интересно также, что в отдельных семьях наблюдался подбор имён, начинающихся на одну букву, например, на А: Анна, Александр, Александра, Алевтина, Андрей; или на В: Василий, Васса, Василиса.

4. Количество семей с одинаковыми фамилиями в тиксненских деревнях

Фамилии	**1775**	**1799**	**1824**	**1915**
Аксёновы*			Жилино 1	Жилино 4 Маныловица 1
Алексеевские	Залесье 3	Залесье 3	Залесье 2	Залесье 10
Антоновы		Фёдоровская 1	Фёдоровская 3	Фёдоровская 8
Беляевские	Залесье 4	Залесье 6	Залесье 6	Залесье 30 Комарица 2 Светица 1 Топориха 1
Беляковы			Маныловица 1	Маныловица 8 Горбенцево 1 Фоминская 1
Блиновы	Фоминская 4	Фоминская 5	Фоминская 5	Фоминская 7
Богдановы	Фёдоровская 5	Фёдоровская 4	Фёдоровская 5	Фёдоровская 12
Бурковы	Тетеревиха 2	Тетеревиха 1	Тетеревиха 1	Тетеревиха 1
Ваулины	Фоминская 2	Фоминская 1		Фоминская 1
Викульевы	Угрюмиха 5 Новая 2 Маныловица 1	Угрюмиха 5 Новая 3	Новая 4 Угрюмиха 3	Угрюмиха 6
Вишняковы				Топориха 3
Волокитины	Погорелово 6 Комарица 1 Маслиха 1	Погорелово 6 Комарица 1 Маслиха 1	Погорелово 5 Комарица 1 Маслиха 1	Погорелово 14 Комарица 3 Боярская 1 Залесье 1
Воропановы	Фоминская 1	Фоминская 3 Маслиха 1	Фоминская 3 Маслиха 2	Фоминская 12 Маслиха 5 Жилино 1
Выдрины				Топориха 1 Светица 1
Горностаевы	Герасцево 3	Герасцево 2	Герасцево 2	Герасцево 6
Дятлевы	Маныловица 2	Маныловица 1	Маныловица 2	Маныловица 8
Ждановы				Комарица 1
Жуковы	Жилино 1	Жилино 1 Топориха 1	Жилино 2 Топориха 1	Топориха 2 Герасцево 1 Жилино 1
Зайцевы		Фоминская 2	Фоминская 1	Фоминская 1
Зуевы	Фоминская 3	Фоминская 3	Фоминская 4	Фоминская 8 Маныловица 2
Клементьевские				Погорелово 2 Фроловская 1
Климовы	Мальцево 1	Мальцево 1	Мальцево 1	
Клоковы	Фоминская 3 Петрилово 1	Фоминская 2 Петрилово 1	Фоминская 2 Быково 1	Быково 5 Фоминская 3

Фамилии	1775	1799	1824	1915
			Петрилово 1	Маныловица 2 Мальцево 1 Погорелово 1
Коншины	Фроловская 6	Фроловская 4 Топориха 1	Фроловская 3 Топориха 1 Фоминская 1	Топориха 6 Фроловская 6 Угрюмиха 3 Быково 1
Кореневы	Ивакино 2 Жуково 1	Ивакино 3	Ивакино 4	Ивакино 10
Корешковы	Герасцево 1	Герасцево 1	Герасцево 2	Герасцево 8 Угрюмиха 1
Кринкины	Петрилово 1	Петрилово 1	Петрилово 1	Петрилово 5 Быково 1 Фоминская 1
Кряжевы	Фоминская 5 Погорелово 2 Залесье 1 Ивакино 1	Фоминская 6 Ивакино 1 Никиткина 1	Фоминская 5 Никиткина 1 Погорелово 1	Никиткина 7 Фоминская 7 Мальцево 1 Светица 1
Кузнецовы	Залесье 5 Маныловица 3 Фоминская 4 Быково 2 Жилино 1	Маныловица 4 Фоминская 4 Жилино 3 Быково 2 Залесье 2 Фёдоровская 1	Фоминская 7 Залесье 3 Маныловица 3 Жилино 2 Быково 1	Фоминская 23 Маныловица 10 Залесье 7 Жилино 6 Быково 4 Горбенцево 2 Тетеревиха 2 Мальцево 1 Топориха 1 Фроловская 1
Куприяновские			Фёдоровская 1	Фёдоровская 4
Кусковы	Фроловская 3 Горбенцево 1	Фроловская 3 Горбенцево 1	Фроловская 3 Горбенцево 2	Фроловская 9 Горбенцево 8
Кутьины	Герасцево 1 Угрюмиха 1	Герасцево 2 Залесье 1 Угрюмиха 1	Герасцево 2 Залесье 1 Угрюмиха 1	Залесье 3
Куфтыревы				Мальцево 1 Угрюмиха 1 Фоминская 1
Кучины	Горбенцево 2 Семёнково 1	Горбенцево 4 Семёнково 2	Горбенцево 4 Семёнково 3 Светица 1	Семёнково 5
Лазаревы	Петрилово 2	Петрилово 5	Петрилово 5	Петрилово 13
Линьковы	Погорелово 6 Жилино 2 Быково 1 Ивакина 1 Тетеревиха 1 Фоминская 1	Погорелово 9 Жилино 3 Тетеревиха 2 Фоминская 2	Погорелово 9 Жилино 6 Тетеревиха 2 Фоминская 2	Погорелово 21 Тетеревиха 14 Жилино 9 Фёдоровская 3 Горбенцево 2 Фроловская 2

Фамилии	1775	1799	1824	1915
				Комарица 1 Светица 1
Лосевы	Фёдоровская 6	Фёдоровская 5	Фёдоровская 8	Фёдоровская 15 Быково 1
Ложкины	Фёдоровская 1	Маныловица 1	Маныловица 1	Маныловица 5
Майковы	Топориха 4 Комарица 1	Светица 3	Светица 4	Светица 12
Макаровы	Горбенцево 5 Залесье 2 Маныловица 2 Косновица 1	Горбенцево 4 Косновица 2 Залесье 1	Горбенцево 2 Косновица 2 Маныловица 1	Косновица 6 Быково 2 Горбенцево 1
Мараковы		Маныловица 2	Мальцево 1	Мальцево 3 Никиткина 1
Масловы	Никиткина 2	Никиткина 5	Никиткина 3	Никиткина 11
Мокроусовы	Мальцево 1	Мальцево 1	Мальцево 1	Мальцево 2 Никиткина 2
Морозовы				Петрилово 1
Набоковы	Маныловица 2	Маныловица 1	Маныловица 1	Маныловица 3
Неустроевы	Мальцево 1	Мальцево 1	Мальцево 3	Мальцево 8 Фроловская 1
Новиковы				Никиткина 1 Погорелово 1
Новосёловы			Горбенцево 1	Залесье 3 Маныловица 1
Овчинниковы	Боярская 2	Боярская 1	Боярская 2	Боярская 7
Осмаковы	Топориха 3	Топориха 2	Топориха 3	Топориха 8 Быково 2 Мальцево 1 Погорелово 1
Осовские	Комарица 6	Комарица 4	Комарица 4	Комарица 12 Герасцево 3 Семёнково 1
Папулины	Ивакино 2 Боярская 1	Боярская 1 Ивакино 1	Боярская 2 Ивакино 1	Боярская 5 Ивакино 3
Пестовы	Фоминская 2	Фоминская 2	Фоминская 2	Фоминская 3 Косновица 1
Поповы	Ивакино 4 Фёдоровская 1	Ивакино 4 Быково 1 Угрюмиха 1	Ивакино 3 Быково 1 Никиткина 1 Фёдоровская 1 Фоминская 1	Ивакино 4 Фоминская 4 Быково 3 Никиткина 3 Фёдоровская 3 Погорелово 2 Боярская 1 Мальцево 1

Фамилии	1775	1799	1824	1915
Прокошевы		Светица 1 Горбенцево 1 Фоминская 1	Светица 1 Погорелово 1 Фоминская 1	Светица 7 Фоминская 4 Горбенцево 1 Мальцево 1
Путиловы			Фроловская 1	Косновица 2 Горбенцево 1 Фроловская 1
Романовские		Герасцево 1	Герасцево 1	
Ростковы	Ивакина 2	Жилино 3 Ивакино 2	Ивакино 1	Ивакино 1
Рубцовы	Петрилово 2	Петрилово 3	Петрилово 3	Петрилово 6 Угрюмиха 1
Русиновы	Петрилово 1	Петрилово 5	Петрилово 4	Петрилово 5
Рыжаковы	Петрилово 3	Петрилово 2	Петрилово 2	Петрилово 9 Угрюмиха 1
Савинские	Быково 11 Жилино 1 Топориха 1	Быково 14 Жилино 2 Ивакино 1 Угрюмиха 1	Быково 15 Жилино 2 Ивакино 1 Угрюмиха 1	Быково 26 Жилино 7 Угрюмиха 4 Ивакино 2 Фёдоровская 2 Герасцево 1 Никиткина 1 Фоминская 1
Селивановы	Жилино 5	Жилино 5 Угрюмиха 1	Жилино 5	Жилино 25
Серковы	Фоминская 5 Погорелово 2 Топориха 2	Фоминская 4 Светица 2 Погорелово 1	Погорелово 3 Светица 2 Топориха 1	Светица 7 Фоминская 6 Погорелово 5 Топориха 2 Жилино 1
Сивковы				Петрилово 1 Фёдоровская 1 Фоминская 1
Сизиковы	Ивакино 2	Ивакино 3 Жилино 1	Ивакино 5	Ивакино 4
Скурихины	Боярская 2	Боярская 2	Боярская 2	Боярская 2
Сластниковы	Угрюмиха 1	Угрюмиха 2	Угрюмиха 2	Угрюмиха 1
Сосновы	Жилино 2		Жилино 1	
Суханинские	Быково 2 Петрилово 1	Быково 4 Петрилово 2	Быково 4 Петрилово 3	Петрилово 8 Быково 4 Залесье 2 Герасцево 1 Жилино 1
Талашовы	Топориха 4 Фоминская 1	Фоминская 3 Топориха 3 Горбенцево 1	Фоминская 4 Топориха 3	Топориха 11 Фоминская 9 Герасцево 4 Маныловица 2 Погорелово 1

Фамилии	1775	1799	1824	1915
Тихановские	Топориха 1	Топориха 1		Светица 1
Токаревы	Ивакино 3 Фоминская 2	Ивакино 2 Фоминская 1	Ивакино 3 Фоминская 1	Фоминская 3 Ивакино 2
Торховы	Маслиха 1 Фёдоровская 1	Фёдоровская 1	Фёдоровская 2	Фёдоровская 2
Тютиковы				Топориха 7 Герасцево 1
Фарушевы	Маслиха 3	Маслиха 2	Маслиха 3 Маныловица 1	Маслиха 6 Маныловица 4
Фатиевы		Фоминская 1	Фоминская 1	Фоминская 1
Фокины				Маслиха 2
Фуниковы		Быково 1 Мальцево 1	Быково 2 Горбенцево 1 Залесье 1 Мальцево 1	Горбенцево 4 Быково 1 Мальцево 1 Маныловица 1
Художиловы	Семёнково 1	Боярская 1 Семёнково 1	Боярская 2 Семёнково 2	Боярская 12 Семёнково 5 Горбенцево 1 Залесье 1 Фроловская 1
Чёпуровы	Маныловица 2	Маныловица 4	Маныловица 4	Маныловица 10
Черепановы	Горбенцево 4 Тетеревиха 2	Горбенцево 4 Тетеревиха 3	Горбенцево 3 Тетеревиха 3 Маныловица 1	Горбенцево 8 Тетеревиха 8 Маныловица 4
Чернавские	Герасцево 1	Герасцево 2	Герасцево 1	Герасцево 4 Топориха 2 Фоминская 1
Чирковы	Топориха 3	Комарица 1 Топориха 1	Комарица 1	
Чистюнины	Топориха 1	Топориха 1		
Шестаковы	Мальцево 12 Жуково 5 Жилино 1	Мальцево 16 Жуково 9 Жилино 3 Ивакино 1	Мальцево 12 Жуково 10 Герасцево 1 Жилино 1 Фёдоровская 1	Мальцево 30 Герасцево 10 Ивакино 2 Маслиха 2 Быково 1 Залесье 1 Погорелово 1
Шибаловы		Тетеревиха 1		Тетеревиха 3 Погорелово 2
Шиховы	Петрилово 2	Петрилово 3 Фоминская 1	Петрилово 2 Фоминская 2	Петрилово 2 Фоминская 2
Щекутьевы	Фёдоровская 2	Фёдоровская 2	Фёдоровская 3	Фёдоровская 4

** В таблице даны современные варианты фамилий, хотя в старину, в использованных ИВ, некоторые из них записывались иначе: Биляевские, Биляковы, Вешняковы, Ворыпановы, Горносталевы, Детлевы, Кувтыревы, Линковы, Лошкины, Росковы, Сласниковы, Тихоновские.*

Самыми распространёнными тиксненскими фамилиями в начале XX века (по ИВ 1915 года) были: Кузнецовы (57 семей в 10 деревнях), Линьковы (53 в 8), Шестаковы (47 в 7), Савинские (44 в 8), Беляевские (34 в 4), Талашовы (27 в 5), Поповы (21 в 8), Художиловы (20 в 5).

Целый ряд фамилий тиксняков имел чёткую привязку к определённым деревням, в которых в старину эта фамилия (в XVII веке – отчество или семейное прозвище) возникла. Так Антоновы, Богдановы, Лосевы, Торховы, Щекутьевы происходили из деревни Фёдоровская; Алексеевские и Беляевские – из Залесья; Блиновы, Ваулины, Воропановы, Зуевы, Пестовы – из Фоминской; Викульевы, Сластниковы – из Угрюмихи; Волокитины, Линьковы – из Погорелова; Горностаевы, Корешковы, Чернавские – из Герасцево; Кореневы, Сизиковы, Папулины, Ростковы – из Ивакина; Кринкины, Лазаревы, Русиновы, Рыжаковы, Суханинские – из Петрилова; Майковы – из Светицы; Масловы – из Никиткина; Осмаковы – из Топорихи; Савинские – из Быкова; Селивановы – из Жилина; Овчинниковы, Скурихины – из Боярской; Фарушевы – из Маслихи; Художиловы – из Семёнкова; Дятлевы, Ложкины, Набоковы, Чёпуровы – из Маныловицы; Макаровы, Черепановы – из Горбенцево; Мокроусовы, Неустроевы, Шестаковы – из Мальцева; Коншины – из Фроловской.

Самая частотная тиксненская фамилия Кузнецовы впервые встречается в дозорной книге 1619 года и в писцовой 1622–25 годов. Из них можно узнать, что среди жителей деревни Ерасцов Починок были братья Тренька и Дружинка Меньшиковы Кузнецовы, а в соседней деревне Федоровская жил их отец Меньшик Самойлов[189]. В переписной книге волости Тиксна 1676–78 годов крестьяне Кузнецовы отмечены уже в деревнях Быково и Маныловица (всего 3 семьи)[190]. В дальнейшем Кузнецовы расселились по 10 разным деревням. Больше всего их было в деревне Фоминская (23 семьи в 1915 году).

Фамилия Талашовы ведёт начало от крестьянина из деревни Фоминская Евлампия Талаша (ПМК 1622–25)[191]. Впоследствии потомки его поселились ещё в соседних деревнях Горбенцево,

---

[189] ДК 1619. Л. 116 об., 117; ПКМ 1622. Л. 603–603 об., 604–605 об., 615–615 об.

[190] Переписная книга города Тотьмы с посадом и уездом переписи писцов Богдана Григорьевича Засецкого и подьячего Емельяна Телицина 7185–7186 (1676–1678) годов. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15050. Л. 153 об., 170–171. Автор приносит благодарность В. В. Копыткову за предоставленный источник.

[191] Кузнецов А. В. Тотемский ономастикон…– С. 256.

Топориха, Маныловица и в отдалённом от Фоминской Герасцеве (Якунихе). В ДК 1619 года зафиксированы имена ещё нескольких родоначальников тиксненских фамилий: Ивашка Правоторхов из деревни Федоровская дал начало всем Торховым (в ПМК 1622–25 он уже Иванко Торхов). От братьев Яшко и Харьки Викуловых из Угрюмовской пошла данная кулижская фамилия. В Ивакино в начале XVII века жил Васька Попов. От него и распространилось это семейное прозвание на Тиксне. На Фоминской тогда же проживал крестьянин Матюшка Сласников: чуть позже его потомки уже жили в деревне Угрюмиха[192]. В следующем массовом источнике, ПМК 1622–25 годов, можно найти ещё несколько тиксняков, от имён которых возникли современные фамилии: Федька Олексеев из Залесья и Зиновка Савин из Быкова дали начало фамилиям Алексеевских и Савинских. Пронька Серков из Фоминской – родоначальник Серковых, а Демко Майков из Маныловицы дал начало этому роду, позднее переселившемуся в деревню Светицу. Шестунка Самойлов сын из Мальцево мог быть предком всех многочисленных Шестаковых[193].

Внутриволостые миграции тиксняков хорошо отслеживаются по фамилиям жителей. Кроме довольно частых переселений в соседние деревни (как в случае с Талашовыми, Майковыми и Сластниковыми), можно выделить также направление, когда крестьяне из деревень в центре волости уходили на окраины. Например, многочисленные Беляевские из Залесья стали переселяться в Топориху, Светицу и Комарицу в нижнем течении Тиксны, где, видимо, можно было разрабатывать новые свободные земли под пашню и сенокосы. Деревню Жуково основали Шестаковы – выходцы из Мальцево, Новую – Викульевы из Угрюмихи, Тетеревиху заселили Черепановы и Линьковы из Маныловицы и Погорелова, Косновицу – Макаровы из Горбенцева.

В списке фамилий жителей Тиксненской (Погореловской) волости (таблица 4) можно найти и переселенцев сюда из других волостей Тотемского уезда. Так, Куфтыревы (Мальцево, Угрюмиха, Фоминское), Романовские (Герасцево), Рубцовы (Петрилово) являются выходцами из соседней Стрелицкой волости[194]. Осовские в деревню Комарица когда-то переселились из деревни Осовая Усть-

---

[192] ДК 1619. Лл. 110 об., 114, 116, 117.

[193] ПМК 1622-25. Лл. 593 об., 596, 602, 604, 607, 612 об.

[194] Пшеницын Д.А., Хомутов А.Н. Страницы истории Стрелицкой волости (XVII–XX вв): Биряковское сельское поселение, Сокольский район Вологодской области.– Вологда, 2018. С. 35–36.

Печенгской волости. Выдрины и Кусковы появились на тиксненской земле как мигранты из Тотемского Окологородья. Фуниковы из родной Усть-Толшмы нашли себе жительство сразу в четырёх тиксненских деревнях. Вишняковы, Чистюнины и Шиховы переселились из соседней Царевской волости[195].

В заключение нужно сказать, что антропонимия Тотемского уезда XVIII–XX веков пока ещё мало изучена, хотя в архивах Великого Устюга, Вологды и Тотьмы имеется достаточно массовых источников по этой теме. Слово будущим исследователям-краеведам...

Пшеницын Дмитрий Александрович,
историк-архивист, действительный член Вологодского Союза писателей-краеведов, руководитель Отдела генеалогических исследований Культурно-исторического центра «Свѣточъ», г. Вологда

РЕКРУТСКИЙ НАБОР 1849 г. В ТОТЕМСКОМ УЕЗДЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Приемные формулярные списки рекрутов – ценнейший источник по истории воинского учёта населения на протяжении двухсотлетней истории рекрутских наборов в России, в которых зафиксированы содержащие порой уникальные сведения: фамилия, имя, отчество рекрута, возраст, место жительства, вероисповедание, грамотность, владение ремеслами, рост, особые приметы (цвет глаз, волос, бровей, форма носа и подбородка, описание лица и др.), семейное положение, степень родства, имена и отчества членов семьи. Данный источник, прежде всего, для исследователей представляет интерес тем, что подобная характеристика имеется лишь в одном документе той эпохи – это паспорт, поэтому при отсутствии последнего, настоящие формуляры являются незаменимыми, а порой единственными свидетелями того времени, а следовательно, актуальными и значимыми.

Приемные формулярные рекрутские списки первой половины XIX в. в настоящее время являются малоизвестными и малоизученными по причине того, что данный вид источника имеет

[195] Кузнецов А. В. Тотемский ономастикон... С. 52, 61, 143–144, 192, 277–278, 291, 298.

малую степень сохранности, а также широкий территориальный разброс по местам хранения, и поэтому малодоступен для большинства исследователей. Однако всё больше появляется публикаций (*В. И. Баяндин, Ф. Н. Иванов*)[196], в т. ч. автора по данной тематике[197], а это, в свою очередь, создает основу для их более широкого и сравнительно-исторического изучения, говорит о содержательности, большом информационном потенциале этого вида исторического источника. В связи с возрождением краеведения и возрастания интереса к региональной истории можно говорить об актуальности и перспективности дальнейшего исследования формулярных рекрутских списков в силу их значения для отдельно взятого микрорегиона.

Порядок рекрутского набора в армии ввел русский царь Пётр Алексеевич в указах от 8 и 17 ноября 1699 г. *«О приеме на Великую Государеву службу в солдаты изо всяких вольных людей»* и *«О на-*

---

[196] См.: *Баяндин В. И.* Организация рекрутских наборов в Сибири во второй половине XIX в. // Вестник НГУ. Сер. История, филология. Т. 4. Вып. 2: История, 2005. С. 99–106; *Баяндин В. И.* Изменения срока службы в русской армии в XIX – начале XX вв. // Гуманитарные науки в Сибири. Отечественная история.– № 2. 2007. С. 30–33; *Баяндин В. И.* Рекруты русской армии в XIX в.: призывной возраст // Первые Ермаковские чтения «Сибирь: вчера, сегодня, завтра». Материалы региональной научной конференции. Институт истории СО РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, Новосибирское отделение Петровской Академии наук и искусств. 2009. С. 136–141; *Иванов Ф. Н.* К истории рекрутских наборов в Вологодской губернии в середине 1840-х – начале 1870-х гг. // Двинская земля. Вып. 3. Материалы Третьих межрегиональных общественно-научных историко-краеведческих Стефановских чтений. Вельск, 2004. С. 98–107; *Иванов Ф. Н.* Рекрутская повинность на Европейском Севере России в 1831–1874 годах (по материалам Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний): монография / Ф. Н. Иванов.– М.: Изд-во «Перо», 2016; *Иванов Ф. Н.* История рекрутской повинности в России (1699–1874 гг.): учебное пособие по дисциплине «История вооруженных сил России» / Ф. Н. Иванов.– М.: Изд- во «Перо», 2017; *Иванов Ф. Н.* Рекрутские наборы на Европейском Севере России во время Крымской войны 1853–1856 гг. // Материалы III Всероссийской научной конференции «Некрасовские чтения (памяти доктора исторических наук, профессора Ю. К. Некрасова)». 19–20 мая 2017 года / М-во образ. и науки РФ, Вологод. гос. ун-т; [гл. ред. В. А. Саблин].– Вологда: ВоГУ, 2017. С. 11–14;

[197] См.: *Пшеницын Д. А.* Рекрутские наборы 1849 и 1853 года в Вельском уезде (По материалам Государственного архива Вологодской области) // Заволочье. Устьянская земля. Вып. 4. Исследования и материалы. Статьи и сообщения Всероссийской общественно-научной историко-краеведческой конференции XII-е Романовские чтения, посвященной памяти М. И. Романова (с. Березник – п. Октябрьский, 21–22 июня 2017). МБУК Устьянский краеведческий музей, п. Октябрьский, 2018. С. 30–85; *Пшеницын Д. А.* Лежский Волок в XVII–XX веках: документы, материалы, исследование.– Вологда, 2017. С. 207–233; *Пшеницын Д. А.* Страницы истории Стрелицкой волости (XVII–XX вв.).– Вологда, 2018. С. 161–187; *Пшеницын Д. А.* Солигаличский торговый тракт, или История волости Толшма (XVII–XX вв.). Литературно-издательский центр «Лоция».– Архангельск, 2019. С. 313–329.

боре даточных людей»[198]. Само название «рекрут» появилось согласно указу от 20 февраля 1705 г. *«О наборе рекрут с 20 дворов по человеку, от 15 до 20 лет возраста...»*[199]. Возраст рекрутов в разное время был разным и колебался: до 1708 г. составлял 17–32 года, до 1726 г. – 20–30 лет, до 1766 г. – *«всякого возрасту»*, до 1831 г. – 17–30 лет, до 1855 г. – 20–35 лет, до 1874 г. – до 30 лет.

Система раскладки рекрутской повинности имела трехзвенную структуру (распределение повинности между податными сословиями; распределение повинности на территориальном уровне – по рекрутским участкам; распределение повинности в участках – «практическая раскладка»). В системе рекрутской повинности можно выделить четыре этапа развития: 1705–1775 гг., 1776–1804 гг., 1805–1830 гг. и 1831–1874 гг.[200]

До 1724 г. поставка рекрутов производилась из расчета один новобранец с 20 дворов, в последующем – с определенного числа душ. Рекрутские присутствия, отвечавшие за набор рекрутов, были образованы в 1779 г. именным указом Сенату от 19 сентября 1776 г. *«О сборе с 500 душ по одному человеку»*[201]. Ранее участки образовывались заново при каждом рекрутском наборе в армию, однако после завершения русско-турецкой войны 1768–1774 гг. правительство вернулось к идее постоянных участков. В 1805 г. были созданы правила распределения рекрутской повинности в постоянных «пятисотских» (т. е. состоящих из 500 ревизских душ мужского пола) участках. С этого же года казенные селения обязаны предоставлять мирские приговоры об отдаче в рекруты, а губернские казенные палаты проверяли, соблюден ли установленный порядок. Система пятисотских участков просуществовала до 1831 г., когда по новому рекрутскому уставу была увеличена до 1000 душ.

С начала XIX в. порядок проведения наборов на военную службу определялся рекрутским уставом 1810 г., которым вводился очередной порядок набора новобранцев при сохранении принципа общинной, а не личной повинности. Сущность очередного порядка набора рекрутов сводилась к тому, что семьи каждого призывного

---

[198] Рабинович М. Д. Формирование регулярной русской армии накануне Северной войны // Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX века. М., 1969. С. 221.

[199] Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. 1.– Т. 4.– № 2036.

[200] Иванов Ф. Н. Рекрутская повинность населения в 1831–1874 годах: на материалах Европейского Севера: автореф. дисс... канд. историч. наук.– Сыктывкар, 2006.

[201] ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 20. № 14509.

участка вносились в очередные списки по числу работников в данной семье. При этом в первую очередь обязывались давать рекрутов на службу семьи, имевшие большее количество работников. В составлении очередных рекрутских списков принимала участие крестьянская община, эти списки возобновлялись каждые три года и утверждались губернскими казенными палатами.

О сложности этой системы набора говорит следующий факт. Работниками, по рекрутскому уставу, считались все способные к труду в возрасте от 18 до 60 лет. Семьи, имевшие более четырех работников, были обязаны выставить кроме одного рекрута еще и второго ранее, чем очередь доходила до семейств, имевших в два раза меньшее число работников. Споры о рекрутских очередях, как признавали власти, были весьма распространенным явлением в российских селениях.

Срок службы первоначально был пожизненным, с 1793 г. – 25 лет, с 1834 г. – 20 лет с последующим пребыванием в так называемом бессрочном отпуске в течение 5 лет. В 1855–1872 гг. были установлены последовательно 12-ти, 10-ти и 7-летние сроки службы и соответственно пребывание в отпуске после службы 3, 5 и 8 лет. Прием на военную службу в первые годы рекрутства рассматривался как тяжелое наказание: в уголовном законодательстве отдача в солдаты рассматривалась наравне со ссылкой в Сибирь или заключением в арестантские роты. С введением всеобщей воинской повинности 1 января 1874 г. срок действительной службы в армии составил 6 лет; отбывшие этот срок зачислялись на 9 лет в запас (во флоте соответственно сроки были 7 лет и 3 года)[202]. 14 июня 1888 г. согласно Высочайше утвержденному мнению Государственного Совета был принят закон *«Об изменении сроков службы в войсках и в ополчении и правил, относящихся до ратников первого разряда ополчения»*[203], по нему устанавливался срок военной службы в 18 лет в пехоте (3 года действительной и 15 лет в запасе), а на флоте – 10 лет (7 действительной и 3 года в запасе).

В Государственном архиве Вологодской области в фондах губернского и уездного рекрутских присутствий сохранились многочисленные списки военнообязанных, но, к сожалению, многие из них в настоящее время являются ветхими и не подлежат выдаче в читальный зал. Поэтому в настоящем исследовании мы представим один из сохранившихся в удовлетворительном состоянии

[202] ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 49. Отд. 1. № 52982, 52983.
[203] ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 8. № 5345.

список рекрутов Сергиевской (из неё по новому составу были образованы с 1 января 1861 г. волости Калининская, Куракинская, Мосеевская, а из последней из Вожбальского сельского общества образована с 1 января 1893 г. одноименная Вожбальская волость[204]) волости Тотемского уезда 1849 г. Данный список призыва 1849 г. примечателен, в первую очередь, тем, что в формулярном списке имеется подробное физическое описание каждого рекрута.

В манифесте 19 августа 1849 г. *«О произведении восьмого частного очередного набора с губерний Восточной полосы государства»* говорилось, что необходимость в доукомплектовании войск была вызвана потерями личного состава в Венгерском походе и от *«приключившейся»* холеры. Но в силу того, что на службу были призваны бессрочноотпускные солдаты, *«к набору было назначено»* сравнительно небольшое число рекрутов – всего по 4 рекрута с каждой 1000 мужского пола душ. Сам набор должен был пройти с 1 ноября 1849 г. по 1 января 1850 г.[205]

Напомним, что 26 декабря 1837 г. было учреждено Министерство государственных имуществ, во главе его встал граф П. Д. Киселев, который в 1837–1841 гг. провёл реформу в ведомстве государственных имуществ. Одним из нововведений было учреждение сельских обществ, на которые и были разделены волостные правления. С разделением уездов на станы в 1837 г. и по определению министра государственных имуществ с 15 марта 1840 г. были образованы в Вологодской губернии новые волости государственных крестьян, из них в Тотемском уезде: Левашевская волость с сельскими обществами: Заболоцкое, Криульское, Медведевское; Миньковская с сельскими обществами – Харинское, Горское, Пятовское; Никольская с сельскими обществами – Подболотное, Черняковское, Галкинское, Маныловское; Брюховская с сельскими обществами – Жидовинское, Павшинское, Пиксовское, Середневское; Семеновская с сельскими обществами – Биряковское, Новое, Огаровское, Кожуховское, Быковское и Сергиевская с сельскими обществами – Селяногорское, Кожинское, Кудринское и Калининское[206].

---

[204] ВГВ.– 1861.– 18 марта (№ 11 офиц.).– С. 98, 107; ВГВ.– 1893.– 12 марта (№ 11 офиц.).– С. 8.

[205] Высочайший Манифест о произведении восьмого, частного, очередного рекрутского набора с губерний Восточной полосы государства (1849 г., Августа 19) // Сын Отечества. Книга 10-я: Октябрь.– СПб., 1849.– С. 3–4.

[206] ВГВ.– 1840.– № 12. С. 85–88.

Стоит отметить, что рекрутский набор 1849 г. был последним с использованием «очередного» порядка набора рекрутов, в то время как следующий рекрутский набор, назначенный манифестом от 14 июня 1851 г., уже проводился с использованием системы жеребьевых списков, которая и просуществовала вплоть до 1917 г. Несомненно, набор 1849 г. представляет особый интерес для уроженцев края, т. к., возможно, некоторые из новобранцев могли попасть на театр военных действий во время Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг., став участниками знаменитых событий в истории России – героической 349-дневной обороны главной военно-морской базы Черноморского флота – Севастополя в Крыму.

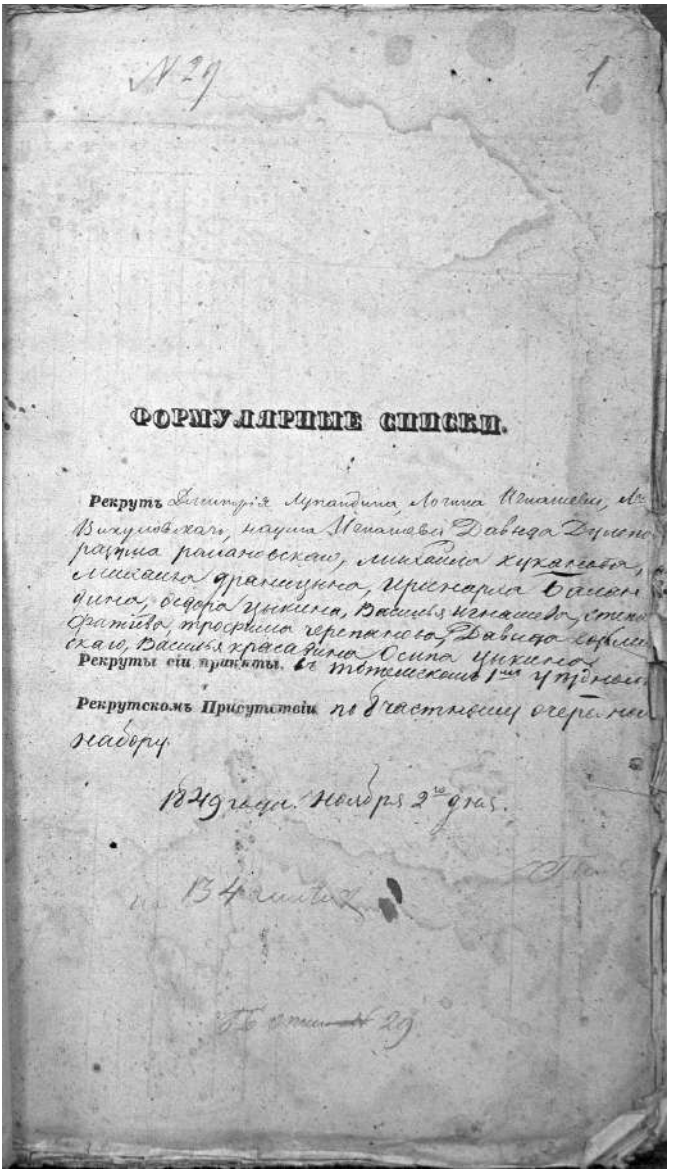
Формулярные списки рекрутов Сергиевской волости, принятых в 1-м Тотемском уездном рекрутском присутствии по 8-му частному очередному набору 2 ноября 1849 г.:

Дмитрий Степанов Лупандин, 20 лет, рост – 2 аршина $4\,^{4}/_{8}$ вершка *(см. приложение)*[207]. Приметы: волосы на голове и брови – русые, глаза – серые, нос и рот – умеренные, подбородок – круглый, лицо – чистое; особые приметы: не имеет. Из какого сословия, когда принят, по какому набору: Тотемского уезда Сергиевской волости Селяногорского общества д. Путкова (Пудкова), из казенных крестьян. Принят 2 ноября 1849 г. по 8-му частному набору. Вероисповедания православного, холост; читать и писать не учен, и мастерства никакого не знает.

Логин Александров Игнашев, 20 лет, рост – 2 аршина $5\,^{2}/_{8}$ верш. Приметы: волосы на голове и брови – русые, глаза – карие, нос и рот – умеренные, подбородок – круглый, лицо – чистое; особые приметы: не имеет. Из какого сословия, когда принят, по какому набору: Тотемского уезда Сергиевской волости Селяногорского общества д. Колтырихи, из казенных крестьян. Принят 2 ноября 1849 г. по 8-му частному набору. Вероисповедания православного, холост; не учен и мастерства не знает. Примечание: рекрут сей хотя имеет на плюсне левой ноги рубец и приросший к костям, не препятствующий ношению солдатской обуви, по ст. 37 настав. врачей принят.

Лавер Петров Викуловский, 20 лет, рост – 2 аршина $3\,^{3}/_{8}$ верш. Приметы: волосы на голове и брови – русые, глаза – серые, нос и рот – умеренные, подбородок – круглый, лицо – чистое; особые приметы: на верхней половине на левой стороне рубец величиною в половину вершка. Из какого сословия, когда принят, по какому

[207] Старинные русские меры длины: аршин – 71,12 см, вершок – 4,44 см.

№ 29 1.

ФОРМУЛЯРНЫЕ СПИСКИ.

Рекрутъ Дмитрія Лукьянова, Логина Игнатьева, Ва-
Викуловскаго, изъ Игнатьева Давыда Дуло-
рафима романовскаго, Михаила хухлаева,
Михаила Фралищева, Прокофія Васи-
дина, Ѳедора Цыкина, Василья Игнатьева, стек-
Фатѣева, Трофима черепанова, Давыда сыро-
скаго, Василья красавина, Осипа Цыкина.
Рекруты сіи приняты въ Тотемскомъ 1-мъ уѣздномъ
Рекрутскомъ Присутствіи по участкамъ очередно-
наборы.

1849 года. Ноября 2-го дня.

на 134 листахъ.

Въ отд. № 29

2 ноября 1849 г. – Формулярные списки (титул) рекрутов Сергиевской волости Тотемского уезда. (ГАВО. Ф. 771. Оп. 1. Д. 108. Л. 1)

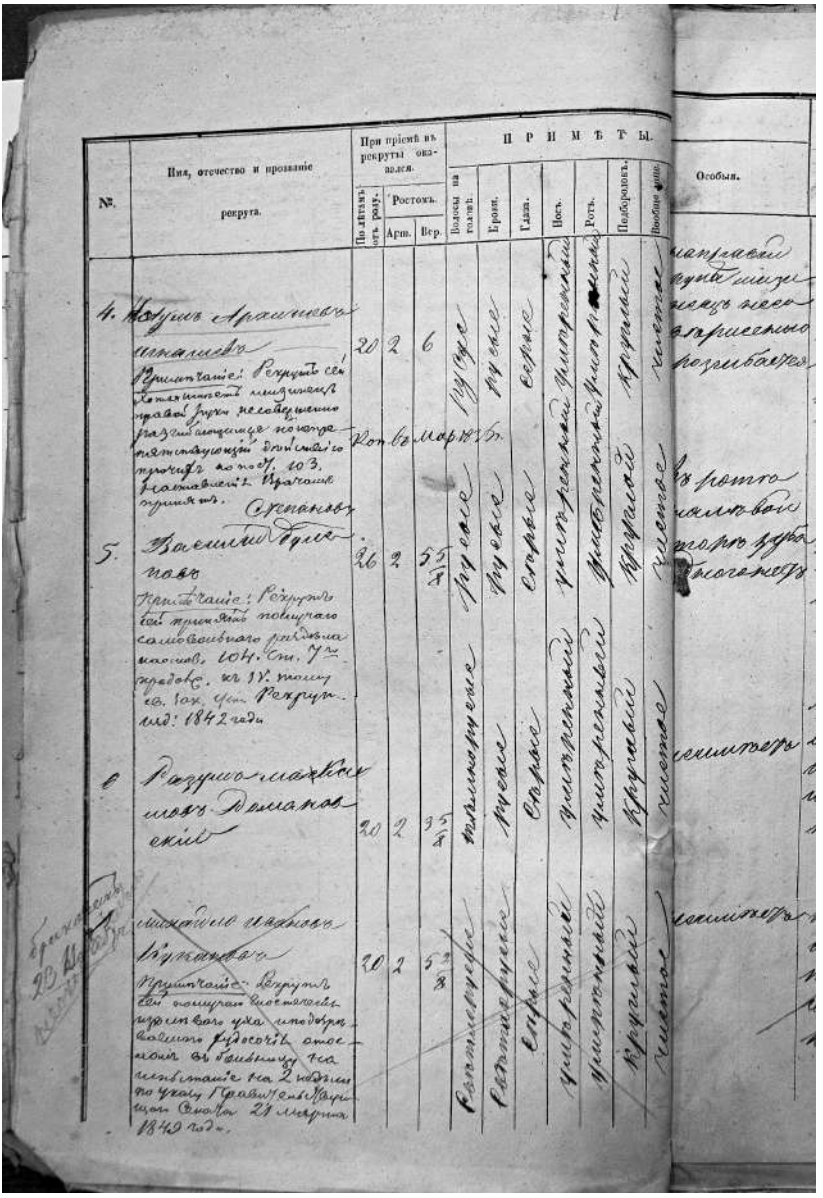
набору: Тотемского уезда Сергиевской волости Кудринского общества д. Пантелеевской, из казенных крестьян. Принят 2 ноября 1849 г. по 8-му частному набору. Вероисповедания православного, холост; не учен и мастерства не знает.

Наум Архипов Игнашев, 20 лет, рост – 2 аршина 6 верш. Приметы: волосы на голове и брови – русые, глаза – серые, нос и рот – умеренные, подбородок – круглый, лицо – чистое; особые приметы: на правой руке мизинец несовершенно разгибается. Из какого сословия, когда принят, по какому набору: Тотемского уезда Сергиевской волости Селяногорского общества д. Гридина, из казенных крестьян. Принят 2 ноября 1849 г. по 8-му частному набору. Вероисповедания православного, холост; не учен и мастерства не знает. Примечание: рекрут сей по указанной причине (несгибаемость мизинца) по ст. 103 наставления врачей принят.

Василий Степанов Дулепов, 26 лет, рост – 2 аршина $5\,^{5}/_{8}$ верш. Приметы: волосы на голове и брови – русые, глаза – серые, нос и рот – умеренные, подбородок – круглый, лицо – чистое; особые приметы: во рту на левой стороне нет одного зуба. Из какого сословия, когда принят, по какому набору: Тотемского уезда Сергиевской волости Калининского общества д. Максимовской, из казенных крестьян. Принят 2 ноября 1849 г. по 8-му частному набору. Вероисповедания православного, холост; не учен и мастерства не знает. Примечание: рекрут сей принят на основ. 104 ст. 7-го прод. к IV тому Свода Зак. Уст. Рекрут. изд. 1842 г.

Разум Максимов Романовский, 20 лет, рост – 2 аршина $3\,^{5}/_{8}$ верш. Приметы: волосы на голове темно-русые, брови – русые, глаза – серые, нос и рот – умеренные, подбородок – круглый, лицо – чистое; особые приметы: не имеет. Из какого сословия, когда принят, по какому набору: Тотемского уезда Сергиевской волости Кудринского общества д. Пахтусова, из казенных крестьян. Принят 2 ноября 1849 г. по 8-му частному набору. Вероисповедания православного, холост; не учен и мастерства не знает.

Михайло Иванов Куканов, 20 лет, рост – 2 аршина $5\,^{2}/_{8}$ верш. Приметы: волосы на голове и брови – светло-русые, глаза – серые, нос и рот – умеренные, подбородок – круглый, лицо – чистое; особые приметы: не имеет. Из какого сословия, когда принят, по какому набору: Тотемского уезда Сергиевской волости Кудринского общества д. Пахтусова, из казенных крестьян. Принят 2 ноября 1849 г. по 8-му частному набору. Вероисповедания православного, холост; не учен и мастерства не знает. Примечание: рекрут сей по случаю гноетечения из левого уха и подозреваемого худосочия

2 ноября 1849 г. – Формулярные списки (фрагмент) рекрутов Сергиевской волости Тотемского уезда. (ГАВО. Ф. 771. Оп. 1. Д. 108. Л. 2 об.)

отослан в больницу на испытание на 2 недели по указу Правительствующего Сената 21 марта 1849 г. Бракован 23 декабря.

Михайло Григорьев Драницын, 18 лет, рост – 2 аршина $3\,^{6}/_{8}$ верш. Приметы: волосы на голове и брови – русые, глаза – серые, нос и рот – умеренные, подбородок – круглый, лицо – чистое; особые приметы: не имеет. Из какого сословия, когда принят, по какому набору: Тотемского уезда Сергиевской волости Кудринского общества д. Ярцово, из казенных крестьян. Принят 2 ноября 1849 г. по 8-му частному набору. Вероисповедания православного, холост; не учен и мастерства не знает. Примечание: рекрут сей принят по случаю самовольного раздела на основ. 193 ст. 7-го прод. к IV т. Св. Зак.

Иринарх по крестному отцу Михайлов Баландин, 20 лет, рост – 2 аршина $5\,^{5}/_{8}$ верш. Приметы: волосы на голове и брови – русые, глаза – карие, нос и рот – умеренные, подбородок – круглый, лицо – шадровитое; особые приметы: не имеет. Из какого сословия, когда принят, по какому набору: Тотемского уезда Сергиевской волости Кожинского общества д. Часовной, из казенных крестьян. Принят 2 ноября 1849 г. по 8-му частному набору. Вероисповедания православного, холост; не учен и мастерства не знает.

Федот Федоров Цыкин, 20 лет, рост – 2 аршина $5\,^{1}/_{8}$ верш. Приметы: волосы на голове и брови – русые, глаза – светло-серые, нос и рот – умеренные, подбородок – круглый, лицо – чистое; особые приметы: на левой руке бородавка <...> небольшая. Из какого сословия, когда принят, по какому набору: Тотемского уезда Сергиевской волости Кожинского общества д. Фоминской, из казенных крестьян. Принят 2 ноября 1849 г. по 8-му частному набору. Вероисповедания православного, холост; не учен и мастерства не знает.

Василий Степанов Игнашев, 21 года, рост – 2 аршина 6 верш. Приметы: волосы на голове и брови – русые, глаза – серые, нос и рот – умеренные, подбородок – круглый, лицо – чистое; особые приметы: не имеет. Из какого сословия, когда принят, по какому набору: Тотемского уезда Сергиевской волости Селяногорского общества д. Копылова, из казенных крестьян. Принят 2 ноября 1849 г. по 8-му частному набору. Вероисповедания православного, холост; не учен и мастерства не знает.

Степан Иванов Фатиев, 20 лет, рост – 2 аршина 6 верш. Приметы: волосы на голове и брови – русые, глаза – серые, нос и рот – умеренные, подбородок – круглый, лицо – чистое; особые приметы: не имеет. Из какого сословия, когда принят, по какому набору: Тотемского уезда Сергиевской волости Селяногорского общества

д. Россохина, из казенных крестьян. Принят 2 ноября 1849 г. по 8-му частному набору. Вероисповедания православного, женат, Опросинья Кондратьева, детей не имеет, осталась на родине; не учен и мастерства не знает.

Трофим Карпов Черепанов, 20 лет, рост – 2 аршина 6 верш. Приметы: волосы на голове и брови – темно-русые, глаза – серые, нос и рот – умеренные, подбородок – круглый, лицо – чистое; особые приметы: не имеет. Из какого сословия, когда принят, по какому набору: Тотемского уезда Сергиевской волости Селяногорского общества д. Гридина, из казенных крестьян. Принят 2 ноября 1849 г. по 8-му частному набору. Вероисповедания православного, холост; не учен и мастерства не знает.

Давыд Егоров Кузьминской, 20 лет, рост – 2 аршина 6 верш. Приметы: волосы на голове и брови – русые, глаза – серые, нос и рот – умеренные, подбородок – круглый, лицо – чистое; особые приметы: не имеет. Из какого сословия, когда принят, по какому набору: Тотемского уезда Сергиевской волости Кожинского общества д. Холкина Конца, из казенных крестьян. Принят 2 ноября 1849 г. по 8-му частному набору. Вероисповедания православного, холост; читать и писать не умеет и мастерства не знает.

Василий Васильев Красавин, 20 лет, рост – 2 аршина $5\,^{4}/_{8}$ верш. Приметы: волосы на голове и брови – черные, глаза – серые, нос и рот – умеренные, подбородок – круглый, лицо – чистое; особые приметы: не имеет. Из какого сословия, когда принят, по какому набору: Тотемского уезда Сергиевской волости Кожинского общества д. Кожинской, из казенных крестьян. Принят 2 ноября 1849 г. по 8-му частному набору. Вероисповедания православного, холост; читать и писать не умеет и мастерства не знает.

Осип Дмитриев Цыкин, 20 лет, рост – 2 аршина $4\,^{7}/_{8}$ верш. Приметы: волосы на голове и брови – светло-русые, глаза – серые, нос и рот – умеренные, подбородок – круглый, лицо – шадровитое; особые приметы: не имеет. Из какого сословия, когда принят, по какому набору: Тотемского уезда Сергиевской волости Кожинского общества д. Фоминской, из казенных крестьян. Принят 2 ноября 1849 г. по 8-му частному набору. Вероисповедания православного, холост; читать и писать не умеет и мастерства не знает[208].

Анализируя данные об учтенных выше 16 рекрутах, можно сказать, что призывной возраст их варьировался от 18 до 26 лет, из них большинство – 13 (81,25%) – 20-летних, а остальные

[208] ГАВО. Ф. 771. Оп. 1. Д. 108. Л. 1–6.

3 (18,75%) – один 18-летний, один 21-летний и один 26-летний. Рост рекрутов составлял от 2 арш. $3\,^{3}/_{8}$ верш. (157,2 см) до 2 арш. 6 верш. (168,88 см). По внешнему описанию: имеют волосы и брови русые – 12 (75%), светло-русые – 2 (12,5%), черные – 1 (6,25%), из 16 рекрутов с серыми глазами – 13 (81,25%) и один со светло-серыми (6,25%), а 2 (12,5%) – с карими глазами. Выяснилось, что среди всех 16 новобранцев только один был женат, остальные холостые, не было ни одного грамотного, а также владеющего тем или иным мастерством или промыслом, 6 рекрутов имели незначительные физические изъяны.

Важно отметить, что подробное физическое описание в ту эпоху содержалось только в одном документе – паспорте, как идентификационного документа, где имелись необходимые сведения информации о физическом облике. Так, в «Уставе о паспортах и беглых», изданном в 1832 г., указывались следующие приметы: *«лета, рост, волосы, брови, глаза, нос, рот, подбородок, лицо, особые приметы»*. При составлении формулярных списков рекрутов была заимствована форма из устава 1832 г.

Весьма интересно, что само же возникновение паспорта также связано с рекрутами и побегами их. 30 октября 1719 г. был обнародован царский указ, гласивший, «*чтобы никто никуды без проезжих или прохожих писем из города в город и из села в село не ездил и не ходил, но каждый имел от начальников своих* ***паспорт*** *или пропускное письмо*»[209]. Далее, в *«Инструкции полевых и гарнизонных команд офицерам, отправленным для сыску беглых драгун, солдат, матросов и рекрут и для искоренения воров, разбойников и приставнодержателей»* от 24 декабря 1719 г. повторялась приведенная формулировка и указывалось: *«смотреть того накрепко, ежели кто в городе или в уезде, или на пути, где явится без всякого письменного свидетельства, и таких иметь за подозрительных, и о них крепко наведываться, откуда они есть; и буде никакого подлинного свидетельства не покажут, то к таким разыскивать, как о том в указе напечатано; однако ж смотреть накрепко, дабы безвинно и без всякой причины ко истязанию не привести»*[210].

Таким образом, формуляры рекрутов являются вторым документом после паспорта, где есть физическое описание, а также имеется указание на сословную принадлежность, поэтому данный вид источника представляет для исследователя ценность при отсутствии (утрате) сведений паспорта.

---

[209] ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 5. № 3445.
[210] ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 5. № 3477.

Притчина Валентина Алексеевна,
зав. отделом «Музей церковной старины» МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма, Вологодская область

ЖИЗНЬ И БЫТ ЖИТЕЛЕЙ ВОТЧИНСКОГО ВОСКРЕСЕНСКОГО ПРИХОДА

В научном архиве (далее н. а.) Тотемского музейного объединения мной в 2018 году обнаружена неопубликованная рукопись «Вотчинский Воскресенский приход Миньковской волости Тотемского уезда».[211] Автором рукописи является А. Л. Некрасов, учитель Миньковского земского училища. Мне не удалось найти сведений об авторе рукописи на данный момент, но рукопись меня заинтересовала, так как материалы нигде не публиковались, а в фондах нашего музея есть вещи, которыми можно подкрепить данное описание.[212]

Материалы по изучению местного края были собраны Некрасовым в 1898 году. Именно в это время с 1896–1900 гг. Вячеслав Николаевич Тенишев (1844–1903) был организатором и разработчиком программ по сбору материала по российским губерниям для этнографического бюро. Сведения в бюро предоставлялись местными священниками, учителями и другими грамотными людьми. Сбор материалов был закончен в конце 1900 года. Из Вологодской губернии поступило 278 рукописей.

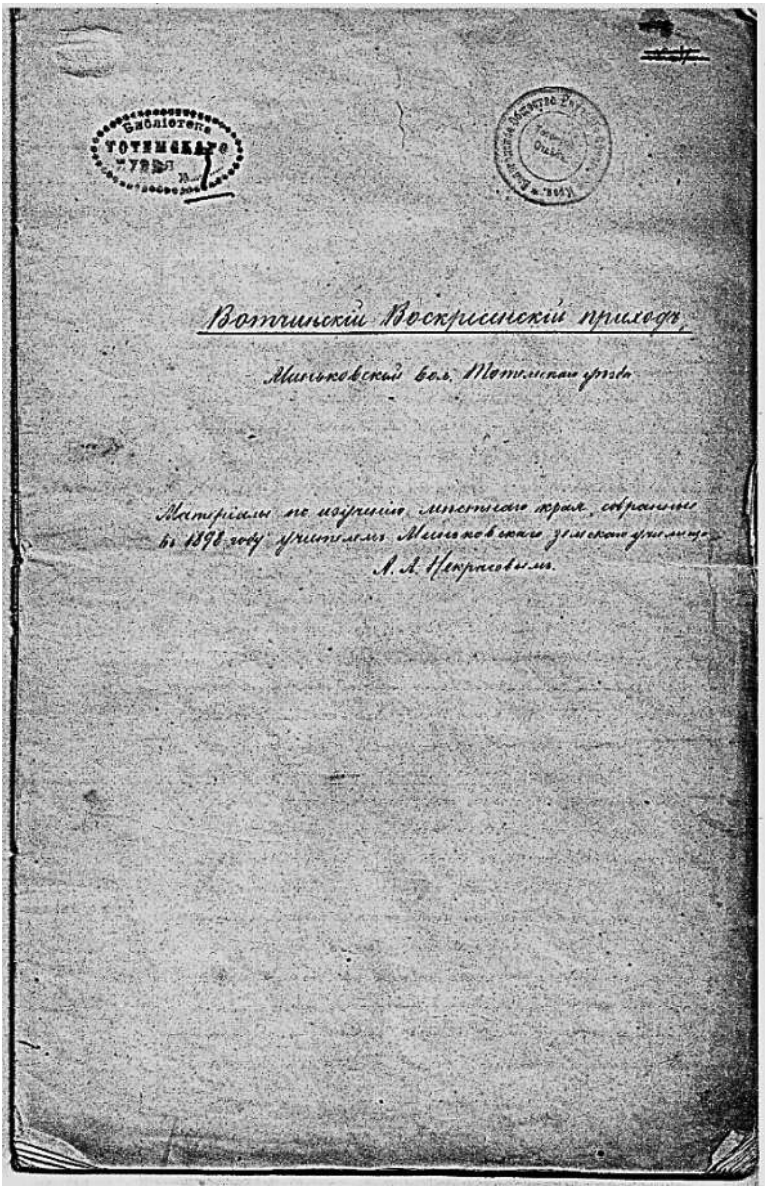
Материал, составленный учителем Некрасовым, по какой-то причине не вошёл в публикацию, возможно, не был завершён (в нём вместо 10 представлен материал в 6 разделах), может быть, показался менее интересным по сравнению с материалами других информаторов, а, возможно, готовился для другого источника. Рукопись нигде не опубликована, хранится в архиве более ста лет, я решила опубликовать данный материал и ввести его в научный оборот.

Рукопись написана каллиграфическим почерком, грамотно и состоит из нескольких разделов: 1. Общий обзор Миньковской волости Тотемского уезда, 2. Вотчинский Воскресенский приход, 3. Жилище, 4. Одежда, 5. Пища и питьё, 6. Сельское хозяйство и

---

[211] Некрасов А. Л. Вотчинский Воскресенский приход Миньковской волости Тотемского уезда. Научный архив Тотемского музейного объединения. № 1.

[212] Притчина В. А. Дневник научной командировки в Бабушкинский район. 1983 г. Н. а. 1429. Притчина В. А. Экспедиция в Бабушкинский район. 1989 г. Н. а. 1458.

Обложка рукописи А. Л. Некрасова «Вотчинский Воскресенский приход Миньковской волости Тотемского уезда»

промыслы. В процентном отношении соотношения разделов такие: раздел «Сельское хозяйство и промыслы» составляет 25% рукописи, «Вотчинский Воскресенский приход» – 18%, «Жилище» – 16%, «Общий обзор» – 11%, «Пища и питьё» – 9%, «Одежда» – 7%. Далее я начинаю излагать материал по рукописи Некрасова.

В первом разделе «Общий обзор Миньковской волости» автор рассказывает об административном делении волости, в которой было четыре общества: Миньковское, Талицкое, Фетинское и Косиковское. Например, в Миньковском обществе находилось 54 двора, проживали 1551 мужчина и 1601 женщина. Жители Миньковской волости издавна являлись государственными крестьянами, имели чисто русские фамилии на окончания «ов», «ев», «ин», «кий», «ый». Говорили на великорусском наречии, называли себя «вотчаками», по вероисповеданию – православные. Раскольников и иноверцев не было зафиксировано. Когда и откуда пришли сюда поселенцы – неизвестно... Как указывает Некрасов, первыми поселенцами были люди финского племени. Это подтверждается народными преданиями о чуди.

Автор рукописи неплохо знал историю местного края, рассказывает в рукописи некоторые факты о местном населении. Первые поселения на Вотче, как предполагает Некрасов А. Л., можно датировать кон. XV века. Из жизни «вотчаков» начала XVII в. Некрасов А. Л. приводит следующую историю. В Житии преподобного Феодосия Тотемского записано исцеление в 1606 году слепой девицы из д. Фетино Миньковской волости.[213] Во время набега поляков в 1608 *году «тотьмичи сделали заставы на Вотче и произвели три набора по 10 человек с сошки».*[214]

Следующий раздел рукописи – «Вотчинский Воскресенский приход», которому в рукописи отведено пять страниц текста. Приход состоит из 17 деревень Миньковского общества и двух деревень Аксёново и Лабазной Фетинского общества.

В приходе находились две каменные церкви: летняя Воскресения Христова с престолом Николая Чудотворца и зимняя Иоаннопредтеченская с престолами Богоматери и Пантелеймона Целителя. Когда-то на этом месте стояли деревянные церкви, каменные пришли им на смену, но автор рукописи не указывает дату возведения церквей. Храмы одноэтажные, построены тщанием

---

[213] Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии. Вологда. 1880. С. 515–516.

[214] Некрасов А. Л. Л. 4.

прихожан. Данные этого раздела были опубликованы Илюшиной Г. А.[215] Интересный материал по Воскресенскому храму, выполненному в стиле тотемского барокко, представлен в статье Кузнецова А. В. и Новосёлова А. М.[216]

Раздел «Жилище» занимает 4,5 страницы текста, автор обращает внимание на то, что большинство селений находится вне рек, и только три селения находятся на реках. Деревни строятся без всякого порядка, улицы в рукописи названы «кривыми», «узкими», дома расположенными тесно друг к другу. *«Один дом стоит на улицу окнами, другой – двором, третий весь получился вдоль улицы»*[217]. Деревни, которые расположены по плану, уже были построены после пожара.

Размер жилища зависел от зажиточности хозяина. В рукописи сделано описание внутреннего расположения избы. Оно – традиционно, передний угол занят божницею, уставленную иконами. *«Перед печкою у боковой стены»,*– пишет Некрасов,– *устраиваются судёнка и наблюдник, где помещается домашняя посуда»*.[218] Из этой местности во время экспедиций в 80–90-е гг. были привезены: корчаги[219], горшки[220], кувшин[221] гончарной работы и др. посуда.

Совсем другое убранство горницы. У задней стены – печка-лежанка, вдоль стены идут лавки, иногда несколько стульев и шкаф для посуды. В переднем углу – божница, под нею – стол. Стены украшены лубочными картинками духовного содержания. Есть и зеркало. Отделено в горнице заборкой помещение для спальни.

Все избы делились на чёрные и белые, зимние избы чаще – чёрные. Для теплоты их рано закрывали, многие от этого угорали. Печи били из глины. В деревнях имелись бани, иногда – одна на несколько хозяев, поэтому иногда они служили источником распространения болезней. Для освещения помещения использовали берёзовую лучину, керосин, сальные свечи. Из экспедиции 1989 года был привезён с данной местности светец[222] кузнечной

---

[215] Из истории православных храмов Бабушкинского района. // отв. ред. Г. А. Илюшина.– Вологда: ИЦ ВГХМА, 2013. С. 37–39.

[216] Кузнецов А. В., Новосёлов А. М. Ранний Богоявленский собор в Тотьме и Воскресенская Вотчинская церковь – новые выявленные объекты тотемского барокко. // Русский Север-2020: Проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия. Вологда. «Полиграф-Периодика». 2020. С. 89–91.

[217] Некрасов А. Л. Л. 13.

[218] Там же. Л. 14.

[219] ТМО-31562, 31554, 31666.

[220] ТМО-29519, 29167.

[221] ТМО-29519.

[222] ТМО-31669.

работы. Огонь добывали при помощи спичек и огнива. Особенно сложно было проживание людей в избах в зимнее время, когда из-за низких температур сюда же приходилось заводить домашний скот. Под лавками всю зиму жили курицы, в подполье – овцы, откуда *«поднимается такой удушливый газ, что у свежего человека при входе в избу, захватывает дух».*[223] В большие морозы в избу заводили и крупный рогатый скот, чтобы в тепле его накормить.

У печки сушились детские пелёнки, у умывальника от лоханки шёл отвратительный запах. Пол в чёрных избах перед Пасхой скребли лопатой, в белых, по замечанию автора, пол моется один-два раза в год. Автор делает вывод, что в зимнее время изба для крестьянина является и *«кухней, спальней, рабочей, столовой и помещением для домашних животных».*[224]

Некрасов А. Л. пишет, что к 1892 году благодаря санитарным попечителям удалось привести улицы деревень в порядок, был вывезен с улиц хлам, копившийся годами, пруды и колодцы вычищены, сырые улицы окопаны канавами, самые грязные места засыпаны песком и вымощены брёвнами, *«много колодцев и ям с грязной вонючей водой уничтожено».*[225]

В разделе «Одежда» автор даёт описание мужской, женской и детской одежды, в котором, на мой взгляд, мало детализации. Летняя мужская одежда состояла из балахона, сшитого из толстого домашнего сукна, на голове носили мужчины фуражку или низкую шляпу домашней работы, на ногах – лапти с онучами, реже – сапоги. *«Исподняя одежда состоит из белой или крашенинной холщёвой рубахи-косоворотки, подпоясанной поясом и из холщёвых же портов».*[226] Зимнюю одежду составляли полушубок, меховая шапка, валенки, шарф и рукавицы. В дорогу поверх полушубка одевали овчинный тулуп.

Праздничная мужская одежда напоминала одежду небогатых мещан. Сюда входили: длинный сюртук, панталоны, жилет, ситцевая рубаха, кожаные сапоги. Материалом для праздничной одежды служила ткань фабричного производства. Особым шиком для мужчин являлось наличие карманных часов на серебряной цепочке. Во время экспедиций в 80-е гг. из этой местности были приобретены три мужские рубахи[227] и одна женская[228]. О женской

---

[223] Некрасов А. Л. Л. 16.
[224] Там же.
[225] Там же. Л. 17.
[226] Там же.
[227] ТМО-29512, 31580, 31586.
[228] ТМО-31545.

одежде Некрасов пишет, что *«обыкновенная женская одежда состоит из исподки (рубахи) и крашенинного сарафана или же ситцевой короткой юбки с кофтой и передника»*[229]. «Проходницей» называлась рубаха, сшитая из целого полотнища. Сарафан подвязывался широким шерстяным поясом с кистями.

В деревнях Петухово, Митино, Демьянцево, Горка были приобретены пять сарафанов,[230] четыре из них сшиты из набойки и один шерстяной сарафан «дольник». Женские балахон и полушубок были несколько короче мужской одежды. На голове женщины носили бумажный платок, зимой на платок одевали шерстяную шаль. Замужние женщины под платком носили борушку. Из экспедиции в д. Горка и д. Грозино поступили «аглицкий» платок[231] и шёлковый.[232] На ногах зимой носили валенки, летом ступни, реже – ботинки.

Одежду деревенские жители, по мнению автора, носят бережливо. Особенно берегли кожаную обувь. Часто в храм шли в лаптях или босыми, башмаки надевали в церковной ограде. Одежду крестьяне изнашивают до заплат. Вся нижняя одежда изготовляется у себя дома, праздничную заказывают швее. Шубы, полушубки, тулупы отдаются шить портному, обувь, кроме лаптей, изготовляется вне дома.

«В праздничной одежде,– пишет автор рукописи,*– особенно у девиц, заметна наклонность к щегольству и подражание городским образцам».*[233] Платья шьются из фабричных тканей, украшаются кружевом, лентами. На голову одевают шерстяные и шёлковые платки. Сарафаны подвязываются широким поясом с кистями домашней работы. Автор отмечает женские украшения: серебряные кольца, серьги, брошки, браслеты, стеклянные бусы, волосы украшают дешёвыми искусственными цветами.

«Страсть к нарядам с каждым годом развивается всё сильнее, бедные стараются не отстать от богатых, что весьма неблагоприятно у первых отражается на домашнем бюджете»[234]. Замужние женщины носят старую одежду, редко заводят новую.

Автор ничего не пишет о свадебной одежде. Хотя в 1916 году от Некрасова поступил в музей свадебный головной убор «конура».

---

[229] Некрасов А. Л. Л. 18.
[230] ТМО-29526, 29527, 29564, 29566, 31559.
[231] ТМО-31582.
[232] ТМО-31672.
[233] Некрасов А. Л. Л. 18.
[234] Там же.

Конура – свадебный головной убор. XIX в. ТМО-5764

Во время экспедиции мы получили интересную информацию[235] о свадебном обряде от Коровкиной А. П., которая рассказала, что жених и невеста в церковь ехали на разных лошадях, карета невесты была украшена «постилальником», вышитым покрывалом из холстины, вышитый край свешивался у кареты сзади. На «постилальник» клали две «полотённые вышитые подушки», куда садилась невеста. После венчания жених пересаживал невесту в свою карету.

О детской одежде автор пишет следующее: *«Одежда детей крайне недостаточна. Сначала грудного ребёнка свивают в грубую пелёнку, потом, когда он начинает ходить, дают ему длинную рубаху, которой ребёнок довольствуется и летом и зимой, только в 4–5 лет начинают одевать его как взрослого»*.[236] У Потылицыной А. Ф. мы купили детскую рубаху-исподку.[237]

У автора рукописи отсутствует и тема других церковных таинств – например, крещения. Коровкина А. П. продала крестильную пелёнку, которую шила для своих детей.[238] Рассказала, что обычно использовали 2 пелёнки, одной закрывали лицо младенца – кружевным концом, другая пелёнка внизу была видна

---

[235] Притчина В. А. Экспедиция в Бабушкинский район. 1989 г. Н. а. 1458.

[236] Некрасов А. Л. Л. 19.

[237] Притчина В. А. Дневник научной командировки в Бабушкинский район. 1983 г. Н. а. 1429.

[238] Там же С. 5.

из-под одеяла. Пелёнка вышита болгарским крестом, обшита кружевом.

Один из разделов рукописи называется «Пища и питьё». Пища крестьян проста, но обильна и разнообразна. Автор замечает, что вотчинский крестьянин ест часто и много, детвору трудно увидеть без куска хлеба. Время принятия пищи: завтрак в 6 утра, обед в 11, паужна в 4, ужин в 10 вечера. Что представлял стол в постный день? Употребляли редьку с квасом, постные щи, варёный горох, бруснику с толокном, а также капусту с квасом, варёные грузди или сухие грибы, пареную галанку, гороховый кисель, уху из сайды или трески. В скоромные дни употребляли щи с мясом, заправленные крупой, овсяную или картофельную кашу с маслом, молоко. Ржаной хлеб отличался доброкачественностью. На неделе два раза пеклись пироги из пшеничной и ячменной муки, а также овсяные блины.

В праздники ели, пили почти беспрерывно два-три дня. Автор перечисляет праздничные кушанья в постные дни: пшеничный пирог с треской или палтусом, белый пирог со свежей рыбой, варёная свежая или солёная рыба, жареный в постном масле картофель, пшённая каша, гороховые оладьи в постном масле, сладкий пирог из белого теста с изюмом или сушёной черникой, овсяный кисель с суслом. В скоромные дни ели: пирог с рыбой, студень, щи с мясом, жареную баранину или телятину, пшённую кашу на молоке, картофельную кашу, яичницу, сладкий пирог и изюмом, гороховые хворосты, овсяный кисель с молоком. Всё это запивалось домашним пивом и водкою. После обильного приёма пищи иногда гости не могли сдвинуться с места и засыпали прямо за столом.

В праздники крестьяне не жалели водки, пили все: и мужчины, и женщины, и подростки. В непраздничные дни водки почти не пили, только по особому случаю. Пиво пили из медных или деревянных братынь, водку из рюмок. Некрасов обращает внимание на поведение гостей за столом: «*Сначала за столом все гости сидят чинно, разговаривают в одиночку, едят не торопясь, но когда-же развяжется язык от выпивки, тогда все начинают говорить в одно время без умолку, так что слушать получается некому».*[239] Отмечает автор, что стол бедных и зажиточных не особенно чем отличается до половины зимы, затем бедные семьи начинают голодать до нового урожая. Некрасов обращает внимание на беспечность крестьян и неумение экономить. *«Конечно, хотя бы при маленькой*

[239] Некрасов А. Л. Л. 21.

экономии в запасах с осени, голодовки в летнее тяжёлое время можно было бы избежать».[240]

Автор отмечает, что вотчинские крестьяне в еде неразборчивы. Испорченные припасы рыбы или мяса не выбрасывают, едят почти разложившимися. За стол садилась вся семья сразу, и ели все из одного блюда. Крестьяне всех возрастов являлись большими охотниками до лакомств. Особенно много ели пряников и конфет во время Ивановской ярмарки (24 июня). Среди взрослых мужчин была распространена привычка к курению.

Глава «Сельское хозяйство и промыслы» занимает самое большое место в рукописи, но мне она кажется не законченной, хотя очень подробно описано земледелие, промыслам отведена всего страничка текста. Ни в одной из глав автор не подвергает так критике жителей прихода, как в этой главе. Я могу это объяснить особенностью личной заинтересованности автора, который не являлся земледельцем, а смотрел на всё со стороны как дилетант.

Земледелие было главным занятием крестьянского населения. Из хлебных растений выращивали: озимую рожь, овёс, пшеницу, ячмень, горох, из промышленных – лён и хмель. В огороде выращивали картофель, капусту, брюкву, редьку, лук. Из домашних животных держали лошадей, коров, свиней, из птиц – кур.

Подробно описывает автор рукописи подготовку земли под посев льна. Его сеют на так называемых «дерюгах». За неимением подходящих возвышенных мест, иногда рубятся хвойные леса в бористой местности. Зимой толстые брёвна раскалывают пополам, чтобы лучше горели. В мае следующего года весь лес на дерюгах поджигают, горящие брёвна перекатывают по всей дерюге, затем землю боронят бороной-суковаткой и сеют лён. После снятия льна дерюга оставляется лет на 15 под кустарник.

«Полевое хозяйство,– пишет Некрасов А.Л.,– *оставляет желать многого. Как только стает снег, все спешат кое-как вспахать поле и посеять яровые».*[241] Посевы поэтому всходят неравномерно. *«Обработка парового поля,*– далее критикует автор,– *делается не лучше. Здесь каждый старается поскорее выполнить лишь то, что все делают, т.е. поднять пар, запахать навоз и произвести посевную вспашку не сообразуясь ни с состоянием погоды, ни с состоянием почвы».*[242] Посев производится сразу за сохой, поэтому семена глубоко заваливаются землёй. Семена для посева никогда не сортируются.

---

[240] Некрасов А.Л. Л. 21.
[241] Некрасов А.Л. Там же. Л. 23.
[242] Там же.

По мнению Некрасова А. Л., с таким удобрением, как навоз, крестьяне делают тоже ошибку. *«За навозом,*– пишет автор,– *не прилагается никакой заботы. Нередко навоз, находясь ещё в январе под скотом, заливается снеговой и дождевой водой и теряет драгоценные для растений частицы».*[243] Уборка хлебов происходит не в пору зрелости, а когда зерно ещё хрустит на зубах.

Недостаточно раскрыта в главе тема обработки льна, автор рукописи считает, что этой культуре крестьяне уделяют слишком много времени, и это отрицательно сказывается на хлебопашестве. *«Конечно, хорошо, когда специальная культура с избытком оправдывает затраченный труд и в то же время не вредит основному занятию – хлебопашеству».*[244] Возможно, это делается оттого, что, продавая лён, крестьянин имеет наличные деньги. Но автор отмечает*: «Но какая выгода? Трудится целая семья круглый год, а в итоге 5–8 пудов чисто плохонького льна, который при нынешних ценах на лён стоит 15–30 рублей».* Про продажу льна на ярмарке Некрасов пишет: *«На последней ярмарке (с 1–3 декабря) производится крестьянами всей волости главная продажа льна».*[245]

Скотоводство, по мнению автора, стоит на самой низкой ступени развития. Основным кормом является солома, сено получают только лошади. Из-за недостатка кормов у отдельных хозяев скот становится похож на живые скелеты. Ранней весной скот*, «который сам в состоянии ходить»,* выгонялся на улицу и «питается чем только может». Не получал скот тёплого пойла с примесью муки, его отводили на водопой к реке. *«При таком содержании и отсутствии всякого ухода, рогатый скот значительно измельчал и из продуктивного превратился в плохие машины для выработки навоза, из-за которого главным образом и разводится».*[246]

Автор вносит свои предложения для улучшения крестьянского хозяйствования: усовершенствование хлебопашества, льноводства, разведение племенных пород домашних животных.

Многие крестьяне прихода занимались хмелеводством, но его выращивали недостаточно, только для домашних целей. Особенно хмелеводством славилась д. Павлово. Охота и рыболовство не составляли промысла. Охотились и рыбачили только в свободное время. Из зверей: на волков, лисиц, медведей, куниц, зайцев, белок.

---

[243] Некрасов А. Л. Там же. Л. 23–24.
[244] Некрасов А. Л. Л. 25.
[245] Там же.
[246] Там же. Л. 26.

Корчага. Нач. XX в. Работа Акентьевой Натальи Кузьмовны. ТМО-31677

Из рыб ловили щуку, ельцов, сорогу, налима, окуня. Чаще всего ловили рыбу «курицами», небольшими сетями.

Совсем не раскрыта в рукописи тема ткачества. Некрасов А. Л. лишь отмечает: *«Все женщины умеют ткать холст и домашнее сукно, некоторые занимаются вязкой чулок, салфеток и косынок».*[247] Во время экспедиции сотрудниками музея было приобретено несколько тканых изделий из д. Леваш, Аксёново, Грозино, Горка: скатерти,[248] полотенца,[249] наматрасник[250] и др.

В этой главе ничего не сказано о таком промысле, как гончарство. Хотя материалы экспедиции показали, что обработкой глины здесь занимались. Например, Акентьев П. А. сдал корчагу и кувшин – работу своей матери Акентьевой Н. К. 1892 г. р. В течение всей своей жизни она изготавливала глиняные изделия, и в дальнейшем мы встречались в этой деревне не раз с её работами.[251]

Поскольку на территории Миньковского сельсовета во время экспедиции в 1983 году нами были приобретены сарафаны из набойки в д. Митино у Поповой А. И.[252] и в д. Демьянцево у Коточиговой Н. И.[253] и других деревнях, эти поступления могут свидетельствовать о том, что здесь занимались набойкой по ткани. В домашних целях занимались плетением из бересты.

Широко был развит и прялочный промысел. Во время экспедиций в миньковских деревнях Горке и Демьянцево были выявлены некоторые особенности в оформлении прялок:[254] «синие» прялки

---

[247] Некрасов А. Л. Л. 28.

[248] ТМО-29506, 31574, 31556, 31565, 31649, 31650, 31656.

[249] ТМО-31663, 31651, 31606 31563, 31575, 31583, 31557.

[250] ТМО-29556.

[251] Притчина В. А. Экспедиция в Бабушкинский район. 1989 г. Н. а. 1458. ТМО 31676, 31677, 31678.

[252] Притчина В. А. Дневник научной командировки в Бабушкинский район. 1983 г. Н. а. 1429. ТМО-29566.

[253] Там же. ТМО-29564.

[254] ТМО-31566, 31592, 31602, 31553, 31601.

с глубокими вырезами в верхней и нижней частях лопасти выделяются жукообразной фигурой, выполненной белой краской на синем фоне. На боковых гранях ножки белой краской выполнен узор, напоминающий «библейскую звезду Давида». Только на одной миньковской прялке выполнена надпись с фамилией мастера: «1933 г. Мая 25. Дня В. В. Пятовский».[255] На одной из прялок сохранилась едва заметная дарственная надпись, выполненная простым карандашом на лицевой стороне верхней части лопасти: *«На память долгую Акентьевой Алекс. Ник.»*[256]

Прялка. 20–30-е гг. XX в.
ТМО-031566

В заключение хотелось бы сказать, что, несмотря на общий, не детализированный объём информации, рукопись Некрасова А. Л. представляет интерес для этнографов, исследователей, краеведов и тех жителей Бабушкинского района, которые занимаются изучением родного края. Работая с документами научного архива ТМО, мне удалось детализировать инициалы А. Л. – это Александр Лаврентьевич Некрасов, учитель Миньковского земского училища.

---

[255] Притчина В. А. Прялки Тотемского собрания. Прялки Бабушкинского района. // Тотьма. Альбом – путеводитель по коллекциям Тотемского музейного объединения. «Три квадрата». Москва. 2015. С. 187.

[256] Притчина В. А. Прялки Бабушкинского района в собрании Тотемского музейного объединения. // Русский Север - 2017. Тотьма.– Вологда. 2017. С. 151.

Галушкина Вера Николаевна,
заведующая отделом искусства и традиционной народной культуры
МБУК «Тотемское музейное объединение»,
г. Тотьма, Вологодская область

НАРОДНАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ ТОТЕМСКОГО УЕЗДА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Демонология – общее название разнородных мифов и верований о демонах, сверхъестественных существах, нечисти. В данной работе сделана попытка обобщить и систематизировать этнографическую информацию подобного рода по Тотемскому краю. Использованы многочисленные и довольно разрозненные записи корреспондентов Этнографического бюро Тенишева, которые работали в Тотемском уезде в конце XIX века, а также этнографические записи из Шебенгской и Спасской волостей от учительницы Стародворского училища Н. Евфимьевой.

Крестьяне, хоть и были людьми православными, считали, что вокруг них постоянно обитает множество духов, нечистой силы и, прежде всего, чертей. Все области окружающего мира – дом, двор, баня, лес, водоемы и пр. – были населены распорядителями соответствующих мест, стихий, сфер. Откуда же они появились на земле? Согласно поверьям, один из высших ангелов – Сатанаил – захотел быть таким же, каков есть Бог, и на свою сторону склонил множество ангелов. Сатана вступил с Богом в битву. Бог, конечно, одолел сатану и все его воинство. И вот вся нечистая сила повалилась с неба на землю. Одни из чертей упали в воду и образовали водяных, другие свалились в дома и стали прозываться домовыми, иные – в баню (банные) и т. д. Мифические представления крестьян зачастую плотно переплетались с христианскими воззрениями и воспринимались ими как то, что было на самом деле. К примеру, обозначенный выше сюжет согласуется с древними сказаниями, описанными в Откровении апостола Иоанна.[257]

ЧЕРТ, ДЬЯВОЛ

Черти – это общее название всей злой силы, которая еще называется «нечистью». Произносить слово «черт» в крестьянской среде считалось грехом, особенно ночью или в лесу, поэтому его заменяли словами «нечистый», «рогатый», «лукавый», «злой», «недоброй», «враг».

[257] Апокалипсис 12:7, 12:8, 12:9.

Крестьяне верили, что нечистая сила живет всюду, даже при церквах, в особенности на кладбищах, а также на мельницах, в казенных зданиях. Считалось, что особенно много их на перекрестках дорог, и если кто проходит перекресток не перекрестясь, тот обязательно приносит с собой домой черта.

Черт и другие злые духи могли принимать какой угодно вид. Если вид животного, то с черной шерстью – черной коровы, черной кошки, белки, собаки с черными глазами. В образе человека имели небольшие рожки и подогнутый незаметно хвост.

Крестьяне верили, что если человек, зевая, не крестил рта, то дьяволы легко могли попасть в него. Если оставлять сосуды с питьем, едой, или хлеб, не покрыв и не перекрестив, то черти это все могут запакостить. Если во время обеда смеялись или разговаривали обедающие, то черти могли напакостить им в ложки и блюда. Поэтому во время принятия пищи следовало молчать или думать и говорить о божественном. Сосуд с пищей или питьем закрывали со словами «благослови, Господи», чтобы в него не вошел злой дух. Когда начинали новую ковригу, то мужики непременно трижды ее перекрещивали ножом, «*инаце церти будут воровать из этиё ковриги хлеб*».[258] Интересное поверье было записано в Погореловской волости: во время еды нечистая сила находится под полатями, но если кто будет ругаться или сквернословить, то нечистые подходят к столу и плюют в тарелки или подменивают хлеб на свой – неблагословенный.[259]

Считалось, что черти попадают в дом через печную трубу, поэтому многие хозяйки в Погорелове трижды крестили трубу перед топкой печи, «щобы церти не залитили в дом».

Особой силой, по мнению крестьян, обладало проклятие. Формы проклятия могли быть различны: *«Околий ты в пазухе сотоны»*, *«На тя лешой»*, *«Унеси тя лешой»*, *«Провались ты сквозь землю»*, *«Ни дна тебе не покрышки»* и др. Если выругать и проклясть ребенка, то черт мог его унести или подменить дитя болезным и немощным созданьем. Но это могло произойти не в любое время, а только в известный момент, и всего такого удобного для нечистого времени в течение суток только одна *«секунта»*. В этом случае говорили: *«Год тих, да час лих»*. Нечистый мог водить или носить ребенка по

---

[258] Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 4.– СПб., 2008. С. 50.

[259] Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 4.– СПб., 2008, С. 363.

лесу, изорвать на нем одежду, исцарапать все тело, а если родители раскаивались в своем поступке, то «откинуть», т. е. принести дитя домой. Дьявол мог похитить не только проклятых детей, но и взрослых, особенно если жена проклянет мужа. В этом случае ему грозила скоропостижная смерть без покаяния.

Считалось, что черти особенно любят «водить» пьяных и даже довести до гибели. О таких случаях было записано множество свидетельств. Дьявол иногда беседовал с пьяными и провожал их как будто домой, а на самом деле заводил их в далекое и незнакомое место или сталкивал в воду, или совал в петлю и прочее, вообще доводил до погибели.

Например, в с. Брусенец была записана такая бывальщина. Один подвыпивший мужик возвращался в свою деревню леском. Вдруг встретился ему незнакомый человек, назвавшийся земляком, и пригласил к себе. Когда мужик заглянул к нему в дом, то увидел множество танцующих гостей, и сам пустился в пляс. Затем хозяин подвел мужика к двери и стал звать туда, но когда мужик побожился, то все виденное исчезло. Сам он стоял возле мельницы в шаге от мельничного омута. Кругом торчали одни обгорелые пни. Весь хмель вылетел у него из головы. Еле-еле он выбрался из этого места домой.[260]

Крестьяне Спасской волости полагали, что черт, убегая от стрелы, пущенной Пророком Ильей (или св. Михаилом Архангелом) часто входит в кошек, особенно черных, поэтому во время грозы их выгоняли из избы.[261]

Среди пословиц, записанных в Погореловской волости, можно выделить те, в которых отражалось отношение крестьян к нечистым:

Не было печали, дак черти накачали.

Черт – не блоха, скоро не стряхнешь.

Бабы да комары чертом созданы.

И Богу молись, и черта не гневи – пригодится.

Черт попу не товарищ.

За правого стоит Бог, за виноватого – черт.

Не нам попов судить – на то есть черти.

---

[260] Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 4.– СПб., 2008. С. 39.

[261] Там же. С. 97.

ЛЕШИЙ

Жизнь крестьян была плотно связана с лесом, с охотой и собирательством. Неудивительно, что в народной демонологии в обязательном порядке фигурировал хозяин леса – леший (лесовой, лесовик, лесной дедушко).

Лесовой, по мнению крестьян, почтенный черт, которого чаще представляли шутником, чем страшилищем. Лесовик сбивал с дороги проезжих, прохожих, ягодниц, и водил их, хотя большого вреда не наносил. Лешие могли показаться то в виде черной коровы, то маленькой собакой, то белкой, то человеком. Иногда леший мог превратиться из белки в огромного человека «выше лесу стоецева», который хохочет страшным голосом. Лешие – одни из немногих нечистых, которые, по представлениям крестьян, имели жен – «*лешацих*» и детей.

Праведников Е.И. «Леший (отшельник)». 1916–1917. Карандаш графитный, карандаш цветной, карандаш угольный, белила. Из собрания ТМО

Лешие всегда ходили по одним тропам, и если человек попадал на такую тропу, то обязательно терял ориентацию. Чтобы найти дорогу, заблудившемуся нужно было полежать на земле и трижды прочитать молитву «Да воскреснет Бог».[262]

В Никольской волости было записано еще одно верное и действенное средство для таких людей. Когда человек понимал, что его «водит» по лесу, должен был снять верхнюю одежду, вывернуть на левую сторону и снова надеть. При этом отплевываясь сделать 3 круговых оборота через левое плечо.[263]

---

[262] Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 4.– СПб., 2008. С. 364.

[263] Там же. С. 243–244.

В Куракинской волости считалось, что те, кого увел леший, живут у него в лесу, и он посылает их поджигать деревни или подбирать, что бабы не благословясь оставят.[264]

Конечно же, стремясь облегчить себе жизнь, охотники иногда пытались войти в соглашение с лешим, чтобы он помогал ловить зверей и дичь. Для этого, по одним сведениям, охотнику нужно было снять с себя крест и положить под пяту.[265] По другим данным, чтобы познакомиться с лешим, охотник брал пасхальную свечку, выбирал в лесу большую березу, сверлил в ней дырку и вкладывал туда свечку. Потом нужно было отойти от березы на 13 шагов и выстрелить из ружья в эту свечку. Якобы после этого леший начинал везде сопутствовать охотнику.[266]

ВОДЯНОЙ

Злой дух, живший в воде, еще назывался «омутным», т. к. думали, что он обитает преимущественно в омутах – глубоких ямах в реках и озерах, где всегда стоячая вода и большая глубина. Сведения о водяных немногочисленны и довольно однообразны.

Водяной имел вид косматого человека или рыбы (щуки). Много водяных «водилось» в реках Вопре и Тиксне. Водяные «женились» на утопленницах, последние и рожали чертей. Главную опасность водяной представлял для людей, купающихся без шейного креста близ запруд и острогов, а также после захода солнца – их водяной мог утащить. Также он утаскивал за ногу и потоплял людей, по неосторожности попавших в омут[267].

Одно из любимых мест обитания водяного – мельница. Мельник мог войти в дружбу с водяным, тогда его дела шли очень успешно, рыбы он мог наловить сколько хочет, где бы ни поставил ловушку: «он» рыбы нагонит. Но связываться с водяным было опасно, надо было постоянно ему угождать, а то мельницу разворует и мельника сунет под колесо, вообще мельники – союзники водяного – не умирали своей смертью[268].

ОВИННИК

В демонологии Тотемского края представлены и духи хозяйственных построек, в первую очередь тех, которые предназначены

---

[264] Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 4.– СПб., 2008. С. 286.
[265] Там же. С. 150.
[266] Там же. С. 364.
[267] Там же. С. 150.
[268] Там же. С. 365.

для сушки и хранения хлеба. Довольно часто упоминается овинник. Это страшный персонаж, добра от которого человеку ждать не приходится. Овины – строения, где сушили снопы с помощью огня, были опасны тем, что там легко мог вспыхнуть пожар и погубить и само строение, и урожай, и людей, там находившихся. По представлениям крестьян, овина нельзя топить на Покров[269] и на Здвиженьев день[270], т. к. в эти дни овинник бывает именинник, отдыхает.

Особо почитался день 27 сентября. В этот день, чтобы задобрить овинника, хозяева пекли пироги из хорошей муки с рыбой, ягодами или грибами, гороховые шаньги или житные. Накладывали пирогов полную зобню[271] и шли в гости к овину. Шли в гости двое и обязательно один из них старшой (хозяин или хозяйка). Старшой лез в яму в подовин, а другой в овин в окошечко, где снопы подают. И брал с собой досочки, которые закрывают это окошко. Там он этими досками хрястал[272] в овин. Старшой гость в подовине, как услышит стук, должен был спросить: «Кто стучит?», а другой отвечал: «Сам Исус Христос, бей большим молотом». Потом старшой приходил в овин и раскидывал на грядках, где ставятся снопы, скатерть, раскладывал пироги. Отломив кусок пирога, ходил с ним по углам овина и в подовине и тыкал везде, приговаривая: «Поешь, батюшко овин, пирожков-то», а потом возвращался к гостям и говорил: «Примайтесь-ко, гости» (т. е. начинайте есть)[273].

БАННИК

Одним из особых мест на территории деревни считалась баня. Баня – место нечистое, т. к. там нет икон. В баню ходили гадать, колдовать. В баню ходили рожать, т. к. именно там было пограничное место между миром живых и миром мертвых. В каждой бане был свой дух – банник (банной). Банный дедушко (старик по виду) редко показывался людям. Считалось, что в 4-ю перемену в бане моются черти, а перед самым утром – банник.

Особо опасным было посещать баню ночью. Мывшихся в одиночку по ночам банник мог изжарить на каменке, задушить угаром,

---

[269] 14 октября, в церковном календаре – Покров Пресвятой Богородицы *(прим. автора).*

[270] 27 сентября, в церковном календаре – Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня *(прим. автора).*

[271] Корзину *(прим. автора).*

[272] Стучал *(прим. автора).*

[273] Евфимьева Н. Культ и народное сельское хозяйство // Н. а. ТМО № 64.

избить и исцарапать. В Вожбальской волости была записана характерная бывальщина: «Ходил раз мужик на реку по рыбу. Приходит домой уже под вечер и говорит бабам: «Бабы, истопите-ка мне баню, мне попариться охота». Вот истопили баню, и пошел он париться один. Ждать-пождать, нет мужика из бани. Домашние стали беспокоиться и пошли в баню проведать. Приходят, а он сидит в бане исцарапанный, ничего не говорит, языка нет. Вынесли его из бани и через сутки мужичок помер, так и не сказав, что с ним случилось».[274]

Кроме того, банник не любил и тех, кто подолгу не ходят в баню, насылал на них всякие болезни. Бабы, которые мылись не в бане, а в печке, тоже подвергались опасности со стороны банного. Однажды женщина в д. Ивакине залезла в печь попариться, в избе никого не было. Банной пришел и так крепко заколотил заслонку, что потом едва отодрали. Женщину выволокли из печи чуть живую[275].

Несмотря на это, банник мог и помочь тем, кто просил у него защиты и покровительства. Об этом рассказывали крестьяне в Погореловской волости: «Одна женщина беременная шла из лесу домой. Вдруг из кустов выскочила медведица и погналась за ней. Баба добежала до бани и попросила у банного защиты: «Банной, батюшко, пусти и спаси роженицу». Банному полюбились ее слова, и он пустил ее в баню, а медведицу задушил»[276]. Считалось, что банник очень любит, чтобы в баню приходили роженицы. Тогда они рожали быстро и легко.

Формой задабривания банника было обыкновение после мытья оставлять на полке немного мыла и веник и сколько-нибудь воды, чтобы банной смог вымыться.

ДОМОВОЙ

Практически повсеместно в крестьянской среде встречались рассказы про главного домашнего духа – домового. Его называли еще «дедушка-домовой», «хозяинушко», «суседка», «суседушко». Существование домового крестьяне признавали неоспоримым и все рассказы о домовых считали за действительные факты. Считалось, что обитает он в избе под печью, и живет в каждом доме. Домового представляли в виде старика с длинной всклокоченной

---

[274] Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 4.– СПб., 2008. С. 303.

[275] Там же.

[276] Там же. С. 365.

бородой, с маленькими рожками и подогнутым, так что незаметно, хвостом. Иногда домовой мог показаться в виде большой черной кошки или собаки. В некоторых деревнях считали, что домовой очень похож на хозяина дома.

Домовой – единственный представитель нечисти, от которого больше было пользы, чем вреда, и которого сознательно приглашали в новое жилье. Домовой пользовался большим уважением, так что каждый хозяин считал своей обязанностью пригласить к себе домового. В Куракинской волости при переходе в новый дом в полночь всем семейством приходили в скотный двор с хлебом и солью, и приглашали к себе домового со словами: «Домовой-батюшка, пойдем к нам в новые хоромы»[277]. В Калининской волости перед новосельем зазывали домового: *«Дедушко-суседушко, иди к нам»*. При вводе в двор новой лошади или коровы говорили: *«Дедушко-суседушко, люби мою скотинку»*[278]. В Погореловской волости при входе в новый дом хозяин шел во двор и кланялся всем 4-м углам, говоря: *«Батюшко домовой, пусти нас пожить сюда со скотинкой; нас не пугай и скотинку не оставляй – корми ее и пои»*. В праздник Пасхи некоторые крестьяне выносили домовому яйца на двор в ясли[279].

Главной обязанностью домового был уход и пригляд за скотиной. Если скотина нравилась домовому, он ее гладил, кормил, поил, спасал от стужи зимой, а лошадям заплетал гривы. Заботы о скотине простирались так далеко, что иногда домовой ходил в другие дворы воровать для любимой скотины корм[280].

Когда домовой выказывал семье свое нерасположение, то скотина начинала чахнуть, болеть, дохнуть. Всякое несчастье с животиной, задавится ли корова под яслями, сломит ли лошадь ногу – считалось проделками домового, якобы он эту скотину невзлюбил. Если лошадь или корова «не ко двору», т. е. не полюбилась домовому, то крестьяне старались сбыть ее другому. Причиной нелюбви со стороны домового могла быть та или иная масть. Если домовой не любил красной масти – не следовало заводить красной коровы и т. д. Нелюбимую скотину он мог бить, мучать, лошадей ночами гонял до поту и пены, мог и до смерти заездить.

---

[277] Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 4.– СПб., 2008. С. 284.

[278] Там же. С. 152.

[279] Там же. С. 364.

[280] Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 4.– СПб., 2008. С. 284.

В Погореловской волости один мужик сменил трех лошадей, но все они не нравились домовому и он их душил. Наконец, пошел он ночью во двор и спросил домового: «Какую лошадку мне завести, чтобы она тебе нравилась?» Домовой ответил: «Хоть и старую, но чалую». Так мужик и сделал. И новая лошадь долго жила и всегда была в теле[281].

Чтобы скотинка была солощая[282], в покровскую субботу[283] ее закармливали досыта снопами овса, приговаривая: *«Дедушко-сусе-душко, люби мою скотинку, пои-корми сыто, а гладь гладко»*[284].

Домовой заботился не только о скотине хозяина, но и о его семействе. Есть много рассказов о том, как ревел домовой перед ранней выдачей девушки замуж или перед рекрутчиной парня. Ночами домовой иногда приходил к тому члену семьи, кто ему больше по нраву, ложился в ноги или на туловище и лежал, пока тот не проснется. В таком случае нужно было его спросить «К худу или к добру?». Домовой должен был ответить и вернуться к себе под печку. Кто был не по нраву домовому, того по ночам он приходил душить: «Слышу, что лежит на мне и такой тяжелый, что ни рукой, ни ногой не могу пошевелить, ни крикнуть, ни перекреститься; едва догадался прочитать «Да воскреснет Бог», тогда и слышу, что он начинает слезать с меня и стало мне легче»[285].

Особенно часто домовой являлся перед смертью одного из членов семьи. Во многих деревнях считали, что, предвещая смерть кого-нибудь из семьи, домовой стонет, причитает, воет, таким образом предупреждая хозяев о будущем несчастье.

КИКИМОРА

Самые малочисленные по количеству упоминаний представители нечисти женского рода – кикиморы, полуденницы, полуночницы. О них записаны единичные рассказы, в которых эти злые духи были причиной болезни или беспокойства ребенка.

В Шебенгской волости полагали, что если ребенок часто кричит, плачет, это значит, кикимора ему ножки щекочет. Мать брала

---

[281] Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 4.– СПб., 2008. С. 364.

[282] С хорошим аппетитом *(прим. автора).*

[283] В церковном календаре – день поминовения усопших, родительская суббота перед праздником Покрова Пресвятой Богородицы *(прим. автора).*

[284] Евфимьева Н. Этнографические записи из Шебенгской волости // Н.а. ТМО № 13/2.

[285] Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 4.– СПб., 2008. С. 298.

маленький топорик и клала ему в ножки в зыбке, приговаривая: *«Кикимора, вот тебе топор, поди в лес, секи дрова, а не трожь моево дитя»*.

Иногда клали этот топор, ножницы и нож на заслонку от кухонной печи, подкладывали лучину и поджигали. Мать брала ребенка и водила три раза вокруг огня и ставила три раза в середину, но не низко, а чтобы не обжечь. Три раза при этом приговаривала: *«Ношная-полуношная, денная-полуденная, убирайсе прочь, поди в чисто поле, тешьсе-потешайсе с легкими пташками»*[286].

Обобщая полученную информацию, можно отметить, что большинство персонажей народной демонологии имеют несколько названий-имен. Например, черта звали «лукавым», «рогатым», «нечистым», домового – «суседком» или «хозяинушком», лешего – «лесовиком», «лесным дедушком» и т. д. Чаще всего, они имели явные отрицательные характеристики и намерения навредить человеку. С некоторыми представителями нечисти крестьяне пытались войти во взаимодействие, ища для себя определенные выгоды: охотники пытались договориться с лешим, мельники с водяным. Так или иначе, крестьяне стремились задобрить, умилостивить нечистых, расположить их в свою пользу, зачастую путем приношений съестного: домовому в ясли подкладывали яйца, приносили хлеб-соль, овиннику несли пироги, баннику оставляли мыло и веник. Таким образом крестьяне обеспечивали себе иллюзию безопасности и защищенности, в психологическом плане облегчая себе существование.

Мифологические рассказы о сверхъестественных существах своеобразны и наделены неповторимым колоритом. Они отражают народные понятия о непознанном, таинственном и необъяснимом. Вместе с тем, они наполнены конкретным житейским содержимым, дают понятие о быте, повседневной жизни человека, крестьянской семьи.

---

[286] Евфимьева Н. Этнографические записи из Шебенгской волости // Н. а. ТМО № 13/2.

Кузнецова Светлана Васильевна,
заведующая отделом природы, научный сотрудник
МБУК «Тотемское музейное объединение»,
г. Тотьма, Вологодская область

ИЗ ИСТОРИИ ЗЕМСКОЙ МЕДИЦИНЫ В ТОТЕМСКОМ УЕЗДЕ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

На территории Российской Империи в XIX веке медицина становится окончательно сложившейся наукой, стоящей на страже укрепления и сохранения здоровья человека, хотя о «лечебном искусстве», как о профессиональной медицинской помощи, провинциальное население понятия не имело, что это такое ещё долгие десятилетия.

Из «Памятных книжек» Вологодской губернии известно, что в Тотемском уезде в 50–60 гг. XIX века врачеванием занимались профессиональные лекари, разделив территорию обслуживания населения на город и уезд. Так, городовым лекарем в Тотьме в 1853–54 годах трудился Осип Михайлович Кашеренинов, уездным лекарем – Людовик Августович Вейс.

Грамотная медицинская помощь в Тотемском уезде Вологодской губернии стала складываться с 1870-х годов, когда на территории края начинает свою активную деятельность первый орган местного самоуправления – Земское собрание. В ведение Земства переходят вопросы организации и контроля медицинской службы в крае, содержание лечебниц, подбор кадров, борьба с «социальными болезнями», проведение противоэпидемических мероприятий, улучшение санитарно-гигиенических условий жизни народа и многое другое. Немаловажным принципом для земской медицины становится и стремление к общедоступному и всесословному здравоохранению, аналогов которого еще нигде в мире не было.

В то время население уезда в большинстве своём было малообразованным, непросвещённым, поэтому к медицинским работникам относилось недоверчиво и настороженно. Исключение составляли те волости, где «...умные и усердные фельдшера своим умением и усердием к делу внушали доверие к медицинскому лечению, ... не ломая убеждений народных, хотя и диких...»[287].

[287] Тотемское уездное земское собрание. Журналы Тотемского уездного земского собрания 1-го и 2-го созывов 1869 и 1870 годов.– Вологда: тип-я В. А. Гудкова-Белякова. С. 40.

Количество обращений за профессиональной медицинской помощью в уезде и городе немногим превышало три тысячи человек в год. Народ чаще всего просил об излечении грудных и дыхательных органов и от лихорадочной болезни.

В 1870 году на территории Тотемского уезда вели медицинскую практику уездный врач Адольф Константинович Стомма, городской врач Максим Николаевич Бонкер и десять фельдшеров. Некоторые специалисты среднего медицинского звена находились на службе более 10 лет, имея жалование всего 80 рублей в год. В дополнительные обязанности фельдшеров была вменена вакцинация населения от оспы. Земство осознавало, что количество профессионального медицинского персонала на селе и в городе надо постепенно увеличивать, но от услуг некоторых псевдоцелителей, например, повивальных бабок, пока возможности отказаться нет.

Местная здравница располагалась на улице Большая Садовая в очень неудобном низинном месте. Здание больницы было каменное, но стены от старости сильно сквозили. Внутри помещения имелись маленькие тёмные палаты, койко-мест в которых всегда не хватало. Мужчины и женщины в палатах лежали вместе. В одном из помещений больницы располагалась прачечная и один на всю больницу неотапливаемый туалет. Из-за отсутствия дополнительных площадей медицинский персонал не имел возможности иметь отдельные помещения для инструментов, для отдыха больничной прислуги, для часовни и тёплой комнаты для патологоанатомических исследований. Прилегающая к больнице территория была совершенно не благоустроена.

Совершенно ясно, что все эти факты не могли не беспокоить доктора Бонкера. Он осознавал важность и необходимость квалифицированной медицинской помощи местному населению и был твёрдо убеждён, что настоящие условия городской больницы не соответствуют никаким медицинским стандартам. С предложением о том, что городская больница требует уж если не новой постройки, то хотя бы серьёзных финансовых вложений в капитальный ремонт здания, Максим Николаевич Бонкер неоднократно обращался в Городскую Управу.

На десятом заседании Земского Собрания 5 октября 1870 года заслушивался доклад комиссии по «народному здравию». После представления отчёта было принято решение незамедлительно заняться вопросами благоустройства больницы – сделать теплые пристройки для бани, прачечной, ретирадной, отремонтировать тротуары вдоль больницы, печи и полы, сделать вентиляцию в

палатах и многое другое. Врачу Тотемской городской больницы Максиму Николаевичу Бонкеру удалось запустить «процесс перезагрузки» в системе здравоохранения в Тотьме.

В обязанности доктора Бонкера с жалованием 1000 рублей в год входило «...объезжать все волости по уезду не менее четырёх раз в год, останавливаясь в каждой волости не менее двух суток. В городе в известные часы вести приём больных всех сословий, как горожан, так и людей из уезда, выписывая необходимые бесплатные лекарства. В случае проявления эпидемии, незамедлительно выезжать на место, оказывая больным медицинскую помощь...»[288]. Земство до 250 рублей в год увеличило жалование и фельдшеру городской больницы Ф. А. Ионову, а в волостях содержание фельдшеров возросло до 200 рублей в год.

В настоящее время уже сложно сказать, кто или что повлияло на отмену вопроса капитального ремонта здания больницы. Однако 2 октября 1871 года на четвёртом заседании Тотемского уездного земского собрания III созыва 9 голосами – «за» и 6 голосами «против» было принято одно из важных социальных решений: «...вместо нынешней ветхой и неудобной больницы поставить новую...».

На строительство больницы был создан «особый капитал». Все оставшиеся средства от уездного земского сбора 3963,92 рубля к концу 1871 года поступили на особый счёт, который со временем стал пополняться и расходовался на необходимые строительные материалы для постройки нового здания городской больницы.

В 1873 году Тотемское городское общественное управление бесплатно выделило землю «в конце города по дороге в монастырь на правой стороне» под постройку больницы, служебных помещений и участка для огорода и сада. В этом же году Городская Управа составила договор подряда с тотемскими мещанами Николаем Коптяевым и Василием Замараевым на изготовление и поставку 150 тысяч штук кирпича по 7,5 рублей за тысячу штук с доставкой к месту строительства больницы по первой зимней дороге. К концу года первая партия кирпича была готова, принята по акту и отгружена в склад для хранения. Тогда же смогли заготовить и камень для строительства фундамента больницы.

С первых дней существования Земство активно решало вопросы по привлечению и обучению новых медицинских кадров, рас-

---

[288] Тотемское уездное земское собрание. Журналы Тотемского уездного земского собрания 1-го и 2-го созывов 1869 и 1870 годов.– Вологда: тип-я В. А. Гудкова-Белякова. С. 42.

ширяющих радиус действия медицинских учреждений, оказывая существенную социальную поддержку специалистам на местах. Так, 1 января 1872 года в городскую больницу на службу с жалованием 200 рублей в год была приглашена профессиональная акушерка Анна Константиновна Степанова. В обязанности ей вменили контроль над работой бабок-повитух в уезде, выдачу им необходимых лекарств и инструментов. Спустя некоторое время по заявлению акушерки Степановой Городская Управа начала выдавать пособия тем женщинам, которые приезжали к ней в городскую больницу по собственному желанию для ознакомления с «родовспомогательной наукой».

Земство при любой возможности старалось финансово поддерживать медицинских работников, всякий раз увеличивая размер вознаграждения лучшим фельдшерам, и отмечать самых усердных. В 1873 году фельдшеру городской больницы Фёдору Андреевичу Ионову было присвоено звание «Личного почётного гражданина», что символизировало исключительную форму выражения признательности и благодарности общества за деятельность в пользу города. Фельдшер Ионов всегда отличался особенным рвением к службе, своим профессионализмом заслужил уважение у пациентов. Он на протяжении многих лет без всякого вознаграждения лечил больных арестантов в Тотемском тюремном замке.

Новый этап развития на поприще земской медицины в Тотемском уезде наступает 30 сентября 1874 года, когда к исполнению обязанностей земского врача приступил Николай Иванович Вишняков, получивший диплом «в степени лекаря с отличием» медицинского факультета Московского университета. Новый земский врач был человеком целеустремлённым, грамотным и настойчивым. Доктор Вишняков достаточно быстро завоевал уважение и любовь у местного населения. Горожане стали меньше бояться больницы и с определённым доверием относиться к официальной медицине. Слух о грамотном враче стремительно распространился по уезду, и в городскую больницу за медицинской помощью стали всё чаще обращаться больные из уезда.

Н. И. Вишняков в своей каждодневной работе стремился к «оздоровлению местности». Он рассылал листовки по деревням, распространял их среди местной власти, утверждая, что избежать многих эпидемий можно только сформировав гигиенические навыки, улучшив санитарные условия жизни населения и содержания в должном порядке того, что сделано ранее. Земский врач Н. И. Вишняков старался опираться на общероссийские принципы

развития земской медицины, от «разъездной системы» к «опорным пунктам». Поначалу врачам, действительно, приходилось объезжать огромные территории, принимая пациентов на дому. Создание же нескольких врачебных участков в радиусе одного уезда, в центре каждого из которых должна была работать больница с родильным отделением, заразным бараком и амбулаторией, способствовало своевременному и действенному медицинскому обслуживанию населения. Доктор Н. И. Вишняков понимал, что врач, работающий в сельской местности, может заниматься не только лечебной, но и профилактической работой с населением. Постоянное присутствие медицинского работника среди деревенских жителей способствовало распространению культуры здоровья населения, позволяло проводить противоэпидемические прививки, а также заниматься статистической оценкой рождаемости, смертности, заболеваемости, т. е. вести учёт состояния здоровья сельского населения.

В 1876 году по проекту земского врача Н. И. Вишнякова предполагалось устройство четырёх больниц при волостных правлениях: Шевденицкую, Никольскую, Миньковскую, Шуйскую. Но Управа нашла возможность в тот год открыть только Шуйскую лечебницу, которая разместилась в доме крестьянина Ивана Глазырина, за 100 рублей в месяц. В 1877 году открывается Шевденицкая лечебница.

Строительство новой больницы начинается в марте 1876 года, когда в Городскую Управу Тотьмы приехал крестьянин Вологодского уезда Александр Лимин, заявив, что он имеет опыт каменных работ и согласен взять на себя постройку больницы в Тотьме. Он изучил смету, план постройки и представил Управе смету с некоторыми изменениями. Крестьянин Лимин отметил, что в смете нет расходов на приобретение и устройство строительных лесов, что необходимо увеличить толщину стен первого этажа на ½ кирпича и пр. Замечания подрядчика были приняты к сведению и заключён с ним контракт.

С разрешения заказчика Лимин расширил рвы для фундамента больницы, так как увеличил толщину цоколя с 3½ кирпича до 4 кирпичей. Из-за низменности места, вновь отступив от смет, возвысил фундамент выше уровня земли на 6 вершков, а цоколь для предохранения здания от сырости покрыл в два ряда скалой (берестой). Расход железа на железную стяжку увеличил с 45 пудов до 121 пуда. Лимин расширил площадь отхожих мест и увеличил крыльцо на 1 сажень 2 вершка в длину и в ширину – на 14 вершков.

При увеличении работ булыжного камня оказалось недостаточно, поэтому данный материал был позаимствован у Председателя Управы В. Т. Попова, заготовленный им для своего дома (с договоренностью возвратить ему камень к осени текущего года). Не хватило и извести 960 пудов (260 пудов по 10 копеек за пуд закупили у Городского Головы А. М. Киренкова, а 700 пудов заняли в Богословской церкви). Все подрядные работы крестьянин Александр Лимин закончил раньше срока, указанного в контракте, и сдал объект 23 августа 1876 года.

Последующие строительные работы на здании больницы выполняли другие мастера. В частности, закладные рамы для дверей и окон изготовил из сухого качественного материала столярный мастер Копытов. Он же к весне 1877 года обязался вставить оконные выкрашенные переплёты и застеклить рамы. 204 пуда листового железа для крыши было приобретено в Ярославле тотемским купцом Мишуринским и обошлось Городской Управе с доставкой в Тотьму по 3,78 рубля за пуд. Известно, что кровельные работы производил крестьянин Маймистов за 325 рублей. К 1 октября 1876 года на постройку больницы было израсходовано 9892 рубля 14½ копеек.

Несмотря на большую занятость на основной работе, земский врач Вишняков с большой заботой и вниманием относился к постройке новой больницы, что Управа неоднократно отмечала. Об этом красноречиво говорят его претензии и пожелания, составленные в адрес Земского Собрания: «...устройство отхожих мест должно осуществляться не по выгребной ямной системе, а по ватерклозетной вывозной системе... » или «...имеется необходимость в постройке второго флигеля и часовни, так как умерших мы не можем оставлять в больнице и вывозить на улицу тоже...». Новое здание больницы было рассчитано на 45–50 человек.

Летом 1877 года нижний этаж больницы был полностью приспособлен под палаты. К этому времени и возле больницы закончилось строительство деревянного на каменном фундаменте флигеля, бани и прачечной. Постепенно подходили к концу и строительные работы по монтажу кирпичных лестничных пролётов, закреплённых портландской цементной стяжкой. Баню, прачечную и ванну оборудовали большими чугунными котлами.

Новоселье планировалось на осень 1878 года, но помешали туалеты, вернее их отсутствие. Дело в том, что в Тотьме не нашлось мастера, который бы смог установить ватерклозет. Поэтому только весной 1879 года из Москвы от «производителя Сан-Галли»

в Тотьму был командирован водопроводчик, который установил ватерклозеты, а также по просьбе Управы провёл водопровод к умывальникам и ваннам.

Летом 1879 года земская больница готовилась принять первых пациентов: красились полы, косяки, окна, двери, оборудовались погреба для кухни и для аптечных припасов, по периметру больницы монтировались решётки и ограждения. По ходатайству земского врача Н.М. Вишнякова вместе с усыпальницей было оборудовано помещение для анатомирования тел умерших больных.

Тотемская земская больница начала свою работу 6 октября 1879 года, после того, как все пациенты из старого корпуса были переведены в новое здание. Всего на постройку нового больничного комплекса с 1872 года по 1879 год было израсходовано 25500 рублей.

С первых дней зарождения земской медицины в Тотемском уезде бесперебойную поставку медикаментов осуществляла вольная (частная) аптека Деллерта. Земское Собрание неоднократно выражало признательность и уважение содержателю аптеки за «исправный отпуск медикаментов для Земства и значительное понижение цен на лекарства»[289]. Действительно, больница получала необходимые лекарства из этой аптеки с 20% скидкой. В 70-е годы XIX века земская больница выписывала до четырёхсот рецептов в месяц.

С каждым годом количество людей, желающих лечиться в больнице, увеличивалось на 20%. Хотя стоит сказать, что процент смертности в уезде медицинскому персоналу снизить не удавалось. К летальным исходам приводили запущенные формы сыпного тифа, лёгочной чахотки, натуральной оспы, острой анемии и др. Большой процент смертности добавляли низшие воинские чины, которые шли истощенные от Вологды до Тотьмы пешком 200 верст, часто снимали больных тифом с пароходов, которые по большой воде стремились в Соловецкий монастырь. В 1871 году распространившаяся по уезду холера унесла немало человеческих жизней, особенно пострадали жители Пятовской волости. В 1880 году среди населения вспыхнула дизентерия, затем Н. И. Вишняков стал искать причины появления сибирской язвы в уезде. На протяжении нескольких лет не утихала эпидемия сифилиса в Никольской и Трофимовской волостях.

---

[289] Тотемское уездное земское собрание. Журналы Тотемского очередного уездного земского собрания созыва 1875 года.– Вологда: тип-я В. А. Гудкова-Белякова, 1876. С. 83.

10 октября 1880 года Земское Собрание приняло решение о строительстве в Тотьме особого здания при больнице для излечения больных сифилисом. С целью выявления причин распространения сифилиса Городская Управа наняла студента V курса Казанского университета Ивана Бурцева, находившегося на каникулах на своей малой родине. Он объехал 71 деревню в обозначенных волостях, и лишь в двух деревнях не было больных сифилисом. В двухнедельный срок ему удалось осмотреть 8900 человек, у 14% оказался сифилис, 800 из которых требовали немедленной госпитализации. И с этой пандемией медицинский персонал Тотемского уезда справился успешно!

С развитием клинической медицины земский врач Вишняков при содействии фельдшеров Ионова и Арановича всё чаще и успешнее проводил большие и малые операции: заворот века и двойной ряд ресниц, эпителиальный рак, рубленая рана предплечья, водянка яичка, обморожение пальцев обеих рук, костоеда коленного сустава, брюшная водянка и др.

Постепенно к профессиональной медицинской помощи стало привыкать и сельское население. В 1880 году годовые статистические данные выглядели следующим образом: Пятовский фельдшерский пункт – (фельдшер Аранович) – 416 чел., Чучковский фельдшерский пункт (фельдшер Илуц) – 1218 чел., Погореловский фельдшерский пункт (фельдшер Михайлов) – 364 чел., Никольский фельдшерский пункт – (фельдшер Иванов) – 1933 чел., Мосеевский фельдшерский пункт – (фельдшер Васильев) – 684 чел., Куракинский фельдшерский пункт – (фельдшер Новосёлов) – 119 чел., Миньковский фельдшерский пункт – (фельдшер Зотиков) – 727 чел., Бережнослободский фельдшерский пункт (фельдшер Клепиков) – 351 чел., Шевденицкий фельдшерский пункт (фельдшер Фреллель) – 1219 чел., Спасский фельдшерский пункт (фельдшер Кичигин) – 698 чел.

Николай Иванович Вишняков на протяжении 9 лет с должным вниманием и заботой относился к медицинскому делу в Тотемском уезде. Своим трудолюбием и усердием он приносил огромную пользу местному населению, но, к сожалению, о себе, как это часто бывает, доктор позаботиться не смог. 25 июня 1883 года после непродолжительной болезни земский врач Н. И. Вишняков скончался. Земство оказало должную помощь вдове Екатерине Петровне в погребении и назначило пособие. Уездный врач Иван Арсеньевич Бурцев вернулся в Тотьму 16 октября 1882 года, а после смерти земского врача был назначен на эту должность.

С 1885 года по постановлению Земства в больнице было установлено 60 штатных кроватей: в главном каменном здании больницы для терапевтических больных 35 кроватей, в деревянном доме при больнице для сифилитических больных – 20 кроватей, в деревянном флигеле «для всяких больных арестантов» – 5 кроватей. Основной штат городской больницы состоял из одного врача и четырёх фельдшеров. Не прекращались строительные и ремонтные работы внутри больничных помещений и на прилегающей территории (тротуарные дорожки по периметру больницы, ремонт балясника и др.).

С открытием в 1888 году в селе Никольском Никольской больницы на 30 кроватей условия попадания больных на лечение с ближайших населённых пунктов улучшились. Никольская больница обслуживала жителей Никольской, Погореловской, Большедворской, Биряковской, Кожуховской, Трофимовской, Великовской волостей. Попечителем Никольской больницы сроком на три года стал священник Тотемской Николаевской церкви Викентий Белков.

Настоящим прорывом в земской медицине явились принципы всесословности и общедоступности. С каждым годом плата, взимаемая за консультации и лечение больных, уменьшалась. Постепенно, по мере укрепления финансовых возможностей Земства, оплату за услуги для различных категорий больных отменили. Делалось всё это не только из благих побуждений, но и для увеличения посещаемости медицинских учреждений населением.

В 90-е годы XIX века заведующим Тотемской городской больницей был врач Василий Михайлович Старостин. Из его статистического отчёта за 1986 год следует, что больницей пользовались 7669 человек, из них 1088 лежали в стационаре, 6581 лечились амбулаторно, медицинское учреждение за год посетило 14592 человека. Врачом было проведено 45 операций. В Никольской и Шуйской земских больницах пациенты чаще всего обращались за терапевтической помощью.

В конце XIX века медицинские работники Тотемского уезда стали проводить санитарно-медицинские осмотры детей в образовательных учреждениях (земские училища, церковно-приходские школы, школы грамоты и др.). Это была новая, но достаточно эффективная практика выявления и лечения болезней у детского населения. У детей чаще всего медицинские работники диагностировали чесотку, кашель, лишай, острый конъюнктивит и др.

Осенью 1898 года на открывшуюся вакансию тотемского земского врача принял приглашение врач из Угличского уезда

Ярославской губернии Аркадий Владимирович Владимиров с содержанием 1800 рублей в год.

На начало 1900 года на территории Тотемского уезда функционировало 4 врачебных участка, которыми заведовали врачи и 12 фельдшерских пунктов. Надо понимать, что уезд по-прежнему нуждался в квалифицированной врачебной помощи, а практикующие врачи для нормального осуществления врачебной деятельности нуждались в пополнении «копилки» своих знаний, т. е. в профессиональной переподготовке. Поэтому на очередном заседании Земства принимается решение «...командировать сроком на три месяца всех врачей уезда по очереди в «центры» с академическими и университетскими лечебницами для усовершенствования дела в лечении глазных болезней...».

Почему именно глазных болезней? Скорее всего, причиной для принятия такого решения послужил приезд в Тотьму в 1895 году «окулистического» отряда «Попечительства Императрицы Марии Александровны о слепых». Это было одно из благотворительных учреждений Российской Империи для социальной защиты слепых. Профессиональная медицинская помощь в области офтальмологии являлась востребованной, так как земские врачи отмечали, что глазные болезни встречались часто среди местного населения. Второй раз «окулистический» отряд прибыл в Тотьму спустя 13 лет. За два с половиной месяца специалистам удалось оказать медицинскую помощь 2131 больному в уезде.

Одной из приоритетных задач органа местного самоуправления являлась «забота о местных пользах и нуждах населения». На одном из губернских врачебных съездов обсуждался вопрос об организации в летнее время яслей-приютов, так как детская смертность продолжала оставаться высокой, особенно в летние месяцы. В первую очередь, это было обусловлено тем, что на тёплый период приходился разгар полевых работ, а значит и отсутствие или недостаток присмотра за детьми и резкое ухудшение условий их обычного питания. На территории Тотемского уезда первые ясли были открыты в 1895 году при Тотемском солеваренном заводе Анастасией Павловной Раковой. В 1903 году в Тотемском крае приюты открываются в Калининской и Мосеевской волостях. Заведование приютами Управа поручила врачам П. Д. Соколову и А. В. Владимирову.

28–30 ноября 1905 года в помещении Земской управы состоялся первый съезд земских фельдшеров Тотемского уезда. На съезд прибыли 21 медицинский земский фельдшер и 4 ветеринарных

фельдшера. В первые минуты работы съезда путём голосования был избран председатель съезда, ветеринарный врач Михаил Петрович Гуляев. Съезд высказался об улучшении библиотеки, пополнении её специальными и общеобразовательными книгами и журналами, за желательность командировок в клиники всех фельдшеров без исключения, а если это окажется невозможным, то за устройство Губернским Земством повторительных курсов в Вологде с приглашением лекторов-специалистов из университетов. Продолжительность курсов должна быть не менее 3–4 месяцев. Участники мероприятия пожелали также, чтобы на каждый фельдшерский пункт выписывалась периодическая печать, в частности газета «Фельдшер» с медицинским журналом, а для акушерок – журнал «Акушерка». На съезде обсуждались и вопросы, касающиеся бытовой и служебной жизни фельдшеров (отпуска, увеличение жалования, бесплатный проезд, режим работы, выходные дни, выдача ссуд, страхование жизни и другие вопросы).

Со временем у Земства появилась возможность открыть в городе Тотьма земскую аптеку. Известно, что одними из первых провизоров городской аптеки были Михаил Степанович Пономарёв и Иван Егорович Соболев. Все медицинские участки уезда снабжались необходимыми лекарствами, которые развозились на лошадях. Заказы из медицинских участков исполнялись в двухнедельный срок. Аптекой готовились все галленовые препараты. Учреждение обслуживало городскую больницу и амбулаторию. В 1905 году по вольной продаже было отпущено 228 лекарств, для коечных больных – 6437, для амбулаторных больных – 27028 рецептов.

В 1905 году на службу в Тотемскую городскую больницу приходит новый врач Пётр Михайлович Кулепетов. Вся дальнейшая дореволюционная история больницы была связана с именем земского доктора Кулепетова.

К этому времени Тотемский уезд с точки зрения осуществления медицинской помощи населению был разделён на пять врачебных участков, с выделением Тотьмы в отдельную организационную единицу и восемнадцать фельдшерских пунктов. Каждым врачебным участком заведовал врач, который постоянно проживал на данной территории. Все врачебные участки в своём штате имели фельдшера-оспопрививателя, который в свободное время помогал фельдшеру в больнице.

Из приведённой таблицы видно, что в 1905 году численность населения в Тотемском уезде составляла 163971 человек и какая нагрузка приходилась на каждого врача во вверенном ему участке.

Участок	Больница	Волости	Количество человек
1	Никольская (на 30 кроватей)	Никольская, Трофимовская, Погореловская, Большедворская	23570
2	Шевденицкая (на 30 кроватей)	Шевденицкая, Спасская, Заборская, Маркушевское общество Бережнослободской волости	39931
3	Леденгская лечебница (на 12 кроватей)	Леденгская, Миньковская, Харинская, Юркинская, Фетининская, Бережнослободская (безМаркушевского общества)	31014
4	Шуйская (на 15 кроватей)	Шуйская, Чучковская, Кожуховская Биряковская	36010
5	Тотемская (на 60 кроватей)	Пятовская, Калининская, Усть-Печенгская, Мосеевская, Вожбальская, Куракинская	33446 (включая проживающих в г. Тотьма)

Постепенно профессиональная медицинская помощь в Тотемском уезде становится важной составляющей жизни горожан и жителей сельской местности. Более того, многие крестьяне сами настаивали на присутствии медицинского персонала на их территориях. Так, крестьяне Кожуховской волости 3 января 1906 года в Управу направляют копию приговора волостного схода, которым ходатайствуют об учреждении в их волости медицинского фельдшерского пункта. «...волость наша находится в далёком расстоянии от соседних волостей и фельдшерских пунктов, ... за медицинской помощью приходится обращаться в соседние фельдшерские пункты, ...Шуйская – в 45 верстах, Чучковская – в 37 верстах, Погореловская – в 53 верстах, Биряковская – в 23 верстах. Сообщение сопряжено большими неудобствами во время весны и осени... мы платим наравне с прочими волостями земские сборы, а никакой медицинской помощи от земства не получаем»[290].

С каждым годом увеличивалось финансирование медицинских учреждений Тотемского уезда: 1904 год – 62751,33 рубль, 1905 год – 65685,57 рублей, 1906 год – 69296, 18 рублей. Не переставали

[290] Журнал тотемского уездного земского собрания 3-го созыва. С. 117.

помогать больницам и попечители. Один из первых попечителей тотемской больницы был купец II гильдии Василий Афанасьевич Шилов, который более 12 лет «...с полным усердием и опытностью...» помогал здравнице, за что и удостоился серебряной медалью для ношения на шее на Станиславской ленте. С 1902 по 1905 год в должности попечителя Тотемской земской больницы был Петр Иванович Мишуринский, с 1906 года избрается на три года попечителем Почётный Гражданин города Тотьма Николай Ильич Токарев.

В 1910 году в Тотемской земской больнице начинает свою врачебную практику первый зубной доктор Любовь Ивановна Панова. Доктор сама обратилась в Земское Собрание с просьбой о назначении её зубным врачом при Тотемской городской земской больнице, мотивируя своё ходатайство тем, что местное крестьянское население очень часто обращается к ней за помощью, иногда требуя её даже бесплатно.

В 1909 году началось строительство заразного барака при городской больнице. В скором времени принимается решение о строительстве мужского терапевтического барака на 18 коек, женского терапевтического барака с родильным отделением и хирургического барака для оперативных больных с двумя равными по площади палатами – мужской и женской, каждая на 4 койки. Согласно планам, чертежам и сметам каждый барак должен иметь ванные помещения, снабжение горячей водой, ретирадные помещения, приспособленные для вывоза нечистот, вход в бараки с двумя дверями, комнату для врача, библиотеку и пр. В 1915 году планировалось закончить все необходимые работы на больничном комплексе (обустроить операционную в хирургическом бараке, устроить новые конюшни с жилыми помещениями для конюхов и пр.). К сожалению, начавшаяся Первая мировая война внесла свои коррективы в жизнь провинциальной Тотьмы. Ассигнований в ремонт и строительство больничных зданий каждый год было недостаточно. Многие работы на социально значимых объектах здравоохранения были приостановлены в связи с тяжёлым, вызванным войной, временем. Дальнейшая судьба последнего тотемского земского врача Петра Михайловича Кулепетова неизвестна.

Комягина Алена Николаевна,
студент бакалавриата РУДН,
г. Москва – г. Тотьма, Вологодская область

ТОТЬМА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА ГЛАЗАМИ ПУТЕШЕСТВУЮЩИХ ПО СУХОНЕ

«Эй-вы, господа-сони! Вставайте-ка, к Тотьме подъезжаем!»[291]

Реновация набережной Сухоны проходит под лозунгом «в Тотьме каждый путешественник», ведь именно река на протяжении веков встречала и провожала то здешних мореходов, то торговых гостей, то набожных странников, а то и просто людей любознательных. Пока новоиспеченная набережная скрыта под толщей снега, обратимся к впечатлениям путешественников, проплывавших Тотьму в былые времена.

Иностранные записки, получившие распространение в период со второй половины XVI в. по начало XVIII в., отличаются практическим назначением: оно и ясно, что торговля преследовала свои цели. Так, Э. Дженкинсон в августе 1557 г. упоминает Тотьму, как место, где Сухона мелка и дно каменисто, что опасно для прохода судов и лодок, даже деревянных плоскодонных.[292] В реляции английского посольства 1663 г. описывается, как ночью их судно встретил тотемский воевода, вопреки тому, что посиделки с иностранными дипломатами не допускались.[293] Также не приветствовалось посещение иностранцами православных храмов.

В XVIII–XIX вв. складывается культура путешествий, а вместе с ней и соответствующий жанр литературы. Одним из примеров нового жанра служит дневник П. И. Челищева, посетившего Тотьму в октябре 1791 г. и подробно описавшего городскую застройку. П. И. Савваитов в «Дорожных заметках» от 19 июля 1841 г. пишет, что издали Тотьма довольно красива и обширна. Его взору прежде всего открываются *«собор, построенный в каком-то полуевропейском*

---

[291] Зырянин И. С. Тотьма: путевые замечания в трех письмах // Лучи. 1853. № 3. С. 162. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/orthodox/totma/index.htm (дата обращения: 09.01.2021).

[292] Дженкинсон Э. Путешествие из Лондона в Москву. URL: https://www.kolamap.ru/library/1558_jankinson.htm (дата обращения: 09.01.2021).

[293] Miege G. La relation de trois ambassades de monseigneur le comte de Carlisle.– Paris, 1857. P. 36. URL: https://archive.org/details/larelationdetroi00mieg/page/36/mode/2up (дата обращения: 09.01.2021).

и полуазиатском вкусе, и обгоревшая колокольня, похожая на минарет».[294] Вероятно, речь идет о соборном храме Богоявления, который перестраивался на протяжении всего XIX века. Вблизи П. И. Савваитов отмечает ветхие лачужки и два-три красивых домика. Спустя несколько лет, в 1853 г., путешественник И. С. Зырянин описывает, как над городом белеют восемь храмов-великанов, а колокольный звон разносится далеко по воде. Путешественник отмечает, что нужно употребить большое усилие и подняться в песчаную гору, чтобы оказаться в городе. *«По правую руку, в стороне за ручьем, стоят Присутственные места – большой каменный двухэтажный с двумя флигелями дом, выкрашенный желтой краской. По левую сторону церкви два каменных дома; на отдельной горе – собор о пяти главах».*[295]

В июне 1886 г. ворвался в тотемскую повседневность великий князь Владимир Александрович, третий сын императора Александра II. Его визит и *«великий переполох»* зафиксировал К. К. Случевский в книге «По Северу России». Сообщается, что в тот день Тотьма была украшена флагами и гирляндами, люди толпились подле пристани, между Богоявленским Собором и Успенской церковью. К приезду Великого князя на набережной была сооружена деревянная арка *(«Красные ворота»)*, увенчанная небольшим тонким шпилем.

В конце XIX – начале XX вв. увеличилось количество экскурсионных путешествий на Север России, где в это время активно развивалось пароходство, функционировала железная дорога, выпускались путеводители, благодаря которым можно было пуститься в дорогу без особых забот.[296] Интерес к северным древностям проявили не только русские, но и иностранные туристы. Прибыв на место, желающие могли обзавестись путеводителем по городу, например, в Тотьме предлагалось за 50 копеек купить исторический очерк В. Т. Попова.[297] В развитии экскурсионного дела было заинтересовано Вологодское общество изучения Северного края.

---

[294] Савваитов П. И. Дорожные заметки от Вологды до Устюга // Москвитянин. 1842. Ч. 6. № 12. С. 315. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/orthodox/dorzamet/text.pdf (дата обращения: 09.01.2021).

[295] Зырянин И. С. Тотьма: путевые замечания в трех письмах. С. 165.

[296] Лейкин Н. А. По Северу дикому.– СПб., 1899. С. 63. URL: https://library6.com/books/855155.pdf (дата обращения: 09.01.2021).

[297] Золотницкий И. П. Наш Север: путеводитель.– СПб., 1896. С. 247. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/sever/index.htm (дата обращения: 09.01.2021).

В мае – июне, когда Сухона была полноводна, пароходы ходили регулярно, что позволяло спланировать путешествие, в остальные месяцы действовало специальное расписание. Тем не менее, неудобства возникали – в пути пароходы сбивались с расписания. Виной тому служили столкновения с мелью или бревнами, а порой – непредсказуемая работа пассажиров 4 класса, которые во время остановок таскали на пароход дрова, чтобы отработать билеты. Из путевых сочинений следует, что за первое десятилетие XX в. удалось наладить как пунктуальность пароходства, так и условия быта путешествующих.

По мере приближения к Тотьме, следуя по течению реки, путешественники отмечали, как росли берега Сухоны, а местность становилась всё живописнее. Тем не менее, путь был долгим, что не могло не утомить. Тотемский крестьянин А. А. Замараев ёмко выразил идею многих путешествующих: *«925 вёрст на пароходе, надоело»*[298]. Среди густых лесов иногда виднелись костры, на реке можно было увидеть огни бакенов или тлеющих углей, с помощью которых на плотах пытались отгонять комаров.

Благодаря белым ночам знакомство с Тотьмой всегда происходило при свете. В 1899 г. незадолго до восхода солнца в Тотьму прибыл петербуржец Н. А. Лейкин. *«Первое, что бросилось нам в глаза,– пишет путешественник,– несколько шалашей, расположенных под береговым обрывом, почти у воды. В них торговали хлебом, баранками, мылом, селедками, чаем и сахаром. Были и такие предметы, как карамель, чернослив и шоколад в плитках, а в одном из шалашиков стояли на полке даже книги. За прилавками стояли больше бабы, но книгами торговал мужчина».*[299] В город от лавок вели две деревянные лестницы. Те же лавки или балаганы оставались на пригорке и летом 1907 года, А. Фирсов рассказывает, что там продавались недурные дорожные корзины и сомнительные стеклянные коробочки – работы арестантов местной тюрьмы.[300]

К 1899 г. кроме приветливых храмов на берегу Сухоны появилось кирпичное здание Петровской ремесленной школы. Оно вызывало у путешествующих неоднозначные оценки. Пока одни находили здание статным и красивым, несогласный с этим А. Фирсов писал: *«Дом этот так велик по сравнению со всеми остальными*

---

[298] Тотьма: Краеведческий альманах. Вып. 2.– Вологда, 1997. С. 283.

[299] Лейкин Н. А. По Северу дикому. С. 62.

[300] Фирсов А. По рекам Вологде, Сухоне и Северной Двине // Исторический вестник. 1907, т. 110, октябрь – декабрь.– С. 629–652. Ч. IX. URL: https://www.booksite.ru/reise/firsov/index.htm (дата обращения: 09.01.2021).

постройками Тотьмы, что кажется, будто это стоит громадный ящик, из которого повынуты и кое-как расставлены все эти остальные игрушечные домики».[301]

Пароходы, носившие имена «Луза», «Зосима», «Савватий», «Учредитель», «Великая княгиня Елизавета Фёдоровна», останавливались в Тотьме на час или два. За это время путешественникам, которые не планировали ночевать в Тотьме, удавалось кое-что посмотреть. Один из речных туристов писал, что за час экскурсант успеет обойти тотемские достопримечательности. Утверждение спорное, ведь в 1980-е гг. экскурсии неутомимого С. М. Зайцева длились по четыре часа! Вдохновленные городом путники останавливались в Тотьме до следующего парохода или, оглядываясь на церкви, обещали вернуться.

Во время остановки путешественники вели себя по-разному. Бывало, что на пароходе рядовые пассажиры знакомились с увлеченными ценителями церковной старины и вместе шли в город на осмотр достопримечательностей. Некоторые путешественники гуляли вдоль берега по мощеному камнем бульвару, где «периодически устраивались лотерейные розыгрыши, звучала музыка оркестра».[302] Другие предпочитали сидеть «в небольшом павильоне над рекой, откуда открывался красивый вид на противоположный Сухонский берег».[303] Священники и богомольцы нанимали извозчика, поджидавшего на берегу, и на допотопных дрожках ехали в Спасо-Суморин монастырь, чтобы поклониться мощам преподобного Феодосия Тотемского. По подсчетам одного туриста, путь занимал около получаса. Времени на посещение монастыря едва хватало, путешественникам случалось возвращаться к третьему свистку, когда на пароходе уже убирали трапы. Как путеводитель «Наш север», так и очевидцы сообщают, что тотемские извозчики за свои услуги брали недорого. Например, А. Фирсову в 1907 г. поездка туда-обратно обошлась в 80 копеек. Особой прытью отличались путешествующие фотографы, которые в погоне за удачным кадром успевали переправиться на другой берег реки или забраться на одну из городских колоколен.

---

[301] Фирсов А. По рекам Вологде, Сухоне и Северной Двине // Исторический вестник. 1907, т. 110, октябрь – декабрь.– С. 629–652. Ч. IX. URL: https://www.booksite.ru/reise/firsov/index.htm (дата обращения: 09.01.2021).

[302] Осколки времени: Тотьма на фотографиях рубежа XIX–XX веков: краеведческий альбом/отв.ред. и сост. А. М. Новосёлов. – Вологда, 2017. С. 25.

[303] Зубов Ю. М. Поездка по Вологодской губернии: Путевые впечатления Ю. М. Зубова.– Вологда, 1911. С. 4. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/zubov/zubov.pdf (дата обращения: 09.01.2021).

Обратимся к путеводителю Д. А. Григорова «Тотьма и её окрестности», составлявшемуся в 1915–1929 гг. Автор описывает встречу с Тотьмой следующим образом: «*Перед вами панорама всего города с его церквами и деревянными домиками, утопающими в зелени. На первом плане вы видите церковь на горе, отделенной от города рвом, затем бульвар, опять церковь, возле нее другой ров или ручей, за ним белые стены как бы крепости, далее второй бульвар... Против конца второго бульвара пароход делает полукруг и медленно пристает к городской пристани*».[304] Сегодня представить эту чудесную картину позволяет краеведческий альбом «Осколки времени».

Таким образом, для людей, путешествующих по Сухоне, знакомство с Тотьмой начиналось ещё на палубе, когда живописный город становился своеобразным культурным оазисом после долгого и однообразного пути. Сегодня Сухона перестала быть главной транспортной артерией города, а скорость передвижения несравненно выросла. Однако Тотьма, как и прежде, становится приятным сюрпризом, минуть который любопытному автомобилисту трудно.

Гладких Сергей Александрович,
кандидат исторических наук, учёный секретарь
Котласского краеведческого музея,
г. Котлас, Архангельская область

ТОТЬМИЧИ В БОЯХ НА СОПКАХ МАНЬЧЖУРИИ (1904–1905 гг.)

Представленное вниманию читателя исследование является логическим продолжением опубликованной в 2019 г. статьи автора о тотьмичах – участниках морских сражений русско-японской войны 1904–1905 гг.[305] При этом термин «тотьмичи» по-прежнему

---

[304] Григоров Д. А. Тотьма и ее окрестности // Тотьма. Краеведческий альманах. Вып. 1.– Вологда: Русь, 1995. // Вологодская областная научная библиотека им. И. В. Бабушкина. [сайт]. Режим доступа: https://www.booksite.ru/fullt ext/1to/tma/alm/ana/8.htm (дата обращения: 09.01.2021).

[305] Гладких С. А. Тотемские моряки – участники русско-японской войны 1904–1905 гг. // Русский Север - 2019: Проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия. Сборник работ III Всероссийской научной конференции с международным участием.– Вологда: Полиграф-Периодика, 2019. С. 96–105.

используется в широком смысле, для обозначения жителей всего Тотемского уезда начала XX века.

Выявление имён тотьмичей, сражавшихся на сухопутном фронте, является задачей ещё более сложной, нежели поиск земляков-моряков, в силу большего объёма и худшего качества сохранившейся документации. Поэтому в дальнейшем описании могут встречаться неточности в фамилиях героев, и нередко будет применяться формулировка «предположительно».

Ход войны на суше имел меньшее значение для исхода противостояния, чем борьба на море, но отличался большей масштабностью за счёт вовлечения крупных войсковых масс. Боевые действия велись в основном на территории северо-восточного Китая – в Маньчжурии. При этом русская армия почти не оказала сопротивления высадке японских десантов, потерпела ряд частных поражений от наступавших японцев, не смогла выручить отрезанный Порт-Артур и проиграла генеральные сражения под Ляояном, Шахэ и Мукденом. Попытки перехода в наступление, предпринятые под Вафангоу, Шахэ и Сандепу, также окончились неудачей. В ходе войны дважды складывался позиционный фронт, когда армии месяцами стояли друг против друга на Шахэйских и Сыпингайских укреплённых позициях. В отличие от боёв на море, русские войска терпели поражения, имея численное и техническое превосходство над врагом, что ясно указывает на просчёты командования. Бесконечные неудачи на суше наряду с разгромом на море закономерно привели Россию к поражению.

К настоящему моменту времени выявлено 150 тотьмичей – участников боёв на сопках Маньчжурии. Это относительно небольшое число объясняется не только информационными лакунами, но и тем, что мобилизация в Тотемском уезде была объявлена в конце войны, 15 июня 1905 г.[306], поэтому запасные военнослужащие на фронт попасть не успели. Призванные в 1904 г. новобранцы прибывали на театр военных действий лишь в последние месяцы войны, и в боях тоже не участвовали. В итоге сойтись с врагом на поле боя довелось только призывникам последних предвоенных лет, проходившим срочную службу. Подтверждается это и данными о семейном положении тотьмичей: среди них лишь девять были женаты, 114 значатся холостыми, на остальных сведений нет.

---

[306] Обзор Вологодской губернии за 1905 год.– Вологда: Тип-а губернского правления, 1906. С. 24. Здесь и далее в тексте все даты даны по Юлианскому календарю (старому стилю).

При этом сохраняется возможность дальнейшего выявления участников войны. Например, в 1904 г. на действительную воинскую службу с территории Тотемского уезда было призвано 488 человек[307], и некоторые из них могли участвовать в вооружённых стычках с японцами во время завершавшего войну «Сыпингайского сидения». Составленный в 1909 г. уездной землеустроительной комиссией список проживавших на территории уезда ветеранов войны содержит 807 фамилий[308]. В основном здесь перечислены мобилизованные в 1905 г., но есть имена и реальных участников боевых действий. В дальнейшей исследовательской перспективе все эти сведения подлежат проверке по данным Российского государственного военно-исторического архива.

К сожалению, пока невозможно дать точную «развёрстку» тотьмичей по волостям, так как в информации о месте рождения и проживания участников русско-японской войны сохраняется много пробелов. По имеющимся сведениям, в этом плане ожидаемо «лидируют» наиболее крупные и населённые волости: Спасская, Шуйская и Шевденицкая. Всего же участники боёв на сопках Маньчжурии выявлены на территории 22-х тотемских волостей.

Числились тотьмичи в составе одного кавалерийского, трёх пехотных и одиннадцати стрелковых полков, двух артиллерийских бригад и сапёрного батальона. Точное место службы четверых человек пока не установлено. Более всего местных уроженцев отмечено в четырёх полках, составлявших 5-ю стрелковую дивизию – 106, из них максимум (29) – в 18-м стрелковом полку. Данному обстоятельству не приходится удивляться, так как эти полки в значительной мере комплектовались призывниками из Вологодской губернии. В других воинских частях фиксируется от одного до шести тотьмичей.

Подавляющее большинство тотьмичей были самыми обычными солдатами. Девять из них имели воинское звание рядового, 94 – звание стрелка (аналог рядового в стрелковых частях), 2 – звание канонира (аналог рядового в артиллерии). На звание выше поднялись 18 ефрейторов (в том числе единственный тотьмич-сапёр – Александр Невзоров из деревни Боярское Чучковской волости[309]) и 1 приказный (аналог ефрейтора у казаков). Низшие

---

[307] Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 726. Оп. 3. Д. 387. Л. 263.

[308] Гладких С. А. Об одном историческом источнике по участию жителей Вологодской губернии в русско-японской войне // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки, Вологда. 2019.– № 1. С. 16.

[309] ГАВО. Ф. 732. Оп. 1. Д. 56. Л. 64.

командные должности заняли 10 младших и 6 старших унтер-офицеров (по-современному – сержантский состав). А выше всех в строевой иерархии так называемых «нижних чинов» оказался Егор Клестов. Начав войну в звании младшего унтер-офицера, он закончил её фельдфебелем (старшиной) 1-й роты 36-го Восточно-Сибирского стрелкового полка[310].

Относительно невысокий процент унтер-офицеров и малое число служивших в инженерных и артиллерийских частях (суммарно три человека) указывают в первую очередь на недостаточный уровень образования выходцев с территории Тотемского уезда. При сопоставлении с данными о тотьмичах-моряках можно также предположить, что наиболее грамотных призывников «поглощал» военно-морской флот.

Воинское звание восьми тотьмичей остаётся неизвестным. И, конечно же, особняком стоит фигура единственного тотемского офицера – Павла Константиновича Тишина. Сведения о нём впервые обнаружены Г. Н. Чебыкиной и, к сожалению, крайне скудны. Видимо, он не был коренным тотьмичом и лишь родился на территории уезда, где по службе находился его отец. П. К. Тишин появился на свет 26 октября 1864 г., окончил Казанское юнкерское училище, служил в пехотных частях. Вышел в отставку 4 мая 1909 г. в чине подполковника и затем проживал в Великом Устюге. Кроме русско-японской войны, участвовал в Китайском походе 1900–1901 гг., Первой мировой и Гражданской войнах[311]. Точное место его рождения, подробности прохождения службы, дату и место смерти установить пока не удалось.

Судя по номерам частей и сохранившимся документам, выходцы из Тотемского уезда принимали участие во всех генеральных сражениях войны на суше, а также в боях при Тюренчене, Вафангоу, Ташичао, Сандепу и других, менее значимых. Удивляет отсутствие участников обороны Порт-Артура: очевидно, данные о них пока не обнаружены. В трудном воинском ремесле местные уроженцы зарекомендовали себя вполне достойно, что убедительно подтверждается индивидуальными и коллективными награждениями.

Высшей боевой наградой нижних чинов являлся в то время Знак отличия Военного ордена (Георгиевский крест). За подвиги,

---

[310] Вологодские губернские ведомости (далее – ВГВ).– № 24. 1905.– № 24. С. 7; Знак отличия Военного ордена Святого Георгия: Списки пожалованным за русско-японскую войну 1904–1905 гг.– М.: [Б.и.], 2006. С. 205, 362.

[311] Великоустюгский центральный архив (ВУЦА). Ф. 579. Оп. 2. Д. 6. Л. 8–8 об.; Ф. Р-574. Оп. 2. Д. 69. Л. 18 об.– 19; Д. 204. Л. 155.

совершённые на поле боя, Георгиевскими кавалерами стали 32 тотьмича, из них пятеро (Егор Клестов, Александр Пешков, Василий Соколов, Михаил Типунин, Иван Федотовский) были удостоены двух степеней этой почётной награды, а упомянутый Иван Федотовский и ефрейтор 17-го стрелкового полка Александр Сараев ошибочно получили по два знака отличия IV степени[312]. В укор многим служившим в строевых частях, Георгиевского креста «за мужество и храбрость, оказанные им разновременно в боях против японцев», удостоился погибший под Мукденом стрелок нестроевой роты 18-го стрелкового полка Андрей Мурашев[313].

Скупые наградные формулировки редко позволяют прояснить обстоятельства совершённых тотьмичами боевых подвигов. Тем не менее существует возможность привести несколько достаточно ярких описаний. Например, стрелок 17-го стрелкового полка Павел Ившуков, предположительно уроженец деревни Село Калининской волости[314], «при штурме деревни Чжантань-Хенань 20 января 1905 г., под сильным оружейным и шрапнельным огнём, безостановочно выносил раненых, несмотря на то, что оружейным выстрелом был ранен». Ефрейтор 20-го стрелкового полка Иван Красильников из села Шуйского Шуйской волости «во время контр-атаки 14 февраля 1905 г. у деревни Безымянной первым бросился на противника, чем воодушевил и ободрил товарищей». Рядовой 216-го пехотного Инсарского полка Филипп Котов из деревни Антипинской Спасской волости удостоился Георгиевского креста «за мужество, храбрость и ободрение товарищей в бою 19 февраля 1905 г. при атаке деревни Линшинпу». Ефрейтор 3-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Иван Федотовский из деревни Терехово Харинской волости «в разведке 9 апреля 1905 г. вызывался зайти в тыл японской заставы и открыть по ней огонь, что и исполнил с полным успехом, сбив заставу»[315].

Уникальной личностью является уроженец деревни Башевской Спасской волости Александр Пешков (отчество не установлено) – единственный из известных к настоящему времени участников русско-японской войны с территории Вологодской губернии, служивший в казачьих частях. Он числился приказным 6-й сотни 1-го Читинского полка Забайкальского казачьего войска, отличился

---

[312] Знак отличия Военного ордена... С. 82, 118, 147, 151, 205, 262, 358, 362, 781, 950, 976, 1276, 1364.

[313] ВГВ. 1906. № 11. С. 9; Знак отличия Военного ордена... С. 626.

[314] ГАВО. Ф. 287. Оп. 1. Д. 71. Л. 126 об.

[315] Знак отличия Военного ордена... С. 118, 606, 1124, 1364.

в боях и разведках. По данным исследователя Е.Л. Демидовой, помимо двух Знаков отличия Военного ордена, заслуженных в 1904–1905 гг., Александр Пешков получит Георгиевские кресты двух высших степеней в Первой мировой войне и станет полным Георгиевским кавалером[316].

Хотя бы отчасти выявить подробности ратной службы тотьмичей в большинстве случаев можно лишь опосредованно, отслеживая боевой путь тех воинских частей, в составе которых им довелось сражаться с врагом. Ведь эпизоды истории этих подразделений – иногда славные, иногда трагические, а иногда и позорные – одновременно являлись фактами биографий служивших в них солдат.

Многие русские полки с ещё необстрелянными бойцами в своих первых столкновениях с противником терпели неудачи. Так, 22-й Восточно-Сибирский стрелковый полк участвовал в открывшем историю войны на суше бою при Тюренчене 17–18 апреля 1904 г., где первым отступил с позиций[317]. 216-й пехотный Инсарский полк был брошен в бой под Ляояном в августе 1904 г. фактически «с колёс», сразу после прибытия на театр войны, и в неясной тактической обстановке встречного боя в зарослях гаоляна у станции Янтай в беспорядке отступил, понеся большие потери[318]. 219-й пехотный Юхновский полк в сражении на Шахэ 29 сентября 1904 г. при наступлении на деревню Ендоуниулу подвергся неожиданному обстрелу с фронта и флангов и в беспорядке кинулся назад, увлекая за собой другие части[319].

Однако в последующих боях подобного уже не повторялось. Свои вольные или невольные проступки русские солдаты в прямом смысле слова искупали кровью. Так, в Ляоянском сражении у деревни Цофантунь был ранен стрелок 22-го Восточно-Сибирского полка Василий Анфалов из Миньковской волости, в Мукденском

---

[316] Герои Вологодчины: Энциклопедический словарь биографий.– Вологда: ИНП «Фест», 2011. С. 29–30; Демидова Е.Л. Вологодский край под сенью Георгиевского креста: Вологжане – участники Первой мировой войны, награждённые Георгиевскими крестами. Биографический справочник. Вологда: Арника, 2014. С. 139–140.

[317] Апушкин В.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. // Из истории русско-японской войны 1904–1905 гг.– СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 109.

[318] Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Т. III. Ляоянский период. Ч. 3. Ляоянское сражение и отступление русской армии к г. Мукдену.– СПб.: Товарищество художественной печати, 1910. С. 239–240.

[319] Куропаткин А.Н. Русско-японская война 1904–1905: Итоги войны.– СПб.: Полигон, 2002. С. 323.

сражении у деревни Южная Сахепу был ранен и получил Георгиевский крест «за самоотвержение, мужество и храбрость» рядовой 219-го Юхновского полка Константин Невзоров из Спасской волости[320].

Неудачно начавший кампанию 216-й Инсарский полк в Мукденском сражении стойко и упорно боролся за деревню Линшинпу. Как писал участник войны, полковник М. В. Грулев, «эта самая д. Линшинпу... будет стоить нам таких неслыханных потерь, таких ужасных потоков крови; ...этот пункт станет чуть ли не осью вращения для всех операций... Русские и японцы сцепились... в д. Линшинпу так, что ни одна сторона не могла ни отступить назад, ни продвинуться вперёд; так, сцепившись, и держались здесь всю зиму»[321]. Именно в боях за Линшинпу 19 февраля 1905 г. были ранены два служивших в 216-м полку тотьмича: Дмитрий Клыгин и упоминавшийся ранее Филипп Котов[322].

Зато с самых первых боёв прекрасно проявили себя воинские части, имевшие боевой опыт Китайского похода 1900–1901 гг. – например, полки 1-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии. Так, 2-й и 3-й Восточно-Сибирские стрелковые полки отличились 2 июня 1904 г. в бою под Вафангоу кровопролитной, но успешной атакой[323], в которой двое тотьмичей (Пётр Неклюдов и Феодосий Романов) были ранены и двое (Афанасий Власов и Никандр Рыжев) пропали без вести[324]. В сражении при Сандепу в январе 1905 г. эти полки после упорнейших боёв захватили укреплённые деревни Хэгоутай и Сумапу[325]. Именно в бою за Хэгоутай получили ранения унтер-офицеры 3-го полка Иван Мотов из Чучковской волости и Василий Соколов из Большедворской волости[326]. Однако во всех случаях из-за неудач на других участках фронта геройские полки после одержанных успехов получали приказ отступать.

Входивший в ту же дивизию 4-й Восточно-Сибирский стрелковый полк участвовал в наступательных операциях при Вафангоу, Шахэ и Сандепу, а после сражения под Ляояном прикрывал отсту-

---

[320] ВГВ. 1905. № 24. С. 7; 1906. № 4. С. 5; Знак отличия Военного ордена... С. 724.

[321] Грулев М. В. В штабах и на полях Дальнего Востока: воспоминания офицера Генерального штаба и командира полка о русско-японской войне.– М.: ГПИБ, 2007. С. 242.

[322] ВГВ. 1906. № 8. С. 7.

[323] История русско-японской войны 1904–1905 гг.– М.: Наука, 1977. С. 160.

[324] ВГВ. 1904. № 35. С. 14; № 46. С. 8.

[325] Шацилло В. К., Шацилло Л. А. Русско-японская война 1904–1905: Факты. Документы.– М.: Молодая гвардия, 2004. С. 263–264.

[326] ВГВ. 1906. № 12. С. 12; ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 5136. Л. 12 об.

пление русской армии[327]. По итогам войны полк получил высшую коллективную боевую награду – Георгиевское знамя с надписью «За отличие под Ляояном и на р. Шахэ в 1904 году, у Сандепу в 1905 году»[328]. Богатая боевая история 4-го полка нашла отражение в послужных списках троих служивших здесь тотьмичей. Следует также отметить, что полкам 1-й дивизии во всех боях оказывали поддержку орудия 1-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады, в которой служил кононир уроженец Пятовской волости Александр Сергачев[329].

10-му Восточно-Сибирскому стрелковому полку, в рядах которого числились двое тотьмичей, часто доводилось сражаться в сложных условиях гористой местности. Полк отличился во многих схватках с врагом, за что получил специфическую коллективную награду: солдатам полка были пожалованы знаки для ношения на головных уборах с надписью «За Ляоян 11–18 августа, Бенсиху 28–29 сентября 1904 года и за февральские бои 1905 года»[330].

О 241-м пехотном Орском полке сохранилось интересное свидетельство главнокомандующего, генерала А. Н. Куропаткина: «Роты Орского полка... мелки, некрасивы, ...но имеют надёжный вид»[331]. Выделялись ли из «мелких и некрасивых» однополчан четверо служивших здесь тотьмичей, неизвестно. В сражении при Сандепу Орский полк ночной атакой взял деревню Читайза, а под Мукденом попал в окружение и почти целиком погиб. Все служившие в этом полку тотьмичи после Мукденского сражения числились пропавшими без вести[332].

Георгиевскими знамёнами отмечены боевые заслуги 17-го и 18-го Восточно-Сибирских стрелковых полков, которые вели изнурительные оборонительные бои при Ляояне и Мукдене, участвовали в наступлении у Шахэ. 20-й Восточно-Сибирский стрелковый полк упорно сражался под Ляояном и Мукденом, но особенно прославился в Шахэйском сражении знаменитой атакой Путиловской сопки в ночь на 4 октября 1904 г. В рукопашных схватках за сопку полк потерял 15 офицеров и 532 солдата, но отбил у японцев эту важную высоту[333]. Многократно отличившийся

---

[327] Куропаткин А. Н. Дневник генерала А. Н. Куропаткина.– М.: ГПИБ, 2010. С. 316.
[328] Стрелковые части.– СПб.: Типография В. Д. Смирнова, 1910. С. 37.
[329] ВГВ. 1906. № 5. С. 4.
[330] Стрелковые части.– СПб.: Типография В. Д. Смирнова, 1910. С. 42.
[331] Куропаткин А. Н. Дневник генерала А. Н. Куропаткина. М.: ГПИБ, 2010. С. 341.
[332] ВГВ. 1906. № 4. С. 5.
[333] Подробно см.: Хохлов И. В. Бой 3–4 октября 1904 г. за Новгородскую и Путиловскую сопки // Защитники Отечества. Вып. XVII.– Архангельск: Правда Севера, 2005. С. 85–92.

21-й Восточно-Сибирский стрелковый полк получил после войны Георгиевское знамя с подробной надписью: «За Янзелин 18 июля, Ляоян 13–18 августа, Бенсиху 28–29 сентября 1904 года и за январские и февральские бои 1905 года»[334]. К боевым подвигам перечисленных полков причастны и служившие в них уроженцы Тотемского уезда.

35-й и 36-й Восточно-Сибирские стрелковые полки начали свой боевой путь под Вафангоу и с честью прошли всю войну. Оба эти полка вместе со 2-м и 3-м Восточно-Сибирскими 14 января 1905 г. брали деревню Сумапу[335]. 28 сентября 1904 г. в наступлении на Шахэ два батальона 36-го полка выбили японцев с двух сопок, но не получили поддержки и отступили[336]. 36-й полк вместе с 20-м участвовал в ночном штурме Путиловской сопки, когда был ранен тотьмич Егор Клестов[337]; 35-й в Мукденском сражении участвовал в кровавой борьбе за деревню Юхуантунь. На поле боя полки несли гигантские потери. По сведениям А.Н. Куропаткина, 35-й полк после сражения под Ляояном был временно переформирован в батальон, а 36-й полк после Шахэйского сражения «пришёл из боевой линии в составе менее 400 человек»[338]. В этих полках служили пятеро тотьмичей, и все получили ранения.

17-й, 18-й, 19-й и 20-й стрелковые полки (не следует путать с носившими те же номера Восточно-Сибирскими полками) составляли 5-ю стрелковую дивизию, которая прибыла в Маньчжурию в конце 1904 г., а уже в начале следующего года приняла участие в январском сражении при Сандепу и февральской битве при Мукдене, ведя тяжелейшие оборонительные бои[339]. В обоих случаях полки 5-й дивизии (особенно попавший в окружение под Мукденом 19-й) понесли огромные потери, нашедшие отражение в объёмных списках погибших, раненых и пропавших без вести тотьмичей, служивших в этих полках. В грандиозном Мукденском сражении честно бились с врагом и их земляки из других воинских частей.

---

[334] Стрелковые части. СПб.: Типография В.Д. Смирнова, 1910. С. 52.

[335] История русско-японской войны 1904–1905 гг.– М.: Наука, 1977. С. 301.

[336] Куропаткин А.Н. Русско-японская война 1904–1905: Итоги войны.– СПб.: Полигон, 2002. С. 310.

[337] ВГВ. 1905. № 24. С. 7.

[338] Куропаткин А.Н. Дневник генерала А.Н. Куропаткина.– М.: ГПИБ, 2010. С. 317, 330.

[339] Левицкий Н.А., Быков П.Д. Русско-японская война.– М.: Эксмо, Изографус; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 308, 334–338; Стрелковые части.– СПб.: Типография В.Д. Смирнова, 1910. С. 25–27.

Кровавую изнанку перечисленных коллективных подвигов вскрывают цифры боевых потерь. Всего на полях сражений русско-японской войны погибли 27 тотьмичей, 22 пропали без вести, 97 были ранены, 1 контужен. Однако точность этих сведений вызывает сомнения. Например, послевоенные данные Тотемской уездной землеустроительной комиссии позволяют предположить, что десять уроженцев уезда, числившихся пропавшими без вести, по окончании войны вернулись в родные деревни – вероятно, побывав перед тем в японском плену. Но в связи с возможностью наличия однофамильцев твёрдо утверждать это без дополнительной проверки каждого случая нельзя.

Суммируя изложенные выше данные с ранее опубликованной информацией о тотьмичах – участниках русско-японской войны на море, получаем следующие цифры. Всего в боевых действиях 1904–1905 гг. участвовали 219 уроженцев Тотемского уезда. Из них 59 (27%) погибли, 108 (49%) были ранены и контужены. Точное количество пропавших без вести и взятых в плен по имеющимся данным пока установить невозможно, суммарно эти потери составляют 46 человек (21%). 30 тотьмичей (14%) дослужились до унтер-офицерских и офицерских званий, 56 (26%) стали Георгиевскими кавалерами. И пусть приведённые цифры нельзя считать окончательными, они ясно показывают массовый героизм, проявленный жителями Тотемского уезда за тридевять земель от родины, в боях незаслуженно забытой войны на сопках Маньчжурии.

Муравьёв Владимир Николаевич,
директор МБУК «Сыктывдинское музейное объединение»,
с. Выльгорт, Сыктывдинский район, республика Коми

«МИЯН ЙӦЗ ТОТЬМАЫН» («НАШИ ЛЮДИ В ТОТЬМЕ»)

Одно из первых сочинений коми лингвиста, историка и писателя Г. С. Лыткина «Тотьма» (1853) написано в жанре путевых заметок. Назвавшись зырянином, автор смотрит на Тотьму взглядом человека из глубинки, из еще более отдаленной от центра Коми края. Уездный город Тотьма получает положительный, равноценный культурному центру статус не только за счет собственных

ментальных и ландшафтных ресурсов, но и его особого восприятия инородцем – путешествующим автором записок.[340]

До 1910 года единственным заведением Вологодской губернии по подготовке педагогических кадров являлась Тотемская мужская учительская семинария, открытие которой состоялось 16 октября 1872 года. Семинария относилась к Санкт-Петербургскому учебному округу и была рассчитана на 92 учащихся. За 46 лет существования семинария выпустила 832 народных учителя.

Тотемская учительская семинария обеспечивала педагогическими кадрами Тотемский уезд, Вологодскую губернию, в состав которой входила основная часть Коми края.

Срок обучения в семинарии составлял 4 года. По окончании курса обучения все семинаристы распределялись педагогическим советом на вакантные места в сельские школы, где должны были прослужить не менее 4-х лет. В противном случае они должны были вернуть деньги, затраченные на их обучение.

Многие из окончивших семинарию впоследствии стали известными в стране людьми, гордостью Тотемской учительской семинарии. Кто же эти люди из Коми края в Тотьме?

Имя **Василия Филипповича Попова** практически неизвестно жителям Республики Коми. В трудах по истории Коми края он упоминается достаточно редко, главным образом, как представитель демократической интеллигенции. Иногда о нем вспоминают как о видном общественном деятеле конца XIX – начала XX веков. Василий Филиппович – человек, который стоял у истоков статистической деятельности в нашей республике и внес огромный вклад в изучение ее экономики, талантливый экономист, почвовед, эколог и исследователь.

Василий Филиппович Попов

Родился Василий Филиппович Попов 5 апреля 1866 г. в деревне Кочпон Выльгортской волости Усть-Сысольского уезда десятым

[340] Лимерова В. А. Рецензия русского пространства в тексте коми литературы: путевые заметки Г. С. Лыткина «Тотьма» // Известия уральского федерального университета. Серия 2: гуманитарные науки.– Екб., 2015. С. 49–59.

ребенком в семье. С детства он отличался большими способностями. Непреодолимую тягу к знаниям, книгам и учебе Василий перенял от своего отца – добровольного коми лексиколога, принимавшего участие в составлении Русско-зырянского словаря. В 1843 г. отец Василия в качестве проводника и переводчика сопровождал Печорскую экспедицию известных российских ученых А. А. Кейзерлинга и П. И. Крузенштерна.

Несмотря на трудное материальное положение, в котором оказалась семья Поповых после трагической смерти отца, Василий смог получить хорошее образование. После окончания приходской школы мать определила его в Усть-Сысольское уездное училище, которое в 1880 г. он окончил с отличными успехами.

Осенью 1882 г. юноша поступил в Тотемскую учительскую семинарию – одно из лучших учебных заведений Вологодской губернии того времени. Директором семинарии был знаменитый педагог и участник революционно-демократического движения 1860–1870-х гг. – Н. Я. Соболев. Он являлся членом губернского статистического комитета, поэтому часто привлекал любознательных учащихся к статистическим работам, обработке и обобщению цифровых данных. Именно в эти годы Василий Филиппович получил не только глубокие знания, но и первые навыки исследовательской работы и научного анализа; научился видеть за сухими цифрами перспективы и тенденции в развитии крестьянского хозяйствования. В 1885 г. В. Ф. Попов успешно закончил семинарию. За прогрессивные демократические взгляды юноше в административном порядке пришлось вернуться в родные края «без права выезда в продолжение трех лет» – именно так было записано в его личном деле.

На родине он сначала служил волостным писарем, затем (по окончании трехлетнего срока) – учителем в сельских школах Визингской волости. В мае 1891 г. Василий Филиппович женился. Молодые поселились в деревне Кочпон, в семье брата, который вел отцовское хозяйство. В 1892 г. Василий был принят на службу делопроизводителем оценочной комиссии Усть-Сысольской земской управы, которая занималась оценкой недвижимого имущества жителей уезда для обложения земскими налогами и сборами. В сентябре 1893 г. молодой исследователь представил Усть-Сысольской земской управе докладную записку и программу статистического обследования экономического быта населения уезда. Спустя год представил в Земскую управу доклад под названием «Полеводство и порядки землепользования у крестьян Усть-Сысольского уезда».

Это была первая серьезная работа, положившая начало местной земской сельскохозяйственной статистике. Автор показал нехватку пахотных земель и сенокосных угодий у местных крестьян. В октябре 1894 г. земская управа доложила об этом на очередном земском собрании. Обсудив доклад, собрание предложило образовать при управе особое статистическое отделение. Заведование этим отделением управы было поручено В. Ф. Попову.

Широко известна одна из интересных, нужных его работ – очерк «К характеристике почв Усть-Сысольского уезда». На Всероссийской сельскохозяйственной выставке 1–14 декабря в 1895 году очерк был награжден золотой медалью.[341]

Но из-за отсутствия финансирования статистическое отделение Усть-Сысольской уездной земской управы с 1907 г. прекратило свое существование.

Василий Филиппович уехал в Вологду и поступил на службу в Оценочностатистическое бюро Губернской земской управы. Вернулся в Усть-Сысольск летом 1908 г. в составе Печорской землеустроительной экспедиции, организованной российским правительством и изучавшей возможности переселения крестьян из прибалтийских губерний на окраины. В 1908–1909 гг. принимал участие в экспедиции Л. Рума и И. Соколова в качестве помощника, а в последующем руководил статистическими работами экспедиции. Во многом благодаря объективным выводам, сделанным Василием Филипповичем, о землепользовании и тяжелом положении местных крестьян, правительство было вынуждено отказаться от планов переселения крестьян из центральных районов и Прибалтики в Коми край. Наиболее серьезной критике деятельность экспедиций подверглась со стороны некоторых ее участников, в первую очередь К. Ф. Жакова и П. А. Сорокина, тем самым сумели на некоторое время уберечь свою родину от социальных потрясений, так как водворение переселенцев не всегда проходило гладко. В 1915–1917 гг. В. Ф. Попов работал в Яренске.

В революционном 1917-м он на некоторое время становится политическим деятелем – избирается председателем городской Думы (июль 1917 – март 1918 г.). В это время он сотрудничает с эсерами, что через некоторое время было поставлено ему в вину. Однако после установления в нашем регионе Советской власти

---

[341] Завгородняя О. Н. Гордость Тотемской учительской семинарии // Вологодская областная научная библиотека имени И. В. Бабушкина. [сайт]. Режим доступа: https://www.booksite.ru/fulltext/zav/gor/odn/yaa/1.htm. (дата обращения: 17.12.2020).

в марте 1918 г. в течение некоторого времени В. Ф. Попов, как «бывший земец», подвергался преследованиям. Ему приходилось скрываться в лесу. В этих скитаниях он заболел туберкулезом. Арест старшего сына Ивана в качестве заложника заставил отца сдаться властям. Василия Филипповича дважды судил военно-революционный трибунал «за непризнание Советской власти», но «из-за отсутствия улик» дело в отношении его прекращалось.

В мае 1919 г. В. Ф. Попов был назначен заведующим статистическим бюро Усть-Сысольского уездного исполкома. Во главе органов статистики он проработал по октябрь 1923 года. В эти годы он приметил и взял на работу любознательного и старательного юношу Владимира Старовского, которого в 1921 г. сделал своим заместителем, а в августе 1923 г. направил на учебу в Московский государственный университет. Под руководством В. Ф. Попова Усть-Сысольским уездным статистическим бюро были проведены такие крупные работы как промышленная, профессиональная, сельскохозяйственная переписи в 1919–1920 гг. и перепись населения 1920 года. В октябре 1923 г., предъявив многочисленные обвинения, «бывшего земца» в третий раз арестовали и обвинили в «контрреволюционной деятельности». Учтя возраст и болезненное состояние, а также гонения при царском строе, суд лишил В. Ф. Попова свободы только на один год, но ввиду тяжелой неизлечимой болезни условно досрочно освободил из-под ареста. Немного подлечившись, в 1926 г. Василий Филиппович стал работать рядовым статистиком, но вскоре вышел на пенсию по инвалидности. Скончался В. Ф. Попов 21 июня 1927 г. от туберкулеза легких.[342]

Своей разносторонней деятельностью и исследованиями Василий Филиппович внес заметный вклад в развитие статистики, экономики, народного образования и культуры в Коми крае.

Владимир Никонович Старовский, долгое время возглавлявший статистические органы всего Советского Союза, не забывал своего учителя, много рассказывал о внимании, которое уделял Василий Филиппович своим сотрудникам, с уважением называл его «менам ыджыд бать» (в переводе с коми языка «мой дедушка»).

---

[342] Памяти земского статистика В. Ф. Попова. // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми. [сайт]. Режим доступа: /https://komi.gks.ru/storage/mediabank/%D0%9F %D0%B0%D0%BC%D1%8F%D1%82%D0%B8+%D0%B7%D0%B5%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%BE %D0%B3%D0%BE+%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0+-+ %D0%92+%D0%A4++%D0%9F%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%B2.pdf (дата обращения: 17.12.2020).

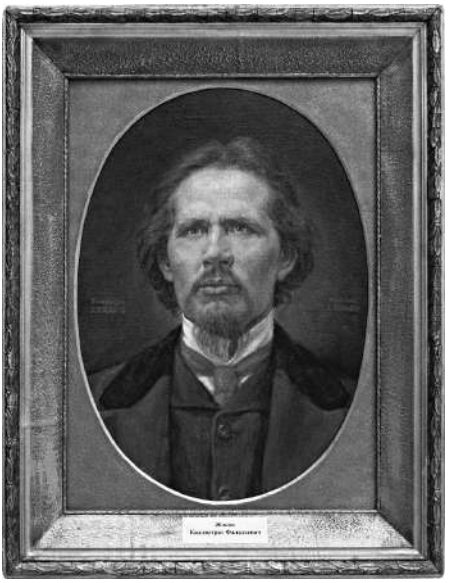
Музей истории и культуры Сыктывдинского района им. Э.А. Налимовой

Отец Владимира Никоновича Никон Алексеевич Старовский родился в 1869 году в городе Тотьме Вологодской губернии в крестьянской семье, окончил учительскую семинарию. В 1890 году приехал в старинное коми село Помоздино, вел уроки арифметики, чтения, пения, хорошо играл на скрипке и фисгармонии. В 1910 году Никон Алексеевич с семьей переезжает в Усть-Сысольск. В этот же год он был назначен учителем и заведующим Вильгортского двухклассного Земского училища. По воспоминаниям учеников, Н. А. Старовский был строгим и требовательным учителем, вел уроки арифметики, чтения, пения, играл на скрипке и физгармонии. Его жена Анисья Ивановна также была учительницей, преподавала математику.

В центре села Выльгорт стоит прекрасное творение точного инженерного расчета чудо-мастеров из простонародья, единственными орудиями которых были топор и пила. Это здание начальных классов Выльгортской средней школы, с 1999 года – Музей истории и культуры Сыктывдинского района им. Э.А. Налимовой.

Строительные работы нового здания Выльгортского двухклассного земского училища под руководством Н.А. Старовского начаты в июне 1912 года, окончены 12 января 1914 года. Здание строилось по проекту первого профессионального коми архитектора Александра Викентьевича Холопова (единственное сохранившееся здание архитектора Холопова).

Здание уникально в архитектурном плане. Построено из круглого леса на кирпичном фундаменте с богатой декорацией. Прошло

С. А. Торлопов. Портрет К. Ф. Жакова

108 лет, но здание стоит прямое, как свечка, т. к. все бревна пропускали через венец, они все были строго одинаковые.

В 1969 году Постановлением Совета Министров Коми АССР здание официально признано памятником архитектуры. В настоящее время завершаются работы по сохранению объекта культурного наследия регионального значения. Музей с. Выльгорт будет жив!

В Тотьме, а именно в Тотемской учительской семинарии судьба свела В. Ф. Попова с земляком К. Ф. Жаковым, который тоже учился в ней. Они неоднократно встречались и сотрудничали. Жакова сравнивали с Ломоносовым, Леонардо да Винчи и Фаустом, потому что главной чертой этой выдающейся личности была неутолимая жажда познания.

Каллистрат Фалалеевич Жаков родился в 1866 году в Вологодской губернии, в деревне Давпон Выльгортской волости (ныне черта города Сыктывкар), в семье коми-зырянского крестьянина. Был он в этой семье последним, одиннадцатым по счету ребенком. Имя, данное ему при крещении, в переводе с греческого значит «хороший воин», а свое предназначение, сокрытое в имени, он понимал так: *«Нет ничего выше правды на земле, и после познания Бога самое великое – служение людям. Я должен быть полезным северянам и всему русскому народу, народу наиболее великому сердцем, но забитому историческими условиями. Боже, помоги мне и дай мир земле!»* До самого конца Жаков оставался верен своей жизненной программе.

Как и большинство крестьян Русского Севера, его отец, помимо труда на земле, вынужден был добывать средства к существованию и каким-либо промыслом. Фалалей Иванович Жаков владел ремеслом резьбы по дереву и занимался установкой и украшением иконостасов в сельских церквях. Младшего сына он также хотел

приобщить к ремеслу столяра и резчика. Но тот, рано научившись с помощью отца читать, отдавал предпочтение книгам. Настал момент, когда надо было делать решительный выбор: или уступить настояниям отца, или вопреки им двинуться дальше по лестнице, ведущей в храм науки. Каллистрат Жаков, не колеблясь, предпочел второе. Отец ему не препятствовал, отказав, однако, в благословении и заодно в какой-либо помощи – и сейчас, и в будущем.

Он покинул родительский дом и два года провел в уездных училищах. А затем оказался в стенах Тотемской учительской семинарии и, обратив на себя внимание уже при поступлении, был сразу зачислен в первый, а не в приготовительный класс. Вначале новоявленному студенту пришлось нелегко – сказывался недостаток общей образовательной подготовки, тем не менее, вскоре он завоевал признание не только своими успехами в учебе, но и как отважный участник кулачных боев. Семинарию Жаков окончил успешно, а к деятельности на поприще сельского учителя допущен не был. Причиной тому были убеждения 18-летнего выпускника семинарии: под влиянием прочитанных книг и бесед с товарищами он переживал период умственного развития, который позднее сам охарактеризовал как «полный атеизм».

Не позволяя унынию овладеть собой, Жаков загорелся новой мечтой – освоить три «полезных» ремесла: часовое, кузнечное и слесарное. В 1885 году устроился на Холуницком заводе Вятской губернии чернорабочим. К тому времени он уже твердо придерживался убеждения, что «жить нужно и можно при всех тягостных условиях» и что «прогресс личности» возможен в любой ситуации. Пожив в новой среде, Жаков вернулся на родину, попробовал себя в роли волостного писаря, после чего двинулся на штурм очередной вершины знаний, на этот раз в Вологду. Большей частью пешком, иногда по реке на лодке или по волоку на подводе. Жаков остановил свой выбор на реальном училище, открывавшем в перспективе путь в промышленные, технические и торговые высшие учебные заведения. Но Жакову пришлось покинуть реальное училище досрочно, без желанного аттестата. Побыв недолго у родителей и осознав, что другой дороги, кроме той, с которой он временно уклонился, для него нет, Жаков вернулся в Вологду, сдал экзамены за курс реального училища, уехал в Петербург и поступил в Лесной институт. Но институт его надежд не оправдал, ибо не давал ответа на главный вопрос: в чём смысл человеческого существования?

Им овладела новая идея – стать священником. Жаков опять приехал в Вологду, получил благословение владыки Иллариона

и стал послушником подгородней Заоникиевской пустыни. В обители его ласково принял игумен Варфоломей, ему поручили преподавать арифметику в монастырской школе, но неумеренный энтузиазм ревнителя науки привел к конфликту с братией. Недовольство вызвало то, что новый преподаватель, не ограничиваясь своим предметом, начал излагать ученикам гелиоцентрическую систему и эволюционную теорию Дарвина. Пришлось спешно покинуть обитель, разуверившись в своей пригодности к роли служителя церкви.

Но в Вологде Жакова вновь ждали неприятности. Он и ранее состоял под гласным надзором как человек вольномыслящий и водящий знакомство с политически неблагонадежными людьми. На самом деле политика мало интересовала Жакова, но отношение властей дало повод жителям города отказывать в репетиторстве «авантюристу и безбожнику», лишая тем самым крайне необходимого заработка. И все-таки он продолжал идти по избранному пути: изучал латинский и греческий языки, занимался высшей математикой, писал сочинения на философские темы. В 1896 году Жаков был освобождён от полицейского надзора и сдал экстерном экзамены за курс гимназии. Ему шел тридцатый год, и он наконец-то мог поступать в университет. В 1896 году Жаков успешно поступает в Киевский университет. Обучаясь на физико-математическом факультете, он начинает интересоваться историей, что побуждает его перевестись на исторический факультет. В это же время он увлечен философией и психологией, изучает труды многих великих мыслителей.

С 1901 года он преподаёт русский язык, грамматику языка коми, историю, логику, философию в различных учебных заведениях Петербурга, сдаёт магистерские экзамены и в 1902 году успешно защищает магистерскую диссертацию «О грамматическом строе зырянского языка». В 1905 году начинает преподавательскую деятельность на общеобразовательных курсах, открытых выходцем из крестьян Вологодской губернии А. С. Черняевым. Ориентировочно в 1906–1907 годах открывает издательство «Парма». В 1908 году академик В. М. Бехтерев приглашает его читать логику в основанный им Психоневрологический институт. Спустя три года с начала его работы в институте Жаков становится профессором.

Большинство его работ посвящено изучению религиозного мистицизма. За исследование «О зырянах» получил медаль Русского географического общества; за работы в области астрономии избран членом Парижского астрономического общества. Жаков

публикует одно за другим свои литературные произведения: фантастические повести «Ниеганелла (Сказание о Зле)» (1908), «На другой земле. Путешествия и злоключения Гараморта» (1911). Жанра фэнтези во времена Жакова не существовало, но среди написанного им есть откровенно фэнтезийные зарисовки, замаскированные под зырянский народный эпос, например, «Царь Кор. Чердынское предание» (1911), или «космогонические мифы Севера», такие как «Ен и Омоль» (1909). В сборник Жакова «Под шум северного ветра» (1990) включены рассказ с элементом фантастики «Дочь Пармы» и почти 20 сказок. Особое место в творческом наследии писателя занимает большая поэма «Биармия», обобщающая мотивы и сюжеты народной эпической поэзии коми-зырян. Это своеобразный аналог всемирно известной «Калевалы», карело-финского эпоса. Во всех своих произведениях, созданных на основе национальных сказок и преданий, Жаков реконструирует натуральную мифологию и даже создаёт поэтический эпос народа. В период с 1917 до лета 1919 года он успел немного поработать в Тамбовском университете, затем в Тартуском университете в весеннем семестре 1920 г. Жаков, помимо зырянского языка, читал лекции по логике, планируя в дальнейшем приблизиться к чтению своей собственной философии – лимитизма. С 1921 года жил в Риге, где и скончался в 1926 году и был похоронен на Покровском кладбище. Последняя брошюра, вышедшая в Выру в 1921 году на эстонском языке, была издана членами Тартуского, Таллиннского и Валгаского философского общества. В кратком биографическом введении говорилось, что Каллистрат Жаков является отцом зырянской интеллигенции. С разрешения дочери Каллистрата Фалалеевича – Райды Тимуки – 10 декабря 1990 года прах философа был перевезен в Сыктывкар.[343]

Сквер возле Музея истории и культуры Сыктывдинского района им. Э. А. Налимовой носит имя великого ученого. О сквере К. Ф. Жакова уже знают далеко за пределами Республики Коми, даже России. Сквер является одним из известных туристских объектов Сыктывдинского района. Виртуальная экскурсия по скверу получила высокую оценку сотрудников Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге. В сквере размещены памятная доска ученого (мастер Е. П. Шабалин) и сказочные фигуры из знаменитой поэмы «Биармия» писателя (дизайнер А. В. Сергиенко, мастер В. В. Адамчук),

[343] Каллистрат Фалалеевич Жаков [18(30).09.1866...]. // Лаборатория фантастики. [сайт]. Режим доступа: https://fantlab.ru/autor47305 (дата обращения 17.12.2020).

Сквер им. К. Ф. Жакова

которые были изготовлены на грантовые средства. Проект «Пармаса пророк» («Пророк Пармы»). «Сквер имени К. Ф. Жакова» одержал победу в конкурсе проектов Министерства национальной политики РК «Этноинициатива» в октябре 2015 года, в августе 2016 года через МОД «Коми войтыр» получил субсидию на реализацию проекта «Пармаса пророк» («Пророк Пармы»). «Сквер имени К. Ф. Жакова». В 2016 г. дирекция президентских грантовых программ Фонда поддержки гражданской активности в малых городах и сельских территориях «Перспектива» также поддержала проект. Память о выдающихся людях – уроженцах г. Тотьма и с. Выльгорт, прославивших свою малую родину, должна быть сохранена! Сыктывдинское музейное объединение надеется на плодотворное сотрудничество с Тотемским музейным объединением.

Ганнибал Борис Константинович,
кандидат биологических наук, доцент лаборатории общей геоботаники Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН, г. Санкт-Петербург

СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛИ ТОТЕМСКОГО УЕЗДА БУРЦЕВЫ И МАЛЕВИНСКИЕ: ИСТОРИЯ И ГЕНЕАЛОГИЯ

Результаты этого исследования – дань памяти и уважения не только своим предкам, но и целому сословию русских священников как самому просвещенному на протяжении многих веков нашей истории, как самостоятельной и выстроенной системе психологической поддержки людей, как социальной службе учета населения и его образования, а также как передовому отряду в освоении новых земель на севере и востоке нашей страны.

Практически весь советский период отечественной истории отмечен агрессивной недоброжелательностью в отношении представителей церкви вплоть до применения самых жестоких репрессий со стороны власти. Пострадала при этом и столь естественная (живая) преемственность в передаче от деда к сыну и от сына к внуку семейных преданий и фактов бытования. Сам я не застал в живых ни своего деда, священника Николая Константиновича Бурцева, ни бабушки, Клавдии Васильевны, в девичестве Малевинской, а их сын и мой отец, Константин Николаевич Бурцев – инженер и коммунист, вступивший в партию в Ленинграде в самые тяжелые блокадные дни – не мог быть со мной, по многим и понятным причинам, полностью откровенным, да и многого сам не знал, и не мог тогда узнать. Такое время беспамятства продолжалось более полувека. Но, слава богу, оно прошло, и теперь его сын может спокойно заниматься историей своей семьи, в которой на протяжении как минимум двух веков все его вологодские предки были православными священниками или церковнослужителями в Тотемском уезде Вологодской губернии. Вся их деятельность проходила, если посмотреть на карту, преимущественно в границах ныне существующих Тотемского и Тарногского районов.

Первый раз отец привез меня в Тотьму из Ленинграда в 1952 году, и было это связано со смертью бабушки. В следующий раз я оказался там только через 63 года, в декабре 2015 г. Но на руках у меня уже был первый вариант текста биографии моего отца,

который я подарил тотемскому краеведческому музею. По возвращении домой я продолжил исследовательскую работу над своей родословной.

Николай Константинович Бурцев, мой дед, родился в 1870 году в с. Нижнее Кулое Верховажской волости Вельского уезда Вологодской губернии (ныне с. Урусовское Верховажского района) в семье священника Покровской Куловской (Кулойской) церкви. В возрасте 3-х лет он остался без отца. Одиннадцатилетний мальчик был принят в Тотемское духовное училище (ТДУ), которое окончил в 1885 г. и сразу поступил в Вологодскую духовную семинарию (ВДС), учебу в которой завершил по 2-му разряду в 1891 г. Еще в Тотьме он познакомился с **Николаем Васильевичем Малевинским** из Тарногского городка, дружба с которым продолжилась в семинарии. Вскоре они еще и породнились. Теперь эти две фамилии, два рода для меня и моей семьи неразрывны и олицетворяют связь времен, событий и просто людей. Но рассматривать их стоит отдельно, и сначала мой рассказ о Бурцевых.

Н. К. Бурцев

Н. В. Малевинский

Женившись на **Клавдии Васильевне Малевинской** (р. 1875), сестре своего товарища, Н. К. Бурцев вернулся в родительский дом в Нижнем Кулое, где продолжали жить мать и две его сестры. 17 июля 1892 г. он был определён на место диакона к Кулойской Покровской церкви Вельского у. Вологодской епархии. Ранее, с 1864 г. вплоть до своей смерти в 1873 г. службу

здесь вел его отец – **Константин Алексеевич Бурцев**. При нем церковь восстанавливалась после большого пожара в 1863 г. Здесь же в молодой семье появился первый ребенок – дочь Александра (р. 1895). Но вскоре обстоятельства вынудили Н. К. сменить место проживания и место службы. В 1899 г. умер муж его старшей сестры Раисы Константиновны, священник Покровской Верховинской церкви в Юркинской волости Тотемского уезда Николай Беспутин. Семья срочно переезжает туда, а Николай Константинович по праву родства занимает соответствующую должность (рукоположен во священника к этой церкви 3 июня 1899). Последние годы жизни он проводит здесь же, в д. Антоново (ныне Бабушкинский район), где у него появляются двое сыновей – Василий (р. 1899) и Константин (р. 1903), а в 1905 г. сам он умирает от чахотки. Жена и трое детей вскоре переезжают в город Тотьму. Революция меняет привычный ход жизни. В 1921 г. в смуте гражданского противоборства погибает старший сын Василий. Младший Константин после женитьбы в 1934 г. на Екатерине Ганнибал переезжает в Ленинград. Продолжить род было суждено ему, и в семье **Константина Николаевича Бурцева** рождаются три сына (один из них, Виктор, ребенком умрет в 1942 г. в Тотьме, находясь там с матерью и бабушкой во время эвакуации из Ленинграда). Но... все они получают при рождении фамилию матери. И одна из причин того – обязательная информация в служебных анкетах об отце: «служитель религиозного культа» и вполне предсказуемые последствия даже для внуков. Таким образом, фамилия Бурцевых в этой ветви рода после смерти К. Н. прекратила свое существование. Но автору статьи удалось заглянуть на два века в ее прошлое *(табл. 1)*, при этом использовались как семейные архивы, так и доступные в Интернете материалы ГАВО – клировые ведомости и метрические книги церквей Тотемского уезда.

Таблица 1

Родословная линия священно- и церковнослужителей Бурцевых

Имена и отчества Бурцевых / годы жизни	Название церквей и должности в них / период службы	Местоположение церкви
Григорий ... (р. ок. 1700–)		
Михаил Григорьевич (1726–1781)	Царе-Константиновская Заборская ц. дьячок (с 1746 по 1781)	д. Заборск Тарногской волости Тотемского уезда (ныне с. Красное, Тарногский р-н)

Имена и отчества Бурцевых / годы жизни	Название церквей и должности в них / период службы	Местоположение церкви
Василий Михайлович (1761–1815)	Та же ц. пономарь (с 1781 по 1815)	Там же
Алексей Васильевич (1795–1865)	Та же ц. дьячок (в 1816) священник (по 1865)	Там же
*Петр Васильевич** (1796–1873?)	Та же ц. пономарь (1816) заштатный дьячок	Там же
Арсений Петрович (1827–1903 или позже)	Та же ц. дьячок (до 1868) Викарный диакон (с 1868 по 1873)	Там же
	Спасо-Преображенская ц. в Кокшеньге диакон (с 1873 по 1903)	с. Спасский погост Тотемского уезда (ныне Тарногский р-н)
Михаил ... (р. ок. 1843–1892)	Царе-Константиновская Заборская ц. Священник (с 1867 по 1877)	д. Заборск Тарногской волости Тотемского уезда (ныне Тарногский р-н)
	При Маркушевской Благовещенской ц. настоятель (с 1877 по 1891)	с. Маркуша Маркушевской волости Тотемского уезда (ныне д. Заречье, Тарногский р-н)
Константин Алексеевич (1842–1873)	Покровская Куловская ц. священник (с 1864 по 1873)	д. Нижнее Кулое Верховажской волости Вельского уезда (ныне д. Урусовская, Верховажский р-н)
Николай Константинович (1870–1905)	Та же ц. диакон (с 1892 по 1899)	Там же
	Покровская Верховинская ц. священник (с 1899 по 1905)	д. Антоново Юркинской волости Тотемского уезда (ныне Бабушкинский р-н)
Константин Николаевич (1903–1982)	Инженер-конструктор Последний представитель этой линии рода Бурцевых	д. Антоново – Тотьма – Ленинград
Андрей Константинович Ганнибал (1938–2013)	Инженер-строитель	Ленинград – Апатиты Мурманской обл.
Борис Константинович Ганнибал (р. 1946)	Научный работник (геоботаник)	Ленинград – Санкт-Петербург

** Курсивом в таблицах даны имена непрямых родственников этой линии.*

Среди выпускников Тотемского духовного училища за последние 50 лет его существования значатся Александр Бурцев (вып. 1870), Иван (1871, в дальнейшем пономарь Христорождественской Озерецкой церкви в Тарногской волости), Евлампий (1873), Василий (1874) и Феодосий (1881). Самыми последними в этом списке были мои прямые родственники – дед Николай Константинович (1885) и его сын Василий Николаевич Бурцев (1915). К сожалению, не для всех была установлена степень близости к нашей линии. Среди названных наиболее известен Евлампий Арсеньевич Бурцев (1858–1924), уроженец Тотемского уезда, выпускник ВДС, а затем Санкт-Петербургской духовной академии, кандидат богословия, статский советник, преподаватель, преимущественно отечественной истории, в разных учебных заведениях: Архангельской и Вологодской духовных семинариях, в Тотемском, Никольском и Оренбургском духовных училищах. Выйдя на пенсию в 1916 году, переехал жить в Великий Устюг. Много лет Евлампий Арсеньевич состоял членом Вологодской археологической комиссии любителей истории и древностей, занимался научным краеведением. Известно около двадцати печатных трудов Е. А. Бурцева. Наиболее значительным из них считается «Описания свитков, находящихся в Вологодском епархиальном древнехранилище (XVII–XVIII вв.)». В 1918–1922 гг. он активно печатался в местных журналах краеведческого направления «Богатства Севера» и «За работу». Все последние годы своей жизни Евлампий Арсеньевич посвятил созданию музея в Великом Устюге. Возглавлял Северо-Двинское общество изучения местного края. Умер от скоротечного туберкулеза[344]. Входит в современный список выдающихся людей Вологодского края. Одна из его крупных работ «Спас на Кокшенге Тотемского уезда Вологодской губернии: историко-статистический очерк» (1912) – посвящена храму, в котором на протяжении 30 лет служил диаконом его отец, Арсений Петрович Бурцев *(табл. 1)*, получивший в 1899 г. Орден св. Анны 3-й степени. Из братьев Евлампия – Феодосий Арсеньевич (р. 1866) стал священником, служил в разных церквях Вологодской и Архангельской епархий, а Иван Арсеньевич окончил медицинский факультет Казанского университета и работал уездным врачом в Тотьме и Великом Устюге. Другие потенциальные священнослужители с фамилией Бурцев, а именно выпускники Вологодской духовной семинарии:

[344] Чебыкина Г. Н. Евлампий Арсеньевич Бурцев (1858–1924) // Устюжане.– Великий Устюг, 1995. С. 72–74.

Варфоломей и Александр (выпуск 1876 г.), Василий (1881) и Геннадий (1883) в церковных документах нами не замечены.

По мнению А. В. Кузнецова[345], Бурцев – типичная кокшеньгская фамилия, которая встречалась во многих деревнях в Заборье, Ромашеве и Маркуше. География мест, связанных с Бурцевыми-священниками соответствует такому представлению, а родовым гнездом нашей линии можно считать Царе-Константиновскую церковь в Заборске, где на протяжении почти 150 лет сменяя друг друга служили мои прямые предки и их близкие родственники *(табл. 1)*. В заключение разговора об этой фамилии стоит отметить то обстоятельство, что священники из нашего немногочисленного рода Бурцевых на рассматриваемой территории так или иначе избежали страшных последствий революции, тех унижений и жестоких расправ, которые выпали на долю их коллег из рода Малевинских.

Клавдия Васильевна Бурцева, моя бабушка, как сказано выше, была сестрой Николая Васильевича Малевинского, священника Троицкой приходской Шебеньгской церкви близ Тарногского городка в последние годы существования и той церкви, и всей Российской Империи. Родился он 21 января 1871 г. на погосте Шебеньга. По окончании ВДС, с 1892 по 1894 г. служил диаконом Николаевской Верхнееденгской церкви в д. Матвеево близ Тотьмы. 1894–1896 гг. – священник Воскресенской Лиходиевской церкви Вельского уезда. Далее, заменив умершего отца, вплоть до 1917 г. служил в Троицкой Шебеньгской церкви *(табл. 2)*. С 1905 по 1917 г. – помощник благочинного и председатель попечительского совета о бедных духовного звания. С 1907 по 1911 г. – делопроизводитель и член ревизионной комиссии Кокшенгского Православного Миссионерского Феодосиевского братства. В 1917 году состоял членом суда по духовным делам и членом родительского комитета Тотемского духовного училища[346]. Имел жену (Мария Васильевна Заозерская) и четверых детей. В 1920 г. был раскулачен и выслан. Жил на Урале у дочери, в 1938 г. арестован у родственников в Уфе, обвинен по ст. 58-10, 58-11 и приговорен к ссылке на 5 лет. Скончался, согласно Книге памяти Республики Башкортостан, в лагере в 1944 г. (реабилитирован в 1989 г.). Подвергался преследованию и его брат Дмитрий Васильевич, раненый на фронтах 1-й мировой

---

[345] Кузнецов А. В. Тарногский ономастикон: словарь фамилий кокшаров и названий деревень Тарногского района. Вологда, 2007.

[346] Македонская Н. М. Церковные приходы, бывшие на территории Тарногского района Вологодской области // Православные приходы и монастыри Севера. [сайт]. Режим доступа: http://parishes.mrezha.ru/parishes.php? id=35019.

войны и работавший учителем. Обвинен в 1938 г. по ст. 58-10 и отправлен в исправительные лагеря на 8 лет, где и умер (также реабилитирован).

Фамилия Малевинские в этой части Вологодской губернии была распространена гораздо шире, чем фамилия Бурцевы. Как отмечает А. В. Кузнецов[347], «в старину эта фам. была обычной для жителей города Тотьма, а на рубеже 19–20 веков её носители проживали также в старототемской дер. Слуда и кулойской (мосеевской) дер. Великий Двор». В этом же источнике упоминаются братья Алексей, Григорий и Афанасий Малевинские (ссылка на запись в таможенной книге от 1677 года), а также подьячий приказной избы Тотьмы Арефа Малевинский, который в 1686 году написал несколько писем любимой девушке Анне. Генеалогическое древо Малевинских, можно полагать, очень велико, даже только в пределах священнослужителей Тотемского уезда, и никем пока в значительной мере не описано. При этом надо признать большую работу в этом направлении, которая ведется ныне живущими представителями этого рода – Малевинской Надеждой Георгиевной и Поляковой Ольгой Петровной (см. сайт analizfamilii.ru). Попытки автора этой статьи вычленить из большого числа носителей этой фамилии свою ветвь родословной долгое время не удавались из-за совпадения в важных случаях имен и отчеств. Помог анализ зон распространения фамилии в пространстве региона, что позволяет сейчас с высокой уверенностью говорить о двух крупных тотемских родовых группах. Центр первой из них исторически связан с Воскресенской церковью Старототемской волости и д. Медведево. Здесь еще в 17 веке жил и служил священником Никифор Иванович Малевинский. О его сыне Федоре мало что известно, но уже внук – Андрей Федорович (1735–1802) отмечен в 1734 г. как пономарь этой церкви[348]. В дальнейшем отца здесь сменил сын Иоанн (р. 1758). Служил священником Воскресенской церкви и другой сын – Петр (р. 1768). А вот старший сын Яков Андреевич (р. 1757) призван был «осваивать» новую территорию – с. Спасское (ныне Сокольский район). Тамошняя Спасо-Преображенская Стрелицкая церковь стала еще одним центром клана священников Малевинских. У троих братьев вместе было 9 детей мужского пола, и всех надо было куда-то пристраивать. Иона Петрович (1805–1874) отличался незаурядным голосом и знаниями в области сельского

[347] Кузнецов А. В. Тотемский ономастикон: фамилии тотьмичей, названия деревень, «советские» ойконимы, русские гидронимы.– Вологда, 2007.

[348] МКАУ ВУЦА фонд 363-1-361. Список СЦС Тотемского уезда на 1736 г. Л. 30.

хозяйства. Сам он и его дети Вячеслав Ионович (1827–1889) и Евгений Ионович (1835–1897) продолжали династию служителей в этой Преображенской церкви, а внук Феодосий Евгеньевич Малевинский (1870–1938), священник той же церкви, прославился своими трудами по истории, этнографии и краеведению, с 1921 г. был сотрудником Тотемского краеведческого музея. Он же в свое время крестил и венчал родителей поэта Николая Рубцова. Расстрелян в 1938 г. Та же участь постигла сына Александра Ионовича (Обнорского монастыря старца иеромонаха Сергия: 1828–1912) Сергея Александровича Малевинского (1866–1938), секретаря канцелярии Священного Синода.

Другая ветвь рода Малевинских связана первично, на уровне начала 18 века, с Николаевской Верхнееденгской церковью и д. Матвеево. Именно здесь в 1736 г. священником был бездетный Павел Кириллович Малевинский, а дьячком – его брат Федор Кириллович[349]. Из трех его сыновей – Алексея (р. 1708), Никифора (р. 1718) и Андрея (р. 1713–14), нашу линию продолжил именно Андрей Федорович Малевинский *(табл. 2)*. А завершил эту династию, как уже говорилось, Николай Васильевич Малевинский (2-й), двоюродный дед автора этой статьи.

Таблица 2

Родословная линия священно- и церковнослужителей Малевинских

Имена и отчества Малевинских / годы жизни	Название церкви и должность в ней / годы службы	Местоположение церкви
Кирилл (р. ок. 1665–)	Николаевская Верхнееденгская	д. Матвеево (ныне Тотемский р-н)
Павел Кириллович **Федор Кириллович** (р. 1690)	Та же ц. священник дьячок (с 1710 по 1755)	Там же
Андрей Федорович (р. 1714–)	Та же ц. дьячок (с 1756 по 1790)	Там же
Василий Андреевич (1752–1832)	Та же ц. пономарь (с 1772 по 1805)	Там же
	Воскресенская Кулойская Священник (с 1805 по 1832)	д. Мосеево, Кулойской волости Тотемского уезда (ныне Тотемский р-н)

[349] МКАУ ВУЦА фонд 363-1-361. Список СЦС Тотемского уезда на 1736 г., Л. 26 об.–27.

Имена и отчества Малевинских / годы жизни	Название церкви и должность в ней / годы службы	Местоположение церкви
Николай Васильевич (1-й) (1779–1858)	Та же ц. пономарь (с 1797 по 1858)	Там же
Василий Николаевич (р. 1797–)	Происхожденческая Лохтская диакон (с 1817 по 1825?)	д. Лохта (ныне Тюприха, Тарногский р-н)
Александр Васильевич (1818–1850)	Благовещенская Маркушевская священник (с 1838 по 1850)	д. Маркуша (ныне д. Заречье, Тарногский р-н)
Василий Александрович (1845–1896)	Та же ц. диакон (с 1865 по 1869)	Там же
	Троицкая Шебенгская священник (с 1869 по 1896)	Шебенгский погост (ныне Тарногский р-н)
Николай Васильевич (2-й) (1871–1944)	Николаевская Верхнееденгская диакон (с 1892 по 1893)	д. Матвеево (ныне Тотемский р-н)
	Воскресенская Лиходиевская священник (с 1893 по 1896)	Лиходиевский погост (ныне Вельский р-н Архангельской обл.)
	Троицкая Шебенгская Священник (с 1896 по 1917)	Шебенгский погост (ныне Тарногский р-н)

Территориальное обособление семейных кланов было очень естественным в прошлом, имело экономическую подоплеку и поддерживалось церковным руководством при решении кадровых вопросов. Однако к концу 19 века представителей фамилии можно было увидеть в разных церквях Тотемского уезда. Пришли священники Малевинские и на Кокшеньгу – в Лохту, Шебеньгу, Маркушу. ...А Бурцевы тогда уже встречались вдали от исходного их родового центра. Разобраться в родственных отношениях на тот период становится сложнее, особенно в условиях различных сбоев в системе учета, возрастании миграционных процессов и утере документов в связи с революционными событиями начала 20 века. Тем не менее, даже тогда при изучении родословной на ограниченном пространстве географический критерий может быть весьма полезен, не говоря уже о решении задач по выстраиванию исторически протяженных родственных линий.

Автор будет благодарен коллегам за любые деловые замечания и указания на возможные ошибки.

Сидорова Алёна Викторовна,
главный архитектор проекта ООО «Валбэк-ру», г. Вологда

ДАННЫЕ ПЕРЕПИСИ 1923 ГОДА В ГОРОДЕ ТОТЬМЕ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ АДРЕСНОГО ПЛАНА И СУЩЕСТВУЮЩИХ ДОМОВЛАДЕНИЙ

Одной из важных задач при проведении историко-градостроительных исследований является реконструкция городской ткани. Для более ранних периодов основой для такой реконструкции являются текстовые источники, а начиная со второй половины XVIII века – плановый материал. Планы городов конца XVIII – начала XX века позволяют определить квартальную сетку на конкретный период, но далеко не всегда дают представление о характере исторической парцелляции, количествах и размерах домовладений.

Частично решить данную задачу помогают планы второй половины XIX – нач. XX вв., на которые нанесены существующие или планируемые границы участков. Для городов Вологодской области, ранее входивших в состав Новгородской губернии, в рамках оценки городских недвижимых имуществ были составлены подробные поквартальные схемы[350]. Поквартальные схемы для

Фамилия Имя Отчество	Адрес владения - улица и № дома	Занятых квартир	В них жителей
5 квартал			
Малафеева Марф. Ив.	Б. Садовая 22, 24/26	2	20
Томилов Викт. Вас.	Б. Садовая, 20	1	5
Раков Ник. Дм.	Б. Садовая, 18	1 + 1 учр.	12
Старостина Агр. Андр.	Б. Садовая, 16	2	11
Вахрушев Феодос. Мих.	Б. Садовая, 14/3	1	11
Наследн. Пинаевского В.Е.	Пролетарская, 5	2 + 1 учр.	14
Коншина В.Н.	Пролетарская, 5а		
Литвинова М.Ф.	Пролетарская, 7/17	1	4
Иевлева Ир. Дм.	Дмитриевская, 19	1	10
Наследники Суслова Ал. Ф.	Дмитриевская, 21	1	9
Николаева Ал. Конст.	Дмитриевская, 23	1	4
Вячеславов Ив. Мих.	Дмитриевская, 25	1	9
Аккуратов Спир. Дм.	Дмитриевская, 27	1	8
Попова Анна Анд. Мл.	Советская, 30 и 32/29	2 + 1 учр.	15
Климова Мар. Ник.	Советская, 28	1 + 1 учр.	3
Итого	**15**	**18 + 4 учр.**	**135**

Рис. 1

[350] Например, Материалы для оценки городских недвижимых имуществ Новгородской губернии. Т. 9. г. Устюжна / стат. отд-ние Новгор. губерн. зем. управы.– Новгород: Паровая тип. А.И. Щербакова, 1903.– 136 с.

города Вологды 1910–1920-х годов хранятся в фондах ГАВО[351]. На таких схемах, как правило, обозначены границы участков, здания и строения, имена их владельцев, реже – материал стен, внутриквартальные сады и огороды.

Для города Тотьмы подобный плановый материал в ходе исследований не был обнаружен. Однако в фондах Государственного архива Вологодской области были найдены материалы, сохранившиеся после проведения городской переписи 1923 года[352], содержание которых позволяет реконструировать адресную сетку и местоположение домовладений на нач. 1920-х годов. Материалы представляют собой оформленные в таблицы по каждому кварталу перечни домовладений с указанием точного адреса, имени владельца, количества квартир и количества жителей в них (пример записи – *рис. 1*). Нумерация кварталов в данной переписи соответствует нумерации на плане города 1908 года[353], названия улиц являются актуальными на 1923 год (отражены на общей схеме – *рис. 2*).

В материалах переписи представлены кварталы в границах регулярного плана Тотьмы (совр. улицы Ново-Загородная, Загородная, Трудовая и река Сухона), за исключением 7 кварталов в центральной части города – кварталов № 6–7, 44–48. Помимо городских кварталов в материалах переписи представлены Спасо-Суморин монастырь, посад Варницы, Заречная часть, Зеленская слобода и поселок Ярославиха. Для каждого квартала или части города в конце приведены суммарные сведения об общем количестве домовладений, количестве жителей[354].

Материалы переписи 1923 года были переведены автором в электронный вид, затем местоположения домовладений были нанесены на современный топографический план города[355]. Для удобства пользования данный материал также был переведен в формат электронной карты на базе сервиса Google Maps. Каждое

---

[351] Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Фонд 475. Оп. 1. Д. 1611.

[352] ГАВО. Ф. Р-143. Оп. 1. Д. 348. 62 л. Таблицы учета населения г. Тотьмы по кварталам и жилищам по данным переписи 1923 года.

[353] План Тотьмы, опубликованный в Материалах для оценки городских недвижимых имуществ Вологодской губернии. Вып. 3. Город Тотьма.– Вологда: Вологодская губернская земская управа, 1908.– 45 с.

[354] Так как данные сводки продублированы в итоговой таблице, они распространяются и на кварталы 6–7, 44–48.

[355] Следует особо отметить, что материалы переписи 1923 года и результаты ее обработки не могут являться причиной возникновения, изменения или прекращения действующих прав собственности по объективным причинам.

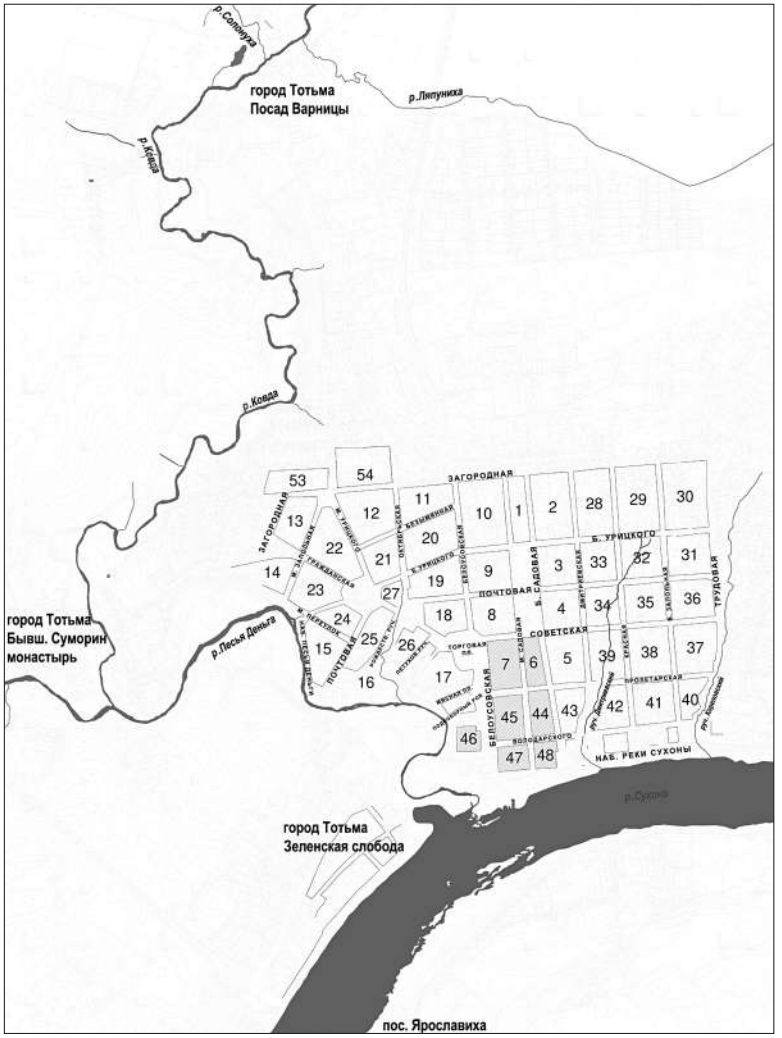

Рис. 2. Общая схема

домовладение согласно переписи 1923 года обозначено в виде метки с атрибутами, где указаны номер квартала, адрес, имя домовладельца, количество квартир и жильцов *(рис. 3)*. Возможно, местоположение некоторых домовладений будет уточнено автором при дальнейшей работе.

Рис. 3. Электронная карта

Из сложностей в работе с источником можно указать сплошную нумерацию в перечне домовладений в посаде Варницы, Зеленской слободе, пос. Ярославиха и Заречной части. Так, например, для посада Варницы в источнике приведен перечень домов, начиная с адреса посад Варницы, дом № 1 и заканчивая посадом Варницы, дом № 74, также часть домов указаны вовсе без номера. Так как сейчас данные районы или деревни имеют деление на улицы, каждая из которой имеет свою нумерацию домов, на данном этапе они отмечены одной меткой со ссылкой на общий список домовладений, в дальнейшем местоположение конкретных домов планируется уточнить.

Материалы переписи и сформированный на его основе план могут представлять интерес для широкого круга исследователей, решая разного рода задачи. Так, например, исследователям, занимающимся историей семьи или конкретного дома, будут интересны сведения о фамилиях домовладельцев. В переписи 1923 года среди них все еще часто встречаются такие известные в истории

города фамилии, как Мишуринские, Каплины, Киренковы. Точно идентифицируются дом Ф. М. Вахрушова (совр. ул. Ворошилова, 20), он указан в 5 квартале на углу Б. Садовой и Пролетарской по адресу Б. Садовая, 14/3, в доме расположена 1 квартира и указаны 11 жильцов. Также дом Копытова с балконом в стиле модерн (совр. ул. Кирова, 51) указан по адресу *«уг. Б. Урицкой и М. Садовой, 41/49 и 43»*, два дома принадлежат Копытовой и Пушкинской, в них 4 квартиры и 34 жильца.

Данный формат карты позволяет производить сортировку по разным показателям, так, например, было установлено, что наиболее часто среди домовладельцев упоминается фамилия Мишуринский, на рисунке ниже выбраны домовладения членов этой семьи в разных частях города и указаны черным цветом *(рис. 4)*.

Материалы переписи 1923 года планируется в ближайшее время оформить в единый документ и представить в открытый доступ[356].

Рис. 4

[356] В настоящее время карта доступна по ссылке: https://www.google.com/maps/d/edit?mid=10ZKKsNpWxMc-6ecv5Uw0mgFFf7VwV74d&usp=sharing.

Лютынский Антон Мечиславович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Северо-западного института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Вологда

ПРОТОКОЛЫ ПАРТИЙНЫХ СОБРАНИЙ 1930-х гг. КАК ИСТОЧНИК
(НА ПРИМЕРЕ ПАРТОРГАНИЗАЦИИ ТОТЕМСКОГО РАЙОННОГО ОТДЕЛА МИЛИЦИИ)

В вологодском архиве новейшей политической истории (официально – КАУ ВО «ВОАНПИ», бывший партийный архив вологодского обкома КСПСС, ВКП(б), истпартотдел Вологодского губкома ВКП(б)) хранятся довольно интересные исторические документы, связанные с внутренней деятельностью региональных организаций ВКП(б) – КПСС, начиная с 1920-х годов.

Документы разделены на единицы хранения по хронологии и отдельные фонды по партийным организациям, которые в советский период создавались на производственных предприятиях, правоохранительных органах, учреждениях культуры и т. д.

Предметом моего интереса стали партийные документы первичных ячеек районных отделов НКВД, к которым относились отделы милиции Тотемского и Верховажского районов (до 1937 года – принадлежавшие к Северному краю, со столицей в г. Архангельск), а также протоколы партийной организации Вологодского краеведческого музея (1930–1940 гг.).

Сохранившийся объем этих материалов неодинаков: так, за указанный период имеются лишь три единицы хранения протоколов собраний, связанных с краеведческим музеем, однако доступно лишь одно дело за 1938 год.

Дела, связанные с правоохранительными органами районов, более доступны и представляют собой следующие виды материалов:

протоколы открытых и закрытых партийных собраний, которые проводились достаточно регулярно, иногда – в связи с получением руководящих документов из Москвы, Вологды, Архангельска или с докладами на основе речей Сталина, например, «по докладу тов. Громова «Речь тов. Сталина» на выпуске Академиков Красной Армии 4 мая 1935 года»;

отдельно выносимые резолюции по обсуждаемым вопросам;

списки членов партийной организации с указанием партийной нагрузки (например: заочник СПШ; сборщик партвзносов; руководитель кружка по истории ВКПб);

могут встречаться протоколы партийных собраний, являющихся продолжением районных, на которых обсуждались вопросы, явно выходящие за пределы компетенции милиции: по семфонду, прирост по животноводству, процент прогулов на предприятиях района и т. п.

Состояние документов в целом неплохое, большая часть представляет собой машинописные документы, но довольно значительный объем составляют рукописные документы, изучение которых не всегда столь легко.

Типичная структура протокола партийного собрания может быть показана на примере закрытого партсобрания при областном архивном управлении от 9.12.1938.[357]

Повестку собрания составили два вопроса: *«о выпуске краткого курса истории ВКП(б). Коммунистам приступить к самостоятельному изучению курса. 2. Провести собрание с рабочими; обсуждение заявления т. Суханова и Берсенева о том, что новый директор музея Куропатников набирает в музей людей непроверенных и всячески возвышает этих людей»*.

С учетом исторического периода представляет интерес содержание дискуссии, в которой заведующий музеем обосновывает свою непричастность к «возвышению врагов народа». Например, так он высказался о реставраторе Федышине: *«Если говорить о Федышине, то он работал в музее неплохо, был хороший работник и своего дела профессор. В политических вопросах Федышин плохо разбирался. Федышин работал в пединституте, где и засыпался. Я взял на работу жену Федышина, она дело знает и в музее работала 13 лет»*.

В дальнейшей дискуссии о возвышении можно увидеть следующие мнения сотрудников музея (из реплик следует – недавно принятых на работу):

«*Здесь нам Куропатников расхваливал Федышина, а Федышин враг народа, я знал Федышина, он немного не сорвал выставку. Федышина нечего восхвалять, возвышать, он враг...*

...обстановка нездоровая. Куропатников набирает людей, не с кем не советуется. ...Здесь Куропатников говорил, что Федышин засыпался в Педвузе, это неправильно, Федышин как враг народа

[357] ВОАНПИ. Ф. 1333. Оп. 1. Д. 5а. Л. 6–7.

приложил свою руку и к музею, когда весь музей, все его отделы развалены»[358].

Целями поиска в целом было обнаружение материалов, связанных с политическими репрессиями, переселениями конца 1930-х – начала 1940-х в контексте местного идеологического обеспечения работы правоохранительных и судебных органов.

Здесь архивные данные могут служить источником как фактических данных о конкретных людях, так и об особенностях т. н. «партийной работы» в правоохранительных органах.

В качестве интересного примера можно привести протокол закрытого партсобрания при Тотемском РО УНКВД, проведенного совместно с работниками прокуратуры и нарсуда, от 31 января 1935 года[359].

Повестка дня была обусловлена получением решения УНКВД Северного края «Об извращениях классовой линии в исправительно-трудовой политике и нарушениях революционной законности в Плесецкой ИТК» от 19.1.1935 г.

Кроме этого, обсуждалась активность членов ячейки и кандидатов в ВКП(б) и политико-правовое просвещение. Было осуждено бытовое разложение в контексте обсуждения бытовых условий работников милиции и тюрьмы. Обращено внимание на необходимость посещения занятий, на которых главным средством была читка вслух статей и руководящих документов.

По поводу извращений классовой линии тов. Зубакин сообщил, что *«в наших условиях эти извращения имеются, проведенной проверкой обнаружено семь случаев освобождения социально-чуждых элементов из Тотемского ИЗО»*. Другие участники собрания сообщили, что у нарсудов «*слабы приговора в отношении соц.-чуждых элементов*», а *«со стороны Нарсудьи 3 участка Попова имеют случаи искривления классовой линии, который за расхищение государственного хлеба дает принудительные работы»*.

Отдельный интерес представляет резолюция собрания по поводу «ИЗВРАЩЕНИЙ». Это список из 7 человек, досрочно освобожденных из числа социально-чуждых разложившихся элементов. Например, Шолохов Федор Андреевич, 58 лет, осужден нарсудом Тотемского участка на 10 лет, по соцположению кулак, освобожден спецкомиссией ИТУ как инвалид II группы[360].

---

[358] ВОАНПИ. Ф. 1333. Оп. 1. Д. 5а. Л. 7.
[359] ВОАНПИ. Ф. 1684. Оп. 1. Д. 6. Л.д. 1–4.
[360] ВОАНПИ. Ф. 1684. Оп. 1. Д. 6. Л.д. 4.

На основе обсуждения парторганизация решает *«просить райком через крайком возбудить ходатайство перед крайпрокурором об опротестовании постановлений об освобождении»*, а также *«предложить опротестовать дело, разбираемое в В-Толшемском с/с судьей Поповым (зав. хлебоскладом Бредников осужден за хищение 2 тонн зерна. Наказание в виде 10 мес. принуд. работ вызвало со стороны населения возмущения, т. к. Бредников в бытность заведующим пьянствовал и расхищал зерно)»*[361].

Нередко можно встретить протоколы с подробным обсуждением антипартийного поведения кого-то из милиционеров, например: стрельба из нагана в пьяном виде, скандалы и развод с женой; втянул в пьянку двух комсомольцев, пьянка сопровождалась дебошем (ударил комсомольца по лицу); незаконно купил сено; на обратном пути из командировки в пьяном виде имел связь с а/ссыльным; 1 мая появление в церкви; приставания к чужой жене.

В контексте изучения повседневной истории Тотьмы и вообще советской провинции могут представлять протоколы собраний, где обсуждались бытовые условия сотрудников милиции и тюрьмы и качество работы отдельных милиционеров, желающих вступить в ВКП(Б) (перейти из кандидатов в члены партии).

Так, в протоколе от 21.11.1935 указана повестка[362]: 1. О международном и внутреннем положении СССР. 2. О культурно-бытовых и жилищных условиях работников РОМ и тюрьмы.

В протоколе от 13.01.1937 г. приведено обсуждение *«кандидатуры Н. П. Коточигова, участкового инспектора гор. Тотьмы, о переводе из кандидатов в члены ВКП(б)»*[363].

Стандартной практикой в таких случаях было указание обязательных вопросов кандидату: Нет ли в родстве раскулаченных? Когда вступил отец в колхоз? Чем объясняются опоздания? Чем объясняется частая перемена службы в 1934 году? Почему по службе выявлялась недисциплинированность?

В ходе обсуждения, в частности, было высказано следующее: *«Тов Зубакин: У тов. Коточигова нет того разворота в работе, какой требуется в настоящее время. В городе творится ряд безобразий: давка в очередях за хлебом, сшибание автомобилями прохожих и пр....*

Тов Конечный: Политический рост тов. Коточигова заметен, но как участковый плохо относится к своим обязанностям: безобразия

---

[361] ВОАНПИ. Ф. 1684. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.
[362] ВОАНПИ. Ф. 1684. Оп. 1. Д. 6. Л. 55–58.
[363] ВОАНПИ. Ф. 1684. Оп. 21. Д. 23. Л. 1.

в очередях, давка, распускаются всевозможные антисоветские слухи, но тов. Коточигов достаточных мер не предпринимал, нет у него достаточной революционной бдительности»[364].

Характерная проблема 1937 года – нехватка хлеба в магазинах, что не раз проявляется в обсуждениях.

На этом же партсобрании можно увидеть пример практики т. н. «самоотчетов» или «самокритики», когда провинившийся должен был саморазоблачиться перед товарищами по партии. Этот вопрос был поставлен также в связи с «положением с хлебом».

Особый интерес представляет причина такого самоотчета, о которой на собрании говорит *«тов. Второв: Самоотчет был вызван тем, что Черепанов составил стих, который он думал передать в газету, по содержанию антисоветский... Тов. Конечный: Сочиненный им стих носит антисоветский, уравнительный характер... Тов. Зубакин: В стихе Черпанова проявляется мальчишество и сказывается крестьянская психология...»*.

Сам обсуждаемый немного проливает свет на содержание своего стихотворения: *«В отношении стиха, то я его написал возмутившись поведением Председателя Горсовета, когда тот в столовой получил каравай хлеба, а к обеду там не хватало хлеба, писал стих не имея никакой задней мысли, не учел ее антипартийного характера, мне пришлось очень много в жизни перенести лишений и недостатков и я бываю иной раз грубым и сознаю свою вину»*[365]. Собрание решило объявить выговор за антипартийное поведение.

В материалах 1937 года увеличивается информация, связанная с репрессиями, активно обсуждается и осуждается связь с «врагами народа», которые до своего ареста занимали руководящие посты в местных органах власти, прорабатываются члены ячейки за связь с осужденными и ссыльными родственниками[366] (л.д. 18–21).

В качестве вывода можно резюмировать, что документы партийных собраний низовых парторганизаций правоохранительных органов 1930-х гг. представляют определенный интерес для исследователей. Конечно, достаточно велика их ценность для изучения истории района, повседневной жизни как обычных жителей, в т. ч. сотрудников милиции. Кроме этого, протоколы могут содержать конкретные фактические данные о репрессированных, находившихся на территории района. Содержание протоколов может

---

[364] ВОАНПИ. Ф. 1684. Оп. 21. Д. 23. Л. 1–2.
[365] Там же. Л. 3.
[366] Там же. Л. 18–21.

представлять интерес для изучения политической истории и политической психологии довоенного советского общества.

Сысоева Елена Сергеевна,
директор МБУК «Бабушкинский районный исторический музей»,
с. им. Бабушкина, Вологодская область

БАБУШКИНСКИЙ СОЛЕВАРЕННЫЙ ЗАВОД В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В районном архиве сохранились документы Бабушкинского солеваренного завода за 1942 г. (май – декабрь), 1943 г. (апрель – декабрь) [Фонд 142, опись 1, дело 2, листов 118]. Это ведомости, требования, удостоверении, соглашения, акты, мемориальные ордера. Анализ материалов свидетельствует, что в военном 1942 году принято решение о возобновлении работы Леденгского (Бабушкинского) солеваренного завода, закрытого по приказу Москвы 10 февраля 1922 г.[367]

Все предприятия и организации в районе меняли названия на основании Указа Президиума Верховного Совета РСФСР, изданного 4 марта 1941 года *«О переименовании Леденгского района Вологодской области в Бабушкинский район и центра села Леденгск – в село имени Бабушкина»*.[368]

Сохранившиеся письменные источники сользавода написаны от руки черными, красными, фиолетовыми чернилами или графитовым карандашом, встречается несколько документов, напечатанных на машинке. Для отчётности использовалась любая подходящая бумага: специальные бланки, упаковочная бумага, тетрадные листы, калька. Встречаются листы желтого, голубого и розового цветов. На официальных документах в левом верхнем углу ставился штамп организации с номером и датой, появились типографские бланки «Командировочных удостоверений».

В военное время ощущалась острая нехватка соли. Перед войной в нашей стране было достаточно солеварней и соляных шахт, на которых в основном работали мужчины, но с началом войны многие ушли на фронт и добыча соли в стране резко сократилась. Страна лишилась крупного центра производства соли – Донбасса,

[367] ГАВО. Ф. 388. Оп. 8. Д. 2172. Л. 8.
[368] Указ Президиума Верховного Совета РСФСР // Красный Север.– 1941.– 6 марта.

оккупированного немецкими захватчиками. А также не было лишнего транспорта для перевозки соли.[369] Поэтому в начале 1942 года исполнительным комитетом Бабушкинского районного совета депутатов трудящихся Вологодской области решено возобновить соляной завод в селе им. Бабушкина.

30 марта 1942 года к обязанностям руководителя приступил Александр Васильевич Холмогоров. В штате предприятия состоял один директор с заработной платой 600 рублей. Первая командировка директора с 9 по 11 июня была «...в г. Тотьму для ознакомления со строительством солеваренного завода». В середине июня он едет *«...в Веденский, Верховинский, Юркинский, Фетининский, Велико-Дворский, Кулибаровский, Харинский, Демьяновский с/советы по выводу людей на строительство сользавода»*.

К середине лета необходимый для работы штат сотрудников укомплектовали, началась стройка. Печные работы выполняли Николай Александрович Некрасов и Василий Андреевич Мельников. В постройке зданий участвовали: Макар Андреевич Макаров, Александр Варламович Крылов, Александр Иванович Порошин, Павел Павлович Юнин и другие. Справка Михаила Павловича Сысоева свидетельствует: *«...что в августе он отработал на строительстве солеваренного завода 25 рабочих дней из расчета 15 рублей человеко-день. Заработок за месяц составляет 375 руб. Десятник Шананин»*.

Строительство здания варницы с нулевого цикла до ввода в эксплуатацию занимало более месяца. Предварительно в земле обустраивали варничную печь, а уже над ней возводили сруб. Из документов узнаем: *«Бабушкинский район строит солезавод с топкой по-черному. Отпадает необходимость устройства дымовытяжной трубы»*. При строительстве старались применять кустарное оборудование, поменьше делать капиталовложений, чтобы в кратчайшие сроки начать добычу соли и снабжать ею местное население. В целях экономии времени и средств помещение для конторы арендовали.

Для выварочного процесса требовались большие сковороды – црены, которые заказали в областной столице. Об этом свидетельствует соглашение: *«Мы, нижеподписавшиеся главный инженер Вологодского управления пищевой промышленности Маслов Андрей Васильевич, с одной стороны, и начальник котельного цеха Вологод-*

---

[369] Мелер Э. Полностью использовать соляные источники // Красный Север.– 1943.– 24 июл.

ского вагоно-паравозо-ремонтного завода (ВПВРЗ) Шуин Александр Александрович, с другой стороны, заключили настоящее соглашение на нижеследующее:

1. Облпищепром сдает, а котельный цех ВПВРЗ принимает заказ на изготовление выпарных тарелок для солеварочного завода в количестве 4-х штук со всеми деталями к ним согласно чертежа.

2. Материалом для изготовления тарелок и деталей к ним (листовое железо, уголок и круглое железо) обеспечивает заказчик.

3. Котельный цех обязуется произвести указанные работы в соответствии с чертежом (тарелок – 4 шт., подвесок – 60 шт., труб – 8 шт.) с установкой уголка для жесткости и три ряда по периметру верха каждой коробки и болтов 60 шт.

4. Котельный цех обязуется выполнить весь заказ в 10-дневный срок, т. е. к 31 октября 1942 года.

5. Заказчик обязуется уплатить за всю работу ДВЕНАДЦАТЬ ТЫСЯЧ рублей, из которых 30% по выполнении 50% заказа и остальные 70% после полного изготовления заказа по предъявленному счету».

Заказ на изготовление цренов выполняла бригада котельщиков и электросварщиков в количестве 30 человек. В начале ноября 1942 года «выпарные тарелки» были отправлены заказчику через пароходство. Из Тотьмы в село им. Бабушкина их доставили на тракторе. Бабушкинский ЛПХ выставил счёт Бабушкинскому сользаводу: *«Следует получить с Вас за провоз чиренов из Тотьмы до села им. Бабушкина на тракторе согласно путёвки. Сумма 907,20 рублей».* Вес одного црена размером 6х6 м около 250 пудов (примерно четыре тонны).[370]

Осенью 1942 года директор А. В. Холмогоров дважды ездил в командировки в Тотьму и Вологду. Именно в этот период и решались вопросы об изготовлении оборудования для сользавода. Сохранились командировочные удостоверения: с 27 сентября по 11 октября и с 28 по 31 октября. После завершения поездок в бухгалтерию сдавали авансовые отчеты. Отчет директора завода по второй командировке:

– *за проезд на автомобиле Леденгск – Тотьма* *30 руб.;*
– *за доставку груза на пристань в Вологде* *50 руб.;*
– *телеграфные расходы* *4,75 руб.;*
– *по счету за жел. банки под р./ м... (нечитаемо)* *94,50 руб.;*
– *провоз товара Вологда – Тотьма* *11,30 руб.;*

[370] Степановский И. К. Работы экономического отдела // Союз Северных кооперативных Союзов «Северсоюз».– № 32. 1919. С. 80.

– *проезд на пароходе Тотьма – Вологда и обратно 60,00 руб.;*
– *командиров. (суточные) в гор. Вологде 11×18 198,00 руб.;*
– *командиров. (суточные) за пределы района 8×9 72,00 руб.;*
– *квартирные в Вологде 11×7 77,00 руб.;*
– *квартирные за пределы района 8×5 40,00 руб.*

Итого 637,55 рублей.

Из отчета следует, что от Тотьмы до областной столицы директор добирался на пароходе. Ему оплатили провоз багажа, квартирные и суточные, расходы на телеграф.

В августе началась заготовка, распиловка и подвозка дров к солеварням.[371] Частично лес сплавляли по реке, и его приходилось «выкатывать». Стоимость такой работы составляла 71 копейка за 1 кубометр леса. Для подвозки дров к заводу у «Сысоевской лесхимартели» закупали дровни по 100 руб. за единицу.

В работе завода участвовали Тотемские предприятия. «Тотемский райтоп» заготовлял дрова и поставлял тёс. Тотемский райзаготпункт ВО «Заготсено» *«...поставил сена в кол-ве 7500 центнеров на сумму 1312,50 руб.»*. При заводе было подсобное хозяйство, содержали лошадей. Они трудились на заготовке и подвозке дров, перевозке соли в магазины и на склады. В военное время колхоз «12-й Октябрь» продал сользаводу лошадь за 8 000 рублей по кличке «Обида», 1939 года рождения, масть – гнедая, паспорт № 464031.

Первая выварка соли состоялась 10 августа 1942 г. Средняя крепость Бабушкинских рассолов составляла около 5%. Из кубометра солёной воды выходило 50 килограммов соли. Выпуск продукции за период с 27 августа по 1 декабря 1942 года составил 14 100 кг *(приложение 1)*. Солеварами работали Дмитрий Иванович Мезенев, Иван Михайлович Мельников, Василий Андреевич Мельников с месячным окладом в 700 руб.[372] *(приложение 4).*

Иногда в рабочем процессе случались неприятности: *«...на складе сользавода за продолжительное время получилось частичное загрязнение соли в количестве 36 кг, которые пущены в котёл для переработки солевару Мельникову Василию Андреевичу. В чём*

[371] Архивный отдел Администрации Бабушкинского муниципального района. Ф. 142. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.
[372] Там же. Л. 7.

и составлен настоящий акт на списание указанной соли со склада Бабушкинского сользавода» (акт от 27.12.1943 г.).

Соль по нарядам отпускалась в Междуреченск, Тотьму, Бабушкинским предприятиям: Куножскому леспромторгу, Леденгскому сельпо. Колхозам района: «Красная заря», «Водораздел», «им. Ворошилова», «Колхоз II-я пятилетка», «Малая Унжа», «Правда», «Сталинец», «им. Молотова».

Предположительно, что выпускаемой продукции хватало не всегда. В требовании Росятинского райпотребсоюза читаем: *«...кроме того вы тормозите выдачу соли нашим сельпо. Прошу соль давать по требованиям сельпо которая для нас. Деньги вам переведены. Порожних подвод без соли не посылайте. Нужна соль».* Также зафиксирован случай отказа: *«Командование отряда №-1179 Военизированной охраны Гражданского воздушного флота просит отпустить через нашего представителя Потанина Ф. Ф. 20 кг соли для столовой отряда. Командир отряда №-1179 Петрашев. Нач. военхоздовольствия Гудков»*. На что дан ответ: *«Без наряда Облторготряда и Облпищепрома соли отпустить не можем. Подпись А. Холмогоров»*.

К концу 1942 года в аппарат организации входили: директор, счетовод, десятник, солевары 3 чел. Отдельным списком шли рабочие по заготовке, распиловке, подвозке дров, солевары, соленосы. Численность работников составляла 28 человек. Наравне с мужчинами работали женщины. Работникам завода полагались оплачиваемые отпуска, но они их не использовали, получая взамен денежную компенсацию.[373]

В 1942–1943 гг. для строительства на селе стали поступать выздоравливающие раненые солдаты. Их распределяли на постой к местным жителям. В доме Литвинова Николая Варсанофьевича жили трое военнослужащих. Работали по мере своих возможностей. Никакой нормы по работе им не устанавливали. «Зимы стояли холодные... Костер горит, застыли рукавицы, у костра просушим, чайку попьём... Вот в таких условиях и такими силами в селе возобновили солеварение».[374]

Война ухудшила условия жизни и труда людей. Жилось трудно из-за нехватки еды. Летом подспорьем были ягоды, грибы, овощи с огорода, но этого не хватало. Работникам завода дополнительно

---

[373] Архивный отдел Администрации Бабушкинского муниципального района. Ф. 142. Оп. 1. Д. 2 Л. 108.

[374] Литвинов Н. В. Соль, пропитанная потом // Знамя.– 2006.– 9 февр.

отпускали продукты за наличный расчет *(приложение 2)*. Поставкой продуктов занималась организация «Волоблпищепромснабсбыт» *(приложение 3)*. Продукты доставляли до Тотьмы, а затем перевозили в село.

При транспортировке случались казусы. Из акта узнаем, что *«...привезено жмыхи*[375] *с пристани Тотьма на склад Бабушкинского сользавода 2020 кг нетто, 45 мешков. В наличии оказалось 1908 кг, т.е. получился недовоз жмыхи в кол-ве 112 кг. Комиссия считает, что недовоз получился при следовании в пути, т.к. мешки при следовании в количестве 45 штук были дыроватые и поэтому недовоз жмыхи 112 кг списать. В чем и составлен настоящий акт. Комиссия: подписи трёх членов комиссии: Загребин, Михайлова, Мезенев»*.

В сентябре 1943 года работникам солеваренного завода впервые выдали спецодежду за наличный расчет: рукавицы 1 пара (9,70 руб.),[376] лапти 1–2 пары (11 руб.). Соленосы получали халаты (45 руб.), солевары – брюки (56,40 руб.), служащие – валенки (173,10 руб.). Кто имел «лишние» денежные средства покупал телогрейки (75,60 руб.), костюмы (42,00 руб.). Для пошива платьев привозили сатин. Поступило всего 30 метров (8,75 руб.), поэтому, чтобы досталось всем, «в одни руки» отпускали по 1,5–2,5 метра.

Освещение было керосиновое. 7 литров керосина разделили на 27 работников следующим образом: директору – 0,5 литра, остальным по 0,25 л. Стоимость 1 литра составляла немногим менее одного рубля.

Последний из сохранившихся источников – это платёжно-расчетная ведомость за декабрь 1943 года *(приложение 4)*. С основной ЗП работников завода удерживали подоходный налог, «культсбор», военный налог, налог в фонд обороны.

Документы о закрытии Бабушкинского сользавода в архив не поступали.

---

[375] Жмых – продукт, получаемый после отжима растительного масла на прессах различной конструкции из прошедших подготовку семян масличных культур (подсолнечника, рапса, рыжика, льна и др). Концентрированный корм для сельскохозяйственных животных с большим содержанием белка (15–40%); один из компонентов комбикормов.

[376] Архивный отдел Администрации Бабушкинского муниципального района. Ф. 142. Оп. 1. Д. 2. Л. 86.

Приложение 1

Количество вываренной соли в 1942–1943 гг.

	1942			1943	
	цена соли за кг/р.	кол-во соли, кг	кол-во дров, куб.	кол-во соли, кг	кол-во дров, куб.
Январь – июнь	данных нет			данных нет	
Июль	данных нет			24577	688,5
Август	1,92	5674	175	24312	659
Сентябрь	1,92	7416	235	15002	375,5
Октябрь	1,92	1010	45	5827	150
Ноябрь	1,92	1619	69	данных нет	
Декабрь	2,20	данных нет	276	34242	276

Цена 1 кубометра дров составляла 16,80 руб.

На «варю» расходовалось 60 куб. м. стоимостью более 1 тыс. рублей.

Приложение 2

Список продуктов работникам завода за наличный расчет, сентябрь – декабрь 1943 г.

№ пп.	Наименование	Количество на 1 работника, кг, шт., кор.	Цена за единицу, руб.	Сумма, руб.
1	Жмыхи	5–10	0,90	4,50
2	Мёд	0,2	3,50	0,7
3	Спички	2 кор.	1,0	2,0
4	Керосин	0,25 л	0,72	0,18
5	Соль	0,5–2	2,20	4,40
6	Масло	0,2–0,3	13,50	2,70
7	Сахар	0,5–0,6	8,20	4,10
8	Лапша	0,6–1,5	6,00	3,60
9	Крупа	0,5	цена не указана	–
10	Картофель	3–10	цена не указана	–

Приложение 3

В октябре 1943 года на склад сользавода поступили товары:

№ пп.	Наименование	Единица	Кол-во	Цена	Сумма
1	Масло льняное	кг	20	5,50	110,00
2	Постный сахар		15	7,80	117,00
3	Брюки ватные	шт.	5	47	235,00
4	Куртки ватные	шт.	5	63	315,00
5	Туалетное мыло	к	5	3,20	16,00
6	Подтильник	ш	4	4,40	17,60
7	Спички	к	100	0,51	51,00
8	Бумаги оберточной	к	2	1,31	2,62
9	Бумаги маскировочной	к	1,2	3,3	3,96
10	Водка перцовая	ящ.	1	43,36	433,60
11	Гвозди	ящ.	0,1	1,88	0,19
12	Тара	ящ.	2	10	20,00

Приложение 4

Ведомость на выдачу заработной платы рабочим и служащим Бабушкинского солеваренного завода в 1943 г.

№ пп.	Ф. И. О.	Должность	ЗП за август* 1943 г., руб.	ЗП за декабрь** 1943 г., руб.
1	Холмогоров Алексан. Васил.	директор	600	600
2	Заикина Анна Андреевна	бухгалтер	500	500
3	Мезенев Алексей Васильев.	счетовод	150	300
4	Михайлова Анна Павловна	кладовщик	200	200
5	Шананин Николай Николаев.	десятник по строительству	400	400
6	Загребин Николай Николаевич	десятник по заготов. дров	300	300
7	Мельников Иван Михайлов.	солевар	350	372,48
8	Мезенев Николай Алексеев.	солевар	350	135,13
9	Мельников Василий Андр.	солевар	350	442,95
10	Шананин Иван Николаевич	солевар	350	470,20
	Литвинов Василий Лазарев.	солевар	–	153,98
	Литвинов Николай Дмитр.	солевар	–	90,79
11	Мезенева Елизавета Фек...	соленос	250	273,40
12	Шананина Мария Ивановна	соленос	250	273,40

№ пп.	Ф. И. О.	Должность	ЗП за август* 1943 г., руб.	ЗП за декабрь** 1943 г., руб.
13	Шананина Юлия Феодосьев.	соленос	250	273,40
14	Бабушкина Александра Иван.	соленос	250	273,40
15	Данилова Агния Ивановна	сторож	115	115
16	Потанина Наталия Михайл.	сторож	115	115
17	Юнина Анна Евстафьева	уборщица	30	–
	Соснина Клавдия Павловна	уборщица	–	100
	Мезенев Дмитрий Иванович	конюх	–	266,67
	Итого по ведомости		**4810**	**5655,80**

Коренева Наталья Ивановна,
заместитель директора МБУК «Тотемское музейное объединение»,
г. Тотьма, Вологодская область

ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА. ПИШУТ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Ценнейшим материалом по истории советского самосознания является эпистолярное наследие. Музеи уделяют особое внимание его изучению и популяризации посредством научно-исследовательской, экскурсионно-выставочной и культурно-образовательной деятельности. Проводится работа по публикации фронтовых писем в сборниках и периодических изданиях. Они цитируются при проведении различных мероприятий (музейные уроки, экскурсии, встречи и т. п.), размещаются в Интернете.

Возрождение интереса к изучению индивидуального жизненного опыта участников боевых сражений через эпистолярное наследие, способствующее повышению общественной и научной значимости исследуемой проблемы, обуславливает ее актуальность.

Введение ранее не использовавшихся источников позволяет раскрыть тему с новых методологических позиций, обратить внимание на множество аспектов, связанных с участием разных социальных групп населения в военных действиях, и на отдельных примерах показать величие народного подвига.

Письма – уникальный вид исторических документов. Они представляют особую ценность для исследований. В советское время письмо являлось самым распространенным средством общения между людьми, между обществом и властью. А в годы войны – это

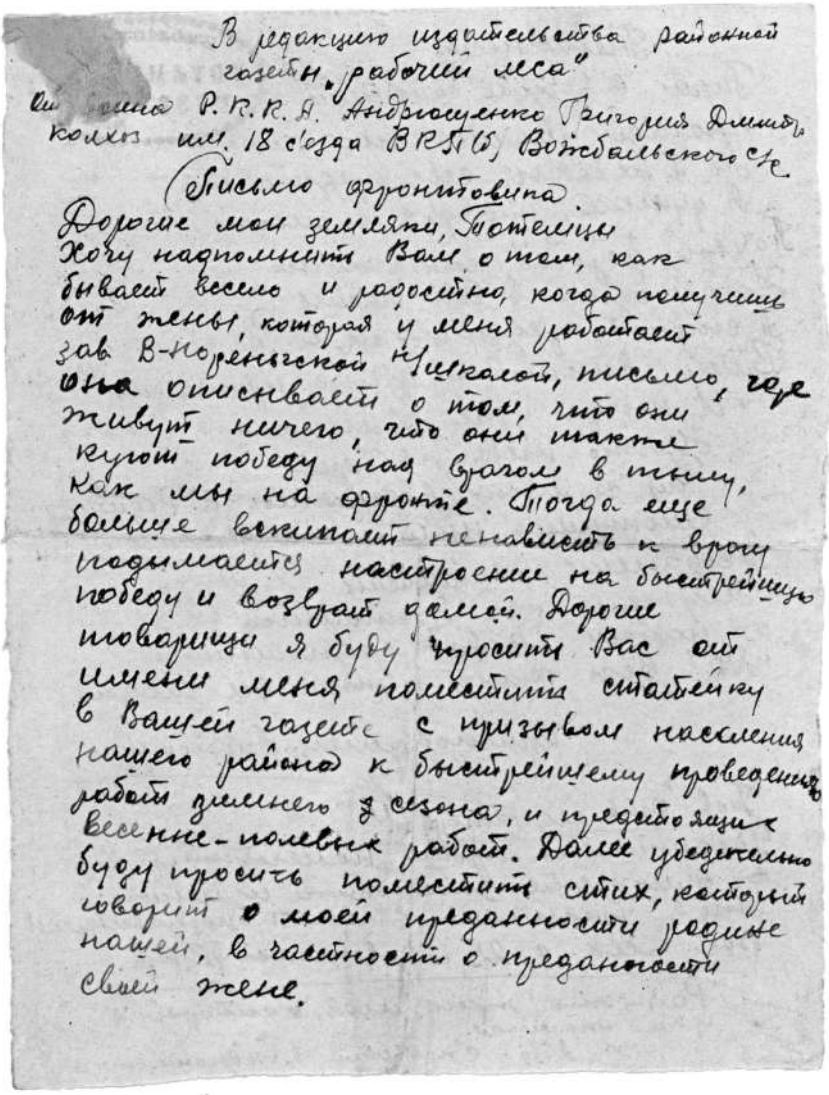
была единственная ниточка, связующая солдата-фронтовика с его родными, находившимися в тылу.

В своей работе я обращаюсь к анализу фронтовых писем, написанных людьми, которых в тот период выделяли в «особую касту» – «касту» спецпереселенцев. Обращение к этой теме вызвано тем, что в последние годы сотрудники тотемского музея активно занимаются изучением истории спецпоселений, которые располагались на территории Тотемского района в 30–50-е гг. XX века, и восстановлением личных историй людей, пострадавших в годы репрессий.

Великая Отечественная война внесла свои коррективы в жизнь людей, живших на спецпоселениях. В первый год войны, когда проходила массовая мобилизация на фронт советских граждан, среди них был достаточно низкий процент спецпереселенцев. Власть в них видела прежде всего «изменников Родины» и дезертиров. К концу 1941 года к руководству страны пришло осознание того, что мобилизационные ресурсы страны уже исчерпаны. По этой причине в 1942–1943 годах мужское население со спецпоселков стали направлять на фронт. У всех этих людей присутствовал патриотический подъем и желание отстоять свою землю от захватчиков. И это не просто красивые слова, это была историческая реальность. Эта мысль находит подтверждение и в письмах, написанных фронтовиками домой, в Тотемский район. Тема патриотизма, желание скорейшей Победы над врагом проходят красной нитью через фронтовые письма.

В архивном отделе Тотемского музейного объединения среди личных дел участников Великой Отечественной войны удалось выявить шесть писем, написанных спецпереселенцами. Эти письма, наряду с небольшими биографическими данными, справками и выписками в годы войны скурпулезно собирал и оформлял в специальные картонные папки директор краеведческого музея Николай Александрович Черницын.

Фронтовые письма писали люди, которые по воле судьбы в 30-е годы были раскулачены и высланы на Север. Здесь им приходилось выживать в неимоверно трудных и сложных условиях. Назовем их имена: Алексей Иванович Дмитриенко (пос. Лисья Горка, рабочий Чуриловского лесопункта, ТМО-12498), Андрей Гаврилович Моспаненко (пос. Брусная, к-з им. 18 партсъезда Усть-Печенгского с/с, ТМО-12615), Иван Федорович Сердюк (пос. Еловец, колхоз «18 партсъезд» Вожбальского с/с, ТМО-12524), Григорий Дмитриевич Андрющенко (пос. Еловец, счетовод к-за «18 парт-

В редакцию издательства районной газеты „Рабочий леса"

От имени Р.К.К.А. Андрющенко Григория Дмитр. колхоз им. 18 с'езда ВКП(б), Вожбальского с/с.

Письмо фронтовика.

Дорогие мои земляки, Костеленцы
Хочу напомнить Вам о том, как бывает весело и радостно, когда получишь от жены, которая у меня работает зав В-Поленской школой, письмо, где она описывает о том, что они живут ничего, чтоб они также куют победу над врагом в тылу, как мы на фронте. Тогда еще больше вскипает ненависть к врагу поднимается настроение на быстрейшую победу и возврат домой. Дорогие товарищи я буду просить Вас от имени меня поместить статейку в Вашей газете с призывом населения нашего района к быстрейшему проведению работ зимнего 2 сезона, и предстоящих весенне-полевых работ. Далее убедительно буду просить поместить стих, который говорит о моей преданности родине нашей, в частности о преданности своей жене.

Письмо в редакцию районной газеты «Рабочий леса» от бойца РКК Андрющенко Г.Д. От 25.02.1943

съезд», ТМО-1311), Николай Егорович Терехов (пос. Чуриловка, ТМО-12630), Иван Ефимович Жидко (пос. Еловец, тракторист к-за «18 партсъезд» Вожбальского с/с, ТМО-12525).

Письма имеют разную степень сохранности. Часто они написаны на бумаге плохого качества. Обычно это либо тетрадный лист[377], канцелярский бланк или книжная страница[378], реже почтовая открытка[379]. Писались письма чернилами и перьевой ручкой, но чаще карандашом. На письмах имеется штамп «Просмотрено военной цензурой». Местами часто вымарано тушью или чернилами.

С точки зрения видовой принадлежности выявленные письма спецпереселенцев можно разделить на два жанра. Первый – это газетный жанр, т. е. письма в газету, адресованные для публикации. Примером таких писем в нашем случае могут являться письма Дмитриенко А. И. и Андрющенко Г. Д.

Алексей Иванович Дмитриенко принимал участие в боях за Сталинград. Награжден медалью «За оборону Сталинграда». Письмо Алексеем Ивановичем написано 31 июля 1943 года и адресовано землякам-тотьмичам. Эмоциональный настрой автора письма боевой, с особым патриотическим подъемом и огромным желанием в изгнании фашистов с территории советского государства.

Письмо землякам. 31.07.1943

Через газету хочу передать всем землякам свой горячий фронтовой привет, любовь к Родине и верную ее защиту. Я бывший рабочий Чуриловского мех. Лесопункта кв. 2, а сейчас крепко стою на защите Родины у своего мощного орудия, защищая каждый клочок родной земли, отцов, матерей, свою честь и независимость. Участник обороны Сталинграда, где немцам надолго сохранится в памяти. Клянусь, что не посрамлю своих земляков в защите родины, уверяю, что немецкий паршивый сапог будет изгнан с родной земли и уничтожен, где впредь не придется топтать советские огороды. Близок час грозной расплаты с кровавым врагом. Прошу пропустить в газету. Писал сержант Дмитриенко А. И.[380]

Вторая разновидность эпистолярного жанра – личная переписка. Это непосредственно письма солдат с фронта своим родным: матерям, женам, сестрам. И как правило, таких писем больше всего.

Такие письма начинаются с обращения: *«Здравствуйте папаша, мама, братья и сестра, шлет вам ваш сын Иван Ефимович свой*

---

[377] Тотемское музейное объединение (далее ТМО) – 12525. Жидко И. Е.; ТМО – 12498. Дмитриенко А. И.

[378] ТМО-12630. Терехов Н. Е.

[379] ТМО-12615. Моспаненко А. Г.

[380] ТМО-12498. Дмитриенко А. И.

привет»[381] *или «Здравствуйте дорогие родители!!! Мама и папа, Володя и Шура, и Настя. Передаю свой горячий фронтовой привет и желаю массу наилучших успехов вашей жизни и также вашей работе»*[382].

Фронтовики пишут о своем здоровье: *«Я пока жив, здоров, нахожусь на фронте...»*[383] или *«Мама и папа, я пока жив и здоров чего и вам желаю..»*[384].

Интересуются жизнью в тылу и жизнью своих знакомых: *«Мама, мне очень хочется узнать, что вам колхоз помогает или нет, что дров или сена корове привезли или нет»*[385] *или «Мама, прошу сообщить мне, где находится Женя Ковальчук, а если есть адрес прошу написать. Мама, передай привет председателю колхоза Лякишеву и бабушке. Всем девчатам и ребятам».*[386]

Письма содержат информацию о погоде: *«Пару слов о погоде, числа 5 декабря замерзло, выпал снег. А сегодня идет дождь и началась весна. Здесь погода не то что у Вас»*[387].

Имеются данные о награждениях: *«Пишу письмо в день празднования артиллерии. Сообщаю вам, что хорошее поведение и несение воинской службы и за хорошие действия в бою мне как комсомольцу выписали большую благодарность и премию 50 рублей. И получил вдобавок посылку от одной ученицы Дубовой Мани как хорошему бойцу. Имею уже два ордена: орден Отечественной войны I степени и Красной Звезды. И в дальнейших боях еще крепче буду бить врага»*[388] – из письма Моспаненко А. Г.

Авторы писем обращаются к родным, сослуживцам и односельчанам с наставлениями: *«...И прошу прочитать это мое письмо на собрании колхозников о моем призвании, не покладая рук еще больше увеличить производительность труда, для полного уничтожения врага...»*[389] *или «Поместите мою статью в вашей газете с призывом населения нашего района к быстрейшему проведению работ зимнего сезона и предстоящих весенне-полевых работ».*

Важной задачей исследования военных писем является воссоздание судьбы адресанта. Для этой цели необходимо привлекать

---

[381] ТМО-12525. Жидко И. Е.
[382] ТМО-12630. Терехов Н. Е.
[383] Там же.
[384] ТМО-12525. Жидко И. Е.
[385] ТМО-12630. Терехов Н. Е.
[386] Там же.
[387] ТМО-12524. Сердюк И. Ф.
[388] ТМО-12615. Моспаненко А. Г.
[389] Там же.

дополнительно различные источники: документы, воспоминания родственников, материалы «Книги Памяти» и др.

Объединение информации из разных источников помогает раскрыть судьбу адресанта, попытаться раскрыть личность человека, проследить его судьбу, а возможно, разыскать и найти родственников.

Представлю два показательных примера раскрытия личных историй, непосредственно связанных тоже с фронтовыми письмами.

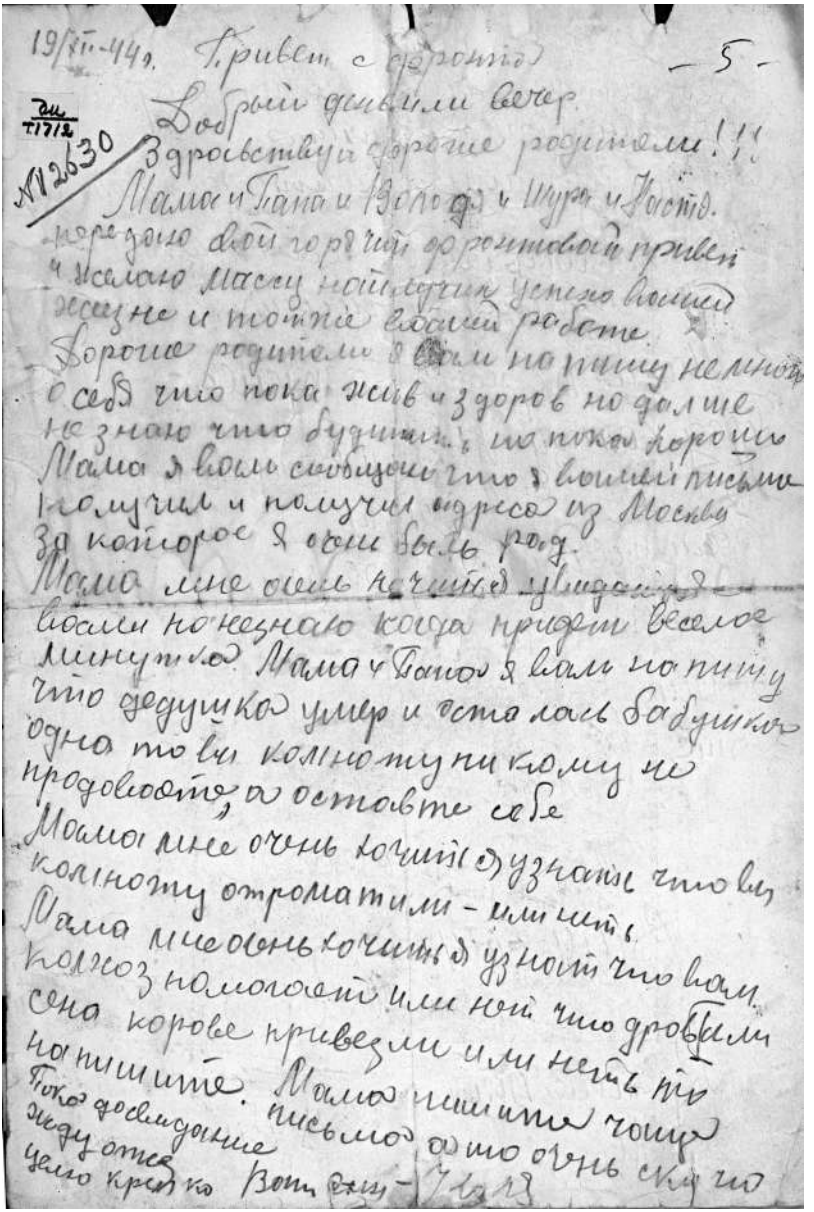
Первая история – это личная история Николая Егоровича Терехова, уроженца поселка Чуриловка Тотемского района. Благодаря случайной находке на чердаке старого дома, изучению архивных материалов поиску удалось восстановить личную историю одного из авторов письма, теперь хранящегося в фонде ТМО.

Но сначала небольшая предыстория. В мае 2020 года Александр Кузьминский, уроженец поселка Чуриловка, в музей принес коробку со старыми фотографиями. Фотографии самые разные. Это и групповые фото, сделанные в ателье Дмитрия Петрова в 20-е гг. XX века, индивидуальные фото, много детских фото разных лет. Лишь малая часть фото подписана и на них имеется дата. Единственное, что сообщил нам Александр, что эти фото могли принадлежать семье Тереховых, которые жили в этом доме, где и были найдены фотографии. Стало интересно хоть что-то узнать о семье Тереховых. И мы начали поиск материалов, которые помогли бы разгадать тайну старых фотографий.

Согласно похозяйственных книг Великодворского сельсовета удалось установить имена членов семьи Тереховых[391]. Это Егор Митрофанович (глава семейства) и Евгения Семеновна. Их дети Мария, Татьяна и Николай. Как оказалось, это семья спецпереселенцев, высланных в 30-е годы из Орловской области на Север. После раскулачивания семья получила прописку в поселке Березники Великодворского сельсовета Тотемского района.

Из воспоминаний Александры Егоровны Лебеденко, 1921 г. р. (в девичестве Тереховой): *«Моя семья была раскулачена в 1930 году. Пришли и сказали, что бы семья готовилась к выселению. Утром всех погрузили и повезли на Вологду. Причину раскулачивания не знаю, говорить об этом было не принято. В Вологде привезли всех в холодную, неотапливаемую, ледяную церковь, выгрузили. Еды не хватало, люди стали болеть, умирало очень много детей. Хоронить не было возможности, поэтому всех закапывали в одну яму, «как*

[391] Архивный отдел Тотемского муниципального района. Ф. 164. Оп. 8. Д. 1–48.

Т. 12630,3. Письмо Терехова Н. Е. к родным от 19.12.1944 г.

поросят», за ночь могли заложить трупами целую часовню. Гибло очень много детей, поэтому разрешили родственникам с Украины забрать детей обратно для их спасения. Маму с сестрой Фросей и братом Колей забрал родной дядя. Мои родители Терехова Евгения Семеновна и Егор Митрофанович, сестры Таня и Маруся оказались в п. Муравьево Тотемского района. До 1939 года я сама жила в Москве, была в няньках. В 1939 году получила бытовую травму и переехала жить к родителям в п. Муравьево. На поселках были очень плодородные земли, пахать было одно удовольствие. Было много скота. Люди жили в бараках по 4 семьи. Работала в лесу на вывозке. В 1940 году вышла замуж за Лебеденко Андрея Яковлевича. Родила дочь Настю. В 1941 году Андрей ушел на фронт, вскоре пришла похоронка»[392].

В архивном отделе Тотемского музейного объединения хранится дело участника Великой Отечественной войны – Николая Егоровича Терехова. В деле имеется две копийные справки о награждении сержанта Терехова, письмо из части, где он служил, и информация о нем, записанная со слов его отца, Егора Митрофановича, и фронтовое письмо Н. Е. Терехова от 19 марта 1944 года.[393]

Терехов Н. Е. (в центре)

[392] Рычкова А. И. Спецпоселения Великодворского сельсовета Тотемского района Вологодской области.– С. 5.– Тотьма, 2019.

[393] ТМО-12630. Терехов Н. Е.

Фото в деле не имеется. Зато фото военного нашлось в переданных Александром Кузьминским фотографиях.

Благодаря проведенному исследованию сложилась отдельная личная история члена семьи спецпереселенца, фронтовика – Н. Е. Терехова.

Терехов Николай Егорович. Родился в 1925 году. Учился в Чуриловской неполной школе. Окончил 6 классов. Призван в ряды РККА 10 января 1942 года. Сержант. 8 марта 1944 года награжден орденом Красной Звезды. Приказом 100 стрелкового корпуса от 20 февраля 1945 года награжден орденом Отечественной войны II степени. Николай Егорович погиб 28 января 1945 года. Похоронен в Латвии, пос. Сирснияс.

Боевые награды, которыми был отмечен Николай Егорович, дали его родным льготу на право выезда по прежнему месту жительства – Орловскую область. После Великой Отечественной войны несколько членов семьи Тереховых покинули Тотемский район и вернулись на прежнюю свою малую родину.

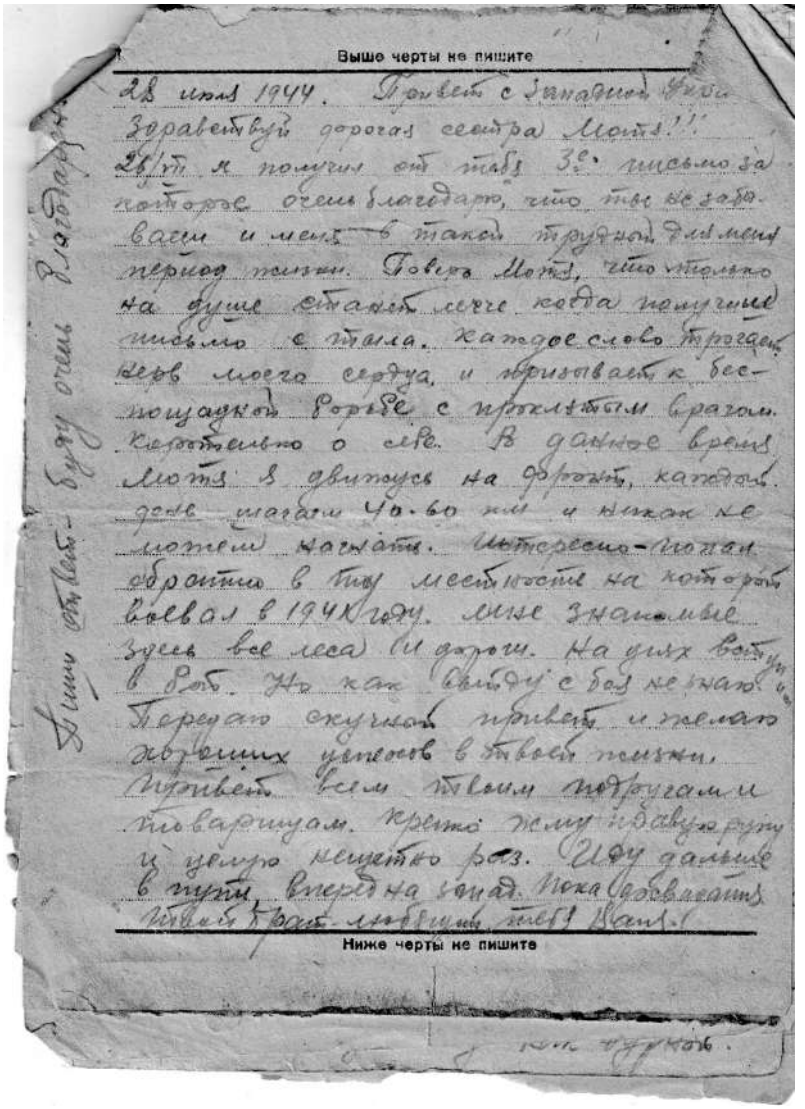
Вторая история связана с семьей спецпереселенцев Глушичей *(есть разночтения Глушач, по вине делопроизводителя сельсовета).* Об этой истории нам рассказали тотьмички Градислава Ильинична Третьякова и Надежда Андреевна Гладковская *(в девичестве Глушач)*. В семье Надежды Андреевны долгое время хранились письма ее дяди **Ивана Емельяновича Глушича** к сестре Матрене. Семья Глушичей была выслана в Тотемский район в 30-е годы, как и тысячи других раскулаченных с южных областей Советского Союза. Емельяну Тимофеевичу и Надежде Федоровне Глушичам на момент прибытия на север было по 50 лет. В семье росло пятеро детей. Сначала семья жила на одном из спецпоселков в Нижней Печеньге и глава семейства трудился в Михайловском лесопункте. Со временем семья перебирается в лесной поселок Тюльпас Матвеевского лесопункта. Когда началась Великая Отечественная война, двух сыновей из семьи – Ивана и Романа, призвали в армию. Оба погибли, но их имена не внесены в Книгу Памяти по Тотемскому району.

Сохранившиеся военные письма – это письма Ивана Глушича к сестре Матрене, которая в годы войны жила в Чкаловской (ныне Оренбургская) область. Все 10 писем написаны в 1944 году. Вчитаемся в строки фронтового письма.

«*28 июля 1944. Привет с Западной Украины.*

Здравствуй дорогая сестра Мотя!!!

26 июля я получил от тебя 3«е» письмо за которое очень благодарю, что ты не забываешь меня в такой трудный для меня период

Выше черты не пишите

28 июля 1944. Привет с Западной Руси
Здравствуй дорогая сестра Мотя!!!
26/VI я получил от тебя 3-е письмо за
которое очень благодарю, что ты не забы-
ваешь и меня в такой трудный для меня
период жизни. Поверь Мотя, что только
на душе станет легче когда получишь
письмо с тыла. каждое слово трогает
нерв моего сердца, и призывает к бес-
пощадной борьбе с проклятым врагом.
Коротко о себе. В данное время
Мотя я двигаюсь на фронт, каждый
день шагаю 40-60 км и никак не
могу нагнать. Интересно-тогда
обратно в ту местность на которой
воевал в 1941 году. мне знакомые
здесь все леса и дороги. На них бои
в 41г. Но как выйду с боя не знаю.
Передаю скупой привет и желаю
хороших успехов в твоей жизни.
Привет всем твоим подругам и
товарищам. крепко жму и давлю руку
и целую несчетное раз. Иду дальше
в путь, вперед на запад. пока освобождать
Твой брат любящий тебя Иван.

Ниже черты не пишите

Жду ответ - буду очень благодарен

Письмо И. Е. Глушича

жизни. Поверь Мотя, что только на душе станет легче, когда получишь письмо с тыла. Каждое слово трогает нерв моего сердца и призывает к беспощадной борьбе с проклятым врагом. Коротко о себе.

В данное время, Мотя, я движусь на фронт, каждый день шагаем 40–60 км и никак не можем нагнать. Интересно – попал обратно в ту местность, на которой воевал в 1941 году. Мне знакомые здесь все леса и дороги. На днях вступил в бой. Но как выйду с боя не знаю. Передаю большой привет и желаю хороших успехов в твоей жизни. Привет всем твоим подругам и товарищам. Крепко жму правую руку и целую несколько раз. Иду дальше, в пути, вперед на запад. Пока. До свидания. Твой брат, любящий тебя Иван. Пиши ответ. Буду очень благодарен».[394]

Мы очень благодарны Надежде Андреевне Гладковской, которая передала в фонд ТМО письма своего дяди, они значительно пополнят фонд архивных письменных источников.

Таким образом, эпистолярное наследие Великой Отечественной войны для фонда ТМО представляет собой совокупность источников военной действительности; рассказывает о сущности человека в экстремальных условиях, отражает оценку военных событий отдельными людьми. Без сомнения, все письма отражают особенные взаимоотношения между людьми, драматизм и напряжение военного времени. Письма передают чувства и эмоции участников военных действий. Мы благодарим всех тех, кто бесценно пополняет наш фонд новыми письменными источниками.

Ладыкова Ольга Вениаминовна,
кандидат психологических наук, доцент
Садовская Маргарита Вениаминовна,
члены любительского объединения «Клуб "День краеведа"», Нижегородская обл.

РУКОПИСНАЯ КНИГА «СОЛДАТ НА ВОЙНЕ» ВЫПУСКНИКА ТОТЕМСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УЧИЛИЩА АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА БЕРЕЗИНА

Данная работа является результатом поисково-просветительской деятельности клуба «День краеведа» поселка Большое Козино Балахнинского района Нижегородской области. Клуб объединяет людей «серебряного» возраста (50+), интересующихся историей своего поселка. Опыт работы клуба «День краеведа» был представлен в Тотьме на Второй всероссийской научно-прак-

[394] Личный архив Н. А. Гладковской.

тической конференции «Можем вместе. Развитие общественных инициатив и проектной деятельности в российской глубинке» 9–12 июня 2019 г.

К 75-летию Великой Победы члены клуба подготовили сборник «Мы этой памяти верны», в который вошли статьи из поселковой газеты «Козинский вестник» (первое название «Михайлов день») об участниках Великой Отечественной войны и тружениках тыла. Просматривая газеты, мы увидели упоминание о книге А. И. Березина «Солдат на войне». Мы познакомили членов нашего клуба с этой книгой на велопрогулке «Мы этой памяти верны» в августе 2020 г.

Прежде чем представить книгу «Солдат на войне» выпускника Тотемского педагогического училища А. И. Березина, нужно рассказать о самом авторе.

Александр Иванович Березин работал директором Большекозинской школы Балахнинского района Нижегородской области. Он, хотя и принимал участие в памятных мероприятиях нашего поселка, посвященных празднованию Дня Победы, и как директор школы руководил военно-патриотическим воспитанием школьников, о своем участии в Великой Отечественной войне, как и многие другие фронтовики, рассказывал очень мало. Книгу «Солдат на войне» он написал к 60-летию Победы, будучи в солидном возрасте, 84 года, а к своему 90-летию написал автобиографию. Оба документа были им переданы в Большекозинскую библиотеку. До конца дней он оставался книголюбом и активным читателем нашей библиотеки.

Основываясь на его автобиографии, приводим некоторые факты.

Александр Иванович родился 20 ноября 1921 г. в деревне Корково Белозерского района Вологодской области в семье крестьянина.

В 1922 году отец умер. Троих детей воспитывала мать. С 1930 года, т. е. с 8–9 лет, Александр работал в колхозе. В 1941 году окончил Тотемское педагогическое училище.

22 июня 2011 года в автобиографии А. И. Березин написал: *«Пишу 22 июня, день-то какой! Ровно 70 лет назад пришли из военкомата г. Тотьмы Вологодской области в педучилище и взяли подписи от юношей о невыезде».*[395]

Тем не менее, А. И. Березин начал учебный год учителем истории в Нюксенской средней школе. 25 сентября 1941 года в райкоме

[395] Березин А. И. Автобиографический очерк из жизни Березина Александра Ивановича в связи с 90-летием.– Нижний Новгород, 2011. С. 18.

комсомола в Нюксенице ему выдали лыжи и лыжный костюм. Сели на пароход, считаясь призванными в ряды РККА. Нашлись двое бывалых, собрали деньги и купили гармонь и бочку пива в Великом Устюге.

Служил в 31-й отдельной лыжной бригаде, окончил школу младших командиров. Наводчиком 82 мм. батальонного миномета с мая 1942 года участвовал в боевых операциях, защищая город Мурманск. Награжден значком «Отличный минометчик». Был легко ранен, но остался в строю. В марте 1943 г. принят в члены КПСС.

После завершения боев произошла переформировка. Бригада стала 31-й отдельной горнострелковой и влилась в 1-ю гвардейскую армию 4-го Украинского фронта, участвуя в боях за освобождение Польши и Чехословакии.

7 апреля 1945 г. на плацдарме при форсировании р. Одер был тяжело ранен, выполняя спецзадание начальника штаба бригады. Самолетом был переправлен в госпиталь г. Кракова. За выполнение этого задания был награжден орденом Славы III степени, а позднее орденом Отечественной войны I степени.

В ноябре 1945 г. как учитель демобилизован.

В августе 1954 г. приехал в Варнавинский район Горьковской области и стал работать в райкоме партии редактором районной газеты.

В августе 1962 г. стал директором Варнавинской средней школы. По состоянию здоровья вынужден был сменить место жительства.

С 1969 по 1981 гг. – директор средней школы № 20 п. Большое Козино Балахнинского района.

Александр Иванович Березин, историк не только по образованию, но и по образу мыслей,– из тех людей, кого можно назвать хранителями исторических и культурных традиций. Будучи директором Варнавинской школы, он создал в ней краеведческий музей, единственный на тот момент в районе.

Придя в Большекозинскую школу, он тоже начал создавать музей. Сам участник Великой Отечественной войны, Александр Иванович близко к сердцу воспринял историю подвига нашего земляка – дважды Героя Советского Союза, генерал-лейтенанта авиации В. Г. Рязанова, тем более что часть боевого пути у них совпала. Именно при А. И. Березине появились первые экспонаты музея – макет дома, в котором родился и вырос великий летчик, его летный шлем, винт самолета. Все эти экспонаты впоследствии были переданы Балахнинскому краеведческому музею.

С Александром Ивановичем связана очень трогательная история, которая произошла на семинаре «Культурное событие как условие социализации личности», который проводился клубом «День краеведа» и Большекозинской библиотекой в ноябре 2014 года. Речь шла о традиции празднования Дня Победы в поселке. Фотография А. И. Березина в окружении других фронтовиков у Обелиска погибшим землякам, появившаяся на одном из слайдов, вызвала большое оживление. Его узнала одна из участниц семинара – зав. сектором информационного обеспечения администрации Варнавинского района В. Л. Копусова. После семинара она с удовольствием рассказывала о том, что А. И. Березин был ее учителем в школе, и о том, что варнавинцы с благодарностью вспоминают его. К разговору подключился наш земляк, известный журналист и краевед Л. А. Рязанов. Он сказал, что Александр Иванович несколько раз встречался с поэтом Николаем Михайловичем Рубцовым. Скорее всего, эти встречи были связаны с Сергеем Васильевичем Викуловым, главным редактором журнала «Наш современник», с которым Александр Иванович учился в одной школе. Эта информация вызвала большой интерес другой участницы семинара А. В. Потаповой, на тот момент библиотекаря Центра семейного чтения им. А. С. Пушкина г. Дзержинска, сотрудника музея Н. М. Рубцова при этой библиотеке. Она, конечно, хотела бы узнать об этих встречах побольше. К сожалению, А. И. Березин, настоящий учитель, воин и патриот, ушел из жизни незадолго до семинара.

Книга «Солдат на войне», которую мы представляем, создавалась в течение нескольких лет и была закончена в 2005 г. к 60-летию Победы. 2021 год – год столетнего юбилея автора, и, я думаю, что предоставленная нам возможность рассказать об этой книге широкой аудитории, состоящей преимущественно из его земляков,– это настоящий подарок к этому юбилею.

То, что книга в XXI веке создавалась рукописной, уже само по себе уникальный факт. У него, бывшего директора школы, было много добровольных помощников, которые помогли бы ему распечатать и эту книгу, однако она осталась в рукописном варианте.

В книге 43 страницы, 20 страниц – иллюстрации автора. На обложке книги – авторское обращение: «Перед Вами редкое сочетание рукописного текста солдатской жизни с рисунками автора в Великую Отечественную войну в особых условиях Заполярья и форсирования Одера в Чехословакии». Заглавие «Солдат на войне» сопровождается подзаголовком «Зарисовки минометчика мл. сержанта Березина А. И». Автор делает посвящение «Большекозин-

ской библиотеке в дни 60-летия Победы от бывшего директора школы Березина А. И.».

Также на обложке мы видим фотографию ордена Отечественной войны. Этот орден нашел Александра Ивановича через 40 лет после совершенного им подвига.

И еще на обложке есть надпись, которую можно считать эпиграфом этой книги «Не подвиги, но тяжелый труд».[396]

На 2-й странице книги автопортрет, видимо, с фотографии 1943 г., и скупые автобиографические данные «Березин Александр Иванович, 1920 года рождения 20 ноября. 25 сентября пошел добровольцем в лыжную бригаду, получив от райкома комсомола лыжи и лыжный костюм. 1941 г.».[397]

Вместо «Введения» – фотографии мемориалов защитникам Советского Заполярья и стихи автора:

Однообразны сопок склоны.
Болота. Ветер. Скудный мох.
Три года трудной обороны!
Другой бы выдержать не смог...[398]

Хотя по жанру книга относится к военным мемуарам, в ней нет ничего воинственного. Она интересна описанием бытовых подробностей жизни солдат в условиях Заполярья. Идея «Не подвиги, а тяжелый труд» проходит красной нитью по всей книге. Начинается она с описания того, что нес минометчик: *«Первый номер – наводчик – ствол 19, 6 кг, второй – заряжающий – двуногулафет – 20, 8 кг, третий – снарядный – опорную плиту – 21,3 кг, четверый – подносчик мин – сколько унесет. Кроме матчасти, каждому из них – личное оружие – 3 кг, два диска – 3 кг, 2 гранаты – 0,8 кг, продукты – 3,5 кг. Итого – свыше 10 кг»*.[399]

Лыжная бригада, в составе которой служил А. И. Березин, выполняла самые разные задачи: снабжала фронт «языками», громила опорные пункты противника, вела разведку. Выходы продолжались до 12 суток, заходили в тыл врага свыше 100 км. С мая 1942 г. по сентябрь 1944 г. они провели 42 боевых выхода в тыл противника, пройдя путь 6950 км зимой на лыжах, часть с оленями, летом материальную часть на себе и несколько раз на вьюках лошадей.

---

[396] Березин А. И. Солдат на войне.– Нижний Новгород, 2005. С. 1.
[397] Там же. С. 2.
[398] Там же. С. 3.
[399] Березин А. И. Указ. соч. С. 4.

«Особые условия Заполярья», которые автор упоминает в своем посвящении, он подробно описывает дальше. *«Три года жили в сопках, среди скал и камней, не видя гражданского человека. Лес для землянок сплавляли рекой за 17 км. Из-за каменных плит редко удавался котлован под землянку. 2–3 раза перерывали. Но потом даже клуб на батальон выстроили и баню для начальства.»*[400]

Погода приносила свои беды. *«В мае 1942 г. попали в такую пургу, что мы и немцы стали небоеспособными, тысячи обмороженных. Шедшее к нам на помощь подкрепление из нескольких дивизий было расформировано из-за массовых обморожений.*

Мы были в полушубках и валенках. После проливного дождя ударил 30-градусный мороз. Нашу одежду и обувь сковало. В бою костер не разведешь. Мы и немцы перестали стрелять, на глазах стали замерзать среди камней, очень много погибло. У меня промерзли портянки, почернели большие пальцы ног.

Обычно пурга длится неделями. Батальоны запасались сухарями. От каждой землянки шли провода на кухню и в штаб. В пургу нельзя было отпускать из рук его, иначе собьешься с пути».[401]

Тем не менее, даже в этих суровых условиях солдаты налаживали свой быт. Неспешное описание бытовых подробностей вызывает особое доверие к прочитанному.

«В длинную полярную ночь шла боевая учеба, расчистка территории, наряд, а в свободное время писали письма, читали и даже выступали в клубе с художественной самодеятельностью. Ну, конечно, каждый был не против побольше поспать»[402]. Рассказывая о наступлении, об освобождении Норвегии от фашистов, автор вспоминает не только о том, как двое суток сдерживали врага и заставили его сбросить в ущелье все вооружение, но и о том, как жители Норвегии помогли им переправиться через реку, а норвежки поили их чаем с вкусным морошковым вареньем.

Специальный абзац рассказчик посвящает оленям, и здесь, безусловно, чувствуется отношение деревенского жителя к домашним животным, для которого корова, лошадь – это кормильцы, без них невозможно благополучие крестьянской семьи. Такими же кормильцами и помощниками солдат на Севере были олени. А. И. Березин пишет: *«Полководец А. В. Суворов сказал: «Где олень пройдет, там и русский солдат пройдет». А мы переиначили эту*

---

[400] Березин А. И. Указ. соч. С. 14.
[401] Там же. С. 10.
[402] Там же. С. 14.

поговорку: «Где олень не пройдет, там русский солдат все равно пройдет!» Шутили – это наши танки. У нас было до тысячи оленей. Нас они очень выручали. Везут без дорог оружие, раненых, корм находят под ногами, не издают никаких звуков, выручали и мясом. Прижился у зенитчиков олень. Если он спрятался за скалу – приближаются самолеты. «Тревога!». Только он не отличал – наши или немецкие.»[403]

В этом отрывке, кроме доброго отношения к животным, мы чувствуем и легкий юмор автора, которым сопровождаются многие описанные им эпизоды, иногда очень драматические, например, когда он рассказывает об одном случае, который едва не стоил ему жизни: *«В декабре 1942 г. повел я группу солдат на кухню за ужином. Дорогой любовались полярной ночью. Отпустил их сразу, с поваром посчитали расход за день. Вышел – не узнаю: налетела пурга, в двух шагах ничего не видно. Зная направление, иду уверенно. Хожу час, другой... Из-за твердого наста сбился. Чего я боялся? – уснуть и к немцам попасть – передовая близко. Теряю силы, но хожу... Спасли меня запашок дыма и искра. Ползком от трубы обнаружил мягкий снег и ввалился в землянку медсанбата в 5-ти километрах. Рота не спала, ракеты пускали, поисковые группы меняли. И наслушался же я от командования и товарищей крепких упреков!»*[404]. Невольно улыбнешься, представляя себе, какие выражения скрыл автор за эвфемизмом «крепкие упреки».

Этот юмор чувствуется и в отрывке, посвященном солдатской смекалке, которая касалась добычи спиртного, и проявлялась даже в самые критические моменты – при выходе в тыл врага: *«На выход получали сухари, консервы, концентраты каши и сухой спирт (пасту). Кипятили чай, варили пшенную кашу, а кто-то использовал спирт и по другому назначению: пасту выжимали через носовой платок, выбрасывали воск и согревались содержимым, назвав процесс «жми-дави»*[405].

И, конечно, нельзя без улыбки читать отрывок, посвященный лыжам: *«В марте 1945 года ехали на фронт по Польше. Там уже снегу мало, а мы в полушубках, валенках и с лыжами! Когда от паровоза загорелись две платформы с лыжами, то никто не бросился тушить. Во-первых, уже они не по сезону. А во-вторых, поднадоели за длинную полярную зиму, где без них шагу не шагнешь. Хорошо, что у меня с детства был навык, и я пришел в армию со вторым*

---

[403] Березин А. И. Указ. соч. С. 14.
[404] Там же. С. 12.
[405] Там же. С. 12.

разрядом, уверенно спускался с матчастью с гор. Но нас потом пополняли и ребятами с юга. Не освободят же их от боевого выхода. Вот и приходилось учить их ночами, за счет отдыха. Помучались кавказцы, молдаване, туркмены. Один из них написал домой: «Мама, жги все, что похоже на лыжи»[406].

Читая эти строки, наполненные трудно скрываемой радостью от окончания боевых действий в Заполярье, думаешь, что вместе с этими сгоревшими лыжами закончилась и война. Но впереди еще была Польша и Чехословакия, где А. И. Березину неоднократно пришлось проявить смелость и отвагу. Здесь, при выполнении спецзадания командования ему пришлось форсировать простреливаемый фашистами Одер, чтобы собрать сведения о наших бойцах, закрепившихся на другом берегу на маленьком плацдарме. При выполнении задания он был ранен, прооперирован в госпитале, но с осколком в легком остался на всю жизнь. Словами городского романса «Позабыт, позаброшен» вспоминает автор эпизод, когда на следующий день после операции, сильно ослабленный потерей крови, он остался один в госпитале, спешно эвакуированном из-за внезапной атаки немецких танков.

Совсем мало А. И. Березин пишет о личном. О том, что за боевую службу в Заполярье был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу», а в эшелоне, в Москве, когда ехали освобождать народы Польши и Чехословакии, вручили медаль «За освобождение Заполярья». *«И еще радость – из Грязовца (где шло переформирование бригады) меня отпустили на свидание с Галиной Васильевной, с которой вместе учились в педагогическом училище, полюбили друг друга и переписывались».*[407] С Галиной Васильевной, которая тоже работала в нашей школе учителем начальных классов, они прожили долгую счастливую совместную жизнь.

И совсем немного, буквально несколько строк в примечании о земляке из г. Белозерска Г. Ф. Зимине – о родной деревне – *«Я – из деревни Корково Солмасского сельского Совета. В него входили деревни Вертино, Корково и Емельяновская, банями примыкающие друг к другу».*[408] Вот эта деталь «банями примыкающие друг к другу», наверное, лучше многих слов говорит о тоске солдата по дому, по привычному образу жизни.

Наивная живопись иллюстраций еще больше подчеркивает доверительный тон повествования.

---

[406] Березин А. И. Указ. соч. С. 28.
[407] Там же. С. 26.
[408] Там же. С. 16.

Александр Иванович Березин в своей статье в газете «Козинский вестник» написал: *«Мой последний бой мне часто снится: как будто наяву я слышу автоматные и пулеметные очереди, взрывы гранат и снарядов, лязг гусениц танков и вижу моих погибших товарищей. Свою долгую жизнь я проживаю и за них...».*[409]

Его книга «Солдат на войне» – это рукописный памятник погибшим солдатам и великолепный образец солдатской прозы.

Притчина Валентина Алексеевна,
зав. отделом «Музей церковной старины» МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма, Вологодская область

ДЕТСКАЯ ПОЭТЕССА, ПИСАТЕЛЬНИЦА И РЕДАКТОР НАТАЛИЯ ЛЕОНИДОВНА ДИЛАКТОРСКАЯ В 20–30-е гг. XX ВЕКА

В 20-е – 30-е годы XX столетия в СССР происходит становление советской детской литературы. У истоков и в развитии этого процесса наряду с другими писателями была Наталия Леонидовна Дилакторская, тотьмичка по происхождению, чьи дневники хранятся в фондах Тотемского музейного объединения. Имя Наталии Дилакторской несправедливо забыто, тогда как в 20-е – 60-е годы прошлого столетия её произведения, написанные для детей, пользовались популярностью, и она была достаточно известна как автор и редактор детского издательства.

Н. Л. Дилакторская

Во время учёбы на дошкольном отделении в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена (1921–1925 гг.) Наталия Дилакторская под влиянием С. Я. Маршака начинает посещать «Студию детских писателей», которая начала свою работу

[409] Березин А. И. Мой последний бой // Козинский вестник.– № 13 (74). 2011. С. 5 (А. И., 2005)

при так называемой Показательной библиотеке. Жизнь этого сообщества была недолгой, но полной содержания. Фотография, датированная 1923 годом, на которой присутствует Дилакторская, является свидетельством общения Наталии Леонидовны с определённым кругом известных людей. Дилакторская – вторая слева в первом ряду. Второй слева во втором ряду – С. Я. Маршак, крайний справа – В. В. Бианки и др.[410]

В течение двух лет я работала с дневниками Наталии Дилакторской, переводила их в электронный вариант и в процессе работы обратила внимание на то, что в описании петроградского (далее – ленинградского) периода жизни будущая детская писательница неоднократно упоминает фамилии С. Я. Маршака и В. В. Бианки. Это меня очень заинтересовало, и я решила проследить историю этих взаимоотношений по дневникам, а также по сохранившимся документам из Рукописного отдела ИРЛИ РАН и домашнего архива Е. С. Дилакторской, внучатой племянницы Н. Л. Дилакторской.

Впервые С. Я. Маршак, в то время методист и педагог Ленинградского театра юного зрителя, упоминается в дневнике 2 октября 1923 года, когда он в учебном заведении Наталии читает лекции по детской литературе: «*Была весь день интересно занята. Хорошие практ[ические] по д[етской] лит[ературе]. Лекция Болитунова (?). Музей Толстого, доклад Капицы и Маршака... Понравились стихи Маршака: красочно, в то же время немногословно и просто. Рифмы уже знакомые, но рифмы есть очень хорошие...*».[411]

Спустя месяц в дневнике Наталии снова появляются строчки о Маршаке и Чуковском. *«Вч[ера] была в Госиздате на детском празднике, слышала Миклашевскую, Чуковскаго, Маршака».*[412] Более на страницах дневника Корнея Чуковского Наталия не упоминает, а упоминания о Маршаке неоднократны. Наталия пишет о своих переживаниях по поводу критики её первых стихов С. Я. Маршаком, но несмотря на это хочет этого общения и продолжает свой творческий процесс под его влиянием. *«Зашла на пробу в клуб музея*

---

[410] Здесь же присутствуют Александр Леонидович Слонимский, русский советский писатель, пушкинист; Толмачёва Мария Львовна, автор рассказов и повестей для детей, автор приложения к книге Даниэля Дефо «Робинзон Крузо»; Капица Ольга Иеронимовна, профессор пед. института им. Герцена, организатор при детской библиотеке кружка детских писателей.

[411] Дневник № 4. 1923 год. 2 октября.

[412] Там же. 8 ноября.

Революции и – приглашение в литер[атурный] кружок (сказано, что хочет познакомиться со мной Маршак)».[413]

«1924 г. 3 мая. Вчера читала стихи Маршаку. Выругал не меньше, чем в прошлый раз, но взял, чтобы поглядеть и доругать меня окончательно. Образ на этот раз у меня есть, но нет «архитектуры» стиха. Нет прозрачности и лаконичности. Много лишнего – того, что уберешь и будет незаметно, что убрал, нет единства и цельности.

Обещал в следующий раз разобрать, как следует быть: но как долго ждать еще 2 недели. Ужас прямо! Так и хочется к нему еще пойти и потворить, и расспросить!

Как дождаться те 2 недели – когда иным образом, что он еще скажет? Кажется, не вытерплю и пойду во вторник в театр.»[414] *«Ах, Маршак, Маршак. Как, как? Как мне две недели... Пойду сегодня на Песочную. Иду с тем, чтобы до чего-то договориться окончательно. Не могу так дальше делать и быть. Невозможно в конце концов! Тратить столько времени и сил, что на переживание одного и того же.»*[415]

Обложка сборника стихов «Хлеб» Н. Л. Дилакторской

И далее: *«От Маршака (засед[ание] кр[ужка]) шла вроде искупавшегося котенка, который не успел отряхнуться».*[416]

Первые стихи Наталии Дилакторской, ещё студентки, были опубликованы в ленинградской газете для детей и подростков «Ленинские искры» в 1924 году. После окончания института Наталия Дилакторская под влиянием С. Я. Маршака приходит работать в Ленинградский ТЮЗ театральным педагогом. В 1926 году у неё выходит первая книжка «О народе в огороде» в соавторстве с Александром Успенским и сборник стихов для детей «Хлеб», который в эмиграции хвалила Марина Цветаева.

---

[413] Дневник № 4. 1923 год. 19 ноября.
[414] Дневник № 4. 1924 год. 3 мая.
[415] Там же.
[416] Там же.

Записи в дневнике в конце 20-х годов с упоминанием Маршака кратки. *«1928 г. 20/марта. Вчера был Маршак.»*[417] *«1929 г. 27/X. После этого я была с Маршаком (одобрил...)».*[418] Некоторые строчки дневника (на мой взгляд) свидетельствуют о том, что Маршак был не равнодушен к Наталии Леонидовне, но её сердце было занято, она была влюблена в композитора Николая Стрельникова.

«28 ноября. Во вторник был замечательный разговор с Маршаком. Я кончила занятия ...Вызывает ...Оказывается, Маршак! Берет за обе руки и начинает длинную речь о моей неблагодарности. О том, что он смертен и хочет сделать из меня писательницу. О том, что все его ищут и звонят, а ко мне он сам ходит, и все-таки это на меня не действует».[419]

«1934 г. 20 февраля. Одна с Маршаком, который все хотел меня уверить в том, что я ему «дорога». «1935 г. 21 января. Вчера же была у Маршака.

А сегодня он зашел. Сжал мимоходом руку. А я, высидев собрание, ушла с раздвоенной на душе думой. С одной стороны – радость, что пришел.

С другой – хотелось видеть, говорить. А в общем ощущении чего-то боязливо, что будет впереди – горя и счастья – но не мелкого, а мятежного... Чувство собственного достоинства, которое Маршак требует от стихов – думаю бы в жизни выявлено еще больше. 15-го позову его к себе... Хочется жить».[420]

Знакомство с другим детским писателем В. В. Бианки происходит в 1924 году. Он в это время в журнале «Новый Робинзон» ведёт раздел «Лесная газета», печатает свои рассказы, а в журнале «Воробей» ведёт раздел о природе. В отличии от Самуила Маршака, прозаик Виталий Бианки более снисходительно относится к начинающей писательнице и хвалит некоторые её рифмы и образы. Это придаёт Наталии силы. *«25 апреля 1924 года. В кружке – большая радость. Бианки тот прямо сказал: «Черт возьми, если бы вы знали только, какое у вас богатство ритма и рифм! Это для меня было несколько неожиданно и, конечно, приятно. Спрашивали, кто я – зашел разговор о издании. Да, это было бы интересно, увидеть иначе свое имя. Иметь возможность подарить кому хочешь кусочек самое себя.*

---

[417] Дневник № 5. 1928 г. 20 марта.
[418] Там же. 1929 г. 27 октября.
[419] Там же. 1929 г. 28 ноября.
[420] Дневник № 5. 1934 г. 20 февраля; 1935 г. 21 января.

Я чувствую, как иду в стихосложении вперед. Скоро ли иссякну и надоест, не знаю, но сейчас научилась работать».[421]

«Бианки позвал к себе. Видимо, в меня еще верит, несмотря на критику Маршака».[422]

Между Бианки и Дилакторской устанавливаются дружеские доверительные отношения. *«18 июня. Много времени теперь проходит в кружке. Часто вижу Бианки. Последний раз особенно разоткровенничались, и как будто несколько поняли друг друга. Очень бы хотела, чтобы и в дальнейшем эти отношения остались. Но загадывать и чего-то ждать – совершенно не собираюсь ни по отношению кружка вообще, ни по отношению моей личной работы».*[424]

От Бианки Наталия получает письма. *«25 сентября. И как всегда с бухты-барахты! Только что вернулась из «экспедиции», и куча новостей. Теперь и Коля в Петрограде – Бианки зовет на помощь!*

О Бианки теперь – хорошо, он спасать меня не забыл. И в такую трудную минуту его письмо подоспело и утешило».[425]

«3 октября. Что ни пиши о деле и работе, а сердце требует, если не любви – то какого-то суррогата в виде участия или просто внимательного отношения. Как меня порадовало письмо Бианки».[426]

Наталия продолжает работать в ТЮЗе. В 1927 году при театре выходит книжка «Театр Петрушки», где была опубликована научно-педагогическая статья Наталии Леонидовны «Дети и Петрушка», написанная на основе наблюдений над детьми.

Из статьи: *«Два случая особенно врезались в память. 1-й. Вспомогательная школа для физически дефективных детей. На костылях они взбирались по серой лестнице, жуткие искривленные тельца 8–9-летних детей, беспалые руки, отнятые совсем или безжизненно повисшие...*

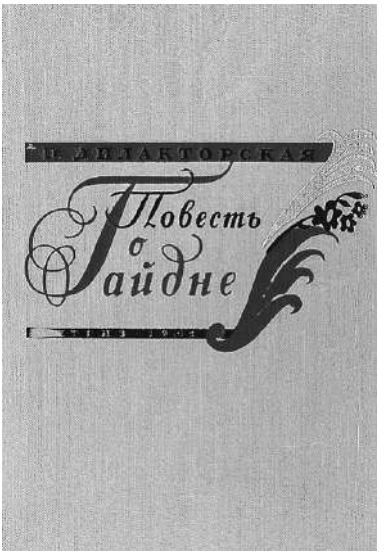
– До свиданья, тетенька! Спасибо! – говорили мне некоторые из них, те, с которыми во время антракта завязалась беседа. 2-й. Школа глухонемых детей. Страшное молчание слышалось в тот день во время спектакля. Они ничего не говорили, уходя, за них говорили смеющиеся глаза и улыбки».[427]

---

[421] Дневник № 4. 1924 год. 25 апреля.
[422] Там же.
[424] Там же. 18 июня.
[425] Дневник № 4. 25 сентября 1924 г.
[426] Там же. 3 октября 1924 г.
[427] Из личного архива Е. С. Дилакторской.

Данные строчки свидетельствуют о том, насколько потрясло автора статьи общение с этими детьми. Вероятно, в такие моменты осознание необходимости писать для детей у начинающей писательницы усиливается. Дети-беспризорники тоже находились под пристальным вниманием педагога Дилакторской, она помогала им в социальной реабилитации.

В годы тюзовской работы Наталия Леонидовна писала рецензии на спектакли, обратилась к написанию прозы для детей. К сожалению, написанная книга о великом австрийском композиторе XVIII в. «Повесть о Гайдне» была издана только в 60-е годы. В повести идёт рассказ о детстве и становлении творчества известного композитора.

Обложка книги «Повесть о Гайдне» Н. Л. Дилакторской

От тюзовского периода жизни в семейном архиве Дилакторских сохранились следующие документы: бланк ТЮЗа от 17 января 1928 г. с анкетой о впечатлении, которое произвела на зрителя пьеса. На бланке от руки написано шутливое стихотворение, очевидно, посвящённое Наталии.[428] На втором листочке от руки рисунок девушки, похожей на Наташу, и текст четверостишия.[429] Поскольку оба текста написаны в стихотворной форме, можно предположить, что они написаны авторами детских книжек из окружения Наталии Дилакторской.

---

[428] «Мне кот испортил новые галоши
(Вы это подготовили давно!),
Но всё равно ходить я к вам не брошу
И есть не перестану толокно». (Подпись А. Л.).

[429] «Весь ТЮЗ косится.
Где же косица?
Как не дивиться –
не та девица». Внизу листочка – подпись: «На злую память от любящего А. В. Л. 1930 г.».

Какие события происходят в детской литературе в это время? С. Я. Маршак и А. М. Горький составляют проект записки о положении в детской литературе и создании специального издательства книг для детей, что и было одобрено правительством. Детское издательство «Детгиз» создаётся в сентябре 1933 года. В 1934 году призыв *«Видеть в детской литературе большое искусство для маленьких»* был официально заявлен на 1-м съезде советских писателей. Провозглашалась идея, что дети *«лучше знают, какие книжки им нужны»*.

В жизни Н. Л. Дилакторской происходят изменения. В 1936 году она покидает стены Театра юного зрителя и переходит работать секретарём в журнал «Чиж», спустя год она уже работает помощником редактора ленинградского отделения «Детиздата», затем редактором секции. Очевидно, к этому периоду относится шутливое четверостишие Маршака, посвящённое Наталии Дилакторской.

Ах, чудище заморское –
Наташа Дилакторская,
Привет издалека
Тебе от Маршака.
Ты, став его редактором,
Его пахала трактором
До той поры, пока
Не стало Маршака.[430]

И другое стихотворение Маршака, обращённое к Наталии Дилакторской:

Эта бумага – конторская
Стихов не содержит никак.
Но всё же тебе, Дилакторская,
Стихи сочиняет Маршак.
Тебе, о богиня Ижорская,
Седьмая из греческих муз.
Пленительная Дилакторская,
На ГИЗ променявшая ТЮЗ.[431]

Во «взрослом» писателе Наталия Леонидовна была способна разглядеть автора будущих детских книжек. Так произошло с

[430] Из личного архива Е. С. Дилакторской.
[431] Там же.

Михаилом Зощенко. С ним она познакомилась во время работы в журнале «Чиж»: *«Я предложила Зощенко придумать рассказы на детские темы и принесла ему детские рисунки...»*[432] Результат был известен – в 1937 году у Михаила Зощенко выходит книга для детей «Смешные рассказы» под редакцией Н. Л. Дилакторской. У самой Наталии Леонидовны в 30-е гг. выходят в свет книги стихов для детей: «Бычок», «Лесной цирк», «Почему маму прозвали Гришкой», «Первомай», «Считалочка».

В домашнем архиве семьи Дилакторских хранятся книги с дарственными надписями Наталии Леонидовне от детских писателей. Она сотрудничала с Корнеем Чуковским, Сергеем Михалковым, Даниилом Хармсом, Евгением Чарушиным, Борисом Житковым и другими.

В эти годы писателями была проведена огромная работа, заложены основы для развития советской детской литературы. Только в первый год «Детгиза» вышло 168 названий книг тиражом 7744 экземпляров. К этому важному делу прослеживается сопричастность Н. Л. Дилакторской. Примером этого могут быть не только написанные книги для детей, но и редакторская работа Наталии Леонидовны. Сохранился документ – запись её индивидуальных обязательств по работе:

«Сдать в производство до 10 декабря

1. *Успенский. Четыре боевых подвига Ворошилова.*
2. *Блэк. Про теленка.*
3. *Герман. Мой знакомый милиционер.*
4. *Зощенко. Интересные рассказы.*

2. *Сдать в производство до 15 января*

1. *Житков. Так бывает.*
2. *Капица. Трах-тарарах.*
3. *Бианки. Сборник.*
4. *Маршак. Сборник (большой).*
5. *Десять книжек-малышек на указанные в плане темы.*

3. Заставить Савельева сделать антирелигиозную книжку «Предки и потомки» и историческую «История площадки» (совместно с художником Блэк)».[433]

Требовательная к авторам, в своей редакторской работе, Наталия Леонидовна Дилакторская требовательна и к себе. В чём

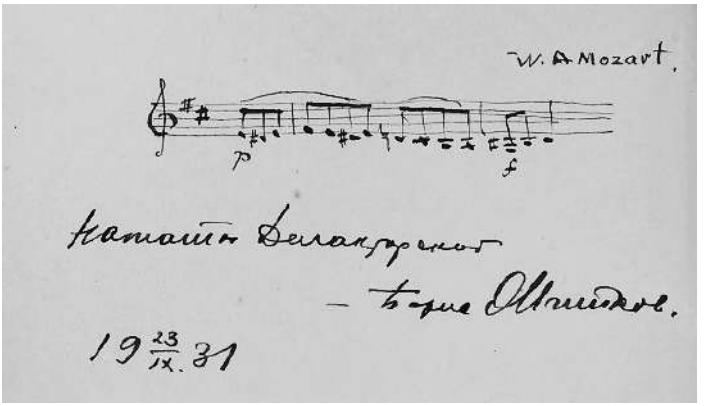
[432] Рукописный отдел ИРЛИ РАН. Фонд. № 631. Оп. 39. Д. 1911. Н. Л. Дилакторская.

[433] Рукописный отдел ИРЛИ РАН. Фонд. № 631 (Н. Л. Дилакторская). Оп. 39. Д. 1911.

видит она смысл редакторской деятельности? *«Сам редактор – это не нудный ментор, вылавливающий погрешности стиля или отдельной фразы, а человек, орудующий «тысячелетним опытом» истории литературы. Редактор, правильно учитывая зерно авторского замысла, как бы сопереживает с ним творческий путь.»*[434] Эти строчки редактора и сегодня звучат очень современно и профессионально.

В семье Дилакторских долгие годы хранится переписка Наталии Леонидовны с детскими писателями в период её редакторской работы. Вот, например, что писал Дилакторской Борис Житков после написания сборника рассказов для детей «Что бывало»: *«Вы не понимаете, какой исключительной трудности эта задача – писать эту хрестоматию».*[435]

Хочется рассказать о следующем событии, которое удивило меня и которое подтверждает общение Наталии Леонидовны и Бориса Житкова в кон. 30-х гг. В 2017 году на аукционе Литфонда был выставлен лот № 231 «Автограф и открытое письмо автора» и продан за 1 млн 100 тыс. рублей, запрещённая в своё время книга Бориса Степановича Житкова «Виктор Вавич» (роман в 3-х частях) издания 1929 года. *«На обороте форзаца 1 б автограф, адресованный писательнице, редактору «Наташе Дилакторской. Борис Житков. 23.IX.1931». Над дарственной надписью рукой автора изображён*

Автограф Бориса Житкова для Н. Л. Дилакторской

[434] Рукописный отдел ИРЛИ РАН. Фонд. № 631 (Н. Л. Дилакторская). Оп. 39. Д. 1911.

[435] Из личного архива Е. С. Дилакторской.

нотный стан, подписанный «W.A.Mozart». В книгу вложено открытое письмо Б. Ж., адресованное Н. Л. «4.VI.38. Хотел бы с Вами повидаться, Наталия Леонидовна дорогая, со службы забежали бы, я на канале, там же. Д. 9. кв. 127. Б. Житков.»[436]

В домашнем архиве семьи Дилакторских сохранилось письмо Евгения Чарушина к Наталии Леонидовне. К сожалению, письмо не датировано. В этом письме много боли и строчек разочарования, именно в этот трудный момент Чарушин, как к близкому другу, в котором может найти поддержку, обращается к Н. Л. Дилакторской:

«Дорогая Наталия Леонидовна!

Простите, что уехал и не попрощался, и не позвонил даже по телефону, хотя должен был.

Но, ней Богу, я псих и до того был изможден, что уже ничего больше не мог, ни работать, ни даже думать о работе. Из-за этого проклятого психа меня вышибли за неплатёж членских взносов из Горкома.

Действительно, состояние у меня было черт знает какое.

Вы уж извините.

Так же, как и Бианки, пишу Вам о моих ответах по зоологии».[437]

Далее в письме идет обсуждение редакторского момента и уточнение конкретики в сюжетах, обсуждаются иные моменты жизни писателя.

Известные события в стране в 30-е гг. привели к закрытию детского издательства, многие писатели были репрессированы. Не всё так гладко было в редакторской работе Н. Л. Дилакторской в последующие годы, часто приходилось рассматривать вопросы, связанные с цензурой. В связи с этим интересно ознакомиться с письмом Виталия Бианки:

«7 сентября 1940, Илтилахти

Наталия Леонидовна!

Посылаю Вам обещанные рассказы. Сергей Петрович очень хвалит один из них и также ругает второй. Какой, думаю, Вы сами догадались.

Наталия Павловна, по его мнению, дура. Что она, впрочем, и сама не отрицает, и вообще рассказ политически не выдержан.

---

[436] Литфонд. Аукционный дом. [сайт]. Режим доступа: https://www.litfund.ru/auction/58s2/231/ (дата обращения 10.12.2020).

[437] Из личного архива Е. С. Дилакторской.

С чем уже я не согласен. В свое оправдание могу сказать только, что он списан с натуры и списан почти до мелочей».[438]

На мой взгляд, историю советской детской литературы нельзя представить без деятельности поэтессы, писательницы, редактора Наталии Леонидовны Дилакторской. Работа требует продолжения и уточнения имеющихся фактов об этом и дальнейших периодах жизни героини.

Дилакторская Елена Станиславовна,
кандидат геолого-минералогических наук, член Союза писателей России,
г. Санкт-Петербург

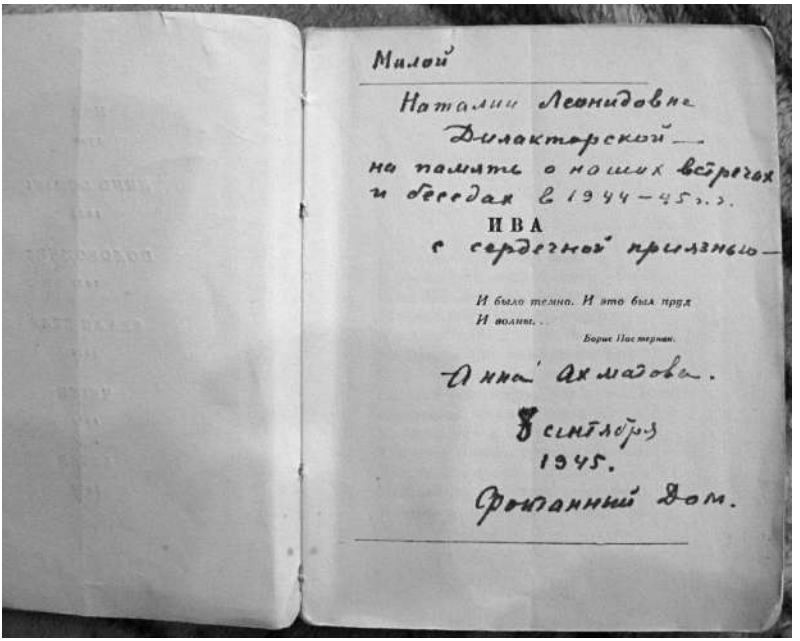
АХМАТОВСКИЙ АРХИВ НАТАЛИИ ДИЛАКТОРСКОЙ

Среди множества имён известных людей, окружавших русского поэта Анну Ахматову, незаслуженно забыто имя Наталии Дилакторской. Настоящая статья ставит целью объяснить причину этого забвения и рассказать о редакторской работе и дружбе Ахматовой и Дилакторской.

Наталия Леонидовна Дилакторская, урожденная тотьмичка – детский писатель, редактор, военный корреспондент, поэтесса и прозаик, была также хранительницей литературного архива Анны Ахматовой. В 1944–46 гг. обе женщины встречались, сотрудничали, их связывала поэзия и дружеские отношения. Сохранились уникальные рукописи Ахматовой тех лет, книги с ее пометками, дарственные надписи Дилакторской, а также записи (отдельные листочки разборчивым почерком либо скорописью), где Дилакторская записывала о встречах и темах бесед.

Согласно этим записям, познакомиться они могли в либо 1944 году в Ленинграде, на одной из литературных встреч, либо гораздо раньше – в 1920-х годах, на Сологубовских вторниках. Обе эти версии имеют право на существование. На листочке, вырванном из записной книжки и хранившемся в архиве Дилакторской, читаем: *«Июль 1928. АА просит написать ОА о ФК. Прихожу. Разговор об искренности в литературе. Читает Байрона и Китса. – не в силах читать сов. литературу. Разговор о Б - Лавр. А. [А. И. - ?]. [неразб.] Толст – недобросовестен, Пиль – тоже, но Б. Лавр. просто пошляк.*

[438] Из личного архива Е. С. Дилакторской.

Милой

Наталии Леонидовне

Дилакторской —

на память о наших встречах

и беседах в 1944–45 г.г.

ИВА

с сердечной приязнью —

И было темно. И это был прах
И волны...

Борис Пастернак.

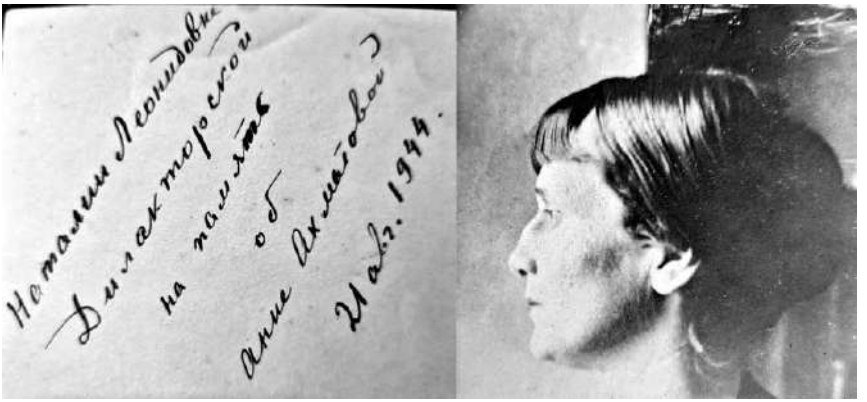
Анна Ахматова.

8 сентября

1945.

Фонтанный Дом.

Дарственная надпись на книге

Наталии Леонидовне

Дилакторской

на память

об

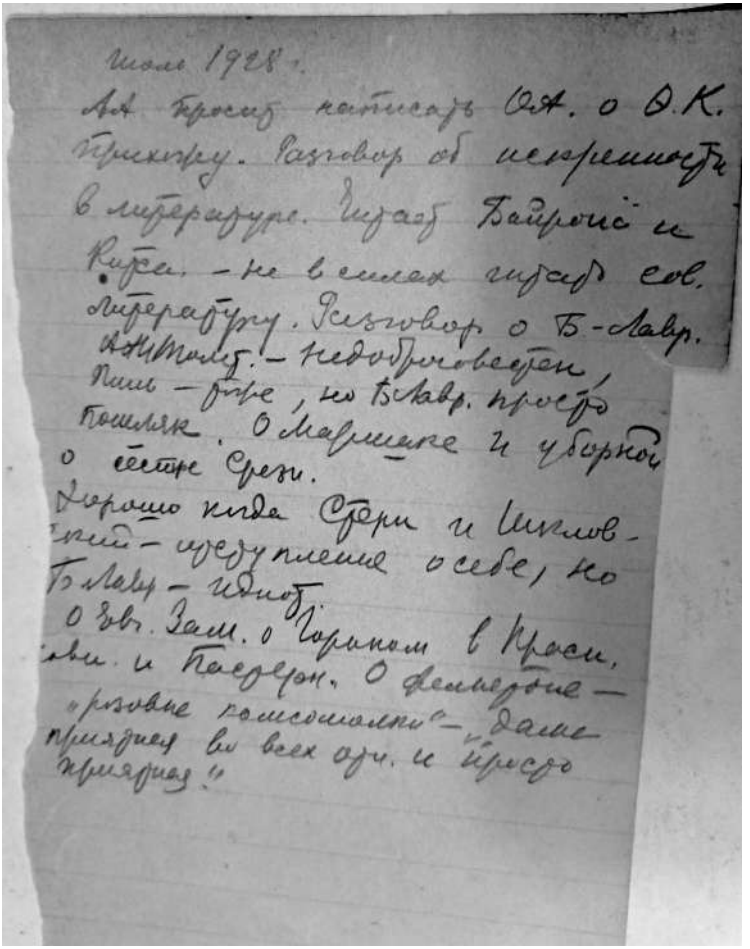
Анне Ахматовой

Авг. 1944.

Фотография А. А. Ахматовой с подписью

О Маршаке и уборной, о сестре Стези. Хорошо, когда Стери и Шкловский – преступление о себе, но Б. Лавр – идиот. О Евг. Зам. о Горьком в [неразб.] и Пастерн. О фельетоне – «розовые комсомолки» – «дама, приятная во всех отн. и просто приятная».

Итак, если АА – это Анна Ахматова (а кто же еще?), то тогда кто такие ОА и ФК (причем, Ф записана через фиту)? По мнению Татьяны Гордеевой, музейного работника из г. Люберцы, к которой я обращалась за помощью в расшифровке записи, *«если дата*

Июль 1928.
АА просит написать ОА. о ФК.
Прихожу. Разговор об иерархии
в литературе. Чирад Байрон и
Китс. – не в силах читать сов.
литературу. Разговор о Б-Лавр.
Капитал. – недобросовестен,
пишет – бойко, но Б.Лавр. просто
пошляк. О Маршаке и уборной
о сестре Стези.
Хорошо когда Стери и Шкловский – преступление о себе, но
Б.Лавр – идиот.
О Евг. Зам. о Горьком в Краси.
ви. и Пастерн. О фельетоне –
«розовые комсомолки» – дама
приятная во всех отн. и просто
приятная!!

Запись 1928 года

в записке 1928 год, то, возможно, Ахматова просит Дилакторскую написать Ольге Александровне Глебовой-Судейкиной о смерти Федора Кузьмича Сологуба – он умер в декабре 1927 года. В это время О. А. уже в Париже».

Следовательно, запись позволяет судить о встрече Дилакторской и Ахматовой еще в 20-е годы, при общем их знакомстве с Федором Сологубом. Эта версия кажется убедительной, учитывая, что Дилакторская, лично знавшая Сологуба, сама планировала написать воспоминания о нем, называла его «человеком больших страданий» и отмечала, что тот посвятил ей стихотворение (записи Н. Л. Дилакторской хранятся в домашнем архиве автора статьи). Логично представить, что встреча и беседа с Ахматовой (фраза «Прихожу») могла быть только в Фонтанном Доме, где Ахматова проживала. Возможно, что после кончины Федора Кузьмича они могли какое-то время и не встречаться.

Вторая запись, о встрече в 1944-м году, сделана скорописью, и, к сожалению, однозначно определяются не все слова. «[Когда - ??] *я* [неразборч.] *увидела Ахматову, меня поразила гордая посадка головы, величественн...* [простота - ?] *движений, умный, немного ушедший в себя взгляд. На фоне* [неразборч.] [в столовой союза - ?] [неразборч.] *она выглядела лебедем, попавшим в* [неразборч.] *Нас* [познакомил - ?] [неразборч.]. *Через некоторое время Ахматова* [неразборч.] [увидела - ?], *что мне хотелось прочесть ей свою поэму, подошла ко мне и увела к себе*» (архив ИРЛИ РАН).

Отрывок, даже в таком несовершенном виде, говорит о многом. Если они раньше никогда не встречались, то желание Ахматовой – поговорить один на один с некой литературной дамой, с которой ее только что познакомили, и послушать поэму, сочиненную детским писателем и военным корреспондентом (оба направления творчества весьма далеки от ахматовского!) – кажется весьма неправдоподобным. Понять творческий уровень поэта невозможно за пару минут беседы без чтения стихов, нужно все-таки хорошо знать человека раньше, чтобы так доверительно с ним общаться. И если в скорописи стоит глагол «познакомил», то человек, чья фамилия, увы, не читается, мог просто не знать о встречах 20-х годов.

Так или иначе, Анна Ахматова обратилась в 1944 году к Наталии Дилакторской с просьбой о работе над составлением двухтомника ее стихов и подготовкой к печати «Поэмы без героя». Наталия Леонидовна подходит к вопросу серьезно, анализирует творчество Ахматовой, делает выводы, беседует очень откровенно, вызывая ее на ответное чувство дружеского доверия. *«Самым интересным*

моментом в редакционной работе с автором – для меня настолько угадать или интуитивно почувствовать самые больные вопросы творчества и жизни человека, чтобы он почувствовал себя с одной стороны совсем безоружным, с другой – видел во мне психологическую опору: раз все понятно – скрывать нечего – и тут начиналась грань бесконечного доверия.

Этот момент наступает во взаимоотношениях с Ахматовой. Я веду себя как свирепый редактор, которому все дозволено говорить. Это ее обескураживает. Удается ли мне добиться моей личной цели – абсолютной «исповеди» – не знаю, но меня «допускают» все глубже и глубже». (из архива автора статьи).

На одном из листочков-записей, где Дилакторская анализирует творчество А. А. Ахматовой, приведены цитаты из статьи Николая Гумилева в журнале «Аполлон», 1914 г., и сделан оригинальный вывод. Приведем часть этой записи: *«Она никогда не объясняет, она показывает». «Протертый коврик, стертые каблуки, выцветший флаг».* «*Ахматовой, чтобы полюбить мир, нужно видеть его милым и простым*». «*Итак, с самого начала боль, тоска, смерть, а вместе с тем – красота*»,– подводит итог Дилакторская. И далее замечает: «*Ведь в эти годы Вяч. Иванов писал: – Отвергший Голубя ступень / В ползучих наречется Змиях...»* (архив ИРЛИ). Таким образом, Дилакторская намекает на то, что Ахматова не отвергала в своем творчестве «Голубя ступень...», и поэтому ее стихи, несмотря на печальные и трагические нотки, устремлены к красоте и свету, христианскому восприятию окружающего мира. Здесь и нужно искать характер ее авторского подхода. Для того времени – весьма смелый намек![439]

Итак, важнейшим из отношений между редактором и писателем (поэтом) Дилакторская считала предельную доверительность. Сама она доверила Ахматовой очень тонкую нотку души – прочитала ей свою неизданную поэму «Последний перевал», которая вызвала большое волнение в душе Ахматовой. Это зафиксировано в записях-воспоминаниях, и мы надеемся, что читатели когда-нибудь увидят поэму изданной (рукопись хранится в архиве ИРЛИ РАН). Приведем эту запись: *«Я следила за лицом Ахматовой. И меня поразило: странная волна охватила ее на главе о характере чекиста.*

---

[439] И уже в наши дни в одной из лекций выдающегося богослова современности архимандрита Иоанна (Ивлиева) мы находим подтверждение этой мысли. *«Сочинения Ахматовой очень религиозны»,*– утверждает о. Иоанн. И поясняет, почему.– *«В аду Гражданской войны, ужаса и репрессий ее не покидает ощущение всепронизывающего божественного света».*

Это не было минутное волнение, а шло какое-то мучительное воспоминание. Потом она овладела собой. Но вообще была взволнована. После разбора поэмы (я рассказала о причине, побудившей меня прийти к этой теме (о смерти матери) возник очень откровенный разговор о судьбе, смерти, любви и т. д.).

Потом Ахматова читала мне свою поэму. Показала письма с фронта и письмо Пастернака. Подарила фото (это было 21 августа 1944 г.). И я почувствовала, что чем-то я завоевала ее доверие. Повторяюсь: это не было ошибочным. Как очень обидчивый человек (а это несомненно) и человек [чуткий - ?] *при этом, она еще чувствовала всю искренность моего восторга перед ней».*

Та глубокая доверительная беседа с Ахматовой в 1944 году началась именно после прочтения отрывков из «Последнего перевала» Дилакторской. Потом, как было сказано, Ахматова в ответ читала ей свою поэму (а это могла быть только «Поэма без героя»!), они увлеченно беседовали на иные литературные темы.

Записи о встречах, хранящиеся в архиве ИРЛИ РАН и домашнем архиве автора этой статьи, позволяют восстановить хронологически день и год, тему и место встреч. Наталия Леонидовна встречалась с Ахматовой в Фонтанном доме, либо сама Ахматова приходила к ней на Кировский проспект, дом 26/28, кв. 99, где та проживала в большой коммунальной квартире. По сохранившимся воспоминаниям, общими друзьями были Л. Будогоская, Л. Шапорина, Е. Данько, Е. Манизер, Н. Войтинская, Т. Вечеслова, В. Саянов, Ф. Раневская и многие иные деятели культуры.

Отношения между некоторыми дамами были подчас далеко не дружелюбными. Так, Шапорина заглазно обвиняет Ахматову в причастности к гибели семьи Данько, эвакуировавшейся по ее совету. Сообщает Дилакторской, что, мол, Ахматова (разговор Шапориной и Ахматовой шел в присутствии Манизер) хотела, чтобы Ленинград покинуло максимальное количество жителей *(«Надо уезжать. Придет немец – будет крошево»)*. Что Ахматова считала всех не эвакуировавшихся блокадников ненормальными, виновными в голодной смерти тех ленинградцев, кому не достался паек. Приведем фрагмент записи:

«Здесь Шапорина, продолжая винить Ахматову, рассказала, как она с ней встретилась после возвращения Ахматовой из эвакуации. Она ей говорила, что слишком много тел умерших. И в гибели их повинны те, кто не уезжал из Ленинграда. Если бы осталось совсем мало народу, столько не погибло бы. При этом Ахматова считала, что мало кто из тех, кто жил здесь, остался нормальным. Эти

слова Шапорина приняла на свой счет и очень обиделась. Об Ахматовой Шапорина говорила раздраженно, возможно, что ей зря дали медаль «За оборону Ленинграда» (архив ИРЛИ РАН).

Достоверны ли были эти слова? Ведь не менее резкое суждение сама Ахматова выражает в адрес Веры Инбер, называя ее «стервой», неправильно излагающей в своем дневнике трагические события блокадного времени *(«А. А. очень взволнованно говорит, Вам тоже показалось странно? Эта стерва не имела права писать так! Вы читали?»)*. Характерно, что Дилакторская, которая потом сама стала мишенью для несправедливых и надуманных сплетен Шапориной, пыталась по горячим следам выяснить, говорила ли Ахматова те ужасные слова про ленинградцев. Убеждается с радостью, что этих слов Манизер как собеседница разговора не помнит.

В одном из листочков находим такую запись Дилакторской об Ахматовой: *«Самым интересным было, как она (лежа больная), возмущалась, что ее не включают на дежурство в Агитпункте, что она хочет работать как все»* (архив ИРЛИ РАН).

Читая записи встреч, мы постоянно видим искреннее, доброе и теплое отношение Дилакторской к Анне Андреевне. В долгом тяжелом ожидании, вернется ли сын Лёва с войны, Ахматова ужасно страдала и переживала. Сохранилась запись встречи с Ахматовой в Шереметевском саду. Анна Андреевна очень бледна, сын на фронте, писем давно нет. *«Я жду худшего*,– говорила она.– *Я все должна испытать...».* Она почти уверена, что сын погиб, и произносит с горечью фатальную фразу, как бы заранее смиряясь со страшной потерей, словно примеряя ее на себя – и в ответ слышит слова утешения и надежды. Глубокое сострадание и поддержка Наталии Леонидовны помогли справиться с тяжелым порывом души (архив ИРЛИ РАН).

Интересна также запись о ночи, проведенной в обществе Исайи Берлина. Мы узнаем благодаря Наталии Леонидовне детали общения сэра Исайи с Ахматовой, о которых еще никто не знает. То, что он рассказал ей об Англии и Америке, то, что Ахматова не позволила *«англичанину затопить русскую печку»*, о легком флирте и долгой бессонной ночи, проведенной в интересной беседе. Потом был разговор-обсуждение той встречи: *«Её очень интриговала причина долгого сидения (2-й раз). Как мог такой воспитанный человек забыть все правила приличия?*

Я сказала ей, что я думаю. Она стала смеяться и возмущаться, говорить, что я всегда идеализирую людей. А потом достала свой заветный кожаный коробочек (так в оригинале – *прим. автора*), *где лежат всякие ее сувениры, и показала три:*

1. Фотографию красавца.

2. Истерическую надпись на клочке бумаги, которую ей подарил в Ташкенте сосланный скрипач Кауфман.

3. Шуточные рисунки со стихами, посвященными ей – шуточное объяснение в любви, которое тоже было в Ташкенте (Иосиф Ш.)

Из этого я заключила, что моя догадка верна, и ее очень трогают проявления чувства поклонников всех человеческих категорий» (архив ИРЛИ РАН).

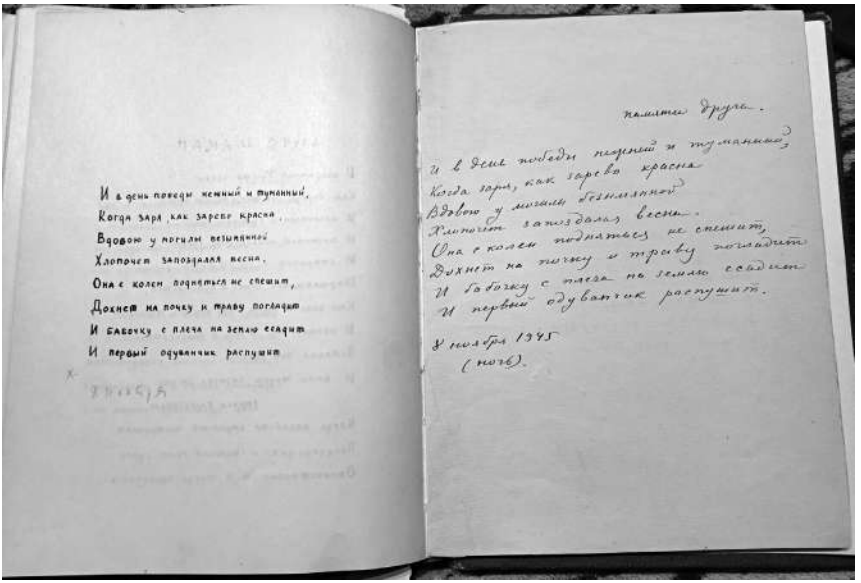
Дилакторская любит подмечать детали. Есть описание Ахматовой тех лет: *«Прохожу в ее комнату. Чисто. Садится с ногами в продавленное кресло, закрытое золотистым сюзанэ. Курит. Сидит в ветхом черном шелковом халате с серебристым драконом на спине»* (архив ИРЛИ РАН).

Как мы видим из этих записей, Ахматова остается человеком несломленным. Несмотря на отчаянные переживания за сына, она старается сохранить чувство внутреннего достоинства. При этом в ней живет образ настоящей женщины, склонной к флирту, она любит говорить о своих поклонниках, хранит подарки и знаки их внимания, метко иронизирует, имеет даже склонность к самолюбованию, но не терпит лжи и искажения фактов, касающихся трагедии войны, она готова, даже будучи тяжело больной, защищать страну вместе с другими людьми. Сплетницей (в отличие от Шапориной) ее никак не назовешь. Но на первом месте для души поэтессы стоит, конечно, ее литературный дар и необходимость работы над бессмертными произведениями, чтобы сохранить их для будущего.

Работали они так: Наталия Леонидовна записывала под диктовку Ахматовой ее стихи карандашом, скорописью, потом обводила их чернилами (у нее было перо и старинная китайская чернильница), затем стихи начисто, четким красивым почерком записывались в Двухтомник, в хронологическом порядке, начиная с 1909 года и заканчивая 1945-м. Текст «Поэмы без героя» был машинописным, в нем много ахматовских пометок цветными карандашами, комментариев и правок. Поэма перепечатывалась Дилакторской на пишущей машинке, и готовился черновой макет издания, по которому сейчас можно судить, как Ахматова хотела видеть издание своей бессмертной поэмы.

Известно, что в двухтомнике сочинений Ахматовой, вышедшем под редакцией М. Кралина в 1990 году,[440] приводится около 30-ти

[440] Ахматова А. А. Сочинения в двух томах.– М.: Правда, 1990.

Рукописный двухтомник

неизвестных ранее стихотворений поэтессы, взятых именно из этого рукописного двухтомника, а также сверены и уточнены некоторые датировки. Материалы – рукописи и книги стихов Ахматовой с вписанными датами и комментариями руки поэтессы предоставила Михаилу Кралину после кончины Наталии Леонидовны семья ее брата, профессора Николая Леонидовича Дилакторского.

Стихи и комментарии увидели свет, а вот «Поэма без героя» в версии 1944 года еще не известна читателю, как не издавался и этот задуманный Ахматовой Двухтомник стихов.

До сих пор остается невыясненным очень важный вопрос: когда и почему прекратилось общение. Согласно дневниковым записям Шапориной, цитируемым Романом Тименчиком,[441] Ахматова, мол, обиделась на Дилакторскую за *«приглашение и билеты на казнь»*. Однако несложно убедиться в том, что это нонсенс, речь шла не о казни – таких билетов просто не существовало. На самом деле говорилось об известном процессе над фашистскими палачами, на

[441] Тименчик Р. «О чести, простите, мундира». // Журнал НЛО 2015/5 (135). [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://magazines.gorky.media/nlo/2015/5/o-chesti-prostite-mundira.html. (дата обращения 03.01.2021).

который приходили, в числе прочих, и многие деятели культуры. Вероятно, по какой-то внутренней причине Ахматова на процесс идти не хотела и как-то резко ответила. В записях Дилакторской действительно отмечены факты размолвки и слова о процессе.

Вот запись от 1945–46 гг. (приведем ее полностью): *«У Анны Андреевны я была дважды – 29 декабря и 9 января. 29 декабря была очень неудачная для меня встреча, т. к. АА трижды мне солгала и допустила бестактность, очень меня оскорбившую. Поэтому разговор был очень напряженным. Касался он: 1) билета на процесс в Выб. Д. Культ; 2) Фрейда и подсознательного в творчестве; 3) Творческих возможностей АА и ее будущего; 4) дочери Инбер и материала для информбюро; 5) чтецов как интерпретаторов поэта.*

9 янв. АА начала с извинения, но я, наверно, ее неверно поняла и всячески старалась загладить свою вину, дала новые стихи, просила петь и т.д.

Разговор касался: 1) выступления в Доме Ученых; 2) Эйхенбауме и его отношении к АА; 3) англичанина; 4) анекдота с японским ругательством; 5) издания стихов АА и бродячих строчек» (архив ИРЛИ РАН).

Как видим, вторая встреча была уже после казни фашистов, и Ахматова извинилась. Другая сплетня, сочиненная Шапориной, что Дилакторская, мол, является агентом спецслужб, также не выдерживает критики. Отправленный нами запрос в архив ФСБ позволяет однозначно судить о порядочности Дилакторской как не состоявшей на спецслужбе. Ответ из Центрального архива ФСБ от 19.11 2020 № 10/А/Д-5306 однозначен: *«ЦА ФСБ России сведениями в отношении Дилакторской Наталии Леонидовны не располагает».* Однако, не выяснив обстоятельств дела, эти сплетни тиражировал Р. Тименчик, принимая ложь за истину.

Вопрос о прекращении отношений остается открытым. Можно было бы предположить, что причиной явился неудачный, хотя и запланированный и заранее согласованный с Ахматовой визит Дилакторской в Фонтанный дом, где она неожиданно столкнулась с некими тремя неизвестными ей дамами, одна из которых, возможно, была агентом спецслужб. Ради сохранения архива редактор и поэтесса могли по этой причине прекратить общение. Последнее стихотворение в рукописном Двухтомнике датировано 1945 годом.

Однако есть немаловажные свидетельства об их контактах более позднего времени. Так, после известного процесса 1946 года, где Дилакторская выступила в защиту Зощенко, она потом

пошла к Ахматовой в Фонтанный дом и принесла ей букет цветов. Букет та взяла, а пустить не пустила. Этот факт сообщили автору настоящей статьи жители Санкт-Петербурга супруги Семеновы, Зинаида и Владимир, близкие друзья Наталии Леонидовны в 60-е годы. Они также утверждают, мол, от Дилакторской узнали и то, что она помогала Ахматовой по дому и приносила продукты. В записях Наталии Леонидовны мы подтверждения этому не найдем. Но в нашем семейном архиве сохранился медицинский рецепт, выписанный «гражданке Ахматовой», по которому, очевидно, Дилакторская покупала своей приятельнице лекарство. В записях также часто говорится о нездоровье Ахматовой, ее больном сердце и приступах болезни. Сохранились и два черновика телеграмм, написанных рукой Ахматовой,– одна Айбеку в Ташкент, вторая – Раневской, с днем рождения. Значит, Дилакторская отправляла телеграммы своей подруги по ее просьбе, когда та болела, и сохранила черновики на память. Но телеграммы относятся по времени до рокового постановления 46-го года, а вот рецепт – без даты.

Так встречались ли они потом? В архиве ИРЛИ РАН хранится тетрадь, в которую аккуратно рукой Дилакторской, совместно с кем-то еще (почерк в процессе записи меняется) переписан текст книги Леонида Страховского «Мастера слова. Три поэта современной России: Гумилев, Ахматова, Мандельштам» на английском языке, вышедшей в 1946 году в Америке.[442] В отличие от оригинала, глава, посвященная Ахматовой, поставлена первой, а все ее стихи, переведенные на английский язык, продублированы оригинальным текстом на русском, из сборника «Из шести книг» – того самого, который Дилакторской подарила Ахматова. Вопрос: если они прервали отношения, когда Ахматова очень надолго стала персоной нон грата, или даже раньше, то для чего тогда ее бывший редактор работает с переводными изданиями и сверяет текст, да еще с кем-то совместно, кто также свободно владеет английским языком и кому она безоговорочно доверяет? Просто так, ради интереса? Сомнительно.

И не здесь ли кроется разгадка вопроса об «американском следе» (как это с иронией называет Тименчик) – публикации неизвестных вариантов стихов Ахматовой в США, из архива Дилакторской, с датировками более поздних лет?[443]

---

[442] Strakhovsky L. I. Craftsmen of the Word. Three Poets of Modern Russia: Gumilyov, Akhmatova, Mandelstam. Harvard University Press. Cambridge, 1949. 114 p.

[443] Ахматова А. А. Неопубликованные стихи и варианты. // Часть речи.– № 2/3.– Нью-Йорк, 1981–1982. С. 15–20.

А ведь аналогичные записи, правда, без ахматовской руки, есть в архиве Дилакторской (машинопись, правки и датировки). В архиве ИРЛИ РАН есть машинопись с правкой Ахматовой, карандашом, но дата проставления правки не указана. Возникает версия, что после злополучного постановления они могли работать с рукописями дистанционно и иметь надежного посредника. Но это, увы, только версия. Попытка установить этого посредника пока не удалась. Мы запросили письма Дилакторской к академику Б. Эйхенбауму, который лично знал Ахматову и дружески общался с Наталией Леонидовной в те годы. Однако присланные сканы писем из РГАЛИ (Москва) никакой информации об Ахматовой и ее стихотворениях не содержат.[444]

В конце шестидесятых годов к Дилакторской обратился академик В. Жирмунский с просьбой об уточнении датировок публикуемых им ахматовских стихотворений (письмо в архиве автора статьи). Помогал ему М. Мейлах, тогда весьма еще юный человек, но в его последующих ахматоведческих работах о встречах не упоминается. Более широкий круг общения нам неизвестен. Даже если таковой человек и был, его имя, скорее всего, останется тайной.

Действительно, длительное время, пока Ахматова была «запрещена», ее стихи, сохраненные Дилакторской в уникальном рукописном Двухтомнике, рукопись «Поэмы без героя», автографы на дарственных книгах и иные реликвии хранились в квартире на Кировском как бесценный архив, о котором никто не должен был догадываться. Иначе неизбежен обыск – и уничтожение того, что столь важно было не только для них обеих, но и для русской и мировой культуры в целом. Позволю себе отметить, что Ахматова была слишком умным человеком, прямым и бесхитростным, поэтому позволить властвовать над собой некой мелкой обиде к другому человеку, да настолько, чтобы полностью порвать с ним отношение, вряд ли было в ее характере. К тому же, и время тогда стояло суровое. А вот разыграть обиду, чтобы никто не мог «сунуться» на Кировский с обыском – это вполне возможно.

Таким образом, сохранившийся ахматовский архив Наталии Дилакторской позволяет сделать в будущем публикации записей о встречах, версии «Поэмы без героя» 40-х годов, факсимиле издать рукописный двухтомник. Возможно, что появятся со временем еще какие-нибудь материалы, позволяющие пролить свет на нерешенные пока вопросы по этому уникальному архиву.

---

[444] РГАЛИ. Письма Н. Л. Дилакторской Б. М. Эйхенбауму 8–15 апреля 1958 года. Ф. 1527. Оп. 1. Д. 414. Л. 1–8.

Полоцкая Ольга Владимировна,
научный сотрудник МБУК «Тотемское музейное объединение»,
г. Тотьма, Вологодская область

РУКОПИСНЫЙ СБОРНИК СТИХОВ ИЗ НАУЧНОГО АРХИВА ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ: АТРИБУЦИЯ, ДАТИРОВКА, АВТОРСТВО

При описании музейных коллекций хранитель может столкнуться с такой проблемой, как полное отсутствие сведений о предмете в книге поступлений. Конечно, частичную информацию о предмете можно установить благодаря клеймам, штампам, подписям или поиску аналогичных в каталогах других музеев. Но это не всегда помогает установить имена прежних владельцев и историю бытования предмета.

В научном архиве Тотемского музейного объединения хранится рукописный сборник стихов, представляющий собой тетрадь (20,7×18, 6×1,7 см), сшитую из 138 листов бумаги верже. Переплёт и часть страниц утрачены (нумерация начинается с 46 листа). Имя владельца и датировка отсутствуют. Изначально тетрадь хранилась в музейной библиотеке, о чём свидетельствует штамп на одной из страниц, а затем стала частью научного архива. По всей видимости, при переводе из одной коллекции в другую, сведения о рукописи не были перенесены из библиотечного каталога в перечень архивного фонда.

Значительная часть рукописи заполнена одинаковым почерком и одним цветом чернил, что свидетельствует, что перед нами не черновик. Записи сделаны аккуратно, с небольшим количеством помарок и исправлений. Вероятно, автор переписал их из разновременных записей, желая собрать под одну обложку. Вместо названий перед текстами идут порядковые номера. Отдельную страницу владелец тетради выделил под оглавление, от которого, к сожалению, остались только небольшие фрагменты. Было выдвинуто преположение, что тексты были созданы либо тотемским поэтом Фомой Андреевичем Вахрушовым (1823 – ок. 1870), либо же созданы другим местным автором, имя которого ещё предстоит открыть.

Но, как удалось выяснить, ряд представленных в рукописи стихов созданы известными поэтами XVIII – первой четверти XIX века. Среди авторов: А. П. Сумароков (1717–1777), М. В. Ломоносов (1711–1765), Г. Р. Державин (1743–1816), Н. М. Карамзин (1766–1826),

А. Ф. Мерзляков (1778–1830), И. И. Дмитриев (1760–1837). Какое значение имела выборка текстов данных авторов для владельца тетради? Это можно объяснить тем фактом, что в XIX столетии эти стихи имели популярность в качестве песен и романсов.

В самом начале рукописи[445] мы обнаруживаем стихотворение «В час разлуки пастушок», автором которого является поэт и переводчик, профессор Московского университета А. Ф. Мерзляков (1778–1830). Его песни и романсы пользовались успехом у публики. Источником вдохновения для автора служило народное творчество. «В час разлуки», например, исполнялась на мотив украинской песни «Ехал казак за Дунай», написанной в середине XVIII века поэтом Семеном Климовским.

Далее на страницах рукописи мы встречаем романсы И. И. Дмитриева «Больше всех цветочков розу я любил»[446] (1795). Автор музыки – композитор А. А. Алябьев (1787–1851), «Что с тобой любезной стало» (композитор – А. Д. Жилин (1766–1848)).

Также из известных песен, созданных в конце XVIII – первой четверти XIX века, владелец тетради сохранил на её страницах тексты: «Прости» Н. М. Карамзина, «Пчёлка златая» Г. Р. Державина, «Молчите струйки чисты» М. В. Ломоносова.

То есть, можно сделать вывод о том, что исследуемая рукопись – это песенник, созданный не позднее первой четверти XIX столетия. Подобные сборники – это явление, возникшее в городской культуре в XVII веке[447]. Изначально на страницах песенников преобладала духовная поэзия, нравоучительные стихи. В XVIII столетии поэзия на страницах песенников стала более светской. В рукописных сборниках стали преобладать любовные стихи, пасторали, народные песни. Уже во второй половине XVIII века традиция ведения таких тетрадей стала вытесняться появлением печатных песенных сборников, а затем и модой на альбомы[448].

Данный песенник относится к типу безнотных. Но, например, в тексте «Песня верной любви» указано сколько раз нужно пропеть куплет, а также есть такая строчка: *«Три ра ра ра ты поёшь как соловей»*. То есть, в тексте передано своеобразное подражание пению птицы.

---

[445] Научный архив Тотемского музейного объединения № 147. Сборник стихов XIX века. Л. 46.

[446] Там же. Л. 51.

[447] Соболева Л. С., Михайлова О. А. Русская песня и европейский романс в рукописном сборнике начала XIX века: эмоциональная культура на фоне веков.– Екб.: изд-во Уральского университета, 2016. С. 16–17.

[448] Там же.

Ещё одной особенностью рукописных песенных сборников является наличие в них текстов, посвящённых царям и царицам. Исследователи отмечают, что такого типа стихи встречаются в большинстве старинных песенников. Сборник из собрания Тотемского музейного объединения не является исключением. На страницах тетради записана ода, посвящённая императору Александру I[449].

Виват! Виват, Александр!
Виват! Виват, Александр!

Александр на русском троне,
Перестанем воздыхать.
Он в порфире, он в короне,
Чего больше нам желать?

Виват! Виват, Александр!
Виват! Виват, Александр!

Присягнём ему сердцами,
Присягнём мы всей душой!
И нелестными устами
Воспоём мы пред тобой!

Виват! Виват, Александр!
Виват! Виват, Александр!

Солдат хитростей не знает,
Стихотворческих совсем,
На уме что есть болтает,
Любя сердцем тебя всем...

Эпоха правления Александра I – это, как мы знаем, время необычайного патриотического подъёма, связанного с событиями Отечественной войны 1812 года. Для владельца тетради не чуждо восхищение победами русской армии и поклонение её героям. В частности, он записывает стихотворение «Ратное поле»[450] (1796) А. Ф. Мерзлякова, где показан пейзаж после битвы.

Всё поле пепел покрывает,
Без листьев лес вдали стоит,
Повсюду взоры поражает
Громад обрушившихся вид...

[449] Сборник стихов XIX века. Л. 63–63 об.
[450] Там же. Л. 69–72 об.

Далее излагается история о том, как один из воинов ищет на поле погибшего брата.

Иной, скользя в крови, влачился,
Меж трупов брата он искал,
В груди вонзенный меч дымился,
Но сердце злейший меч терзал,
Любезный брат его сраженный –
Всей горести его виной:
Он хочет, в жизни сопряженный,
В могиле с ним лежать одной!

Затем в повествовании появляется супруга одного из братьев и находит их тела.

Супруга нежная, злосчастна,
В мгле бродит с факелом одна,
Как призрак или тень ужасна,
Томна, отчаянна, бледна,
Повсюду взоры обращает;
Ни мрак, ни ветр не страшен ей,
С спокойством смертным пробегает
По грудам тлеющих костей.

Возможно, что для современников это стихотворение – аллюзия к Бородинской битве, а сюжет с поиском останков супруга – отсылка к истории вдовы генерала Александра Тучкова IV Маргариты Михайловны. Узнав о гибели мужа, она отправилась на Бородинское поле, чтобы найти его тело. Здесь она возвела небольшую церковь, а затем основала монастырь.

Несмотря на то, что «Ратное поле» было написано задолго до описываемых выше событий, последние строчки хорошо отражают чувства и настроения, царящие в народе, пожалуй, во время любой из войн.

Се ты, любовь, любовь священна
К отечеству, к его сынам,
Усердьем, верою возжженна,
От горних мест нисходишь к нам!
Сошла! – и мраки осветились
Блистанием лучей твоих;
Герои в небе просветились,
И возгремела слава их![451]

[451] Сборник стихов XIX века. Л. 72–72 об.

Схожую патетику имеет стихотворение «На выступление Российских Императорских войск». Враг в тексте сравнивается с хищным зверем.

Его пиры – ручьи кровавы,
Забавы – горести и стоны...

Тем не менее, доблестные Россы встают на защиту Отечества, клянутся быть ей щитом и стеной, дабы «*Тиранску обезглавит власть*»[452].

Продолжают военную тематику две эпитафии, написанные в 1813 году, посвящённые памяти фельдмаршала М. И. Кутузова. Одна составлена поэтом А. Ф. Измайловым (1779–1831)[453], а вторая драматургом С. И. Висковатовым[454]. Следует отметить, что оба текста записаны с указанием авторов.

В рукописи также имеется упоминание и о другом герое Отечественной войны 1812 года. Под номером 68 приводится текст: «Надпись к портрету графа Матвея Ивановича Платова», атамана Донских войск, родившегося в 1753 году»[455]. Если Кутузова называют не иначе как «мудрый Фабий», «спаситель Отечества», то Платов – это «вихрь», «вождь», «гроза для супостатов».

Составитель рукописного сборника интересовался не только героями, с которыми ему довелось жить в одно время, но и к персонажам историческим. В частности, в тетради зафиксирована поэма «Ермак» И. И. Дмитриева (1760–1837), а также стихотворение «Гектор и Андромаха»[456].

В тетради было отведено место и для записей, которые могли бы оставить друзья и знакомые владельца сборника. В частности, в рукописи сохранилось стихотворение «И так лучше не влюбляться», под которым имеется следующая запись: *«Не забывай того, который тебя истинно любит и душевно уважает, живущего или мёртвого, проживающего Ряжского уезда, в селе Кобылино А. Геронтьева»*. Геронтьевы – это старинный дворянский род, чьи имения располагались на территории Рязанской губернии. Это даёт основание предполагать, что тетрадь бытовала или была создана не на территории Тотемского уезда.

---

[452] Сборник стихов XIX века. Л. 73 об.
[453] Там же. Л. 106–106 об.
[454] Там же. Л. 107–109.
[455] Там же. Л. 109.
[456] Там же. Л. 75 об. – 78 об.

Тексты, собранные в рукописи, очевидно, подбирались не случайным образом. Они отражают вкусы владельца тетради, его настроение, эмоциональный фон и переживания. Все тексты, собранные в сборнике, можно сгруппировать по следующим темам: пасторальные сюжеты, духовные стихи «молитвы» («Господи, помилуй её и меня»), исторические произведения, патриотические стихи, шуточные песни («Нехай так нехай»[457] на украинском языке). Есть одно произведение на польском языке. Большая часть стихов и песен – это любовная лирика. Герой стихов то переживает радость от свидания, то клянётся не влюбляться, переживает разлуку. Его возлюбленная сравнивается с цветком, пчёлкой, пастушкой.

Канареечка любезна,
Лети к милой поскорей,
Ты скажи, что участь слезна
Разлучает меня с ней.

Под окошком на кусточке
Нежну песенку запой,
Может быть, при ветерочке
Донесется голос твой...[458]

Что можно сказать о составителе сборника? Молодой человек, горожанин, хорошо образованный, чья юность пришла на период царствования императора Александра I. Вполне вероятно, что его местом жительства являлись не Тотьма или Тотемский уезд, а территории южнорусских губерний. Судя по виду библиотечного штампа, рукопись поступила в музей в начале 1920-х гг., а каким образом и от кого – ещё предстоит выяснить.

Подобные песенные сборники имели широкое распространение на территории Российской Империи в XVIII–XIX вв. Они являются отражением музыкальных предпочтений и фольклорных традиций различных слоёв населения. Это источник изучения городской культуры, но и также отражение истории ментальной. Тексты в рукописи передают различные эмоции владельца и переживания: чувство гордости за Отечество, любовные переживания, горечь разлуки с любимым человеком и т. д.

---

[457] Сборник стихов XIX века. Л. 90–90 об.
[458] Там же. Л. 102 об.

В рамках музейной деятельности изучаемый песенник возможно использовать в качестве основы для интерактивной экскурсии или при проведении такого мероприятия, как музыкальная гостиная.

Савкова Ирина Сергеевна,
зав. отделом учёта, хранения и систематизации музейных фондов
МБУК «Тотемское музейное объединение»,
г. Тотьма, Вологодская область

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ В СОБРАНИИ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ: КЛАССИФИКАЦИЯ И ОПЫТ НАУЧНОГО ОПИСАНИЯ

В собрании Тотемского музейного объединения (далее ТМО) находится небольшая, но достаточно интересная коллекция музыкальных инструментов. Она насчитывает 45 единиц (1.3% от общего количества фонда «Металл»), относящихся к разным группам. Коллекция представляет собой собрание совершенно разнообразных образцов, от старинных до современных, от самодельных до фабричных, от народных до профессиональных. Удивительные и загадочные свойства предметов музыки – изящество отделки, совершенство механизмов, уникальный звук – интересны как аудитории профессиональных экспертов, так и широкому кругу посетителей самых разных возрастов.

При изучении музыкальных инструментов возникли трудности в систематизации, т. к. в собрании музея они не выделены в отдельную коллекцию и отнесены в фонд «Металл», который составляет 3305 единиц. К сожалению, на первые поступления информация в книгах поступлений лаконична и не дает развернутой информации о музейном предмете. Приходилось изучать информацию в актах поступления и старых, погашенных инвентарных книгах с шифром «Эт.» (Этнография).

Начало комплектования коллекции музыкальных инструментов связано с научно-исследовательской, культурно-просветительской и собирательской работой сотрудников музея. Коллекция в основном пополнялась тремя путями: приобретение у жителей г. Тотьмы и района (около половины от общего числа), музейные экспедиции по Тотемскому, Тарногскому, Бабушкинскому и Нюксенскому районам (около четверти) и передача из других

учреждений (около четверти). Инструменты начали поступать в музей с 1928 года, при первом заведующем отделом фондов Сибирцеве Павле Евгеньевиче (1888–1961 гг.), это зафиксировано в книге поступления № 1. Среди первых музыкальных инструментов была гармонь о 9 клавишах 1883 г. (ТМО-5867). Этот инструмент выполнен неизвестным местным мастером Тотемского уезда Спасской волости. Гармонь куплена музеем за 20 рублей в 1928 г. в г. Тотьме. Можно сказать, что поступления в коллекцию были эпизодическими, но иногда фонды пополнялись несколькими предметами одновременно.

Гармонь местной кустарной работы. 1883 г. Дерево, металл, ткань, кустарная работа. Вологодская губ., Тотемский уезд, Спасская волость. Гармонь куплена музеем за 20 руб. в 1928 г. в г. Тотьме. ТМО 5867

Проанализировав все музыкальные инструменты в собрании ТМО, можно сделать вывод, что коллекция немногочисленна, но по видовому составу разнообразна. В ней присутствуют: гармони (26 ед.), горн пионерский (3), барабан пионерский (3), скрипка (3), баян (2), балалайка (2), по одному экземпляру: роялино (кабинетный рояль), пианино, домра, гитара, ритуальный инструмент индейского племени «Кашайя» и музыкальный инструмент Башкирии «Кубыз».

Можно предположить, что в Тотемском уезде самым распространенным музыкальным инструментом была гармонь. Ни один праздник не обходился без гармониста и его музыкального инструмента, о чем свидетельствуют снимки Киренкова А. М.[459], фотографии[460]

[459] Негатив стеклянный. Гармонист, бродячий музыкант. Фотограф А. М. Киренков. До 1917 г. Собрание ТМО. ТМО-41091 ФНег. 748.

[460] Фотография. Козлова Г. С. выступает с гармонистом. Стадион Фетиха. День молодежи. г. Тотьма. 1980 г. ТМО НВ-11694; Фотография. Коробицын Н. Г. с гармошкой на сцене. г. Тотьма. 2009 г. ТМО НВ-10248.

и документы из научного архива Черницына Н. А.[461] из собрания ТМО.

Все музыкальные инструменты имеют разные свойства и отличаются по своему строению, материалу изготовления, звучанию, технике игры, фабрике-изготовителю. Вообще, их можно классифицировать по различным признакам, но самый традиционный из них – по источнику звука. Звук может генерироваться струнами, вибрирующим язычком, колебанием твёрдой поверхности, либо вибрирующим воздухом в корпусе инструмента. По этим признакам отличают струнные, духовые, язычковые и ударные инструменты соответственно. В ходе исследования мною были изучены и проанализированы существующие классификации музыкальных инструментов и выбрана наиболее приемлемая и к собранию ТМО[462].

К **струнным** относятся музыкальные инструменты, в которых источником звука (вибратором) являются колебания струн. Существуют смычковые и щипковые струнные. В них звук появляется от взаимодействия смычка и струны – трение смычкового волоса заставляет струну колебаться. Щипковые инструменты звучат благодаря тому, что музыкант сам своими пальцами, либо медиатором, задевает струну и заставляет её колебаться. К этой группе относятся: балалайка, гитара, домра.

В собрании ТМО представлено три скрипки (ТМО-41221/1-3) популярного в г. Тотьма ансамбля скрипачей «Каприччио» (2000–2013 гг.), руководителем которого являлась Нина Васильевна Попова. Переданы в музей от заведующего хозяйством МБОУ ДО «Тотемская детская музыкальная школа» Николая Мишина в 2017 году. Со слов директора Тотемской ДМШ Любови Зайцевой, *«Благодаря усилиям и неустанному труду Нины Поповой, в течение 18 лет класс скрипки занимал прочные позиции, а ансамбль скрипачей старших классов «Каприччио» в 2008 году получил звание «Образцовый художественный коллектив». Кроме того, «Каприччио» – лауреат областных конкурсов «Любовь моя – Вологодчина» и имени И. Г. Гинецинского, проходящих в Вологде. У его участников – богатый сценический опыт: они достойно представляли свой маленький город, выступая в Вологде, Ярославле и Рязани»*[463]. Благодаря превос-

---

[461] Черницын Н. А. Роль гармоники в жизни крестьянской молодежи по частушкам Тотемского уезда. ТМО – Н. А. № 72.

[462] Блюм Д. Краткий курс инструментоведения.– М.: Музгиз,– I947. 97 с.

[463] Переписка автора в социальных сетях с директором Тотемской ДМШ Зайцевой Л. Н.

ходному выступлению ансамбля скрипачей «Каприччио» Тотьма зазвучала на всю область. Все три инструмента были куплены в музыкальном магазине города Вологды. В настоящее время (2021 г.) в Тотемской ДМШ, к сожалению, не ведётся обучение игре на скрипке.

Балалайка – русский народный трёхструнный щипковый музыкальный инструмент с корпусом треугольной формы. В собрании ТМО два таких предмета, представляющих собой стандартный образец заводской отечественной сборки, популярный как инструмент для обучения игре детей в музыкальных школах РСФСР во второй половине XX века. Балалайки были изготовлены в 1980-е годы. Также в собрании музея присутствует гитара шестиструнная акустическая (ТМО-39683), изготовленная на Ивановской фабрике музыкальных инструментов в 1980-е годы и переданная в музей от Кореневой Н. И. в 2009 году.

Домра – русский народный струнный щипковый музыкальный инструмент с корпусом полусферической формы. Единственная имеющаяся в коллекции ТМО домра передана в музей в 2006 г. от Мишиной Т. В., директора Тотемской детской музыкальной школы. Использовалась для сольного исполнительства и в составе ансамблей и оркестров русских народных инструментов.

В **духовых** инструментах звук зарождается благодаря вибрированию воздушного потока в полости музыкального инструмента. При общем делении на медные и деревянные инструменты, к этому классу можно отнести клавишные духовые и язычковые. В коллекции ТМО только один образец, относящийся к медным духовым инструментам – горн пионерский, представленный в трёх вариациях. В советские времена горны были незаменимыми атрибутами пионерских отрядов и дружин. Они переданы в музей от районных учреждений: Пятовской начальной школы, Тотемской школы коррекции, Тотемского дома пионеров.

Язычковыми называются инструменты, у которых образование звука происходит в результате колебания упругих стальных язычков под действием потока воздуха. Такими инструментами являются гармони, баяны, фисгармония. Гармони и баяны – это клавишно-пневматические инструменты с проскакивающими язычками. Гармонь, так же, как и её усовершенствованный вариант – баян, состоит из двух полукорпусов, между которыми помещается воздушный резервуар – мех. Инструмент имеет две кнопочные клавиатуры: на правой клавиатуре играется мелодия, левая предназначена для аккомпанемента – при нажатии

одной кнопки звучит бас или целый аккорд. Формирование звука в подобных инструментах происходит следующим образом: металлические язычки свободно проскакивают в проёмах голосовой планки, колеблются в воздушном потоке, нагнетаемом при помощи меха, и издают звук определённого тона.[464] Можно разделить гармони по типу правой клавиатуры, в зависимости от количества рядов кнопок. Существуют двухрядные, трёхрядные инструменты и инструменты с одним рядом кнопок. В собрании музея представлены все виды гармоней. К однорядным гармоням относятся: тульская, ливенская, вятская, тальянка (сокращённое от «итальянка», на правой клавиатуре находится 12–15 кнопок, а на левой – три). Двухрядные гармони – русская венка (первая двухрядная) и хромка.[465]

В музейной коллекции к однорядным гармоням относятся самодельные образцы, изготовлены местными мастерами Тотемского уезда. Гармошка «Толшмянка», однорядка нач. XX в., выполнена мастером – умельцем Чудиновым Николаем из Верхнетолшменской волости, Тотемского уезда. Куплена музеем за 60 руб. в 1951 г. (ТМО-12370). К двухрядным гармоням относятся: гармошка «Бологовка» двухрядка, 1913 года (ТМО-12369). Куплена музеем в 1951 г. за 80 руб. у Зайцева Ивана Ивановича, проживающего по адресу: д. Давыдиха, Великодворского с/с, Тотемского р-на, Вологодской обл. Гармони «Бологовка» выпускались в свет в период с 1880 по 1941 г. фабрикой Якова Ивановича Якка, которая находилась в городе Бологое Тверской области. Яков Иванович Якк – создатель музыкального инструмента гармошки-бологовки.

Но самая многочисленная группа в коллекции ТМО – это гармони-хромки (северянки). Они известны в России с конца 90-х годов XIX века и относятся к городским гармоням. По своему звукоряду данные инструменты относятся к диатоническим. Для расширения круга тональностей в верхней части клавиатуры на них добавляют два-три хроматических звука. Нередко эти гармони называли ещё двухрядками (кнопки в правой руке для удобства расположены в два ряда). Хромки могут быть порядковыми или непорядковыми.

---

[464] Принцип извлечения звуков // Музыкальные инструменты (аккордеон, баян, гармонь). [электронный ресурс]. Режим доступа: http://muzikgarmon.jimdo.com (дата обращения: 10.12.2020).

[465] Благодатов К. И. Гармонь. // Музыкальная энциклопедия. Т. 1.– М., 1973. С. 931–932.

Всегда особый интерес вызывают предметы мемориального значения. С 1995 года изюминкой коллекции стала гармонь-трехрядка (ТМО-35722), на которой играл великий русский поэт XX в. Николай Михайлович Рубцов. Этот инструмент был куплен музеем за 50 000 рублей у Чудинова Максима Васильевича, проживавшего в селе Никольском Тотемского района. Многие знают Николая Рубцова как известного поэта, выдающегося лирика, подарившего всем нам замечательные стихи, но его еще можно назвать и талантливым музыкантом. Специального музыкального образования у Николая Михайловича не было, и его не учили музыкальным азам. Можно сказать, что он самоучка. Известно, что с 10 лет он мог играть на гармони на многих праздниках и вечерках. С большим удовольствием выступал в клубе, в школе, в детском доме. Играл он в свое удовольствие, просто так, выражая музыкой настроение, какое владело им в эту минуту. В собрании находятся воспоминания, фотографии, скульптурные композиции и графические работы, которые подтверждают, что Николай Михайлович играл на гармони. По воспоминаниям Нины Николаевны Мужиковой: *«...Я запомнила, как Рубцов хорошо играл на гармошке»*.[466] Из воспоминаний друга Александра Рачкова: *«...Гармонь в руках Рубцова пела по-особому, когда он сам был настроен "на душевный лад"»*[467]. Об этом свидетельствуют: фотографии Н. Рубцов с гармонью (ТМО-НВ 8266); скульптура Н. М. Рубцов с гармошкой (ТМО-НВ 10111); рисунок: Малыгин В. А. Портрет Н. М. Рубцова с гармошкой (ТМО-41408).

В коллекции находится единичный экземпляр гармошки детской «Нотка» 1981 г. Изготовлена на баянной фабрике «Нота» в г. Вологде (ТМО-39979). Поступила в музей от сотрудницы ТМО Кузьминской С. А. в 2010 г.

К группе клавишно-пневматических язычковых инструментов относятся баяны. Баян – это усовершенствованная гармонь с хроматическим звукорядом для исполнения мелодии и басо-аккордового аккомпанемента во всех тональностях. В собрании музея хранится два подобных инструмента. Датированы они разными периодами XX века. Один инструмент изготовлен на известной вологодской фабрике «Северный кустарь» (ТМО-39988) в 1950 году.

---

[466] Мартюкова Г. А. Николай Рубцов в селе Никольском. // Исследования о жизни и творчестве Николая Рубцова: сб. докл. и сообщ. участников науч.-практ. конф. «Рубцовские чтения» – Вологда: Книжное наследие, 2005. С. 18–22.

[467] Рачков А. Гармония // Воспоминания о Николае Рубцове.– Вологда: КИФ «Вестник», 1994. С. 302.

К этой группе еще относится редкий образец в собрании музея – фисгармония (конец XIX века, Франция, Париж; дерево, металл, кость, кожа, эмаль; механическая обработка, деревообработка, сборка, фабричное производство. 86×106×43 см. ТМО-41117). В конце XIX – начала XX вв. фисгармония получила большое распространение в домашнем быту у любителей музыки. Это язычковый клавишно-пневматический духовой музыкальный инструмент, разновидность гармоники. Звуки извлекаются колебаниями металлических язычков, приводимых в движение струей воздуха, который накачивается ножными педалями при нажатии клавиши и открытии клапана. Состоит из корпуса, клавиатуры, переключателей регистров, воздухонагнетательного механизма и щелевых голосов.

Корпус фисгармонии из фондов ТМО деревянный, прямоугольной формы, коричневого цвета, передняя часть декорирована балясинами. На боковых стенках фигурные металлические ручки. Шпон покрыт лаком. Сверху откидная крышка с замком и пюпитром. Ниже три рычага-регистра округлой формы с текстовыми вставками. Клавиатура одномануальная фортепианного типа на 5 октав (36 клавиш). Над ней надпись: «Jerome Thibouville Lamy & Cie, PARIS». Под клавиатурой фигурный вырез для двух широких педалей. Педали обтянуты материалом из кожзаменителя черного цвета. Механизм – «венская система»: подача воздуха нагнетанием мехами. Фисгармония была передана в дар музею в 2017 году Мизинцевым Николаем Анатольевичем, уроженцем г. Тотьмы, давним другом музея, нотариусом города Москвы.

К **ударным** инструментам относят барабаны. В коллекции насчитывается три предмета. Представлены типичные пионерские барабаны отечественного производства, состоящие из полого корпуса-резонатора, на который натянута мембрана.

Перкуссия – ударные и шумовые музыкальные инструменты, которые не входят в набор стандартной барабанной установки или основных ударных оркестра. Такие инструменты выполняют важную роль, создавая особенное настроение и разнообразие, ритм партии и всей композиции в целом. В собрании такие образцы имеются в коллекции «Дерево» и «Ремесленная школа» («РШ»), но не выделены в группу музыкальных инструментов.

В коллекции «Дерево» находится трещотка деревянная нач. XX в. из Бабушкинского района (ТМО-37145). Со слов сдатчика Литвиновой А. А., заведующей музея в с. им. Бабушкина, известно, что ранее на ней играли местные жители. В коллекции «Ремесленная школа» находятся две деревянные лакированные ложки

с выжженным рисунком (ТМО-37108/1,2). Известно, что ложки в музей передала в 2001 г. Рейвах Зоя Марковна, дочь Зябловой Ю. А. Они принадлежали Зябловой Юлии Александровне (10.05.1909–02.02.2001), она играла на ложках и обучала детей. Из воспоминаний дочери: *«...Мама Юля играла на ложках. Её все в Тотьме знали, как «ложечницу». Ложки были деревянные, но не все подходили для игры. Я в Череповце искала подходящие (надо, чтобы ложки были глубокими), заказывала даже в Питер. Мама участвовала в художественной самодеятельности, выступала на курорте перед отдыхающими и в Доме пионеров. Даже когда вышла на пенсию, продолжала ездить с самодеятельными артистами по деревням района. Маму по этим ложкам запомнили многие тотьмичи. Об известной тотемской «ложечнице» Зябловой Юлии неоднократно писала местная газета».*[468]

К **клавишным** относят любые инструменты, имеющие фортепианную или органную клавиатуру. Одним из таких предметов является роялино (кабинетный рояль) 1843–1855 гг., г. Москва,

Кабинетный рояль (роялино). 1843–1855 гг. Мануфактура А. Мейбома. г. Москва. Дерево, красное дерево, латунь, сталь, чугун; сборка, инкрустация, литье, чеканка, золочение. Куплено музеем у Глушицкого А. С. в 1990 г. за 300 руб. ТМО-32604

[468] Рейвах З. М. Вологодчина-духовенство-Ельцовы. О генеалогическом поиске предков из Русского Севера, их семьях, их судьбах. // Генеалогический форум ВГД [электронный ресурс]. Режим доступа: http://forum.vgd.ru/1596/54394/100.htm (дата обращения 17.12.2020).

Мануфактура А. Мейбома, ранее служивший украшением купеческого дома (ТМО 32604). Такой музыкальный инструмент придавал благородство и роскошь гостиной. Данный предмет был закуплен музеем в 1990 году за 300 рублей у местного жителя Глушицкого Андрея Станиславовича. При написании статьи удалось найти бывших владельцев и узнать более подробные сведения о предмете. Со слов жены А. С. Глушицкого Глушицкой С. И. известно, что роялино было передано ей в дар от родственников, которые проживали в г. Никольск Вологодской обл. Бытовало в известной семье Рычковых. Павел Васильевич Рычков был опытным педагогом-музыкантом духовного училища. Его хор мальчиков и мужской вокальный ансамбль не только участвовали в богослужениях, но и выступали в светских концертах. Сам П. Рычков – обладатель сильного красивого баритона, часто исполнял арии Алеко, князя Игоря, Григория Грязнова, романсы П. Чайковского «Благословляю вас, леса» и «Серенаду Дон Жуана».[469] После смерти родственников Рычковых инструмент перевезли в Тотьму и передали в собрание Тотемского музея.

В дальнейшем при атрибуции данного предмета сотрудники музея обращались за консультацией к разным специалистам: к техническому директору ООО «Гортехинвентаризация», настройщику А. Ю. Мелёхину (г. Вологда), хранителю коллекции музыкальных инструментов музея музыки Шереметевского дворца В. В. Кошелеву (Санкт-Петербург). В итоге, были внесены уточнения в название и определена точная датировка предмета.

Роялино – архаичная модель компактного кабинетного рояля. Струнный клавишный инструмент, имеет форму треугольника со срезанными углами, фанерован красным деревом, установлен на три восьмигранные ножки-балясины (на бронзовых колесиках). Крышка откидная из двух частей, соединенных латунным шарниром. На фронтальной части – бронзовая золоченая ключевина в виде растительных завитков. Под крышкой в горизонтальной плоскости в чугунной раме система струн и молоточков, ударяющих по ним снизу-вверх, дека. Механика простая репетиционная. В передней части выдвижной пюпитр из перекрещенных планок. Под клапаном – черно-белые клавиши на 6 октав: «белые» клавиши плакированы костью, «черные» – эбеном. Под корпусом – педальный блок в виде лиры красного дерева с двумя педалями.

---

[469] Кириллова Э. А. Очерки музыкальной жизни. – Никольск. – Вологда, 1997. С. 8–9.

На внутренней стороне клапана инкрустация светлого дерева: в орнаментальной рамке из завитков, печатными буквами: «А. МЕЈВОМ». На деке слева бумажная наклейка с изображением медали и печатным текстом. На аверсе профильное изображение головы Николая I (1/2 вправо) с текстом по окружности: «Б. М. НИКОЛАИ 1 ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОСС.». На реверсе в обрамлении лаврового венка печатный текст: «ЗА / ТРУДОЛЮБІЕ / И / ИСКУСТВО / МОСКОВ. ЦЕХОВ. / АЛЕКС. МЕЙБОМУ / 1843». В центре, печатными буквами, под виньеткой: «А. МЕЙБОМЪ / ВЪ МОСКВѢ / ПРИВИЛЛЕГІЯ / на изобрѣтеніе / ройялино». В настоящее время кабинетный рояль украшает экспозицию Тотемского краеведческого музея.

Вторым образцом является Пианино «Ноктюрн» производства «Красный Октябрь» (ТМО-36192). Закуплен музеем у Павловой Т. Г. в 1999 г. В советское время оно пользовалось большим спросом. Фабрика «Красный Октябрь» неоднократно переименовывалась. Практически остановленное в начале Первой мировой войны петербургское предприятие «Якоб Беккер» возобновило работу только в 1924 году под вывеской «2-я фортепианная фабрика». Потом это была фабрика им. Зиновьева, затем с 1927 года в связи с 10-летием Октября – «Красный Октябрь». Пианино «Ноктюрн» отличалось звучанием самого высокого качества. Пианино было идеалом того времени. Корпуса в соответствии с духом времени – господствовал стиль минимализма – были лишены накладных элементов, индивидуальность инструменту придавалась за счет формы. «Ноктюрн» завоевал популярность и за границей: его закупали Голландия, Израиль, страны Скандинавии.[470]

Электромузыкальные инструменты – относительно новая подкатегория музыкальных инструментов, звук в которых генерируется с помощью электронных схем. На сегодняшний день в собрании ТМО подобные образцы отсутствуют.

Особое внимание обращают на себя **этнические** музыкальные инструменты, которые не вошли в классификацию. В собрании музея два таких образца: ритуальный инструмент индейского племени «Кашайя Помо» и музыкальный инструмент Башкирии «Кубыз». Простота конструкций и доступность материала, из которых изготавливались эти музыкальные инструменты, способ-

[470] Саблин В. Фортепиано для советской страны. // Информационное агентство «Северная Звезда» [электронный ресурс]. Режим доступа: https://nstar-spb.ru/news/culture/fortepiano-dlya-sovetskoy-strany9978/ (дата обращения 10.12.2020).

Музыкальный инструмент Башкирии «Кубыз». Нач. XX в. Металл; металлообработка, сборка. Поступил в фонд в 1921 г. ТМО НВ 9649

ствовали их популярности в народе. Первый образец без четкого названия, в книге поступления записанный как *ритуальный музыкальный инструмент для отбивания ритма, 2012 г., США, штат Калифорния* (ТМО-40343), был подарен музею от Эмилио Валенсии, вождя племени Кашайя Помо, во время визита в Тотьму представителей племени в 2012 году. Используется индейцами при ритуальных обрядах и танцах совместно с раковиной. Второй музыкальный инструмент Башкирии «Кубыз» (ТМО НВ-9649) поступил в фонд в 1921 году. Самозвучащий язычковый музыкальный инструмент типа варгана. Он состоит из фигурного металлического основания, отходящих от него двух слегка сужающихся концов – «дек», и упругого язычка. Основанием своим язычок прикреплен к внутренней стороне дуги, вся пластина его располагается между «деками», а тонкий конец изгибается, образуя узкое колено, завершающееся свернутым кончиком.

Собрание музыкальных инструментов и по сей день продолжает пополняться новыми поступлениями. В 2019 г. житель г. Тотьма Воропанов С. А. подарил гармонь-хромку, 1948–1960 гг. (ТМО-41416). Она представляет интерес для музея, имеет культурное и историческое значение, поскольку изготовлена в Вологде (ММП РСФСР, Вологодский горпромкобинат). Она является образцом русской двухрядной диатонической ручной гармоники. Гармонь была найдена в жилом доме в деревне Кулибарово Бабушкинского района (бывший Тотемский уезд).

В настоящее время лишь небольшая часть музыкальных инструментов находится в экспозициях Тотемского музейного объединения и дополняет обстановку разных исторических эпох. Изучение данной темы будет продолжено, поскольку в коллекции музея находятся интересные механические музыкальные инструменты

(воспроизводящие музыку, зафиксированную на технических устройствах), которые нуждаются в дальнейшем изучении, систематизации и атрибуции. Возможно, в ближайшем будущем посетители смогут увидеть в экспозиции музея всю коллекцию музыкальных инструментов ушедшей эпохи в формате выставочного проекта.

Завьялова Ольга Михайловна,
заведующая отделом «Музей мореходов» МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма, Вологодская область

ПЛАТКИ И ШАЛИ В СОБРАНИИ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ: АТРИБУЦИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ

История платка в России – это интересная тема, ведь как говорит пословица, «чем глуше деревня, тем ярче платок». Закутанная в «плат узорный» русская женщина – это и есть образ нашей Родины – России. Ещё в языческие времена женщины на Руси голову покрывали, чтобы спастись от холода, от сурового климата. После Крещения Руси, с приходом православной веры, головные женские узоры считаются неотъемлемой частью женского костюма. У каждой женщины было по нескольку платков – большого, среднего и малого размеров. По платку можно было узнать – замужняя дама или нет, невеста, подросток, вдова, а также социальное положение – крестьянка, дворянка, купчиха. Отдельно были платки, в которых женщина ходила в церковь в повседневные дни и в большие православные праздники. Долгое время платки носили поверх головного убора (венец, кокошник, убрус).

В XIX веке платки становятся повседневной необходимостью в быту широких городских, мещанских и крестьянских слоёв населения России. Замужняя русская женщина не могла ходить без головного убора. Платок на голове замужней женщины с библейских времён – это символ благородства и чистоты, покорности и смирения перед мужем и Богом, вот почему, не используя платок, женщина выражала свою гордыню, непокорность, в связи с чем могла быть не допущена в храм для духовного покаяния. Платок был символом добропорядочности – показаться без него было верхом неприличия, а чтобы опозорить женщину, достаточно было сорвать головной убор. Это было самым тяжёлым оскорблением. Отсюда выражение – «опростоволоситься», то есть опозориться.

В конце XIX века платки были повсеместно распространены на Руси, они придавали женскому костюму красочность и своеобразие, являлись его логическим завершением. Платок был как бы «окладом» для женского лица. Не зря бытовали выражения – «женщина без платка, что дом без кровли» или «церковь без купола». Платок придавал женщине особую женственность, нежность и лиричность.

Коллекция платков и шалей в собрании Тотемского музейного объединения насчитывает свыше ста единиц хранения. В данной работе рассматривается большая часть коллекции, в основном это изделия из шёлка, хлопчатобумажных тканей, шерсти и шали ручной вязки. До настоящего времени данная коллекция не была предметом исследования, публикации отсутствуют. Задачами исследования являются: классификация коллекции по материалу и технике изготовления; уточнение датировки изделий. Данное исследование может стать начальным этапом изучения коллекции платков и шалей в собрании Тотемского музейного объединения.

Начало формирования коллекции платков и шалей в Тотемском музейном объединении было положено в 1920–1930-е годы сотрудниками краеведческого музея – 4 платка и три шали. Большая часть привезена из экспедиций по сбору историко-бытового и этнографического материала в 50–90-е годы – 35 платков и 9 шалей. Отмечены и более поздние поступления – вплоть до 2013 года – 12 платков и 11 шалей.

Рассмотрим изделия первой группы. Шёлковые платки с вышивкой серебряными или золотыми нитями, так называемые «парчовые платки», являются самыми ранними в нашей коллекции. Они датированы концом XIX – началом XX вв. В этот период на производстве золототканых «парчовых» платков специализировались мануфактуры Москвы и Коломны. Поскольку ни на одном из платков нет клейм, то нельзя точно установить, где они произведены. Такие платки были наиболее популярны в зажиточной крестьянской и купеческой среде. Один из таких платков поступил в 1974 году от Болотова А. М., бытовал в семье Болотовой Августы Михайловны, в Нюксенском районе, деревне Заборье Нижне-Уфтюгского сельсовета. Основа платка тёмно-красного оттенка, на ней выткан крупный растительный орнамент – овалы с крупными цветами на ветках и россыпью мелких цветов, обрамлён длинными кистями.[471]

[471] Собрание ТМО-25980.

Подобный платок с кистями в 1939 году поступил от Тотемского районного финансового отдела – на сиреневом фоне овалы с крупными листьями и мелкими цветами выполнены чёрными и украшены зелёными нитками.[472] Чёрный платок с кистями, украшен орнаментом – крупные овалы и средних размеров цветочно-растительный рисунок вышит голубыми серебристыми нитками, также был получен от Тотемского районного Финансового отдела в 1939 году.[473] Всё это достаточно большие платки – 140×145 см.

Иногда платки и шали использовали во время свадебных обрядов, где они выполняли функцию фаты: *«В причитаниях невесты фигурирует только платок – фата, фатка, которым закрывали невесту после просватанья. Закрытое лицо невесты выделяло её из коллектива, это была ритуальная функция, знак «временной» смерти и последующее возрождение в новом статусе. Платок выполнял функцию оберега от сглаза. Платок в слезах характеризовал психологическое состояние невесты, нежелание уходить из отцовского дома. М. Б. Едемский описывал обряд одевания невесты к выводы «перед столы». На борушку и головодец накидывали шаль так, чтобы ее кисти висели перед лицом. Шаль принимала участие в обряде «скрывания молодой». Свёкор, снимая с головы её шаль, которую он обводил три раза вокруг её головы, подавал эту шаль молодому, а тот убирал её в свою шапку. Манипуляция с платком – это знак, символ круга, а круг – это защита от злых сил. А снятый с головы молодой платок в шапку мужа – символ подчинения замужней женщины в семье».*[474]

Шёлковых шалей с аналогичными мотивами рисунков в собрании ТМО 13 единиц. Одна из них поступила от Пономарёвой Е. А. в 1960 году и принадлежала её матери, проживающей в деревне Тельпино Вожбальского сельсовета. На ярко-сиреневом фоне – крупный цветочно-растительный орнамент с элементами арок или сводов, выполненный чёрными, жёлтыми и сиреневыми блестящими нитками.[475] Удивительно красивая чёрная шаль, вышитая золотистыми нитками с крупным цветочным орнаментом, поступила в 1939 году от Тотемского районного Финансового

---

[472] Собрание ТМО-6806.

[473] Собрание ТМО-6802.

[474] Вавилова М. А. Функции одежды в свадебном обряде Кокшеньги /Русская культура на рубеже веков: Русское поселение, как социокультурный феномен.– Вологда: Книжное наследие, 2002. С. 173–174.

[475] Собрание ТМО-17197.

отдела.[476] Шаль, поступившая в 1989 году от Меньшиковой Е. Н., связана искусственными шёлковыми нитками.[477]

Представлены в коллекции изделия, затканные только шёлковыми нитями. К этой группе можно отнести платки и шали с узором, выполненные благодаря комбинированному сочетанию нескольких техник, и узоры, выполненные только в жаккардовой технике. При этом жаккардовый узор может сочетать в себе один или несколько цветов, быть выполненным по гладкому или рубчатому фону. Один из таких платков был получен в 1961 году от Кубариной А. С., бытовал в их семье. На тонком шёлковом платке машинная вышивка голубыми и красными нитками – фигуры из цветочных гирлянд. В центре – цветы меньшего размера.[478] Подобных платков в собрании ТМО – 9 единиц.

В 1960–е годы коллектив Тотемского краеведческого музея во главе с директором В. Е. Величутиным был в этнографической экспедиции по Тарногскому району. Наряду с другими предметами были привезены и платки. Один из них принадлежал Марии Васильевне Шаляниной, крестьянке из деревни Самсоновской Лохотского общества Заборской волости. Его передала Попова А. В. Это небольшое квадратное изделие (80×80 см) тёмно-вишнёвого цвета с кистями. По всему платку рисунок блестящими нитками аналогичного цвета. Рисунок из цветов перекликается с геометрическими орнаментами как по периметру, так и в середине изделия. В углах и в центре яркими нитками различных оттенков – цветочно-растительный рисунок.[479] Аналогичный по технике платок ярко-оранжевого цвета с вышивкой яркими разноцветными нитками, поступил в 1990 году от Соболевой А. Д.[480] Также похожий платок поступил в 2004 году от Кулаковой Г. И.[481]

Рассмотрим вторую группу изделий по материалу – это хлопчатобумажные платки и шали. Хлопчатобумажных изделий в собрании Тотемского музейного объединения хранится небольшое количество – 24 предмета. Это платки и шали разнообразных расцветок и рисунков: красных и малиновых оттенков, также спокойных светлых тонов с цветочными растительными мотивами. Белый платок из хлопчатобумажной ткани поступил в 1959 году

[476] Собрание ТМО-6803.
[477] Собрание ТМО-31223.
[478] Собрание ТМО-17388.
[479] Собрание ТМО-17052.
[480] Собрание ТМО-33383.
[481] Собрание ТМО-38354.

из старых фондов Тотемского краеведческого музея. Обрамлён по всему периметру цветочно-растительным орнаментом красного цвета, в середине платка – мелкий горошек.[482]

Кумачовый хлопчатобумажный платок с богатым ярким рисунком был приобретён у Цибиной Т. А. в 2010 году. На нём клеймо – Барановская фабрика.[483] Аналогичный платок поступил в краеведческий музей в 1958 году.[484] Большой (140×145 см) белый платок с ярким цветочно-растительным рисунком был закуплен в 1990 году у Галушкиной В. В.[485] Также в собрание ТМО поступили в 1990 году большой и два носовых хлопчатобумажных платка белого цвета с ручной вышивкой от Бюджетного учреждения культуры «Тарногский музей традиционной народной культуры». На большом платке вышит мелкий цветочный рисунок, а на носовых платках вышиты ещё и надписи – *«Кого люблю – тому дарю. Люблю сердечно, дарю навечно»*, *«Не дорог подарок, дорога любовь»*.[486] Хлопчатобумажных шалей в собрании ТМО 4 единицы и шаль ручной работы из льна. Одна, очень спокойной, не яркой расцветки (чёрно-белая клетка с розовыми полосками) поступила от Макаровой О. Н. и принадлежала Осовской В. В.[487] В 2002 году от Демченко Л. А. поступила шерстяная шаль белого цвета квадратной формы с длинными белыми кистями, переплетёнными в решётку в месте пришивания к ткани. На белом фоне – крупный цветочный узор из роз и ромашек. В расцветке преобладает красный и оранжевый цвет. Центральная часть шали украшена цветами меньшего размера.[488]

Красные платки получили особый статус в послереволюционной России, их носили представительницы прекрасного пола, наиболее революционно настроенные и завязывали не как обычно – спереди, а сзади. Появляются платки с так называемой агитационной и революционной тематикой.

Третья группа изделий по материалу – это платки и шали из шерсти и полушерсти. Шерсть – это большая группа тканей, имеющих натуральное происхождение. Источник – волокно животных. С тех пор как человек смог приручить коз и овец, сырьё для

---

[482] Собрание ТМО-16557.
[483] Собрание ТМО-39909.
[484] Собрание ТМО-16343.
[485] Собрание ТМО-31894.
[486] Собрание ТМО-37432, 33081, 33080.
[487] Собрание ТМО-39107.
[488] Собрание ТМО-37335.

производства шерсти стало легко доступным. В собрании Тотемского музейного объединения изделий из шерсти и полушерсти – 16 единиц, из них – 12 платков и 4 шали. Расцветки самые разнообразные – от однотонных и в клетку до яркого цветочно-растительного рисунка с люрексом.

Пять платков поступило в 2013 году от Лудковой Т. Г. Два платка тёмно-бордовой расцветки с густым растительным рисунком по периметру, редким в квадрате по центру.[489] Три платка – разных расцветок: зеленый, голубой и сиреневый с ярким густым цветочным рисунком по периметру и в середине. Все платки украшены нитью – люрекс.[490] Шерстяная синяя шаль поступила старых фондов краеведческого музея. Она принадлежала Ловыгиной Анне Павловне из деревни Васильево Березниковского с/с Рослятинского района. По всему периметру шали густой цветочно-растительный рисунок, в середине – мелкие цветочки.[491]

Составляя классификацию шалей и платков по технике изготовления, следует обратить внимание на то, что изделия могли набиваться ручным, позднее машинным способом. Известно, что шерстяные платки и шали до конца XIX века набивались вручную. Процесс набойки был сложным и длительным. Композиционным центром служила маленькая свободная от узора середина в виде крестчатой или звёздной фигурки. Лучами расходились от неё к углам и кайме орнаменты. Они имели чёткий контур и мельчайшую проработку деталей.

Позже в композиции вводятся растительные мотивы: ветви, букетики, контур узора создаётся узкой цветочной гирляндой. На рубеже XIX–XX веков всё реже применяются при набойке платков и шалей «турецкие» узоры. На смену им приходят замысловатые гирлянды, обрамляющие пышные букеты из ярких роз, тюльпанов и полевых цветов. Средник заполняется редко расположенными мелкими цветочками, ягодками.[492] Изделия с такими орнаментами присутствуют в нашей коллекции – это шаль, о которой говорилось выше, поступившая в 2002 году от заведующей отдела фондов Демченко Л. А. – шерстяная белая с кистями и ярким цветочно-растительным рисунком.

---

[489] Собрание ТМО-40495, 40496.

[490] Собрание ТМО-40498, 40492, 40500.

[491] Собрание ТМО-18134.

[492] Гордеева О. Г., Ефимова Л. В., Кузнецова М. А. Русские узорные ткани XVII – начала XX века.– М., 1997.

Особую ценность имеют платки с печатными клеймами, позволяющими установить место, а иногда и время изготовления. Впервые клеймить изделия в России стали в XVII веке. В 1830 году был издан закон, по которому клеймение товаров предоставлялось на усмотрение фабрикантов. На текстильных изделиях ставились следующие виды клейм: тканые, печатные, оттиснутые на сургуче или свинцовых пломбах. Клеймо должно было содержать имя и фамилию фабриканта или их начальные буквы, а также указывать местонахождение предприятия. На платках и шалях ставили, как правило, печатные клейма. Их наносили штемпельной краской на оборотной стороне изделия в одном из углов. Вопреки закону, требовавшему, чтобы клеймо было «явственно и прочно», краска со временем стиралась.[493] Поэтому клейм либо совсем невозможно обнаружить, либо прочтение их вызывает большие затруднения. В собрании ТМО хранится лишь три платка с клеймами.

После октябрьской революции 1917 года новое время требовало новых подходов. Идеология, острая нехватка красителей и огромная потребность в тканях привели с одной стороны к выпуску тысяч метров безликих тканей, а с другой – оставили шедевры революционного авангарда в рисунках. В собрании ТМО хранится подобный агитационный ситцевый платок, в среднике которого изображён В. И. Ленин в окружении рабочих и видных политических деятелей. Он поступил из старых фондов музея. На платке клеймо фабрики – «Государственный Владимиро-Александровский Трест хлопчатобумажной фабрики». Внизу надпись – «Делегатам 1-го Всесоюзного учительского съезда. Москва 12-го января 1925 года».[494] Такие платки вряд ли часто использовались по назначению, а воспринимались скорее как плакаты.

Военные события Великой Отечественной войны оказали значительное влияние на Российскую текстильную промышленность. Некоторые фабрики стали производить ткани исключительно для фронтовых нужд. Платки производили с простыми сдержанными расцветками, с тёмной основой.

С развитием рыночной экономики изменились вкусы потребителей, а также произошли изменения в текстильной промышленности – изменились национальные традиции в оформлении платков. В рисунках появляются более замысловатые расцветки

---

[493] Толстухина Н. В., Полосинова Т. А. Павлопосадские шали.– М.: Интербук – бизнес, 2007.

[494] Собрание ТМО-НВ 100014.

цветочно-растительной тематики и редкие животные. Один из таких экземпляров поступил в фонды ТМО в 2001 году от Драницыной Е. А. Яркий насыщенный цветочный рисунок выполнен сиреневыми, зелёными, коричневыми и белыми расцветками.[495] В 2003 году от Ерыкаловой Ю. П. поступил шёлковый платок, где на чёрном фоне изображены бежевым цветом два барса, спускающиеся с деревьев.[496] Очень тонкий лёгкий платок серого цвета с густым цветочным рисунком был получен в 2005 году от Калугиной В. А.[497]

Отдельно хочется остановиться на одном экземпляре в собрании ТМО, где наряду с платками и шалями присутствует такой головной убор, как бандана. Первоначально банданы имели вполне практическое применение – они использовались испанскими вакерос, а позже американскими ковбоями для защиты от пыли. Сегодня же это модный аксессуар одежды, который либо завязывают на голове, либо на запястье, либо просто заправляют в джинсы. Наш предмет интересен тем, что в фонды музея бандана поступила от бывшего директора тотемского музейного объединения Ю. П. Ерыкаловой, которую она привезла из поездки в Форт Росс (Калифорния, США). Бандана выполнена в виде косынки зелёного цвета с логотипом «Форт Росс».

Самые поздние поступления платков относятся к 2020 году. Тотьмичка Валентина Лыкова передала в фонд музея не только обмундирование советского воина эпохи Великой Отечественной войны, но и 7 женских платков периода 1960–1970-х годов.

В наши дни платок, разумеется, нельзя назвать предметом первой необходимости. Это раньше он выступал показателем социального статуса его обладательницы. Но тем не менее современный платок живёт и не собирается уходить из обихода.

В заключение материала можно сказать, что на начальном этапе изучения коллекции платков и шалей удалось классифицировать коллекцию по материалу и выделить в ней три группы: изделия из шёлка, х/б ткани и шерстяные изделия. Также в какой-то степени удалось проанализировать технику изготовления и место бытования изделий. На следующем этапе изучения коллекции предстоит распределить предметы по месту изготовления, постараться выделить изделия с клеймами, точнее установить время

---

[495] Собрание ТМО-37211.
[496] Собрание ТМО-37506.
[497] Собрание ТМО-38829.

производства. Это будет возможно в сравнении с аналогичными экземплярами в других музеях, где данные коллекции уже изучены.

Правдина Мария Борисовна,
кандидат культурологии, учёный секретарь
МБУК «Тотемское музейное объединение»,
г. Тотьма, Вологодская область

КОЛЛЕКЦИЯ ПЕЧАТНОЙ ГРАФИКИ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ: СОСТАВ И ИСТОЧНИКИ ПОСТУПЛЕНИЯ, ЖАНРОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ, ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Коллекция печатной графики Тотемского музейного объединения составляет 635 единиц и входит в состав фонда «Живопись. Графика». В процентном соотношении печатная графика занимает около 18% от общего состава фонда. Хронологические рамки коллекции весьма репрезентативны: самые ранние образцы датируются началом XVIII столетия, самые поздние – работы современных художников – первых десятилетий XXI века. Музей располагает как западноевропейскими, так и отечественными эстампами.

С сожалением приходится констатировать, что источники поступления некоторых листов установить на сегодняшний день не представляется возможным. Так, наиболее ранние в собрании эстампы российского художника, гравёра на меди и поэта конца XVII и начала XVIII века Григория Павловича Тепчегорского «Большие святцы», датируемые 1710-ми годами, долгое время пребывали в архиве музея и были поставлены на учет лишь в 2009 году. Скорее всего, они поступили в музей в 1920-е годы с имуществом из закрытых храмов и просто отложились в фонде, поэтому и избежали участи уничтожения в разгар антирелигиозной пропаганды. Сейчас музей по праву гордится полным комплектом серии «Большие святцы», аналог которых нами был обнаружен в собрании Государственного Эрмитажа.

Пронзительные по выразительности и чувству цветные ксилографии из серии «Уходящая Москва. Московские дворики» (1918), «Старая провинция» (1918), созданные профессором Иваном Нико-

лаевичем Павловым (1872–1951) были обнаружены среди репродукций в научной библиотеке и поставлены на учет в 2001 году. Близкие по настроению цветные автолитографии Владимира Ивановича Соколова (1872–1946) «Сергиев Посад» (1917), поставленные на учет в 2002 году, скорее всего, имеют один источник происхождения. Можно с некоторой долей уверенности предположить, что могли они принадлежать художественно одаренному человеку, сотрудничавшему с Тотемским музеем. Среди деятелей 1920-х годов – два имени: Евгений Иванович Праведников (1890–1940) и Феодосий Михайлович Вахрушов (1870–1931).

Евгений Иванович прожил в Тотьме около 10 лет, с 1917 по 1927. За эти годы он преподавал в Петровской ремесленной школе, работал в должности заведующего историко-археологическим отделом музея, являлся участником многочисленных экспедиций по территории края[498]. Его иллюстрации к книге Д. П. Осипова «Крестьянская изба на Севере России (Тотемский край)» – Тотьма: Тип. Тотем. Отд. Местного Хоз-ва, 1924, стали каноническими. Переданные им в дар музею офорты «На окраине Тамбова» (1912)[499] и «Паперть кладбищенской церкви» (1912)[500] очень близки по настроению тоски по безвозвратно ушедшей в прошлое эпохе в работах И. Н. Павлова и В. И. Соколова, что и позволяет предположить единый источник их происхождения.

Художник Феодосий Михайлович Вахрушов как коллекционер постепенно стал нам открываться в год его 150-летия. При разборе его архива была обнаружена коллекция печатной графики в количестве пока 24 единиц, демонстрирующая его интересы как знатока классического искусства и мастера декоративно-прикладного искусства. Все произведения нами были собраны и опубликованы в электронном альбоме «Коллекция печатной графики Ф. М. Вахрушова».[501] Особую ценность в этой группе эстампов представляют листы, изображающие проекты античных ваз с тритонами, русалками, маскаронами в очень экспрессивной манере, в технике резцовой гравюры. Эстампы созданы во второй половине

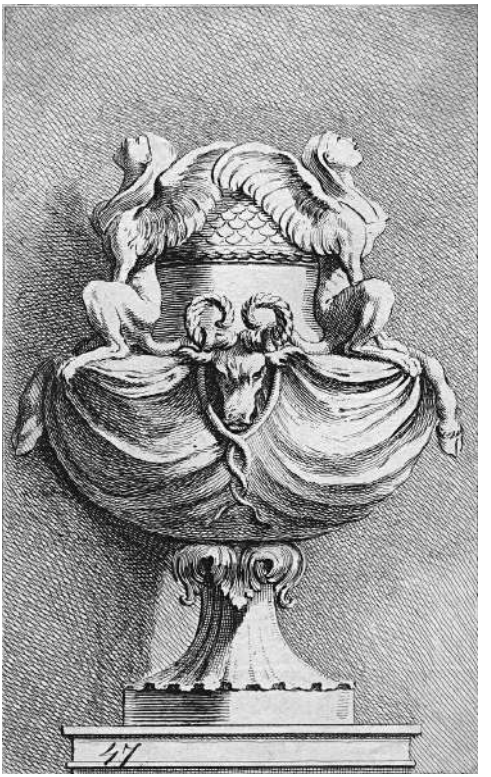
[498] Более подробно о нем см.: Полоцкая О. В. Праведников Евгений Иванович. // Тотемское музейное объединение. Коллекции онлайн [электронный ресурс]. // Режим доступа: https://collections.totmamuz.ru/entity/PERSON/3571698?index=10 (дата обращения 15.01.2021).

[499] Собрание ТМО 8360 ИЗО 1321.

[500] Собрание ТМО 8362 ИЗО 2484.

[501] Коллекция печатной графики Ф. М. Вахрушова. // Тотемское музейное объединение. Коллекции онлайн [электронный ресурс]. Режим доступа: https://collections.totmamuz.ru/entity/ALBUM/3747187?index=3 (дата обращения 16.01.2021).

XVIII столетия французскими и английскими гравёрами с оригиналов Жака-Франсуа-Жозефа Сали (1717–1776), изданных в Париже. Известно, что Феодосий Вахрушов занимался декором интерьеров и сотрудничал с заводом Харламова в Петербурге. Возможно, эти листы были им привезены как источник вдохновения. Тем не менее, достоверных свидетельств о том, как эти уникальные листы оказались в Тотьме, у нас пока нет. А между тем аналоги нам удалось обнаружить в собраниях известных музеев: Королевской академии искусств и музее Виктории и Альберта в Лондоне, в Национальной галерее Шотландии, Лувре и музее Метрополитен.

Бушардон Эдме, Хьюер Жак-Габриэль или Хьюер Габриэль. Ваза с букранией и сфинксами. Англия. Вторая половина XVIII века. Бумага верже, резцовая гравюра. 18,8×11,8 см. ТМО-41831 ИЗО-2450

Большую роль в формировании собрания музея сыграли тотемские династии. Одна из самых крупных коллекций печатной графики – в количестве 66 единиц – поступила от Е. В. Замяткиной – последней представительницы рода Пановых-Замяткиных.[502] В ее составе уникальные листы первой половины XVIII столетия (до 1756), изданные в Аугсбурге Мартином Энгельбрехтом в эстетике эпохи барокко.[503]

---

[502] Коллекция печатной графики тотемской династии Пановых-Замяткиных. // Тотемское музейное объединение. Коллекции онлайн [электронный ресурс]. Режим доступа: https://collections.totmamuz.ru/entity/ALBUM/3747186?index=2 (дата обращения 15.01.2021).

[503] В рамках конференции «Русский Север-2020» научный сотрудник отдела фондов Ольга Полоцкая выступала с докладом «Гравюры Мартина Энгельбрехта в собрании ТМО: сюжеты и символы».

Наряду с ними ценность представляет целая сюита царских портретов 1740-х годов, созданная Иоганном Штенглиным (1710/1715–1776) в технике меццо-тинто. Это девять листов с портретами Ивана Грозного, Бориса Годунова, царей Алексея Михайловича, Федора Иоанновича, Михаила Федоровича, Федора Алексеевича, Иоанна Алексеевича, цариц Екатерины Алексеевны и Анны Иоанновны. Наличие столь редких листов в собрании провинциального музея говорит о незаурядном образовании представителей тотемской династии и бережном отношении к наследию предков. Уточнить датировку и технику изготовления удалось благодаря сопоставлению с аналогами, хранящимися в собрании ГМИИ им. А. С. Пушкина.

Особую ценность фамильной коллекции придает факт, когда следующие поколения становятся активными участниками ее комплектования. Так, пановская коллекция в первой трети XIX столетия была дополнена листами, демонстрирующими профессиональные интересы кадрового военного Алексея Панова: портретами полководцев – участников коалиции против Наполеона, государственных деятелей этого времени. Подобные коллекции всегда интересно анализировать, исходя из семейных историй, стилистических и технологических особенностей эпохи.

Еще одним крупным вливанием в фонд стала коллекция печатной графики преподавателя Тотемского лестехникума Александра Александровича Ширского (1871–1945), переданная в музей его вдовой в апреле 1945 года[504]. В ее состав входят эстампы XVIII–XIX веков с портретами императоров, государственных деятелей, представителей науки и искусства, иллюстрации к литературным произведениям. Среди прочих интерес вызывает лист 1757 года с портретом Михаила Васильевича Ломоносова, в создании которого он принимал деятельное участие, о чем сохранились документальные свидетельства. Ученый не совсем был доволен своим портретом на фоне романтического пейзажа Этьена Фессара (1714–1777), поэтому попросил гравера Христиана Карла Альберта Вортмана (1692–1760) изобразить в окне за его спиной милую его сердцу Усть-Рудицкую фабрику по изготовлению цветных стекол. Благодаря настойчивости ученого, мы сейчас имеем достоверное свидетельство и изобразительный источник, представляющий

[504] Коллекция печатной графики А. А. Ширского.// Тотемское музейное объединение. Коллекции онлайн [электронный ресурс]. Режим доступа: https://collections.totmamuz.ru/entity/ALBUM/3747185?index=1 (дата обращения 16.01.2021).

технологические особенности стекольного производства в России XVIII столетия.

В 1960–2000-е годы коллекция советской печатной графики комплектовалась благодаря целенаправленным закупкам произведений современного искусства. Источниками комплектования выступали РОСИЗО, Вологодские художественно-производственные мастерские Художественного фонда РСФСР, Управление культуры Вологодской области и приобретение хорошо подобранных тематических циклов у коллекционеров. В собрании нашего музея оказалась прекрасная коллекция индустриального пейзажа[505], произведения самобытных вологодских художников, а также уроженцев Тотемского района, волею судеб оказавшихся за пределами региона, но не терявших связи с исторической родиной.

Этьен Фессар (автор оригинала), Христиан Карл Альберт Вортман (гравер). Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765). 1757. Бумага, резцовая гравюра. 22,3×15,3 см. ТМО-8418 ИЗО-193

Среди произведений мастеров советского эстампа тематически преобладают листы, воспевающие труд советских рабочих, преобразующих мир: П. С. Горбань (1923–1995), В. Д. Дворянчиков (1934–2010), В. В. Бубнов (1930–2013), Ф. Н. Елгин (1917–1995), И. Н. Масленникова (1925–2006) и др. При этом удивительно, что на фоне гигантских конструкций и массовых преобразований

[505] Индустриальный пейзаж в печатной графике. // Тотемское музейное объединение. Коллекции онлайн [электронный ресурс]. Режим доступа: https://collections.totmamuz.ru/entity/ALBUM/3747157?index=0 (дата обращения 16.01.2021).

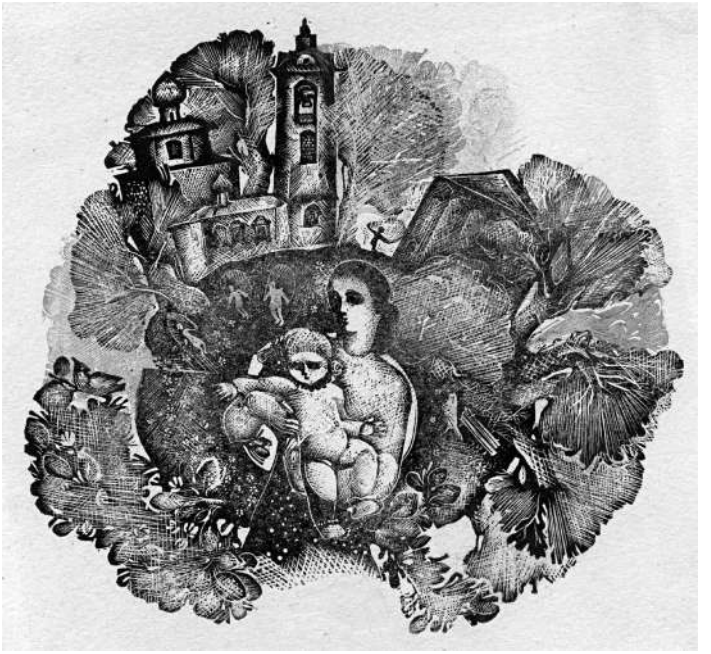
Николай Иванович Кисляков (1918–2004). У скалистых берегов. Бумага, линогравюра цветная. 26,1×64,8 (из.) 41,5×78,7 (лист) см. ТМО-36612 ИЗО-2297

художники не забывают о выявлении психологических особенностей личности своих моделей: задумчивый взгляд сталевара у А. И. Печенникова (1912– между 1972 и 1979)[506] или сосредоточенность и собранность телефонистки у А. В. Сиверина (1925–?)[507]. И уж совсем свободными становятся в воспроизведении водной стихии: О. А. Дмитриев (1913–2009), Н. И. Кисляков (1918–2004), Е. Д. Светогоров (1913–1981), Л. А. Голуб (1927–1979) или изображения животных в природной среде: П. Ф. Герман (1918–?), В. Г. Рыбаков (1941–1972).

Мастера эстампа Вологодской области представлены в нашем собрании не очень широко. Тем не менее, есть произведения, которыми можно гордиться. В частности, выразительными листами череповецкой серии Анатолия Терентьевича Наговицына (1921–2002), тонкими психологическими композициями – портретами вологодских поэтов и писателей работы Генриетты Николаевны Бурмагиной (1939–1984) и декоративными композициями Владислава Александровича Сергеева (1938 г. р.).

Среди уроженцев Тотемского района, связавших впоследствии свою жизнь с печатной графикой и активно поддерживающих музей, можно назвать два имени: Герман Васильевич Бурков (1921–после 2002) и Константин Григорьевич Андреев (1914–1981). Оба уроженцы Тотьмы, в юности переехавшие в Ленинград. Оба –

[506] Собрание ТМО-36595 ИЗО-2216.
[507] Собрание ТМО-36600 ИЗО-2258.

Генриетта Николаевна Бурмагина (1939–1984). В детском парке. Около 1978. Бумага, ксилография цветная. 12,7×13,4 (из.) 17,8×19,1 (лист) см. ТМО-28065 ИЗО-2482

участники Великой Отечественной войны. Герман Бурков закончил Ленинградское художественное педагогическое училище, а затем институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Занимался художественно-промышленной графикой. В музее сформировалась целая коллекция его работ. Константин Андреев после окончания войны оказался в Риге, где закончил Латвийскую академию художеств. Он работал как книжный иллюстратор, в жанре натюрморта, портрета и лирического пейзажа. Три его монотипии с цветочными композициями из собрания музея поражают насыщенными яркими и жизнеутверждающими красками[508]. В последние годы времени на творчество у него оставалось мало – Константин Григорьевич руководил Художественным музеем Латвийской СССР.

[508] Собрание ТМО-36844 ИЗО-1366, ТМО-36845 ИЗО-1365, ТМО-36863 ИЗО-1368.

Если анализировать коллекцию печатной графики с точки зрения жанрового разнообразия, то значительно превосходят все остальные произведения архитектурные пейзажи (224 ед.), пейзажи (67 ед.), индустриальные пейзажи (31 ед.). Портреты количественно занимают второе место – 128 ед., а жанровые сцены – завершают эту триаду (84 ед.). Орнаменты, шрифтовые композиции, интерьеры, батальные сцены – не превосходят пары десятков.

Преобладающей техникой печатной графики в произведениях из собрания Тотемского музейного объединения является резцовая гравюра, на втором месте по популярности у авторов – ксилография (в том числе и цветная), затем – литография, линогравюра (цветная и тоновая). Коллекция печатной графики может выступить образцовой для изучения разнообразия техник исполнения, так как имеются отдельные образцы в карандашной манере, меццо-тинто, акватинта, пунктир, офорт, мягкий лак и пр.

Коллекция печатной графики Тотемского музейного объединения, возможно, уступает по полноте и разнообразию другим музейным собраниям, но имеет, несомненно, очень ценные черты. Она широка по тематической структуре и калейдоскопу изображенных лиц. На ее основе можно изучать историю российского и зарубежного эстампа как по стилистическим особенностям, так и по жанровому разнообразию. Коллекция репрезентативна по технике изготовления и имеет яркий мемориальный характер, что всегда находит отклик у посетителей. Ее хронологические границы, охватывающие три столетия, позволяют широко использовать эстампы в выставочной и издательской деятельности музея.

Чернова Анастасия Евгеньевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Перервинской духовной семинарии, г. Москва

ОСОБЕННОСТИ НАРОДНОГО ВОСПРИЯТИЯ МИРА: ФОЛЬКЛОР ТОТЕМСКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Толшменская картина мира – одна из составляющих огромного и прекрасного полотна под названием «Русский Север». Вбирая многие черты Вологодского края, она отличается собственным неповторимым колоритом. Каким образом в местном фольклоре преломились известные северные сюжеты, какие жанры получили развитие, а какие, напротив, исчезли, растаяв под жарким солнцем современности?

Рассматривая эти вопросы, мы обратимся к материалу, собранному в рамках экспедиции АНО «Бирюзовый дом» «Долина детства» в 2017 году[509], а также к опыту изучения устного народного творчества Вологодской области в XIX веке. Это необходимо для того, чтобы обозначить вектор традиции. Не ограничиваться лишь перечислением постоянных элементов толшменской картины мира, но представить ее в динамике, как живую, постоянно обновляющуюся модель.

Напомним, что под Русским Севером понимается территория от Урала до Прибалтики, севернее Волги. Это Новгородская, Псковская, Ленинградская, Архангельская, Вологодская, Мурманская, Ярославская, Костромская, Вятская (Кировская), Пермская области, Карелия, республика Коми, районы русского заселения Эстонии, некоторые районы Тверской области.

Русский Север издавна привлекал внимание этнографов и фольклористов. Одним из первых сюда приехал друг Александра Радищева – Петр Челищев. В 1791 году он побывал в Великом Устюге, Вологде, Тотьме, Белозерске. К сожалению, свой труд, «Путешествие по Северу России в 1791 году», он ограничил перечислением довольно внешних деталей. Используя общепринятые клише и штампы своего времени, он писал про «узы рабства», а русский язык воспринимал лишь как удобное орудие «для просветительских целей». Само повествование ведется сухо, без красок и каких-либо оттенков.

Постепенно к исследователям приходит понимание необходимости собирать устное народное творчество. «Просветительское отношение к фольклору как к остаткам невежественной старины или проявлению народного бескультурья уступает место признанию его эстетического и этического значения и совершенства»,– пишет М. К. Азадовский. Появляется стремление осмыслить социально-художественные особенности народных песен, их эстетическое и этическое значение. Некоторые вологодские писатели (например, К. Н. Батюшков) входили в «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств». На заседаниях они обсуждали особенности проникновения национального начала в литературное творчество, анализировали традиции народных песен. Однако собирательской деятельностью они еще не занимались

[509] В статье цитируется фольклор Вологодской области по книге: «Толшменская картина мира глазами участников экспедиции: краеведческий сборник» / сост. М. Н. Кошелева, А. Е. Чернова.– Москва, с. Никольское: АНО «Бирюзовый дом», 2019. 468 с.

и сколько-нибудь значительных образцов народной поэзии родного края в научный обиход не ввели.

Интерес к фольклору проявляют не писатели (что было бы естественно), а служители Церкви. На первый взгляд, есть в этом что-то парадоксальное. Пока участники «Вольного общества...» выстраивают разные литературные теории, вологодский епископ Евгений (Болховитинов) записывает народные предания и легенды. Именно он поддерживает собирательские интересы известного фольклориста И. М. Снегирева, не раз приезжавшего в Вологду. Первые публикации вологодских записей принадлежат И. П. Сахарову. Живое народное слово Вологодского края сохранилось благодаря трудам крестьянского поэта-самоучки М. Суханова, русского критика, издателя журнала «Телескоп» Н. И. Надеждина, инспектора Вологодской гимназии Ф. Н. Фортунатова, преподавателей Н. И. Иваницкого и Ф. Д. Студитского, вологодского историка и археолога П. И. Савваитова и др. Желая иметь «мнение о самих себе, как о нации» в Вологодскую губернию едут историк М. П. Погодин и литературный критик С. П. Шевырев.

Во второй половине XIX века собирательская деятельность выходит на новый уровень. В Петербурге создается Этнографический отдел Русского Географического общества, который систематизирует и развивает эту работу. Сказки, песни, бывальщины, слова и выражения народного языка записывает известный русский педагог Н. Ф. Бунаков. Выходят сборники «Песни, собранные П. В. Киреевским», а с 1855 года – первые выпуски свода А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», в котором впервые были широко представлены вологодские сказки о животных. В книге «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым» печатаются тексты былин. Д. Садовников готовит к изданию загадки, а Е. В. Барсов – «Причитания Северного края».

Как мы видим, когда-то в Вологодской области были представлены многие жанры фольклора. Звучали не только народные песни, но и былины, и причитания. Значительное место в репертуаре вологжан занимала сказка. Некоторые отзвуки этой богатой традиции мы могли наблюдать и сегодня. Наиболее устойчивой (кроме позднего жанра частушки) оказалась народная сказка. Нам удалось записать несколько сказочных текстов. То, что мы не встретили хотя бы фрагментов былин – не удивительно. Этот жанр исчез еще до Великой Отечественной войны. А вот что по-настоящему неожиданно и печально – так это отсутствие лирических песен. Ведь по своему содержанию они были необыкновенно

разнообразны и богаты: когда-то на Вологодчине встречались балладные, лирические, хороводные, шуточные, сатирические песни. Единственный фрагмент записанной в экспедиции песни («Бывало, в дни веселые...») представляет собой позднюю народную балладу – песню, созданную на основе стихотворения поэта-самоучки Прохора Горохова «Изменница» (опубл. в 1901 г.). При этом нам удалось записать немало примеров колыбельных. В верховьях Толшмы они отличаются особой милой непосредственностью, трогательностью и простотой.

В августе 2017 года, опросив 51 человека, мы узнали множество старинных преданий, примет, поверий. Наша цель была показать современную жизнь в верховьях Толшмы во всем ее богатстве, разнообразии и красоте. Найти постоянные сюжеты и образы, связующие настоящий день с далеким прошлым, с той самой «достославной стариной», воспетой в стихах Николая Рубцова.

С каждой новой встречей и беседой про старинные обычаи – ключевые исторические и фольклорные сюжеты проступали все ярче и ярче. Постепенно обозначился их круг. Записанный фольклор условно можно разделить на несколько категорий.

Первая – это праздничный цикл. Бабушки рассказывают о том, как гуляли, играли на Святки и Пасху, как отмечали Крещение, Троицу. Вспоминают поверья, связанные с Ильиным днем. Самые характерные истории – о том, как «ходили кулешиться» во время Святок, а на Великодённый четверг спешили в лес собирать верес (можжевельник). Сухие веточки вереса, прикрепленные к двери, мы видели в каждой избе.

Второй цикл связан с традицией молитвы. Во многих селах храмы были разрушены, и местные жители не имели возможности посещать церковные службы. Однако они сохранили память о христианских праздниках и молитвах. Они умеют благословлять своих детей, а перед дорогой читают особые прошения. *«Бог впереди, товарищ позади!»* – записали мы в селе Никольском. Так говорила бабушка Манефа, провожая в лес свою знакомую. *«Иди, и никто тебя не тронет»*.

Помню, как заинтересовала нас эта фраза. «А кто такой этот товарищ?» – спрашиваем. Но рассказчица, Александра Федоровна Забродина, так и не смогла пояснить загадочные слова Манефы. По контексту можно было лишь догадаться, что речь идет, скорее всего, про Ангела Хранителя. И вот, изучая материалы других фольклорных экспедиций по Вологодчине, нам попалось почти дословное совпадение этих слов. Правда, с некоторыми уточнениями:

«Всегда надеюсь на Бога и его угодников. Уж как из дома выхожу, обязательно скажу: «Спаситель впереди, Николай-Чудотворец позади, попутчики мне во всех путях-дороженьках. Верни меня, Господи, на родную землю, в родной дом живую и здоровую». Эта запись сделана в 1987 году, в селе Григорьево (Вологодская обл., Череповецкий район). Мы видим: общая канва высказывания сохраняется. Однако позже развернутое описание сократилось, имя конкретного святого заменилось на «товарищ».

К святому Николаю Чудотворцу в народе относятся с особой любовью. Он по-прежнему оказывает самую незамедлительную помощь – всегда и везде. В деревне Манылово, например, мы записали историю о том, как святитель, явившись, помог одной женщине съехать на лошади с крутой горы.

Пожалуй, нет имени более яркого, вбирающего самую суть Верхней Толшмы, чем имя Николай. В Никольском детском доме воспитывался поэт Николай Рубцов. А неподалеку, в деревне Камешкурье, живет талантливый художник-самоучка Николай Иванович Федоров. Николай-художник сумел воплотить в жизнь все, о чем только мечтал Николай-поэт. Судьбы у них в чем-то похожи: и один и другой рано остались сиротами. Пережили разлуку со своими братьями и сестрами; росли в детском доме. Но затем Рубцов уезжает, скитается, странствует по всей Руси, а Федоров спокойно живет все там же, в родных местах своего детства. Он встречает любимую девушку, женится, работает и воспитывает детей, в свободное время рисует картины. *«Не купить мне избу над оврагом, / И цветы не выращивать мне»*,– с горечью восклицает Рубцов в «Элегии». Федоров своими руками строит бревенчатый дом – как раз над оврагом: в Камешкурье очень неровная местность, крутой спуск к реке. Его судьба представляет интерес не только как личное переживание, но и как свидетельство исторического характера.

Николаем, наконец, звали и местного почитаемого старца. Николаюшка Тотемский. *«Молитвой этого старца и его чудотворениями держалась вера в старинном русском городе Тотьме в годы страшных гонений на христиан»*,– говорится в статье Т. Сорокиной и Г. Оленевой «Птичка у иконы»[510]. Из этой же статьи можно узнать его биографию. Николаюшка – Николай Константинович Трофимов, родился в 1892 году в д. Угрюмовская (Погост) Вожбальского с/с.

---

[510] Оленева Г., Сорокина Т. Птичка у иконы. // Православный Санкт-Петербург.– № 24.– 2008. С.

Отец его был священником в Благовещенской церкви на р. Двинице, затем – в Христорождественской на Сондуге. Жизнь Николая проходила в постах и молитвах. Часто его можно было видеть на природе – у реки или где-нибудь в поле. По воспоминаниям И. А. Талашова, Николай закончил Духовную семинарию, но где именно – неизвестно. Некоторое время находился в браке. Но когда начинаются гонения, жена уходит. Впервые Николаюшка был арестован до войны как сын священника. Позже его отпустили. К старцу непрерывным потоком спешат люди, спрашивают про судьбы своих близких, ушедших на фронт. По воспоминаниям, он предсказал важнейшие события войны: битву под Москвой, Сталинградскую битву, день Победы. Когда наступили голодные 1946–1948 годы, он начал скитаться по деревням Вожбальского сельсовета. Некоторое время жил в лесу. Там у него была избушка с самодельной печкой. В мир иной уходит 12 января 1958 года, его провожают жители всего города...

Мы не случайно вспомнили биографию этого старца. События его жизни очень характерны. Жители Верхней Толшмы с любовью хранят память про Николаюшку, а также еще про одного юродивого того времени – Иванушку. Николаюшка и Иванушка похожи. Жили в одно время (Иванушка, видимо, чуть позже, в Черепаниху он приходил в 60-е годы). Судьбы они предсказывали через иносказательные образы. Но еще больше типических моментов мы обнаружили, когда обратились к записям других фольклорных экспедиций по Русскому Северу. Например, в Осташковском районе Тверской области также жил почитаемый старец. *«Был у нас старичок, Максимушка. В лесу в изобке жил. Печечка маленька, иконки у него были, лампадочка теплится. А уж чем питался, уж не знаю. Старичок старенький, к нему ходили спрашивать, он присказывал. <...> Максимушка говорил не явственно, потом уж догадывались». <...> Потом убили его. Пускай присказывал, зачем кумунисты убили. И присказывал всю правду, он никому худого не говорил, только хорошее...»*.

Николаюшка, Иванушка, Максимушка... Похожие по внешности, способу общения, образу жизни, они словно продолжают, дополняют друг друга. Сходны их суждения и высказывания. Сравним, например:

«Два парня пошли к Максимушке, жениться или нет, какую судьбу скажет. Шли по дороге, один другому: «Что нам Максимушка поболтает?» Вот пришли. Максимушка говорит: «Проходи, ребята».

«Ты, Максимушка, скажи судьбу». А он вышел в сени, потом входит с квашней, молчит и так ее болтает. Так они и ушли»[511].

«Пошли две соседки, одна и говорит: «Ну ладно, о чем-нибудь поболтаем». Пришли. А у второй деньги были: «Вот, мне надо узнать чего-то». Пришли, порог переступили, и Николаюшка подает блюдо и ложку. Подает и говорит: «На, болтай»[512].

Думается, что здесь мы соприкасаемся с самыми глубинными пластами народной жизни, которые определяют русский характер. С таким явлением, как юродство.

Толшменская картина мира вбирает основные духовные позиции русского мира в целом – и Русского Севера в частности. Однако на некоторые своеобразные, неповторимые оттенки этой картины хотелось бы указать особо.

По сравнению с другими регионами, здесь мыслят более трезво, взвешенно, здраво. Не случайно раздел «таинственные случаи» открывается весьма прозаичным ответом. Тем самым нам хотелось подчеркнуть именно такую особенность сознания – отсутствие большого интереса к мистической стороне жизни. Какие домовые, лешие или вампиры? Вы что! Есть ли в реке водяной? *«Там бобры все живут, бобры. Деревья грызут, роняют и прямо переходы делают за реку. У нас тут тоже где-то бобер живет, так он не делает перестилов»*, – чистосердечно признается Любовь Сергеевна Антуфьева.

Второе – это диковинные, редкие имена: Градислава, Ливерий, Мардальон, Елпидифор, Альберт Пансофьевич и др. Причем, наличие редких имен – это, видимо, особенность всей Вологодской области (и Русского Севера). Уже работая с архивами других, более ранних, экспедиций мы встретили, например, такое женское имя: Калисфения.

Третье. – Это почти совершенная гармония, как внутренняя, так и внешняя. Гармония выражается, в том числе, и в опрятности, порядке жилищ. Куда бы ни зашли. На полу – дорожки и вязаные кружки, телевизор – под белой кружевной салфеточкой, на окнах – цветы. И ничего лишнего. *«Ох! Не знала, что вы придете, у меня беспорядок»*,– сокрушается бабушка. Мирно тикают часы, кошка в белых носочках и передничке заглядывает в комнату. И даже журналы на полке лежат идеально, обложка к обложке.

---

[511] Тверская обл., Осташковский район, Глубокое, 1993.
[512] Вологодская обл., Тотемский район, Успение, 2017.

На пустом столе, покрытом вышитой скатертью, лаконично сверкает ваза. А в красном, «сутнем» углу теплится перед иконой лампада.

Кстати, про иконы. В некоторых областях России глубоко верят все бабушки. На Верхней Толшме атеисты встречаются не так уж и редко. Мы общались и с некрещеными (явление в деревне почти исключительное; несмотря на гонения, запреты – детей крестили тайно). Не принимали крещения осознанно, по идеологическим убеждениям.

При этом интуитивная вера в загробный мир наблюдается почти у всех респондентов. Проявляется она в обрядах погребения, в правилах поведения на кладбище. В течение сорока дней душа покойника (или, в некоторых версиях, его ангел) прилетает на землю и утирает слезы белым полотенчиком, укрепленным специально для этого на сутний угол избы. Затем полотенце спускают в реку, приговаривая: *«Вот здесь поутирался, теперь в дальнюю дорогу пошел. Утирайся и там»*. На кладбище положено ходить до обеда, потому что после «*они пообедали и спят*». И цветы в изголовье могилы сажать не желательно. *«Он же сморит, он же видит. Нельзя, нельзя это»*. Из всего этого следует, что усопший человек воспринимается по-прежнему живым – правда, переступившим в иное измерение, в царство мертвых.

По мнению исследователей, высокая сохранность культа предков – одна из характерных черт духовной культуры Севера. Культ предков включает в себя разные компоненты: похоронные и поминальные обряды, представления о контактах двух миров, «о влиянии, какое оказывают умершие предки на жизнь очередного поколения людей». Но если в южных районах России получили распространение мрачные былички о вурдалаках и упырях, которые встают из могил и пьют человеческую кровь, то на Севере такие истории почти не встречаются. Страшные сюжеты, бытующие в долине реки Толшмы, связаны с жизненными реалиями, а не с областью темной мистики. Так, например, многие жители вспоминают, как размывало кладбище, и *«на дороге черепа и кости все лежали»*. Николай Рубцов тоже, конечно, был свидетелем подобных картин. Поэтический образ: *«Из моей затопленной могилы / Гроб всплывет забытый и унылый»* возник не на пустом месте.

Отдельный пласт толшменского фольклора представлен историями о камнях. Большие серые валуны могут расшибать тучи и предвещать дождь. Некоторые из них растут, другие – всегда теплые так, что на них можно греться. Когда-то ребятишки бегали

к этим камням, забирались, играли неподалеку. Теперь валуны зарастают, обвитые густыми косматыми травами. Зарастают поля и дороги между заброшенными деревнями...

Делая обзор разных характерных сюжетов Верхней Толшмы, мы до сих пор не упомянули один жанр, содержание которого так и сверкает забавными (а порой и поучительными смыслами). Жанр частушки. Да, именно частушка стала вытеснять к концу XIX века старинную поэтическую песню.

Сюжет частушек воплощает богатую палитру чувств и душевных переживаний. Любовь, разлука, измена... Все эти состояния представлены яркими поэтическими образами. Всякое случается в жизни. Но унывать не стоит. В народе ценится характер боевой, честный, открытый, без повадок пустого «трепача». Также в частушках проявляется местный колорит, который просматривается, в том числе, и в описательных деталях. Упоминаются названия конкретных сел, рек Сухоны и Толшмы, «серого камушка». В причудливом соединении печали и веселья подается образ вереса. С одной стороны, он сулит утешение *(«найти бы вересиночку / Забыть бы ягодиночку»)*, с другой – связан с разлукой («проводила милого / До куста вересового»). Из вереса делают балалайки *(«балалаечку куплю / дроле вересовую»*). Кстати, некоторые частушки нам исполняли без всякого аккомпанемента, а некоторые – под балалайку. Именно под нее поют «*песенки веселые*», несмотря на то, что «*все сердечко изболелось*». Слово «веселое», пожалуй, встречается чаще всего. В нашей подборке – 27 раз. Хотя общая тональность частушек мажорная, местная жительница, Галина Алексеевна Козлова, обнаружила целый пласт военных сюжетов, поданных не в сатирическом, а в лирическом ключе. Это необычно. Невозможно представить, чтобы частушка, например, с таким сюжетом: *«Ягодиночку убили / Из винтовки боевой, / Он лежит в сырой земелюшке / Не думает домой»* исполнялась в частушечной задорной тональности.

Особое внимание обратим на цветовую символику. По наблюдениям специалистов, в частушке каждый цвет имеет символическое значение: красный – цвет силы, голубой – цвет сомнения, жёлтый – цвет измены, чёрный – цвет горя, белый цвет – цвет чистоты и непорочности.

Цветовая палитра толшменской частушки имеет ряд особенностей. Во-первых, отсутствуют некоторые ключевые в народной живописи цвета: красный и синий. Самыми частыми цветами оказываются белый, голубой и серый. Общий тон получается при-

глушенным, неярким, нежно-светлым. Вместо красного – розовый («бело-розовый платочек»), вместо синего – голубой. Традиционное значение белого цвета – непорочности и чистоты – обыгрывается, например, так:

Ты солома, ты солома,
Ты солома белая,
Никому не говори,
Что я в девках делала!

Голубая незабудка, брошенная в реку – свидетельствует об измене. И только если учитывать символику цвета, можно понять значение, например, этих строк:

Голубого не шивала,
Белого нашилася.
Я опять милого старого
Любить решилася.

Девушка не изменяет своему милому («голубого не шивала»), целомудренна («белого нашилася») – эта частушка про верность в любви, несмотря на испытания.

А вот «бело-розовый платочек», брошенный в реку, может свидетельствовать о том, что девушка потеряла свою невинность, и теперь не может забыть того «милого, по душе который был».

Белыми будут в толшменской частушке черемуха (а не береза!), дом с большими окнами, голубыми – небо, косяки в избе, незабудка. И, наконец, золотой цвет связан с представлениями о богатстве и счастье. Ср.: *«Меня сватать приезжали / С позолоченной дугой»*. Или: *«Балалаечка поет, / Ко мне дролечка идет / Золоченые бока...»*

Отрадно также, что во время экспедиции мы записали несколько сказок. Память народная хранит лишь избранное. То, что ближе душе. И такими родными, постоянными темами стали веселые сюжеты частушек, колыбельные про серого кота и заюшку, погодные приметы, разные игры и кулешения. И, конечно, светлые молитвы, благословляющие детей и внуков. Даже возможная катастрофа, конец света, представлен в радужных тонах. *«Будет или конец света, или жа всемирноя война. После войны Россия будет победительноцей, все усядуца на одно бревно и будут начинать новую жизь»*.

Вот какому отношению к миру и судьбе нам, пожалуй, стоит поучиться...

Раздел третий

РУССКИЙ СЕВЕР: СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ, МУЗЕЕФИКАЦИЯ И ТУРИЗМ

Новосёлов Алексей Михайлович,
директор МБУК «Тотемское музейное объединение»,
г. Тотьма, Вологодская область

ОПЫТ РЕВИТАЛИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО НАСЛЕДИЯ СТАРОГО УСОЛЬЯ В ДЕРЕВНЕ ВАРНИЦЫ ТОТЕМСКОГО РАЙОНА

2020 год стал для Тотемского музейного объединения годом работы над ревитализацией (т. е. возвращением к жизни) территории старейшей промышленной зоны Тотемского района – Старого Усолья в деревне Варницы. Такая возможность появилась благодаря проекту «Труба зовёт!», победившему в конкурсе Фонда президентских грантов и получившему финансирование в сумме трёх миллионов рублей. Проект был заявлен от Фонда развития общественных инициатив Тотемского района Вологодской области «Соль Земли». Работы длились с ноября 2019 по ноябрь 2020 года, а фрагментарно продолжаются и сейчас, когда идёт подготовка к реализации второго этапа.

Прежде чем завести разговор о том, что из себя представлял этот опыт для музея и района, следует остановиться на том, какая работа по сохранению памяти о солеваренном промысле была проведена до того краеведами и историками – предшественниками нынешних музейщиков.

Солеварение в промышленных масштабах в окрестностях Тотьмы прекратилось к концу XIX столетия. Краевед Д. А. Григоров, чей очерк «Тотемские соляные промыслы» является для нынешних исследователей темы одним из наиболее информативных источников[513], упоминает 1887–1888 годы как время окончательного закрытия завода А. М. Кокорева[514] и Д. Н. Ракова.

---

[513] Григоров Д. А. Тотемские соляные промыслы. // Тотьма: исторический альманах. Выпуск 2. Вологда: Русь, 1997. См. также электронную версию данного материала: https://www.booksite.ru/fulltext/two/tot/ma/5.htm (дата обращения 10.01.2020).

[514] Фамилия тотемского купца-солепромышленника А. М. Кокорева пишется через «о», но иногда встречается ошибочное написание через «а». К сожалению, топонимическая ошибка допущена и в очень удачном названии современной улицы *Кокаревский сад* деревни Варницы.

К тому моменту в тотемском *окологородье* в долине речки Ковды сформировалось две промышленные зоны, связанные с солеварением. На картах и в источниках они часто фигурировали как Старое и Новое Усолья. Старое Усолье располагалось под Хоробардиной горой, в месте впадения в реку Ковду небольших притоков Ляпунихи и Солонухи. Новое Усолье, появившееся позже, находилось ближе к городу, ниже по течению Ковды в районе деревни Ворлыгино. В разное время на обоих Усольях эффективно работало по несколько рассолоподъёмных труб.

Фотографические источники сохранили до нашего времени виды только Нового Усолья, притом сделанные уже после закрытия завода, в начале XX столетия. В фонде ТМО в настоящее время можно видеть фотографии построек сользавода за авторством известного тотемского фотографа Д. П. Петрова[515]. Ещё одним важным источником для нас являются художественные работы уроженца Тотьмы, академиста Ф. М. Вахрушова (1870–1931), который также запечатлел варницкие пейзажи в момент упадка промысла. В собрании музея имеется небольшая живописная работа 1910–1920-х годов, запечатлевшая опытный завод по производству глауберовой соли из отходов производства (последняя модернизация Кокорева и Ракова) на фоне Воскресенского храма[516]. Эта работа ценна сама по себе ещё и тем, что мы можем видеть купола и кровлю церкви в их цвете образца начала XX столетия. Ещё один вид рассолоподъёмной башни (судя по всему, опять же Новоусольской, хотя из атрибуции это не следует) за авторством Ф. М. Вахрушова хранится в фондах Государственного Эрмитажа[517].

К сожалению, совсем не сохранилось хоть сколь-нибудь подробных планов тотемских соляных варниц с указанием на конкретное местоположение труб. Самую актуальную информацию из имеющихся в нашем распоряжении источников даёт «План города Тотьмы Вологодской губернии с его окрестностями» 1842 года[518], в

---

[515] Напр. Тотемский солеваренный завод в 1922 году, август. Фото Петрова Д. П. ТМО-12856.

[516] Вахрушов Феодосий Михайлович. Этюд двусторонний. 1. Глауберовый завод (Тотемские солеварни). 2. Колокольня. ТМО-7810. ИЗО-861. В электронном варианте: https://collections.totmamuz.ru/entity/OBJECT/56738 (дата обращения 10.01.2020).

[517] Вахрушов Феодосий Михайлович. Вид рассолоподъёмной башни у г. Тотьмы. Бумага, акварель. 1918. ЭРР794. Номер по КП: КПГЭ.1949 42/897. В электронном варианте: http://collections.hermitage.ru/entity/OBJECT/705131 (дата обращения 10.01.2020).

[518] План города Тотьмы Вологодской губернии с его окрестностями. 1842 год. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1293. Оп. 166. Д. 68. Копия представлена в фонде ТМО (поступление 2020 года).

План города Тотьмы Вологодской губернии с его окрестностями. 1842. РГИА. Фрагмент плана, на котором видно оба солеваренных завода

котором литерой a указаны варницы и амбары (к сожалению, без разделения), а литерой b – кузницы. Никак не отмечены рассолоподъёмные трубы и башни, нет также и названий конкретных варниц. Однако можно понять сами границы усолий по состоянию на середину XIX века, а дальнейшие расширения территории промысла хорошо описывает Д. А. Григоров в упомянутой выше работе.

После завершения промысла тотемская интеллигенция заговорила о формировании близ территории бывшего сользавода рекреационной зоны для лечения минеральными хлоридно-натриевыми водами. Идея была воплощена уже после прихода к власти большевиков. Главным вдохновителем проекта был член Вологодского общества изучения Северного края доктор П. А. Кадников, чьи обоснования необходимости создания в Тотьме курорта сохранились до нашего времени в научном архиве ТМО. Работы на эту тему имеются также и у директора Тотемского краеведческого музея Н. А. Черницына, по-видимому, также способствовавшего данному начинанию.

В 1927 году курорт был открыт прямо в районе Нового Усолья. Следует констатировать, что инфраструктура его повредила сложившемуся историческому ландшафту местности. До основания

было снесено и переоборудовано под сад Богословское кладбище, на котором покоились многие из варницких солепромышленников, была уничтожена церковь Иоанна Богослова в стиле «тотемского барокко», очень гармонично вписывавшаяся в облик городских окрестностей. Однако благодаря тому, что хлоридно-натриевая вода использовалась для нужд курорта, историческая территория не превращалась в заброшенную. Вёлся окос травы, были сформированы пешеходные тропы для прогулок, а над некоторыми историческими трубами даже существовали бюветы для розлива минеральной воды. Так, нам известно о существовании подобного бювета в районе Старого Усолья под Хоробардиной горой[519].

Позже, в 1980-е годы, курорт отошёл под ведомство Тотемского леспромхоза, что не лучшим образом сказалось на состоянии его инфраструктуры. Исчезли питьевые бюветы, ветшали здания. В то же время сельскохозяйственное освоение и застройка долины реки Ковды стали приобретать угрожающие масштабы. Построенный леспромхозом на границе курортной зоны 36-квартирный жилой дом внёс дисгармонию в окружающий естественный ландшафт, встав точно между Новым и Старым Усольями. Вокруг дома расположилось множество гаражей, началось строительство хозяйственных построек, основательно уродующих местность и до сей поры.

Краеведение Тотьмы, переживавшее в конце 1980-х гг. период расцвета, не могло не откликнуться на зреющую проблему необходимости сохранения старейшей промзоны Тотьмы. С идеей о создании музея соли в деревне Варницы выступил известный тотемский краевед, градозащитник Станислав Зайцев (1939–1992), посетивший Всесоюзную конференцию «Соль и освоение края» в Соликамске в 1986 году. Идеи Зайцева подхватил его ученик, молодой сотрудник музея Владимир Замараев, подготовивший экскурсию по Варницам[520] и план музеефикации территории Усолий.

В этом плане, получившем название «Основные принципы формирования музея “Посад Соли Тотемской”» Замараев отмечал: *«Музей формируется на базе бывшего Посада Соли Тотемской. В состав его входят два района соледобычи: Старое Усолье (включает*

---

[519] Сотрудники Тотемского музейного объединения обращались в социальные сети и районную газету с просьбой предоставить фотографии бювета, которые наверняка должны быть в архивах бывших курортников. Но, несмотря на все старания, пока искомые фото обнаружить не удалось.

[520] Замараев В. Н. Экскурсия на тему «Солеварение в г. Тотьме». Научный архив ТМО.

владения дер. Углицкой, бывшую дачу Пустошь Голодяиху, Ильинский луг) и Новое Усолье (теперешняя дер. Варницы, территория профилактория «Тотьма»...). Центр музея располагается в юго-западной части территории профилактория «Тотьма», в здании постройки начала XX века (бывший ванный корпус солелечебного курорта). К нему примыкают несколько музейных объектов:

1. Планируемая чёрная варница (остатки имеющегося строения);

2. Белая варница;

3. Древняя варница (вырытая в земле яма под установку црена);

4. Соляной склад Кокарева;

5. Здание профилактория (бывший курорт, открытый в 1927 г.).

Органично входят в состав музейного комплекса и являются объектами показа многочисленные рассолоподъёмные трубы, во множестве сохранившиеся в долине р. Ковды, типичные северные деревянные постройки окружающих деревень, церковь Воскресенья на Варницах, остатки Кокаревского сада (7 кедров). В структуре музея находят своё отражение технические стороны соляного дела:

1. бурение скважин (на местности воссоздаётся действующий макет буровой установки /простейший/);

2. добыча рассола (установка создаётся типа «Журавль»);

3. получение соли (действующая варница, в летнее время типа макета).

Разумеется, показывается мини-процесс получения соли, причём только сезонно. Надо учитывать, что Тотемский соляной завод – древнейший на Руси[521]*, и важно показать зачатки соляного дела, первые его шаги.*

В самом доме-музее экспонируются модели буровых инструментов, деревянные элементы, предметы, связанные с соляным производством (остатки труб/бадьи, деревянные части буровых установок и т. п.), измерительные инструменты (например, ареометр). Показывается также быт солеваров, начиная от интерьера избы и кончая одеждой, предметами быта, также находит свое отражение история создания лечебного учреждения на соленосных скважинах. Таким образом, в основе формирования данного музея, лежит сочетание музея под открытым небом (открытые экспозиции с включением действующих объектов) непосредственно с домом-музеем (закрытыми экспозициями).

---

[521] Замараев, по-видимому, оперирует данными из «Горного журнала» 1826 года. В настоящее время среди учёных нет консолидированной позиции по поводу того, где на Руси и даже на Русском Севере появился первый солеваренный завод.

Надо сказать, что уже сейчас все вышеперечисленные объекты будущего музея, находящиеся в разной степени сохранности, безотказно работают в структуре экскурсии, которая четвёртый год проводится по данной местности. Главная трудность в создании музея Соли в настоящее время заключается в отсутствии статуса заповедника для данной территории. Уже планируемое строительство нового корпуса профилактория может существенно нарушить исторически сложившуюся архитектурную особенность посада[522]*, внести дисгармонию в окружающий ландшафт, как это уже произошло в связи с постройкой 36-квартирного дома леспромхоза. Необходимы также довольно значительные реставрационные работы вышеперечисленных будущих музейных объектов, но это уже отдельный вопрос»*[523].

В наше время можно с сожалением констатировать, что о ряде объектов, которые Замараев предлагал включить в состав музейного комплекса, мы даже не вполне осведомлены. Например, не совсем ясно, о каком соляном складе Кокарева идёт речь, сохранились ли вообще какие-либо остатки чёрной варницы, существовавшие по состоянию на конец 1980-х, и т. п. По плану Замараева основной упор был сделан на район Нового Усолья близ профилактория (бывшего курорта) с задействованием его бывших и нынешних построек, от которых к 2020 году не осталось ничего.

В этот же период, на рубеже 1980-х – 1990-х, всерьёз заговорили и о возрождении храма Воскресения у соляных Варниц. Однако историческая территория фактически «пала жертвой» того, что сначала масштабные работы по реставрации и реновации объектов культурного наследия необходимо было провести в Тотьме[524]. Так идея создания музея соли по принципам Владимира Замараева осталась невоплощённой. Следующая попытка возвращения к ней связана с масштабной идеей создания в Тотьме музея-заповедника в рамках проекта «Соль Земли Русской». Авторами этого проекта были работники Тотемского музейного объединения – директор Ю. П. Ерыкалова и научные сотрудники В. А. Притчина и Н. И. Коренева. С выступлением о сути задуманного проекта

---

[522] Корпус не был построен *(прим. автора).*

[523] Замараев В. Н. Основные принципы формирования музея «Посад Соли Тотемской». Машинопись. Научный архив ТМО.

[524] Так поясняет отсутствие каких-либо значимых шагов в данном направлении В. А. Притчина. Учитывая экономическую ситуацию в стране в 1990-е годы, стоит с этим согласиться и удивиться тому объёму работы, который в этот непростой период был осуществлён в городе и его музеях.

Валентина Притчина выступила на конференции «История отечественных производств, промыслов и инженерных сооружений» в 2000 году[525].

Абсолютно верно замечая, что *«откладывать дальше решение этого вопроса* (о музеефикации Усолья – *А. Н.*) *уже нельзя»*, В. А. Притчина создаёт в своём выступлении некий идеальный образ будущего, в котором планируется создание музея «Соль земли Тотемской» в помещениях уже не бывшего курорта, а храма Воскресения у соляных варниц. Там научный сотрудник предлагает создать следующие экспозиционные комплексы: «История тотемского солеварения», «Соль как предмет торговли», «Владельцы тотемских солеварен», «Интерьер дома Кокоревых», «История Воскресенского храма», «История солелечебного курорта». Кроме того, проектом планировались формирование музея А. А. Замараева, автора известного в исторических кругах крестьянского дневника начала XX века (по-видимому, в его доме)[526], и обращение к объектам показа под открытым небом, которые должны были получить частичную музеефикацию (трубы, Суморинский мост, типично северные постройки окружающих деревень[527], ванный корпус солелечебного курорта, соляной амбар, дом служащего солеварен в деревне Брагинской[528]).

В. А. Притчина подчёркивала, что создать музей «Соль земли Тотемской» возможно только в том случае, если будут проведены реставрационные работы на здании Воскресенской церкви. Работы там в очередной раз были начаты, поставлены леса, проведена частичная покраска фасадов, но тем дело и кончилось.

Тем не менее научные исследования местности всё-таки проводились. В рамках проекта изучения истории средневекового соляного промысла, осуществляемого отделом региональной культуры Санкт-Петербургского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия,

---

[525] Притчина В. А. Музеефикация историко-архитектурных памятников и памятников природы в рамках проекта «Тотьма – соль земли Русской». Машинопись выступления на конференции. Научный архив ТМО.

[526] Дом А. А. Замараева утрачен в 2019 году, но в построенном на его месте добротном деревянном доме по адресу: д. Галицкая, ул. 2-я Галицкая, 6, до настоящего времени живут потомки крестьянина *(прим. автора)*.

[527] В 2020 «типично северные» постройки в окружающих Варницы деревнях стали уже настоящей редкостью. Везде побеждают сайдинг и профнастил *(прим. автора)*.

[528] На два последних объекта сейчас затрудняется дать указание и сама В. А. Притчина *(прим. автора)*.

в августе 1999 года была организована археологическая разведка в окрестностях города Тотьмы. Специальный отряд Северо-Западной археологической экспедиции данного института провел первичное обследование зоны тотемских соляных промыслов. Ставилась цель – установить, сохранились ли в настоящее время на территории, занятой ранее промыслом, какие-либо остатки связанных с ним средневековых производственных сооружений, и определить их перспективность для последующего археологического изучения.

Для проведения обследования была выбрана местность в районе как Старого, так и Нового Усолья. Благодаря благоприятствующим климатическим условиям и низкому уровню воды в р. Ковда археологами было обнаружено более 20 рассолоподъёмных труб, а также большая группа иных сооружений, очевидно использовавшихся для промысла (деревянных фрагментов вне буровых скважин и элементов укрепления берега). Отчёт о проведённых работах был опубликован в третьем томе краеведческого альманаха «Тотьма»[529]. Вместе с тем уже во время проведения работ многие действия местных властей вызывали обеспокоенность у археологов и музейщиков. Шло строительство нового автодорожного моста через реку Ковду (на месте старого Суморинского), в ходе которого были найдены и затем погребены под насыпью остатки двух варницких печей. М. Е. Ворожейкина с тревогой отмечала, финализируя статью: *«...Существенное беспокойство вызывает расположение жилой застройки непосредственно в зоне комплекса памятников (часть средневековых скважин находится прямо на частных огородах и в палисадниках). Использование местными жителями ресурсов реки и минеральной воды изливающихся скважин нередко наносит значительный ущерб древним сооружениям. Нам стали известны намерения некоторых жителей забетонировать изливающиеся на их участках древние рассолоподъемные скважины, факты выпиливания и растаскивания срубов соляных колодцев в русле реки, мешающих при установке насосов для поливки огородов и стирке белья. В настоящее время ни одна из средневековых скважин или конструкций не охраняется как памятник истории. Отсутствие надлежащего учета и охраны уникальных объектов может уже в ближайшем будущем привести к их полной утрате*».

---

[529] Ворожейкина М. Е. Тотемские соляные варницы: перспективы археологического изучения. // Тотьма: исторический альманах. Выпуск 3.– Вологда: Легия, 2001. См. также электронную версию данного материала: https://www.booksite.ru/fulltext/tot/maf/ree/5.htm (дата обращения 10.01.2020).

На охрану никакие объекты поставлены не были. После археологических исследований М. Е. Ворожейкиной территория продолжала стремительно деградировать. Ряд рассолоподъёмных труб в 2000–2010-е годы был утрачен ввиду строительства хозпостроек местными жителями, часть труб оказалась погребена под современным культурным слоем. Окончательно потеряла привлекательность местность в районе бывшего санатория, главный корпус которого сначала был превращён в общежитие газовиков, а после долго пустовал и наконец был уничтожен пожаром. Территория Старого Усолья подверглась интенсивной застройке, а Нового – зарастанию сорной растительностью и бесхозяйственности. Воскресенская церковь дождалась субботников, проведённых неравнодушной общественностью в 2013–14 гг. в здании и рядом, но дальнейшие работы вновь встали из-за отсутствия финансирования.

Интересно, что процессы деградации историко-ландшафтной территории Усолья происходили на фоне активных действий администрации Тотемского района по регистрации товарного знака «Тотьма – соль земли Русской» (2011 год) и пропаганде «соляной» темы во внешней среде. Делегация Тотьмы под руководством председателя комитета по культуре, спорту, туризму и молодёжной политики районной администрации Наталии Трофимовой в 2010 году участвовала в праздновании юбилея Соликамска, куда съехались представители ряда территорий, связанных с солью; там же был подписан документ о создании Ассоциации соляных городов, куда вошла в том числе Тотьма. Под научным руководством Н. В. Трофимовой малым тиражом в двух частях вышли сборники материалов по истории солеварения в Тотьме, сразу ставшие библиографической редкостью. Тотемский народный театр с театрализацией «Как солевары в старину...» принял участие в фестивале «Соль Великая» в р. п. Некрасовское Ярославской области.

В 2015 году запрос на формирование пространства, посвящённого истории солеварения, в музейных экспозициях был исполнен благодаря созданию творческого пространства «АнтреСоль» в здании нового музейно-выставочного центра «На Большой Садовой» в городе Тотьма[530]. Именно в этой экспозиции оказались

[530] На реализацию проекта Благотворительным фондом Е. и Г. Тимченко было отпущено 650 тысяч рублей в рамках конкурса «Культурная мозаика малых городов и сёл». Грантополучатель – Тотемское музейное объединение, руководитель проекта – Новосёлов А. М., дизайнер пространства – Фадеев В. Н.

представлены многие предметы фонда ТМО, на существование которых обращали внимание В. А. Притчина и В. Н. Замараев, говоря о концепции музеев на соляную тематику. Часть своей личной коллекции для формирования пространства также безвозмездно передала музейному объединению Наталия Трофимова. Интерактивная экспозиция «АнтреСоли» сразу расположила к себе детей и подростков, посещающих музей, а туристы, сыграв в мультимедиа-игру «Соль Земли» (разработка А. В. Пахнина и Т. В. Громовой) могли уже гораздо больше узнать об истории тотемского соляного промысла. Однако узнавая о том, что историческая территория существования промысла не подготовлена к показу, гости бывали разочарованы.

Два самых больших экспоната, наглядно свидетельствующих о развитии солеваренного промысла – железная сковорода-црен для выпарки соли и вытащенная из-под земли во время работ в д. Варницы в 2015 году рассолоподъёмная труба – ввиду сложности их размещения в помещениях находились во дворе краеведческого музея, где для их хранения были обеспечены необходимые минимальные условия. Благодаря микрогранту благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко (конкурс «Малая культурная мозаика»)[531] в 2018 году трубу удалось подвесить на цепях, а для црена было подготовлено основание-подиум; облагороженная территория получила устойчивое название «Соляной дворик». Однако работы по благоустройству данного пространства требовали продолжения.

Был очевиден ряд проблем, которые нуждались в решении – хотя бы для правомерности дальнейшего функционирования «соляного» бренда территории. Во-первых, требовалось в срочном порядке выявить на местности наиболее аттрактивные рассолоподъёмные трубы, поставить их на охрану и обеспечить условия для показа труб посетителям деревни Варницы. Во-вторых, разрозненные места, повествовавшие об истории солеварения в Тотьме и окрестностях (территория Варниц, «соляной дворик», пространство «АнтреСоль», соляной склад), требовали объединения в маршрут и дальнейшего позиционирования.

Сотрудники Тотемского музейного объединения понимали необходимость комплексных решений. Ещё в 2016 году в рамках

[531] На реализацию проекта Благотворительным фондом Е. и Г. Тимченко было отпущено 20 тысяч рублей в рамках конкурса «Малая культурная мозаика Тотемского района». Грантополучатель – инициативная группа под руководством музейного художника Егоровой О. Л.

конкурса проектов ПАО «Северсталь» «Музеи Русского Севера» тотемским музеем была подана заявка на реализацию проектной идеи под названием «Дело труба!». На 450 тысяч рублей грантового финансирования предполагалось обустроить пешеходный маршрут к сохранившимся рассолоподъёмным трубам «Старого Усолья». Проект поддержан не был, однако формулировки многих идей из той заявки стали основой для нового проекта, которым команда музейщиков и инициативной общественности озадачилась летом 2019 года. Было принято решение написать проект с суммой предполагаемой поддержки до 3 миллионов рублей; название было решено изменить на более жизнеутверждающее – «Труба зовёт!».

С инициативой проекта выступил автор данных строк. Финансовым менеджером и оператором проекта стала директор созданного в 2017 году фонда развития общественных инициатив Тотемского района «Соль Земли» Зинаида Селебинко. Именно через Фонд «Соль Земли» была подана и зарегистрирована заявка на грант. Руководителем проекта было решено выбрать заместителя директора по научной работе Тотемского музейного объединения Наталью Кореневу, опытного специалиста, заинтересованного в развитии солеваренной темы. Также в команду проекта вошли сотрудники ТМО Светлана Кузнецова и Светлана Немирова, художественный руководитель варницкого филиала центра развития культуры «Тотьма» Светлана Самодурова, начальник отдела туризма и общественных проектов администрации района Артём Чернега, глава сельского поселения Пятовское Татьяна Маринова.

Проектом подразумевалось три основные направления работы: обеспечение удобного подхода к трубам в деревне Варницы, благоустройство «соляного дворика» краеведческого музея и модернизация творческого пространства «АнтреСоль».

Новость о победе проектной заявки пришла в октябре 2019 года. Сразу после этого должен был наступить полевой этап реализации проекта. Не нужно скрывать, что сотрудники музея в тот период достаточно приблизительно представляли себе местонахождение труб на территории деревни Варницы: никто в 1999 году не ходил по территории вместе с археологами из команды М. Е. Ворожейкиной. Команде проекта было известно лишь наличие комплексов труб в двух местах: в районе Суморинского моста на Старом Усолье и в районе бывшего курорта – на Новом. Фактически, требовалось новое обследование местности. В тексте проектной заявки оно описывалось следующим образом: *«В рамках*

проекта предполагается расчистка территории вдоль рек Ковды и Солонухи, выявление памятников инженерного искусства – старинных рассолоподъёмных труб (с участием волонтёров и школьников – юных краеведов), объединение этих в настоящее время бесхозных труб в единый закольцованный маршрут в виде деревянных мостков и тропы с располагающимися вдоль пути информационными стендами, повествующими об истории тех или иных скважин, а также об истории Усолья Тотемского в целом».

Выявление труб планировалось провести в период конца октября – начала ноября, когда в реке Ковда наименьший уровень воды, растительность на территории уже завяла, но земля ещё не успела покрыться глубоким слоем снега. Однако возникли проблемы. Ввиду снежной бури, накрывшей восточную часть Вологодской области в начале ноября 2019 года, на территории выпала едва ли не месячная норма осадков в виде мокрого снега. Были нарушены коммуникации, некоторые населённые пункты оказались обесточены. В дальнейшем погода также не радовала команду проекта, и провести экспедицию в условиях ноября не представлялось возможным. Работа была перенесена на весну.

В зимнее время шла активная работа над модернизацией творческого пространства «АнтреСоль». Созданное в 2016 году пространство испытывало нехватку витрин, ввиду чего слабо использовались возможности экспозиционного показа; кроме того, экскурсоводам сложно было объяснять «на пальцах», как с технической точки зрения был организован солеваренный процесс в Тотьме.

В результате работ, проведённых зимой и весной 2020 года, в «АнтреСоли» появился интерактивный макет Старого Усолья, изготовленный в Нижнем Новгороде и демонстрирующий в движении все этапы производства соли: от вытягивания бадьи с рассолом из колодца до отправки соли на склад. Кроме того, в пространстве появилось новое освещение, заменена мебель, был перемещён экран, закуплен новый удобный проектор с крепежом к потолку. Появилось интересное экспозиционное оборудование – стеклянные витрины, повторяющие форму варниц, а также интерактивный игровой стол. Обновлённое пространство открылось к маю 2020 года.

С наступлением тепла нужно было возобновлять экспедиционные планы, однако ввиду начавшейся пандемии коронавирусной инфекции первоначальный замысел пришлось вновь корректировать. В экспедицию без находящихся на карантине школьников

Макет производства соли на тотемских варницах «от трубы до амбара». Нижний Новгород, 2020. Творческое пространство «АнтреСоль» ТМО

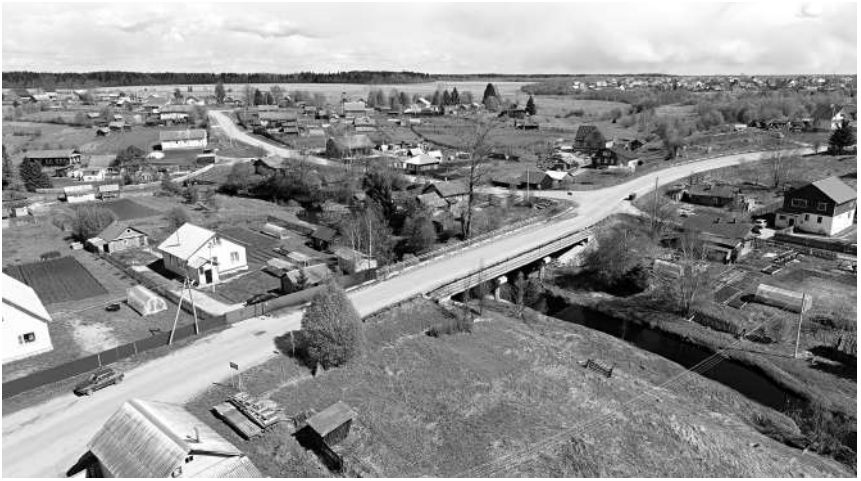
Творческое пространство «АнтреСоль» в музейно-выставочном центре ТМО с новыми витринами, мебелью и техникой

отправились сотрудники музея и волонтёры, с соблюдением всех ограничительных мер, действовавших на тот момент. Предстояло решить, в какой части Варниц – на Старом или Новом Усолье – будет располагаться оборудованный для посетителей пешеходный маршрут с подходом к трубам. Значительная географическая удалённость двух Усолий друг от друга и ограниченная сумма финансирования не позволяли производить работы в двух местах одновременно.

После обследования территории было выявлено, что территория Нового Усолья находится в запустении, а ведущая к нему от улицы Воскресенской деревни Варницы грунтовая дорога сильно размыта весенними дождями и практически не пригодна к проезду в межсезонье. Кроме того, ландшафт местности сильно испорчен бесконтрольно разросшимися кустами и замусоренными «местами отдыха» с покосившимися беседками. Кроме того, на поверхности было обнаружено только две не слишком аттрактивных трубы, подход к которым затруднял крутой обрыв реки Ковда. Из положительных моментов можно было отметить лишь отсутствие застройки. Было ясно, что с точки зрения перспективы археологических исследований Новое Усолье более интересно и ценно, однако для его освоения требовались совсем другое время и совсем другие деньги.

Потому было принято решение работы по гранту проводить в районе Старого Усолья, чему способствовали следующие факторы: прямая транспортная доступность по дороге с твёрдым покрытием; живописный ландшафт местности с реками Ковдой, Ляпунихой, Солонухой и естественной возвышенностью над ними – Хоробардиной горой; наличие архитектурной доминанты, хорошо просматривающейся с любой точки территории (Воскресенской церкви); наличие как минимум 3 аттрактивных труб, известных участникам экспедиции ранее. Благодаря общению с местными жителями и неоценимой помощи председателя Тотемского районного совета ветеранов Т. Б. Лысановой удалось выявить ещё 2 рассолоподъёмные трубы и нанести их на карту. В ходе первой экспедиции также была осуществлена аэрофотосъёмка местности с квадрокоптера. На основе съёмки сотрудниками фонда «Соль Земли» и музея был составлен оптимальный пешеходный маршрут по Старому Усолью: от церкви – к остаткам сада купцов-солевладельцев Кокоревых и с ответвлением к пешеходному мосту через р. Ковда вдоль озерца.

Маршрут имел как очевидные плюсы (возможность обойти все наиболее значимые трубы в районе старого Усолья, отсутствие

Территория Старого Усолья до проведённых работ. Май 2020 года. Вид с БПЛА

захода на территории жилых домов и участков), так и минусы (нахождение 4 труб прямо в русле реки Ковды и зависимость от уровня воды, общая неустроенность, захламлённость местности). Но главной проблемой стал фактор того, что все трубы находились в непосредственной близости от незастроенного участка непонятной принадлежности. Все работы по формированию маршрута могли бы рассыпаться прахом, если бы объявились владельцы и стали застраивать территорию.

Требовалось действовать без промедления. Директор фонда «Соль Земли» З. В. Селебинко провела работу по установлению владельца, и в кратчайшие сроки благодаря конструктивной позиции собственника участок был приобретён и спасён от диссонирующей застройки. Появившаяся у команды проекта земля в самом сердце Старого Усолья позволила дать старт началу работ по оформлению пешеходного маршрута, который было решено воплощать в дереве как наиболее аутентичном для территории сользавода материале. За работу взялась команда ООО «Тотьмастрой» под руководством С. В. Добрынина.

Обнаруженные рассолоподъёмные трубы требовали идентификации. Поскольку никаких подробных карт Усолий до настоящего времени не выявлено, довольно быстро стало понятно: старые названия труб (такие, как Дедиха, Евгеньевская, Александровская), упомянутые в работе Д. А. Григорова, соотнести с нынешними

трубами невозможно. Потому было принято решение до обнаружения достоверных источников дать сохранённым трубам новые названия. Самая аттрактивная труба, над которой вплоть до 1970-х гг. работал питьевой бювет тотемского курорта, получила название ***Курортная***. Колоритная труба в русле реки Ковды, состоящая из двух колод разного диаметра, по совету М. Е. Ворожейкиной стала называться ***Двухколонной***. Единственная находящаяся на суше труба благодаря своему расположению рядом с рекой Солонухой получила название ***Солонушная***. Слабо угадывающаяся в воде, незначительно выступающая краем над дном реки Ковды труба стала называться ***Саблинской*** в честь Семёна Саблина, трубного мастера из Тотьмы, создавшего первый известный нам документ по глубинному бурению скважин – «Роспись о том, как зачать делать новыя трубы на новом месте». Наконец, труба, расположенная в русле реки Ковды под автодорожным мостом, заменившим собой старый Суморинский, получила название ***Суморинская***.

Проект пешеходного маршрута неоднократно подвергался корректировке. Так, с наступлением тёплого сезона выяснилось, что территория вдоль правого берега Ковды между рекой и озерцом сильно зарастает и не косится. Прокладка там мостков была возможна, но это, во-первых, существенно удорожало проект, а, во-вторых, не имело особой значимости, поскольку в данном районе трубы не были найдены. К тому же к имеющемуся в конце маршрута симпатичному пешеходному мосту через р. Ковда можно было пройти круговым путём через территорию деревни Галицкая.

Кроме того, стало понятно, что пешеходный путь по склону Хоробардиной горы требует благоустройства: ступеней, перил, удобного подхода. Было принято решение устроить в данном месте лестницу, для чего заявиться в конкурс проектов по программе Губернатора Вологодской области «Народный бюджет». Заявка Администрацией сельского поселения Пятовское была отправлена, но результаты конкурсного отбора на момент написания статьи ещё не известны.

Ещё одной проблемой стала тесная застройка местности бывшего сользавода и наличие диссонирующих построек, затруднявших восприятие панорам. В плохом состоянии до сей поры находится деревянный дом по улице Воскресенской, 32, крыша которого провалилась и зияет пустотами при взгляде на храм с территории Старого Усолья. Другой вопрос удалось решить. Вид от Курортной трубы на новый пешеходный мост через Ковду портил ржавый гараж. С согласия и одобрения местного жителя –

владельца постройки, команда проекта пригласила преподавателей Петровской детской художественной школы Ольгу Богданову и Анну Полысаеву, и на этом гараже они изобразили вид Тотемского сользавода, каким он мог быть несколько столетий назад. Сам владелец гаража также внёс вклад в хорошее дело, отремонтировав крышу.

Когда во время экспедиции сотрудников ТМО на Варницы было выявлено наличие рассолоподъёмной трубы под автодорожным мостом через реку Ковда, пришлось задуматься над тем, как водить туда гостей: укрепляющие стенки моста были испорчены разного рода надписями. На помощь пришли ребята из творческой студии «Who?», которые под руководством Светланы Немировой выполнили на опорах насыпи рисунки, связанные с соляной тематикой. Кроме того, часть опор моста также была расписана ребятами в той же стилистике. Это позволило представителям молодёжных аудиторий также принять участие в проекте и проникнуться атмосферой исторической местности. Самые активные представители творческой молодежи были отмечены благодарностями и подарочными сертификатами: Артём Ерыкалов, Юрий Коптелков, Олег Субботин, Римма Алексеева, Никита Струговщиков, Арина Карагодина.

При организации подхода к трубам пришлось учитывать разницу в высоте берегов реки Ковды: правый находится на значительном возвышении и не затапливается, тогда как левый представляет собой низкую болотистую пойму, заливаемую водой не только в половодье, но и после продолжительных дождей. Деревянные тротуары, проложенные по левому берегу, пришлось закреплять металлическими опорами, а подходы к трубам максимально обеспечивать с правого берега через систему лестниц к двум трубам – Суморинской и Курортной. Для осмотра Двухколонной трубы, к которой невозможно было подобраться с правого берега ввиду наличия на нём частного домовладения, на левом берегу пришлось соорудить смотровую площадку в виде помоста.

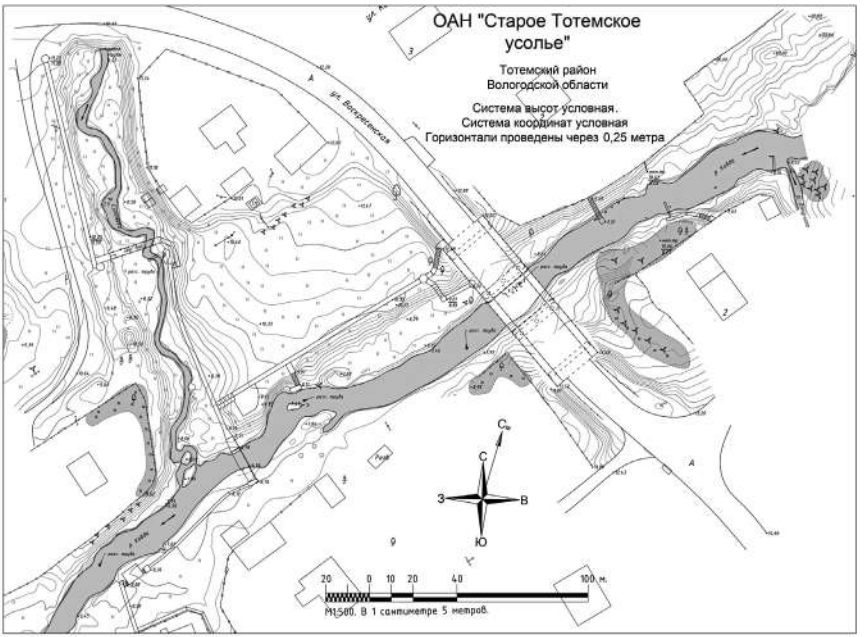
По правому берегу деревянные тротуары прошли по краю возвышенности, образованной естественным подъёмом местности, оставив нетронутой небольшую пойму. На спусках к ней было оборудовано две лестницы: к площадке под автодорожным мостом для осмотра Суморинской и Саблинской труб и к изготовленной заново площадке для осмотра Курортной трубы. Также на правом берегу была сформирована большая смотровая площадка.

Пешеходный маршрут по территории Старого Усолья. Сентябрь 2020 года. Вид с БПЛА

С точки зрения конструктива самыми сложными сооружениями стали мосты через Солонуху и Ковду. В случае с Солонухой был установлен обычный деревянный мостовой переход на деревянных бревенчатых опорах с металлическими перилами. При строительстве моста через Ковду, учитывая видовую точку, было принято решение задействовать более сложный вариант моста по проекту, предложенному жителем города Тотьмы Э. В. Афанасьевым. Мост оказался будто бы «парящим» над рекой благодаря оригинальной конструкции из брёвен.

Но самым важным итогом первого этапа развития проекта стоит считать продолжение археологических работ по изучению Старого Усолья. Спустя два десятка лет в Тотьму вернулась исследователь истории солепромышленного наследия России, археолог Мария Ворожейкина. Вместе с коллегой Валерием Шабуниным она сначала осуществила топосъёмку местности, результатом которой стал топоплан будущего объекта археологического наследия «Старое Тотемское Усолье». Затем в партнёрстве с ООО «Древности Севера» была осуществлена археологическая разведка. В ходе выполнения натурных работ на местности было заложено 11 шурфов, выполнено два раскрытия инженерных сооружений

Топографический план Старого Усолья.
Авторы – Шабунин В. П., Ворожейкина М. Е.

(рассолоподъемные трубы) и одна зачистка берега. Результаты не замедлили ждать.

В зарослях ивняка на левом берегу Ковды (северо-восточнее созданного пешеходного маршрута и «Суморинского» автодорожного моста) за домом № 4 по набережной реки Ковды деревни Варницы была выявлена новая вертикально установленная деревянная рассолоподъемная труба. На место её расположения указал местный житель Александр Курицын, дед которого, по его словам, пользовался в лечебных целях сероводородной водой, вытекающей из деревянной колоды у самого берега реки, и ухаживал за ней, предотвращая ее зарастание и замывание рекой и паводками. Трубу было решено назвать ***Дедовской***.

М. Е. Ворожейкина так рассказывает о находке: *«После выпилки ивняка было проведено раскрытие грунта, в ходе которого был обнаружен верхний обрез самой рассолоподъемной трубы. Труба, как показал осмотр верхней, раскрытой ее части, изготовлена в технике «открытой выборки древесины» (подобно тому, как изготовлялись*

Дедовская труба в д. Варницы, обнаруженная в ходе археологической разведки

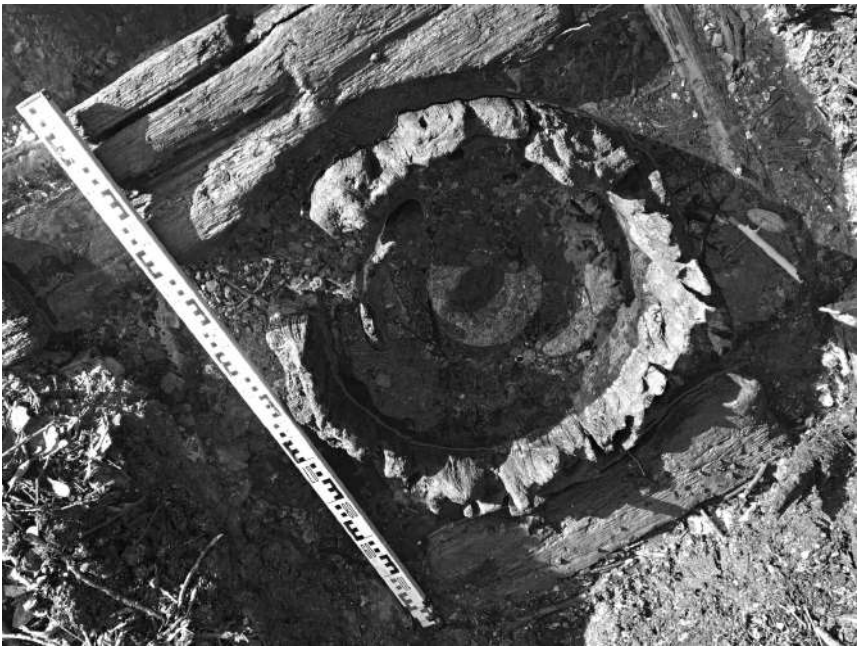
долбленые лодки-однодревки), а не в технике сверления, как большинство выявляемых рассолоподъемных труб. Это может косвенно указывать на ее ранний характер. Со стенки трубы взят спил для проведения последующего дендрохронологического анализа»[532].

После расчистки канала из трубы начала поступать минеральная соленая вода с явным запахом сероводорода. В настоящее время Тотемское музейное объединение провело консервацию данного колодца на зимний период.

Благодаря ещё одному указанию Александра Курицына, севернее основной территории Усолья (примерно в 1 км по прямой), на правом берегу Ковды напротив деревни Большая Семёновская[533] были выявлены остатки мощной деревянной постройки срубного типа и верхний обрез ещё одной рассолоподъемной трубы трёх-

[532] Ворожейкина М.Е. Отчёт о проведении натурных археологических исследований (разведки) на территории Старого Тотемского Усолья (Пятовское сельское поселение Тотемского р-на Вологодской области). Научный архив ТМО.

[533] Ориентировочные координаты: 60.001096, 42.749772.

Трёхколонная труба напротив д. Большая Семёновская, обнаруженная в ходе археологической разведки

колонной конструкции. Подобные конструкции применялись при бурении на рассолы на большие глубины. Остатки конструкции, окружающей трубу, изготовлены из бревен; сооружение имеет промысловое значение и тесно связано с конструкцией трубы. По всей вероятности, это остаток нижней части рассолоподъёмной башни. ***Трёхколонная*** труба сейчас является самой, пожалуй, интересной из выявленных с технической точки зрения.

В ходе визуального осмотра территории Усолья в осыпи правого берега реки Ковды были также выявлены концы бревен, выходящих в сторону реки из толщи берега. В ходе зачистки был выявлен торец сооружения, представляющего собой укрепленную бревенчатыми стенками траншею, просвет которой на данный момент забит коричневой глиной. Есть предположения, что это поддувальный коридор для обеспечения тяги в топку солеваренной печи, как в усолье Нёнокса, и одновременно возможности сброса жидких отходов солеварения от варницы в реку. Также в

ходе работ был обнаружен деревянный столб (обтесанное бревно) средней степени сохранности. Вероятно, это часть столба для подвешивания цренов.

На выкупленном участке близ впадения реки Солонухи в реку Ковду были проведены магнитометрические и георадарные исследования, показавшие большую вероятность наличия в существующем слое земли остатков солеваренной печи и железной сковороды для выпарки соли. Раскопки на этом участке планируется осуществить в 2021 году.

М. Е. Ворожейкина резюмировала в отчёте по итогам проведённых на Старом Усолье работ: *«На территории деревни Варницы и участках прилегающих к ней территорий выявлен объект археологического наследия, связанный со средневековым солеваренным промыслом. Памятник относится к типу производственных археологических объектов (тип производства – солеварение), имеет специфический культурный слой мощностью (более 2 м), обладает характерной, местами сложной стратиграфией и содержит огромное количество остатков конструкций и инженерных сооружений и производственных отходов, относящихся к периоду солеваренного производства»*[534].

Благодаря проведённым работам по археологической разведке стало также ясно, что границы промысловой зоны Старого Усолья несколько шире, чем сотрудники музея представляли до начала работ. Кроме того, «ядро» бывшего сользавода, судя по всему, находится скорее не в районе впадения р. Солонухи в р. Ковда, как предполагалось изначально, а северо-восточнее, в районе «Суморинского» моста и дома № 2 по ул. Кокаревский Сад деревни Варницы. Наличие незастроенных участков за этим домом и за домом № 4 по той же улице, а также вдоль берегов реки Ковды даёт шансы на дальнейшее археологическое изучение местности.

В настоящее время составлен пакет документов для передачи в органы охраны памятников Вологодской области для постановки на государственную охрану выявленного объекта культурного (археологического) наследия народов РФ «Старое Тотемское Усолье».

Завершающим этапом работ 2020 года стало деревянное ограждение территории пешеходного маршрута сплошным забором с установленными по его периметру декоративными светиль-

---

[534] Ворожейкина М. Е. Отчёт о проведении натурных археологических исследований (разведки) на территории Старого Тотемского Усолья (Пятовское сельское поселение Тотемского р-на Вологодской области). Научный архив ТМО.

Освещение экскурсионного маршрута в д. Варницы в ночное время

никами. Администрация сельского поселения Пятовское оказала поддержку в присоединении светильников к сети уличного освещения деревни Варницы, и в настоящее время маршрут красиво освещается в вечернее и ночное время. Части маршрута получили названия, официально в топонимике сельского поселения Пятовское пока не закреплённые: набережная Солеваров (вдоль р. Ковда), набережная реки Солонухи (вдоль р. Солонуха), Строгановский пешеходный мост (через р. Ковда). Установлены аншлаги с данными наименованиями. Информационные таблички появились у каждой из пяти труб маршрута, а также у Суморинского и Галицкого мостов, устья реки Солонухи, озера, на месте находки в 2015 году рассолоподъемной трубы, перевезенной в «Соляной дворик».

Стоит отметить, что важным фактором успеха проекта стало положительное отношение к нему местных жителей. Проводя нить пешеходного маршрута по району интенсивной малоэтажной застройки, сотрудники музея были обеспокоены возможной негативной реакцией местных жителей, которые имели возможность жить спокойно, а будут вынуждены мириться с фактом создания вдоль их заборов общественного пространства для прогулок. Однако местные жители проявили живую заинтересованность в ходе проекта, помогали музейщикам, были вовлечены в работу археологов. Особую благодарность хотелось бы выразить семьям

Вишняковых, Лысановых, Курицыных, Надымовых, Прокошевых. К сожалению, один из местных жителей, помогавший команде проекта – Иван Иванович Надымов, староста деревни Варницы – в декабре 2020 года ушёл из жизни.

Вместе с работами по обустройству пешеходного маршрута произошли другие значимые изменения для жителей Варниц. Летом 2020 года вся дорога, ведущая от улицы Загородной г. Тотьмы к деревне Галицкой на Усолье (более 2 километров протяжённости), получила новое асфальтовое покрытие. В очередной раз возобновились работы по приведению в порядок Воскресенской церкви, на сей раз проводимые под эгидой православного прихода. На территории близ Нового Усолья благодаря содействию сельской администрации удалось снести бесхозную замусоренную беседку, расположенную на месте старого Богословского кладбища и использовавшуюся для распития спиртных напитков. На месте беседки планируется в 2021 году поставить памятный крест, свидетельствующий о существовании ранее на этом месте храма Иоанна Богослова на Ковде, а также о множественных захоронениях тотьмичей на Богословском кладбище.

Параллельно с работами на Варницах шло благоустройство и «соляного дворика» краеведческого музея в Тотьме. Была обустроена уличная печь для демонстрации процессов выпаривания соли, железный црен поставлен под навес, приобретены новые витрины, в которых демонстрируются кирпичи от соляных печей, подаренные музею И. И. Надымовым. Территория дворика обнесена новым деревянным забором и освещена. С 2021 года «Соляной дворик» стал доступным для посещения не только экскурсионными группами, но и всеми посетителями краеведческого музея.

Все три пространства – Старое Усолье на Варницах, соляной дворик краеведческого музея и творческое пространство «АнтреСоль» музейно-выставочного центра – получили информационные стенды в единой стилистике. Кроме того, данные три объекта вместе с сохранившимся до наших дней соляным складом в Тотьме составили «Соляной маршрут», закреплённый в специально выпущенном бесплатном буклете для туристов. Сейчас гость Тотьмы может совершить путешествие по всем точкам маршрута хоть самостоятельно, хоть в сопровождении экскурсовода.

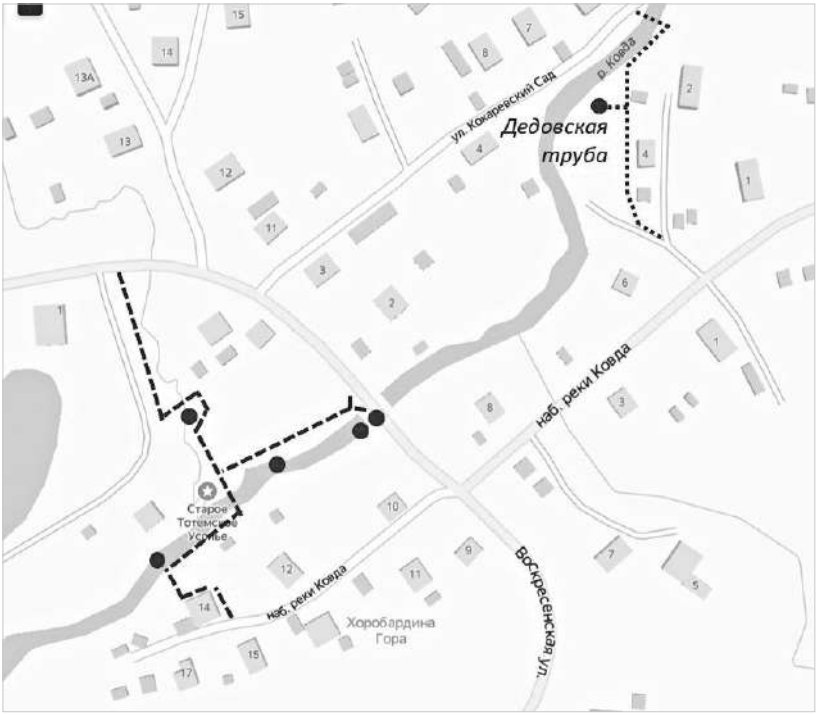
Экскурсия по территории Старого Усолья разработана автором данных строк в августе 2020 года. Непосредственно работу на маршруте обеспечивают экскурсоводы ТМО Наталья Коренева и Светлана Кузнецова (они же проводят экскурсии и по «соляному

Территория «Соляного дворика» после проведённых работ

дворику»), а также гид ТО «ТотьмаТур» Татьяна Наумова. Планировалось, что маршрут по Усолью будет сезонным, поскольку в зимний период ввиду замерзания рек видно только одну трубу – Солонушную. Однако интерес к реновированной территории оказался существенным, а благодаря администрации сельского поселения Пятовское удалось положительно решить вопрос с очисткой снега. В новогодние каникулы 2021 года музеем было проведено 5 экскурсий по Усолью для 71 человека. Экскурсии и мастер-классы в творческом пространстве «АнтреСоль» проводятся сотрудниками ТМО Александрой Гросс, Светланой Немировой и Марией Правдиной.

Таким образом, можно констатировать, что первый опыт обращения к ревитализации исторической территории, с одной стороны, оказался достаточно успешным, с другой – поставил множество вопросов, которые требуют дальнейших решений (и это если ещё оставлять за скобками всяческие возможные работы на Новом Усолье). Во-первых, созданный на Варницах маршрут по Старому Усолью требует наличия дополнительной инфраструктуры – в частности, крытых помещений для размещения там гостей

Существующий (крупная штриховка) и планируемый (мелкая штриховка) маршруты по Старому Усолью на карте. Кружками показаны существующие трубы

в случае неблагоприятных погодных условий, а также для проведения каких-то дополнительных форм активности (например, мастер-классов). Нужно хотя бы место, где возможно оставить инвентарь – сейчас сотрудников музея поддерживают местные жители, в хозпостройках которых содержатся лопаты для уборки снега и некоторые другие нужные вещи. Во-вторых, требуется включить в маршрут новую Дедовскую трубу и таким образом закольцевать пешеходный маршрут – а для этого требуется прокладка еще одной ветки деревянных тротуаров и строительство ещё одного моста через Ковду в районе дома № 6 по улице Кокаревский Сад. В-третьих, остаётся актуальным вопрос о том, как демонстрировать Трёхколонную трубу – к ней существует только пеший путь через поле, и он в сырую погоду плохо доступен. Наконец, следует

осуществить уже не археологическую разведку, а полноценные раскопки, которых территория Старого Усолья никогда не видела.

Сплочённость существующей команды, работающей над ревитализацией солепромышленного наследия, радует и даёт надежды на дальнейшее развитие. Когда писалась данная статья, стало известно, что Фонд президентских грантов поддержал проект «Труба зовёт-2: новая жизнь Старого Усолья», написанный теми же авторами. Объём финансирования нового проекта также составит 3 миллиона рублей, но практически все эти средства на сей раз должны остаться в деревне Варницы. В историческом центре промышленной зоны на приобретённом участке будет заложен раскоп, в результате которого археологи получат уточнённую информацию о солеваренном промысле в Тотьме и особенностях его развития. Рядом с раскопом будет строиться стилизованная варница, также появится амбар – помещение, где можно будет принимать тургруппы и проводить мероприятия. Будет реконструирован старинный колодец-«журавль», с помощью которого поднимали бадьи с рассолом. Завершающим этапом работ в 2021 году должно стать издание книги, в которой под одной обложкой планируется собрать имеющиеся в архивном фонде музея документы и материалы, посвящённые истории тотемского солеварения.

Марина Николаевна Кошелева,
член Союза писателей России, директор АНО «Бирюзовый дом»,
с. Никольское, Тотемский район, Вологодская область

ДОМ НА КАМЕННЫХ СТОЛБАХ: ОТ БАРАКА – К МУЗЕЮ

6 января 2021 года в селе Никольском Тотемского района Вологодской области открылся мемориальный и литературно-художественный музей «Журавли». Музей создан москвичками Мариной и Александрой Кошелевыми в деревянном здании постройки конца XIX века. История «Дома на каменных столбах» в культурно-историческом ландшафте местности «Толшма» дает возможности для изучения отечественной культуры и сохранения памяти об укреплявших ее людях. Изучение проходит через погружение в мир поэта Николая Рубцова и фотохудожника Андрея Кошелева, а также изучение пространства, названного историком Василием Ключевским «Заволжская Фиваида». Одна из интереснейших частиц этого пространства – «Дом на каменных столбах».

От «барака» земской больницы – к экспедиционной базе и творческой лаборатории

Развернутые сведения о здании XIX века, входящем в комплекс Никольской земской больницы в качестве инфекционного «барака» (ил. 1), в XXI веке были впервые опубликованы в 2016 году в брошюре «Заволжская Фиваида». В основу публикации положен архивный документ 1896 года – «Ведомость о зданиях Тотемской уездной земской больницы в селе Никольском, застрахованных в Вологодском Губернском земстве». Упомянутое строение описывалось так: *«Деревянная одноэтажная постройка для бараков, приспособленная для помещения больных и в зимнее время,* ***на каменных столбах****, покрытая тесом, длиною 5 1/3 саж. и шириною 3 саж. 1 1/2 арш. с прирубленным крыльцом, также покрытым тесом»*. Постройка оценивалась в 600 рублей. «Каменными столбами» назывались местные валуны ледникового происхождения. Они ставились по углам дома для усиления устойчивости. Важно отметить, что основное здание больницы (ил. 1, поз. 2), построенное в 1886 году, оценивалось по этой же ведомости в сумму на порядок выше – 6500 рублей. Из того же документа видно, что на территории больничного городка находились также: флигель для размещения кухни

1. Дом на каменных столбах (слева внизу под цифрой 1). Фото А. Бородулина

и квартир для врача и фельдшера (3600 руб.), часовня (150 руб.), амбар с погребом (300 руб.) и баня с прачечной (300 руб.).

Несмотря на внушительный состав больничного комплекса, условия для лечения больных оставляли желать лучшего. Об этом говорит доклад земского врача Н. М. Шохиной,[535] рассмотренный 2 сентября 1903 года на Тотемском земском врачебном совете. После серьезной критики недостатков основного здания больницы, врач дала характеристику «бараку», состоящему «из двух палат и центрального коридора»: *«1. Ванны нет, 2. Клозета нет, 3. Водопроводов нет, 4. Комнаты для прислуги нет. Больничный двор мал, тесен, обнесен хозяйственными службами и завален дровами»*.

Такая оценка означала, что «барак» оказался не приспособленным для своего основного назначения. Встала задача постройки нового здания – с «ванной, клозетом и водопроводом», по образцу того, что находился в Леденгской земской больнице.

В 1912 году Тотемское Уездное Земское Собрание одобрило представленный Управой проект нового здания барака и смету на его изготовление в сумме, соизмеримой со стоимостью основного здания больницы – 6692 руб. 95 коп. Предполагалось, что одну половину денег внесет Уездное Земство и вторую половину – Губернское. Однако по состоянию на 1914 год и Вологда, и Тотьма внесли только по 1000 руб. Общей суммы – 2000 руб – хватило лишь на закупку материалов. На Собрании созыва 1914 года[536] было предложено оставшуюся сумму – 4692 руб. – заложить в смету 1915 года. Предполагалось, что вносимые деньги будут разделены поровну между Тотьмой и Вологдой.

Предположение о том, что новое здание было построено, хотя *«когда точно было завершено строительство, установить пока не удалось»*,[537] представляется не достаточно обоснованным. На наш взгляд, строительство нового барака, несмотря на приобретение материалов, так и не начиналось. В 1914 в селе Никольском по-прежнему функционировал барак постройки XIX века, и даже были попытки использовать его для размещения больных дизентерией. Однако, по свидетельству никольского врача,[538] *«во многих случаях*

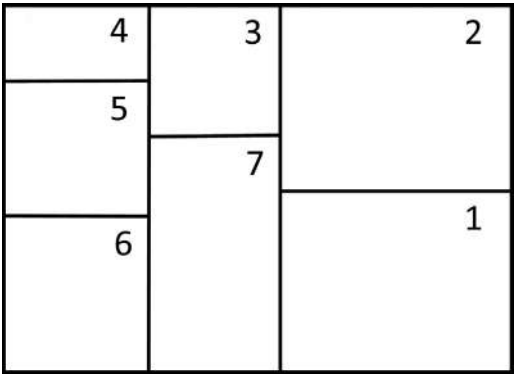
---

[535] Тотемское уездное земское собрание. Журналы Тотемского уездного земского собрания созыва 1903 года.– Вологда: тип-я В. А. Гудкова-Белякова. С. 387.

[536] Тотемское уездное земское собрание. Журналы Тотемского уездного земского собрания созыва 1914 года.– Вологда: тип-я В. А. Гудкова-Белякова. С. 489–490.

[537] Мартюкова Г. А. История Никольской земской больницы. // Толшма: краеведческий альманах.– Архангельск, 2017. С. 229.

[538] Тотемское уездное земское собрание. Журналы Тотемского уездного земского собрания созыва 1914 года.– Вологда: тип-я В. А. Гудкова-Белякова. С. 489–490.

2. Планировка барака Земской больницы в селе Никольском (2013 г.)

больные или совершенно отказывались лечь в существующий барак, или же, согласившись, на другой день решительно требовали выписать их». Так была ли постройка нового здания?

Размеры дома «на каменных столбах» в Ведомости страхования от 1896 года совпадают с размерами левой половины здания, зафиксированными на планировке (ил. 2) кадастрового паспорта XXI столетия. На этой планировке хорошо просматривается упомянутый Н. М. Шохиной «центральный коридор», проходящий через нынешние помещения 3 и 7. Стены этого коридора, судя по фотографии 2016 года (ил. 3), сделанные между дверьми в помещения 4 и 5, сохранились и до настоящего времени.

Что касается проблемы «ванны нет, клозета нет, водопровода нет», то следует признать, что «клозет» в XX веке, уже в советское время, был создан в помещении 4. Водопровод, предусмотренный проектом нового здания барака, до XXI века так и не появился. Этот факт в сочетании с сохранностью «центрального коридора» говорит о том, что дом кардинально не перестраивался. По всей видимости, война 1914 года внесла свои поправки в

3. Фрагмент стены коридора 7 между комнатами 5 и 6 (2016 г.)

бюджеты земских собраний. К тому же очень скоро все земство – волостное, уездное и губернское – было сметено революционным вихрем. А «дом на каменных столбах» остался.

Можно предположить, что часть заготовленных материалов ушла на строительство второй половины здания ил. 1, в котором в настоящее время располагается магазин. Несмотря на отсутствие водопровода, «барак» и в советское время использовался как инфекционное задние больницы. После того, как в 1971 году больница была заменена на фельдшерско-акушерский пункт, в доме устроили интернат для школьников из окрестных деревень. В будни они учились в Никольской школе, а на выходные и в праздники возвращались в родные места к родителям. Под интернат был передан не только комплекс никольской больницы, но и соединенные с ним березовой рощей здания XIX столетия – Волостного Правления и Земского училища (ил. 1). В длинном «центральном коридоре» бывшего «барака», завершавшемся окном, для детей были установлены столы для выполнения домашних заданий. В комнате 5 размещался воспитатель. В комнатах 1, 2 и 6 жили мальчики. Девочки размещались во второй половине здания.

Когда толшменские деревни были объявлены «неперспективными», дома были перемещены на центральную усадьбу и надобность в интернате отпала. Дом «на каменных столбах» тридцать лет пустовал. К концу нулевых годов в нем разместилась контора сельскохозяйственного предприятия. «Клозет» переместился в торец пристройки, сделанной на месте бывшего «прирубного крыльца». На его прежнем месте в помещении 4 разместили архив. В комнате 1 обосновался председатель правления, в комнатах 5 и 6 работали агрономы и зоотехники, в комнате 2 разместилась бухгалтерия. «Центральный коридор» был рассечен на две части. Его единственное окно оказалось в кассе, оснащенной сейфом и бронированной дверью.

После 2010 года, когда сельскохозяйственное предприятие обанкротилось, здание опустело. Вскоре в другой половине дома разместился магазин. Более старая половина, постройки XIX века (ил. 1), была куплена в 2013 году семьей москвичей Кошелевых. Создатели АНО «Бирюзовый дом» (Москва, 2009 г.) начали формировать в своем доме музейно-выставочный центр «Бирюзовый дом». Дом Кошелевых стал на Толшме экспедиционной базой и творческой лабораторией. Кульминационное событие – получение

4. Здание земской больницы. Фото А. Кошелева

в 2018 году Президентского гранта на проект «Звезда полей Николая Рубцова: живые уроки на Толшме», получивший в 2018 году Президентский грант. Проект был успешно реализован.

После ухода из жизни фотохудожника Андрея Васильевича Кошелева (22.12.1948 – 03.07.2019) остро встала проблема сохранения богатейших фотоархивов мастера и коллекций, собранных семьей Кошелевых в период с 1974 по 2020 годы, их описания, изучения и создания на их основе новых культурно-просветительских программ АНО «Бирюзовый дом». Поэтому было принято решение о создании мемориального и литературно-художественного музея «Журавли».

В 2020 году семья Кошелевых провела реконструкцию помещений дома. В «Центральном коридоре» дома разместился выставочный зал и библиотека. В рабочем кабинете фотохудожника А. В. Кошелева была создана мемориальная экспозиция, отражающая его жизнь и творчество. В литературной гостиной (2) появился «Стол-корабль» и экспозиция «Я слышу звон». В холодной пристройке дома сформировано пространство «Этно-Эксп». Была проведена также реконструкция жилых помещений дома (3, 4, 6) и гостевой комнаты (1). 6 января 2021 года состоялось открытие музея «Журавли». Его первыми гостями стали участники

IV межрегионального фестиваля колокольной музыки «Рождественский благовест» и местные жители.

«Окунись, душа, в чистую волну!»

В Рубцовской строчке буклета «Журавли» коротко отразилась миссия музея. Музей «Журавли» предназначен для погружения в мир поэта Николая Рубцова и фотохудожника Андрея Кошелева и изучение пространства, названного историком Василием Ключевским «Заволжская Фиваида».

Пространство музея «Журавли» охватывает не только помещения «Дома на каменных столбах», но и музейные площадки: «Палисадник», «Огород» и «Рубцовский камень». «Живые уроки» музея «Журавли» будут проводиться также на разработанных Андреем Кошелевым прогулочных маршрутах: «По плесам и перекатам Толшмы» («Жемчужины Камешкурья») и «По лягам к Серому камню».

Предусматривается также совместная деятельность на площадках партнеров на Нижней, Средней и Верхней Толшме. В интернет-пространстве деятельность музея «Журавли» отражается в одноименной группе в Facebook и в группе «Бирюзовый дом» в социальной сети «ВКонтакте».

Миссию музея «Журавли» предполагается проводить через три блока культурно-просветительских программ, реализуемых на основе музейных фондов: «Заволжская Фиваида», «Рубцов в диалоге с людьми и территориями» и «Жизнь и творчество фотохудожника А. В. Кошелева».

Слово о Мастере

Предметы, раскрывающие жизнь и творчество фотохудожника Андрея Васильевича Кошелева (22.12.1948–03.07.2019), есть во всех помещениях созданного им «Бирюзового дома», включая гостевую комнату (ил. 5, ил. 6). Будучи автором дизайн-проекта, Андрей Васильевич собственноручно воплотил его в интерьере – обшил стены, изготовил мебель и провёл электричество.

Благодаря предметам, находящимся в мемориальной комнате А. В. Кошелева (фотографии, дневники, мемориальные предметы, книги, автографы, аудио- и видеозаписи, подарки), можно узнать, что еще в юности Андрей Васильевич соединил свою профессиональную деятельность в НИИ радиосвязи с увлечением туризмом

5. Андрей Кошелев – создатель гостевой комнаты (2016 г.)

6. Гостевая комната музея «Журавли»

и фотографией. Впоследствии он освоил профессии звукооператора, технического редактора газеты и художника-оформителя музея.

Туризм, бардовская песня и фотография в интерпретациях Андрея Кошелева произвели в 1974 году неизгладимое впечатление на студентку московского института стали и сплавов Марину Урову. 14 августа 1975 года Андрей и Марина зарегистрировали брак в Москве и на следующий день вылетели на Рудный Алтай, где прошли детские и отроческие годы Марины.

За 25 лет путешествий супругов Кошелевых по России – Подмосковье, Золотое Кольцо, Байкал, Алтай, Русский Север – сформировался их обширный фотоархив. Фотографии печатались в книгах и журналах, экспонировались на выставках. В 1998 году супруги Кошелевы выпустили черно-белый фотоальбом «Фотосюита на стихи Николая Рубцова». В 2002 году они привезли этот фотоальбом в рубцовскую Николу, а годом позднее они получили статус «фотолетописцев рубцовских чтений». Так начался московско-вологодский период жизни Андрея и Марины Кошелевых.

Рубцов в диалоге с людьми и территориями

Знакомство с Андреем Кошелевым совпало у его будущей супруги Марины с поездкой в 1974 году в Вологду. Там ее тетушка Мария Анисимовна Урова, учительница, жена вологодского художника Константина Воробьева, подарила ей книгу «Зеленые цветы». Автор – сосед по двору Николай Рубцов. «Жил человек неправильно,– заметила тетушка,– а стихи написал душевные». Марина открыла книгу, и тут же – «мороз по коже»: «Взбегу на холм и упаду в траву...». Вот так сосед! Через 40 лет эта строчка окажется высеченной на «Рубцовском камне», установленном на «Церковной горе» села Никольского.

Пытаясь понять, почему человек «жил неправильно», Марина не один десяток лет шла вместе с супругом по рубцовским местам России и встречалась с людьми, знавшими поэта лично. Одновременно Кошелевы изучали жизнь и творчество «собеседников» Рубцова – предшественников и современников. Так родилась коллекция Андрея и Марины Кошелевых «Рубцов в диалоге с людьми и территориями»: фотографии, книги, автографы, рукописи, оригиналы художественных полотен. Часть коллекции воплотилась в

статьях в газетах «Российский писатель», «Красный Север», «Сорок один», «Тотемские вести», журналах «Вологодский лад», «Пятницкий бульвар», «Встреча. Культурно-просветительская работа», передвижной фотовыставке «Что вспомню я? Фотосюиты на стихи Николая Рубцова» (2006), книгах: «Рубцов и Бунин. Пересечение судеб лирических героев» (2008), «У лебединых перепутий. Вытегорье поэта Николая Клюева» (2009), «Что вспомню я? Фотосюиты на стихи Николая Рубцова» (2011).

Важную особенность книг Кошелевых отметил наблюдавший за их деятельностью поэт и журналист Владимир Кудрявцев. В рецензии на книгу «Что вспомню я? Фотосюита на стихи Николая Рубцова» в журнале «Наш современник»[541] он написал: *«Для меня внутренняя драматургия книги завязана прежде всего на родовой причастности авторов к Вологодчине. Именно она обостряет их чувства, углубляет думы, делает зорче взгляд и проникновеннее слово. Именно «пересечения» судеб, порой неожиданные и даже в чем-то мистические, побуждают их к «исследованию жизни и творчества Рубцова» и выводят Кошелевых через людей разных званий и сословий (от художника Константина Воробьева до священника Владимира Сибирцева) на вологодские и российские перекрестки рубцовской жизни».*

Отметим, что целый ряд оригиналов полотен упомянутого вологодского художника Константина Воробьева, в том числе авторский повтор картины «Февраль» («Улица Николая Рубцова»), опубликованной в альманахе «Художники Вологодской области XX века» (2007) и в журнале «Художник» (№ 7, 1990), находятся в фондах музея «Журавли».

Таким образом, коллекция «Рубцов в диалоге с людьми и территориями» – книги, журналы, рукописи, фотографии, автографы, оригиналы живописных и графических полотен, передвижные фотовыставки – рассказывает о рубцовских местах России и о «собеседниках» Рубцова. Среди последних – не только собратья по перу, вологодские художники и те предшественники Рубцова, что оказали глубокое воздействие на его творчество, но и вологодская родня Марины, неоднократно пересекавшаяся с Рубцовым географически и сакрально. Изучение фондов музея «Журавли» в блоке «Рубцов в диалоге с людьми и территориями» может дать новые возможности для интерпретации творческого наследия поэта.

---

[541] Кудрявцев В. В. «Что вспомню я?..» // Наш современник № 8.– М., 2013, С. 278.

Заволжская Фиваида

Отдельная страница рубцовской коллекции – фотографии, сделанные в долине реки Толшмы, протекающей в Тотемском районе Вологодской области. В 2015 году для этой территории автором был предложен неожиданный для многих образ «Заволжская Фиваида». В основу публикации одноименной статьи, опубликованной в 2015 году в научно-краеведческом альманахе «Тотьмич»,[542] автор положила образ историка Владимира Осиповича Ключевского, данный им «водоразделу Костромы и Сухоны», покрытому «дремучим комельским лесом».[543]

Территориально под название «Заволжская Фиваида» попадают водно-волоковые пути магистральных рек Галичской возвышенности водораздела Волга – Северная Двина: Монза-Лежа и Согожа-Комёла лежат на западе «Заволжской Фиваиды», Кострома-Толшма – на востоке. «Дремучий комельский лес», если перемещаться от реки Комёлы на восток, по направлению к реке Толшме, постепенно переходит в «безбрежное болото.., овеянное сказками и былью прошедших здесь крестьянских поколений».[544] Образ «Заволжская Фиваида» отсылает к многовековой истории приходских храмов и монастырей, освящавших обыденность на водно-волоковых путях, соединяющих Русский Север с Поволжьем. В музее «Журавли» представлен ряд исследований АНО «Бирюзовый дом», отраженных в книгах «Толшменская картина мира»[545] и «Толшма: от устья к истокам»,[546] дающих обоснование применимости образа «Заволжская Фиваида» к территории «Толшма». Лежащая на северной стороне водораздела Волга – Северная Двина, эта территория содержит в себе все три важнейших региональных концепта, выявленных крупными исследователями Русского Севера – Вольница, Русская архаика и Северная глушь.[547]

---

[542] Кошелева М. Н. Заволжская Фиваида. // Тотьмич: альманах научно-краеведческих работ Тотемского музейного объединения / МБУК «Тотемское музейное объединение» / Под ред. Н. И. Кореневой, А. М. Новоселова.– Тотьма, 2015.

[543] Ключевский В. О. О русской истории.– М.: Просвещение, 1993. С. 576.

[544] Рубцов Н. М. Последняя осень: Стихотворения, письма, воспоминания современников.– М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000.

[545] Толшменская картина мира глазами участников экспедиций: [краеведческий сборник / сост.: М. Н. Кошелева, А. Е. Чернова; редкол.: М. Н. Кошелева и др.].– Москва.– с. Никольское (Вологодская обл.). Вологда: Полиграф-Периодика. 367 с.

[546] Кошелева М. Н., Кошелев А. В. Толшма: от устья к истокам: альбом-путеводитель, АНО «Бирюзовый дом», Вологда: Древности Севера, 2019. 135 с.

[547] Ключевский В. О. Указ. соч. С. 576.

Концепт «*Вольница*» отсылает на Толшме к истории появления здесь новгородских ушкуйников. В одноименной главе выпущенной в АНО «Бирюзовый дом» книги «Толшма: от устья к истокам»[548] показано, что одним из путей движения новгородских ушкуйников на Волгу мог быть водно-волоковый путь по рекам Толшме и Костроме, верховья которых разделяет всего около 30 километров. О «новгородском следе» на Толшме говорят также названия поселений в ее верховьях – Боярово и Великий Двор. Есть также предположение о том, что погост Тошма, упомянутый в Уставе Новгородского князя Святослава Ольговича от 1137 года, мог находиться на высоком мысу при впадении Толшмы в Сухону.

«Русская архаика» представлена на Толшме в виде местного фольклора, частично отражённого в изданной АНО «Бирюзовый дом» книге «Толшменская картина мира»,[549] а также в Толшменской иконе «Чудо Георгия о змие» из деревянного Храма Иоанна Предтечи. Наличие в музее «Журавли» качественной фотокопии иконы на холсте в натуральную величину, фотографии Храма Иоанна Предтечи и публикаций о них, дает возможность создать «живые уроки» о своеобразии местной школы деревянного зодчества и живописи и о связанных с ними драматических эпизодах жизни страны.

Составные части образа *«Северная глушь»* – чудь, холодный край, советские «зоны» – отражены в толшменской фамилии Чудиновы, в лирике гения места Николая Рубцова и в истории поселков спецпереселенцев Малиновец, Войница и Снежная.[550] Хорошим дополнением к соответствующим фондам музея «Журавли» – книгам, картам и воспоминаниям местных жителей – является картина толшменского художника Георгия Попова «Раскулачивание», опубликованная в журнале «Художник» (№ 7, 1990), сопряженная с рукописью «спецпереселенца» из Поволжья в Вологодский край Николая Анисимовича Урова (15.12.1918–06.01.1989) «Конец счастливого детства. Земляной посёлок»[551].

Это – глава из трехтомной рукописи воспоминаний человека, прошедшего путь от посёлка спецпереселенцев к «Атомному проек-

---

[548] Кошелева М. Н., Кошелев А. В. Указ. соч.

[549] Там же.

[550] Мартюкова Г. А. Посёлки спецпереселенцев в Никольском сельсовете. // Толшма: краеведческий альманах.– Архангельск, 2017, С. 285.

[551] Уров Н. А. Глава «Конец счастливого детства. Земляной посёлок». Рукопись «До войны». 1989. Из фондов мемориального и литературно-художественного музея «Журавли».

ту СССР». Тексты рукописи дают уникальную возможность узнать историю страны, именуемой «СССР» – от Ленина до Горбачева – через воспоминания очевидца событий. Аналогичную возможность могут дать базирующиеся на семейных архивах программы: «Ритм – условие жизни». Вологодский художник Константин Воробьев; Священник Георгиевской Корбангской церкви Кадниковского уезда Владимир Сибирцев и Маслоделы Пивушковы – прихожане Богородицко-Рождественского Чудского прихода – древнейшей вотчины Череповецкого Воскресенского монастыря, а также «Заволжская Фиваида и священнический род Белковых».

Ожидается, что формирование при музее «Журавли» литературного клуба «Бригантина» и детского клуба «Ребята-журавлята», а также налаживание сотрудничества с друзьями, волонтерами и партнёрами музея позволит ускорить процесс регистрации и описания его фондов и создания на их основе культурно-просветительских программ.

Вербицкая Елена Олеговна,
координатор Проекта реставрации Георгиевского храма в селе Косково Кичменгско-Городецкого района Вологодской области,
г. Санкт-Петербург

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТА «РЕСТАВРАЦИЯ ГЕОРГИЕВСКОГО ХРАМА – ВОЗРОЖДЕНИЕ СЕЛА КОСКОВО» (ПРАВОСЛАВНЫЙ ПРИХОД ХРАМА ВМЧ. ГЕОРГИЯ В СЕЛЕ КОСКОВО КИЧМЕНГСКО-ГОРОДЕЦКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Серебряное ожерелье России, как называют прекрасные города и памятники культуры Русского Севера, последние годы привлекает не только искусствоведов и архитекторов. Многие туристы восхищаются особой живописностью восточной окраины Вологодской области, удивительной архитектурой церквей Великого Устюга. Храм вмч. Георгия также относится к великоустюжской школе зодчества.

На примере возрождения конкретного храма и села наш Проект реставрации показывает огромную важность гражданских инициатив местного населения. Чтобы молодежь не покидала родные места, а помогала развивать их, необходимо создавать определенные условия, повышая социальную активность для

решения насущных задач. Проект реставрации храма как духовно-просветительского центра села Косково, объединяющего вокруг себя не только верующих, но и всех жителей окрестных деревень и городов, уже привлек внимание общества, власти и СМИ к проблемам деревни. Отчеты и публикации о реализации Проекта при поддержке благотворителей и Фонда президентских грантов вызвали большой позитивный отклик в СМИ.

Село Косково раскинулось на живописных холмах на востоке Вологодской области. До областной столицы отсюда более 500 км, до Великого Устюга – 100 км, а в 17 км от села находится районный центр – Кичменгский Городок. По преданию, в 4 км от Косково, в лесной чаще, где была найдена икона св. Георгия Победоносца, появился святой источник с целебной водой. Он сохранился и по сей день. В XVII веке в честь этого события в селе была построена первая деревянная Георгиевская церковь.

До революции здесь были крепкие крестьянские хозяйства, почти каждый дом в деревне – изба-пятистенок. Сельское население относилось к так называемому «черносошному» крестьянству, которое платило подати государству и не знало крепостной зависимости. Относительно свободное положение северян, их характер и культура, вера в Бога, трудолюбие, семейные традиции – всё это является объяснением того, почему в этих удаленных от крупных городов землях было построено столько прекрасных церквей – и деревянных, и каменных. Именно силами жителей села Косково и окрестных деревень (Плосково, Сигово, Каксур, Колбин и др.) были собраны средства для строительства большого каменного храма с колокольней во имя святого Георгия.

Из архивных документов известно, что двухэтажный храм был заложен 20 октября 1875 г. и освящен 31 октября 1910 г. Храм возвели просторным, добротным, «на века», его колокольный звон разносился на многие версты. Колокола были привезены сюда из Вятки на шестнадцати конных подводах, а шлифованный камень для полов – из Великого Устюга.[552]

Строительство церкви «на 1200 человек, по числу приходских душ», затянулось на десятилетия. Нижний тёплый храм был освящён во имя святого вмч. Георгия в 1898 году, а верхний холодный – во имя Рождества Иоанна Предтечи, с приделом во имя святителя

[552] ВУЦА Ф. 364. Оп. 1. Д. 7852, л. 11–11 об. Ведомость о состоянии церквей 3-го благочиннического округа Никольского уезда за первую половину 1898 года, составленная благочинным, священником Сараевской Троицкой церкви Гвоздевым.

Георгиевский храм, вид с реки. Фото 1980-х гг. М. Ильина

Феодосия, архиепископа Черниговского – в 1910 году. Иконы для нижнего храма написаны тотемскими мастерами, а верхний храм был украшен настенной живописью, выполненной устюжским мастером Пантелеймоном Костровым. Им же написаны и иконы для иконостаса.[553]

Для того времени это был типовой проект, утверждённый строительным отделением Губернского Правления. По композиции относится к типу трапезных церквей, в одной связи с колокольней. Четверик верхнего храма представляет собой кубический

[553] Текст летописи на стене: *«Заложенъ сей храмъ 20-го окт. 1875 г. при священни=/ке Аристархе Михаилове Круглове и церковномъ/ старосте Федоре Иаковлевиче Шишове. / Иконы въ нижнемъ [утр.] храме / работалъ Тотемский / мастеръ [утр.] а иконостасъ – Тотемский / мастеръ [утр.]. / Освящена [утр.] 1898 г. при Священнике / Николае Михаилове Круглове и церковномъ старосте Степане Михаилове Жаравине. / Иконы и стенъ живопись съ уборкою орнаментами въ / верхн. холодн. храме работалъ Устюжск. мастеръ / Пантелеимонъ Иаковл. Костровъ, а иконостасъ _/ Устюжск. мастеръ Павелъ Васильев. Жилинъ. / Освященъ холодн. храмъ 18 окт. 1910 г. при / Священ. Николае Михаилове Круглове / и церковн. старосте Степане Михаило / ве Жаравине».*

бесстолпный храм, перекрытый сомкнутым сводом и увенчанный традиционным пятиглавием. Высокий круглый световой барабан центральной главы с четырьмя большими арочными окнами, остальные, меньшие по размерам четыре глухих барабана, имели чисто декоративное значение. Церковь двухсветная, освещается большими арочными окнами на каждом этаже.[554]

В 30-е годы XX века с куполов сорвали кресты, разрушили колокольню, уничтожили иконостас, иконы и внутреннее убранство. Фрески на стенах были замазаны масляной краской, а что не удалось закрасить, скололи ломом. На первом этаже церкви устроили сельский клуб, а на втором – школу и спортивный зал. Местные жители вспоминают, что в начальной школе класс находился прямо в алтаре; даже из-под нескольких слоев краски живопись всё равно проступала, и дети видели силуэты ангелов. Верхние ряды фресок под самым куполом замазать краской было трудно, к тому же школу с высокими сводами было сложно отапливать, поэтому сделали дощатый потолок, закрыв таким образом живопись.

В 90-х гг. XX в. храм стали постепенно возвращать Богу. Клуб и школа переехали в другие здания, и церковь стояла пустой. Одним из первых, кто начал ее очищать и ремонтировать, был местный житель В. А. Дежнев. Понемногу круг его помощников расширялся. Затем благодаря помощи отца Сергия Щепелина, настоятеля храма Александра Невского в Кичменгском Городке, Георгиевский храм начал восстанавливаться. В 2016 г. указом митрополита Вологодского и Кирилловского Игнатия был образован Православный приход храма вмч. Георгия села Косково, его настоятелем стал священник Андрей Игнатьев. Постепенно сложилась община верующих, в воскресные и праздничные дни совершаются богослужения, приход живет и старается восстановить храм. С мая 2019 года его настоятелем является отец Сергий (Щепелин).

В селе и округе в зимнее время живут в основном пожилые люди, пенсионеры, которые помогают храму по мере своих сил. Это работа по уборке территории и внутри церкви, заготовка дров, отопление. Масштабный ремонт, в котором нуждается здание, им не по силам. Официально Георгиевский храм не внесен в список культурного наследия, но такова участь большинства памятников

---

[554] ВУЦА Ф. 364. Оп. 1. Д. 8441, л. 19 об.– 20. Ведомость о состоянии церквей 3-го благочинического округа Никольского уезда за вторую половину 1910 года, составленная благочинным, священником Ентальской Троицкой церкви Василием Поповым.

Русского Севера. Однако спасать храм нужно срочно, иначе мы потеряем не только образец северного церковного зодчества и живописи конца XIX – начала XX века, но и душу этого светлого края.

В феврале 2019 года небольшая инициативная группа, в которую вошли священник Андрей Игнатьев, прихожане Георгиевского храма, жители Косково и окрестных сел, земляки, живущие в других городах, приняла решение собирать средства на восстановлении храма. Для этого были созданы страницы и группы поддержки Проекта реставрации храма в социальных сетях, где размещалась информация о всех необходимых работах и их стоимости. Также было решено подать заявку на участие в конкурсе Фонда президентских грантов в номинации «Сохранение исторической памяти» в надежде на то, что проведение основных ремонтных работ сохранит здание и позволит начать консервацию его настенной живописи. В рамках реализации Проекта реставрации, помимо работ по укреплению фундамента, ремонту куполов, стен и окон, были запланированы мероприятия по благоустройству территории вокруг храма и захоронению останков с церковного кладбища, которое было разрушено в 30-е годы.

Результаты первого года работы в рамках реализации Проекта

14 октября 2019 г. стало известно, что заявка от команды нашего Проекта победила в конкурсе, получив поддержку Фонда на сумму 958 700 руб. Это первый грант, выигранный на реставрацию церкви в Кичменгско-Городецком районе. Да и в Вологодской области таких случаев немного. В настенной летописи, сохранившейся на втором этаже Георгиевского храма, написано, что он был освящен в 1910 г. Это значит, что в 2020 г. ему исполнилось 110 лет. К этому юбилею, за первый год реализации Проекта, мы сумели сделать очень много. К изучению храма и работе над Проектом реставрации присоединились опытные специалисты: архитектор-реставратор И. К. Белоярская, художники-реставраторы О. А. Соколова, М. Г. Рогозный, специалисты Санкт-Петербургской академии им. Штиглица и института живописи им. И. Репина.

На средства местных жителей и благотворителей были приобретены материалы и сделан ремонт алтарной кровли, установлены новые водостоки; очищены и побелены стены алтаря на уровне второго этажа. В сотрудничестве с Великоустюгским историко-архитектурным музеем и при помощи волонтеров – авторов текстов, редакторов, фотографов и дизайнера – была создана красочная брошюра – *первое печатное издание, посвященное истории*

*и живописи Георгиевского храм*а. Издание вышло при спонсорской поддержке Вологодского землячества в Санкт-Петербурге. Брошюра распространялась на мероприятиях, организованных в рамках Проекта, средства от ее продажи шли на восстановление храма. По чертежам архитектора И. К. Белоярской были изготовлены пять кованых крестов; отремонтирован главный купол, и 6 мая 2020 года, к храмовому празднику вмч. Георгия, впервые за 90 лет над ним был воздвигнут крест! Также на средства благотворителей оплачены работы по консервации двух больших фресок храма.

Работы, сделанные при поддержке Фонда на первый грант:

• В мае 2020 года были установлены 29 новых деревянных окон и 1 дверь. Каждая рама – ручной работы, изготовлена мастерами из Великого Устюга по чертежам в соответствии с историческим обликом фасадов храма.

• В июне – июле 2020 г. проведены работы по укреплению фундамента вдоль двух стен – южной и алтарной; всего укреплено 62 м вдоль стен.

• Перед началом этих работ, при помощи волонтеров из местных и ближних сел, был срезан культурный слой почвы вдоль стен храма и вырыты траншеи под опалубку.

15 июня 2020 г. стало известно, что команда Проекта получила второй президентский грант в номинации «Сохранение исторического наследия: *«Реставрация Георгиевского храма – возрождение села Косково. Продолжение Проекта*». Работы продолжились.

В рамках второго гранта в июле 2020 года были организованы и проведены следующие мероприятия:

• Впервые в истории храма проведены профессиональные исследования его настенной живописи. Специалисты петербургской академии им. Штиглица под руководством художника-реставратора М. Г. Рогозного, доцента кафедры монументальной живописи, в течение месяца занимались изучением состояния росписей, использованных материалов и техник, проверяли сохранность живописи под слоем масляной краски и штукатурки, проводили работы по консервации и очистке фресок. В результате исследований и полученных лабораторных анализов выяснилось, что под слоями краски на стенах и сводах потолка живопись сохранилась. Росписи начала XX века живы и ждут своего часа, когда

Храм в процессе ремонта, лето 2020 г. Вид сверху

специалисты смогут открыть их. Это очень сложный и дорогостоящий процесс, который предстоит проводить в будущем. Но пока нам надо сосредоточиться на основных работах по приведению здания в порядок – это укрепление фундамента вдоль северной и западной стен храма, ремонт цоколя и реставрация кирпичной кладки стен. Эти работы запланированы на лето 2021 года.

• В сентябре 2020 года куплено железо на ремонт кровли четверика и малых куполов. Ремонт четырех куполов и установка новых позолоченных крестов закончена в январе 2021 г.

• К Проекту присоединились реставраторы института живописи им. Репина, предложив в качестве благотворительной помощи отреставрировать три иконы из Георгиевского храма.

Большая роль в Проекте отведена разнообразным социально-культурным мероприятиям, проводимым в поддержку храма жителями села и окрестных сел и городов. Организация всех культурных мероприятий в рамках Проекта проходит на волонтерских началах, в сотрудничестве с сельской интеллигенцией – учителями, библиотекарями, работниками культуры и местными благотворителями. В рамках реализации Проекта в селах Косково, Кичменгский Городок и Великом Устюге прошли творческие конкурсы, выставки, концерты, лектории, конференции. За 2019–2020 год в 20 мероприятиях приняли участие более 1500 человек. Несмотря на ситуацию с коронавирусом, работа по организации

культурных мероприятий продолжалась. Летом 2020 года совместно с творческими коллективами района и командой Проекта были созданы три видео-концерта в поддержку Георгиевского храма для онлайн-трансляций.

Одним из результатов деятельности Проекта стало создание первого в истории Кичменгско-Городецкого района дорожного баннера для обозначения маршрута в село Косково, на котором представлен Георгиевский храм как культурный объект с уникальной настенной живописью. В ходе работы над Проектом появилась местная инициатива по созданию нового музейного центра и сельской гостиницы в Косково. Этот проект находится сейчас в стадии разработки и имеет хорошие перспективы для развития. Важным положительным результатом является улучшение эмоционального климата: благоустраивая храм и село, люди становятся более внимательными и сплочёнными, у них появляется уверенность в будущем. Участвуя в волонтерских работах, молодежь осознает свою ответственность за развитие родного края. Храм объединяет вокруг себя все социальные и возрастные группы, появляется больше местных инициатив. Одна из последних таких инициатив – возведение летом 2020 г. часовни св. Георгия над родником с целебной водой.

В результате работы со СМИ и соцсетями мы получили широкий и позитивный отклик – количество аудитории, узнавшей о Проекте реставрации храма, составило 2630500 человек. Большой резонанс дали публикации о Проекте в ТАСС, на страницах сайта Православие.ру, Вологодской митрополии, журнале «Фома». Информационную поддержку оказали Фонд президентских грантов, областные газеты «Красный Север», «Премьер», Вологда РФ, районная газета «Заря Севера», радиостанция Санкт-Петербургской митрополии «Град Петров», ТВ «Русский Север», Фонд ПРОНаследие, и др. За год о Проекте было сделано 104 публикации. О восстановлении Георгиевского храма теперь знают не только в России, но и в других странах.

Деятельность Проекта помогает налаживать процесс коммуникации жителей села с работниками учреждений культуры, сотрудниками музеев Великого Устюга и Тотьмы, студентами и преподавателями кафедры архитектуры Вологодского университета, петербургской академии им. Штиглица и института живописи им. Репина. Благодаря участию в восстановительных работах жизнь людей становится насыщенной значимыми, интересными событиями и встречами. Круг людей, поддерживающих наш

Храм после ремонта главного купола и алтаря

Проект, постоянно расширяется. Так, в Великом Устюге в январе 2020 г. на благотворительных концертах в помощь реставрации храма выступили артисты из Архангельска и Москвы. В ходе реализации Проекта проводятся творческие встречи, экскурсии, объединенные темой – сохранение исторической памяти и любовь к своей земле. Ученики Косковской школы с успехом выступают на межрегиональных краеведческих конкурсах и олимпиадах с докладами по истории села и храма. Собранный юными краеведами богатый материал ляжет в основу сельской музейной экспозиции.

В рамках дипломной работы студенты кафедры реставрации ВоГУ провели социологический опрос среди населения Кичменгско-Городецкого района о перспективах Проекта реставрации Георгиевского храма. 98,4% респондентов высказались за его дальнейшее восстановление, 87% – также за приведение в порядок территории храма, что позволит в комплексе решить проблему сохранения исторического центра села. Помимо основной функции православного храма, 40% опрошенных хотели бы видеть при нем духовно-просветительский центр и 29% – воскресную школу. В качестве основной проблемы, мешающей процессу реставрации,

96,7% участников опроса считают отсутствие постоянного источника финансирования. 38% граждан указали на низкую заинтересованность властных структур, 33% – на отсутствие необходимых специалистов.

Все специалисты, побывавшие в Георгиевском храме, признали высокую художественную ценность его настенной живописи. Большую работу по идентификации и описанию росписей храма провела Л. Н. Сыроватская, научный сотрудник Великоустюгского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Иконостас с иконами верхнего Иоанно-Предтеченского храма уничтожен, стенопись в алтаре и трапезной закрашена масляной краской. И в то же время почти полностью сохранилась настенная живопись в четверике, поражающая высоким исполнительским мастерством её автора. Росписи, выполненные в технике маслом в академической манере, ковром покрывают всю поверхность стен, свода, купола. Верхний храм был расписан устюжским мастером Пантелеймоном Костровым, им же написаны и иконы для иконостаса. Особый интерес представляют те сюжеты, которые П. Костров талантливо копировал у известных русских и европейских художников[555]. Назовём их имена: В. М. Васнецов, В. Е. Маковский, И. К. Айвазовский, В. С. Крюков, Н. А. Кошелев, П. А. Сведомский, Б. Плокхорст, Ю. Шнорр фон Карольсфельд. Многие композиции храмовой росписи в исполнении его автора представляют почти точные копии образцов. Среди них роспись барабана главного купола храма Христа Спасителя «Семь таинств церкви» Н. А. Кошелева, стенопись Владимирского собора в Киеве «Святые княгиня Ольга и князь Владимир» В. М. Васнецова; картины «Чудо в Кане» В. Е. Маковского и «Хождение по водам» И. К. Айвазовского; литография «Исцеление расслабленного в Капернауме» В. С. Крюкова и многие другие.[556] Волею судьбы на стенах Георгиевского храма можно увидеть образцы прекрасной живописи, оригиналы которой зачастую были утрачены в XX веке, а здесь, в Вологодской глубинке, чудом сохранились.

---

[555] Брошюра «Георгиевский храм в селе Косково Кичменгско-Городецкого района Вологодской области. Уникальная настенная живопись».– СПб, 2019. С. 30.

[556] Обширный материал об использовании в росписях сельских храмов Русского Севера в конце XIX – начале XX вв. произведений русских и немецких художников представлен в статьях: Кольцова Т. М. Росписи Богоявленской церкви села Туровец. // В созвездии Льва. Сборник статей по древнерусскому искусству в честь Льва Исааковича Лифшица.– М., 2014. С. 211–233; Кольцова Т. М. Росписи Покровской церкви с. Морозово Верховажского района Вологодской области. // В созвездии Льва. Сборник статей по древнерусскому искусству в честь Льва Исааковича Лифшица.– М., 2014. С. 125–139.

Росписи купола храма

Ничего более мощного по впечатлению и масштабу, чем храм вмч. Георгия, в окрестностях нет. Для подрастающих здесь детей храм – это и участие в церковных праздниках, и воспитание в русле христианской культуры. Вот строки из исследования истории Георгиевского храма, написанного ученицей Косковской школы Ангелиной Дурягиной несколько лет назад: *«Русь начинается с храма. Хорошо в храме, он хранит нас от всего плохого. Это крепость, в которой мы защищены от лукавства. Храмы врачевали и врачуют людей всю их жизнь, начиная с крещения: словом Божьим, пением, светом икон и фресок, архитектурой. В них живет согласие Неба, Земли и Человека. Без них на земле пусто. Храм, часовня, родники... Прикосновение к святыням... Это всегда трогательно и волнующе. Когда путь к Родине пролегает через святыни, человек начинает любить свой край, свой дом, своих родных и близких»*[557].

[557] Дурягина А. История Георгиевского храма в селе Косково Кич.-Городецкого района Вологодской области. // Муниципальное казённое учреждение культуры «Великоустюгская межпоселенческая централизованная библиотечная система». [сайт]. Режим доступа: http://www.vulibrary.gledengrad.ru/mpokcteniya3/605-2016-08-18-05- 39-46.html.

К величественному Георгиевскому храму приезжают всё больше паломников и туристов, его фотографии уже стали визитной карточкой этих мест. Одним из основных направлений экономики Вологодской области является развитие туризма. Эта сфера на северо-востоке региона развита менее всего. Мы надеемся, что активное партнерство с общественными организациями, волонтерским движением, местным сообществом, структурами власти и Фондом президентских грантов позволит выполнить полный комплекс ремонтно-реставрационных работ по храму. Благодаря общим усилиям Георгиевский храм станет одной из ценных жемчужин маршрута «Серебряное ожерелье России». Успешное продолжение Проекта реставрации храма повысит престиж села Косково как достойного туристического объекта и будет способствовать социально-экономическому развитию края. Но для воплощения этих планов в жизнь нужны инициативные люди, готовые сохранять и восстанавливать святыни нашей истории и строить на своей родине будущее. Люди, которые уверены, что село будет жить, если будет восстановлен храм.

Рогозный Михаил Геннадьевич,
доцент кафедры живописи и реставрации Санкт-Петербургской художественно-промышленной академии им. А. Л. Штиглица,
г. Санкт-Петербург

ИССЛЕДОВАНИЕ ЖИВОПИСНОЙ ОТДЕЛКИ ВЕРХНЕГО ХРАМА ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ГЕОРГИЯ В СЕЛЕ КОСКОВО КИЧМЕНГСКО-ГОРОДЕЦКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ[558]

Летом 2020 года выпускниками Санкт-Петербургской художественно-промышленной академии им. А. Л. Штиглица было проведено обследование верхнего храма великомученика Георгия. Выполнены визуальные и оптико-физические исследования живописи. Выполнены пробы на укрепление красочного слоя и грунта, на удаление загрязнений, на закрашенных участках сделаны контрольные раскрытия росписей от малярных покрасок. Для опре-

[558] Исследование живописи верхнего храма было проведено при поддержке Фонда президентских грантов. Заявка № 20-2-002214 «Реставрация храма великомученика Георгия – возрождения села Косково. Продолжение проекта» (Кичменгско-Городецкий район Вологодской области).

деления связующего и пигментов небольшие образцы живописи изучались в лаборатории Эрмитажа химиком Л. С. Гавриленко.

История храма св. вел. Георгия Победоносца в селе Косково может показаться не такой богатой на события, как у многих других храмов русского севера. Двухэтажная церковь заложена в 1875 году. Нижний храм освящен в 1898 году, сведений о росписи интерьера не сохранилось. В 1910 году освящен верхний холодный храм, интерьер которого был расписан бригадой устюжских мастеров под руководством Пантелеймона Кострова[559]. В 1930-е годы храм закрыт, уничтожена колокольня и частично внутренняя отделка. На первом этаже разместился клуб, на втором – школа со спортивным залом. После переезда школы в отдельное здание храм долгое время стоял брошенный, протекала кровля. В 2002 году здание храма возвращено церкви, после образования православного прихода начались первые реставрационные работы.

Основное пространство храма разделено в плане на три неравные части: алтарь, четверик, трапезная. Апсида алтаря перекрыта полукупольным сводом с распалубками. Помещение четверика квадратное, соединяется подпружными арками с алтарём и трапезной. Четверик перекрыт восьмидольным сомкнутым сводом на тромпах, в центре свода световой барабан с четырьмя окнами. Помещение трапезной прямоугольное, с цилиндрическим сводом на распалубках. Живописная отделка трапезной и алтаря закрашена. В 1950–60 гг., в четверике был сооружён сруб из деревянного бруса[560], что спасло росписи от закрашивания. Тем не менее, одна композиция на северной стене «Святые царица Елена и равноапостольный царь Константин» закрашена, как и орнаментальная живопись на всех оконных откосах. Иконостас не сохранился, о его композиционной форме и стилистике можно судить только по оставшемуся силуэту на восточной стене и по уцелевшим нескольким деревянным резным элементам.

Несмотря на сюжетные заимствования, живопись храма выполнена в лучших традициях академического искусства конца XIX – начала XX веков[561]. Композиционно четверик разделен на

---

[559] О росписи храма бригадой устюжских мастеров известно из сохранившейся надписи на стене трапезной.

[560] В четверике был собран деревянный сруб, в стене пробито отверстие для дымохода, установлена печь для обогрева школьного класса в зимнее время.

[561] Подробная атрибуция росписей четверика и их композиционные заимствования выполнены Л. Н. Сыроватской и опубликованы в брошюре: «Георгиевский храм в селе Косково Кичменгско-Городецкого района Вологодской области».

две части. Верхняя половина: барабан и свод четверика – «мир небесный»: в куполе в полный рост изображен Бог-Отец, в барабане – пророки. На своде на изображении неба центральная композиция – Деисус в окружении стоящих двенадцати апостолов и ветхозаветных праотцов с многочисленными ангелами и херувимами. Нижняя часть: многофигурные композиции на евангельские сюжеты с избранными святыми – разделены орнаментальным фризом на два регистра. Фигурные композиции обрамлены орнаментами, выполненными с элементами золочения и серебрения. В цокольной части – живописные панели с разделкой под мрамор. В трапезной и в алтаре, где полностью закрашены росписи, не удалось установить весь композиционный цикл. Однако, благодаря исследованиям в ИК-лучах и пробным расчисткам, некоторые сюжеты всё-таки удалось определить.

Техника живописи. По штукатурному основанию нанесена тонкая накрывка: известково-гипсовая с добавлением мелкодробленого кварцевого песка. На поверхность накрывки, по предварительной проклейке, нанесен казеиново-масляный грунт на основе свинцовых белил. Выполнена общая разметка и нанесен рисунок: фигурные композиции древесным углем от руки, орнаменты перенесены через кальку по методу припороха. При исследовании в ИК-лучах хорошо видно, что в процессе написания фигурных композиций для необходимого усиления выразительности и характера, художники могли отходить от первоначального рисунка и немного менять движение рук, складок одежды, расположение отдельных предметов. Это говорит о большом мастерстве исполнителей, которые не придерживались жестких рамок изначально выполненного рисунка.

Живопись написана масляно-казеиновыми красками (жирная темпера). Орнаментальная роспись написана послойно. Живописные композиции выполнены a la prima с небольшими правками и добавлениями, нанесенными после высыхания основного слоя. На некоторых участках росписи присутствуют металлические плёнки: золочение, серебрение. Листовое сусальное золото нанесено по специально подготовленной поверхности: тонкому грунту светло-жёлтого цвета, состоящему из свинцовых белил, слегка тонированных жёлтой охрой, на масляном лаке с добавлением свинцового глёта. Металлическое листовое покрытие, имитация серебра, представляет собой алюминиевую фольгу с примесями. Фольга нанесена на эмульсионный грунт бледно-жёлтого цвета, состоящий из свинцовых белил и гипса. Живопись лаком не покрывалась.

Состояние сохранности. Стены и своды храма выложены из красного кирпича, на известково-песчаном растворе. Состояние кладки удовлетворительное, за исключением аварийных участков старых протечек в алтарной части, где в результате протечек и обрушения штукатурки обнажена кирпичная кладка. Видны старые ремонтные работы – кирпичная закладка расхождения стыка апсиды и четверика. В местах старых протечек кладка покрыта черной и коричневой плесенью, начались деструктивные процессы. Большие конструктивные трещины в восточной части четверика выходят на противоположную стену и стык западной стены и свода трапезной.

Штукатурка светло-серого цвета, известково-гипсовая, наполнитель – песок и древесный уголь, нанесена в три слоя: набрызг, основной слой и накрывка. Нижние слои имеют более грубую фракцию наполнителя. В трапезной часть оригинального штукатурного слоя с живописью была сбита во время приспособления помещения под школу, участки заново грубо заштукатурены и закрашены: западная часть свода, часть южных оконных откосов на верхней части западной стены. Поздняя штукатурка отличается сильной фактурой и неровностями. Левая часть западной стены находится в крайне аварийном состоянии. Штукатурный слой покрыт высолами, которые деструктировали связующее. Участок изогнут и отходит от кирпичной кладки, часть фрагментов обрушилась. Аварийное состояние штукатурного слоя и в алтарной части, большие участки штукатурного слоя с живописью отходят от кладки и грозят обрушением.

Вся живописная поверхность четверика покрыта многочисленными осыпями и шелушениями, а на отдельных композициях красочный слой находится в крайне аварийном состоянии: «Усекновение главы Иоанна Крестителя»; «Св. царица Елена и царь Константин»; «Св. Стефан, св. Симон Воломский, прав. Иоанн и Прокопий»; «Благословение детей»; «Исцеление гадаринского бесноватого»; изображения четырех евангелистов в тромпах; орнаментальный фриз и часть композиций: «Нагорная проповедь»; «Хождение по водам»; «Афанасий Александрийский». Степень разрушения увеличивается снизу вверх. В еще худшем состоянии скрытая малярными закрасками живопись трапезной и алтаря. Красочный слой во многих местах деформирован, отрывается от основы закрученными пластами различных размеров.

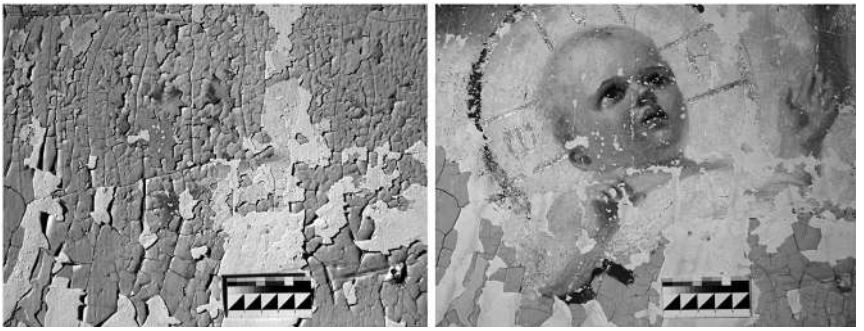
Исследования в инфракрасном диапазоне алтарной части не дало результатов ввиду толщины малярных закрасок, которые

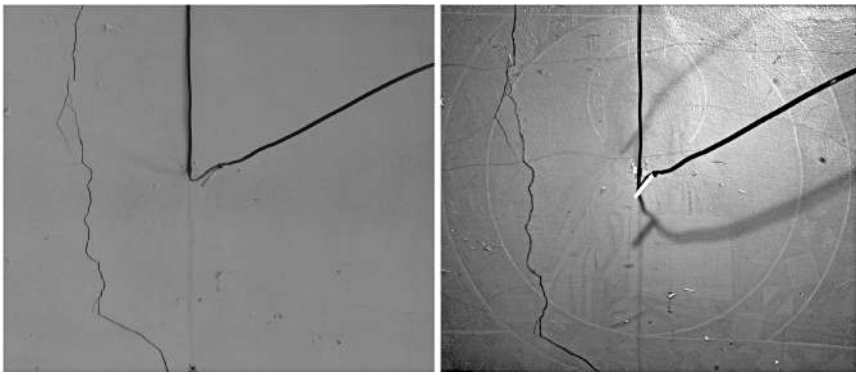
Фрагмент композиции «Благословение детей». Красочный слой и грунт полностью деструктирован, аварийное состояние живописи

оказались непроницаемы для ИК-лучей. Хороший результат показали исследования трапезной, стены и своды которой также закрашены, но более тонким слоем. На многих участках выявлены живописные изображения: орнаменты, сюжетные композиции, фигуры святых. С точностью можно сказать, что в трапезной, на западной стене, изображена композиция «Страшный суд», в простенках между окнами – местные святые, на своде – многофигурная композиция, атрибутировать которую пока не удалось. На подпружной арке между четвериком и трапезной – композиция Деисус. На закрытой паперти второго этажа при входе в храм изображен «Св. Вел. Георгий Победоносец». Эта композиция сильно пострадала, нижняя ее часть сбита со штукатуркой, по периметру утраты, следы сколов металлическими инструментами.

Пробные укрепления грунта и красочного слоя позволили сделать небольшие расчистки на закрашенных участках. Так на северной апсиде алтаря – на одном из сильно разрушенных участков, расчищена часть фигуры младенца Иисуса из композиции «Рождество Христово». На западной стене трапезной расчищена голова ангела из композиции «Страшный суд».

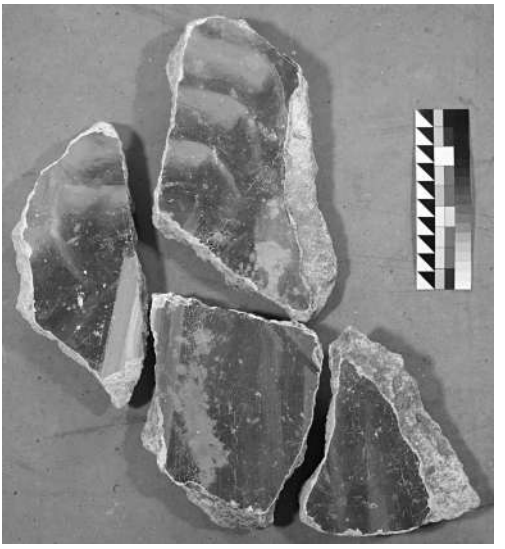
Фрагмент композиции «Рождество Христово». До реставрации в боковом освещении и после укрепления, в процессе расчистки от малярных закрасок

Фрагмент композиции «Деисус». Фото в видимом свете, живопись закрашена, фото в инфракрасном свете

Интересные находки были обнаружены при обследовании межэтажного пространства храма – фрагменты штукатурки с живописью и детали резьбы иконостаса. Во время приспособления храма под школу, часть живописи со стен и сводов трапезной была сбита и вместе со строительным мусором свалена в межэтажное пространство. Так из нескольких поднятых фрагментов удалось собрать изображение руки, держащей трость, часть растительного орнамента, обнаружен фрагмент головы Христа из композиции «Страшный суд». Куски штукатурки с росписью, находящейся в завале с мусором, требуют методически грамотного извлечения и консервации, сложной работы по подбору и склейке фрагментов для последующего монтажа на прежнее основание.

Исследования храма показали: росписи выполнены на высоком художественном уровне. Уникальность живописи ещё и в том, что она ни разу не реставрировалась и не поновлялась. У современного зрителя есть возможность увидеть подлинные нетронутые поздними записями и реконструкциями росписи, которые, к сожалению, находятся в крайне аварийном состоянии. Штукатурное основание, грунт и красочный слой в местах бывших протечек требуют срочной консервации. Промедление грозит полным исчезновением больших фрагментов живописи. Под закрашенными участками четверика, трапезной, алтаря, паперти в большей своей части сохранились росписи. Благодаря тому, что удалось обнаружить в межэтажном пространстве сбитые фрагменты, хотя, конечно, пока непонятен объем обнаруженных росписей, существует надежда на восстановление всего комплекса живописи верхнего храма Георгиевской церкви.

Фрагменты руки с тростью. Живопись, извлеченная из мусорного завала межэтажного пространства храма

***Кукушкин Игорь Полиевктович**,*
начальник отдела памятников археологии АУК ВО «Вологдареставрация»
Калинина Надежда Ивановна,
ведущий специалист-археолог АУК ВО «Вологдареставрация»,
г. Вологда

ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОЕ МЕСТО «ПОЛЯНА БЕЛОРИЗЦЕВ» В ВОЛОГДЕ

Выявление и постановка на государственную охрану достопримечательного места «Поляна Белоризцев» обусловлены

общественным интересом к этой территории и необходимостью ее сохранения в условиях развития городской инфраструктуры. Историческим основанием послужила легенда о воинах в белых ризах – небесных покровителях города. По мнению Л. С. Панова легенда существовала «не один век в изустной традиции, а затем продолжила свою жизнь на страницах краеведческих исследований»[562]. Первоисточником для многочисленных историй о белоризцах является «Чудо о Вологде» из Жития преп. Дмитрия Прилуцкого, составленном в конце XV века. По нему, во время нападения на Вологду князя Дмитрия Шемяки (события феодальной войны первой трети XV в.), нескольким вологжанам привиделось (приснилось), что Дмитрий Прилуцкий с двумя воинами в белых одеждах (ризах), вышедшими из скудельницы, укрепляют город. На следующий день, благодаря этой заступнической помощи, горожанам удалось отстоять Вологду[563]. Примечательно, что воины вышли из скудельницы, так называли общую могилу для умерших в результате несчастного случая, мора или могилы вне кладбища, где погребали самоубийц, утопленников, трупы странников[564]. Как отметил Л. С. Панов: «В трагический для города момент место погребения «странных» становится местом, связующим тот и этот свет, духовные небеса и землю»[565].

Усилиями местных историков и краеведов в XIX–XX вв. житийный рассказ был трансформирован в различные версии. По одной из них, белоризцы были реальными воинами, погибли в битве и были похоронены на поляне, получившей название в их честь. Заметим, что историческими источниками факт битвы вологжан и их победы над войсками Дмитрия Шемяки не подтверждается. Тем не менее, в общественном сознании произошло переплетение известия о белоризцах из жития, его интерпретаций и их соотнесение с часовней-скудельницей, располагавшейся в урочище к северу от Вологодского городища.

О существовании на Поляне Белоризцев часовни и скудельницы писал один из первых вологодских историков-краеведов А. Флеров: «И была некогда часовня, и на поляне же находился еще

---

[562] Панов Л. С. История одной легенды // Вологда: Ист.-краевед. альманах.– Вологда, 1994. Вып. 1. С. 54–61.

[563] Житие преподобного Димитрия Прилуцкого, вологодского чудотворца.– Вологда, 1996. С. 57–61.

[564] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4.– М., 2007. С. 81.

[565] Панов Л. С. Там же. С. 56.

скудельничий дом, в ямах коего погребались не одни только самоубийцы, а все вообще умершие насильственною смертию»[566]. Есть факты и о находках здесь человеческих останков. В 1911 году при возведении каменной часовни, «при рытии рва для фундамента были найдены человеческие кости, которые собраны в одно место и погребены после совершения над ними панихиды в особой могиле близ часовни и на могиле поставлен крест»[567]. В 2008 г. археологом А. В. Суворовым в обнажении свежевырытого к западу от часовни пруда были зафиксированы отдельные человеческие кости и следы массового захоронения[568].

В 2020 году в связи с планами по постановке достопримечательного места «Поляна Белоризцев» на государственную охрану на участке проведены археологические разведки. Целью работ было подтверждение наличия погребений на исследуемой территории, в случае их нахождения, по возможности, определение границ участка, занятого захоронениями, а также установление параметров культурного слоя объекта культурного наследия.

Поляна Белоризцев расположена к северу от исторического центра города – Вологодского городища. Исторический ландшафт территории претерпел значительные изменения в результате антропогенной деятельности. Границы достопримечательного места определяет современная топография местности: с северо-востока – по руслу Кайсарова ручья; с юго-востока – по руслу дренажной канавы, соединенной с ручьем; с юга и запада – по линии полосы отвода автомобильной транспортной развязки и Северной железной дороги Москва – Архангельск. Объект охватывает площадь около 7 га. Б*о*льшую часть его территории занимает лесной массив, в юго-западной части – открытое пространство (поляна), на котором расположено здание часовни (адресная привязка пер. Завражский, 10а). Часовня одноэтажная, кирпичная, возведена в 1911 г. на месте сгоревшей, деревянной. В настоящее время здание используется под жилье. Вокруг постройки разработан огород, к северу располагается небольшой пруд, к западу засыпанный пруд, в котором в 2008 г. А. В. Суворовым были обнаружены человеческие кости. Еще западнее расположен пустырь, на поверхности которого прослеживаются следы строительной деятельности (колеи

---

[566] Флеров А. О древностях вологодских и Зырянских // Вестник Европы.– № 15. 1814. Ч. 76. С. 217.

[567] Панов Л. С. Ук. соч. С. 60.

[568] Письмо «О фактах разрушения памятников археологии» от 04.08.2008 г. // Архив АУК ВО «Вологдареставрация». Оп. 3. Инв. 812.

Достопримечательное место «Поляна Белоризцев», часовня. Вид с севера. Фото Зажигина О. В.

от тяжелой техники, рытвины, ямы), что связано с сооружением транспортной развязки в начале 2000-х годов.

Ознакомление с планами г. Вологды конца XVIII–XIX вв. показало, что на двух из них в районе нахождения часовни выделен незначительный по размерам земельный участок. К сожалению, никаких пояснений на планах не было. К участку от Горнего Успенского монастыря подходила дорога[569].

Перед началом полевых археологических работ удалось получить некоторые сведения об объекте от нынешнего владельца здания часовни и прилегающего земельного участка Сухотской Людмилы Ивановны (1950 г. р.), которая проживала здесь и в дет-

[569] 1780 г. Первый регулярный план г. Вологды. РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Вологодская губ. Д. 7. Л. 1; 1781 г. Копия первого конфирмованного плана г. Вологды с ошибочной датой (1784 г.), помещенная в собрание «Литографированные планы городам Вологодского наместничества» (1829 г.). ВГИАХМЗ. ВОКМ-18165 // Режим доступа: http://historymaps35.vologdamuseum.ru (дата обращения 02.01.2020).

ские годы. По её словам, человеческие кости являются нередкой находкой при производстве работ на огороде. Находили кости и к западу от часовни на пустыре. Обычно их там и перезахоранивали в неглубоких ямах. О каких-либо находках значимых археологических предметов ей неизвестно. Так же Сухотская Л. И. сообщила, что в здании часовни под полом залегает камень, под которым по преданию похоронены белоризцы, там же располагаются два склепа. К сожалению, нам не было предоставлено возможности осмотреть эти объекты. По информации Людмилы Ивановны, в послевоенное время б*о*льшая часть территории достопримечательного места была занята огородами и временными постройками (сараями). У городских властей был не получивший развития опыт устройства здесь питомника для саженцев. От него в наследство остались следы регулярных лесопосадок. Активное облесение участка началось 40–50 лет назад.

В ходе полевых археологических исследований 2020 г. участок достопримечательного места был тщательно обследован пешими маршрутами. Каких-либо выраженных следов построек, насыпей не было обнаружено, были намечены места постановки шурфов.

Всего исследовано 8 шурфов.

Шурф 1 расположен в 26 м к северо-западу от здания часовни. Размеры шурфа 2×2 м, в процессе работ площадь шурфа была доведена до 5 кв. м. Слой в шурфе представлен перемешанными коричневым и темно-серым суглинками. Почти сразу под дерном в южной части шурфа были зафиксированы беспорядочно расположенные человеческие кости, залегающие в яме. Антропологический анализ, выполненный Т. А. Пантелеевой, показал, что в яме находились разрозненные останки не менее восьми человек, в том числе, пяти взрослых индивидуумов и троих детей. Удалось определить возраст двоих детей – 8 и 10 лет. Вещевого материала в яме не найдено. Очевидно, что в яме было совершено перезахоронение разрозненных останков. На глубине 0,8 м от поверхности, в могильной яме, заглубленной в материк на 0,35 м, обнаружено погребение.

Погребение ориентировано головой на юго-запад, костяк удовлетворительной сохранности. Кости скелета располагались в анатомическом порядке, руки погребенного были сложены на поясе. В яме отмечены следы древесного тлена, возможно, от гроба или колоды, находок в погребении и засыпке могильной ямы не было обнаружено. Антропологический анализ установил, что останки принадлежат мужчине 25–35 лет, следов каких-либо прижизнен-

Достопримечательное место «Поляна Белоризцев», погребение. Вид с северо-востока. Фото Кукушкина И. П.

ных травм и хронических заболеваний, которые могли бы стать причиной смерти, не было выявлено.

При сборе подъемного материала на огородах вокруг здания часовни было найдено значительное количество костей, из которых 47 были определены как принадлежащие человеку. Среди них останки взрослых и детей. Также была найдена керамика Нового и Новейшего времени.

По периметру границы достопримечательного места поставлено 7 шурфов, один в центре. В шурфах выявлен культурный слой в виде темно-серого суглинка с угольками, древесным тленом мощностью до 0,7 м. Во всех шурфах найдены фрагменты керамики Нового, Новейшего времени, кости животных. Индивидуальные находки представлены конской подковой и обувной подковкой.

В результате археологических исследований достопримечательного места «Поляна Белоризцев» подтвердилось наличие захоронений в районе часовни Белоризцев. По материалам разведочного шурфа, распространению подъемного материала и сведениям, полученным от местных жителей, представляется возможным предварительно определить границы участка, занятого погребениями. Участок расположен на юго-западе достопримечательного места в районе бывшей часовни, его площадь около 0,7 га. Обнаруженное в шурфе погребение по обряду не выходит за рамки православной традиции. Выявленное перезахоронение,

находки отдельных костей в подъёмном материале, материалы публикаций, информация от археологов и местных жителей свидетельствуют о неоднократных разрушениях захоронений в результате антропогенной деятельности и фактах перезахоронения останков. Наличие культурного слоя, находок в шурфах по периметру и в центре достопримечательного места говорит о хозяйственном освоении территории в Новое, Новейшее время. Скорее всего, территория использовалась для сельскохозяйственных нужд.

Таким образом, археологические исследования существенным образом дополнили и конкретизировали наши познания об объекте и вкупе с комплексом историко-архивных и топографических изысканий позволили включить достопримечательное место «Поляна Белоризцев» в Единый государственный реестр объектов культурного наследия народов Российской Федерации в качестве объекта культурного наследия регионального значения и утвердить его границы[570].

Егорова Юлия Сергеевна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории и мировой политики
ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»,
г. Вологда

ИСТОРИЯ РУССКОЙ АМЕРИКИ: МЕСТА ПАМЯТИ И КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

История Русской Америки как локальный нарратив остается одним из немногих политически нейтральных и при этом вызывающих взаимный интерес «исторических мостов» между Россией и США. Восприятие данной темы российским общественным сознанием в основном сформировано двумя эмоциональными образами: с одной стороны, освоение невероятно далекой (даже по российским меркам) территории Аляски храбрыми первооткрывателями, и сомнительностью сделки по её продаже – с другой. Собственно, те 70–80 лет достаточно трудной и временами конфликтной жизни небольшого сообщества колонистов по-прежнему вызывают

[570] Приказ Комитета по охране объектов культурного наследия Вологодской области от 23.10.2020 г. № 12-0/01-13.

интерес у историков. Парадоксально, но один из самых ярких эпизодов российской истории почти не изучается ни в школах, ни в университетах, а проблема сохранения памяти о Русской Америке совсем недавно начала привлекать внимание исследователей[571]. Статья посвящена обзору некоторых коммеморативных практик и мест памяти в Вологодской области, на основе которых планируется осмыслить основные направления работы памяти о Русской Америке в этом регионе. Автор признательна директору МБУК «Тотемское музейное объединение» А. М. Новоселову за оказанную информационную помощь в подготовке статьи.

Вологодчина являлась малой родиной для многих первых колонистов, направившихся осваивать Сибирь и Русскую Америку в XVII–XVIII веках. Поэтому интерес со стороны общественности к истории Русской Америки именно в этом регионе закономерен, однако коммеморативные практики в городском пространстве Тотьмы, Великого Устюга и Вологды не становились предметом комплексного исследования. Сохранение памяти о Русской Америке в Тотьме связано с именами известных русских первопроходцев тотьмичей. В первую очередь, следует остановиться на процессе увековечивания памяти об И. Кускове.

Сотрудники Тотемского музейного объединения изучили документы музея, страницы районных газет и пришли к выводу, что жизнь и деятельность И. Кускова никогда не забывалась. В 1915 году в период создания музея его портрет стал одним из первых экспонатов. 29 сентября 1947 года исполнительным комитетом Тотемского районного Совета депутатов трудящихся было принято решение об увековечивании памяти подвигов тотьмичей – знаменитых мореходов, открывателей и основателей новых земель в Тихом океане и Северной Америке[572]. С этого момента началась переписка сотрудников музеев Тотьмы и музея Форта Росс в Калифорнии. Первый директор Тотемского краеведческого музея Н. А. Черницын направлял запросы о наличии документов, фотографий Форта Росс в Центральный государственный архив древних актов (ныне РГАДА) в Москву, Государственный исторический музей, общался с писателем С. Марковым. В 1948 году он подавал ходатайство о переименовании городской площади в

---

[571] См., например: Алексеева Е. В. Русская Америка: акторы, места и формы культурной памяти // Журнал фронтирных исследований. Т. 5.– № 2(18), 2020. С. 92–121.

[572] Первый музей Русской Америки отмечает 30-летие. //Cultinfo. Культура Вологодской области. [сайт]. Режим доступа: http://cultinfo.ru/news/index.php?CODE=pervyy-muzey-russkoy-ameriki-otmechaet-30-letie (дата обращения: 8.01.2021).

площадь И. Кускова и установке обелиска мореходам, однако эта инициатива так и не воплотилась в жизнь.

В 1961 году Тотемский райисполком официально постановил назвать набережную Сухоны набережной Кускова. (В 2020 году был завершен первый этап её реновации). В 1960-е годы планировалось в районе сухонской пристани установить памятник И. Кускову, однако эта инициатива так и не была реализована. Памятник был возведен у открывшегося дома-музея в 1990 году.

Значительный вклад в популяризацию деятельности И. Кускова, а также в установление дружеских взаимоотношений с музеем Форта Росс в Калифорнии в 1970-е годы, внесла директор музея Е. П. Соломенко. Она вела переписку по вопросам дома И. Кускова и его сохранности с учеными Н. И. Рокитянским, В. П. Петровым, а также с С. Г. Федоровой. Известный тотемский краевед С. М. Зайцев также поддерживал отношения с американскими коллегами. В этот период формируется образ И. Кускова как основателя стратегически важной для Российской империи крепости Росс в Калифорнии. Вот что пишет Е. П. Соломенко о роли И. Кускова в газете «Красный Север»: *«В течение девяти лет он был правителем форта Росс в Калифорнии. Эта крепость имела для России большое политическое и экономическое значение. На посту правителя форта И. А. Кусков проявил недюжинные способности организатора промыслов, торговли и дипломата. Многочисленные туристы, приезжая в Тотьму, интересуются всем, что связано с именем известного первопроходца, посещают дом, в котором последнее время жил И. А. Кусков. К сожалению, дом находится в ветхом состоянии и требует капитального ремонта. Реставрация исторического памятника не терпит отлагательств»*[573]. Вероятно, интерес к личности И. Кускова был связан в то время с политикой разрядки, когда интерес к российско-американским отношениям был обусловлен снижением агрессивности во взаимоотношениях двух стран.

В конце 1980-х годов сотрудники Британского посольства в Москве Кэйт Кук и Кэйт Маррели откликнулись на просьбу помочь получить копии документов о И. Кускове из Национального архива США. При содействии американского советника по культуре мистера Бенси документы были быстро получены. С. Г. Федорова передала Тотемскому музею высланные ей из США обширные

[573] Соломенко Е. Сохраним память о землепроходце / Е. Соломенко // Красный Север.– 1976.– 15 окт.

материалы по реставрации дома Кускова в Форте Росс[574]. Американец Алексис Карамзин, потомок российского историка, передал через вологжанина И. М. Русалеева подборку открыток с видами Форта Росс. Американский профессор В. П. Петров прислал цветные фото и свои книги о форте для музея И. Кускова в Тотьме. Дом, в котором И. А. Кусков жил после возвращения из Калифорнии, лишь в 1979 году был включен в Свод памятников РСФСР, а в 1986 году здание было выкуплено у частных лиц. В 1976 году по случаю 200-летия американской независимости при участии американо-русского исторического общества и общества «Друзей Форта Росс» была отчеканена медаль в честь И. Кускова. Проект медали был создан американцами русского происхождения А. Ф. Долгополовым и Н. И. Рокитянским. На лицевой стороне изображен рельефный портрет И. Кускова (за основу был взят портрет из Тотемского музея), на оборотной стороне – вид крепости Росс с рисунка И. Г. Вознесенского (1840 г.).

Сегодня городское пространство Тотьмы – место памяти о Русской Америке. Кроме дома-музея И. Кускова и музея мореходов, в этом городе можно посетить уникальные храмы, построенные в особом тотемском архитектурном стиле, памятники российским мореходам и землепроходцам и аляскинской черной лисице. Монумент российским мореходам и землепроходцам был заложен в 2001 году во время Преображенской ярмарки при участии российского режиссера Н. Михалкова. Интересно, что его появление на ярмарке было большим сюрпризом для организаторов. Оказывается, далекий предок известного режиссера Федор Михалков в XII веке был тотемским воеводой, и род Михалковых имеет корни на Вологодчине[575]. Торжественное открытие монумента состоялось в 2005 году. Сам памятник представляет собой трехметровый гранитный постамент с установленной полусферой земного шара. На полусфере располагаются руки, сложенные в виде ладьи, и они держат герб Российского государства. На медном парусе, который возвышается над ладьей, прорезаны контуры храмов Тотьмы. Памятник аляскинской черной лисице был открыт 13 августа 2017 года и установлен на высоком берегу Сухоны рядом с церковью

---

[574] Зайцев С. Тотьма – Форт Росс // Красный Север. – 1987. – 31 декабря URL: https://www.booksite.ru/lichnosty/index.php?action=getwork&id=149&pid=161&sub=workabout (дата обращения: 8.01.2021).

[575] Утомленные ярмаркой.– № 33 (207) от 15 августа 2001 г. // Премьер. Общественно-политическая газета. [электронный ресурс]. Режим доступа: https://premier.region35.ru/archive/2001/08/np207/8s.shtml (дата обращения: 8.01.2021).

Успения. Сбор средств на возведение памятника был инициирован Московским историко-просветительским обществом «Русская Америка», президентом которого является В. Г. Колычев, уроженец Тотьмы[576]. Ежегодно в июле на площадке перед домом-музеем И. Кускова празднуется «День Русской Америки». Мероприятия организованы на различных интерактивных площадках, где зритель может увидеть не только Ивана Кускова с супругой, но и российских мореходов и путешественников, а также индейцев.

В городском пространстве Великого Устюга находится несколько мест памяти, связанных с Русской Америкой. Считается, что голубые ели, растущие в городе, были завезены сюда с Аляски промышленником Дмитрием Полутовым[577]. Памятник известному первопроходцу Семену Дежневу был установлен в Устюге значительно раньше, чем памятник И. Кускову в Тотьме. Это произошло в 1971 году. Любопытна история старинного парка, который располагается в самом центре города. М. М. Булдаков подарил этот парк в 1824 году своему родному городу. В 1937 году «Общественный сад» был переименован в «Городской парк». В 2009 году по многочисленным просьбам устюжан городскому парку культуры и отдыха было присвоено имя М. М. Булдакова[578]. Интересно, что в 2009 году исполнилось 210 лет с момента основания Российско-американской компании, первенствующим директором которой долгие годы являлся М. М. Булдаков. В то же время памятник известному купцу появился в Великом Устюге, только спустя 10 лет. Новый архитектурный объект был открыт 7 июля 2019 года возле парка культуры и отдыха в Великом Устюге[579]. Памятник М. М. Булдакову был возведен на средства мецената, почетного гражданина Великоустюгского района Виктора Чучина. Арт-объект представляет собой трехметровый бронзовый монумент, оборудованный системой ночной подсветки. На постаменте Михаил

---

[576] В российском городе Тотьма открыли памятник аляскинской черной лисице. // Русская Америка [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.therussianamerica.com/russian_newscenter/articles/2017/08/20/v-rossiyskom-gorode-totma-otkryli-pamyatnik-alyaskinskoy-chernoy-lisice (дата обращения: 8.01.2021).

[577] Красильников Н. За счастьем на Аляску. // Великий Устюг.– Вологда, 2009.– Вып. 5. С. 317–323.

[578] МБУК Великоустюгский Культурно-досуговый центр. [сайт]. Режим доступа: http://gdkvu.ru/index/o_parke/0-23 (дата обращения: 8.01.2021).

[579] Памятник купцу Михаилу Булдакову появился в Великом Устюге. //Cultinfo. Культура Вологодской области. [сайт]. Режим доступа: http://cultinfo.ru/news/index.php?CODE=monument-to-the-merchant-mikhail-buldakov-appeared (дата обращения: 8.01.2021).

Булдаков изображен в полный рост. Облик купца был воссоздан по портрету его брата, так как никаких прижизненных портретов первенствующего директора не сохранилось. В ансамбль памятника включена информация о жизненном пути Михаила Булдакова. Отмечается, что он заложил великолепный сад в 1824 году, который потом подарил городу. Здесь также расположена копия его письма, в котором он выражает свое намерение подарить сад городу. Арт-объект является новым местом памяти в городском пространстве Великого Устюга, призванным формировать у горожан образ Булдакова, с одной стороны, как великоустюгского мецената, стремившегося внести вклад в развитие инфраструктуры своей малой родины, а с другой – как известного российского деятеля Российско-американской компании. В день открытия памятника директором гуманитарно-педагогического колледжа Сергеем Копыловым была проведена экскурсия для всех желающих по бывшему особняку Михаила Булдакова[580].

В 2000-е годы представители власти и общественные организации города Вологды активно включились в работу по сохранению памяти о Русской Америке. При Вологодском отделении Русского географического общества была создана комиссия «Наследие Русской Америки». Координатором комиссии является И. А. Поздняков, а научным руководителем доктор исторических наук, профессор А. Ю. Петров. В краткой аннотации деятельности комиссии на сайте ВОО РГО указано, что *«История Русской Америки – один из блестящих примеров великих географических открытий, сделанных представителями Вологодской губернии, которые составляли большинство среди первопроходцев, промышленников и мореплавателей (до 70% на ранних этапах освоения). Имена А. А. Баранова, И. А. Кускова, С. Дежнева и других вологжан известны во всем мире»*[581]. Своей задачей комиссия ставит «вовлечение в научный, общественный и общекультурный оборот вологодского наследия Русской Америки, популяризация вклада вологжан в освоение Аляски, Калифорнии на федеральном и международном уровнях, в том числе в виде

[580] Памятник купцу Михаилу Булдакову появился в Великом Устюге. //Cultinfo. Культура Вологодской области. [сайт]. Режим доступа: http://cultinfo.ru/news/index.php?CODE=monument-to-the-merchant-mikhail-buldakov-appeared (дата обращения: 8.01.2021).

[581] Вологодское областное отделение Русского географического общества. [официальный сайт]. Режим доступа: http://www.vrorgo.ru/2019/06/03/mezhdunarodnaya-konferenciya-dialog-fort-ross-proxodit-v-vologde/ (дата обращения: 8.01.2021).

публикаций статей и коллективных работ на русском и европейских языках, включая интернет-ресурсы»[582].

В начале июня 2019 года при поддержке и участии ВОО РГО Вологда впервые стала площадкой для проведения Диалога Форт Росс[583]. Вологодское отделение РГО многие годы сотрудничает с Сарой Свидлер, председателем Общества по сохранению Форта Росс и Робин Джой, руководительницей, основательницей и ведущей программы «Жизнь в окружающей среде» музея Форта Росс[584]. В своем приветственном слове Специальный представитель президента Российской Федерации по международному культурному сотрудничеству Михаил Швыдкой обратил внимание, что Вологодчина является Родиной Ивана Кускова: *«Это счастливое место, это счастливый день – мы на Родине Ивана Кускова (русского исследователя Аляски и Калифорнии, основателя и коменданта крепости Форт Росс). Вологодский край – удивительный край! Он не знал иностранных захватчиков, здесь не было крепостного права, здесь жили свободные люди, здесь в 1918 году целых девять месяцев находилось американское посольство. Кого только не дала вологодская земля русско-американским отношениям. Важно, что мы будем говорить сегодня не только об истории, не только о самом Форте Росс, который стал символом удивительного совершенно мирного соединения двух народов, но мы будем говорить и о современном. О том, что такое искусственный интеллект, можно ли нам сотрудничать в этой сфере, как это сотрудничество будет развиваться. Естественно, мы будем говорить о санкциях, потому что управлять такого рода процессами экономическими и не думать о политических рисках сегодня бизнес не может»*[585].

Губернатор Вологодской области О. А. Кувшинников напомнил об инициативе, которая давно обсуждалась, необходимости организации нового праздника – Дня Русской Америки: *«Предлагаю в целях продвижения идей мира и взаимопонимания вернуться к вопросу об установлении единого Дня Русской Америки. Такая инициатива уже нашла поддержку со стороны министра иностранных*

---

[582] Вологодское областное отделение Русского географического общества. [официальный сайт]. Режим доступа: http://www.vrorgo.ru/2019/06/03/mezhdunarodnaya-konferenciya-dialog-fort-ross-proxodit-v-vologde/ (дата обращения: 8.01.2021).

[583] Там же (дата обращения: 8.01.2021).

[584] Там же (дата обращения: 8.01.2021).

[585] В Вологде проходит Международная конференция «Диалог Форт Росс». // Всероссийская общественная организация «Русское географическое общество». [официальный сайт]. Режим доступа: https://www.rgo.ru/ru/article/v-vologde-prohodit-mezhdunarodnaya-konferenciya-dialog-fort-ross (дата обращения: 8.01.2021).

дел. Как вариант, можно приурочить этот день ко дню основания Форта Росс по старому стилю – 30 августа»[586].

По мнению О. А. Кувшинникова, Форт Росс является символом мира. Он сравнил историю взаимоотношений России и США с кружевоплетением, отметив также, что Вологодчина является одним из самых больших и развитых регионов России, поставляет свою продукцию более чем в 120 стран[587].

На наш взгляд, сегодня в Вологодской области перспективные направления работы памяти связаны с образом И. Кускова, который является символом позитивных взаимоотношений России и Америки. Эта модель памяти на сегодняшний день оказалась эффективной с точки зрения ее применения. Еще одна модель памяти связана с собирательным образом храброго и деятельного вологжанина-первопроходца. Отмечается, что на ранних этапах освоения Сибири и Аляски именно вологжане были первыми среди колонизаторов этих территорий. Любопытно, что образ М. Булдакова по сравнению с образами С. Дежнева и И. Кускова тесно связан с его купеческой и благотворительной деятельностью в родном городе, а не с Аляской, где, кстати, он так никогда и не побывал при жизни.

***Чебыкина Настасья Владимировна**,*
научный сотрудник
Горшков Олег Евгеньевич,
заместитель директора по научной работе
Музея народных промыслов и ремёсел Приморья,
пос. Уемский – г. Архангельск

ПРОЕКТ «СЛАДКО ЖИТЬЁ» КАК ИНСТРУМЕНТ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО И ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ПОМОРЬЯ

Музей народных промыслов и ремёсел Приморья расположен на территории поселка Уемского, в прошлом деревни Уймы,– места, не только обладающего собственной богатой историей, но и

[586] В Вологде проходит Международная конференция «Диалог Форт Росс». // Всероссийская общественная организация «Русское географическое общество». [официальный сайт]. Режим доступа: https://www.rgo.ru/ru/article/v-vologde-prohodit-mezhdunarodnaya-konferenciya-dialog-fort-ross (дата обращения: 8.01.2021).

[587] Там же.

связанного с литературным наследием архангельского сказочника Степана Григорьевича Писахова. В сентябре 2020 года в Музее народных промыслов и ремёсел Приморья состоялась презентация проекта «Сладко житьё», поддержанного в рамках X открытого грантового конкурса музейных проектов благотворительной программы «Музеи Русского Севера» компании «Северсталь» за счёт средств специального гранта компании «TUI Россия» и напрямую связанного с популяризацией писаховского наследия.

Сказки С. Г. Писахова можно считать уникальным явлением русской литературы. Они сочетают в себе фольклорные и литературные традиции, представляя собой их своеобразный синтез, тесно связаны с народным искусством и мировоззрением, но при этом оригинальны, содержат вымысел, в них отражены характерные для поморов детали быта, занятия, привычки, интересы, психология. Реальное, житейское и фантастическое в сказках Писахова не просто сосуществуют вместе, а естественно переплетаются, переходя одно в другое.

Сказочные события происходят в реальном окружении. Место действия большинства сказок – деревня Уйма недалеко от Архангельска, которая становится центральным локусом художественного пространства. Пространство вокруг этого центра сказочного мира создано с топографической точностью: Архангельск с указанием некоторых его районов (Маймакса и Соломбала), река Двина, близлежащие деревни «Верхне-Ладино» (Верхнее Ладино), Жаровиха, Глинник, Лявля и др. Художественное время также легко угадывается: конец XIX – начало XX в. На него указывает целый ряд деталей: телефон, трамвай, урядник, «инстервенты» и т. д. В некоторых сказках есть прямые указания на художественное время: *«Было это в японску войну»* («Мобилизация»)[1]; *«...перед самой японской войной...»* («Девки в небе пляшут»)[2]; *«Было это в девяносто...»* («Железнодорожный первопуток»)[3] и т. д. Вместе с тем в реальном художественном пространстве и времени происходят невероятные события, характерные для сказок-небылиц: мужики на треске гуляют, белые медведи на базаре торгуют молоком, соборна колокольня выходит замуж за пожарну каланчу... Вероятнее всего, в сказочное пространство попали колокольня Архангельского кафедрального собора и пожарная каланча, находящаяся в начале XX в. на пересечении Троицкого проспекта и

[1] Писахов С. Г. Сказки. Очерки. Письма.– Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1985. С. 74.
[2] Там же. С. 73.
[3] Там же. С. 80.

улицы Свободы, ныне утраченные, но увековеченные в сказке[4]. В целом можно отметить, что сказки насыщены такими бытовыми, географическими, архитектурными деталями, как будто все это происходило в действительности. Читателю словно предлагается поверить в реальность происходящего.

Слияние реального и фантастического уровней в художественном пространстве проявляется в том, что реальные географические объекты приобретают фантастические характеристики[5]. Деревня Уйма может поменять свое местоположение в пространстве и отправиться в город на свадьбу: *«Дома степенно идут, не качаются, для форсу крыши набекрень ... А бани да овины, как малы робята, вперегонки»* («Уйма в город на свадьбу пошла»)[6]. Деревня способна подняться над землёй: *«Я под Уймой в разных местах дыр навертел, а в дыры ветров натолкал. Уйму ветрами вызняло высоко над землёй»*[7] («На Уйме кругом света»). При этом положение Уймы как своеобразного центра сказочного мира подчеркивается её статичностью по отношению к Земле, которая «свой ход не менят».

Также с реальностью связан образ главного героя сказок и рассказчика Сени Малины. Прототипом этого персонажа является житель Уймы Семён Михайлович Кривоногов, который родился в 1856 году. Контуры образа Сени Малины очерчены С. Г. Писаховым благодаря встречам с С. М. Кривоноговым в Уйме в 1928 году. Рассказывая о своем знакомстве с уемским балагуром и рассказчиком, которого деревенские прозвали Семён Малина, Степан Писахов отмечает: «чтя память безвестных северных сказителей – моих сородичей и земляков,– я свои сказки веду от имени Сени Малины»[8]. Писахов в предисловии к своим сказкам упоминает только одну встречу: *«С Сеней Малиной я познакомился в 1928 году. Жил Малина в деревне Уйме, в 18 километрах от города. Это была единственная встреча. <...> На прощанье рассказал, как он с дедом «на корабле через Карпаты ездил» и «как собака Розка волков ловила»*[9]. Однако согласно воспоминаниям потомков Семёна Кривоногова, встреч было несколько.

Талант сказочника-баечника С. М. Кривоногова высоко оценил академик, заслуженный деятель науки РСФСР И. С. Мелехов, ставя

---

[4] Попов А. Н. Город Архангельск. История. Культура. Экономика: крат. краеведч. очерк с прил. плана // Андрей Николаевич Попов: Труды. Творческая биография. Биобиблиография.– Архангельск: Правда Севера, 2013. С. 352.

[5] Михеева Г. В. Специфика художественного пространства сказок С. Г. Писахова // Litera.– 2018.– №4. С. 168–174.

[6] Писахов С. Г. Указ. соч. С. 33.

[7] Там же. С. 47.

[8] Писахов С. Г. Указ. соч. С. 24.

[9] Там же.

его в один ряд с дарованием Маремьяны Голубковой и Марфы Крюковой, обращая внимание на то, что сюжеты о мороженых песнях, о том, как Уйма в город пошла и фантастических приёмах ловли рыбы на Двине он услышал от своего отца и его друзей как устные рассказы Семёна Малины (Кривоногова). Так же, как и Кривоноговы, Иван Степанович говорит о неоднократном посещении Уймы известным художником и сказочником[10].

Возвращаясь к биографическим сведениям, отметим, что родственники Семёна Михайловича вспоминают, что «после 7-летней службы во флоте в Петербурге» Кривоногов вернулся в родную деревню, занимался охотой, рыбной ловлей, лесным делом. Был он хорошим маляром, мастерски стелил и шпаклевал полы. Окончил 2 класса сельской школы, любил читать, знал грамоту, об этом свидетельствует документ «По прошению крестьян Архангельской губернии Уемского и Жаровихинского сельских обществ об образовании Уемской волости», где «...за себя расписался Семен Кривоногов»[11]. Обладал хорошей памятью, знал множество историй, умел и любил «баять», в рассказы вставлял свои «прибавленьица», выдумки, часто говорил: «Не любо – не слушай, а врать не мешай». Женился Семён Михайлович поздно. У Семёна и его жены Матрёны было семеро детей – 5 сыновей и 2 дочери.

Несмотря на обозначенный С. Г. Писаховым год смерти С. М. Кривоногова – 1928 (родственники склонны считать годом конца его жизни 1932 год), точная дата так и не установлена, не сохранилось ни одной фотографии Семёна Михайловича, имеются лишь образцы его почерка. Однако «сказочно-хронологические» рамки жизни Сени Малины простираются, вероятно, от Первой до Второй Отечественных войн. Не считая «переноса во времени» к Мамаю[12], Малина выгоняет из Москвы Наполеона[13] и сражается с фашистами в сказочной незавершенной дилогии «Малина на фронте»: *«Да ведь этот старик тот самый Малина, который инстервентов волками травил, а теперича нас грибами залипил»*[14].

---

[10] Мелехов И. О родном Севере (из воспоминаний).– Архангельск, 1993. С. 48–49.

[11] ГААО. Ф. 71. Т. 1. Оп. 30. Д. 448. С. 3.

[12] В сказке «Мамай» есть некоторые намёки на перемещение героя во времени: «Я объяснил честь честью, что из нашего уемского времени с собой [пароход] прихватил. Успокоил, что в скорости домой ухожу...» [Писахов С. Г. Указ. соч. С. 78].

[13] Писахов С. Г. Указ. соч. С. 76–77.

[14] Козлова Н. В. «Рад и горд, что я русский!» Творчество С. Г. Писахова в годы Великой Отечественной войны // Беломорские чтения: [сборник / Адм. муницип. образования «Приморский р-н» [и др.].– Архангельск, 2015.– Вып. III: Материалы IV Межрегиональной научно-практической конференции: (11 июня 2020 года, посёлок Уемский), 2020. С. 117.

Здесь Писахов достаточно серьёзен: он старается придать определённую биографическую целостность и достоверность своему герою – это уже не Сеня Малина 1930-х: *«Сперваначалом меня на фронт брать не хотели. Говорят – из лет вышел... Тут дохтурская комиссия стала меня смотреть – поворачивать... Зачислили меня в обоз, как мужика справного да хозяйственного»*[15].

По этим причинам у посетителей музея и людей, знакомых с жизнью уемского балагура, складывается впечатление, что он просто переселился в сказку[16].

Представляется весьма интересным, что прототипом Перепилихи родственники Семена Кривоногова считают его дочь Анисью. В одном из писем, написанных их потомками и друзьями семьи, есть развёрнутая характеристика этого человека (речь идёт о периоде Великой Отечественной войны): *«...Всё хозяйство держалось на ней: корова, куры, поросенок, продажи молока, яиц... За детьми в основном (за внуками) ухаживала Анисья Семеновна*[17]*. Но характер у Анисьи был суровый. Все внуки её слушались. Она любила читать... Она на зиму из леса заготавливала ягоды (морошки, черники, клюквы, брусники, рябины), грибы. Она знала всё, не боялась заблудиться. Ловила дичь (тетерева, рябчики, глухари)*[18]*...Когда у нас с Ниной в 1957 г. родилась дочь Светлана (уже в Жуковском), то к нам приехала Анисья Семёновна. 10 лет она помогала нам. Светлана выросла у неё на руках. Мы с Ниной были на работе. Всё наше домашнее хозяйство вела бабушка Анисья»*[19].

Биография С. М. Кривоногова пополняется новыми подробностями. Так, его потомок А. С. Кривоногов говорит о том, что три старших сына балагура служили на фронтах Первой мировой войны. Третий сын, по мнению потомка, не подлежал призыву, так как «это в разрез царскому указу, что на фронт Мировой не

---

[15] Козлова Н. Г. Указ. соч. С. 116.

[16] Горшков О. Е. Образовательный потенциал экскурсионной программы «Сеня Малина: были и небылицы» // Контроль и оценка компетенций обучающихся как условие повышения качества образования [Текст]: сборник материалов XXII Студенческой научно-практической конференции и XVII Межрегиональных (с международным участием) педагогических чтений (Архангельск, 24–25 февраля 2015 года).– Архангельск: КИРА, 2015. С. 218.

[17] Письмо Варфоломеева В. Т. от 26 июня 2006 г. // Архив МБУ «Музей народных промыслов и ремёсел Приморья». Л. 1.

[18] Письмо Варфоломеева В. Т. от 26 июня 2006 г. // Архив МБУ «Музей народных промыслов и ремёсел Приморья». Л. 1 об.

[19] Письмо Варфоломеева В. Т. от 26 июня 2006 г. // Архив МБУ «Музей народных промыслов и ремёсел Приморья». ЛЛ. 2, 2 об.

больше двоих призывали». Существует мнение, что это обусловлено последствиями трагического инцидента на охоте, которую организовывал Семён Михайлович...[20] Данный факт нуждается в отдельном исследовании.

В нынешнее время образ Семёна Кривоногова – Сени Малины – интерпретируется не только его популяризаторами, но и самими родственниками балагура:

Сеня Малина был наш дед,
150 ему уж лет.
Балагур, но очень скромный,
Как сейчас его я помню.
В тридцатых всем сказал привет.
На шутки он давал такой ответ:
– Моя неправда не вредит,
Спроси Матрену. Подтвердит!..[21]

Данная особенность сказок С. Г. Писахова легла в основу проекта «Сладко житьё». Главная идея проекта состоит в том, чтобы совместить исторические и фантастические образы деревни, воссоздать карту, максимально отражающую реальную географию Уймы конца XIX – начала XX вв., в рамках которой будут отражены основные события сказок. Образ Уймы как сказочного пространства в проекте реализован на основе одноименной сказки С. Г. Писахова: *«Мы домы пряниками обставили, крыши пряниками накрыли. В пряниках окошки прорубили. У пряничных домов углы, обоконники и крыши лампасьем леденцовым разноцветным облепили. Даже издали глядеть сладко»*[22]. В какой-то мере данный образ является символичным: он олицетворяет мечту о жизни в достатке, в согласии друг с другом и с природой – буквальная иллюстрация выражения «сладкая жизнь». Уемляне дружны (несмотря на перебранки, о которых рассказчик повествует с юмором), работают «артельно». Именно благодаря этим характеристикам сказочная Уйма выделяется на фоне всех остальных деревень и противопоставляется городу, который лишён такой гармоничности.

---

[20] Письмо Кривоногова А. С. в связи с предстоящим 150-летием С. М. Кривоногова (2005–2006 гг.) // Архив МБУ «Музей народных промыслов и ремёсел Приморья». Л. 1.

[21] Письмо Кривоногова А. С. в связи с предстоящим 150-летием С. М. Кривоногова (2005–2006 гг.) // Архив МБУ «Музей народных промыслов и ремёсел Приморья». Л. 2.

[22] Писахов С. Г. Указ. соч. С. 161.

Также образ пряничной деревни – это переосмысление образа сказочной страны с «молочными реками» и «кисельными берегами». Такой облик Уймы позволяет подчеркнуть, что посетители, взаимодействуя с интерактивной картой, погружаются именно в сказочное пространство, хотя и связанное с реальной географической местностью.

Над проектом работали сотрудники Музея народных промыслов и ремёсел Приморья, художник Надежда Старицына, студенты Высшей школы информационных технологий и автоматизированных систем САФУ под руководством преподавателя М. И. Корзиной. Результатом проведённой работы стала игра – виртуальная экскурсия по сказочному пространству. Основным действующим лицом игры является сам Сеня Малина, который «встречает» гостей и показывает им уемские чудеса. В проекте представлены следующие сказки С. Г. Писахова: «Как Уйма строилась», «Перепилиха», «Апельсин», «Уйма в город на свадьбу пошла», «Кабатчиха нарядилась», «Собака Розка», «Налим Малиныч», «Пирог с зубаткой», «Морожены песни», «Снежны вехи», «Морожены волки», «Оглушительно ружье». Выбор сказок был обусловлен несколькими факторами: популярностью выбранных произведений («Перепилиха», «Апельсин», «Морожены песни»), наличием их в школьной программе, а также присутствием в тексте сказок основных мест и персонажей, связанных непосредственно со своими историческими прототипами. Персонажи сказок и постройки в «сладкой» сказочной Уйме изображены в стиле традиционных северных пряников – козуль[23]. При этом сказочное пространство в проекте пересекается с реальным посредством включения в проект фотографий и исторических справок.

Сам Писахов цель создания своих сказок определял так: *«...я сказку плету из воспоминаний прошлого. Цель моя – дать весёлую минуту и показать прошлое в настоящем виде»*. Таким образом, художественный мир сказок изначально можно считать построенным на единстве развлекательной и познавательной функции[24]. Это имеет особое значение в начальной школе, когда очень важна подача информации в занимательной форме[25]. В случае с

---

[23] Писахов С. Г. Указ. соч. С. 209.

[24] Овчинникова Л. В. Фольклорно-литературные сказки как составная часть отечественного литературного процесса 20–50-х гг. XX в. (С. Г. Писахов) // Москва: Портал «О литературе», LITERARY.RU. [сайт]. Режим доступа: http://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1205413551&archive=1206184753 (дата обращения: 24.05.2020).

[25] Скепнер Л. С. Словесное искусство русского Севера в литературном образовании и развитии школьников: книга для учителя: монография.– Архангельск: ПГУ им. М. В. Ломоносова, 2002. С. 173.

аудиторией младшего школьного возраста виртуальная экскурсия «Сладко житьё» призвана стимулировать у детей интерес к самостоятельному ознакомлению со сказками С. Г. Писахова.

Проект «Сладко житьё» позволяет проводить занятия и виртуальные экскурсии по сказочной Уйме с возможностью, в лучших традициях Писахова, связать их с реальными местами и людьми. Такой подход дает возможность погрузить экскурсантов в мир сказок С. Г. Писахова, помочь понять специфику уникального художественного мира северного писателя, а также культуру севернорусской деревни, её быт.

Николаев Иван Романович,
куратор проектов АНО «Идеи для музеев»,
член Международного конгресса морских музеев, г. Москва

РОЛЬ МУЗЕЕВ РУССКОГО СЕВЕРА В СОСТАВЕ СЕТИ МОРСКИХ МУЗЕЕВ РОССИИ

Сеть морских музеев России разнообразна и многогранна – на территории страны успешно функционирует свыше 200 морских музеев и музеев, включающих тематические экспозиции, включая корпоративные и частные музейные институции. Тем не менее, сеть морских музеев нельзя назвать равномерной и единообразной, значительное число музеев расположено на европейской части страны, в то время как музеи Сибири и Дальнего Востока менее распространены. Многообразие музеев также проявляется и в менее крупных территориальных образованиях, что во многом вызвано разностью процесса историко-культурного развития в регионах.

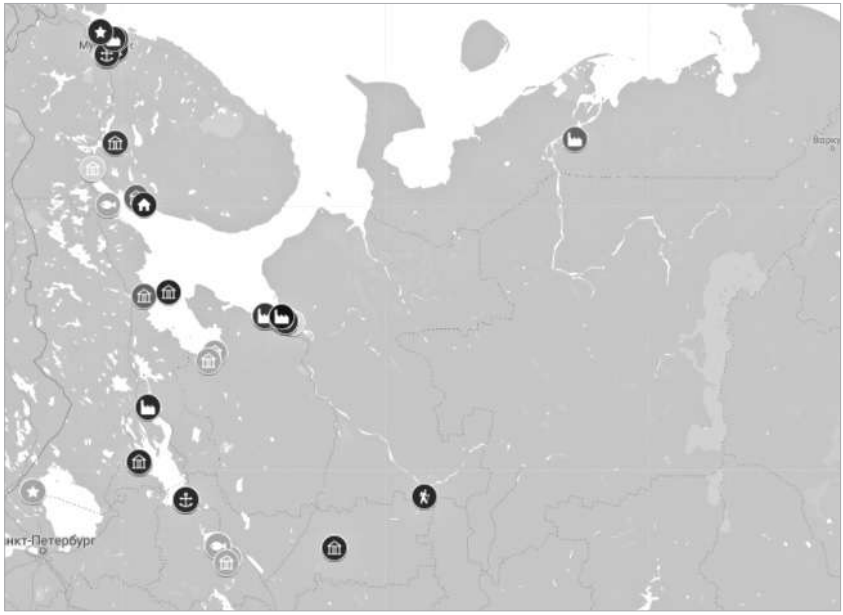
Особый интерес представляют музеи Русского Севера. Историко-культурные исследования в данном регионе зачастую сопряжены с изучением культуры поморов, морской культуры. Так, Звягин С. А. в монографии «Морское наследие Поморья: образы, функции, практики» практически в первых строках отмечает, что «Лейтмотив в понимании пространства Поморья состоит в том, что основа его освоения, его «внутренний каркас» содержит морскую, талассократическую парадигму...»[595]

[595] Звягин С. А. Морское наследие Поморья: образы, функции, практики.– Екб., 2020. С. 6.

Целью данного исследования стал анализ роли морских музеев Русского Севера в составе сети соответствующих музеев в Российской Федерации. Географические рамки исследования обусловлены наиболее устоявшимся определением границ Русского Севера, а именно границами Республики Карелия, Архангельской области, Республики Коми, Ненецкого автономного округа, Обонежья, побережьем Белого и Баренцева морей, на западе Белозерьем, бассейном реки Шексны (включая северо-запад Ярославской области – так называемое Пошехонье), нижнего течения реки Мологи, на востоке бассейнами рек Северной Двины, Пинеги, Мезени, Печоры, Вычегды и южной границей Вологодской области.[596]

На Изображении 1 представлены морские музеи Русского Севера:[597]

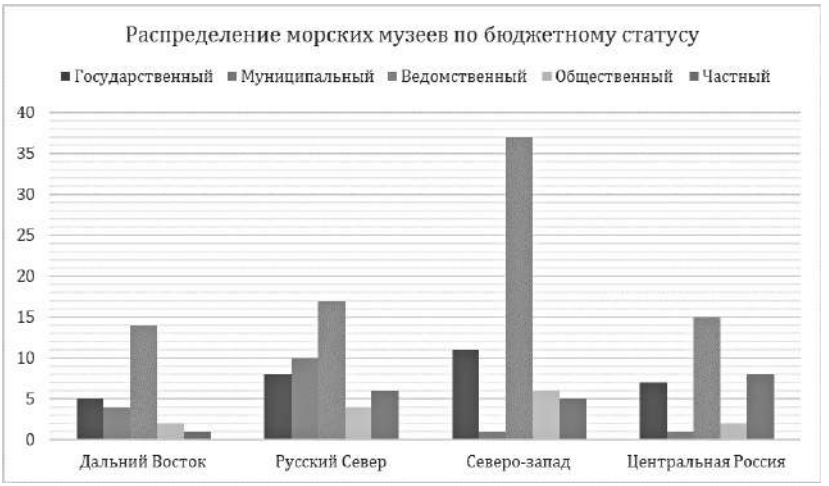
Всего на территории Русского Севера выявлено 45 музеев, включающих в состав экспозиции темы, связанные с морским наследием, что составляет 19,6% от общего количества морских

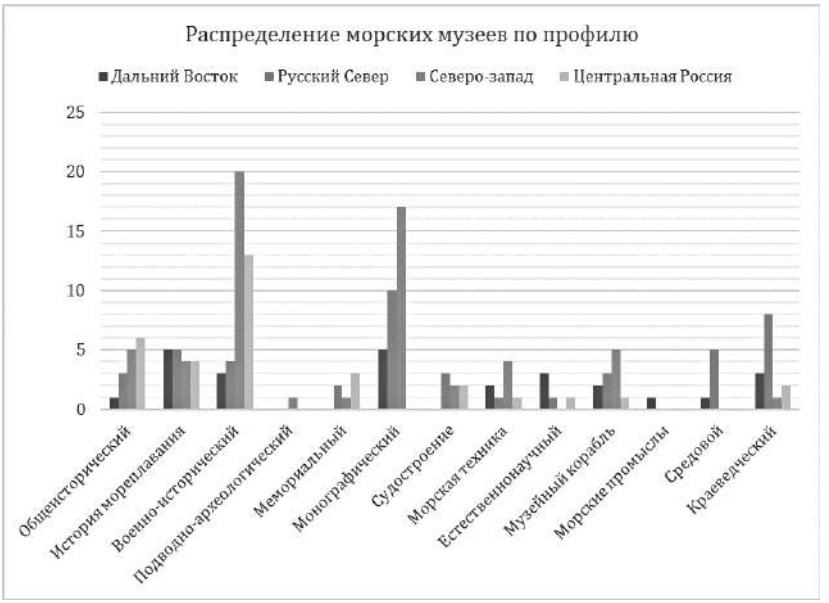
Изображение 1

[596] Ключевский В.О. Курс русской истории. Т. 1.– М., 1987.

[597] Полная карта морских музеев России, составленная автором. Режим доступа: http://bit.do/maritime-museums-ru

Изображение 2

Изображение 3

музеев в стране. Большее число музеев, функционирующих в устойчивой территориальной общности, представлено только в Санкт-Петербурге и Ленинградской области (Северо-запада) – 60 музеев. Схожее, но меньшее число музеев образовано на территории Центральной России и Дальневосточного экономического района – 33 и 26 музеев, соответственно.

Практики четырех представленных районов имеют ряд сходств и различий. Визуализация особенностей представлена на Изображениях 2, 3.

Как можно заметить, различия в статусах музеев выражены незначительно, однако присутствуют – в музеях Северо-Запада распространены ведомственные музеи, преимущественно, это музеи при производственных учреждениях, университетах, школах. Сам же приоритет ведомственных музеев – характерная для отечественной музейной сети особенность, прослеживающаяся с 70-х гг. XX-го века, когда в стране началось массовое развитие школьных музеев, кабинетов трудовой и боевой славы, и т. д.[598]

Особенностью музеев Русского Севера в данном случае является множество муниципальных музеев. Данная деталь восходит к важности отражения культуры Поморья в краеведческих музеях на местах, составляющих большинство выявленных муниципальных музеев.

Более явные различия заметны в контексте профильных изменений в регионах. В музеях Северо-Запада и Центральной России в значительной мере преобладает военно-историческая тематика. На Русском Севере же, напротив, более распространены «гражданские» темы экспозиций. В особенности это заметно в отношении уже упомянутых краеведческих музеев, явно выделяется обилие средовых музеев и историко-культурных комплексов, незначительным преимуществом обладает тема истории мореплавания, судостроения. Так же, как и на Северо-Западе, распространены монографические музеи, посвященные истории предприятий, университетов, трудовых объединений.

Отдельно стоит выделить средовые музеи – стремительное увеличение их числа началось в 2000–2010-х гг., преимущественно благодаря частной инициативе. Среди таких музеев и историко-культурных комплексов – историко-этнографические комплексы Тоня Тетрина, Сугорье, Порт Копсала, интерактивный музей «Галинские паруса». Учреждения различны по степени соотношения

[598] Курносов С. Ю. Становление и развитие морских музеев России. Диссертация на соиск. учен. ст. канд. культ. наук.– СПб., 2003. С. 106.

«музейности» и аттрактивности, однако демонстрируют приоритет интереса частных инициаторов к морской культуре и традиционным промыслам.

Также необходимо отметить частичное отношение ряда музеев к категории морских, преимущественно краеведческих. В исследовании рассматривались комплексные музеи, где роль морской культуры в экспозиции важна, но не всегда первостепенна. К таковым относятся Музей деревянного зодчества «Малые Корелы», ведущий работу по сохранению народного судостроения,[599] музеи, подробно раскрывающие культуру поморья, такие как музей истории города Кандалакша, музей деревни Ворзогоры, Малошуйский музей народного быта, Кемский музей и др.

Последняя группа особенно важна в контексте сохранения и продвижения морского наследия. В научных работах неоднократно подчеркивалась важность сохранения изучения и сохранения традиционной морской культуры, и музей способен выступать одним из главных действующих лиц в данном движении.

Находясь на удалении от основных туристических центров и крупных городов, музеи малых городов и сел способны выполнять функции музеев сообщества, более распространенных в зарубежной практике.[600] Подобные примеры функционируют и в отечественной практике, где значительный вклад вносят музеи малых городов и сел. Нацеленность музея на местное сообщество проявляется и в проектируемых музеях. Яркий пример – Шурышкарский районный музейный комплекс, планирующий переезд в новое здание в 2021 году, проект которого подразумевает создание внутримузейных пространств, ориентированных на местное сообщество – коворкинг-зон, музейного кафе и т. д.[601]

В перспективе развитие музейных институций с ориентиром на местное сообщество видится как активность, способная поддержать процессы устойчивого развития территорий за счет

---

[599] Крестьянские суда на севере: Памятники северорусского деревянного судостроения в собрании Музея «Малые Корелы».– Архангельск, 2015.

[600] Мастеница Е. Н. Музей в начале третьего тысячелетия: ведущие тенденции развития // Общество. Среда. Развитие.– № 3. 2020. С. 47–48.

[601] Конкурсная документация. Открытый конкурс в электронной форме. Выполнение работ для нужд МБУ «Шурышкарский районный музейный комплекс имени Г. С. Пузырёва» по формированию музейной среды в части: адаптирования архитектурного объекта под нужды, создания творческой концепции и технической документации с учётом размещения имеющихся объектов хранения (предметный ряд музея) и адаптации архитектурного объекта под нужды посетителей с ограниченными возможностями // Портал закупок [электронный ресурс]. Режим доступа: https://zakupki.gov.ru/44fz/filestore/public/1.0/download/priz/file.html?uid=A0052CB80D890032E0530A86121FDEC9.

вовлечения общества в сохранение и актуализацию морского наследия.[602] Морские музеи Русского Севера показывают не только возможность данного развития, но и заинтересованность в гражданском морском наследии, отличном от военно-исторического и монографического мейнстрима, характерного для советских лет и продолжающего сохраняться в центральных регионах страны.

Дудников Станислав Вячеславович,
магистр музеологии, независимый исследователь,
г. Рига, Латвия

О ВОЗДУШНОМ КРАЕВЕДЕНИИ

> *...наблюдение с воздуха вовсе не причуда и не забава: неожиданно с высоты открылись такие следы прошлого, о каких не могли и мечтать самые прозорливые наземные исследователи.*
>
> Лео Дойель «Полёт в прошлое»

Краеведение – комплексная работа по изучению края в географическом, экологическом, биологическом, историко-культурном и лингвистическом отношениях. Возможно, краеведение – только популяризация и актуализация ранее добытых естественными и гуманитарными науками знаний о какой-то территории. Возможно, что краеведение – относительно автономное интегральное исследовательское поле, способное самостоятельно добывать новое знание, и универсальное в отношении методов. Главное здесь то, что оба варианта краеведения по-своему способствуют приближению к верифицируемой научной истине. Ниже обсуждается возможность применения аэрометодов в краеведении и экскурсоведении – практик, которые потенциально соединяют в себе как популяризацию, так и получение научно значимых новых данных.

---

[602] Николаев И.Р., Горлов И.О. Актуализация речного культурного наследия на Русском Севере: перспективы и потенциал развития // Русский Север-2019: проблемы и сохранения историко-культурного наследия: сборник работ III Всероссийской научной конференции с международным участием.– Вологда, 2019.– С. 436–437.

Аэрометоды в краеведении

Начнём с археологии. Её предмет, как исторической дисциплины – прошлое человека. Её источниковая база – материальные следы прошлого: древние поселения со всем своим содержимым, отдельные сооружения, памятники культа и фортификации. Найденное изучают как сами археологи, так и специалисты других наук. Сохранение, демонстрация и актуализация археологических находок – это уже забота реставраторов, музейщиков и музеологов, этнологов, историков, искусствоведов, краеведов и экскурсоводов. Археологический памятник, таким образом, включён в процесс, этапы которого проходят по разным научным «ведомствам».

Больше ста лет назад в археологическом поиске выделилось особое направление – воздушная археология. Все, когда-либо использовавшиеся человеком, беспилотные и пилотируемые летательные аппараты – от воздушного змея до мультикоптера или спутника, и от аэростата до дельтаплана и вертолёта, применялись также и для поиска с воздуха археологических памятников. Можно вспомнить лишь о самых нашумевших удачах воздушной археологии. Это британские «хенджы», «курсусы», многочисленные римские виллы и лагеря легионеров, Гозекский круг и другие неолитические «круги» в Европе, венгерские ронделы, «Блайтские фигуры», агрокультурные террасы инков, аэросканирование LIDAR-ом кхмерских памятников Ангкорского периода, недавние аэроархеологические исследования в Индии и Саудовской Аравии.

В СССР и России аэрометоды успешно применялись, к примеру, в ходе работ многолетних археолого-этнографической Хорезмской и Кисловодской экспедиций[603]. Первый отечественный опыт аэроархеологических работ – исследования В. А. Шишкиным с самолёта топографии древнего Термеза и земель к западу от Бухарского оазиса – относится к 1934 г.

До недавнего времени с воздуха чаще памятники искали, чем изучали их. Сегодня эта ситуация меняется. Появление доступных беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), инструментов для воздушной съёмки в различных участках спектра и компьютерных программ для разноплановой обработки данных аэрофотосъёмки дают возможность не только лучше изучать, но и лучше сохранять и популяризировать памятники. Те же аэрометоды –

---

[603] *Толстов С. П., Андрианов Б. В., Игонин Н. И.* Использование аэрометодов в археологических исследованиях // Советская археология. № 1. 1962. С. 3–15; *Коробов Д. С., Борисов А. В., Бабенко А. Н., Сергеев А. Ю.* Работы в окрестностях Кисловодска // Археологические открытия. 2019. Т. 2017. С. 278–281.

воздушная разведка (как визуальная, так и инструментальная) – пополняют исследовательский арсенал краеведов. Ничто не мешает, раз мы уже имеем воздушную археологию, задуматься теперь и о воздушном краеведении – комплексном исследовании ландшафтов с воздуха, изучении археологии, природы и культуры края на базе аэрометодов. Сегодня наблюдается движение в сторону охранной археологии с набором недеструктивных, неразрушающих методов. Раскопки становятся нежелательными. Оформление всех «новых археологий» – индустриальной, виртуальной, сенсорной, экспериментальной, а также музеефикация непотревоженных памятников и культурных ландшафтов, неизбежно приводят в эту область музейщиков и краеведов, инструментарий которых постоянно обновляется и совершенствуется.

Представляется возможным получение археологами существенной помощи от краеведов. Так, воздушное краеведение может оказаться удачливее классической полевой археологии в поиске следов истории. Во-первых, известны примеры обнаружения новых памятников прошлого внутри уже изученных археологами объектов. Здесь играют роль благоприятные метеорологические условия, например, засушливое лето. Во-вторых, «ландшафтные палимпсесты» скорее открывают свои тайны тому, кто знает всё об исторических метаморфозах какой-либо территории (вот достойное применение микроисторической фактофилии краеведов!). Существенный вклад могли бы внести краеведы в дело сплошного археологического картографирования.

Стоит вспомнить также и про авиационную археологию – поиск с воздуха авиационной техники прошлого. Огневое воздействие, авиакатастрофа, вынужденная посадка из-за отказов техники – причины, по которым летательный аппарат находит пристанище в малонаселённой местности. В 1980-х гг. в Забайкалье с воздуха был найден и передан в авиамузей Монино самолёт «СБ» (АНТ-40). В то же время и так же с воздуха на новгородском болоте Невий Мох была найдена пара штурмовиков Ил-2, давно вышедших из эксплуатации и к тому времени уже практически нигде не сохранившихся[604]. Представляется, что краеведы лучше кого-либо подготовлены для авиационно-археологического поиска. Даже упавший в воду летательный аппарат может быть найден с воздуха: воздушная археология блестяще показала себя и в поиске скрытых под водой объектов. Поиск пропавших в прошлом лётных и морских экипажей, исследовательских экспедиций на базе

[604] Калинцев О. Ищу самолет // Советский музей – № 1. 1985. С. 50, 52.

аэрометодов и силами краеведов – также представляется весьма перспективным.

Перейдём теперь к естествознанию. В той мере, в которой краеведение вступает на его территорию, оно может обращаться и к опыту применения аэрометодов в его интересах. Давно и успешно, с воздуха, отслеживают антропогенную нагрузку на охраняемые ландшафты, обследуют их в самых разных отношениях (фитопатология, экологический мониторинг лесов и водоёмов, эрозионные, пожаро- и лавиноопасные процессы и другие опасные явления погоды, точное земледелие, авиаучёт животных в заповедниках, разведочная геология и аэромагнитометрия, картографирование территорий).

Охранно-археологические геоинформационные системы, невозможные без аэрометодов и спутникового картографирования, сегодня инкорпорируют в себя самые разные данные: пласты геоморфологической, палеобиогеографической, климатологической информации.

Сеть Интернет вывела на новый уровень и «любительскую науку». Сегодня добровольцы обрабатывают в интересах «большой» науки астрономические снимки, определяют размеры деревьев и дегустируют их плоды, проводят орнитологические и аэрологические наблюдения. Краеведы могут выступить инструкторами для любителей, посредниками между ними и профессионалами.

Новые горизонты просматриваются у школьного естествоведческого краеведения. С БПЛА можно изучать местные явления погоды (озерный бриз на Онеге – «достопримечательность», которых не так-то и много на Земле), облака примесей над городами и контрасты с их окрестностями в туманообразовании, и явления, вызванные астрономической и земной рефракциями. Наконец, с использованием БПЛА и метеорологических ракет можно ставить со школьниками опыты активного воздействия на облака и туманы.

Технические аспекты и методика применения аэрометодов в самых разных сферах деятельности человека отражены в обширной литературе. Лаборатории воздушного краеведения при музеях и библиотеках могли бы заниматься в том числе и обобщением опыта использования аэронаблюдений в конкретных местных климато-географических условиях.

Аэрометоды в экскурсионном деле

Воздушного экскурсоведения ещё нет. Но что мешает его появлению, если сами воздушные экскурсии уже существуют? Туристические самолёты летают над геоглифами Наска. Обзорный

показ из гондолы аэростата памятников совместного творчества людей и природы предлагают в турецкой Кападокии. Экскурсионные полёты доступны не только в странах с упрощённым авиационным законодательством, но и, к примеру, на Камчатке. Важная часть кремлёвских экскурсий в Вологде – подъём на колокольню для созерцания панорамы города с высоты нескольких десятков метров.

Экскурсии опираются на показ. Они давно вышли из стен музейных учреждений, но для последних одной из важнейших задач остаётся тот же показ, репрезентация наследия. При этом масштабы репрезентируемого постоянно стремятся к расширению и аэрометоды здесь давно и успешно используются. На сегодняшний день укоренилась практика производства особого подвида музеографической продукции – *аэромузеографии*[605]. Воздушные ракурсы выбирают для демонстрации объектов показа на сайтах музеев, буклетах, путеводителях, электронных приложениях, на входных билетах, «магнитиках» и открытках.

Эстетическая выгода воздушной демонстрации памятников породила целый жанр документальной фотографии и кино. Канон здесь был задан лётчиком и пионером воздушной археологии Осбертом Кроуфордом в работе «Уэссекс с воздуха»[606]. Позднее Георг Герстер и Клаус Лейдорф легитимировали аэрофотографию в качестве произведения искусства – аэрофотокартин[607]. И чем был фильм 2009 г. «Дом. История путешествия» Янна Артюс-Бертрана, если не воздушной экскурсией[608]? Чем будет успешная реализация проекта SPACE-X по программе космического туризма, если не од-

---

[605] Дудников С. В. Авиация в репрезентации культурного и природного наследия // Сохранение, изучение и популяризация наследия: опыт участия и векторы развития. Материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. 2019. С. 21–25.

[606] Crawford O. G. S. and Alexander Keiller. Wessex from the Air / O. G. S. Crawford and Alexander Keiller.– Ox., 1928. 263 с.

[607] Georg Gerster Air Photography [Сайт и цифровой архив аэрофотографии Г. Герстера. 2017]. Режим доступа: https://www.georggerster.com/en (дата обращения 25.12.2020); Klaus Leidorf Luftbilder [Сайт и виртуальный архив аэрофотографии К. Лейдорфа]. Режим доступа: http://www.leidorf.de/ (дата обращения: 25.12.2020).

[608] Пандемия затормозила выход на российский экран в 2020 году фильма немецких режиссёров Петры Хёфер и Фредди Рёкенхауса «Россия с воздуха» – опыта воздушной репрезентации памятников культуры и природы от Калининграда до Владивостока. В целом, гибридные аэрофото-видеопроекты реализуются сегодня повсеместно. Можно вспомнить проект 2015 г. «Пролетая над Кенозерьем», а не так давно, начавшись с Белозерска, был реализован облёт ландшафтов Русского Севера. См.: Аэроэкспедиция «Русский Север-2018». // Всероссийская общественная организация «Русское географическое общество». [официальный сайт]. Режим доступа: https://www.rgo.ru/ru/event/aeroekspediciya-russkiy-sever-2018 (дата обращения 25.12.2020).

новременно и логическим продолжением научных шоу времён полётов монголфьеров, и экскурсионными полётами на ознакомление с высшей формой природного наследия – самой планетой Земля?

Аэрометоды могут оказаться единственно возможной технологией экскурсии. Речь идёт о показе объектов, которым противопоказана антропогенная нагрузка (сакральные памятники, ареалы обитания исчезающей флоры и фауны) и которые сами могут представлять опасность для жизни и здоровья людей (опасные животные и явления природы, техногенная опасность объектов показа).

Вряд ли виртуальная воздушная экскурсия заменит собой традиционную пешеходную экскурсию. Просто в последнюю всё активнее будут внедряться элементы первой. «Портфелем» экскурсовода станет устройство типа планшета или смартфона, а его «ассистентом» – квадрокоптер. Всё это информационно уплотнит, «расцветит», «накачает» дополнительными смыслами экскурсии, а также геймифицирует их. Здесь уместно будет вспомнить, что страсть к поиску следов прошлого у Осберта Кроуфорда вспыхнула именно после школьной экскурсии.

Возможно и выделение в ГИС особых экскурсионных систем – ЭГИС. Специально для целей экскурсоводов такие системы будут создаваться наслаиванием на наличное городское пространство пластов самой разной информации: геологической, картографической (исторические карты и фотографии), фольклорной (включая городской фольклор: сообщением самых разных городских легенд «грешат» многие современные экскурсоводы), библиографической (художественная литература, поэзия, публицистика, вписанные в ассоциативный ландшафт) и историографической.

ЭГИС будут создаваться с широкой опорой на аэрометоды, но, возможно, их создание – избыточно. Уже сегодня существующие охранно-археологические и исторические ГИС можно рассматривать как виртуальные музеи, в коллаборации с которыми можно разрабатывать «живые» экскурсионные маршруты. И. В. Шмидт отмечает следующие преимущества в работе с такими ГИС:

1) экономия времени на сбор документальной базы по планируемым работам и на подготовку итоговой отчётности;

2) комплексность и оперативность информации, требующейся для планирования работ, регулярность её обновления и актуализации;

3) контроль любой активности на охраняемых территориях;

4) визуализация результатов охранной и исследовательской деятельности;

5) ГИС – ресурс для составления любой сложности презентаций, карт, сборников, для подготовки выставок[609].

Стимулировать внедрение воздушных элементов в экскурсии также будет и событийный туризм в места бытования нематериального наследия человечества. На наш взгляд, промысловые технологии, танцы, мистерии и карнавальные шествия, игры и спортивные состязания успешно поддаются репрезентации с воздуха.

На экскурсии демонстрируют не только прошлое, но и современность. Без аэрометодов трудно обойтись при показе ландшафтной живописи, растительных геоглифов, некоторых видов монументальной пропаганды и некоторых индустриальных памятников. И даже литературные произведения можно связывать с воздушным показом, достаточно вспомнить картину В. Корбакова «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны» по мотивам стихотворения Н. Рубцова.

Подобно тому, как некоторые находки подводной археологии наиболее целесообразно экспонировать в «своей» среде – в подводных парках, на экскурсиях с аквалангами, воздушный показ культурного ландшафта, в котором преломились все его исторические трансформации, представляется наиболее выгодным путём достижения целей многих экскурсий.

Ещё о возможных «воздушных» практиках краеведов и экскурсоводов

Современное краеведение, по признакам своей методологической универсальности и социокультурного проектирования, смыкается с гуманитарной информатикой Virtual Archeology, Urban и Digital History. И аэрометоды прочно укоренились во всех указанных исследовательских направлениях.

Со временем на стыке аэрометодов и VR/AR-технологий появятся краеведческие практики и типы экскурсий, сегодня недоступные. С воздуха можно будет наблюдать, скажем, за грандиозными сценами из жизни северодвинской фауны, вписанными в аутентичный ландшафт. На земле аттрактивность мемориальных мест, связанных с авиацией и воздухоплаванием, можно будет усиливать. Можно будет «видеть», как Катарина Паулюс или Ольга Древницкая снова принялись за свои аэронавтические трюки; как

---

[609] Шмидт И. В. Охранная археология в Германии. Часть вторая – тезисы о сложении новой культуры научного исследования и становления археологической ГИС Саксонии. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки.– № 4 (16). 2017. С. 239.

лишённая страха юная лётчица Лида Литвяк вновь поджигает в небе Сталинграда машины фашистских асов. И разве не заманчиво вместе с Александром Можайским, в полях под Вологдой – там, где зарождалась наука аэродинамика, запустить сделанный своими руками воздушный змей?

Уже скоро пешеходные, водные, вело- и автоэкскурсии-экспедиции в отдалённые от цивилизации места с помощью дронов будут снабжаться лекарствами и продуктами.

Дроны-поводыри будут сопровождать на экскурсиях незрячих людей. Со временем и сами дроны также выступят в роли экскурсоводов.

В музейных пространствах продолжатся опыты с авиасимуляторами и лётными тренажёрами, появятся историко-научные реконструкции самых знаменитых полётов, в которых экскурсанты станут «членами экипажей». Появятся экскурсии с использованием действующих реплик летательных аппаратов прошлого: махолётов, велосамолётов и орнитоптеров.

Школьная история и краеведение на базе БПЛА получат новое качество при обращении к сюжетам экономической и военной истории края, индустриализации, истории земледелия. Ещё качественнее их изучение сделают VR/AR-технологии.

Аэрофото- и видеосъёмка будут всё больше применяться не только в музеографии, но и в музейной педагогике. Например, для производства краеведческих МООК. И уже сегодня историческая урбанистика начала движение к 3-D печати, репрезентирующей застройку прошлого и отдельные памятники истории и архитектуры.

Заключение

Наземный наблюдатель не может охватить одним взглядом общий план местности, и не выходит ли так, что показ в музеях или даже вне его стен – это, почти всегда, показ частного?

Всеохватность и глубина воздушного ракурса, оживление всего длинного исторического пути развития ландшафта – вот причины, обусловившие ошеломляющую результативность воздушно-археологических методов. До конца эта результативность ещё не осмыслена, а аэрометоды всё ещё слабо апроприированы гуманитаристикой. Однако, эти методы – устойчивый базис для мультидисциплинарного сотрудничества, к которому достойно может присоединиться и краеведческий поиск.

В ранее советское время и краеведение, и экскурсоведение ставились очень высоко – существовали даже научно-исследовательские

институты этих дисциплин. Сегодня теоретические аспекты внедрения в них аэрометодов могли бы разрабатываться на базе воздушных лабораторий межмузейного или даже более широкого характера. Эти же лаборатории могли бы создавать и востребованную экскурсионистами, краеведами и всеми заинтересованными людьми научно выверенную продукцию, ставить на научную основу уже сложившуюся стихийную практику воздушных экскурсий. Возможности технического обеспечения таких лабораторий сегодня шире, чем когда-либо.

Чернега Артём Андреевич,
кандидат социологических наук,
начальник отдела туризма и общественных проектов
администрации Тотемского района,
г. Тотьма, Вологодская область

СТЕЙКХОЛДЕРЫ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЕКТОВ КАК АГЕНТЫ РАЗВИТИЯ ГЛУБИНКИ (НА МАТЕРИАЛАХ ИССЛЕДОВАНИЯ В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)[610]

Глубинка как исследовательская категория. Социальное неравенство носит многоуровневый характер. Одним из формирующих его срезов является социально-территориальная структура. Физические различия всегда объективны, тогда как неравенство задается в социальных координатах и интерпретируется в условиях (параметрах) социальной среды. Распространенным является сравнение двух противоположных исследовательских концептов в ракурсе дифференциации социально-территориального пространства: глубинки (периферии) и столицы (ядра). Ценимые ресурсы, неравномерно распределяемые в социальном пространстве, влияют на формирование неравенства между территориями являющегося интегральным по своей сути и конвертируемым в иные типы социальных неравенств. Столица – это полюс пространства с наибольшей концентрацией какого-либо ресурса (например, экономического в экономической столице страны). Глубинка, напро-

[610] Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 19-18-00562 «Социально-экологические детерминанты трансформации образа жизни и социального развития современных сельских сообществ в условиях депопуляции (на примере районов Ближнего Севера России)».

тив, располагается на периферии относительно основных потоков социальных взаимодействий по поводу распределения ресурсов. Иногда глубинку сравнивают с «дырой», тем самым намекая об отсутствии на периферии каких-либо значимых ресурсов. Толковый словарь русского языка определяет слово «глубинка» как «место или населенный пункт, расположенные вдали от столицы государства или других больших городов»[611]. П. Бурдье отмечает, что «столица является местом капитала, т. е. местом в физическом пространстве, где сконцентрированы высшие позиции всех полей и большая часть агентов, занимающих эти доминирующие позиции... следовательно, столица не может осмысливаться иначе, как в отношении с провинцией, которая не располагает ничем иным, кроме лишения (относительного)»[612]. Э. Гидденс акцентирует внимание на структурации центра и периферии и их соотношении в контексте практик социальной мобильности, указывая на то, что «те, кто занимает центральные зоны, «устанавливают» контроль за ресурсами, позволяющими сохранять дистанцию между ними и людьми с «периферии»[613].

В статье «Сила местных сообществ»: практики, механизмы и модели участия жителей в социокультурном развитии территории (на примере малых населенных пунктов)» проводится анализ социокультурного проектирования как одного из действенных механизмов влияния локальных сообществ на привлечение новых ресурсов на малые территории и конструирование локальной повестки[614]. Цель данной статьи – более подробно проанализировать структуру и функции стейкхолдеров (интересантов, участников, благополучателей и др.) социокультурных проектов в глубинке в контексте их роли в перенаправлении ресурсно-распределительных потоков на малые территории сквозь призму рассмотрения проекта как социокультурного поля.

Исследовательский подход основывается на множественном кейс-стади малых населенных пунктов Вологодской области (2017–2020 гг.). Эмпирическая база данной статьи представлена

---

[611] Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. В. Дмитриева.– М.: Астрель; АСТ. 2003.

[612] Бурдьё П. Социология политики. Пер. с фр., сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos. 1993. 336 с.

[613] Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структурации.– М.: Академический проект. 2003. 528 с.

[614] Чернега А. А. «Сила местных сообществ»: практики, механизмы и модели участия жителей в социокультурном развитии территории (на примере малых населенных пунктов)» // Журнал социологии и социальной антропологии.– № 23(3). 2020. С. 51–77.

анализом 20 проектов, реализованных в Вологодской области в обозначенный выше период, а также анализом 6 интервью, проведенных в качественной традиции, с участниками проектных команд.

Проект как социокультурное поле. Структура и функции стейкхолдеров проекта наиболее отчетливо прослеживаются сквозь призму феномена социокультурного поля. О поле как о социологической категории подробно говорил П. Бурдье[615]. В его концепции поле (социальное) сравнивается со сферой деятельности, внутренняя логика которой приводит к неравномерному распределению разных социальных сил (поле как пространство позиций). Структурирование практик в каждом поле движимо определенными целями, преследуемыми людьми: в поле экономики – стремлением к экономической прибыли (позиции бедных и богатых), в поле религии – стремлением к спасению души (позиции верующих и неверующих) и т. п.

Несколько отличный подход к категорированию поля исходит из определений К. Левина. По К. Левину корни социального поля лежат во взаимодействии между людьми[616]. Введение Э. Гидденсом концепта «наличие-присутствие» позволяет говорить о привязке поля к определенным структурным условиям (поле формируется здесь и сейчас)[617]. Поле носит силовой характер: попав в его логику, люди начинают действовать по определенным правилам. Поле – ситуация взаимодействия (разного по степени устойчивости) в границах определенного пространственно-временного континуума, порождающая новое надындивидуальное (системное) качество[618]. Структура социокультурного поля при таком подходе коннотируется через систему распределения ресурсов, программу жизнедеятельности (культура, ценности, принятые в поле), средства коммуникации (инструментарий взаимодействия). Пересечение интересов акторов (стейкхолдеров) в соответствии с ресурсами, внутренней культурой поля и принятым «языком» в границах проекта стимулирует его содержание и назначение. Термин «стейкхолдеры» – «заинтересованные стороны» – наиболее выгодно демонстрирует роль акторов в логике социокультурного проектирования.

---

[615] Бурдьё П. Социология политики: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.

[616] Левин К. Теория поля в социальных науках.– СПб.: Сенсор, 2000. 368 с.

[617] Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации.– М.: Академический проект, 2003. 528 с.

[618] Ильин В. И. Феномен поля: от метафоры к научной категории // Рубеж (альманах социальных исследований).– № 18. 2003. С. 29–49.

Проект – это ограниченная набором ресурсов и рисков планомерная деятельность определенного круга субъектов, имеющая начало и конец во времени, направленная на достижение заранее продумываемого результата, конструируемого через создание нового социального продукта или нового качества функционирования той или иной социальной системы. Данное авторское определение, основывающееся на опыте практической деятельности, очерчивает логику проекта как поля.

Морфология стейкхолдеров проекта как социокультурного поля. Она определяется на разных уровнях. В классической проекции структурируются команда, партнеры проекта, целевая аудитория и благополучатели проекта.

Интеллектуальным и организационным ядром поля является команда проекта. Она включает его инициаторов; лиц, которые берут на себя основные функции по воплощению проектной идеи через конкретизированный перечень мероприятий в жизнь, в т. ч. кураторов основных направлений (блоков) проекта; представителей ключевых, особенно значимых партнерских организаций и (или) инициативных групп. Партнеры проекта как правило не только способствуют более успешной реализации проекта, но и определяют связь проектного поля и его внутренней культуры с другими социокультурными полями. Подобной логикой характеризуется масштаб проекта (иногда выступает как критерий оценки проектной заявки): например, при необходимости охвата большего числа муниципальных районов проектная команда заключает партнерские соглашения с органами местной власти, общественными организациями. Партнерами проекта «Труба зовет!», реализованного фондом развития общественных инициатив «Соль Земли» и Тотемским музейным объединением (Вологодская область), стали представители активных команд, репрезентирующих наследие в области производства соли, в нескольких регионах. Такое партнерство через проект ориентировано на усиление кооперации между небольшими городами и селами России – центрами солепромышленного наследия (Тотьма, Соликамск, Нёнокса, с. им. Бабушкина и др.) в т. ч. в контексте формирования туристической привлекательности данных территорий, создания тематических турпрограмм и маршрутов, общих бренд-стратегий.

Целевая аудитория проекта – это сообщество или группа людей, на которую направлена основная деятельность по проекту. Характер изменений, которые достигаются через проект как целенаправленную деятельность, касается трансформаций в среде

целевой аудитории. Зачастую целевая аудитория носит статистический характер (т. н. статистические группы). В отличие от целевой аудитории благополучатели проекта – это лица или группы лиц, приобретающие конкретные блага от реализации проекта, участия в нем. Благополучателями могут быть те представители целевой аудитории, которые в наибольшей мере становятся акторами социокультурного поля проекта. Иногда в категорию благополучателей попадают сторонние сообщества, субъекты деятельности, косвенно приобретающие эффекты от проекта. Например, в исследовательских проектах благополучателями являются не только соучастники исследования (например, преподаватели и вовлеченные школьники), но и более широкий круг пользователей новой информации (к примеру, читатели изданной в рамках проекта книги).

Неклассическая проекция морфологии стейкхолдеров позволяет сместить акцент со структуры к структурно-функциональному определению субъектов и их роли в перераспределении ресурсов внутри поля и во взаимодействии с внешней средой. На основе систематизации эмпирических данных в пространстве малых населенных пунктов Вологодской области выявлены типичные группы стейкхолдеров социокультурных проектов, некоторые из которых представлены далее по тексту.

Инициативные лидеры («деятели»). Неравнодушие к существующей ситуации или сложившимся на территории проблемам человека, обладающего харизматическими и/или экспертными ресурсами, ценимыми в тот или иной момент (личная харизма, готовность к рискам, знания в определенной области: памятники культуры, природная среда, ремесла и др., обладание социальным предвидением изменений, символическими ресурсами в виде связей, личного бренда и т. п.), «настраивает» дальнейшую траекторию проекта. Иногда в сельской местности таких людей называют «выскочками», а в городах – «городскими сумасшедшими». Устойчивое, сложившееся социокультурное поле сопротивляется новым ресурсным включениям: *«Сама не понимаю, зачем это мне нужно, мне многие так говорят... да у меня ведь и своих проблем хватает... но, хочется, чтобы жители не уезжали, чувствовали себя здесь как можно более комфортно, чтобы жизнь была более разнообразной, интересной...»* (респондент, женщина, 46 лет).

Лидеры мнений. К ним относятся разные по структуре субъекты: известные, почитаемые и / или популярные жители, органы власти, СМИ, локальные блогеры; это люди или группы

людей, к которым прислушиваются или которые имеют каналы распространения информации на местном уровне. Включаясь в социокультурное поле проекта, лидеры мнений «корректируют» его цели и задачи, а в ходе реализации проекта играют роль «внутренних цензоров».

Предприниматели и бизнес. С одной стороны, реализация проектов стимулирует «творческий поворот» в предпринимательской среде: социокультурные проекты приобретают функцию спускового крючка для изменений в бизнес-поле на локальном уровне. Появляются новые предпринимательские инициативы, формируется почва для развития социального предпринимательства, существующие «бизнесы» приобретают новое «звучание». С другой стороны, местный бизнес становится производителем и / или поставщиком товаров и услуг для реализации проектов в том случае, если они поддержаны грантовыми или иными финансовыми ресурсами. Включаясь в поле проекта, бизнес становится его неявным стейкхолдером.

Локальные ресурсные центры. Разные кейсы демонстрируют различные практики. Важно отметить, что данный опыт в Вологодской области в настоящее время еще только набирает рост. В отдельных случаях ресурсные центры (центры поддержки общественных инициатив, центры поддержки некоммерческих организаций и т. п.) встроены в систему органов местного самоуправления, где-то выделены в специализированные институции, в других случаях укоренились на уровне учреждений, некоммерческих организаций – своего рода лидерах социокультурной деятельности. Ключевое значение ресурсных центров – методическое сопровождение проектов и проектных команд, фасилитация и медиация процессов в ходе реализации проектов.

Органы местного самоуправления. Устойчивость жизни на той или иной территории определяется комплексом факторов. Сложно говорить о том, какой из них важен более или менее: экономика или качество здравоохранения, доступность мест в детских садах или наличие рабочих мест, качество власти на местах или активность местного населения. Скорее, важным становится взаимосвязь данных факторов. В условиях малых населенных пунктов, в небольших муниципалитетах это проявляется наиболее явно: экономические, политические, социокультурные процессы не могут функционировать в параллельных реальностях. В противном случае такая территория не только не сможет развиваться, но и выживать.

В этой связи социокультурное проектирование выступает особым видом деятельности, способствующей вовлечению жителей в управление ресурсными (далеко не только финансовыми) потоками: повышение эффективности образовательной среды, восполнение ниш, связанных с социальной поддержкой лиц с ОВЗ, появлением новых объектов турпоказа и т. п. Органы власти становятся стейкхолдерами проектов, поскольку свою особую роль приобретают субъекты активного гражданского общества, действующие в интересах локального развития, что может быть репрезентировано в измеримых критериях социальных и финансовых вложений. Проекты позволяют переосмысливать физическое пространство, содействовать формированию временных рабочих мест, способствовать притяжению имиджевых ресурсов. При таком подходе деятельность власти и активных инициативных групп векторно направлены.

В данной статье представлены лишь некоторые из типичных стейкхолдеров социокультурных проектов. Перспектива углубления анализа по данной проблематике укоренена в выявлении неявных стейкхолдеров, зачастую выступающих локальными ресурсообразующими амбассадорами.

Якушева Людмила Алентиновна,
кандидат культурологии, доцент кафедры теории, истории культуры и этнологии ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ АВТОФИКШН

Путь современного исследователя к законченному тексту сродни писательскому труду. И хотя сам механизм создания научной работы, как известно, подчинен логической цепочке: тезис – аргументация – доказательства – вывод, в своих лучших образцах научные тексты не менее художественных предъявляют нам авторское я – в стиле, отношении к предмету, композиции и т. д.

В данном случае меня заинтересовало явление, которое по аналогии с современным литературным процессом можно было бы назвать исследовательским автофикшном. Речь идет о кроссжанре, где документальное остается принципиально нетронутым, при том, что реальные события получают художественное обрамление. Акцент в подобного рода текстах делается на том, что ничего не придумывается, авторская мысль максимально реализуется

только на материале лично пережитого опыта. Это современная докудрама, автопсихологическая проза, литература/DOC, блогерская литература.[619] Пласт автофикшн в современной литературе достаточно большой, за ним ряду критиков (А. Жучкова, С. Чередниченко, В. Пустовая, Е. Ермолин) видится и обозримое будущее.[620] Опыт В. Шаламова или С. Алексиевич в этом смысле – ставшее классикой подтверждение правомерности существования явления автофикшн.

В своем эссе «О прозе» В. Шаламов поднимает вопрос об изменении качества литературы и ее роли в жизни современного читателя еще в 1965 году: *«Роман умер <...>. Людям, прошедшим революции, войны и концентрационные лагеря, нет дела до романа <...> Доверие к беллетристике подорвано»*. Лаконичные, формульные реплики Шаламова в этом тексте звучат как манифест «новой литературы». Шаламов прописывает «роли» читателя (за которым опыт жизни, опыт литературной формы) и писателя: *«Писатель – не наблюдатель, не зритель, а участник драмы жизни, участник и не в писательском обличье, не в писательской роли»*. Кульминацией эссе становится авторский разбор рассказа «Шерри-бренди», с известнейшим утверждением, что исторических неточностей в этом произведении меньше, чем в пушкинском «Борисе Годунове». Отказ от излишней литературности, предельная искренность, отсутствие правки для «силы первичности», свобода в обращении с сюжетом (признание возможной бессюжетности), фиксация только тех подробностей, которые заключают в себе символ – вот основные критерии «новой литературы». И, наконец, финальная задача автора: «Не проза документа, а проза, выстраданная как документ»[621].

Чем ответила на эти вызовы времени научная литература? Усилением беллетризации текста и сокращением объема, появлением жанров научного эссе, спича, поста; отказом от местоимения

---

[619] Бойко А. «Пишите о том, что не дает вам спать по ночам». Что такое автофикшн, и почему нам всем стоит попробовать себя в этом жанре. // Цех. [электронный ресурс]. Режим доступа: https://zeh.media/praktika/pisatelskoye-masterstvo/1384076-chto-takoye-avtofishkn-i-pochemu-ego-stoit-poprobovat-pisat-kazhdomu.

[620] Ермолин Е. А. Мультиверс: Литературный дневник. Опыт и пробы актуальной словесности.– М.: Совпадение, 2017.– 208 с.

[621] Шаламов В. О прозе // Собрание сочинений: В 4-х т. / [Сост., подгот. текста и примеч. И. Сиротинской]. М.: Худож. лит.: ВАГРИУС, 1998. // Варлам Шаламов [электронный ресурс]. Режим доступа: https://shalamov.ru/library/21/45.html (дата обращения 20.12.2020).

«мы» и конкретизацией «я» с обязательным присутствием автора в тексте. Второе русло изменений касается междисциплинарности, отсутствия явно выраженной специализации, ведущей к плюрализму в общем и частностях. И, наконец, третье. Автор уже не следует традициям школы, не идет вослед, а исходит из внутреннего императива, собственной шкалы критериев и ориентиров.

В исследовательском автофикшне доминирует внутренний импульс действия. Ответ на вопрос «где я в этом тексте?» становится принципиальным, итог выступает не фактом проделанной работы, а результатом прожитой жизни. В последнее время для меня лично таким текстом стало изучение жизни современной Вологды, нашедшим свое отражение в книге «Фон и фигура: провинциальные сюжеты»[622]. Так из исследователя творчества Чехова и театральной стилистики второй половины XX века, я постепенно переключилась на изучение повседневной культуры, приблизившись к ее наиболее творческим и значимым формам, выраженным в творческих актах.

Далее приведем несколько фрагментов из дневника **2020 года**, в котором представлены авторские эссеистичные заметки (автофикшн) о событиях, происходящих в Вологде и за ее пределами: это непосредственные отклики-впечатления на выставки, концерты, спектакли. Можно заметить, что автора интересовали не только сами события, но и то, что составляет контекст, атмосферу культурной среды города. Весь этот пестрый калейдоскоп ленты соцсетей вКонтакте и фейсбуке являет собой новый формат исследовательских записей, которые не менее прочих (по факту происхождения, ментальности восприятия) могут считаться «вологодским текстом».

24 января. На выставке Олега Бороздина (Вологда) и Сергея Строганова (Москва). Принято считать, что если у художника украли картину – значит, он действительно Художник. Мне кажется, что порыв сфотографировать и сфотографироваться на фоне картин – тоже хороший показатель успешности автора.

2 февраля. Город на «Й».

Йошкар-Ола означает «красный город», хотя мне показалось, что он больше оранжевый, кирпичного цвета. Город-симулякр? Конечно, когда в ушах бой курантов Спасской башни, а перед тобой собор, напоминающий питерский храм Спаса на Крови, было немного жутковато. А потом –

[622] Якушева Л. А. Фон и фигура: провинциальные сюжеты.– Вологда; ВоГУ: Полиграф-Периодика, 2019.– 159 с.

ничего. Набережная Брюгге, музей изобразительного искусства в стиле итальянского Возрождения. Почему бы и нет?

Центр небольшой, в основном из построек начала 50-х, поэтому город чем-то напомнил Ярославль, центральные улицы Челябинска... церквями и купеческими домами – Поволжье.

Дни стояли солнечные, снега здесь вдоволь, погода комфортная (–7, –10), да и маме город понравился. Благодать, да и только...

11 февраля. Одним днем, или я люблю Ярославль.

Вихрем может быть неделя, а может быть, и входной – с размышлениями, отдохновением, рассматриванием и впечатлениями. Что делает гигантская голова Аполлона в театральном кафе? О чем говорит надпись «До начала пожара... 2.40»? Брудершафт Минина и Пожарского и комический талант Валерия Кириллова... Спасибо всем, кто разделил эмоции, а выпускнице института культуры и туризма Татьяне Кочуровой (Чебукиной) – из турфирмы «Александрия» – за организацию поездки.

14 февраля. Погружение в фото-историю города (спасибо М. Критской, «Дом купца Самарина») и историю жизни горожан в исполнении плейбек-театра (спасибо Ольге Трескиной и К°). Что это было? Зрителям были показаны импровизации на тему рассказанных ими историй. Как

Буфет театра им. Ф. Волкова. Ярославль

это делается технически, обещали рассказать, но на чай мы уже не остались. Но потому, что я увидела: история раскладывается на фрагменты (ими могут быть персонажи, «участники» истории (предметы), а могут быть – нюансы настроения, состояния. Кроме того, модератор задает условную форму/фигуру. Например, кадриль или карусель. Мне показалось, что это тоже важно для выстраивания композиции фрагмента. Сам прием помогает/позволяет посмотреть рассказчикам на представленную ситуацию со стороны.

13 февраля. Диспут в Шаламовском доме «Колыма Шаламова & Колыма Ю. Дудя».

Начну с того, что фильм Ю. Дудя мне понравился. Легкая форма («Я расскажу вам о своем путешествии»), интересные детали («А вы знаете, что такое магаданский салют?»), разнообразие в кадре. Но главное – личностный посыл («Мои родители всегда говорили...»), актуализация колымской темы («Колыма – Родина нашего страха»), рассмотрение истории века, страны через личные истории Е. Шифрина, дочери С. Королева. Из того, что говорили спикеры, заинтересовала лейттема «рудники в СССР и других странах»; мысли В. В. Есипова о том, что Колымская история имеет разные временные промежутки и нужно их различать; что Колыма могла бы развиваться как регион, тогда бы исторические раны со временем затянулись. Но в 90-х экономический, политический, социальный крах был настолько сильным, что регион до сих пор переживает его последствия, и исторической перспективы там нет. Удивил юноша с истфака. Никогда не видела столь юных сталинистов. Уж лучше бы был троцкист. Словом, у меня остались свои «домашние задания» для размышлений. А фото – чудесными получились, как мне кажется...

27 февраля. Питер.

«Каждый раз на выставке ее ждёт много нового и неожиданного...» – эта ироничная фраза не только обо мне, это – название инсталляции Михаила Рогинского. А как вам эпатаж с работой «Городской сортир» или «Маяковский гендер»? Лихие 90-е – эпоха, культурный пласт, который имеет своё художественное обличье. Время свободы без границ... Сейчас мы его уже изучаем, в том числе разглядывая экспонаты выставки в музее искусства Санкт-Петербурга XX–XXI вв.

Сын, ты спрашивал, почему в твоём детстве мы редко ездили на такси, и я до сих пор жалею, что не сохранила лист с меню детского сада. Завтрак: «чай сладкий с хлебом»... 90-е. И тем не менее, сейчас это время вспоминается как творческое... с безграничными горизонтами, с надеждами и открывшимися возможностями.

5 марта. Чеховское измерение.

В нашей жизни много странностей. Моя диссертация была связана с биографией и творчеством А. П. Чехова, а так редко выдается возможность затеять о нем разговор. То невольно вспомнится что-то из В. Шкловского – «Зачем вы кричите о Чехове, которого не знаете? Ду-

майте молча», то всколыхнется что-то личное, то... Сегодня все совпало. И культурологический проект ВОУНБ «Имена 2020» А. С. Першиной, и университетский научный круг публичных выступлений студентов и для студентов. Нам не помешал ремонт в библиотеке (именно поэтому в кадре куртки и одежда) и то, что в университете отсутствует конференц-зал для подобных встреч. Был разговор, и включенное внимание, и чеховские паузы, и многоточие. А потом, когда я на память сделала общий план, и все уже уходили, кто-то из ребят предложил: «А давайте вместе сфотографируемся» (9 класс 8-й школы). Чехов бы в этот момент обязательно улыбнулся. Сегодня он был нашим камертоном.

21 марта. По-европейски.

После долгого переезда в ТОТЬМУ я была в состоянии, близком к аффекту. (смеясь) – Почему вы об этом умолчали?! Почему не сказали, что дорога не просто плохая, что ее – НЕТ! Зачем я сюда приехала? Что я могу здесь увидеть? А действительно, ЧТО?

Эта позиция и стала исходной для моего небольшого маршрута в Тотьму в прошлые выходные на продолжение нашего научного форума «Русский Север-2020». Свидетельствую: глаз цепляли европейские детали. Не в размахе, и даже не в амбициях. В деталях, которые вживаются, множатся и не выглядят чужеродными рядом с привычным тотемским укладом и пейзажем. Выставка современного искусства «Улицы говорят» (ГАРАЖ, Москва, вы видели это?), новая кофейня (латте! Вы же понимаете, откуда он родом?), премьера водевиля (в Тотьме на 10 тыс. 3 театра! Да они там теперь все живут, как на сцене), алые паруса на Сухоне (Настоящий галиот! Вы только загуглите историю этих парусников!). Здесь только что назвали бульвар именем педагогов Дилакторских, с размахом отмечают юбилеи художников (Г. Попова, Ф. Вахрушова); в городских затеях чувствуется драйв и движение, и принимают так, что невольно вживляешься, вкомпановываешься, срастаешься с этой замечательной командой ТМО. Ребята, вы – крутые!

Л. А. Якушева в Тотьме

22 марта. Возрождение Вахрушова.

Я уже писала, что задавалась вопросом, зачем я приехала в Тотьму? Так вот, ответственно заявляю, чтобы посмотреть юбилейную выставку Ф. М. Вахрушова (куратор Мария Правдина) – интеллигентную, умную, насыщенную, эмоциональную. Выставку, на которой хорошо побыть в одиночестве и, не менее хорошо – разделить впечатления. Я не знаю, понимают ли в Тотьме, ЧТО они сделали? Выставку в столичном, даже европейском стиле – деликатно представив художника, говоря со зрителем на языке живописца, а не так, как принято. Что я имею в виду? Например, сюда отнесу любовь к деталям, к рассматриванию, которое тоже может быть разным. Здесь – созерцательным. Зрителю позволено увидеть те художественные круги, куда был вхож тотемский художник – великие учителя (Васильев, Репин), мирискусники и Е. Лансере, и рядом, в манере – неуловимо васнецовское, нестеровское, но с узнаваемыми тотемскими церквями и просторами. Интересно звучит в экспозиции тема выбора и ответственности за содеянное: через объективацию Пустоты в зияющих рамах, через демонстрацию возможностей художника и работ, выполненных на заказ уже в советское время, через обращение к образам пути и порога, портрета и лика. Феодосий Вахрушов в экспозиции представлен не только как ценитель северной природы (что привычно глазу),

На выставке Ф. Вахрушова. А. Новоселов и М. Правдина

но и как искусный мастер фрагмента, детали, орнамента. И рядом – документы, свидетельства времени, коллаж фотографий с изображением рук художника... А как интересно и стильно оформлен этикетаж. И эта возможность увидеть двусторонние работы художника... Какое счастье было видеть такое возрождение Вахрушова! И ведь еще пару лет назад мне хотелось, чтобы некоторые залы в музее были законсервированы, как дань советской эпохе, провинциальности и банальщине (не прошло это желание и сейчас). Но меня восхищает упорство и настойчивость тех, кто готов в Тотьме идти вослед меняющемуся миру, даже когда дорога урывается...

21 апреля. Я скучаю.

По студентам, по тому, что называется учебным процессом (оффлайн), забавным мелочам, которые цепляет глаз в наших учебных аудиториях и корпусах. Нас провожает взглядом на занятия Венера? А что здесь делают эти античные юноши? Да, я не пускаю в аудиторию в одежде. И это – принцип. Но он относится только к верхней части облачения.

А эти чудесные оправдания студентов в районе 13 часов: «Извините, я проспала...». Я получаю в этом процессе драйв, творческий заряд... Некоторые студенческие реплики можно услышать и в моей речи: «Эту фразу я положу в голову», «Это дело я поставила на паузу». Университет, я люблю тебя. А в довершение, еще и приглашаю абитуриентов на отделение культурологии. У нас на будущий год – 30 бюджетных мест (2 профиля подготовки)! Просто подарок кафедре на двадцатилетие!

На филфаке

28 апреля. Моя книжная полка.

Вчера меня спросили, что я сейчас читаю. Отвечаю: Андрея Пермякова. Книжную серию «Том писателей». Издана она 4 года назад, а читаю только сейчас. Почему? Текст и читается, и пишется по одной и той же причине. Он – «закрепление одной счастливой минуты» (с). Так сложилось. И сложилось настолько счастливо, что я тут же свой текст в подражанье Пермякову накатала. Делюсь.

Карантинная завалинка.

Надо цели ставить. Без них никуда. Не поставишь цели, и результата не случится. Принять участие в конкурсе, научиться печь. Это все цели. Они организуют. Собирают в один кулак. Это если мужчину. А у женщин должны быть мечты. На свадьбе у подружки затеяли зеленую. У них, в Ярославле, один день гуляют в городе, а второй – за Волгой. Подальше от цивилизации, где дачи и купаться можно, потому что все предприятия на противоположном берегу. А с этого – и вода чище, и цивилизация дальше. Местные, правда, купаются редко – им вода в Волге кажется холодной. А мы что, мы – приезжие. Выдали мне матрас надувной из пластиковых бутылок. По виду он надувной, и плывет хорошо – пластик держит. Плыви, мол, развлекайся. А в воде они и разговоры другие. Гребет рядом один пацан. Спрашивает, есть ли у меня мечта. И про свои сразу: мол, детей хочу, и семью. А мне чего мечтать: и дети, и семья, и работа, и даже диссертация. Нет у меня мечты. А когда нет мечты, нужна цель.

Карантинная прогулка

Это я потому вспомнила, что завтра 7 неделя карантина начнется, и такая же хрень. Начиная что-то тереть, выбираешь – желтенькой ли голубой. Это в обычные дни лишь бы успеть, и чисто. А в такие – какой тряпочкой. А еще можно валик с беленькими приобрести. Хотя такие, если неодноразово использовать – странно смотрятся – будто влажными салфетками полировку драишь. И погода странная. Сквозь плюс два солнце луною жарит. То есть хорошо на улице, но если пуховик достать. Но пуховики у меня уже спрятаны. Через

пару дней май. Крупка снежная с неба только с утра. Днем можно и в магазин. Сетевой. Потом ларьки, рыбный, опять сетевой, рынок. А можно сразу за водой. Только это по прямой и метров 700. В магазины я не захожу, потому что у меня цель – подрегаться. Так в Ярославле ничего неделанье называется. А есть ли обозначенье этому у нас, на Вологде – я не знаю. Здесь это повсеместно и во все дни. Все ходят и дрегаются. Нет, мы, конечно, работаем. Но иногда мне кажется, что работаю только я. В этом случае лучше сразу переходить на мечты – легче станет. Чтобы само собой. Как с килограммами. Сижу на одном месте, а пара из них уже ушла. Это потому, что я сладкое перестала есть. А зачем оно мне? Я его потребляю, когда нервничаю на работе. А дистанционно нервничать не получается. Самодостаточность одолевает. И компьютер под рукой. Хочешь – смотришь рост Николая I, хочешь – фотографию Андрея Пермякова. Потому что я книжку этого автора сейчас читаю с названием сериала. Но может быть, автор этот, сценаристом и был? Пишет как Венечка Ерофеев, и все время едет куда-то. Про натуру женскую все хорошо понимает. Если в монастырь в брюках, и с юбкой этой поверх – сразу киснуть начинаешь от неловкости. Вот и у него: «Вокруг красота, купола разной формы, хоть московские, хоть шлемом, а девушка сердита. Портит благолепие, между прочим». Правда, я в брюках не хожу, потому что мужчинам идут брюки, а женщинам – юбки. По фотографии этого Пермякова и не скажешь, что он поэт или писатель. Больше на адвоката похож, а говорили, что медик. Это до 19 века, если писатель или драматург какой, то сразу юрист. Дальше все больше медики были. Так, наверное, Галя Щекина одним экономистом среди писателей и останется. Но красной строкой в новостях другое. Доходы россиян уменьшились на 0,2 процента. Видимо, совсем плохо дело. Хуже только тем, кто с вирусом. Или нет. Им что? Переболеют – и антитела. А ты сиди и жди. Только и это ненадолго. Потому что для всего цель нужна. Нужно будет подружку уговорить сходить на могилу того самого Христофора Леденцова, о котором все знают, но описывает ее почему-то только Пермяков. А статистику вируса чего смотреть? Это как на гороскопы. Все равно рулетка. Попался тут на глаза список самых удачных мужей по знакам. На первом месте скорпион, на втором – близнец. «Ну, слава богу!» – подумала, и сразу сыновьям написала, пусть теперь соответствуют. Какую цель поставишь, так все и будет. А у меня? У меня теперь мечты. Мне и мечты хватит.

С другими фрагментами авторских наблюдений в формате автофикшн можно познакомиться непосредственно в социальных сетях. Часть записок за 2015–2018 год была издана в качестве одной из частей монографии «Фон и фигура: провинциальные сюжеты», отмеченной специальной номинацией «Культуртрегер» на конкурсе «Вологодская книга – 2019».

Раздел четвёртый

РУССКИЙ СЕВЕР: ИСКУССТВО

Пинкусова Татьяна Владимировна,
специалист по учётно-хранительской документации
Российского этнографического музея,
г. Санкт-Петербург

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СЕВЕРО-ДВИНСКОЙ ШКОЛЫ РУССКОГО ИЗРАЗЦОВОГО ИСКУССТВА XVIII В. НА ПРИМЕРЕ НАБОРОВ ПЕЧНОЙ КЕРАМИКИ ИЗ ФОНДОВ РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В фондах отдела этнографии русского народа Российского этнографического музея (далее РЭМ) хранится более 3 500 русских изразцов XVII–XIX вв., среди них изразцовые печи и фрагменты, составляющие основу печных облицовок разных типов, разрозненные изразцы и декоративные элементы, а также небольшая группа архитектурной керамики.

Сотрудники и корреспонденты музея целенаправленно приобретали печные изразцы, ассоциирующиеся у русского человека с таким важным атрибутом жилища, как печь. Так, например, сотрудник музея Д. Т. Янович, будучи в экспедиции во Владимирской губернии, сообщает в своем письме руководству о заинтересовавшей его в одном из домов в селе Боголюбово изразцовой печи «с изображениями мужиков и баб с разными прибаутками и пословицами» и предлагает ее приобрести для показа на музейной экспозиции интерьера целой избы[623].

В настоящей статье рассмотрены печные рельефные изразцы XVIII в., хранящиеся в двух коллекциях собрания РЭМ. Поставлена задача показать, как могли выглядеть сложенные из них изразцовые печи, разобранные много лет назад, и подобрать аналогичные им памятники, сохранившиеся или утраченные. Типологически и стилистически рассматриваемые изделия близки изразцам,

[623] Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 733. Л. 10–11 об.

изготовленным в керамических мастерских Великого Устюга, и, следовательно, могут быть отнесены к обширной группе произведений «Северо-Двинской школы» русского изразцового искусства. Этим понятием в далеком 1928 г. известный исследователь русского изразца А. В. Филиппов обозначил Великоустюжское керамическое производство[624]. Термин, не использовавшийся в дальнейшем, вновь вводит в научный оборот С. И. Баранова в недавней публикации, посвященной керамике Великого Устюга[625].

Первая рассматриваемая коллекция № 1070 поступила от А. Мохина, крестьянина из д. Климово Вологодской губ. В 1907 г. у этого собирателя музей приобрел три коллекции изразцов – два печных набора и несколько крупных фрагментов облицовок, всего 713 керамических предметов XVII–XVIII вв.[626] В 1907 году 422 изразца печного набора были зарегистрированы сотрудником Н. Виноградовым. После разрушений и утрат военного времени не обнаруженные 297 керамических предметов были исключены по ордерам 1955 и 1956 гг. По результатам сверок последних лет установлено, что часть из них исключена ошибочно. Таким образом, сейчас в фонде хранится 279 изразцов, т. е. приблизительно две трети от первоначального состава печной облицовки[627].

Коллекционная опись РЭМ содержит следующие сведения: краткое описание изразцов, их размеры, сохранность, место предметов в составе печной облицовки. Но, как показала дальнейшая работа, в документе не всегда правильно определено назначение изделий.

Все изразцы имеют зеленый фон, на который нанесен рельефный декор белого цвета. Сохранилось 125 целых стенных изразцов и 11 обломков разной формы и размеров. Большинство произведений украшают изображения фестончатых полукружий и растительных завитков с листьями и цветами (размеры изразцов:

---

[624] Доклад А. В. Филиппова «Северо-Двинская школа изразцового дела XVII–XVIII веков» был прочитан на заседании группы керамики Комитета декоративных искусств ГАХ. См: Керамическая установка: по материалам архива и коллекций А. В. Филиппова. Т. 3.– М. 2017. С. 283.

[625] Баранова С. И. Региональные версии изразцового декора. О термине «северодвинская школа» // Краткие материалы XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции: «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК» (2020 г., Томск, Россия). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zsaek.tsu.ru/sites/default/files/webform/Baranova%20Tomsk%202020.pdf. (дата обращения: 12.10.2020).

[626] Данные из коллекционных описей РЭМ.

[627] Материалы отдела научной документации РЭМ.

выс. – 20,0 см; шир. от 16,0 до 17,0 см). Часть предметов образуют раппортные композиции из семи изразцов с изображением небольшой короны с пятью зубцами, располагающейся над вырастающим из вазы пышным цветком на высоком стебле с листьями и мелкими цветами в фигурной рамке белого цвета, выступающей над плоскостью фона *(Илл. 1)*.

Илл. 1

Разнообразно представлены керамические предметы вспомогательной группы. Поясовые изразцы двух видов декорированы изображениями треугольников, сходящихся вершинами в центре пластины, а также четырехлепестковыми розетками внутри ромбов, ограниченных белыми диагональными полосами. На профильных изразцах, также двух видов, изображены цветы в обрамлении двух изогнутых побегов с бутонами на концах, а также горизонтальные белые полосы. Углы печи оформляют, как сообщает опись, «колонки рубчатые полукруглые», украшенные вертикальными линиями. Цокольная часть состоит из ножек и изразцов-«подзоров» *(Илл. 2)*. На фигурных ножках изображены два резных листа по сторонам вертикальной гирлянды

Илл. 2

бусин. На «подзорах» с нижним арочным краем представлены драпировки с декоративными креплениями в виде бусин; на четырех изразцах-подзорах появляются бусины и кисточки желтого цвета. В описи изразцы-подзоры ошибочно названы «изразцы, служащие украшением верха печи с тремя зубцами». Соответственно, изразцы навершия печи – фигурные городки утрачены.

В альбоме-исследовании С. А. Маслиха «Русское изразцовое искусство XV–XIX веков» на черно-белой фотографии представлена печь, облицованная аналогичными изразцами[628]. Графические реконструкции автора – клеймо из стеновых изразцов с пышным цветком и печь с лежанкой включены в каталожный раздел альбома (иллюстрации №№ 194 и 195). В комментариях к иллюстрациям С. А. Маслих называет место, где находился памятник – «печь с лежанкой, облицованная рельефными двухцветными изразцами, производства Великого Устюга из трапезной палаты второго этажа Вознесенской церкви Великого Устюга. Конец XVIII – начало XIX века, ширина – 153,0 см, высота – 286,0 см». Сергей Александрович не сообщает о происхождении снимка. Выскажу предположение, что фотография была сделана А. В. Филипповым в 1927 г. во время его научной командировки по городам Русского Севера[629].

Описание изразцовой печи из ц. Вознесения встречается в неопубликованной статье Г. Н. Бабаянц «Вологодские изразцы с рельефным орнаментом XVII–XVIII вв.», написанной в 1958 г. Изразцовая печь была утрачена в 1950-е гг., она отличалась большими размерами (260,0×130×250 см, данные значения несколько разнятся с размерами, приведенными в книге С. А. Маслиха) и была установлена в угловой части трапезной палаты с небольшими отступами от стен. Ряды переходных изразцов делили ее корпус на четыре яруса с уменьшением размеров в каждом последующем. Печь имела закругленные углы и завершение из фигурных городков. Галина Николаевна отмечает на изразцах «рисунок кружевного характера».[630]

Основные параметры и габариты изразцовой печи из фондов РЭМ получены путем математических вычислений с учетом иллюстративных и письменных источников. Размеры основания рассчитаны с учетом количества и ширины изразцов-подзоров из

---

[628] Маслих С. А. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков / Под ред. В. И. Балдина. М., 1983. Рис. XX. С. 25.

[629] Авторская фотография опубликована в издании «Керамическая установка: по материалам архива и коллекций А. В. Филиппова». Т. 3.–М., 2017. С. 284. Илл. 94.

[630] Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 241. Л. 23–24, 40–41.

цокольной части (13 предметов, ширина каждого – 25 см; умножение дает нам ширину и глубину основания печи, равную в сумме 325 см. Это примерно на 75 см меньше, чем у памятника на снимке А. В. Филиппова). В фондах хранятся шесть блоков карнизных изразцов, закрепленных на металлические штыри длиной от 158,5 до 186,5 см. Последний самый большой блок из профильных изразцов может принадлежать лицевой стороне цокольной части. В этом случае в своем основании печь имеет ширину 186,5 см, глубину – 138 см[631].

Выделю основные параметры и особенности изразцовой печи из фондов РЭМ и ее отличия от печи из ц. Вознесения.

1. На зеркале печи стенные изразцы образуют три яруса, два нижних имеют по два ряда, в верхнем – три ряда по семь изразцов в каждом. Ярусы разделяют восемь поясов переходных карнизных изразцов. Вертикальные углы конструкции скругляют полуколонки. Высота печи составляет 241,5 см[632].

2. Изразцовая печь, хранящаяся в фондах, не имеет лежанки.

3. Количество предметов в ней значительно меньше, так стенных изразцов в комплекте музея – 136, в памятнике из ц. Вознесения около 152. Предположим, что при разборке и транспортировке печи в г. С.-Петербург часть изделий могла быть утрачена. Но, на мой взгляд, совсем небольшая, так как в коллекции зарегистрировано много фрагментов разной формы и размеров, что указывает на ответственное отношение участников передачи к своим обязанностям.

4. Комплекты отличаются по составу блока вспомогательных изразцов – отсутствуют пояса изразцов-перемычек. Напротив, в печи на снимке мы не видим изразцов с геометрическим орнаментом – белыми полосами и сходящимися к центру треугольниками. Отличаются по декору изразцы-подзоры и изразцы-полуколонки, оформляющие углы печи.

Однако, несомненно, изразцовые облицовки имеют общее происхождение и близкую архитектурно-композиционную структуру. Подобные изразцовые наборы получили распространение в городе и его окрестностях, назову несколько известных: в доме Макеева

---

[631] Результаты вычислений являются приблизительными. Дальнейшие математические расчеты в статье не приводятся.

[632] Выполнен компьютерный фотомонтаж изразцовой печи, полученный путем соединения фотографий отдельных изразцов. Работа будет представлена на конференции во время показа презентации к докладу.

из д. Астафьевская Сольвычегодского у.[633]; в ц. св. Петра и Павла в наборе было использовано клеймо другого вида[634]; в помещении городской библиотеки облицовка печи не имеет крупнораппортных композиций[635]. И. В. Евдокимов описывает изразцовую печь из дома Макеева, которая «...привлекает помимо своей цветистости и наивной вычурности декоративных форм своим как бы соответствием богатой крестьянской обстановке, в быту она приземиста, грузна, устойчива и кряжиста»[636].

Еще один печной набор, произведенный мастерами Великого Устюга, выявлен в составе сборной коллекции № 7046. Коллекция сформирована из обнаруженных в фондах музея в 1958–1978 гг. ранее «ошибочно исключенных и безномерных» изразцов, поступивших в музей в первой половине – середине XX в. от неизвестных собирателей. Керамические изделия (461 музейный предмет) зарегистрированы Г. Н. Бабаянц и Г. Г. Бабанской. Очевидно, сотрудники не ставили цель и не имели возможности выделить и последовательно зарегистрировать предметы, объединенные в общие комплексы. Можно предположить, что записи велись несколько стихийно, по мере обнаружения новых изразцов, многие из которых потеряли или не имели своего места хранения или утратили свое номерное обозначение. Анализируя и сравнивая декоративные особенности и типологические характеристики керамических предметов, мне удалось выделить в составе коллекции изразцы, которые могли составлять один печной комплект. Порядковые номера, данные изделиям при регистрации изразцам, не последовательны.

Полихромные рельефные изразцы покрыты эмалями зеленого, желтого и белого цветов. Стеновые изразцы (около 50 изделий) образуют на зеркале печи три вида крупнораппортных композиций. В верхнем ярусе – декоративные панно из семи изразцов с изображением в центре белого рельефно выступающего медальона овальной формы, по сторонам которого располагаются растительные побеги с желто-зелеными завитками, цветами и бутонами. Композиция помещена в фигурную рамку. Средний ярус печи украшают панно из четырех изразцов. В орнаменте предметов –

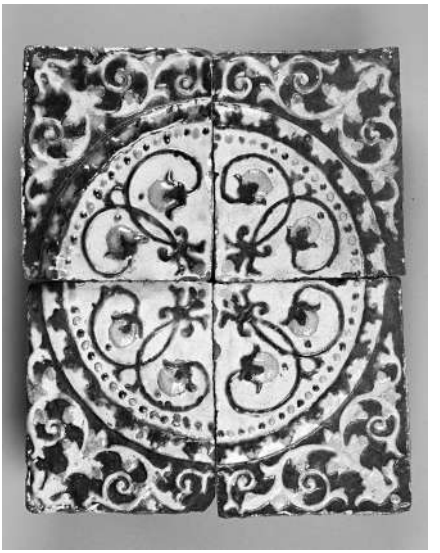
[633] Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 241. Л. 41.

[634] Керамическая установка: по материалам архива и коллекций А. В. Филиппова. Т. 3. М., 2017. С. 284. Илл. 94.

[635] Маслих С. А. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков / Под ред. В. И. Балдина.– М., 1983. Илл. 294.

[636] Евдокимов И. В. «Север в истории русского искусства».– Вологда, 1921. С. 150.

круг с утолщенным бортом, внутри которого располагается четыре пары зеленых переплетающихся стеблей, оканчивающихся округлыми цветочными чашечками *(Илл. 3)*. В нижнем ярусе – пояс из вертикально вытянутых рамок-картушей, обрамляющих медальоны и стилизованные растения криновидной формы.

Илл. 3

В коллекции обнаружено около 200 изразцов вспомогательной группы. Профильные изразцы декорированы изображением шестилепесткового цветка в обрамлении двух изогнутых побегов с зернистыми ягодами на концах *(Илл. 4)*. На поясовых изразцах белое поле в центре пластины выделено горизонтальными скобками и сердцевидными фигурами. Изразцы-«подзоры» с нижнем краем, оформленным в виде двойной арки, украшены зелеными драпировками; лицевые грани изразцов-ножек – изображением широкого резного листа и вертикальной гирлянды бусин. Изразцы-полуколонки в виде перетянутого полуовала, изразцы-перемычки и профильный изразец среднего выступающего карниза украшают изображения растительных побегов с листьями, бутонами и цветами.

Илл. 4

Итак, в составе коллекции удалось выделить около 250 керамических предметов, примерно половину от изразцового комплекта, все элементы облицовки[637]. Аналогичная памятнику из фондов РЭМ изразцовая печь находилась в Вологодской ц. Спаса Преображения, сейчас она украшает экспозицию Вологодского государственного музея-заповедника. В уже названном альбоме С. А. Маслиха представлена графическая реконструкция отопительного прибора[638] . Отмечу, что в отличие от первого комплекта музейной коллекции № 1070, состав которого убедительно подтверждают регистрационные документы, состав печного набора номер два не является полностью достоверным. Не все керамические предметы могли принадлежать именно данному комплексу, но, несомненно, все изразцы имеют общие характерные признаки печной керамики XVIII в. Великоустюжского производства. Их отличает форма, восходящая к более ранним изразцам второй половины XVII в., массивная румпа, отступающая от краев с сужающимися стенками и углубленным пояском по верхнему краю, а также неповторимое разнообразие декоративного наполнения. Последняя особенность устюжских изразцов отмечена исследователями: «Это бесподобная вещь, необычайно тонкого вкуса»[639]. «В их рельефных рисунках мастера достигали большого совершенства... разнообразные сюжеты и колорит клейм делают печи Великого Устюга похожими на восточные ковры, которыми, может быть, и вдохновлялись северные художники на своих красочных многолюдных ежегодных ярмарках»[640].

Маловероятно, что будут найдены исторические документы для достоверного воссоздания памятников – информация о формах, габаритах и первоначальном составе облицовок, сведения о владельцах и о постройках, где печи находились. Несмотря на это, представляется перспективным использование выявленных изразцов в экспозиционной деятельности музея. Разнообразные формы показа подлинной интерьерной керамики вызывают неизменный интерес у посетителей – воссозданные изразцовые печи,

---

[637] Как и в первом случае, компьютерный фотомонтаж изразцовой печи номер два будет представлен на конференции во время показа презентации к докладу.

[638] Маслих С. А. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков / Под ред. В. И. Балдина.– М., 1983. Илл. № 185.

[639] Керамическая установка: по материалам архива и коллекций А. В. Филиппова. Т. 3.– М., 2017. С. 362.

[640] Маслих С. А. Указ. соч. 22.

фрагменты облицовок, декоративные керамические панно, а также открытые хранения изразцов.

Такой опыт есть и в нашем музее. Впервые реконструированная изразцовая печь была представлена на экспозиции 1938 г. «История СССР в XVIII веке», она украсила жилую комнату «служилого дворянина петровского времени»[641]. В 1959 г. на экспозиции «Русские. Конец XIX – начало XX в.» была воссоздана печь из Вологодской губ., облицованная гладкими расписными полихромными изразцами второй половины XVIII в. Памятник был приобретен в 1910 г. у известного петербургского антиквара Ф. Г. Шилова.

Таким образом, выявленные в собрании музея изразцовые печи расширяют наши представления о художественно-производственных традициях одного из крупных самобытных центров – Северо-Двинской школы русского изразцового производства. Керамические предметы представляют научный и практический интерес и могут быть использованы в научных и экспозиционно-выставочных проектах музея.

Шпаковская Светлана Евгеньевна,
художник-реставратор, специалист по церковно-исторической живописи,
член Союза художников России,
г. Москва – г. Вологда

СВЯЩЕННЫЕ ПРОПОРЦИИ В СТЕНОПИСИ УСПЕНСКОГО СОБОРА КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ. ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ШКОЛЫ ЦАРСКИХ ИЗОГРАФОВ

Составление картограммы – точного воспроизведения авторского рисунка, композиции и состояния сохранности фрески в определенном масштабе – являлось одной из обязательных составляющих в изучении монументального искусства и декоративной организации храмового пространства на отделении церковно-исторической живописи под руководством профессора А. К. Крылова в Санкт-Петербургской академии художеств имени И. Е. Репина. Во время учебы в академии мною были самостоятельно составлены картограммы отдельных стен, фрагментов композиций и компартиментов 5 храмов, а также выполнены

[641] Отдел фотографии РЭМ. Колл. № ИМЗ-61.

более 10 копий фресок разного времени, в разных городах России, Белоруссии, Италии. После получения диплома изучение наследия живописцев-монументалистов прошлого было мною продолжено. История показывает, что выполнение подобного рода исследований памятников древности необходимо для сохранения монументальной живописи, культурного наследия, художественных знаний, документальной фиксации процессов разрушения живописи, восстановления художественного опыта иконописцев, прерванного в нашей стране в советский период, создания драгоценного материала для работы широкого круга специалистов разных областей, таких, как историки, искусствоведы, богословы, художники, а также для любого человека, интересующегося культурой и историей. Бесценный вклад в изучение, копирование и картограммирование фресок внесли Л. А. Дурново, Т. С. Щербатова-Шевякова, А. Н. Овчинников, А. К. Крылов.

В своей работе я считаю необходимым не только осуществить фиксацию изображения, но и попытаться проникнуть в богословский, композиционный замысел мастеров, опытным путем доказать стремление стенописцев прошлого не слепо следовать каноническим предписаниям, а живым служением Богу, пластически выражать догматы церкви, проследить преемственность школы изографов, мастеров стенного письма.

Мною в сентябре 2018 года осуществлялось картограммирование фрески «Успение Богородицы» (XVII в.) западной паперти Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря. В ходе работы обнаружилось, что мастера стенописи использовали определенную систему пропорционирования для композиционной организации изобразительного пространства, а именно: масштабы нимбов и фигур подчинены троичности и пропорции золотого сечения. Живописцы в своей работе утверждали христианский догмат о Святой Троице, символе единства и гармонии, освящая пространство храма, пользовались «золотой» пропорцией. Композиция всего фрагмента росписи трёхчастна, условно обозначает 3 ипостаси: земную, небесную и райскую.

Пропорции нимбов

Все нимбы очерчены циркулем, о чем говорят глубокие отверстия от острия, некоторые доходят до 5 мм в глубину. Нимбы исполнены в трёх масштабах. Все диаметры нимбов равны целым числам (12, 15, 22 см). Важно отметить, что мастера семнадцатого

столетия мыслили не метрической системой, введение которой на государственном уровне произошло только в 1924 году, а системой саженей, что является принципиально иным подходом к организации пространства. Сажени не измерительная система, а соизмерительная. Сопоставив полученные мной размеры живописных деталей фрески с таблицами саженей А. Ф. Черняева и А. А. Пилецкого[642], я выявила некоторые сажени, которые использовали древние изографы в своей работе. Наиболее часто встречаются измерения кратные простой (150,8 см), церковной (176 см), царской (197,4 см), народной (186,4 см) и великой (244,0 см) саженям. Такой выбор мастеров, на мой взгляд, также не случаен, поскольку известно, что пропорции некоторых храмов были созданы с помощью схожего набора саженей. Более того, последовательность их использования также подчиняется определенной логике. Известным примером может послужить Рождественская церковь в Нижнем Новгороде (кон. XVII – н. XVIII вв.), первый ярус которой составляет 2½ народной сажени, второй – 2½ царской, третий – 2½ церковной, что символизирует вертикальную иерархию. В скобках указан размер в саженях с незначительными погрешностями, менее 1 см.

Первый масштаб:

Нимбы у ангелов в Раю, приемлющих Богородицу, равны 12 см (1/16 церковной или царской сажени (пясть)) в диаметре.

Второй масштаб:

Нимбы над главами ангелов и апостолов «на облацех» диаметром 15 см (1/16 великой сажени). Фигуры на облаках окружают мандорлу с изображением Богородицы. Нимб над Её ликом, практически этого же размера, но на 0,5 см больше (15,5 см), что не составляет заметной разницы масштабов, но образ Богородицы благодаря этому выделяется на фоне остальных фигур. Толщина описи нимбов первого и второго масштабов равна 0,5 см, это зрительно их объединяет.

Третий масштаб:

Все диаметры нимбов этого масштаба колеблются в границах от 19,5 до 22 см. Большинство нимбов – 21 см в диаметре. У Богородицы, лежащей на ложе, нимб чуть больше остальных – 22 см (1/8 народной сажени (пядь)), по той же, описанной выше, композиционной причине. Заметно, что художник тщательно искал масштаб нимба для фигуры Богородицы, о чем можно судить по тройной

---

[642] Черняев А. Ф. Золото Древней Руси. Русская матрица – основа золотых пропорций.– М.: Белые альвы, 1998 с. 129.

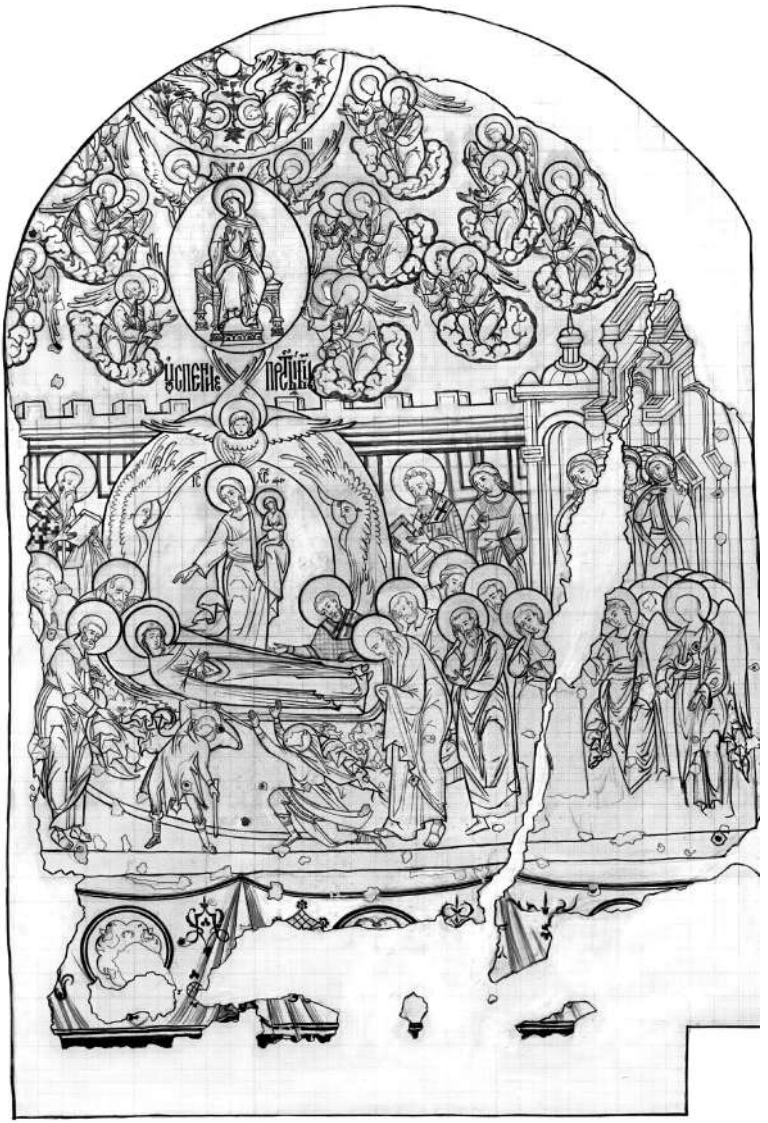
графье, его выбор остановился на диаметре 22 см, а не 19,5 см и 24 см. Первый был слишком мал, а второй слишком велик. Напротив, у фигуры Христа в мандорле диаметр нимба чуть меньше 20 см (1/8 кладочной сажени), что также помогает зрительно отделить ее от остальных. Разница в размерах остальных нимбов обусловлена стремлением мастера вкомпоновать фигуры в размеры стены, сочетать их между собой.

Толщина описи всех нимбов – 0,8 см, опуши – 0,4 см. Вопрос применения саженей в древнерусском зодчестве активно изучается историками и математиками, но на данный момент остается невыясненным, какие сажени и в каких сочетаниях использовали древнерусские изографы. На этот вопрос еще предстоит дать ответ отечественному искусствознанию. Интересно, что исключение в четком разграничении масштабов составляют центральные или композиционно значимые фигуры, к примеру, изображение Души Богородицы на руках у Христа – заметно меньше фигура ангела, отрубающего руки Афонии.

Троической масштабности подчинены также и фигуры в композиции. Образ Богородицы в трёх ипостасях изображен тремя масштабами. Все соотношения масс в композиции «Успение» подчинены пропорции золотого сечения или близки его значению (1,618) и находятся в интервале от 1,3 до 1,7. Некоторые пропорции почти точно ей соответствуют. Например, соотношения мандорлы Христа и кольца херувимов, опоясывающих её (1,605). Это указывает на то, что царские изографы руководствовались не механически въедливым просчитыванием композиции, присущем более мастерам западноевропейского искусства, а свободно, свойственно русскому духу, организовывали пространство, опираясь на интуитивное чувство гармонии, строго соблюдая в пропорциях лишь символ Святой Троицы.

Далеко не всем иконам и фрескам с этим сюжетом свойственна подобная ясность. Широко известный постулат древнерусских зодчих «строить так, как мера и красота скажет» вполне соотносим и со стенописью, неразрывно сосуществующей с архитектурным ансамблем в единой симфонии. Система саженей являлась наиболее удобным методом работы в таком ключе, поскольку важнейшей особенностью древнерусских саженей оказалась заложенная в них «золотая» пропорция. Отношения длин в саженях соразмерны (кратны) золотому сечению.

Гипотезу об использовании для построения планов русских церквей «схемы Троицы» выдвигает этнограф А. Ю. Майничева:

Илл. 1. Графическая картограмма фрески Успения западной паперти Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря. Масштаб оригинала 1:7. Автор: Шпаковская С. Е., 2018 г. Публикуется впервые

Святая Троица – есть мера и красота. Упорядоченность пространства таким образом указывает на гармонию высшего порядка, на образ Небесного Иерусалима, изображение которого есть на стене северной паперти собора как часть живописного воплощения Апокалипсиса. Такое же понимание Рая отражено в иконе царского изографа Никиты Павловца «Вертоград заключенный», 1670-е гг. (ГТГ, Москва), где упорядоченность вертограда противопоставлена хаотичному миру вне его стен.

При выполнении графического варианта картограммы, масштаб равен 1:7 *(см. Приложение, илл. 1)*, моё внимание было обращено на то, что центр композиции Успения заключен в геометрическую форму правильной восьмёрки, тщательно выстроенной при помощи ведущих пластических линий рисунка. Схожая композиционная схема встречается в иконе Успения Пресвятой Богородицы Назария Истомина 1621 года (Государственный музей-заповедник «Коломенское», Москва), предшествующей по времени данной росписи. Полагаю, что такая композиция несёт символический смысл. У христиан цифра 8 наделяется значением будущих времен: день, следующий за Днями Творения, Христос явился апостолу Фоме на 8 день после Воскресения, 8 дней попразднования Успения Пресвятой Богородицы. Число 8 как превышение понятия полноты в христианстве, коим является число 7, поскольку известно, что число 6 считается сатанинским как проявление неполноты. Все эти смыслы отсылают нас к идее переселения Божьей Матери в Жизнь Вечную. Композиционный символизм стенописи, скрытый от поверхностного взгляда, прикровенно воздействует на молящегося в храме. Также интересен и тот факт, что стена, изображенная на фреске, имеет навершие из 10 «зубцов». Несмотря на то, что часть композиции утрачена (на сохранившемся фрагменте 9 «зубцов»), ясно, что она строго симметрична. Стена здесь представлена как символ границы земного и небесного. Цифра 10 отсылает нас к 10 Заповедям, а также к тексту 14 псалма, сообщающих человеку путь в Царство Небесное.

Преемственность школы царских изографов

При первом взгляде на наиболее сохранные фрагменты фресок (западная и северная паперть) моё внимание было обращено на то, что пластика фигур, ликов, кистей рук, характер линий и их соотношение и сопряжение друг с другом, толщина и окончание, живописные приемы необычайно напоминают фрески Успенского

Илл. 2, 3, 4. Фрагменты фресок из Успенских соборов Кириллова и Свияжска. Слева: западная паперть Кирилловского храма, справа: фрагменты фресок Свияжского храма. (2: Лик Богородицы на ложе из сцен Успения. 3: Образ Богоматери на престоле. 4: Образ Души Богоматери и Образ Богоматери в младенческом возрасте)

собора Свияжска. При этом ясно, что живопись Свияжского храма тяготеет к аналогам росписей XVI столетия, а Кирилловской паперти – XVII века, тем не менее, взгляд художника способен уловить определённое пластическое сходство *(см. Приложение, илл. 2, 3, 4)*. И такое наблюдение, на мой взгляд, небезосновательно. Успенские соборы Свияжска и Кириллова расписывали царские изографы, выдающиеся мастера своего времени. Известно, что роспись четверика Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря была выполнена в 1641 году под руководством знаменитого изографа Любима Агеева (Елепенкова Иоакима Агеева), уроженца с. Шуньга близ Костромы, приписанного Чудову монастырю[643], который в 1642–1643 гг. был также знаменщиком при возобновлении стенного письма московского Успенского собора. А росписи папертей выполнены в 1651 году Иваном Тимофеевым и Севостьяном Дмитриевым. Главные храмы Руси носили посвящение Успению Пресвятой Богородицы. А с XV века, как отмечает А. Л. Баталов: «События русской церковной истории второй половины XV столетия конституировали положение Успенского собора как соборной церкви русской митрополии. Московский собор и его главная реликвия – гроб святителя Петра становятся олицетворением нового канонического центра русской митрополии...»[644].

Декорацию Успенских храмов выполняли лучшие мастера своего времени, между которыми существовала строгая преемственность, регламентированная положениями Стоглава. Свияжские «фрески были созданы или, по крайней мере, завершены в летний сезон 1605 года»[645], о чем гласит текст «летописца» на западной стене собора. Также известно, что Иван Грозный неоднократно посещает Кирилло-Белозерский монастырь. Как сообщает Т. Е. Казакевич, в монастыре захоронены герои взятия Казани: князь Михаил Кубенский, ярославские князья – полководцы Семён Сицкий и Федор Прозоровский, а *«в 1554 году над могилой главного героя взятия Казани Владимира Воротынского даже ставят каменный придельный храм с престолом Владимира Киевского, который превращается в фамильную усыпальницу Воротынских»*[646]. *«В 1577*

---

[643] Кочетков И. А. Словарь русских иконописцев.– М.: «Славия», 2009, С. 207–208.

[644] Баталов А. Л. Традиция строительства Успенских храмов в XVI веке.– СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 38–50.

[645] Преображенский А. С. О фресках собора Свияжского Успенского монастыря // Фрески и иконы Свияжского. Успенского собора.– Спб., 2009. С. 22.

[646] Казакевич Т. Е. Стенопись Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря. Т. Е. Казакевич. // Ферапонтовский сборник. – М., 2006. – Вып. 7. С. 83.

году здесь хоронят первого из Шереметевых, монастырского постриженика и бывшего участника казанского, крымского и полоцкого походов Ивана Васильевича Большого»[647]. В монастыре покоится известный духовный писатель Василий Михайлович Тучков, участвовавший совместно с митрополитом Макарием в составлении Великих Четий-Миней. Мои наблюдения подтверждаются и сообщением Т. И. Казакевич о влиянии иконографии Свияжского храма на стенопись четверика Успенского собора в Кириллове. Несмотря на то, что фрески паперти были выполнены на десятилетие позднее, судя по пластике и художественным приёмам, становится очевидно, что они тоже несут следы преемственности свияжских мастеров. С. С. Чураков, исследовавший фрески собора Рождества Богородицы в Суздале (1635 г.), отмечает, что в этот период была известна всего одна артель, возглавляемая Любимом Агеевым[648]. 1635–1644 гг. – документально известные годы творчества артели, которой руководит Любим Агеев и является сложившимся мастером уже к 1635 году. Это означает, что он начал свою творческую деятельность на рубеже XVI–XVII вв. и мог принимать участие как подмастерье в росписи Свияжского храма. Это предположение, с моей точки зрения, подтверждается тем, что колорит фресок Суздальского и Свияжского соборов очень близок, очевидна и схожесть пластики фигур, линий описи, формы пробелов на одеждах, характера горок. Л. Ю. Белова, описывая фрески собора Рождества Богородицы в Суздале, отмечает, что такой колорит уникален, он сложился в десятилетие 30–40-х гг. XVII века. Это утверждение, на мой взгляд, спорно, поскольку по описанным выше признакам живописные и пластические особенности суздальских фресок являются закономерным продолжением опыта работы изографов над свияжской росписью. А живопись четверика Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря – закономерным развитием творчества артели Любима Агеева, в котором еще ощущается манера письма конца XVI столетия. Сопоставление данных фактов, возможно, позволит приоткрыть завесу тайны в до сих пор невыясненном вопросе об авторстве фресок Успенского собора Свияжска.

---

[647] Казакевич Т. Е. Стенопись Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря. Т. Е. Казакевич. // Ферапонтовский сборник. – М., 2006. – Вып. 7. С. 83.

[648] Чураков С. С. Отражение рублевского плана росписи XVII в. Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры // Андрей Рублев и его эпоха. / Сб. статей под ред. М. А. Алпатова.– М., 1971. С. 194.

Новым этапом в развитии стенописи можно считать 50-е годы XVII столетия, когда выступили самостоятельными мастерами его ученики и младшие современники. Фрески паперти, по заказу Ф. И. Шереметева, были выполнены ярославскими мастерами Иваном Тимофеевым (по прозванию Макар)[649] и Севастьяном Дмитриевым (Башка Севастьян Дмитриев (уп. 1629–1676 гг.)[650], а также Иосифом Владимировым – знаменитым изографом Оружейной палаты, оставившим ценнейшие наблюдения в «Трактате об искусстве». Севастьян Дмитриев работал в составе артели по росписи церкви Николы Надеина в Ярославле под руководством Любима Агеева. Также он принимал участие в росписях Успенских соборов Кремля и Ростова[651]. Иван Тимофеев и Севастьян Дмитриев в росписях паперти в сравнении с фресками четверика создали свой колорит, по-новому осмыслили каноническую композицию Успения, привнеся в нее дополнительные смыслы, но рисунок, пластику линий как основу школы сохранили в духе своих учителей.

Перечисленные выше факты, а также сравнительно небольшая временная разница между росписями Свияжского (1605 г.) и Кирилловского Успенских соборов, 1641 г. и 1651 г. (паперть), а также фресок собора Рождества Богородицы в Суздале (1935 г.), принадлежность мастеров к Государевой Оружейной палате – все это вполне может говорить о преемственности живописцев, о русской высшей школе царских изографов, существовавшей в Москве ещё до создания иконной палаты в 1620 году, по окончании Смутного времени и войны с Речью Посполитой. На это указывает А. К. Крылов, отмечая, что «по инициативе Святителя Макария, в середине (XVI – *С. Ш.*) столетия в Москве создаются «Мастерские Царских Изографов». Здесь, несомненно, обучение велось по классическим образцам византийской и русской иконописи, собранным за века в кремлевских храмах... Высокий государственный статус, а также существо решаемых задач указывает на то, что мастерские царских изографов следует рассматривать как первую русскую академию художеств».[652]

---

[649] Кочетков И. А. Словарь русских иконописцев.– М.: «Славия», 2009. С. 650.

[650] Там же. С. 80–81.

[651] Там же.

[652] Крылов А. К. «Санкт-Петербургская Академия Художеств в памятниках древнерусского искусства» (о преемственности традиций изучения и освоения культурно-художественного наследия Отечества). // Колористический символизм древнерусской стенописи. Статьи, исследования, заметки.– СПб.: Артиндекс. 2011. С. 119. (примечание 7 на с. 131).

Изучение мною фрески «Успение» на западной паперти Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря привело не только к разгадке уникального композиционного замысла изографов Севастьяна Дмитриева и Ивана Тимофеева, открыло некоторые факты соизмерения пропорций частей композиции, но и позволило связать стиль данной росписи с живописью других храмов XVII столетия, проследить преемственность школы царских изографов.

Новикова Галина Владимировна,
коллекционер, частный исследователь, член OIDFA, г. Москва

КРУЖЕВО ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В ЧАСТНОЙ КОЛЛЕКЦИИ

Существует красивая легенда о появлении первого кружева: однажды итальянский моряк, отправляясь в далекое плавание, увидел на морском берегу удивительной красоты коралл, носящий название «Кружева сирены» и решил подарить его своей девушке. Он ушел в плаванье, а девушка захотела запечатлеть узор и выплела его из ниток. Переплетая нити, она никак не могла добиться нужного результата и догадалась подвесить на нитки грузики, которые впоследствии превратились в коклюшки. Так появились первые кружева, плетенные на коклюшках.

Если говорить о научной стороне вопроса, то данные археологии, истории искусства и письменности позволяют предполагать, что кружево было известно египтянам и грекам еще до нашей эры.

Но нас интересует кружево как художественное явление в современном понимании этого слова. И здесь существуют две главные категории: кружево, шитое иголкой, и кружево, плетенное на коклюшках (палочках с углублением для намотанных ниток).

Где возникло коклюшечное кружево, точно неизвестно. Большинство исследователей склоняются к мысли, что страной происхождения этой техники следует считать Италию. Косвенно это подтверждает и наличие на антикварном рынке достаточного количества итальянского коклюшечного кружева XVII века, что говорит об уже налаженном к этому времени кружевном производстве.

В России изначально такое кружево было привозным, затем его стали изготавливать сами.

Сохранились сведения, что коклюшечное кружево существовало в Москве уже в начале XVII в. В 1625 г. в Мастерской палате для нужд царского двора выплеталось металлическое кружево. В то время там работало уже 10 кружевниц.

В середине XVIII в. у русского дворянства уже имелись собственные мастерские, где работали крепостные кружевницы.

Если более ранние кружева были металлическими, то в XIX столетии металлическое кружево вытесняется шелковым, льняным и хлопчатобумажным.

Мое же знакомство с коклюшечным кружевом состоялось на втором курсе института. Зайдя в аудиторию, я впервые увидела подушку с подвешенными на ней коклюшками, сколок и уже выплетенное кружево. Далее я защитила диплом по кружеву. Тогда я и подумать не могла, что вся моя последующая жизнь будет связана с этим прекрасным видом искусства.

Сначала я научилась технике плетения, сама стала выплетать кружева. Коллекция стала собираться намного позже. Первоначально я хотела делать сколки и описание плетения исторических кружев для журналов по рукоделию. За основу были взяты фотографии таких кружев из книги «Русская вышивка и кружево» Ефимовой Л. В., Белогорской Р. М. Первые образцы были куплены в 1991 году в антикварном магазине на Пушечной улице в Москве. Сначала в ней были только русские кружева. Затем появились и кружева Западной Европы.

Самая обширная коллекция, конечно, русского кружева. В ней представлены кружева Белева, Мценска, Ельца, Подольска, Калязина, Рязани, Балахны, Торжка, Кирова, Белозерска, Одоева, Ростова, Вологды. В настоящее время коллекция продолжает пополняться.

В Вологде, как и в большинстве мест в России, распространение кружева связано с крепостными мастерицами. В XIX столетии у каждого зажиточного вологодского помещика имелись кружевные мастерские. Прежде всего кружевницы обеспечивали кружевом семью помещика, затем во многих усадьбах стали выплетать кружево на продажу.

Кружевной промысел получил развитие не во всей Вологодской губернии, а только в самой Вологде, Белозерске и трех уездах – Вологодском, Кадниковском и Грязовецком. Помимо этого, кружева также плели в Велико-Устюжском, Вельском и Усть-Сысольском уездах, но на этих территориях кружевоплетение не нашло широкого распространения и просуществовало небольшой отрезок времени. В Тотьме и в Тотемском уезде также плели кружево на коклюшках. В зале крестьянского кружева в Музее кружева в

Вологде есть небольшой комплекс предметов из Тотемского уезда: проставки, домотканые полотенца, украшенные кружевом парной техники плетения. Каких-то особых стилистических особенностей, отличающих Тотемское кружево от других центров плетения Вологодской губернии, в нем нет.

Основные же центры ремесла сформировались вокруг Вологды и в западных районах губернии; именно в них и сложились свои особые черты кружева.

Говоря о моей коллекции коклюшечного кружева, хочется в первую очередь отметить прекрасный свадебный подзор второй половины XIX века. Он долгое время находился в одной вологодской семье, а затем поступил в мою коллекцию. Основное место в подзоре занимает вышивка. Она изображает карету, запряженную лошадьми, жениха и невесту, дворец, в котором будут жить молодые после свадьбы, древо жизни и летящих птиц. Конец подзора украшен кружевным краем, выполненным в технике коклюшечного кружева. Узор выложен вилюшкой, промежутки заполнены маленькими насновками. Похожий по исполнению кружевной край и прошва, выполненные вилюшкой и заполненные маленькими насновками, находятся в собрании Русского музея и происходят из Кадниковского уезда Вологодской губернии. Это сравнение позволяет предположить, что и кружевной край на свадебном подзоре из моей коллекции выполнен в Кадниковском уезде.

В кадниковском кружеве, в отличие от большинства уездов Вологодской губернии, использовались не только белые, но и цветные нити: шерстяные или гарусные. Кружево было многопарным, достаточно широким. Чаще всего в узорах использовались разные виды ромбов в сочетании с плотно расположенными насновками или сквозными отверстиями, или же решеткой из плетешков. Цветные нити: бардовые, желтые, зеленые использовались в скани. Украшали таким кружевом предметы бытового и праздничного назначения – скатерти, полотенца, подзоры простыней. В моей коллекции находится достаточно широкая прошва с геометрическим рисунком, включающим в себя ромбы со сквозными отверстиями внутри, в скани использованы бардовые и светло-зеленые нити. Размер образца позволяет судить о том, что он был вшит в полотенце. Все это позволяет предположить, что кружево было выплетено в Кадниковском уезде Вологодской губернии.

Прекрасный образец вологодского кружева приехал ко мне из Англии. Это край шириной 20,5 см, предположительно относящийся к первой половине 19 века, выполненный в «вологодском манере».

Появление «вологодского манера» связано с именем А. Ф. Брянцевой, к прежнему манеру «плести городами» был прибавлен новый способ, напоминающий гипюр, который и получил в дальнейшем «манера вологодского». Этим манером в Вологде плели или целые предметы, или широкое мерное кружево (около сорока сантиметров шириной), которое требовало до трехсот пар коклюшек и высокого уровня исполнения.

Интересны прошва и край, выполненные коричневыми нитками с применением мотива «саламандра». Изображение саламандры характерно для декоративно-прикладного искусства Западной Европы. Саламандра – эмблема Франциска I Орлеанского и ее можно видеть в отделках интерьеров французских королей. В Италии также часто использовали это изображение, в том числе и в кружеве. В то же время в экспозиции Музея кружева Вологды находится похожий образец, выплетенный в Вологодской губернии, что позволяет нам сделать предположение, что прошва и край из моей коллекции тоже изготовлены в Вологодской губернии. Возникает вопрос: как попал такой образец в Вологду?

По понедельникам в Вологде на площади у церкви Благовещения происходило главное кружевное событие. Торговки поджидали мастериц и кубенок (посредниц) и скупали все кружево, что приносили из города и деревень. Собрав необходимое количество, крупные скупщицы отправляли свой товар прямо в Петербург и Москву. А оттуда часто привозили новые «манеры» (узоры) кружев. Возможно, среди них был и этот «манер».

Хотя возможен и другой вариант. Рядом с Вологдой расположен Горицкий Воскресенский женский монастырь. Этот монастырь известен тем, что туда постригали в монахини неугодных знатных особ женского рода, начиная с Ефросиньи Старицкой. Последней, по мнению некоторых историков, могла быть Екатерина Долгорукова, несостоявшаяся жена императора Петра II. На их вещах и могло оказаться такое кружево, сколок которого потом попал к кружевницам.

6 июля 1930 года образовался Вологодский межрайонный кустарно-промысловый союз «Волкружевосоюз» с непосредственным подчинением Северному краевому кустарно-промысловому Совету. В августе 1930 года был создан Вологодский областной кружевной союз, который объединил 48 кружевных артелей, расположенных в семи административных районах Вологодской области: Вологодском, Грязовецком, Лежском, Чебсарском, Кубено-Озерском, Сокольском, Усть-Кубенском, Харовском и городе Вологда.

С одной стороны, кружевницы были обеспечены рынком сбыта и соответственно средствами к существованию, с другой стороны, если мы посмотрим ассортиментный каталог изделий кружевных артелей, например, Ельца и Вологды, то увидим одинаковое мерное кружево и кружевные вставки. Таким образом, если такие изделия покупались, как в моем случае, в Москве, то определить где они были изготовлены практически невозможно. В моей коллекции достаточно много таких образцов, которые могли быть изготовлены как в Вологодской губернии, так и в Ельце и его окрестностях. И, скорей всего, где именно они были изготовлены, мы уже не узнаем.

Филиппова Вера Ивановна,
профессор изобразительного и декоративно-прикладного искусства и архитектуры кафедры социальных коммуникаций и медиа ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет», г. Череповец, Вологодская область

ОСОБЕННОСТИ ГРАФИЧЕСКОГО ИСКУССТВА ВОЛОГОДСКИХ ХУДОЖНИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

Вторая половина XX столетия в истории отечественного изобразительного искусства характеризуется активизацией художественной жизни страны. Этот период на территории Вологодского края ознаменован в отечественном изобразительном искусстве зарождением такого уникального явления как Вологодская графика. В этот период отмечена тенденция возрождения и продолжения графических традиций вологодских художников начала XX века.

Огромную роль в пропаганде и развитии вологодской гравюры сыграла созданная в 1952 году на базе художественного отдела Областного краеведческого музея, Вологодская областная картинная галерея (ВОКГ). Она явилась и является единственной в области картинной галереей государственного уровня. Ей принадлежит одна из ведущих ролей в возрождении, развитии и расцвете граверного искусства на Вологодской земле, отображающая литературное наследие вологодских писателей и поэтов. 12 февраля 1954 года в залах картинной галереи г. Вологды открылась первая областная художественная выставка, на которой были представлены работы 12 авторов. Этот день считается днем официального

открытия ВОКГ. В разделе «Графика» прозвучала книжная графика С. В. Кулакова (иллюстрации, обложки и титульный лист – 15 работ, представленных в технике: бумага, тушь и обложки книг в оттисках – 8 работ) и серия из 15 эскизов иллюстраций П. М. Попова к поэме А. Яшина «Алена Фомина».

Во вступительной статье к каталогу отчетной выставки вологодских художников в феврале 1955 года директор вологодской областной картинной галереи С. Г. Ивенский пишет: «Вологодскую графику представляет С. В. Кулаков (серия иллюстраций к басням А. Власова), П. М. Попов (сатирические рисунки) и В. И. Михайлов (рисунки для газет). Однако это лишь первые шаги вологодской графики, страдающей схематизмом и робкой по выражению мысли. И все же заслуживает внимания тот факт, что трое наших художников серьезно взялись за такую важную отрасль графики, как сатирический рисунок... Проект фонтана разработан Т. П. Контаревой совместно с художником-графиком С. В. Кулаковым»[653].

Николай Васильевич и Генриетта Николаевна Бурмагины, Анатолий Терентьевич Наговицын, Владислав Александрович Сергеев относятся к тому поколению художников, которому суждено было пройти бурный творческий путь от порожденного «оттепелью» «сурового стиля» до динамических поисков образно-выразительных средств и возможностей гравюры 1950–1990-х годов. С расцветом печатной графики XX столетия тесно связан процесс возрождения книжной графики и особенно экслибриса.

На момент начала 1960-х годов положение художественной иконографии на Вологодской земле стало заметно меняться благодаря появлению здесь к тому времени таких талантливых граверов как Н. В. и Г. Н. Бурмагины, одаренного гравера, рисовальщика и живописца В. А. Сергеева, одержимого поисками нового, большого экспериментатора в области станковой графики и не менее талантливого А. Т. Наговицына и многих других мастеров графики. Приехавшие в Вологду после окончания Московского художественного института им. В. И. Сурикова В. Н. Корбаков, Н. В. Баскаков, Д. Т. Тутунджан внесли в атмосферу местных художников дух новаторства и поиска индивидуальных выразительных средств. Ряды вологодских графиков стали активно увеличиваться количественно и усиливаться, развиваясь и совершенствуясь в качественном направлении.

---

[653] Каталог отчетной выставки вологодских художников / вступ. статья С. Г. Ивенского – Вологда, Обл. типография «Красный Север».– 1955.– С. 20.– 2–3 с.

В выставочной экспозиции 20-й выставки произведений вологодских художников 1961 года уже звучат имена таких графиков как Е. А. Соколов (пастель), Д. Т. Тутунджан (тушь, пастель, гуашь), В. А. Чулков (карандаш, акварель) и В. А. Шагинов (пастель). Тематическая направленность графических работ стала разнообразнее, затрагивая и отражая жизнь области в целом, деятельность людей. Во вступительной статье к каталогу выставки директор областной картинной галереи С. Г. Ивенский по поводу графических работ художников высказывается таким образом:

«Острая, лаконичная, доходчивая форма беглых рисунков с натуры Д. Тутунджан значительно оживляет графический отдел выставки. О. Бороздин, Д. Тутунджан, В. Шагинов представили работы в технике пастели, которая позволяет придать изображению особую легкость, воздушность. Выразительным, законченным рисунком отличаются все без исключения работы О. Бороздина, в работах В. Шагинова – мягкость и глубина трактовки сюжета»[654].

Вологодская гравюра XX века вместе с его графическими традициями никогда не рассматривалась в научной литературе, отражающей историю развития отечественного графического искусства этого периода, как единое целостное явление с определенными фазами развития, имеющими определенные хронологические рамки, активно подвергающееся влиянию произведений вологодского литературного сообщества. В некоторой степени такому подходу мешала выразительная индивидуальность многих художников, графическое творчество которых составляло основу не только вологодской графики, но и ярко представляло и отражало графическое искусство в рамках всего отечественного искусства.

В рисунке и гравюре начинают пробовать себя и скульпторы, и живописцы. Их работы в виде граверных изысков практически не уступают творениям «истинных» граверов. Наступает время, когда узкий цеховой профессионализм уходит в прошлое и на смену ему приходит время «универсальных» художников. Графика начинает выступать не как «вспомогательное» начало к живописным или скульптурным произведениям в форме сюжетных или композиционных набросков и зарисовок, а все активнее звучит своей самостоятельностью и совершенством. Она начинает сопровождать многие литературные произведения вологодских поэтов и писателей.

---

[654] Каталог 20-й выставки произведений вологодских художников / вступит. статья С. Г. Ивенского / сост. К. Н. Федотова.– Вологда, изд-во «Красный Север».– 1961.– С. 26, с. 8.

В начале шестидесятых годов новые исторические тенденции сказались на ломке прежней системы образного мышления, которая уже не соответствовала более глубокому освоению реалистического метода. Вместо сопровождающей жизненные реалии «прямой иллюстративности», внешней патетики художественных образов проявился интерес к передаче внутреннего мира прообразов. Графики обратились к поиску новых способов трактовки сюжетов, расширению и появлению новых составляющих диапазона выразительных средств. В этой сложной ситуации вологодские художники внимательнее и активнее обращаются к творческому наследию мастеров отечественной и зарубежной гравюры предыдущих поколений, стремятся к обогащению технических возможностей графических техник, используя при этом художественные приемы и других видов изобразительного искусства. Одним из проявлений подобных перемен в графическом искусстве явилось то, что в этот период в станковой графике наметился некоторый перелом и многие российские художники начали активно работать в технике линогравюры. В этой технике пробовали представлять свои работы, в том числе и книжную графику, и вологодские художники. В их листах стали заметно выделяться крупные формы, монументальные композиции, экспрессивные линии, резкие контрасты тонов.

К следующему моменту, породившему мощный скачок графического искусства в Вологодском крае, относится та творческая литературная среда, в которую попали вологодские графики в начале 1960-х годов. Общение с такими поэтами и писателями как О. Фокина, А. Романов, В. Белов, А. Яшин, Н. Рубцов, Л. Беляев и многими другими создавало особую атмосферу, рождающую визуальные образы в творчестве художников.

Параллельно художниками велись творческие поиски и других технических возможностей графики. Например, многие вологодские художники достаточно длительный период своей творческой деятельности посвятили освоению такой сложной техники как ксилография. Строгая, умная графика, четкость линии особенно выделяло их графические работы, исполненные в этой технике. Многие иллюстрации к произведениям Н. М. Рубцова, к примеру, исполнены такими вологодскими художниками как В. А. Сергеев, Н. В. и Г. Н. Бурмагины именно в этой технике.

Серия специальных выставок графических произведений, прошедших в ВОКГ в 1960-е годы, способствовала воспитанию вкуса будущих вологодских граверов и активизации их творческих

проявлений. Выставка вологодских художников в 1963 году значительно расширила список авторов, представивших свои работы в разделе «Графика». Среди 14 художников-графиков можно было увидеть работы В. Н. Корбакова (2 монотипии и 5 линогравюр), А. Т. Наговицына (12 линогравюр), В. А. Сергеева (1 гуашь и 7 монотипий), Д. Т. Тутунджан (10 тушь и 2 гуашь) и др. Председатель правления Вологодского отд. СХ РСФСР Н. Баскаков во вступительной статье к каталогу выставки пишет: *«Появились графические серии, объединенные определенной темой, появились – и это особенно отрадно – многочисленные листы в технике линогравюры. Их авторы – энтузиаст эстампа в нашей области В. Корбаков, молодые художники – Ю. Петров, Е. Гусев, Т. Коваленко. Зрители с интересом познакомятся на выставке с сериями линогравюр А. Наговицына, недавно приехавшего к нам из Кировской области. Значительного успеха в графике достигла Н. Железняк»*[655].

Начало 60-х годов явилось периодом не только активного освоения графических техник, но и стало началом внимательного поиска каждого художника своих индивидуальных возможностей, собственных изобразительных систем, которые могли бы способствовать их оптимальному самовыражению. Творчество вологодских графиков формировалось под мощным влиянием общих направлений советского искусства 1960–1970-х гг. и этот период в творчестве можно обозначить как эпоху поиска нового художественного языка. Верность жизненной правде, как одна из важных черт реалистического искусства, стала главным девизом художников, писателей и поэтов этого периода.

Такие разновидности печатной графики как линогравюра и ксилография, так называемое «чистое искусство», представляло чаще всего черно-белую графику, наделенную богатыми техническими возможностями. Данные технические возможности позволяли достаточно выразительно передать всю мировоззренческую глубину поэзии Н. М. Рубцова, которая содержит много образов-символов.

Экслибрисы многих вологодских графиков второй половины XX – начала XXI вв. передавали образ поэтов и писателей именно через символы. Образ поэта Н. М. Рубцова, в этом плане, не исключение, а, скорее, яркое подтверждение тому. Этот образ в изобразительном искусстве включает в себя образ самого поэта;

---

[655] Каталог выставки вологодских художников / сост. и автор вступит статьи Н. В. Баскаков – Вологда: изд-во «Красный Север».– 1963. С. 21.

тот изобразительный ряд, который сопровождает его поэтическое наследие; графические пейзажи, отображающие пейзажи, связанные с его биографией. Подобное подтверждение можно найти и в графических произведениях В. А. Сергеева, и в работах Н. В. и Г. Н. Бурмагиных.

Принцип анализа печатных графических произведений вологодских художников (книжной графики: иллюстраций к произведениям писателей и поэтов) через призму поэтических произведений Н. М. Рубцова позволяет наглядно проследить тенденцию влияния произведений поэта на формирование художественных традиций Вологодской графики второй половины XX века, на формирование «творческого» мировоззрения того или иного художника, представляющего этот период, и, в конечном итоге, на результаты его творчества.

Вологодская графика представляет собой целостное и самобытное художественное явление в истории общероссийского графического искусства XX века. Весомую часть произведений вологодских художников в этом составляют графические произведения, отображающие жизнедеятельность Н. М. Рубцова, его поэтическое наследие и образ самого поэта.

В печатных графических произведениях рубцовской тематики вологодским художникам удалось создать полноценный образ Русского Севера, соединив в своем творческом воплощении свое восприятие в контексте поэтических произведений Н. М. Рубцова. Гравюры вологодских мастеров на тему создания художественного образа Русского Севера имело и имеет существенное значение для развития изобразительного искусства данного исторического периода. Н. М. Рубцов – певец Русского Севера, образ которого проходит «красной нитью» через многие его стихи.

Устремленность вологодских мастеров печатной графики второй половины XX века к истокам поэтического творчества Н. М. Рубцова является связующим звеном с великим графическим наследием предшествующих поколений художников первой половины XX столетия.

Ярошенко Мария Дмитриевна,
студентка Института культуры и туризма
ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда

ЦВЕТЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ВОЛОГОДСКОГО ХУДОЖНИКА В. КОРБАКОВА

Художник Владимир Корбаков (5 июня 1922, Казариново, Вологодская губерния – 28 октября 2013, Вологда) прошел большой творческий и человеческий путь, неразрывно связанный с жизнью своего родного города, которому подарил множество своих работ. Детство и юность художника прошли в Вологде. Его первое знакомство с искусством произошло еще в школьные годы: подросток подружился с учеником-реставратором иконописи в областном музее, а через него – с мастером миниатюры и реставратором. Окончив семилетнюю школу, в 1940 году пошел учиться в студию при Союзе художников и уже в 1941 году устроился на работу в мастерскую Художественного Фонда. Но тут началась Великая Отечественная война, художник ушел на фронт. В 1942 году Корбаков был сильно ранен, перенес четыре операции на руку, которой все последующие годы писал произведения.

Со временем Владимир Корбаков стал одним из самых ярких художников Вологды, его работы знают во многих городах. «Почти 90% своих работ он подарил городу. И город откликнулся – при жизни Владимира Николаевича построил ему музей – "Дом Корбакова"».[656]

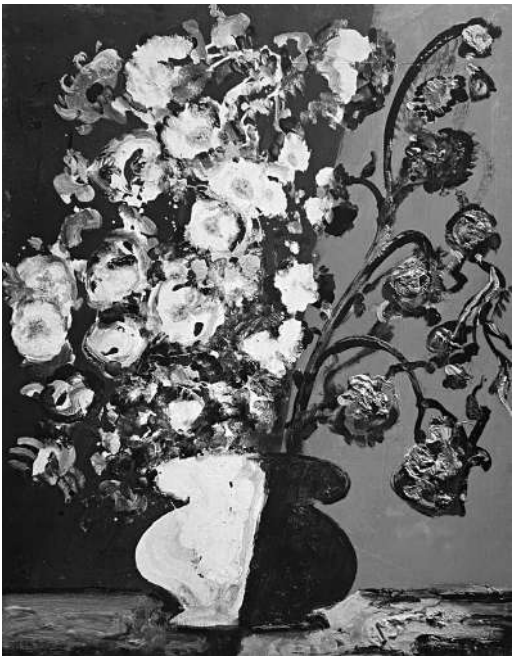
Зрителей привлекает в его работах необычность форм, сочетания красок, цветов, многообразие портретов, каждый из которых несет свой собственный посыл, свою линию. Художник доносит до зрителя свою идею с помощью игры света, цвета, формы, которая очень заметна в творчестве Корбакова. Одним из самых интересных феноменов мастера являются формообразующие элементы – и это не только человек, его внешность, черты лица, тела, но и природа. Многообразие текстур, динамика, изобилие вариантов формы – все то, что завораживает при взгляде на картины. Его пейзажи и натюрморты хочется рассматривать, разбирать на фрагменты, возникает желание «покрутить» изображение, а зачастую – войти в них.

---

[656] Чапурина Г. А. Владимир Корбаков: если ухо от Ван Гога // Культурная среда. [сайт]. Режим доступа: http://www.ks-gazeta.ru (дата обращения 05.01.2021).

В. Корбаков работал в разных жанрах живописи, но если сравнивать пейзаж и натюрморт, то его выбор был в пользу последнего. Пейзажи не казались ему столь интересными, как натюрморты: в нем можно рассмотреть объект поближе, совместить то, что в обычной жизни не часто встретишь рядом. Одно из самых интересных с точки зрения формы и цвета природных созданий – это цветок. Цветы художники традиционно любят изображать на своих работах, это своеобразный символ романтизма, отличный инструмент, чтобы выразить эмоцию через форму и образ. Попробуем рассмотреть данную тему в авторском исполнении детальнее.

Большая страница творчества Корбакова исписана цветами. Каждая из этих работ выражает отношение автора к реальности, приближает зрителя к пониманию его внутреннего мира, его настроения, восприятия реальности. Одна из первых нашумевших картин «Цветы с Луны» (1997, хранится и является собственностью Вологодской областной картинной галереи) из серии «лунных» натюрмортов. Их автор создал в 1997 году, среди которых – «Цветы с Луны», «Цветы при лунном свете» и «Цветы с обратной стороны Луны», как Инь и Янь соединяет в себе два мира, две стороны, светлую и темную. Здесь можно заметить, что Корбакову свойственна экспрессия, которую он передает через форму. Цветы здесь – явно персонаж, и персонаж достаточно яркий: такое четкое разделение на две части показывает двойственность характера автора. «Два цвета, белый и черный, передают контраст освещенной и затемненной стороны лунного букета. Так автор провел аналогию с тем, что луна обращена к нам всегда одной

В. Н. Корбаков. Цветы с Луны

стороной»,– засвидетельствовала старший научный сотрудник Вологодской областной картинной галереи[657].

«Букет на палитре» (2010, собственность автора) – красочная картина на стекле, напротив, не обращает внимания на форму, а показывает экспрессию, буйство красок. Она не останавливает взгляд на чем-то одном, она рождает эмоцию. Рождение эмоций – одна из главных задач экспрессионизма, и мы с уверенностью находим подтверждение данному стилю в этой картине, маркируя не только ее, но и творчество художника. В ней автор выражает своё эмоциональное состояние, разделяя его со зрителем.

Одна из моих любимых работ «Цветы в шляпе» (2010, собственность автора) не столь популярна у массового зрителя, но не менее привлекательна для узкого круга ценителей живописи, здесь очень заметна фактура письма – главная отличительная особенность живописи Корбакова. На этой картине цветы очень яркие, они – главный персонаж произведения. Яркий фон смело дополняет, но не затмевает красочность букета. Все картины В. Корбакова очень рельефные – это позволяет увидеть объем, где он не показан цветом. Очень интересно рассматривать картину по частям, так как каждый лепесток – это отдельный мазок кистью, художник выделяет лепестки количеством материала, а не детальной прорисовкой[658].

В. Н. Корбаков. Цветы в шляпе

---

[657] Чуркина М. Проект «Экспонат» // Cultinfo. Культура Вологодской области. [сайт].Режим доступа: http://cultinfo.ru (дата обращения: 25.12.2020). Корбаков В. Н. Владимир Корбаков. / Сост. и авт. вступ. ст. В. Воропанов.– Вологда: Арника, 1997.

[658] Владимир Корбаков: [альманах] / Рус. музей; [ред. В. Казарина; авт. ст.: Т. Чудиновская; фот.: А. Тарасовский].– Санкт-Петербург: Palace Editions: ГРМ, 2012.– 132 с.

В. Н. Корбаков. Цветы к празднику Победы

Владимир Корбаков изображал цветы на автопортретах, стоит заметить, что за свою жизнь он создал их более ста. «Цветы к празднику Победы» (2010, ВОКГ) – один из самых значимых автопортретов для автора, он показал себя в цветочном поле, с корзиной цветов, скромной улыбкой и медалями на груди. Цветы показаны, как атрибут персонажа, как символ чистоты и благородства, благодарности. В ней, как и в упомянутых картинах, очень много деталей. Яркие краски, многообразие цветов – такое редко увидишь в реальной жизни[659].

Замысловатые формы, характерная для Корбакова экспрессия часто сравнивается с манерой великого голландца Винсента Ван Гога, но если изучить творчество обоих авторов, то сразу заметна разница между «формой» Винсента и «эмоцией» Корбакова. Сравнивать их двух совершенно неправильно: Винсент Ван Гог – постимпрессионист, добивавшийся не точной передачи изменчивых световых эффектов и состояний, а максимальной интенсивности

[659] Владимир Корбаков: [альманах] / Рус. музей; [ред. В. Казарина; авт. ст.: Т. Чудиновская; фот.: А. Тарасовский].– Санкт-Петербург: Palace Editions: ГРМ, 2012.– 132 с.

выражения жизни природы. «Вместо того чтобы пытаться точно изобразить то, что находится у меня перед глазами, я использую цвет более произвольно, так, чтобы наиболее полно выразить себя».[660] Если же посмотреть на творчество Корбакова, то можно проследить похожую тенденцию «не копировать форму». Но главное отличие Владимира в том, что он всё же не использует цвета произвольно – видно академическую школу, которую он прошел. Корбаков потрясающе видит цвета, не изменяя их, а делая ярче и красочнее, даже если это достаточно «серая» работа.

Многие скажут, что Корбаков копировал Ван Гога, но это не так. Обладая «потрясающей самоиронией», которую он применял в написании автопортретов, будучи глуховат на правое ухо, Владимир Николаевич пишет картину «Ван Гог дарит свое ухо глухому художнику» (2009), где изображает, как Ван Гог передает ему свое ухо. Это же потрясающе, кто посмеет возразить? Ван Гог был очень любим Корбаковым, он его вспоминал цитацией на своих работах.

Владимир Корбаков вдохновлялся классикой, произведениями искусства других авторов, что можно заметить в его творчестве. На картине «Как хороши, как свежи были розы» (1997, ВОКГ) двое неизвестных смотрят друг на друга через потрясающий букет розовых роз. Помимо вдохновения Тургеневым в самом названии есть еще одна интересная особенность этого произведения. Розы стоят в большой вазе, форма которой – копия Венеры Милосской. Розы как символ красоты и женственности сияют на темном фоне. Статуя Афродиты, богини любви, удачно дополняет эту картину. Художник отлично передал контраст светлого и темного, что иллюстрирует отношение Корбакова к цветам – хрупкие создания в атмосфере мрака и темноты становятся еще более нежными, практически невесомыми.

Цветы – это символ жизни, легкости и умиротворения, именно поэтому они так популярны в натюрмортах, представленных в интерьерах и на выставках, в быту и в эстетизированном пространстве. Корбаков любил цветы, вдохновлялся ими, писал на множестве картин в качестве атрибута главного персонажа, в качестве фона и нередко в качестве действующего лица. Он разговаривал с природой на одном языке, а она отвечала ему взаимностью.

---

[660] Винсет Ван Гог. Письма к брату.– М.: Изд-во АСТ, 2013. 598 с.

Раздел пятый

РУССКИЙ СЕВЕР: ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Акимова Мария Сергеевна,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник ИМЛИ им. А. М. Горького РАН,
старший научный сотрудник ГБУК г. Москвы «Музей Зеленограда»,
г. Москва

ПОЕЗДКА Э. И. ДАШКОВА НА РУССКИЙ СЕВЕР (ОНЕЖСКИЙ БЕРЕГ) ЛЕТОМ 1967 ГОДА

В Музее Зеленограда хранится фонд Эдисона Искандеровича Дашкова (1933, Новосибирск – 1986, Зеленоград) – инженера-дендролога, ландшафтного архитектора, автора ключевых проектов озеленения Зеленограда, которые были реализованы и сформировали его неповторимый облик. В 1964 г. Э. И. Дашков был удостоен медали и Диплома I степени ВДНХ за лучший проект озеленения городов.[661]

Летом 1967 г. Дашков с супругой Галиной Ивановной Отиной отправился в путешествие на север – в «непуганый край». Примерный

Фотография Э. И. Дашкова с уловом. Из архива дочери, Я. Э. Оськиной

[661] Автор выражает глубокую признательность семье Э. И. Дашкова за предоставленные материалы и содействие в подготовке публикации.

маршрут путешествия можно проследить по начерченной им позже (в 1967–80 гг.) схеме пребывания в городах СССР в разные годы[662]: Москва (Зеленоград) – Вологда – Архангельск – Онежская губа (Онега, Пурнема, Нижмозеро, Кянда) – Поморский берег и Кемь – Кондопога – Кижи – Петрозаводск – Ленинград – Москва.

В дневнике Дашкова[663] сохранилось 12 маленьких листочков, по форме и по содержанию похожих на письма, адресованные некоей Татьяне[664], но, судя по всему, так и не отправленных. На наш взгляд, они представляют несомненный интерес, прежде всего – для занимающихся историей и культурой Русского Севера, поскольку содержат любопытные сведения, касающиеся церковной и гражданской архитектуры и этнографии мест, где он побывал. Это полнокровное, наполненное размышлениями, чувствами, образами описание, проявляющее личность Э. И. Дашкова – его эрудицию, увлечённость, жизнелюбие, юмор, несомненное литературное дарование. Далее мы приводим тексты трёх таких «остановившихся мгновений» (так называл Э. И. Дашков письма)[665]. Орфография и пунктуация сохранены. Порядок написания писем нами реконструирован и условен, поскольку точно датировано только одно письмо. Следует также оговорить, что Дашков в своих письмах выступает «немного импровизатором»[666], что превращает работу с ними в детективное расследование, ход которого частично отражён в комментариях и сопроводительном тексте и которое будет продолжено.

Письмо 1[667]*.*

«/Л. 1/ Таньк! Это опять я. Значит – вошли. И пошло, и пошло…

Дверь массивная не скрипнула на кузнечной работы навесах с затейливыми чеканками, толщина двери такая, что открывая чувствуешь её огромный вес. От этого даже приятно. Понимаешь – открываешь дверь, а она идет легко, весомо. Знаешь, что́ открываешь. Дверь низкая – я нагибаюсь. Это я-то! Наличники

---

662 ГЗИКМ-КП 6003.

663 ГЗИКМ-КП 7632, первая запись датируется 14.10.1983 г.

664 Адресата пока установить не удалось. Можно предположить, что это коллега Э. И. Дашкова.

665 ГЗИКМ-КП 7632.

666 Запись в дневнике 1983 г. ГЗИКМ-КП 7633.

667 Местонахождение описываемого в письме дома не установлено. Можно предположить, что описан дом в селе Пурнема, с сохранными старинными домами.

изтесаны необыкновенной простоты и красивости. Подклеть. Полумрак. Вверх – лестница. Слева, справа, поодаль – двери такие же массивные и прочные, как в стране Буратино. Боже мой, какое ощущение! Входишь явью в лубяную сказку – и все это остается навсегда. Слева – подклеть для скотины, справа – птица. И вообще весь дом набит чуланами, чуланчиками и коро- /Л. 1 об./ бами разных измерений. Вверх по лестнице – в избу (смешно, а мы зовем это второй этаж). Опять слева дверцы – чуланы и чердак. Справа – изба. Комната, то бишь изба – огромная зала, высокая, статная, с продольной балкой такой толщины и прочности, что, кажется, и дерева-то такого быть на земле не может. Оконца махонькие – 40×50 см всего-то. По торцу – 4. Сбоку, соседу во двор – одно. И печь. Огромная русская печь посреди, чуть справа. Ну, до того русская, что и сказать-то по другому нельзя. Вот на ней Емеля и ездил. С лежанкой, притолокой, вьюшкой для самовара, шестком и бесчисленными приступками и нишами. Чтобы сложить её надобно бы искусство. Недаром бабка Марья уверила, что за её жизнь (ей 85) /Л. 2/ печь никто не ремонтировал и не чистил ни разу. А перекладывал её её дед, а за этим делом ходил 60 вёрст за печником и уговаривал ложить печь, за что тот взять согласился мешок зерна – плата по тем временам щедрая. А деньгами и не платили. В тех краях их и сейчас нет. Да. Слева – лавка. Столь массивная и длинная, что уму не постижимо, если она упадет на ноги. Но она просто не может упасть – до того тяжела. Сейф! Сделали её прямо в избе и уйдет она вместе с избой. А что за табуреты! И все кругом в доме сделано прочно, тесово, дерева не жалели. Делали не спеша, с подборкой. А полы – чудо! Половые доски одна к одной. Ширины не менее 50 см. А толщины ее во всем доме 10–15 см. Так что вся /Л. 2 об./ вкусовщина Короткова[669] с брусками – это детский лепет по сравнению с масштабами и вкусом мастеров, которые рубили избу 200 лет назад. Дерево внутри потемнело, но явно коричневого цвета, с золотистым отливом, особенно там, где не топят печь.

[669] Возможно, имеется в виду В. И. Коротков, специалист по обработке древесины. В 1971 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук («Исследование точности базирования заготовок на дереворежущих станках с конвейерной подачей»). Долгие годы преподавал в Московском государственном университете леса, в 1986 г. выпустил учебник «Деревообрабатывающие станки» (в 2009 г. вышло 6-е изд.). Одним из увлечений Э. И. Дашкова, помимо фотографии, графики, выколотки по металлу, была резьба по дереву. В фондах Музея Зеленограда хранится несколько его работ. Мебель для дома он также делал собственноручно.

Удивительная умиротворенность во всем этом. В красном углу образа. Лики черные, мистичные. Лампадка. И тут же нас убили окончательно – самовар. Везде самовары. Потом мы даже уже не удивлялись этому. Бабка Марья была на удивление бедна и гостеприимна. Вымылись с дороги, а рукомойничек – сливная медная плошка с носиком на пружинке. Запел самовар. В оконца лезет белая ночь с ярким красно-жел- /Л. 3/ тым закатом. Тишина стояла необыкновенная. За окном ни души. Деревня спала и домики, казалось, дремали. Бабка еще на полу охлюпкой разговаривала с самоваром. Потом откуда-то появился её кот. Ну, знаешь, котов я терпеть не могу. А этот был из сказки – черный до того, что сначала из угла засветились два зеленых уголька. И вышел плавно скользя: мяу... Вот тебе – мистика. Одна бабка в древнем доме и кот черный, как южная ночь. А потом узнали, что в деревне почти все коты черные и даже в деревнях вообще. Видели сами. И в число 13 здесь никто не верит. А вот убеждены, что курица может кричать /Л. 3 об./ петухом. В это верят. Спали на полу вповалку под стрекот сверчков. У бабки их два. Говорит, что любит, а то одной скушно. В деревне половина изб заколочено. Стоят добрые старые подворья, а люди не живут. Кто недавно, а кто уж – и не помнят хозяв в лицо. Молодежи нет совсем – убёгли в города и появляются лишь на 1–2 недели летом.

– Ране деревня была вясё-о-о-лая; а ноне одни старики да те тож помирают богато... Вот и весь сказ. А церковь в Пурнем – стоит[670]. Стоит красавица. Шатровая. Мало не 45 м высотой. На четверике – восьмирик с разносом. Луковка /Л. 4/ седая от дождей и крест обломанный. Подклеть рублена крепко. Венцы на два

---

[670] Э. И. Дашков побывал в Пурнеме, о чём свидетельствует его фотография теплой Рождественской церкви. Однако далее описывается не Никольская шатровая церковь, древнейшая на Беломорье (1618), а Никольская шатровая церковь в Нижмозере (1661). М. А. Мильчик, побывавший в Нижмозере и Пурнеме тем же летом 1967 г., в буклете «Памятники архитектуры Архангельской области» (1971) указывает, что внутри пурнемской церкви, «в прошлом известной своими рукописными книгами и старинными документами, ничего не сохранилось от прежнего убранства: несколько десятков лет назад здание было переделано под склад зерна [ок. 1930 г. – *М. А.*]». Между тем, о нижмозёрской Никольской церкви он пишет как об «одной из немногих на Севере, где сохранился иконостас». М. И. Мильчик в переписке с автором отмечает, что «автор письма <...> описывает ситуацию с иконами весьма правдиво. В целом сохранность икон была хорошей и большинство из них не были записаны». Часть икон, которые можно было вынести на улицу, он снял на обратимую плёнку, однако фотографий интерьера Никольской церкви, если не считать притвора, где икон не было, не сделал и более таких фотографий нигде не встречал. Автор сердечно благодарит М. И. Мильчика за бесценные свидетельские сведения.

обхвата из витого комля лиственницы – словно 2 года назад поставлены. Ей-ей оторопь берет. Стоит ровно, как столп. Обшита музыкальной елью с тонкой слоей и изрезана вся на вытянутую руку идиотами. Колхоз хранит в ней зерно в мешках. Крышу потому и чинят. Но ладно чинят. Стоит на взгорье – маяком. С Моря на много верст видна. Из тайги – тоже. Погост изломан, кресты – обломки с кусками резьбы. Утром /если сплошную зарю можно назвать утром/ проснулся – зырк в окошко – не сон ли? И... на тебе! Нет моря. Ажно до горизонта /Л. 4 об./ песок и песок. Ой! А это отлив. Речка с ручеёк. Карбасы – на боку лежат. А по морю ходят бабы и собирают в корзинки камбалу и новагу из лужиц. Ну, как грибы собирают. К 12 дня вода стала столь быстро прибывать, что диву даешься. А у бабки опять самовар. С Ввечеру выпили с устатку. Бабка пела песни. Вот бы хоть послушать ещё-то! Ну и красатишша! Днем проникли в церковь. Иконостас! И что же мы увидели! (пр. следует)

Фотография Нижмозера с воды (из архива дочери, Я.Э. Оськиной)

14.VII.67 г. Привет всем! Дашков».

Письмо 2.

«/Л. 1/ Таньк! Это опять я. P.S. Оськину[671] доверенность выслал. Э.

Да. Церковь срублена чисто, без огрехов. Пазы позагнаны идеально. Нет конопатки меж бре-

[671] Оськин Борис Васильевич (1935–2016) – советский и российский архитектор и художник. Член Союза Архитекторов России, Союза Художников РФ. В 1960–70-х гг. проектировал советские выставки за границей, занимался вопросами светового и рекламного оформления Москвы. С начала 1960-х гг. участвовал в проектировании и строительстве г. Зеленограда.

вен – настолько впритык. Вязка узлов настолько точна, что диву даешься, что топором одним. Но четверик, а над ним и восьмерик с шатром наклонились к Западу и оседают. Венцы как не прочны, но ведь и возраст, 1611 год[672] – не шутит время. И никому нет дела. Колхоз хранит в ней зерно насыпом – как в амбаре. Оттого и двери закрывают на замок, а ключи у тети Маши. Тетя /Л. 1 об./ Маша под 60 лет[673], умеет лишь коряво расписаться, да ворчит, что пацаны деревенские лазают в церкву через окна да подклети. Дети играют в войну и здесь. Конечно же, ни о какой охране речи не может быть. Что охранять? Кому?! Деревня вымирает. Половина изб заколочена. Да церковь-то кому нужна? Подумаешь... Здесь жилые дома старше её, а их не менее 100. С трудом найдя тетю Машу, зашли в церкву с условием, что мы поможем ей заколотить оконца изнутри и привести в порядок внутри само- /Л. 2/ мой церквухи.

Да. Иконостас сохранился блестяще. Что за чýдной работы был иконостас! Легкий, простой, без вычурности, с резьбой понужности. Видать, кто его резал обладал вкусом и чувством меры.

Иконы. Иконы на 8/10 сохранились в иконостасе. Их – четыре яруса. Иконостас огромный, высотой 8 метров, а потолок – 12. И уширен слева и справа вдоль стен, как ширма. Остатки Золотых ворот (царских) валялись за алтарем. Там же был огромный ворох, именно ворох /Л. 2 об./ всевозможных икон. Они занимали почти половину алтаря и валялись в диком беспорядке. Здесь были огромные 1,5×1,5 иконы с серебряным окладом XVII, XVIII, XIX веков, доски без единой царапины с абсолютно черными ликами, на которых глаза глядели строго и пустынно, остатки от былых икон – доски с ободом с едва заметными следами грунтовки (а таких едва не сотня), расколотые доски икон с прекрасно сохранившейся темперой. Одну поднял – пол-лика /Л. 3/ приставил к двум другим – икона. Да прелесть цвет – голубые тона с красным фоном. Какая-то матерь божья с чувачком на руках. Ну, лет 200 ей есть[674]. Рылся я часа 3 в общей сложности. Смотрел и ставил к стене. Огромные, они произвели на меня удручающее впечатление. Я вошел в шоковую подавленность. То, что я увидел трудно передать словами. Это нужно было видеть. А житие Иоанна Предтечи?

---

[672] Ошибка автора. Никольская церковь выстроена в 1661 г. (но в литературе встречается и «1611»).

[673] Отвечала за ключи Мария Никитична Астафьева, уроженка Горьковской обл., жительница Нижмы.

[674] Возможно, имеется в виду икона «Богородица Всех скорбящих Радость» (XVIII–XIX вв., КП 164).

Это же чорт знает что! Это огромная картина 2,0×2,5 м, выполнена на дереве в крас- /Л. 3 об./ но-золотистых тонах и в удивительном состоянии. XV век. Висит на стене. Прибита прямо гвоздями насквозь к срубу. Весит она пуда 3–4. Под'емных икон почти нет. Все, что можно было унести и утащить – уже исчезло. Самая легкая – это апостолы,– в рост,– 12–15 кг. А что за дерево на иконах! Да, здесь было чему удивляться. Сотнями лет выдерживалось – и ни одной трещины, ни одной поводки. Да... Все иконы в ужасном состоянии: без присмотра, в пыли, в грязи, крыша течет, валяются как попало и т. д. Муж тети Маши топором прибивает иконы к оконцам заместо /Л. 4/ ставней ликом наружу. Таких насчитал я 12 штук. Остались следы краски. Снег, морозы, дожди, солнце... Что было делать? Да-а-а... Богатая страна Россия. Всем хватит забивать гвозди. На всех хватит икон. Гуляй, ребяты, уничтожай, плевать на всё! Даром досталось. А на чердаке дыра зашита чем? Иконой – чудной сохранности, а что на ней – не видно. Темна. Но по дереву если – не иначе 300–250 лет выдержки. Пробовал отодрать. Куда там. Гвозди – см. по 20 длиной. Штук 8 для прочности вбито по самую шляпку. Только /Л. 4 об./ расколоть осталось. Бросил затею. Не помню как вышел – голова тяжелая. Так и убил бы кого. И все же находка! Плашмя на полу лежит щит из дерева. Поднял, оклад полуоторван, весь мятый с зеленцой черной. Сквозь него – два лика. Слева и справа. Щит тяжелый. Корячу к стене. Отогнул оклад – батюшки святы! – Основатели Соловецкого монастыря Засима и Савватий соловецкие чудотворцы![675] Под окладом в абсолютно блестящем состоянии: в рост стоят, а между ними соловецкий монастырь вписан со всеми подробностя- /Л. 5/ ми. Золотисто-зеленоватый оттенок с синим. Пытаюсь разобрать надписи. Трудно, но можно. И что же? 1485 год[676]. Ну и ну. Оклад – на

[675] Возможно, имеется в виду икона местного ряда иконостаса «Зосима и Савватий Соловецкие, с монастырём». Из коллекции икон из иконостаса Никольской церкви (1661 г.) дер. Нижмозеро Онежского р-на Архангельской обл. Нач. XIX в., оклад – 2-ая пол. XIX в. 95×70×3,8. Россия. Русский Север, Поморье. ГК 4061013, КП 163/а,б, Ж-2. Государственный каталог музейного фонда РФ [электронный ресурс]. Режим доступа: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=3972591 (дата обращения 12.12.2020).

[676] Очевидная ошибка. Зосима почил в 1478 г. Зосима и Савватий канонизованы церковным собором 1547 г. Постройка стен и башен из местных валунов, традиционно изображаемых на иконе Соловецких Чудотворцев, относится к 1584–1596 гг. Большинство икон иконостаса были современны постройке церкви. Кроме того, по воспоминаниям М. И. Мильчика, из тех икон, которые он видел в церкви в 1967 г., ни одна не имела подписей.

место. Икону к стене. Вечером дал телеграмму на Соловки в музей тамошний[677]. Чем кончится – не знаю. Но оконца я заколотил. Пацаны, вечные люди, оторвут. Все равно. Лазают и курят в церкви потихому. Особенно в белые ночи. А ночи эти перепутали нам всё. В час ночи я обедал, а в 13 часов ужинал. И всё кувырком. Но здорово здесь. Край непуганный. Озёр столько, что старики и те не знают числа им. /Л. 5 об./ Рыбы – масса. Ловил я много. Уха была три раза в день. 10 забросов спиннингом и 7 окуней от 1,5 кг до 200 гр. На жерлицу поймал щуку на 3,5 кг. Пока вытаскивал – замучился. Ходили с местными за 8 км на Бабье озеро – 2 дня жили в избе. Скит бывший[678]. Изба сохранилась хорошо. Над притолокой вырезано: В сей избе жилъ 5 дни дв. В. А. Задоновъ 1906 годъ. Нижмозеро я исследовал вдоль и поперёк. Вольный край людей, живущих бедно, а потому честно и приветливо, без замков. И совсем не замечающих сокровищь, которые их окружают. Через 5 дней мы ушли в Кянду на катер. Из Кянды – в Онегу и далее – в Кемь. Э. Дашков.

Привет всем!»

Письмо 3.

«/Л. 1/ Таньк! Я это. Так вот. Из Нижмы я попал опять в Онегу, и оттуда в Кемь, через Беломорск. Вообщем весь Северный берег, вдоль жд. обколесил. Так как дорог в Нижму и Кянду нет, то один путь – это пароход (на местном наречии). На деле – это оказался старый монотор[679] и до того маленький, что все люди (20 чел.) оставались на палубе, ибо больше негде. Всё бы хорошо, но в этот день стояла волна 4–5 баллов и эту скорлупку кидало туда-сюда. Волны от борта до борта через рюкзаки. Неприятненько это. И так четыре часа. Ажно берег ходил под ногами, когда выбирались в Онеге. Народ здесь непуганный. Здесь и собаки какие-то приветливые и все машут хвостами не поднявши глаз. Добросердечие до того уми /Л. 1 об./ ляет, что злость берет, т. к. из-за него никто

---

[677] Соловецкий историко-архитектурный музей-заповедник был создан 10 января 1967 г. В конце 1960-х – начале 1970-х гг. коллективом музея было начато формирование первых музейных коллекций, организованы 11 историко-бытовых и этнографических экспедиций, в которых обследованы 20 населенных пунктов в пяти районах Республики Карелия, Архангельской и Мурманской областей (бывшие вотчины Соловецкого монастыря).

[678] По сведениям местных жителей, домик находился у дороги из д. Нижмозеро в пос. Верхнеозёрский, идущей вдоль Бабьего озера. Возможно, он отмечен на карте Онежского района Северной области 1935 г. как «изба»; на 2020 г. от избы сохранились только остатки брёвен. Рядом с Бабьим озером находятся озёра Чернецкие, что даёт возможность предположить существование здесь некогда скита.

[679] Возможно, монитор – низкобортное судно.

ничего не знает. В “местном причале” в кассе (она же и контора) никто не мог сказать когда пойдет пароход на Нижму. Правда, сказали: да вы подождите, на этой неделе пойдет. Это была не шутка, просто я понял это как юмор. Но на нас глядели странно, когда мы спрашивали камеру хранения. Никто не знал, что это такое. А поняв что надо говорили: да вон, на шкаф положите свои мешки и ладно. Через 5 часов, забирая их, предлагал плату. Обижались.

– Что вы, что вы...

Ну что Кемь? Шатровая, постройки? Ерунда уже. Ж/д близко – значит города как города. Даже с асфальтом. Тоже и Кондопога. В Петрозаводске – день. Кижи – 2. Нового ничего не прибавилось от Карелии. Просто все это уже где-то /Л. 2/ виделось. И вообще Нижма была жемчужина. А все, что после – это уже ободранный край, хотя интересного не мало. Уж очень много москвичей и прочей нечисти.

Ленинград – транзитом. В Лугу и Новгородскую губернию. Дубровка, Жигжень, Латица[680] – это уже лучше. Во, тоже непуганный край. Ох ты, поезд идет. Привет всем. Где буду дальше, еще не знаю. Видимо, в Новгороде. Отсюда 2 часа езды до него. Привет. Э. Дашков».

Сохранился разрозненный архив свидетельств этой поездки.

Это стихотворение «В Нижмозере» (1967): «Я к бабке Пантелеихе приехал из Москвы. / Меня, еще безусого, она звала на “Вы”. / По-северному “цокая”, звала на самовар. / С почтением, как старшему, мне подавала взвар. / Платок, пропахший травами, поправив невзначай, / Мне наливала первому брусничный русский чай. / Вздыхала хлопотливая, ухватом вороша / Чугун с ухою северной из царского ерша. / Я ей казался, может быть, одним из сыновей. / И было мне так радостно, как с мамою моей»[681].

Сохранились несколько (как минимум, две) акварельные работы Э.И. Дашкова, посвящённые Северу[682]: «Белая ночь на севере» (бумага, акварель, 28×37 см; судя по холмистому пейзажу, можно предположить место создания – д. Нижмозеро) и «Северные дали»

---

[680] Возможно, имеются в виду деревни Жегжичино и Большой и Малый Латовец Батецкого района Новгородской области.

[681] ГЗИКМ-КП 7626, ГК 26568638. Предполагаем, что в рукописи возле заглавия схематично изображена шатровая церковь на холме, окруженном озером.

[682] Сведения о них есть в каталоге художественной юбилейной выставки «Наш город» (2003), подготовленном Зеленоградским Содружеством Художников. // Симметрия бесконечности. [сайт]. Режим доступа: https://yurydeart.r u/zelart/pages/page046.htm (дата обращения 12.12.2020).

Дашков Э. И. Белая ночь на севере

(бумага, акварель). Эти работы представляется возможным датировать 1967 годом. Место хранения их пока не установлено. [Также в квартире Э. И. Дашкова, судя по посмертной описи имущества[683], хранилась его акварель «Север» (35×25) – скорее всего, отличная от вышеперечисленных].

В семье жены, Г. И. Отиной, и дочери, Я. Э. Оськиной, сохранилось несколько фотографий из этой поездки (Э. И. Дашков увлекался фотографией): 4 фотографии д. Нижмозеро, в т. ч. храмового комплекса; 2 фотографии Церкви Рождества Христова в Пурнеме (1860); 5 фотографий с о. Кижи (ветряной мельницы Биканина; Покровской церкви; Преображенской церкви; колокольни и ограды Кижского погоста; церкви Воскрешения св. Лазаря). В этой же подборке оказалась фотография Богородицкой церкви из села Холм (1552), перевезённой в Этнографический музей Костромы, но она, вероятно, была сделана в другой поездке и свидетель-

[683] ГЗИКМ-КП 6023. Свидетельство о праве на наследство по завещанию Дашкова Э. И., 3.04.1987 г.

Фотография Е. Т. Козьяковой (из фондов музея Зеленограда)

ствует об устойчивом интересе Э. И. Дашкова к деревянному зодчеству[684].

В фондах музея Зеленограда хранится одна фотография из северной поездки Дашкова. Она подписана «Баба / Марья / д. Нижмозеро / 1967 год / Июль». В 2020 г. удалось верно атрибутировать фотографию: на ней запечатлена Елена Тимофеевна Козьякова. Она родилась 1 июня 1902 г. в дер. Пнёво (меж Малошуйкой и Нименьгой), выйдя замуж (в 1921/22 г.) за Якова Ильича Козьякова, переехала в Нижмозеро, родила 9 детей, после смерти мужа в 1965 г. уехала из Нижмозера, но, пока была здорова, летом приезжала в деревню, умерла в июне 1983 г. «на Елену» (7/8 июня). В доме Е. Т. Козьяковой и остановились в 1967 г. на два дня московские гости. С её сыном Александром (род. в 1946 г., живёт в Северодвинске) Дашков ездил на упомянутую рыбалку. А. Я. Козьяков вспоминает, как был рад «Эдик» пойманной щуке. Дом, запечатлённый на фотографии, сохранился. В нём до сих пор наездами живут дети и внуки Е. Т. Козьяковой[685]. В самой Нижме на 2021 г. постоянно живёт не больше 5–6 человек, летом деревня оживает за счет местных дачников и рыбаков.

Нижма была одной из самых интересных и живописных деревень Северного Поонежья: на берегах межозёрной протоки, окружённая холмами, на одном из которых располагался деревянный храмовый комплекс, изначально «тройник», на 1960-е гг. состоящий из шатровой Никольской церкви (1661) и теплой Апостолофоминской церкви (1871). Необычайная живописность Нижмозера

[684] Фотографии опубликованы на порталах Sobory.ru и Temples.ru в соответствующих разделах.

[685] Автор сердечно благодарит информантов: родственников Е. Т. Козьяковой Александра Козьякова, Ольгу Лисицыну, Любовь Мерющенко; жителей д. Нижмозеро; А. В. Родионова и др.

привлекала к себе внимание художников, среди них были известные живописцы А. Е. Архипов, В. В. Рождественский, Т. Н. Скородумова и др. К сожалению, в августе 1986 г. «выдающийся архитектурно-природный ансамбль»[686] Нижмы понёс тяжелейшую утрату: храмовый комплекс сгорел.

Месяц спустя, 20 сентября 1986 г., «сгорел» от онкологии и Э. И. Дашков. Часть его архива попала в фонды музея Зеленограда, часть осталась в семье или в архивах друзей: он многое и многим раздаривал. Надеемся, что со временем эти материалы будут введены в научный оборот. Публикуемые сейчас материалы интересны тем, что зафиксировали (в текстах, графике и фотографиях) уклад жизни заповедного северного края на середину XX в. Особенно ценны, на наш взгляд, сведения о нижмозёрской Никольской церкви. Её внешний облик был неоднократно описан, зарисован и зафотографирован. Сведений о внутреннем убранстве значительно меньше[687]. В записях Дашкова мы имеем интересный документ, зафиксировавший состояние церкви на конец 1960-х гг.

Кроме того, можно осторожно предположить, что Э. И. Дашков стал одним из инициаторов экспедиции сотрудников только что открывшегося Соловецкого музея в Нижмозеро и вывоза (фактически – спасения) оттуда ряда икон. В 1968, 1973 и 1983 годах экспедиции от Архангельского областного музея изобразительных искусств и Соловецкого музея-заповедника постепенно вывозили иконы, и большинство икон из иконостаса Никольской церкви сохранилось[688].

---

[686] Ушаков Ю. С. Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера: Пространственная организация, композиционные приемы, восприятие.– Л.: Стройиздат. Ленингр. отд-ние, 1982. С. 65.

[687] Кольцова Т. М. Село Нижмозеро. Никольская церковь // Иконы Северного Поонежья.– М., 2005. С. 233–239; Мильчик М. И. Памятники архитектуры Архангельской области. Пурнема и Нижмозеро. Буклет.– Архангельск: Сев.- Зап. кн. изд-во, 1971. 352 с.

[688] Кольцова Т. М. Иконы Северного Поонежья.– М.: Северный паломник, 2005. С. 233; Автор сердечно благодарит Т. М. Кольцову (Архангельский музей изобразительных искусств) и Н. В. Веселовскую (Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник) за ценные сведения и указания.

Зайцев Алексей Анатольевич,
координатор проекта «ВГлубинку», краевед, г. Москва

ОТХОЖИЕ И КУСТАРНЫЕ ПРОМЫСЛЫ СОЛИГАЛИЧСКОГО УЕЗДА В НАЧАЛЕ 1880-х ГОДОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ А. А. ТИЛЛО)

В конце 1870-х – первой половине 1880-х годов в 23 губерниях Российской империи проводились исследования «кустарной промышленности». Эта масштабная работа не обошла стороной и Солигаличский уезд Костромской губернии. Результаты можно считать неутешительными: выяснилось, что число отходников в уезде кратно выше числа «местных промышленников».

«Избавить от рук капиталистов и кулаков»

В 1850 году Россия приняла либеральный таможенный тариф, открывший границы для широкого ввоза импортных товаров. Последующий тариф 1857 г. также соответствовал духу «свободной торговли». Многим отечественным промышленникам такое положение дел было крайне невыгодно. В 1857 году по инициативе костромских промышленников, уроженцев Солигаличского уезда братьев А. П. и Д. П. Шиповых возникло Общество для содействия русской промышленности и торговле – первое всероссийское объединение предпринимателей. Под эгидой Общества в 1870 году впервые состоялся Всероссийский съезд фабрикантов, заводчиков и лиц, интересующихся отечественной промышленностью. Выступавший на съезде П. А. Мясоедов отделил фабричных рабочих от тех рабочих, которые живут на земле и занимаются «ремёслами и хозяйственными промыслами». Последних он назвал кустарниками и предположил, что «число их весьма велико». Мясоедов посетовал на то, что кустарные промышленники закабалены торговцами: торговцы привозят им материал, продают готовую продукцию, и в итоге кустари почти ничего не зарабатывают. Он предложил «избавить этих кустарников от рук капиталистов и кулаков»: при покровительстве государства обеспечить их кредитом, сбытом и развивать «артельные начала»[689].

[689] Протоколы и стенографические отчеты заседаний Первого Всероссийского съезда фабрикантов, заводчиков и лиц, интересующихся отечественной промышленностью. 1870 г. СПб., 1872. Стенографический отчёт заседаний 6-го отделения Первого Всероссийского съезда фабрикантов, заводчиков и лиц, интересующихся отечественной промышленностью.– СПб., 1870.– С. 101–103.

По итогам съезда Совет торговли и мануфактур (совещательный орган при Министерстве финансов) учредил Комиссию по исследованию кустарной промышленности в России. В 1876 году Комиссия сформулировала следующее определение кустарной промышленности: «тот вид обрабатывающей промышленности, который является домашним занятием преимущественно сельского населения и служит, более или менее, дополнительным при сельско-хозяйственных занятиях»[690]. В 1878 году Комиссия приступила к исследованиям. В Костромской губернии исследования проводились довольно обширно. Руководил ими советник губернского правления Адольф Андреевич Тилло. В исследование попали занятия сельских жителей, то есть города-центры уездов не были затронуты исследованием. Особую ценность работе А. А. Тилло придаёт то, что он и его помощники собрали сведения не только о кустарных, но и об отхожих промыслах.

На основе данных, собранных А. А. Тилло, автором проведён сравнительный количественный анализ занятости в промыслах в Солигаличском уезде и в соседних Чухломском, Галичском и Буйском уездах, а также Костромском уезде[691].

Не только «бабья сторона»

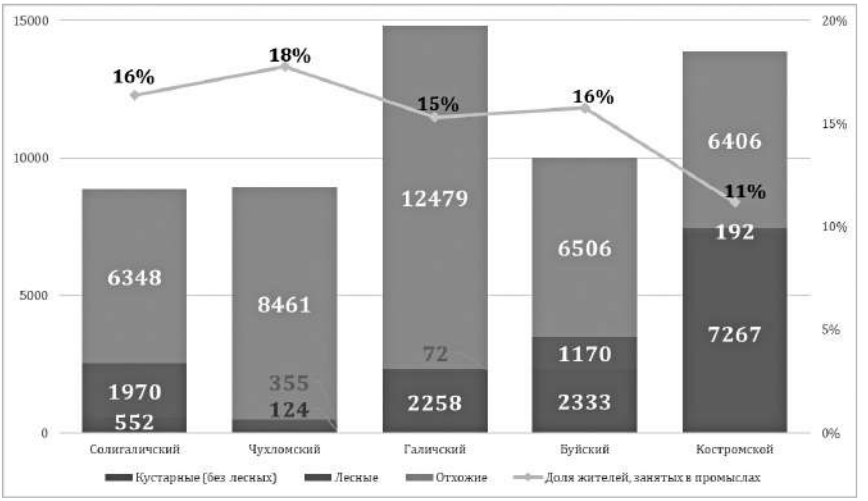
Общая занятость населения в промыслах в Чухломском уезде была максимальной (18%), а в Костромском уезде минимальной (11%). Во многом это коррелировало с **возможностью самообеспечения хлебом и вообще земледелием**.

Структура занятости жителей в промыслах подтверждает, что **местные промыслы в Солигаличском уезде были заметно более развиты, нежели в Чухломском уезде**. Если в Чухломском уезде насчитывалось всего 124 «кустаря» и 355 «лесных рабочих», то в Солигаличском уезде – при сопоставимой численности населения и числу занятых в промыслах – «кустарей» более пятисот, а «лесных рабочих» максимальное количество среди рассматриваемых уездов. Таким образом, Солигаличский уезд – это, в отличие от

---

[690] Цит. по: Новиков Е. А. К вопросу об историографии кустарной промышленности в России. // КиберЛенинка. [электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-istoriografii-kustarnoy-promyshlennosti-v-rossii (дата обращения 17.12.2020).

[691] Близлежащий Кологривский уезд Костромской губернии – уже значительно менее «отходническая» территория «лесного Востока». В сопредельных Тотемском и Грязовецком уездах Вологодской губернии Комиссия не проводила сплошного исследования промыслов, поэтому сопоставимые данные отсутствуют.

Число жителей, занятых в промыслах

Чухломского уезда, не только «бабья сторона» (по выражению Д. Н. Жбанкова).

В северных уездах **промыслами занимались почти исключительно мужчины**. Женщины занимались в основном другими промыслами, нежели мужчины: в Галичском уезде – прядильным, а также замшевым и перчаточным; в Буйском уезде – шапочным; в Костромском уезде – ювелирным, ткацким, светильным (изготовление фитилей), а также уходили на фабрики. В Солигаличском и Чухломском уездах эти виды деятельности не были развиты.

Таблица 1

Доля мужчин, занятых в промыслах

Уезды	Доля занятых в промыслах, % мужского населения			
	отхожие	кустарные (без лесных)	лесные	всего
Солигаличский	25,1%	2,2%	7,9%	35,2%
Чухломский	37,9%	0,5%	1,6%	40,0%
Галичский	28,5%	3,0%	0,2%	31,7%
Буйский	21,7%	6,1%	3,9%	31,8%
Костромской	10,8%	8,8%	0,3%	20,0%

Отхожие промыслы

В пяти рассматриваемых уездах Костромской губернии насчитывалось 44 различных отхожих промысла. В Солигаличском уезде их было всего двенадцать. Но на основные 3–5 отхожих промыслов приходилась меньшая доля занятых, чем в Чухломском и Галичском уездах, то есть **занятость была разнообразнее**.

Таблица 2

Основные отхожие промыслы по уездам (по числу занятых) и их доля в занятости отходников

Солигаличский (12)[692]		Чухломский (19)		Галичский (18)		Буйский (21)		Костромской (22)	
промысел	%	промысел	%	промысел	%	промысел	%	промысел	%
Маляры	33,8	Маляры	29,4	Плотники	36,3	Плотники	28,5	Каменщики	28,1
Плотники	25,1	Плотники	28,8	Маляры	34,0	Черно-рабочие	16,8	Плотники	15,5
Торговцы	11,0	Столяры	18,9	Бондари	9,7	Кирпичники	15,8	Фабричные и другие рабочие	11,3
Столяры	9,9	Черно-рабочие	4,0	Портные	8,2	Шапочники	9,2	Штукатурщики	9,8
Печники	6,6	Мясники	4,0	Стекольщики	3,3	Бондари	5,7	Бондари	9,4
Основные 3	*69,9*	*Основные 3*	*77,1*	*Основные 3*	*80,1*	*Основные 3*	*61,0*	*Основные 3*	*54,9*
Основные 5	*86,4*	*Основные 5*	*85,2*	*Основные 5*	*91,6*	*Основные 5*	*75,9*	*Основные 5*	*74,0*

В северных уездах среди основных занятий отходников **преобладали строительные специальности, ориентированные на работу с деревом**. В Солигаличском уезде выделялись торговцы (и служащие у торгующих): таковых было 700 человек, причём 600 из них – из Гнездниковской волости. Именно из села Гнездниково происходил известный книгоиздатель И. Д. Сытин. Ещё одна специальность, выделяющая Солигалич – печники: по подсчётам А. А. Тилло, их было 422 человека[693].

Солигаличские отходники уступали по заработку только чухломским, но их «очищенный» заработок уступал доходу буевлян. При этом водопроводчики и торговцы из Гнездниковской

[692] В верхней строке в скобках – общее число отхожих промыслов в уезде.

[693] Для сравнения: в Чухломском уезде – 85 печников-отходников, в Костромском – 82, в Галичском – 22, в Буйском – 2.

Средний заработок отходника, руб. за сезон

волости опережали коллег из других уездов. Вообще же в уезде **преобладали среднедоходные промыслы** (100–200 руб.), а высокооплачиваемые и низкоквалифицированные занятия не были распространены.

Практически все солигаличские отходники направлялись **в Петербург и в Москву**. Плотники также работали в Ярославской губернии и в приволжских городах. Работали в летний сезон, уходили на заработки после вскрытия рек, добирались на лодках до Костромы[694].

Солигаличский уезд не только отправлял, но и **принимал** отходников из других уездов. Можно выделить две категории «трудовых иммигрантов»: земледельцы и промысловики.

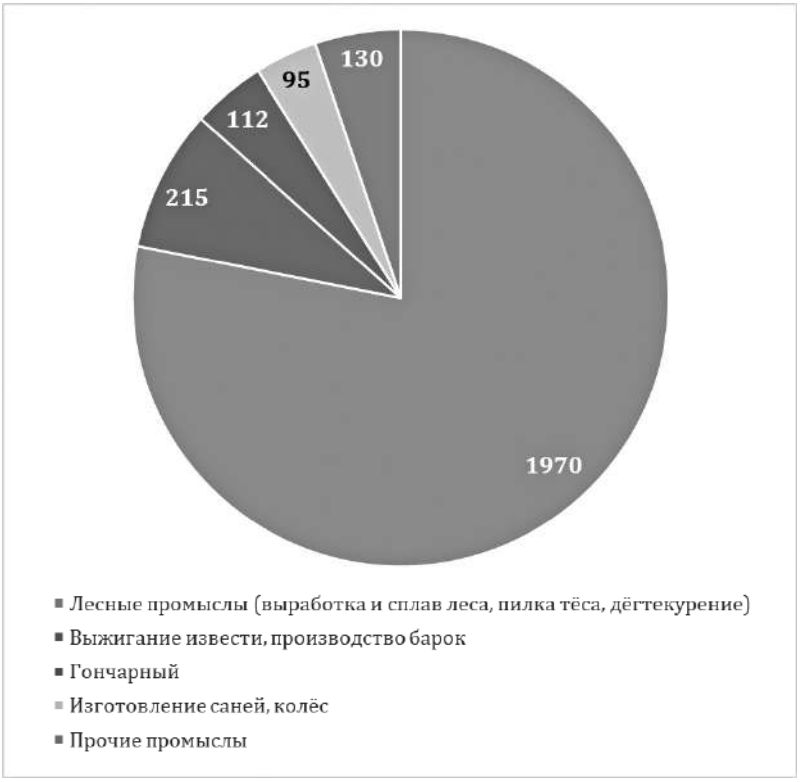
Поскольку мужчины уходили на заработки, основная тяжесть ведения хозяйства ложилась на их жён, которым помогали старики и подростки. Нередко в помощь привлекались наёмные работники. **Среди них были жители Тотемского уезда Вологодской области**; в описании одной из волостей явно упоминается «местность «Толшма» как источник наёмных работников.

[694] Подробное описание маршрутов движения отходников в столицы и обратно привёл Д. Н. Жбанков («Бабья сторона»).

Другой феномен – крестьяне-промысловики из других уездов, которые приходили на заработки в Солигаличский уезд. Из Буйского уезда на север двигались пильщики и маслобойщики. Из Галичского уезда в Чухломский, Солигаличский и Тотемский уезды приходили портные. Сезон «ближнего отходничества» приходился на зимние месяцы.

Кустарные промыслы

Среди кустарных промыслов Солигаличского уезда **доминировали связанные с лесом**: в выработке и сплаве леса были заняты 1584 чел., пилкой тёса (досок) – 366 чел., ещё 20 чел. занимались смолокурением (дёгтекурением). При этом большая часть «лесных

Занятость в кустарных промыслах Солигаличского уезда, чел.

работников» относились к Чудцовской волости (местность к северу от р. Костромы, граничившая с Вологодской губернией), где отхожих промыслов не было вовсе. Лес рубился зимой, сплавлялся по вскрытии рек; пилка тёса проводилась зимой, в меньшей мере весной и осенью; смолокурением занимались весной и немного летом.

Уникальный для Солигаличского уезда местный промысел – **выжигание извести** (184 работника). Известь на барках сплавлялась до Костромы, а иногда и до Нижнего Новгорода. Поэтому с данным промыслом был связан ещё один – постройка барок (31 чел.). Остальные промыслы Солигаличского уезда не были уникальными и занимали незначительное число работников.

Заработок кустарных работников Солигаличского уезда **сильно уступал доходу отходников** даже за вычетом расходов на проезд и проживание (32 рубля против 72 рублей). При этом лесные рабочие получали чуть выше других «кустарей». Работники, занятые выжиганием извести, зарабатывали в среднем 33 рубля, то есть примерно столько же, сколько остальные.

Значение исследования А. А. Тилло

Несмотря на то, что А. А. Тилло констатировал приблизительный характер данных и быстрое изменение состава промыслов, на примере Солигаличского и других уездов видны явные закономерности, которые имеют логичные объяснения. При этом данные Тилло вполне коррелируют с наблюдениями земского врача Д. Н. Жбанкова, автора очерка «Бабья сторона» (1891 г.).

Что касается первоначальных целей исследования, то, на наш взгляд, данные показывают: в Солигаличском уезде идиллические картины развития кустарничества не имели оснований реализоваться. Отход в этой местности настолько развился, что, как пишет А. А. Тилло об одной из местностей Чухломского уезда, «народ придаёт небольшое значение домашним занятиям – каковы бы они ни были. Петербург, – вот о чём думает крестьянин этой стороны; поэтому лишь минет мальчику 12–13 лет – он уже в столице на заработках»[695]. Среди отходников развивался индивидуализм, сокращалась привязанность к земле.

Не было и местных предпосылок для развития кустарных промыслов. Полноценно развитыми были только те из них, которые

[695] Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Выпуск XIV. СПб., 1885.– II отдел. С. 178.

были привязаны к природным ресурсам: лесу и извести. Практически все остальные промыслы были примитивными и немногочисленными.

Кроме того, в этой местности вполне подтвердился тезис В. И. Ленина об обобществлении труда. Это подтверждается и отходом из Солигаличского уезда, и прибытием отходников в Солигаличский уезд. Так, Д. Н. Жбанков сетовал, что «крестьяне уходят на сторону для заработков, тогда как заработок можно достать и около себя, в своём или соседнем уезде, и за этим заработком являются по заведённому обычаю промышленники из других более отдалённых уездов и губерний. Очевидно, что такие взаимные замещения очень невыгодны: ненужная трата на дорогу, разлука с семьёй, забрасывание хозяйства с обеих сторон и т. д.»[696]. Жбанков привёл пример приходящих из Галичского уезда портных, но не отметил того факта, что галичские портные приносили домой в среднем 45 рублей за сезон, а солигаличский отходник – 72 рубля. Поэтому выбор солигаличан – уходить на заработки, а не промышлять в округе – с экономической точки зрения вполне объясним.

Если же говорить о деятельности Комиссии по исследованию кустарной промышленности в целом, то её Труды публиковались с 1879 по 1887 год и включили 16 томов. Сама по себе попытка провести столь широкое по охвату и глубокое по степени погружения исследование, для того чтобы на основе его результатов скорректировать государственную политику, вызывает уважение. Но прямой эффект от этой работы трудно назвать значительным. В 1887 г. кустарная промышленность была определена в ведение Министерства государственных имуществ, которое сочло собранные данные «отчасти устарелыми и в техническом отношении недостаточными»[697]. Последующие меры государства по поддержке кустарной промышленности мы считаем фрагментарными и ограниченными.

На протяжении человеческой истории предпринимаются попытки сделать хозяйственные отношения более справедливыми и гармоничными. В XX веке на основе идей Махатмы Ганди возникло движение «подходящей техники» (appropriate technology), которое должно было стать для жителей бедных территорий всего мира доступной альтернативой капиталоёмким технологиям развитых

---

[696] Д.Н. Жбанков. Бабья сторона. Статистико-этнографический очерк. Кострома, 1891.– С. 8. Электронный ресурс: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003659858/.

[697] Кустарное дело в России. // Сост. Ф. С. Голицын. Том I.– СПб., 1904. С. 20.

стран. Это позволило бы создать в глубинке рабочие места и сократить миграцию в большие города, что очень созвучно идеям апологетов кустарничества. Но, как заметил участник движения Пол Полак в 2010 году, «движение в поддержку подходящей техники погибло, поскольку его направляли благонамеренные мыслители, а не реалистичные предприниматели»[698].

Оглядываясь назад

В самом конце XIX века выходит труд В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». Ленин цитирует в нём экономистов-народников, ссылается на работу Д. Н. Жбанкова, критикует само понятие «кустарной промышленности», отстаивает прогрессивный характер отходничества. Впереди был XX век, вместивший, с одной стороны, масштабную индустриализацию во всём мире, а с другой – закрепление колхозников на территориях.

Можно соглашаться в идеологическом споре с Лениным или с народниками, но, как видно из отчётов А. А. Тилло, **в Солигаличском уезде не было внутренних предпосылок для развития мелкой промышленности**. Промышленное и вообще экономическое развитие здесь могло бы быть связано с чем-то привнесённым снаружи: например, с прокладкой железнодорожной ветки не через Галич, а через Солигалич; со строительством на базе известкового производства цементного завода; со строительством атомной электростанции в Буйском районе и развитием энергоёмких производств; с формированием автомобильного транзита в сторону Тотьмы и северных регионов страны.

Солигалич, как и сотни других российских городов, остался в стороне от бурного промышленного развития. В XXI веке главным фактором его реальной экономики остаются природные ресурсы – известь и лес, скорое исчерпание которых прогнозировал А. А. Тилло. «Отходничество» тоже вернулось. Но, сложись иначе, любили бы мы Солигалич за его сохранившуюся красоту?

---

[698] Цит. по: Э. Шумахер. Малое прекрасно.– М., 2012. С. 21.

Варкентин Олеся Маннуровна,
старший научный сотрудник научной библиотеки ГБУ ЯНАО
«Ямало-Ненецкий окружной Музейно-выставочный комплекс
имени И. С. Шемановского»,
г. Салехард, Ямало-Ненецкий автономный округ

«ВОСПИТАНИЕ ТВОРЧЕСТВОМ» ИЛИ ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ, СОХРАНЕНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ФОЛЬКЛОРА НАРОДОВ СЕВЕРА НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Ю. Н. АФАНАСЬЕВА

Фольклор, представленный в разных формах художественной культуры, является неотъемлемой частью этнической культуры. Это творческий процесс, в котором заложен богатый опыт предшествующих поколений[699].

Данная статья посвящена творчеству Юрия Николаевича Афанасьева, ямальского журналиста, детского писателя, прозаика, члена Союза писателей СССР. Воспитание творчеством – вот главная идея в работе с подрастающим поколением, которую он унаследовал от преподавателя И. П. Иванова во время обучения в Ленинграде, а впоследствии успешно реализовывал на практике.

Моё знакомство с творчеством Юрия Афанасьева началось в 2015 году во время подготовки книжной выставки к 75-летию со дня его рождения. Погружение в тему привело к исследованию публикаций о нём и созданию персонального библиографического указателя «Жил-был сказитель...».

Начался поиск, обработка и систематизация материалов. В ходе работы были исследованы фонды научной библиотеки и коллекция МВК «Документы и фотографии». Около 40 публикаций о жизни и деятельности писателя содержат отзывы о Юрии Николаевиче не только как о писателе, коллеге, но и как о человеке, отце, муже, свояке.

Изучены более 100 отдельных книг, авторских и коллективных сборников и статьей в периодических и продолжающихся изданиях, написанных Ю. Н. Афанасьевым, которые способствовали представлению о нём ещё и как о публицисте, редакторе и литературоведе.

---

[699] Чернышова С. Л. Современные проблемы сохранения и развития фольклора коренных народов Арктики / С. Л. Чернышова, А. А. Петров // Вестник угроведения. Т. 9.– № 1. 2019. С. 144.

Работа над систематизацией его наследия привела не только к планируемому результату – указателю, но и к другим важным результатам:

✓ пополнению научной библиотеки печатными изданиями автора и недостающими номерами альманаха «Обская радуга»,

✓ изучению особенностей работы писателя над темами и образами, знакомству с литературной обработкой легенд Севера,

✓ выявлению участия художников Салехарда в оформлении ряда печатных изданий Ю. Афанасьева,

✓ выявлению экранизаций произведений писателя,

✓ составлению «Алфавитного указателя названий публикаций Ю. Н. Афанасьева».

Название указателю дала статья «Жил-был сказитель...»[700], которая содержит биографическую информацию о Ю. Н. Афанасьеве. Приведем несколько выдержек из нее:

«...Юрий Афанасьев родился 11 апреля 1940 году в посёлке Питляр Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа в большой семье трудопоселенцев. После школы окончил Салехардское национальное педагогическое училище, а после службы в армии – Ленинградский педагогический институт им. А. Герцена...»

«...Был преподавателем, директором школы-интерната, партийным работником, редактором газеты, заведующим Усть-Войкарской этнической территории, возглавлял комитет по охране природы в селе Мужи...»

«...Публиковался с 1962 года. Его жанром стала малая проза (путевые заметки, репортаж, фельетон и др.) Произведения печатались на страницах газет и журналов округа...»

«...Знание фольклора ханты и интерес к детскому миру привели Афанасьева к созданию произведений для детей («В морозный день», «За Белой горой» и др.). По его сказкам на студии «Союзмультфильм» режиссером Владимиром Данилевичем были сняты два кукольных мультфильма «Сказка дедушки Ай По» (1976 г.) и «Хвастливый мышонок» (1983 г.)»

«...С 1998 года Ю. Н. Афанасьев являлся идейным вдохновителем и главным редактором альманаха «Обская радуга», созданный в помощь читательской аудитории разобраться в книжной продукции...»

---

[700] Варкентин О. М. Жил-был сказитель... / О. М. Варкентин // Жил-был сказитель...: персональный библиографический указатель творчества Ю. Н. Анфанасьева.– Салехард, ГБУ «МВК», 2017. С. 5–7.

«...Задачей альманаха было собрать лучшее – это со временем стало портретом эпохи, портретом культурной жизни региона. А традиция сбора материала широкого круга авторов объединила под своим крылом все творческие силы Ямала и обнаружила поистине одаренных литераторов...»

«...Не стало Юрия Николаевича 15 ноября 2004 г., его произведения продолжают свое бытование...»

Юрий Афанасьев свой талант щедро делил с людьми, животными, природой. Его жизнь с самого рождения и до кончины крепко связана с Севером. Мальчиком он вобрал в себя всю красоту этого сурового края, полюбил его людей и оставался преданным им всегда. Своим гражданским долгом он считал рассказывать о простых обывателях: рыбаках, оленеводах, взрослых и детях, живущих в глубинке в гармонии с природой и самим с собой. Рассказывать о культуре и быте северян, о первозданной природе – реках, сорах, озерах, заповедных лесах и о необходимости защищать и беречь родной край. Свои очерки, размышления, рассказы, сказки он публиковал в газетах, журналах, книгах, в которых вел живой диалог с читателем.

В бóльшей степени в произведениях для детей Афанасьевым использованы легенды народов Севера – о добре и зле, о счастье и справедливости. Применение диалогов и загадок перед сказками – это осмысленный авторский прием в книге «Сказки дедушки Ай-По». Примечательно, что все события окрашены национальным фоном, который формируется не только главным героем, но и второстепенными, и эпизодическими. Афанасьев с помощью художественных деталей ярко и образно подчеркивает самобытность коренного населения. Своих героев он постоянно сравнивает с животными, птицами, рыбами. А Любовь Урукова подмечает и тот факт, что автор широко использует и разъяснительную функцию сравнений, соотносит природный мир с поступками человека, подчеркивает неподдельную привязанность героев к северному краю. Обращение к национальной теме выводит Юрия Николаевича на проблему преемственности поколений[701].

Раиса Белорукова в интервью «Нет, сказка не умерла!» знакомит нас с размышлениями Афанасьева о сказках, где он с уверенностью говорит о том, что жанр сказки вечен и никогда не потеряет

---

[701] Урукова, Л. Он знал, среди «каких ценностей» жил: Ю. Н. Афанасьев: автор, герой, стиль / Л. Урукова // Афанасьев Ю. Н. «Ямал – моя боль и судьба...».– Санкт-Петербург: Арт-Экспресс, 2015.– С. 402–419.

своего назначения. В сказках, со слов писателя, и правда, и культура, и история, в них – фантазия и детская наивность. Задача этого литературного жанра удивить читателя свежим звучанием. Сам же респондент в своих произведениях опирается на народные выражения, поговорки, легенды и сказки. Такой прием полней раскрывает замысел, придает колоритность сюжету[702].

Знакомство детей с легендами народов ханты Ю. Афанасьев всегда делал творческим процессом, посредством выстраивания межличностных коммуникаций, например, в процессе исполнения роли в фольклорном театре.

Помимо «Сказок дедушки Ай-По» Юрием Николаевичем были написаны и другие, вышедшие в серии «Сказки народов Севера». Красочные брошюры заслуживают отдельного внимания.

Летучий зверь Налим[703]**.** Сказка о том, как появился на свете летучий зверь – Налим, какие он бедствия принес Человеку. Чтобы наказать нарушителя, Главный свет собрал своих величественных сестер, братьев и Человека и устроил суд над Зверем-Налимом. Общим решением обратили они Зверя в рыбу. Теперь Налим живет на самом дне реке в темноте, сам добывает себе пропитание и наполняет жиром свою печень, а Ночь, породившая его, следит за ним, чтобы он работал.

Молчун и болтун[704]**.** Жили в одном стойбище двое юношей. Сын охотника – Молчун был, а сын шамана – Болтун. Болтун за день мог целый мешок слов наговорить. Пришло им время жениться. Как-то пошла мать Молчуна за водой, ей показался великан и сказал, чтобы Молчун пустил стрелу в большой кедр. Так и сделал Молчун. Пустил стрелу, на снегу следы появились. Пошел он по следам, которые привели его к великану. Великан предложил юноше поймать его арканом себе оленя. Молчун поймал белого. Привел домой, гостей созвал, пир устроил и перед самым пиршеством поинтересовался, кто же захочет с ним жизнь разделить. Спустилась из отверстия для дыма к нему красивая девушка. Позавидовал Болтун. Тем же путем направился к великану, да только

---

[702] Белорукова Р. Нет, сказка не умерла!: неопубликованное интервью Юрия Афанасьева / Р. Белорукова // Афанасьев Ю. Н. «Ямал – моя боль и судьба...».– Санкт-Петербург: Арт-Экспресс, 2015. С. 434–438.

[703] Афанасьев Ю. Н. Летучий зверь Налим: сказка / Ю. Н. Афанасьев; художник В. Ушаков.– Салехард: ГУП ЯНАО «Издательство «Красный Север», 2005. С. 12. (Сказки народов Севера).

[704] Афанасьев Ю. Н. Молчун и болтун: сказка / Ю. Н. Афанасьев; художник В. Ушаков.– Салехард: ГУП ЯНАО «Издательство «Красный Север», 2005. С. 16. (Сказки народов Севера).

все болтал по дороге. Изловить же смог только хромого черного оленя и в жены ему досталась хозяйка болот. Говорят она до сих пор за ним бегает.

О добром сердце[705]**.** Сказка о двух родных сестрах. Младшая уродилась рыжей да доброй, а старшая – красивой да злой. Сколько раз старшая сестрица хотела младшую со свету извести, то в лесу к дереву привязывала, на съедение волкам, то в проруби чуть не утопила. Но младшей чудесным образом удавалось выпутываться из этих ситуаций. Вскоре потеряли они свою матушку и зажили по-другому, по желаниям старшей сестры, которая целыми днями заставляла младшую трудиться, только ночью ей выдавалась минутка на могилку к матери сбегать. Но однажды пришел в их дом охотник, повстречавший на пути волка, который изорвал его малицу. Попросил охотник зашить малицу. Старшая глиной дыры замазала, которая, высохнув, отвалилась. Младшая же, взявшись за дело, вдруг обернулась красавицей, и охотник предложил ей стать его женой, а старшая сестра обратилась в злую ворону.

О счастье[706]**.** Сказка о старике и старухе, которые долгое время жили в бедности и несчастии. Однажды старику привиделся вещий сон. Разбудил он старуху и поведал ей о нем. Наутро собрался, сел в лодку-колданку и поплыл за седьмой мыс. Там у семи лиственниц нашел он люльку на ветках, в которой лежал младенец. Привез его домой. Мальчик рос быстро и уже к вечеру стал взрослым крепким юношей. Поутру ушел он на охоту, привел дикого оленя, привязал к чуму. На следующий день возле стариковского чума огромное стадо появилось. Попрощался юноша со стариками, сказав, что каждый человек ищет счастье и он тоже не исключение. Старикам же наказал, чтобы всем людям, посетившим их, они давали тепло и еду и, главное, не забыли выполнить первую просьбу бедного. Зажили старики хорошо: в тепле, в обновах, за хорошим вкусным столом. Стали люди к ним приходить. Богатого встретили, как полагается и счастьем своим щедро с ним поделились, а вот с бедным человеком нет. На следующий день пришел охотник и сказал, что радостью и теплом нужно уметь

---

[705] Афанасьев Ю. Н. О добром сердце: сказка / Ю. Н. Афанасьев; художник В. Ушаков.– Салехард: ГУП ЯНАО «Издательство «Красный Север», 2005. С. 16. (Сказки народов Севера).

[706] Афанасьев Ю. Н. О счастье: сказка / Ю. Н. Афанасьев; художник В. Ушаков.– Салехард: ГУП ЯНАО «Издательство «Красный Север», 2005. С. 12. (Сказки народов Севера).

делиться. А чтобы счастье понять, живите как раньше. Вышел он из чума, свистнул, и все олени разбежались по тайге.

Жадная старуха[707]**.** В сказке говорится о Старухе, которая попалась на удочку хитрой лисе. Старуха была приглашена на свадьбу. Вместо того чтобы дарить подарки, она наелась, напилась и ещё еды с собой прихватила. От радости она забыла, в какую сторону к чуму ехать. Первой предложила помощь Старухе Сорока за корочку хлеба. Но Старухе было жаль расставаться с корочкой. А Лиса предложила довезти Старуху к чуму даром. Когда Старуха увидела тёплую шубку лисы, в ней заговорила жадность. Старуха думала перехитрить Лису, и по приезду домой сшить из лисьей шкурки сначала зимнюю шапку, затем чижи-носки, потому что ноги к старости зябнут; и, наконец, обшить красивой шкуркой ягушку. Но Старуха была обманута Лисой, которая обманным путём съела всю еду, что была в узелках и привела лодку к другому берегу от чума. Где жадность, там и глупость.

Простые незамысловатые сюжеты фольклора народов ханты в литературной обработке Ю. Афанасьева стали для многих современных ребятишек своеобразной «радостью познания» и ключом к пониманию легенд и мифов северных народов, особого уклада их жизни.

Юрию Николаевичу удалось выстроить в своем творчестве идеальную модель мира, он видел ее в детстве. Вот как пишет об этом Борис Касаев: «Как писатель Юрий Афанасьев нашел в своем творчестве мир добра и справедливости, который, по его убеждениям, всегда существует в детской душе и до сего времени сохранился в отношениях с природой и другими людьми у древнейших северных народов – у ненцев, ханты, зырян, селькупов. Редкий талант писателя позволил Афанасьеву представить своих героев – сельских и городских детишек и коренных жителей тундры не со стороны, а изнутри, не испорченным цивилизацией взглядом»[708].

«Живой надеждой» творчества Юрия Николаевича являются произведения для детей. В них он выступает как равный собеседник, исключает назидательность, верит и доверяет детям и считает, что именно они, имея Совесть, смогут уберечь окружающий мир.

---

[707] Афанасьев Ю. Н. Жадная старуха: по мотивам северных сказок / Ю. Н. Афанасьев // Ямальский меридиан.– № 3 (17). 1995. С. 89–91.

[708] Касаев Б. Памяти Юрия Николаевича Афанасьева. / Б. Касаев, А. Веремьев // Обская Радуга: альманах литераторов Ямала.– Салехард.– № 11. 2004. С. 3.

О Юрии Афанасьеве как о самом добром, справедливом и человечном из современных детских писателей Сибири и Севера говорил Максим Горький неслучайно. Главные герои и читатели произведений Ю. Афанасьева – обычные ребятишки. Сюжетные истории жизненные, события обыденные – но очень важные для маленького человека. Без лишних нравоучений ведется разговор о добре и зле, о дружбе и ненависти, о честности и хвастовстве и о многих других важных нравственных и моральных вещах, так необходимых детскому восприятию.

Шматенок Тамара Дмитриевна,
ведущий научный сотрудник Пермской государственной художественной галереи, г. Пермь

В. А. ПЛОТНИКОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И СОБИРАТЕЛЬ ПАМЯТНИКОВ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКОГО СЕВЕРА

В. А. Плотников (1866–1917) – уроженец Перми. По линии матери он приходится близкой родней известным художникам-академистам В. П. и П. П. Верещагиным. Мать братьев Верещагиных и мать Плотникова происходили из семейства пермских художников Бабиных. И. В. Бабин – прадед Плотникова – был иконописцем. Первые навыки рисования братья Верещагины получили в его мастерской. Самой известной работой Ивана Бабина стала роспись стен недавно возведенного в городе Спасо-Преображенского кафедрального собора. Дед – Н. И. Бабин – также был художником, но его работы не сохранились.

Почти через 80 лет правнук И. В. Бабина Владимир Плотников напишет для собора большой образ Александра Невского (1897). В 1920-е годы образ передают в собрание Пермской государственной художественной галереи, которая в 1930-е годы разместится в здании Спасо-Преображенского собора. К месту вспомнить о том, что в основе формирования Пермской галереи лежат дары земляков В. П. и П. П. Верещагиных.

Потомки сохранят память о своем предке и первом учителе. Василий Верещагин в 16-летнем возрасте напишет его портрет, а Володя Плотников, тоже в 16-летнем возрасте, сделает копию с этого портрета. В 1911 году этот в своем роде уникальный портрет, а также работы В. П. Верещагина по желанию его семейства, будут переданы в Пермский научно-промышленный музей. В Пермь

дары музею привезет В. А. Плотников, тогда уже зрелый человек и состоявшийся художник. Кроме портрета он принес в дар свой рисунок «В. П. Верещагин в гробу» (1909). Таким образом Плотников выразит свою благодарность Василию Петровичу, который способствовал его приезду в Петербург, поступлению в Императорскую Академию художеств, поддерживал его в учебе.

Академию художеств Плотников закончит в 31 год, учился в мастерской И. Е. Репина. Его сокурсниками были будущие мэтры отечественного искусства К. А. Сомов, Д. Н. Кардовский, Ф. А. Малявин. В учебе был усерден, неоднократно поощрялся за успехи. Учебу совмещал с постоянной работой для заработка. Рано осиротев, он находился на обеспечении старшего брата Николая и других родственников. Активное участие в его судьбе приняли его тетя, сестра матери В. Н. Петрова, и ее муж Е. Г. Петров. В научно-ведомственном архиве Пермской галереи хранятся 16 писем Плотникова студенческого периода. На этом этапе его жизни Вера Николаевна и Егор Гаврилович Петровы становятся самыми частыми адресатами будущего художника.

Владимир достаточно подробно пишет о своих успехах и неуспехах в учебе, делится планами, описывает финансовые проблемы, сообщает о поступивших заказах и заработках, расспрашивает о новостях в Перми, передает приветы многочисленной родне. Многие письма начинаются с благодарности за присланные деньги или посылку или с просьбы прислать денег. Вопрос, как заработать, чтобы иметь возможность учиться, является постоянной темой переписки. Нередко в письмах встречается имя В. П. Верещагина неизменно в положительном контексте. Приехав для поступления в Академию художеств в мае 1891 года, в первом же послании он пишет на родину: *«Любезный дяденька, Егор Гаврилович. Хожу заниматься в Мастерскую В. П. Верещагина почти каждый день. Завтракаю и обедаю в столовой, а большую же часть у Верещагина. Принимают меня очень любезно»*.[709] В июле этого же года этому же адресату он сообщает: *«Жизнь моя в Петербурге пока идет недурно – за все время житья здесь я скопировал 4 картины – 2 с эрмитажных и 2 с Академических, получил одобрение за них от В. П. Верещагина. Заработал же за это время: в мае... 5 р., в июне 25 р., а в этом месяце думаю заработать рублей 50, также мне заказали снять копию с одной картины Верещагина... Все промежу-*

[709] НВА ПГХГ. Личный фонд В. А. Плотникова.

точное время и праздники провожу в Античном музее при Академ. Худ., рисую с гипса, готовлюсь к экзамену».[710]

Студент второго года обучения Плотников в письме от 20 февраля 1892 года сообщает: *«Финансовые дела мои вот каковы: получил я два заказа, один из Перми, другой из Кяхты. Из Перми образ за 150 рублей купцу хлеботорговцу Кропочеву, из Кяхты портрет одного купца за 50 руб. Так что я до весны прекрасно проживу и даже уеду и в Пермь на эти деньги...».*[711]

В письме, датированном мартом 1892 года, молодой провинциал рассуждает о целях своей учебы, сформировать которые ему помогает В. П. Верещагин: *«29 февраля был экзамен, я рассчитывал перейти в Натурный класс, но немного не вышло, перевели только двадцать человек... у меня № 22. В. П. Верещагин говорит, что мой рисунок был достойный, но не перевели потому что я, как ныне поступивший, и уже раз перешедший из класса в класс, а там же были старогодники, которые служили по 4 года, то их и перевели. Мне Василий Петрович велел здесь послужить, т. е. в этом классе «я, говорит, сам служил в нем 1 год». О том, сколько я буду здесь учиться, я право не знаю... мне кажется, пока не познаю искусство, вплоть до тех пор буду учиться. Было бы здоровье да работа, на которой можно заработать себе на содержание для житья в Петербурге, а там можно кой до чего добиться».*[712]

Студент четвертого года обучения Плотников в сентябре 1894 года описывает сложившийся к этому времени образ жизни: *«Дорогая тетя, Вера Николаевна! Работаю, сильно свободного времени совсем нет: с 8–9 часов утра до 3-х занимаюсь в мастерской у себя, потом обедаю в 3½ часа и в 4 часа на урок (приготовляю двоих в Академию), в 6 часов прихожу домой, пью чай, с 7 часов занимаюсь с другим учеником до 8½ – 9 часов, потом ухожу гулять, прихожу почитать и спать, я превратился в последнее время в машину – да и приходится, такое время».*[713]

Письмо от 30 марта 1894 года интересно размышлениями о содержательной стороне творчества: *«Дорогая тетя, Вера Николаевна! Думаю летом написать что-нибудь <u>тенденциозное</u> из жизни провинциальной... или крестьянской среды. Скажи дяде, пусть со своей стороны приготовит сюжет для картины, такой, знаешь, чувствительный... над которым можно было задуматься... чтоб*

---

[710] НВА ПГХГ. Личный фонд В. А. Плотникова.
[711] Там же.
[712] Там же.
[713] Там же.

волновать сердца и умы, заставлял бы думать, что не все на свете только хорошо и приятно... и серая жизнь... так же глубока своими ощущениями. Эдак, чтоб захватывающе действовало. Пусть придумает такой, а я его буду судить как художник...». Изучению провинциальной жизни российской глубинки, где не все только хорошо и приятно, а серая жизнь так же глубока своими ощущениями, художник посвятит все свое творчество.[714]

Плотников оказался не типичным для ведущей на рубеже XIX–XX веков тенденции, выдвинувшей новый тип художника-артиста. По своему воспитанию, условиям жизни, взглядам он, скорее, художник-подвижник. Об этом говорит вся его глубоко демократичная художническая деятельность, направленная надела общественно-значимые. Вслед за первыми энтузиастами и первопроходцами, архитекторами В. В. Сусловым и Ф. Ф. Горностаевым, художниками И. Э. Грабарем, И. И. Билибиным, Н. К. Рерихом и другими, он становится активным участником процесса «открытия» исторического и культурного феномена Русского Севера. Большая часть его творческого времени прошла в нелегких поездках, сложных научных экспедициях. Изучение, собирание, фотографирование памятников старины, воссоздание их в своих произведениях, пополнение музейных коллекций художественными и этнографическими материалами станет главным делом Плотникова на протяжении 20 лет, которые отпустит ему судьба.

Новое он осваивает всеми доступными для него средствами. Время требовало немедленной фиксации деревянной архитектуры, Плотников обращается к фотографии и учится снимать памятники культуры. Профессиональные качества фотографий сделали Плотникова участником первой «Истории русского искусства» под редакцией И. Э. Грабаря, вышедшей в издательстве И. Н. Кнебель в 1910–1914 гг. Снимки деревянной архитектуры и скульптуры Русского Севера, выполненные Плотниковым, иллюстрируют главы второго (допетровская эпоха) и пятого (скульптура) томов беспрецедентного для того времени издания. В грабаревской «Истории» впервые публикуются памятники Пермского края: архитектурные сооружения Соликамска и строгановского Усолья и недошедшая до наших дней деревянная скульптура – «Распятие» из часовни на месте древнего Пыскорского монастыря. Первые впечатления о пермских памятниках Грабарь получит по фотографиям Плотникова. Проехать по «строгановским гнездам» он сможет только

[714] НВА ПГХГ. Личный фонд В. А. Плотникова.

в 1925 году. Вполне возможно, что в процессе общения Грабаря с местными музейщиками и краеведами всплывало имя Плотникова, тем более что его акварели были включены в экспозицию галереи.

Увлекшись народной культурой Русского Севера, Плотников профессионально погружается в эту стихию. Собранные им ценные этнографические коллекции русских, старообрядцев, коми-пермяков и народа саами он предлагает музеям – этнографическому отделу Русского музея (ныне Российский этнографический музей) и Кунсткамере (ныне музей антропологии и этнографии имени Петра Великого). О комплектовании этих музеев предметами, собранными Плотниковым, опубликованы подробные статьи А. А. Чувьюрова[715] и А. И. Терюкова.[716]

Сотрудничество с отделом этнографии Русского музея началось в 1907 году. Этот музей обладает самой большой коллекцией документов и предметов Плотникова: более 300 этнографических предметов, более 70 фотографий и акварели. В архиве музея хранится также переписка музея с Плотниковым о собирании материалов по Архангельской и Пермской губерниям. Есть уникальные экспонаты, к числу которых специалисты относят деревянные христианские святцы и старообрядческие намогильные столбики (теремцы) из заброшенного старообрядческого кладбища города Кеми Архангельской губернии.

В коллекцию Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого предметы из коллекции Плотникова были приобретены в апреле 1909 года. Это были предметы быта и одежда коми-пермяков (60 ед. хр.) и фотографии (11 ед. хр.), выполненные в Чердынском уезде Пермской губернии.

Первым музеем, которому художник предложил свои услуги, стал музей Академии художеств, где хранится самая большая коллекция фотографий Плотникова. Характер взаимоотношений художника и музея позволяет понять материал в «Журнале императорской Академии художеств» за 1906 год. Среди вопросов, вынесенных на обсуждение Совета Академии, пунктом № 11 обозначено прошение художника В. А. Плотникова о приобретении нескольких акварелей его работы.[717]

---

[715] Чувьюров А. В. В. А. Плотников – художник, собиратель. // Рябининские чтения-2007: материалы V научной конференции.– Петрозаводск, 2007.

[716] Терюков А. И. Коллекция художника В. А. Плотникова в музее антропологии и этнографии. // Радловский сборник-2014.– СПб.: МАЭ РАН, 2015.

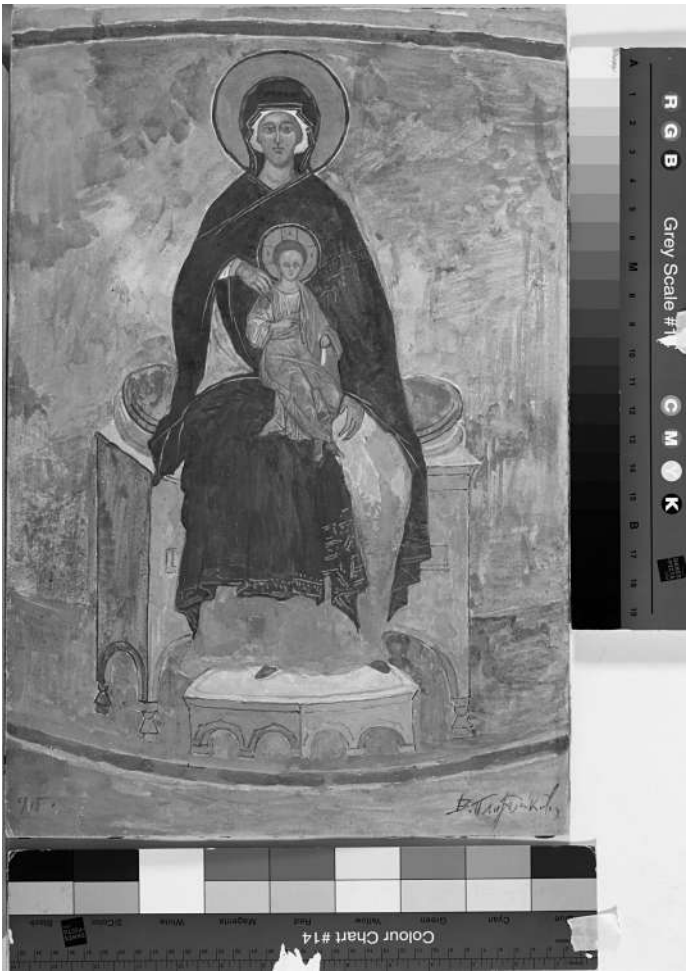
[717] Журнал Императорской Академии художеств.– СПб, 1906. С. 91–92.

В прошении художник пишет: *«Приношу мою благодарность за данные мне деньги 200 рублей на мою поездку весною 1905 года. Представляю Совету, как отчет о поездке, коллекцию фотографий (200 штук), снятых мною с древностей г. Устюга, Сольвычегодска... Архангельска, в Соловецком монастыре, г. Кемии, г. Холмогоры. Также представляю написанные с натуры акварели...»*. Далее художник аргументирует свое предложение купить его акварели... *«дабы я имел возможность поехать нынешним летом в предполагаемую мною поездку, а именно: по Ладожскому озеру до Повенца Олонецкой губернии. От Повенца трактом около 300 верст на лошадях на Суму в Онежский залив в поморье, в сокровищницу русской народности в знаменитый старообрядческий Данилов скит и другие окрестные места, населенные поморами и корелами до г. Кеми включительно. Ограничусь только этим районом, дабы поработать основательно, используя все, что здесь есть интересного художественного и археологического»*. Совет Академии приобрел 6 из 12 акварелей для архитектурного класса за 500 рублей, а выданные в 1905 году 200 рублей зачли в гонорар за фотографии.

Но Плотников был не только пассивным собирателем. Исследователь Н. С. Карасев из Петербурга сообщил автору этой статьи не известный ранее факт, раскрывающий иную грань деятельности Плотникова. Он инициировал изучение и восстановление разрушающейся деревянной церкви XVII века почти не сохранившегося «клетского» типа в с. Монастырь Пермской губернии. Императорская археологическая комиссия проводила исследование этого храма (1908–1917) вплоть до смерти художника.

Среди тех, кто способствовал вступлению Плотникова на эту непростую стезю, можно уверенно назвать В. Т. Георгиевского (1861–1923), исследователя церковного и древнерусского искусства, архивиста. Георгиевский является автором одной из первых общих работ о древнерусском искусстве, опубликованной в качестве приложения к книге Ш. Байе «История искусств».[718] Работы «Фрески Ферапонтова монастыря» и «Росписи Дионисия в соборе Рождества Богородицы» Ферапонтова монастыря (1911) создали ему имя в научном мире и стали открытием начала XX века. О их знакомстве свидетельствует письмо Георгиевского – Грабарю от 29 августа 1910 года по поводу «Истории русского искусства», где среди авторов издания Георгиевский называет имя пермяка Плотникова: *«Милостивый государь! Подписавшись на издание*

[718] Байе Ш. История искусств.– Киев, 1902. С. 325–366.

«Богоматерь с младенцем». Свободная копия с фрески Дионисия. 1915

«Истории русского искусства» под Вашей редакцией и получив первые 4 выпуска, я встретил здесь многих своих добрых знакомых: А. В. Щусева, В. А. Покровского, В. А. Плотникова, Г. Г. Новицкого и др., что меня порадовало, а увидев в перечне имен Н. П. Кондакова, я окончательно убедился, что издание Ваше при Ваших энергии и любви к искусству будет, без сомнения, выдающимся...». И Георгиевский, и Плотников были участниками Всероссийского съезда художников

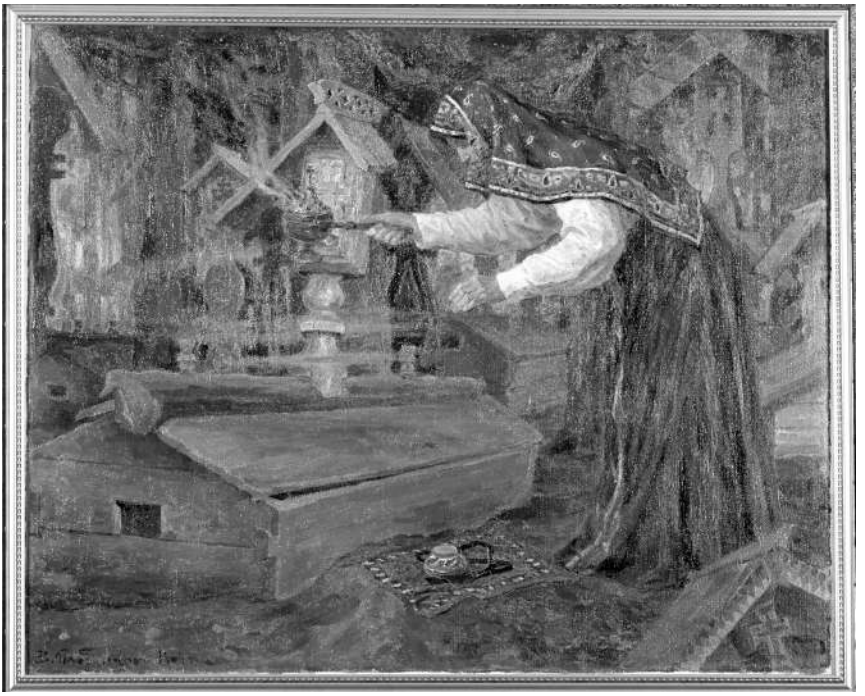

«Деревенские женщины»

в С.-Петербурге в декабре 1911 года. Георгиевский делал доклад о фресках Дионисия, Плотников выступил с темой «Памятники старины русского севера». Доклады были опубликованы в 3 томе материалов съезда. Эти две личности были не просто знакомы, они были единомышленниками.

В. Т. Георгиевский оказался причастным к возвращению наследия Плотникова на его малую родину. В 1920 году в Наркомпросе он столкнулся с директором Пермского музея А. К. Сыропятовым и научным сотрудником А. Я. Вашуровым, о чем последний подробно рассказывает в своем отчете:

«В музейном отделе я случайно встретился с известным историком русской иконографии В. Т. Георгиевским, который дал весьма ценные для нашего музея сведения о том, что трагически погибший в 1917 году в Петрограде художник Плотников высказывал ему, как личному другу, свое желание, чтобы все то, что останется после его смерти, из его художественных произведений, фотографических снимков Севера и негативы, предметы старины, собранные им во

«Канун». 1907

время поездок по Северу, и прочий художественно-научный материал, поступило бы в Пермский музей. После его смерти все предметы поступили на временное хранение в художественное общество им. Куинджи. Часть предметов обществом продана, а большая часть еще цела. Поэтому тов. Георгиевский рекомендовал принять срочные меры к получению оставленного наследства для Пермского государственного музея».[719]

Из общества им. А. И. Куинджи были возвращены только живопись и графика Плотникова – 2 живописных картины «Канун», «Игра теней» и 84 акварели. Для общества Куинджи Плотников, видимо, был фигурой легендарной, потому что член этого обще-

[719] Егорова И. А. Г. А. Поликарпова. Новый источник по истории Пермской государственной художественной галереи // Уральский археографический ежегодник за 1972 год.– Пермь, 1974. С. 196.

«У своих». Эскиз к картине «Канун»

ства художник П. Д. Бучкин в 1922 году пишет карандашный портрет Плотникова и передает его в Пермскую галерею.

Подавляющая часть акварелей – это работы, выполненные во время путешествий по самым разным регионам Севера. Правда, не все работы подписаны, часть еще ждет своей атрибуции. Но география многих акварелей известна – это Вологда, Устюг, Соловецкий и Ферапонтов монастыри, Вятка, Борисоглебск, г. Кемь Архангельской, г. Соликамск и Ныроб Пермской губерний, Мурман, Белое море, озеро Имандра.

Акварели разные по жанру и назначению. Они выполнялись с натуры и носят камерный. Встречаются акварели чисто исследовательского характера, в которых фиксируются особенности орнамента или типы декоративной резьбы того или иного храма. В некоторых работах автор акцентирует особенности куполов, своеобразие их форм и декора. Есть эскизы к картинам «Канун» и «У града Китежа». Встречаются чистые пейзажи, но их немного. Немногочисленны марины, в которых автор акцентирует особенности света и пространства изображенного места. Значительная часть акварелей посвящена Руси деревянной – изображению разнообразных типов деревянных часовен и крестьянских изб. Более

живописный окружающий пейзаж подчеркивает простоту и выразительность конструкций, особенность деревянных форм с их бревенчатой логикой.

Не менее выразительны акварели с изображением монастырских комплексов. В образах монастырей художник подчеркивает особенность каменных форм, мощь крепостных стен и гармонию общего ансамбля. Отдельную немногочисленную группу образуют акварели с памятниками православной деревянной скульптуры. Скульптуры «Параскевы Пятницы» и «Николы Можайского» решаются художником, как самоценные художественные образы. Еще на одной акварели художник показывает группу скульптур в кладовой церкви (возможно, это в Вологде). Почти треть акварелей является свободной копией фресок Дионисия в Ферапонтовом монастыре. Судя по работам, Плотников был влюблен в живопись Дионисия. Акварели удивительно поэтичны, по-особому декоративны, выступают воплощением тишины и гармонии. Тонко написанные, глубоко поэтичные акварели Плотникова сочетают художественную образность и определенную долю документальности, проявляющуюся во внимании к точной конкретной детали. В каждой работе свое соотношение между этнографическими деталями и чистой художественностью. Такие акварели имеют научное и познавательное значение и продолжают привлекать специалистов и любознательных зрителей.

Много десятилетий в экспозиции русского отдела Пермской галереи находится картина В. А. Плотникова «Игра теней» (1911). Сюжет картины прост: освещенный солнцем дом с верандой и открытыми окнами, стол с самоваром, осеняющие дом высокие деревья... В ней – теплота жизни и та поэзия обычных будней, которую мечтал воплотить студент Владимир Плотников.

Тимофеева Анастасия Евгеньевна,
магистрант I курса Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург

ПРОСТРАНСТВО МОРЯ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ

Понятие «Русский Север» крайне многозначное и неустойчивое, оно включает в себя больше историко-культурный контекст, нежели географический. Тем не менее, принято считать, что территория Русского Севера охватывает регионы Карелии, Архангельскую

и Вологодскую области, Республику Коми, эти земли простираются *«От Ледовитого океана на севере до водораздела Волга – Северная Двина на юге, от Карелии на западе до Уральских гор на востоке»*[720].

Развитие культурных традиций и формирования «северного» менталитета было обусловлено этнической историей. К XVI веку произошло освоение земель и преобладание русского населения на северных землях. Хоть это и был неоднородный процесс, и о единой культурной линии также говорить не приходится, но вместе с тем эта земля имеет свои локальные особенности. Например, этнограф И. В. Власова рассматривала культурные и этические представления северян в связи с их земледельческой деятельностью, другие исследователи, такие как Н. М. Теребихин, обращались к различным образам, в том числе и образу моря. Основой данной работы стали исследования этнографов, историков, фольклористов, а также литературные произведения, описывающие Русский Север.

Для понимания духовно-нравственных основ северян и в целом «северности» русской культуры необходимо учитывать их миграционные передвижения (что явилось важнейшим фактором в процессе их становления как народа), земледельческий труд и жизнь подле моря.

Борис Андреевич Успенский, рассматривая различные географические пространства, утверждал, что всякое пространство в древнерусской культуре человек воспринимал в морально-нравственных категориях. Чем являлось море для жителей Русского Севера?

Вода как природная стихия обладает как разрушительными, так и созидающими силами. Она способна оживлять, и вместе с тем умерщвлять, с ней связаны обряды крещения, очищения, избавления, «с мотивом воды как первоначала соотносится значение воды для акта омовения, возвращающего человека к исходной чистоте»[721]. Все это транслируется в отношении моря у северян.

Если мы станем рассматривать представления восточных славян о водном пространстве, то в основе лежит вера в таинственную силу воды и царство мертвых. Тогда, если море – это царство мертвых, то всякое взаимодействие с ним равносильно поединку с судьбой. В каком-то смысле море отвечало эсхатологическим

---

[720] Власова И. В. Русский Север: историко-культурное развитие и идентичность населения.– М.: ИЭА РАН, 2015.– 376 с.

[721] Аверинцев С. С. Вода. Мифы народов мира.– М, 1987. Т. 1.– С. 240.

устремлениям, которые были свойственны русскому человеку. «Наконец, являя собой начало всех вещей, Вода знаменует их финал, ибо с ней связан (в эсхатологических мифах) мотив потопа»[722].

Наряду с универсальными смыслами, которыми традиционно наделяется образ моря в мировой картине, в пространстве Русского Севера море служит важнейшей морально-нравственной категорией.

Народное миропонимание северян, как и других народов, формируется на религиозной почве и в русле повседневности, затем отражается в фольклоре, приметах, обычаях, искусстве. Морской промысел – основная деятельность северян, а вернее сказать поморов, живших и до сих пор живущих на берегу Белого моря. Освоение морского пространства стало необходимостью для северян. Так водная стихия определила менталитет жителей Русского Севера.

Связь помора и моря имеет глубокую связь, которая выходит за рамки общего корня «мор», эта связь имеет имманентный характер. «В самом названии этнической общности русских людей, сформированной жизнью на границе земли и моря, на крайнем северном рубеже Руси, отражена неразрывная связь человека с водной стихией»[723].

Испытание морем, которое уже было упомянуто, отражает не просто физическую силу человека, но и его нравственные установки. Человек в море оказывается перед высшим судом, перед Богом. Многие поморские сказки описывают сюжет со смертью главного героя, где вместе со смертью происходит перерождение. «Испытание морем, таким образом, тесно увязывается с мотивом посмертного воздаяния и наказания, с мотивом суда. Как известно, образ загробного (Страшного) суда – одна из религиозно-мифологических универсалий»[724]. Поэтому море оказывается сакральным пространством, где сходятся Начало и Конец. Согласно писаниям святых, Белое море «смывает» грехи утонувшего в водах человека и перерождает его в вечную жизнь. Архетипические мотивы смерти как возвращение в материнское лоно моря переплетаются с религиозным осознанием бессмертия человека. Это характеризует северного человека как зависимого от водной стихии, но уверенного в своем бессмертии.

---

[722] Аверинцев С. С. Вода. Мифы народов мира.– М, 1987. Т. 1.– С. 240.
[723] Теребихин Н. М. Метафизика Севера.– Архангельск: Помор. ун-т, 2004.– 275 с.
[724] Там же.

Также некоторые исследователи рассматривали цветовую символику Белого моря в соответствии с сиянием, а далее – и святостью. Действительно, Белое море собрало вокруг себя множество верующих людей, скитальцев, святых. Русский Север считается место паломничества, местом уединения, а стремление на Север рассматривалось как стремление к спасению своей души. Примечательна история архангельского святого Варлаама Керетского, который убил жену, после чего плавал с трупом по воде и молился о прощении. Здесь море выступает в качестве судьи.

Топонимика Белого моря также является важнейшим фактором в изучении культуры Русского Севера. Почему же Белое море так называется? Распространенной версией является версия о том, что большую часть времени море находится под льдом, снегом или оказывается покрыто туманом. По другой версии категорию белого цвета соотносят с категорией свободы. Белое море – свободное море, а поморы считаются свободолюбивыми людьми.

Советский писатель, собиратель северного фольклора, Борис Щергин отмечал, что море «дышит», и его дыхание становится для местных жителей таким же необходимым как и свое собственное. Очевидно, «дыхание моря» выражает некую силу, пробуждающую к жизни и работе. *«Вода в море и в реках не стоит без перемены, но живёт в сутках две воды – большая и малая, или «полая» и «кроткая». Эти две воды – дыханье моря. Человек дышит скоро и часто, а море велико: пока раз вздохнёт, много часов пройдёт. И когда начнет подниматься грудь морская, наполняя реки, мы говорим: "Вода прибывает"»*[725].

Северный человек чувствует родство с морем, несмотря на то, что это требует от него усилий. В отличие от враждебного, стихийного океана-хаоса, море – «святая песня», *«все повадки, сноровки его известны. Живут поморы с ним в согласии, по-семейному...»*[726].

Белое море предстает как жизнь во всем ее многообразии. Море как живой организм, место промысла, проявляющий свою активность («морюшко играет»), обладающий своей волей (лютует, грохочет), выражает характер (сердится, хмурится, дичает). К морю не подступиться просто так, нужно обладать особыми знаниями. В руках поморов эти сакральные самые знания, а точнее –

---

[725] Щергин Б. Древние памяти: Поморские были и сказания (Б., 1989) / Вступ. статья А. Налепина; Сост. и науч. подгот. текстов Л. Шульман.– М.: Худож. лит., 1989. 558 с.

[726] Гемп К.П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. 2-е изд., доп.– М.: Наука; Архангельск: Помор. ун-т, 2004.

в их голосах. Жители Русского Севера разговаривали с морем, договаривались с ним, так появились поговорки, маркирующие отношения между человеком и морем. «И радость, и горе помору – всё от моря», «Море – кормилец помора единственный», «Море для помора и друг, и помощник, и вражина»[727]. В записях историка и этнографа Ксении Гемп встречаются заметки, что даже в XX веке в деревнях архангельской области сохранились обращения к морю как к живому существу: «Разлюбезное море наше!», «Морюшко – любование наше. Ему, батюшке, песни поём», «Кормилец наш, морюшко Белое. Уважение ему всех жителей Беломорья».

По воспоминаниям жителей прибрежных деревень, улов рыбы традиционно сопровождался пением. Так, поморы усмиряли воды Белого моря, успокаивали, просили хороший улов. Вместе с тем, пение имело практический смысл: *«Чтобы не спать, потому что бывало так: когда погода тихая, везешь ночью рыбу, пока заря настанет»*[728].

Так, мы видим взаимное проникновение человека и моря, а также их взаимодействие. Одним из аксиологических центров жителей Русского Севере явилось морское пространство. Которое испытывало людей, подвергало испытаниям, проверяло на выносливость, но после – создавала сильную, мужественную, независимую от настроения и непокорную своим страстям личность.

Устин Ирина Ильинична,
директор МБУ «Краеведческий музей «Поморье»
Кемского муниципального района, республика Карелия

ОТ БЕРЕГА КЕМСКОГО К МОРЮ СТУДЁНОМУ: ПОДВИГИ ПОМОРОВ В ОСВОЕНИИ АРКТИКИ

Нет этой страны на карте,
не найти ее в географических атласах,
однако она существует.
Страна это – Поморье – древняя, легендарная.
Под стать ей и народ – смелый и отважный.
Поморы – имя этому народу.

---

[727] Гемп К.П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. 2-е изд., доп.– М.: Наука; Архангельск: Помор. ун-т, 2004.

[728] Власова М.Н. Русский Север: брошенная земля: Фольклор несуществующих деревень. – СПб.: Изд. «Пушкинский дом», 2021.– 464 с.

Основная экспозиция муниципального бюджетного учреждения «Краеведческий музей «Поморье» Кемского муниципального района» – «Духовная и материальная культура поморов Кемского уезда» – отображает сложившиеся объективные особенности культуры и хозяйственного уклада поморов, жизнь которых издревле и до настоящего времени связана с морем. Акцент на три основных начала: мореплавание, судостроение, рыбные и зверобойные промыслы.

В основу экспозиционного решения положен образ помора и среды его обитания – «море» и «берег». Суровая природа севера, близость Ледовитого океана, расселение по берегам Белого моря обусловили особое направление хозяйственной деятельности в крае: *«...поморские жители о хлебопашестве понятия не имеют, но единственно кормятся от моря. Морские промыслы их – рыбные и зверобойные – отменны, соединены с великою отвагой...»* Как говорят сами поморы, ***«Море – наше поле»***.

«...Из века в век, с освобождением прибрежья ото льдов, подернутая кружевом волн водная гладь пестрела здесь парусами судов, расходившихся на просторы Студенца – Северного Ледовитого океана. Лодьи и кочи направлялись на запад – на промыслы Мурмана и в «Дацку» – к скалистым берегам Норвегии, «вниз», на север, к далёкой Новой земле, и на восток – «в Русь» к устьям Мезени и Печоры, и ещё дальше к берегам самой Сибири, в «златокипящую Мангазею» – оплот страны на окраине Сибирского царства, куда шли артели промышленников и торговых людей, отряды стрельцов в надежде на богатый промысел, прибыльный торг, наконец, как говорилось в «скасках» первопроходцев,– «сыскать новые землицы отечеству».

Изучение письменных памятников, архивных документов и просто полузабытых источников позволяет проследить многие важные приоритеты мореходов из Кеми в области морского дела: создание кемскими крестьянами оригинальных типов судов, их роль первопроходцев и первооткрывателей, освоение побережий и островов Северного Ледовитого океана, создание оригинальных произведений – журналов плаваний, лоцманских описаний, наконец, произведений народной картографии, а также способы прогнозирования гидрометеорологической обстановки. Наиболее интересным источником для изучения истории становления морской культуры поморья XVII–XIX вв. являются рукописные руководства по мореплаванию. Из 12 известных списков лоций – 5 создано в Кемском поморье.

К ним, мореходам из Кеми, Шуи, Сороки, Сумского Посада, в первую очередь должны быть отнесены сегодня слова профессора

М. И. Белова, писавшего о поморах: *«Их стойкости, упорству и мужеству, проявленным в борьбе с суровой природой, человечество обязано развитием правильных представлений об арктических морях, их природных особенностях и возможностью плаваний в них»*. Знания и опыт мореходства поморских промышленников были широко использованы в практике первых русских гидрографических и географических экспедиций, в которых поморские кормщики стали проводниками и помощниками видных отечественных учёных. Практический опыт поморов приходил на помощь, когда исследователи – и русские, и западно-европейские – терпели бедствие, и результаты их экспедиций и сама их жизнь сохранились лишь благодаря помощи, вовремя оказанной поморами. И примеров тому множество.

После петровских реформ Кемь фактически стала центром крестьянского судостроения в Поморье, где продолжалось сооружение «староманерных» судов, предназначенных для промышленных и транспортных плаваний в водах севера. Ходили в полярных морях на кочах, раньшинах, да лодьях, построенных подужемскими карелами по заказам кемских судовладельцев Норкиных, Савиных, Труфановых, Ремягиных. Наибольшей известностью в крае пользовались кемские мастера-судостроители Василий Антонов, Осип Кондратьев, Яков Антонов-Горноталев (построил 61 судно).

Поморы имели особое отношение ко льдам. Как и всё в их понимании жизни было основательно, так и ко льдам относились с уважением. Об этом можно сделать вывод даже по тому множеству названий, которые звучат как научная характеристика, а это значит, что изучена природа льдов ни одним поколением, передаваясь из уст в уста. И смысл в этом великий – безопасность человека в стихии. Названия льда у поморов мы нашли в романе Дмитрия Балашова «Марфа Посадница» (Петрозаводск, «Карелия», 1986.) 42 названия, да и то еще не все!

Шорош, Шуга, Шапуга, Сало, Нилас – тёмной, светлой, сырой, сухой, подъёмной, нечемерж, молодик, резун, Припай, Снежной лёд, Заберег, Каледуха, Живой лёд, что движется бесперечь, Мёртвый лёд, Битняк, Тертюха, Калтак, Шельняк, Отечной лёд, Проносной, Ходячий, Сморозь, Грязда, Несяк, Стамуха, Торосовой, Налом, Ропачистой, Бакалда, Бимье, Гладуха, Гладун, Ропаки, Подсовы, Стойки, Забой, Стычина.

На север по морю Белому, и дальше, к Студёному, на остров, который у поморов имел собственное название Грумант, шли издревле за добычей морского зверя, который в те времена и

кормил, и одевал, и освещал жилище. В первую очередь – охота на тюленя. Очень важен был и промысел белухи. Особая статья – промысел моржа. Интересно яркое описание промысла одного из промышленников, приведённое С. В. Максимовым в его книге «Год на севере»: *«Вот промысловое судно медленно движется вдоль берега, держась недалеко от кромки льда. Вот и ЮРОВА – лежбища моржей... «Все воет, все ревет; вот и потому опять узнаем, по реву-то этому, где они наледину сделали, где их много значит. А заслышали дух ихний, алибо рев, да особливо когда ветер от них, тут уж мы, известно, маху не даем; тут-то нам и праздник великий, и веселье...»*[729]. Добываемый на севере «рыбей зуб» – драгоценная моржовая кость – отсылался непосредственно к царскому двору. Сначала только монастыри обладали изделиями из этого материала. В описи Соловецкого монастыря 1514 г. упомянуты «*крест местной, резан рыбий зуб... да другой крест по углам серебром обложен, позолочен, на нем вырезано распятие Христово, рыбей зуб*».

Много славных имён сынов поморских, которые прокладывали морской путь на Шпицберген (Грумант – поморск.) и Новую Землю кануло в лету. Известными стали единицы. Первый биографический словарь северных русских мореходов, в основном – поморов-промышленников, составлен Владимиром Юльевичем Визе «Русские полярные мореходы из промышленных, торговых и служилых людей XVII–XIX вв.»[730].

Справки очень краткие, составлены по годам плавания. В большинстве случаев известно только о факте плавания. На ранний период (XVII в.) преобладают участники сибирских походов, на поздний (XVIII–XIX вв.) – промышленники, совершавшие путешествия на Новую Землю и Шпицберген.

САВВА ЛОШКИН, 1760 г. Кормщик, родом из Олонца. Савва Лошкин первым прошел вдоль всего восточного берега Новой Земли и обогнул ее, причем провел на восточном берегу две зимы и только на третье лето вышел к западным берегам. Единственным источником, благодаря которому до нас дошли сведения о замечательном плавании Саввы Лошкина, является рассказ Федота Рахманина, записанный в 1788 году членом-корреспондентом петербургской Академии Наук В. В. Крестининым. Рассказы о Лошкине и его плавании были свежи среди архангельских мореходов еще в 1821 году. Савва Лошкин дал первое описание восточного берега Новой Земли, записанное со слов Рахманина Крестининым.

---

[729] Максимов С. В. Год на севере.– Москва: Художественная литература, 1987.
[730] Визе В. Ю. Биографический словарь.– М.-Л.: Изд-во Главсевморпути, 1948.

АФАНАСИЙ, Конец XVI – начало XVII века. Мореход из Колы конца XVI – начала XVII века. 17 раз плавал по Северному Ледовитому океану. О нем сохранилось следующее сказание: *«В лето 7113 [1605] во граде Самаре был человек поморенин, именем Афанасий, рождение его за Соловками на Усть-Колы. И он сказывал про многие морские дивные чудеса, а про иные слыхал. И ездил он по морю на морских судах 17 лет, и ходил в темную землю, и тамо тьма стоит, что гора темная; издали поверх тьмы тоя видать горы снежные в красный день»*. Упоминаемая в сказании темная земля есть, несомненно, либо Шпицберген, либо Новая Земля.

ЧИРАКИН ЯКОВ ЯКОВЛЕВ, 1767–1768. Крестьянин села Шуя Кемского округа, кормщик. Грамотный. Десять раз зимовал на Новой Земле. В 1767 году «одним небольшим проливом в малом извозном карбасу оную Новую Землю проходил поперек на другое называемое Карское море». Это было первым плаванием через Маточкин Шар, о котором имеются достоверные сведения. Чиракин не только дал описание этого пролива, но и представил план его. Кроме того, им было дано первое гидрографическое описание берега Новой Земли от острова Междушарского до Маточкина Шара (опубликовано Н. Чулковым). Доставленные Чиракиным сведения о Маточкином Шаре послужили поводом для организации экспедиции Розмыслова (1768–1769), в которой Чиракин участвовал в качестве кормщика. По словам В. В. Крестинина, Чиракин был *«человек с природными дарованиями и в мореходстве отличный»*. Именем Чиракина названа река, впадающая в Маточкин Шар с южной стороны.

ЕРМОЛИН АНТОН, 1769 г. Кормщик. Летом 1769 года промышлял зверя совместно с кормщиком Иваном Лодыгиным на судне купца Кемской волости Макара Водохлебова в губе Митюшихе. Возвращаясь домой, Ермолин и Лодыгин в западном устье Маточкина Шара подобрали экспедицию Розмыслова и доставили ее в Архангельск.

ЛОДЫГИН ИВАН, 1769 г. Кормщик. Промышляя в 1769 году зверя у западных берегов Новой Земли, зашел на судне Макара Водохлебова в Маточкин Шар, подобрал здесь экспедицию Розмыслова и доставил ее в Архангельск.

ЛОМОВ, 20-е годы XIX века – 1872. Кемский мещанин, кормщик, судовладелец. Многократно плавал с целью промысла к Новой Земле. Между прочим, побывал здесь в 1872 году. П. Свиньин отзывается о Ломове как о «лучшем кемском мореходце».

ПОСТНИКОВ МИХАЙЛО, 1789–1849 г. Кормщик из Кеми. Плавал в Белом море и Северном Ледовитом океане не менее 60 лет – с 1789 по 1849 год.

ИСАКОВ. Начало XIX века – 1835 г. Кормщик, кемский мещанин. В течение 32 лет ежегодно плавал к Новой Земле. В 1835 году Исаков прошел дальше полуострова Панкратьевского на 100 верст и видел здесь группу мелких островов, получивших название островов Исакова (впоследствии норвежцы назвали эти острова островами Гольфштрема).

Этого Исакова нельзя смешивать с братьями Исаковыми (см. Гвоздарев), побывавшими в 1851 году на Шпицбергене и замешанными в убийстве своего кормщика. В 1851 году Исакову должно было быть около 75 лет, тогда как преступники Исаковы были несомненно люди молодые или среднего возраста.

ГВОЗДАРЕВ ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ, 1831–1851. Кормщик, крестьянин деревни Сороки Кемского уезда. Впервые отправился на зверобойный промысел на Новую Землю вместе с младшим братом в 1831 году. В 1832 году участвовал в экспедиции Пахтусова в отряде лейтенанта Кротова, когда Гвоздарев должен был доставить на своей ладье сруб избы в Маточкин Шар. На пути ладья сильно пострадала во время бури, что вынудило его поставить избу в Больших Кармакулах, после чего он вернулся в Архангельск. В 1834 году Гвоздарев снова плавал у берегов Новой Земли, причем в губе Митюшихе нашел остатки разбитого судна бесследно пропавшей экспедиции лейтенанта Кротова. В 1835 году Гвоздарев промышлял у Горбовых островов, когда встретился с Пахтусовым, которому сообщил ценные сведения о Новой Земле.

ЕРЕМИН АФАНАСИЙ, 1835, 1837. Сумский мещанин, зверопромышленник. Неграмотный, промышляя в 1835 году у берегов Новой Земли, оказал помощь Пахтусову, карбас которого потерпел крушение у острова Верха. Еремин доставил Пахтусова и его спутников в Маточкин Шар. В 1837 году трехмачтовая ладья Еремина «Святой Елисей» была зафрахтована экспедицией академика Бэра на Новую Землю. По окончании экспедиции Бэр выдал Еремину следующий аттестат: «Я, нижеподписавшийся, свидетельствую, что на ладье «Елисей», принадлежащей сумским мещанам Афанасию Еремину и Ивану Челюзгину, отправился на Новую Землю в поручение Академии Наук. Именем Еремина Пахтусов назвал бухту у острова Личутина – гавань Еремина, или становище Еремина.

ЧЕЛЮЗГИН ИВАН (ЧЕЛУЗГИН), 1835, 1837. Сумский мещанин, зверопромышленник. Плавал к Новой Земле в 1835 году. На кар-

басе, взятом с его ладьи, Пахтусов плавал через Маточкин Шар до островов Пахтусова. Часть личного состава экспедиции Пахтусова, во главе с Циволькой, вернулась в 1835 году с Новой Земли на ладье Челюзгина и Еремина. Принимал участие в экспедиции Бэра на Новую Землю в 1837 году.

ГОРЯКОВ СТЕПАН, 1842. Кормщик, шуеречанин. Ходил в 1842 году к северо-западным берегам Новой Земли, причем в Русской Гавани, на острове Богатом, поставил крест, обнаруженный экспедицией на «Седове» в 1930 году.

ВОРОНИН ФЕДОР ИВАНОВИЧ, 1845–1897. Промышленник-судовладелец, мещанин Сумского посада. Родился около 1829 г. Двоюродный дядя известного советского полярного капитана В. И. Воронина. Ф. И. Воронин свыше 35 лет из года в год плавал к Новой Земле. Впервые побывал на Новой Земле в 15-летнем возрасте, сопровождая отца. В 1874 году он спас в заливе Пуховом возвращавшуюся на шлюпках с Земли Франца-Иосифа австровенгерскую экспедицию и на своей шхуне «Николай» доставил ее в Варде. В 1875 году весьма удачно промышлял белуху в Кармакульской бухте.

Ф. И. Воронин был ревностным защитником русских промыслов на Новой Земле и горячо протестовал против засилья здесь норвежцев. В частности, он указывал, что последними разрушаются на топливо памятники русской старины – кресты и избы.

НИКИТИН МИХАЙЛО, 1846–1847. Промышленник, кемский мещанин. В 1846–1847 годах плавал на Новую Землю вдвоем с женой.

ВОРОНИН ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ, 1857–1897. Промышленник-судовладелец из Сумского посада Кемского уезда. Племянник Федора Воронина. Свыше 35 лет почти ежегодно плавал летом с целью промысла к Новой Земле. В 1892 году на собственном судне «Св. Николай» посетил Малые Кармакулы, устья рек Саханихи и Нехватовой и южную часть Новой Земли. Во время этого плавания у берегов Новой Земли было встречено необычно большое количество льда.

ОЛЕНИЩЕВ, 1872. Кормщик, кемский крестьянин. На принадлежавшем ему судне «Св. Николай» плавал в 1872 году с экспедицией И. Суля к Новой Земле и вывез из Малых Кармакул 5 зимовавших там промышленников.

ЕФРЕМОВ ЯКОВ, 1875–1878. Кормщик. Неоднократно плавал к Новой Земле, в частности, в 1875 году. Летом 1878 года ходил на судне кемского купца Норкина «Общее счастье» промышлять к южному острову Новой Земли. ИЛЬЯ, 1876. Кормщик из Сумского

посада. В 1876 году ходил к Новой Земле, доставив в Малые Кармакулы небольшую избу.

ГАЛАНИН М. П., 70-е (?) годы XIX века. Зверопромышленник из села Шуерецкого. В последней четверти XIX века неоднократно ходил на Новую Землю. В это же время Галанин однажды зимовал на острове Большой Брун (Западный Шпицберген), куда ходил на ладье кемского купца Норкина. Зайдя здесь в небольшую бухту, 8 человек с ладьи Норкина высадились на берег с целью промысла. Пока они промышляли, судно угнало ветром в море, и оно более не возвратилось. Оставшиеся на берегу устроились в старинной русской становой избе.

ГОРИН И. М., 1877–1878. Промышленник, родом из Кеми. Родился в 1863 году. Много раз ходил к Новой Земле. Впервые зимовал на Новой Земле, в Костином Шаре, в 1877–1878 годах, куда ходил на судне «Василий» кемского купца Норкина под командой капитана-зверобоя Артемия Федоровича Горшкова. В этом плавании участвовал также кормщик Матвей Григорьевич Коновалов. Зимовка, закончившаяся вполне благополучно, происходила в избе, построенной экспедицией вице-адмирала Посьета в 1870 году.

ЮГАРОВ ИВАН СТЕПАНОВИЧ, 1881–1882. Промышленник, кемский мещанин. Грамотный. Вместе с двумя другими промышленниками (Иваном Мяхниным и Моисеем Коневаловым) провел в 1881–1883 годах вынужденную зимовку на Новой Земле. Обстоятельства, вызвавшие эту зимовку, таковы. В 1881 году шхуна кемского мещанина Алексея Белоусова «Ваза» под командованием капитана Ахлымова вышла на промысел к Новой Земле, где и стала промышлять гольца в устье реки Нехватовой. 4 июля 1882 года (н. ст.) в Малокармакульскую бухту пришла шхуна Федора Воронина, который снабдил трех промышленников всем необходимым. 4 августа Югаров и его товарищи были взяты на борт парохода «Чижов» и доставлены им в родные места.

КОНЕВАЛОВ МИХАИЛО, 1886–1887. Кормщик. Ходил в 1886 году на судне кемского купца Алексея Норкина «Общее счастье» на промысел к Новой Земле. Посетив Малые Кармакулы, устье реки Нехватовой, Рахманово и Черную губу и добыв 160 белух, 24 зайца и 17 нерп, судно 7 октября (н. ст.) отправилось в обратный путь. Однако сильный ветер заставил вернуться к Новой Земле, где на следующий день судно было выброшено на берег и погибло. Экипажу численностью в 10 человек удалось спастись. Зиму он провел в разных местах Новой Земли – в Малых Кармакулах на спасательной станции, в губе Гагарьей и в ненецких чумах на

Карской стороне. Летом 1887 года Михайло Коневалов и его товарищи были вывезены с Новой Земли пароходом архангельского мурманского товарищества.

Девятнадцатым веком заканчивается период развития крестьянского судостроения и промысла морского зверя в западном Поморье. В XX столетии немногочисленные промысловые суда ещё пойдут к Канину, Новой Земле, на Шпицберген. Но это уже единицы, последние. И уже не будет среди них новых, пахнущих лесом свежепостроенных шхун. Но, продолжая традиции дедов, кемские штурманы и капитаны поднимутся на мостики новых стальных судов.

Способствовал этому, в том числе, и кемский промышленник Антонов Фёдор Михайлович. Об этом человеке нужно говорить, как о личности, предпринявшем много для освоения Арктики, хотя сам он не ходил в море. Зная крайне трудное, а в санитарно-бытовом смысле и плачевное положение, в котором находились и промысловики-зверобои, и промыслы на Мурмане, Горле Белого моря и на Шпицбергене, 28-летним (в 1830 году) Ф. М. Антонов подал на имя государя Николая I прошение – проект с предложениями по дальнейшему изучению и освоению Шпицбергена и создания на нем постоянных русских поселений. Идея кемского купца прошла все круги рассмотрения в соседних губерниях Русского Севера, а затем вернулась в Архангельск. Губернское правление с облегчением свалило проблему со своих плеч. Оно констатировало, что *«никакого заключения со своей стороны определить не может, а полагает промышленность сию представить на волю купечества, которое, стараясь о пользе своей, не преминет воспользоваться таковою промышленностью»*.

И снова Федор Михайлович оказался не понят. Он предлагал царю дело государственное! На большой размах и дальнюю перспективу. А его поворачивали на узкую сиюминутную купеческую пользу. Ну а в той пользе он понимал ничуть не меньше самого царя. Не трудно убедиться в прозорливости Антонова. Через полвека после его предложений, в 1897–1899 годах только из Архангельска на Шпицберген ходило до 18 судов. В сезон здесь обитали до 400 русских промысловиков, добывая до 1000 моржей. Условия, в которых им приходилось жить и работать, зачастую были просто невыносимыми. Как знать, прими царское правительство предложение Ф. М. Антонова, и не было бы сегодня бесконечных территориально-экономических проблем на Шпицбергене, которые существуют вот уже три столетия, грозя перерасти в политическое противостояние.

Федор Антонов принял участие в организации регулярного пароходного сообщения по Белому и Баренцевому морям. Вместе с другими кемскими купцами Д. Ломовым, И. Норкиным, Н. Елизаровым он стал членом – пайщиком Товарищества Беломорско-Мурманского срочного пароходства, которое было создано в 1870 году в Архангельске. Совместный капитал этого общества равнялся 150 тысячам рублей. В 1871 году акционеры закупили в Англии пароходы «Великий князь Алексей» и «Качалов». Эти суда стали осуществлять товарно-пассажирские перевозки между норвежским портом Вардё, Мурманском и Архангельском.

Могила этого незаурядного человека, обогнавшего мыслью время более чем на столетие, и сегодня сохранилась в ограде Успенского собора в Кеми. Фотографии Фёдора Михайловича нет в музее, но есть фотография его сына Михаила Фёдоровича, который не только перенял от отца купеческую жилку и любовь к родному краю, но и с успехом продолжил его дело, воплощением которого является меценатство для развития этого края. Он был избран Почётным членом, краеведческого по своему характеру, Архангельского общества изучения Русского Севера. Вносил немалые суммы на издание журнала этого общества.

Один из реализованных проектов Фёдора Михайловича – организация в Кеми шкиперских курсов. Понимая значимость подготовки кадров местных судоводителей, Федор Антонов стал одним из инициаторов открытия в Кеми такого учебного заведения. Правительство Николая I открыло морские учебные заведения для поморов одновременно в Архангельске и Кеми в 1841 году. В дальнейшем Федор Михайлович неоднократно вносил денежные пожертвования на их нужды. В разработке программы принял участие знаменитый мореплаватель адмирал Иван Федорович Крузенштерн. За 20 лет Кемские Шкиперские курсы окончили всего 25 капитанов, но это были специалисты высокого класса, как отметил исследователь Арктики адмирал Фёдор Петрович Литке, «вечных мореходов» для плавания на Мурманский берег, в Норвегию, на Новую Землю, Шпицберген. Восприняв их опыт, потомки племени «вечных мореходов» в наше время стали первыми в плеяде «ледовых капитанов», освоивших Северный морской путь, плавающих на свет сияющей Полярной звезды.

В 1903 году курсы получили новый статус, стали именоваться Кемской Морской школой, которая проработала в Кеми до 1920 года. В экспозиции музея представлены подлинные предметы выпускников школы, преданные их потомками. Среди них –

аттестаты выпускников, учебник «Руководство к практической навигации и мореходной астрономии с таблицами»[731] (составил князь Евгений Голицын флота капитан-лейтенант, 1860 г., С.-Петербург, Императорская академия наук). Сохранился в Кеми дом купца Дятлева, в котором снимали комнаты для проведения занятий. Сейчас здание передано Кемскому музею.

В 2012 году в музее отмечали 170 летие открытия курсов и собрали потомков Кемских мореходов. Замечательно, что есть среди них и сегодня мореплаватели. Много сведений в музее о кемлянине Рынцыне Федоре Андреевиче. Поморский сын, он с 8 лет начал ходить в качестве зуйка на рыбный промысел. Получив аттестат в 1914 году, Фёдор Андреевич стал одним из первых капитанов, которые осваивали сложную полярную магистраль – сквозное плавание по Великому Северному пути. Воевал на Белом море во время Великой Отечественной войны, после работал в Архангельске.

Среди выпускников особое место занимает Павел Акимович Пономарев. Родился он не в Кеми, а в поморском селе Нименьга Онежского уезда Архангельской губернии в 1896 году. Но уже в 13 лет он приехал в наш город и сначала устроился рабочим на лесопильный завод. В Кеми он впервые вступил на палубу судна, в 16 лет стал матросом на паруснике, ходил на рыбные промыслы в Белое море и в Норвегию. И осознав свою судьбу неразрывной с морем, поступил в Кемскую Мореходную школу в 1913 году. Окончив её в 1915 году, продолжил учёбу в Архангельске. С 1922 года начинается его становление как «ледового капитана». На первых советских ледоколах «Ермак» и «Красин» капитан участвовал в проводках судов по Северному морскому пути, в спасении экипажа дирижабля «Италия» в районе Северного полюса; оказывал помощь зажатому во льдах у острова Вайгач ледоколу «Ленин». Самой сложной ледовой операцией, по мнению капитана, была экспедиция по спасению челюскинцев в 1934 году. В грозные военные годы капитан Пономарев на ледоколах «Сибирь» и «Адмирал Лазарев» под бомбами гитлеровской авиации обеспечивал проводку конвоев в беломорских льдах. Начальник Севморпути дважды Герой Советского Союза контр-адмирал И. Д. Панин писал: *«Спокойная уверенность капитана Пономарева оказывала просто магическое действие на его помощников и экипаж. Даже когда у бор-*

[731] Голицын Е. А. Руководство к практической навигации и мореходной астрономии с таблицами.– Спб.: тип-я Императорской Академии наук, 1860.

та ледокола рвались бомбы, на судно пикировали бомбардировщики, он отдавал приказы, не повысив голоса, ходил и говорил не быстрее обычного». В послевоенное время принимал непосредственное участие в разработке рабочего проекта при строительстве атомохода «Ленин». Став капитаном первого атомного ледокола «Ленин» с марта 1957 г., Пономарев участвовал во всех его испытаниях. На посту капитана ледокола «Ленин» находился до 1961 года. Именем Павла Акимовича названы улицы в трёх портовых городах: Мурманске, Архангельске и Петропавловске-Камчатском. И транспортно-ледокольное судно «Павел Пономарев» и сегодня бороздит морские просторы. Символично, что в марте 1976 года состоялся экспериментальный рейс: атомный ледокол «Ленин» обеспечивал проводку к мысу Харасавэй на Ямале дизель-электроходу «Павел Пономарев». В экскурсии по музею мы обязательно рассказываем о Павле Акимовиче Пономареве.

Для краеведов Поморья стали основополагающими слова академика Дмитрия Сергеевича Лихачёва: *«Самое главное, чем Север не может не тронуть сердце каждого русского человека,– это то, что он самый русский... Он спас нам от забвения старинные русские обычаи, русские трудовые традиции – крестьянские, ремесленные, мореходные. Мне трудно выразить словами восхищение этим краем, мое преклонение перед ним. Когда впервые мальчиком тринадцати лет проехал по Баренцеву, Белому морю и по Северной Двине, побывал у поморов, посмотрел на этих необыкновенно красивых людей, державшихся просто и с достоинством, я был совершенно ошеломлен. Отсюда вышли замечательные русские землепроходцы, полярники, беспримерные по стойкости воины. Поморы размеренно и просто трудятся, зная, что море фальши и недобросовестности к труду не любит. Я готов поклясться, что лучшего края не видел. Я зачарован им до конца моих дней».*

Кемский музей «Поморье» будет продолжать популяризировать культуру поморов во всех её аспектах, но особенно в разрезе трудовых традиций, организуя культурно-просветительские мероприятия как в городе, так и за его пределами, чтобы сведения о «вечных мореходах» стали примером для подрастающего поколения.

Раздел шестой

РЕЦЕНЗИИ

Мелёхина Наталья Михайловна,
прозаик, г. Вологда

СВЯЗАЛИ НИТЬ

«Осколки времени: Тотьма на фотографиях 1917–1953 годов»
Издательство «Древности Севера», 2019 год
Ответственный редактор и составитель: А. М. Новосёлов.
Авторский коллектив: А. М. Новосёлов, Н. И. Коренева, О. В. Полоцкая, В. А. Притчина, В. Н. Галушкина, Е. В. Филиппова, С. В. Кузнецова, О. М. Завьялова

Этот краеведческий фотоальбом является продолжением первой книги «Осколки времени: Тотьма на фотографиях рубежа XIX–XX веков». Он спасает из бездны забвения очень важный исторический период – с 1917 года и до смерти Сталина.

До развала СССР все знания об этом отрезке времени подвергались жесточайшей цензуре. После развала, за 90-е годы, выросло целое поколение, которое училось вообще без учебников истории: старые школьные пособия в одночасье стали неприменимыми из-за идеологических штампов, а новые попросту не успели написать.

Нынешние 35–40-летние россияне, будучи учениками, запоминали фактологию этого периода, но не вникали в исторически обоснованную преемственность между царской и ленинской, а затем сталинской странами, потому что сама система образования не была готова к такому подходу в преподавании истории. Ныне предпринимаются попытки выстроить линейную связь: царская Россия – революционная Россия – Советский Союз – Российская Федерация, но предпринимаются робко и не всегда удачно из-за огромного числа непрекращающихся политических споров и откровенных спекуляций даже достоверными фактами. В итоге от 1917 до 1953 года – это время incognito.

Создатели дилогии «Осколки времени» постарались решить эту фундаментальную проблему на примере всего лишь одного

провинциального района – Тотемского, однако многие выводы, сделанные ими, будут верны и для всей страны.

Так потрясающе глубока и трагична глава «Тотемская деревня. Коммуны, коллективизация». Из первой книги мы помним, как широко и свободно, пусть и не без проблем, жили тотемские крестьяне. Как же сложилась их судьба после Революции? – Несчастливо. Голод, болезни, разруха. Делами деревни начали заниматься люди, ничего не смыслящие в сельском мире. И встретили их по заслугам. Из дневника крестьянина А. А. Замараева в 1918 году: *«Народ стонет от большевизма, потому что у народу всё взяли, а взамен ему ничего не дали»*.

Отныне сельчане воспринимаются как подозрительный и даже чуждый классовый элемент. Лозунг «Земля – крестьянам!» обернулся глобальным обманом. Для новой власти крестьянство – расходный материал, нужный лишь постольку, поскольку большевики строили промышленную империю, а работников «великих строек» надо же откуда-то привезти и чем-то кормить.

Деревню безжалостно, кроваво и неумело принесли в жертву прогрессу. Рачительных, инициативных, работящих сельчан клеймили как кулаков и репрессировали, крепкие хозяйства – разоряли, трезвое и мудрое отношение к природе – искореняли, уважение к земле – высмеивали, семейные основы – подрывали, постулаты веры – заменяли идеологическими пустышками.

Автор главы Вера Галушкина пишет: *«В целом можно сказать, что коллективизация в масштабах страны решила проблему свободной перекачки средств из аграрного сектора в промышленность, обеспечила снабжение армии и индустриальных центров продуктами сельского хозяйства... Вопрос о том, какой ценой были осуществлены эти достижения, наверное, самый болезненный... Коллективизация кардинально нарушила сельскую жизнь и была началом трагического процесса «раскрестьянивания», уничтожения всех хозяйственных и нравственных традиций, живших в сельской среде и передававшихся из поколения в поколение. Это был первый и главный удар по миру русской деревни, после которого ликвидация неперспективных деревень в 1970-е и экономический кризис в 1990-е годы стали только отдельными эпизодами в общей картине стремительной урбанизации и оттока людей из сельской местности»*.

Если хотите узнать почему умер «Лад», описанный классиком Василием Беловым, то эта глава из «Осколков времени-2» написана для вас. Она поможет уяснить, что сельчане на долгое время стали фактически людьми «второго сорта», а судьбу их решали люди,

которым сам дух «Лада» был ненавистен. Показательный момент – отъём паспортов, а вместе с ними права свободного передвижения, то есть впервые за всю историю страны крестьянство Русского Севера по сути было порабощено, а ведь такого не бывало даже в порицаемой большевиками царской России!

Эта глава имеет огромное значение: она восстанавливает историческую справедливость. У каждого города есть свой музей, хотя бы маленький, своя летопись более или менее полная, но деревни похвастаться этим не могут, они уходят в небытие тихо и незаметно, не оставляя после себя ничего, кроме пустырей на месте изб и огородов да заросшей кустами пашни. «Осколки времени-2» помогают понять, какой же была деревня в целом в момент своей гибели. В фотографиях, описаниях, документах, воспоминаниях мы видим, как мучительно проходило «раскрестьянивание».

Этот раздел книги – добротная основа для последующего более чуткого прочтения всей деревенской прозы, для более тонкого восприятия произведений Федора Абрамова, Василия Белова, Василия Шукшина, Валентина Распутина, Виктора Астафьева и других, ведь неслучайно гибель деревни – одна из главных тем в художественной литературе XX века. Это тот самый «перелом», который навсегда изменил Россию.

Два краеведческих альбома неразрывно связаны между собой и вместе с ними оказывается связанной и нить двух эпох – царской империи и советской. На примере главы про крестьянство мы видим, как эту связь большевики попытались оборвать, и отчасти им это удалось.

Точку невозврата фиксирует глава «События революции и гражданской войны в Тотемском уезде». Последствия этого разрыва в преемственности исторической памяти описаны в главах: «Тотемские фотографы Дмитрий Петров и Еварест Баландин – летописцы эпохи», «Тридцатые годы. Индустриализация и повседневность», «Репрессии и репрессированные в судьбе Тотемского края», «Церковь. Антирелигиозная борьба».

Стоит подчеркнуть, что в разделе «Репрессии и репрессированные в судьбе Тотемского края» автор обращается к не часто поднимаемой в вологодском краеведении теме – переселению украинцев на Север. Автор статьи Наталья Коренева приводит такие цитаты-воспоминания свидетелей эпохи, от которых у читателя кровь стынет в жилах. Из письма «всесоюзному старосте» Михаилу Калинину: *«...Отправляли... в ужасные морозы – грудных детей и беременных женщин, которые ехали в телячьих вагонах друг*

на друге и тут же женщины рожали своих детей (это ли не издевательство); потом выкидывали из вагонов, как собак, а затем разместили в церквах и грязных, холодных сараях, где негде пошевелиться. Держат полуголодными, в грязи, во вшах, холоде и голоде, и здесь находятся тысячи детей, брошенные на произвол судьбы, как собаки, на которых никто не хочет обращать внимания». На территории Тотемского района в 30–50-е гг. XX в. было размещено 23 спецпоселка, куда переселено 4329 семей украинцев. Н. И. Коренева рассказывает и о судьбах конкретных людей, и о том, что стало с посёлками после окончания периода репрессий.

Несколько особняком стоит раздел «Двадцатые годы. Картины быта». Уж слишком это десятилетие, исполненное мечтаний и надежд, «выпадает» из общей картины XX века по своей исторической фактуре. Автор главы Алексей Новосёлов так и говорит: *«Его в полной мере можно назвать исчезнувшим не столько из литературы, мемуаров, воспоминаний, сколько из коллективной памяти... Об этом даже слегка растерянно пишет, пожалуй, лучший хроникёр последнего столетия, журналист Леонид Парфёнов: а оттуда ли мы, из этой ли мы эпохи, есть ли связь между НЭПом, революционной романтикой, интернационалом и нами сегодняшними?»*

Слегка выбиваются из общей структуры книги еще две главы – «Образование. Ликвидация неграмотности» и «Здравоохранение». Это два самостоятельных очерка. Они вполне могли бы быть опубликованы в виде отдельных брошюр, поскольку каждый раздел даёт полную картину развития образования и здравоохранения в указанный период.

В главе «Здравоохранение» особый интерес вызывает рассказ о костно-туберкулёзном санатории на Десятине. Когда-то эта страшная болезнь была бичом нации, и этот эпизод из истории Тотемского района передает сам дух времени: выжить в первую половину XX века было нелегко не только из-за риска быть убитым или репрессированным, но также из-за общей неустроенности быта, из-за тяжёлых болезней и голода.

Глава про образование – одна из самых больших в «Осколках времени-2», что закономерно: краеведческого материала по такой тематике, как правило, сохраняется много (документов, воспоминаний педагогов и выпускников, фотографий классов и курсов, экспонатов школьных музеев и т. д.). Вызывает огромное уважение объем проделанной работы и уровень владения информацией. Ясно, что автор главы Валентина Притчина стала настоящим экспертом в заявленной теме. Однако, возможно, раздел будет скучноват для тех читателей, которые не специализируются на

истории образования Тотемского района. Причина – в обилии специфических деталей и упоминаемых фамилий. Кроме того, стоило бы «почистить» главу от перечней и цифр.

Возьмём для примера фрагмент об истории лесного техникума на стр. 180–183. На стр. 180 – количество значкистов, комсомольцев и т. д. К сожалению, рядовому читателю эти цифры ни о чем не скажут. Мы узнаем, что «подготовлено 20 ворошиловских стрелков». Для читателей, рожденных и воспитанных не в СССР, само это понятие «ворошиловский стрелок» требует пояснений. Трудно ли было им стать? Как понять «не рожденным в СССР»: 20 стрелков – это много или мало для тех лет? Или: «техникум выпустил 170 человек». Что это значит: этих специалистов хватило для лесной отрасли или надо было больше, и, если больше, то насколько и почему?

В подобных очерках, если они адресованы широкой аудитории, а не только историкам и специалистам-краеведам, цифры стоит называть с осторожностью, непременно объясняя, что они значат, а также используя вместо текста средства современного книжного дизайна: инфографику, вынос на поля, верстку отдельным информационным блоком и т. д.

На стр. 181 перечисляются через запятую темы в студенческой стенгазете, и тут же на стр. 182 фамилии педагогов и директоров даны списком. Скорее всего, неподготовленный читатель эти перечни, поставленные рядом, просто перелистнет. Во-первых, списки читать попросту скучно. Во-вторых, сами по себе ФИО педагогов не несут ни эмоциональной, ни смысловой нагрузки, если только читатель не был лично знаком с тем или иным учителем. Было бы уместнее добавить в текст пару абзацев о самых ярких личностях среди этих педагогов, сделать так, чтобы за безликими фамилиями аудитория увидела живых людей.

Дотошная фиксация деталей хороша для научного труда, но не всегда органично смотрится в документальной литературе, а оба тома «Осколков времени», безусловно, к ней и относятся. Именно поэтому глава «Образование», без сомнений необходимая во втором томе, всё же несколько выбивается из общей стилистики двух книг.

Раздел «Жизнь тылового района в годы Великой Отечественной войны» сбалансирован и краток. Создатели книги вполне справедливо замечают, что нельзя уместить в эту главу всё, что написано о войне, и потому они постарались отразить лишь самое главное и малоизвестное. У авторского коллектива выполнить эту задачу получилось. Завершает книгу глава «Послевоенные годы.

Восстановление хозяйства» – это вполне логичная кода для подобного издания. Далее, после 1953-го, наступает совсем иная, более свободная и светлая эпоха.

В целом «Осколки времени-2» сохраняют структуру первого краеведческого альбома и последовательно описывают все сферы жизни Тотемского района, а также самые главные события за исследуемый исторический период.

Примечательно, что две книги связаны между собой еще и на уровне персонажей: в «Осколках времени-1» мы познакомились с семьёй Дилакторских, крестьянином А. А. Замараевым, художником Феодосием Вахрушовым и т. д. В «Осколках времени-2» читатель узнает, как сложилась их судьба в «эпоху перемен». Замечательный ход, редкий в документальной литературе! Через биографии реальных жителей Тотемского района подчеркивается историческая преемственность досоветского и советского периода, и, таким образом, два тома окончательно становятся единым текстом-монолитом.

После его прочтения остается только один вопрос: удастся ли авторам в «Осколках времени-3» удержать столь высокий уровень повествования на материале второй половины XX века? Дело в том, что первые два тома хоть и повествуют о Тотемском районе, но затрагивают при этом болезненные вопросы, до сих пор актуальные для всей страны. Не случайно «Осколки-2» стали дипломантом в номинации «Диалог со временем»: лучшая книга мемуарно-биографического и историко-документального характера» в общероссийском конкурсе Ассоциации книгоиздателей России (АСКИ) «Лучшие книги года-2019». Смогут ли авторы следующих «Осколков» найти точки соприкосновения с историей всего нашего Отечества? Узнаем, когда выйдет третья книга.

Гришина Светлана Викторовна,
редактор электронного журнала «Сфера», г. Вологда

ТОЛЬКО В ТОТЬМЕ: ПРОЧЕСТЬ КНИГУ И СДЕЛАТЬ ЕЩЕ 25 ДЕЛ

«Тотемский район: прошлое, настоящее, будущее»
Издательский дом «Порт-Апрель», 2019 год
Авторы-составители: А. В. Кузнецов, А. М. Новосёлов
Авторы использованных материалов: И. Б. Балашова, А. И. Викульева,

И. Ю. Зайцева, Т. И. Зимакина, Н. И. Коренева, Н. М. Микляева, Г. А. Мартюкова, С. Н. Москалёва, Т. М. Новосёлова, А. В. Пахнин, О. Н. Письменная, В. А. Притчина, Т. Н. Романько, Е. В. Филиппова, А. А. Чернега, Ю. А. Шадрина

Знаете, что такое Большая Чисть? Самое крупное по площади болото в Тотемском районе. А что общего между Лосем и Утюгом? То, что это самые большие в районе ледниковые валуны, один 350 тонн весом, а второй – все 400. А как думаете, Дедов, Бабий и Внуков – это о чем? О дружном «семействе» островов на реке Сухоне, и главный у них, конечно, Дедов – он самый крупный. А что происходит на территории района с 10 июня по 23 августа и с 16 ноября по 21 марта? Не поверите – лето и зима, но это сезоны не календарные, а фенологические. А какие ассоциации возникают у вас, когда вы слышите название Песья Деньга? Скорее всего, неправильные: это не монетка, принадлежащая безвестному барбосу, а речка, древнее финно-угорское название которой звучало несколько иначе. Как и что оно означало? На этот и многие другие вопросы, которые непременно возникнут у каждого, кто начнет знакомство с тотемской землей, ответит краеведческий альбом «Тотемский район: прошлое, настоящее и будущее».

Это первое издание, обобщающее исторические, географические и топонимические данные по истории Тотемского района Вологодской области в его современных границах. Конечно, много внимания в книге уделено самой Тотьме, но уникальность книги – в пристальном внимании к другим местам: к сёлам и деревням, к памятникам природы, к красивейшим уголкам всей тотемской земли. Ее целостный образ складывается и благодаря тому, что авторы с гордостью и любовью рассказывают обо всём, что связано с нею: о знаменитых соотечественниках, среди которых – Иван Кусков, основатель Форта Росс в далекой Калифорнии, о местных промыслах, и ныне живущих, и об ушедших в прошлое, как тотемское солеварение, оставившее по себе память в названиях – Усолье, Варницы. О неповторимом тотемском барокко и знаменитых картушах на стенах тотемских церквей, о связи местной истории с именами Ивана Грозного и Петра I, об удивительных названиях местных рек, озер и островов…

Особого внимания заслуживает феномен «тотемской идентичности» – небывалого местного патриотизма, который проявлялся практически во все исторические периоды. Купцы-мореходы, разбогатевшие на торговле пушниной и подарившие городу великолепные храмы. Купец Николай Токарев, живший в Ростове-на-

Дону, но вложивший миллионы в развитие образования в Тотьме. Художник Феодосий Вахрушов, который предпочел работать в родном городе, отказавшись от карьеры в столицах. Краевед Станислав Зайцев, в 70-е годы прошлого века практически в одиночку спасший исторический центр города от уничтожения по предлагавшемуся тогда генеральному плану. Поэт Николай Рубцов и художник Георгий Попов, каждый по-своему воспевшие тотемский край в своем творчестве. Сегодняшние тотьмичи, придумывающие всё новые проекты, привлекающие в район миллионы рублей, а главное – наполняющие жизнь настоящими событиями, придающими ей новый смысл. И всегда искренняя преданность своей земле – вроде бы и суровой, и небогатой, но такой родной – дает силы и на великие свершения, и на каждодневный труд.

Авторы-составители альбома – директор Тотемского музейного объединения Алексей Новосёлов и краевед Александр Кузнецов, почетный гражданин Тотемского района. Они не ставили перед собой цель объять необъятное и собрать воедино всю имеющуюся информацию о районе. Книга составлена из краеведческих очерков, дающих представление об отдельных, наиболее интересных страницах прошлого и настоящего этой земли. Изложение выстроено в логике путеводителя и рассчитано на человека, планирующего или совершающего путешествие по Тотьме и ее окрестностям. Для удобства читателей в конце книги дана подробная инструкция с перечнем 25 дел, которые непременно надо успеть сделать во время пребывания здесь: указано не только в какой последовательности и куда отправиться и что там посмотреть, но даже чем «особенно впечатлиться», что представить и о чем подумать.

Соавторами альбома выступили сотрудники музея и искусствоведы, краеведы и архивисты, тотьмичи и жители других городов Вологодчины, благо людей, глубоко интересующихся Тотьмой, много. Их материалы либо не издавались ранее, либо были опубликованы небольшими тиражами и неизвестны широкой публике. В заключение нельзя не упомянуть о том, что издание не случайно называется альбомом: оно прекрасно иллюстрировано как архивными снимками, так и современными фотографиями, в том числе сделанными с квадрокоптера и показывающими тотемскую землю во всей красе.

Книга вышла в свет в Издательском доме «Порт-Апрель» в Череповце. Желающие приобрести издание могут обратиться в группу Тотемского музейного объединения vk.com/totma35: сотрудники музея готовы выслать книгу по почте.

Багров Сергей Петрович,
член Союза писателей России, г. Вологда

ТОЛШМА

«Толшма». Краеведческий альманах. Выпуск 1
Литературно-издательский центр «Лоция», 2017 год
Составитель: Г. А. Мартюкова
Редакционная коллегия: А. М. Новосёлов, Н. И. Коренева,
Г. А. Мартюкова, А. К. Микляев, А. В. Кузнецов

Россия большая. Сколько в ней всевозможных событий происходило! И счастливых. И трудных. И безысходных. Однако вершившихся тем, что страна прошла сквозь все испытания и стала той, какой она нынче есть. Почему? На этот нелегкий вопрос отвечают 13 авторов книги «Толшма». Книги, пронизанной опытом жизни людей, населявших долину Толшмы, чье русло, притоки и берега приманивают к себе. Да и сейчас эти люди находятся здесь. Именно на этом водоразделе, по десятому разу, если не больше, становившиеся сыновьями и дочерьми своих давних предков.

Подзаголовок книги: краеведческий альманах. Первый том. Книге, как я полагаю, продолжаться и продолжаться, ибо заявлено в ней стержневое: что есть такое родина-мать, наша Россия? Заявлено, считай, от Рюриковых времён. То и славно, что поиски ускользающего былого на этом томе не прекратятся. Благо ведут их не только учёные, историки, художники и музейные специалисты, но и сами труженики земли. Книга читается с нарастающим интересом. Для нашего времени это редкость. Не каждому, даже известному писателю, удается подобное. Коллектив авторов, возглавляемый хозяйкой Рубцовского музея Галиной Алексеевной Мартюковой, подарив нам летописание толшменской территории, совершил, на мой взгляд, прорыв в отечественной культуре.

Книгу предваряет вступительное слово директора Тотемского музея Алексея Новоселова. Такой альманах, подчеркивает Алексей Михайлович, стал первым в Тотемском районе изданием, посвященным конкретной территории. Действительно, это всего лишь начало. Добрый пример для открытия всех забытых и забываемых отечественных пределов, которые таят так много непознанного и, конечно, того, из чего человек черпает вдохновение, а порой проявляет само желание посетить данный край.

«Толшма» вызывает множество ассоциаций. Это своего рода практическая подсказка для литератора, историка, природолюба и вообще человека, одновременно устремленного взглядом в прошлое и будущее. Не знаешь прошлого, не знаешь и себя. Об этом говорят работы не только Галины Мартюковой, но и Александра Кузнецова, Наталии Ворониной, Веры Галушкиной, Наталии Кореневой, Марины Кошелевой, Татьяны Новоселовой, Валентины Притчиной, Сергея Трифанова, Михаила Ушакова, Марины Черкасовой и Юлии Шадриной. А какие тайны русской души обнажают живописания Георгия Попова и Андрея Кошелева! Об этом надо говорить особо. Два дивных мастера, и оба от Бога. Спасибо Вам, дорогие авторы, за такой щедрый неожиданный и роскошный подарок!

Есть в книге и особенные откровения, касающиеся людей обреченных, кто был выслан в разгар строительства социализма в толшменские леса не на жизнь, а на гибель. Что такое советская каторга времен Иосифа Сталина? Об этом надо читать Галину Мартюкову. Её очерк «Поселки спецпереселенцев в Никольском сельсовете» построен на биографиях людей, прошедших на толшменской земле все круги ада.

Еще один очерк Мартюковой повествует о толшменских храмах. Где храм, там не только глубокая вера, но и редкая красота, и могущество, и несгибаемое стояние.

Меня особенно поразил храм в деревне Предтеча. Имею к нему хоть и косвенное, но отношение.

Стояло лето 1971 года. Я шел пешком от поселка Карицы к Сухоне, дабы побывать в воспетой Рубцовым деревне Николе, куда постоянно тянуло, и мне хотелось взглянуть еще раз на места, где я когда-то был с ним вдвоем. Прошел елово-березовый волок. Устал. Хотел уже было передохнуть. Как вдруг разглядел это загадочное творение. Храм за такой же синей, как небо, рекой, в поспевших хлебах. Деревянный, весь-весь устремленный куда-то к небу, в котором купался покрытый чем-то прозрачным сверкающий крест. Я не поверил тому, что видел перед собой. А когда поверил, то сразу отпало желание отдыхать. Я был спокоен и бодр. Это сейчас, листая «Толшму», на 156-й странице читаю:

Я шёл, свои ноги калеча.
Глаза свои мучая тьмой...
– Куда ты?
– В деревню Предтеча.
– Откуда?
– Из Тотьмы самой.

Н. Рубцов

С кем Рубцов разговаривал? С каждым, кто здесь уже после него останавливался и видел не только своими глазами, но и глазами поэта не столько сам храм, сколько чрезмерно уставшую Русь.

На следующей странице тома помещена и фотография храма. Потому я и вчитываюсь в очерк Галины Алексеевны Мартюковой:

«…По словам московского реставратора А. С. Панкратова, обследовавшего деревянный Предтеченский храм летом 2014 года, при большом желании церковь можно восстановить. Вот только найдутся ли люди, которые будут заниматься этим благородным делом в отдалённой, заброшенной деревне?»

Вопрос, мужественно зовущий что-то нам сделать, что-то переменить, дабы красота превратилась не в тление на земле, а в воплощаемое творение. Именно к очищающему наши души творению и зовет многостраничная «Толшма».

Еще раз благодарю авторов этой книги за подаренное нам, читателям, высокое русское настроение.

СОДЕРЖАНИЕ

Новосёлов Алексей Михайлович, директор МБУК «Тотемское музейное объединение»
ПРЕДИСЛОВИЕ 3

Раздел первый
Н. М. РУБЦОВ: БИОГРАФИЯ, ТВОРЧЕСТВО, ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ 10

Пшеницын Дмитрий Александрович, историк-архивист, действительный член Вологодского Союза писателей-краеведов, руководитель Отдела генеалогических исследований Культурно-исторического центра «Свѣточъ», г. Вологда
НОВЫЕ ДАННЫЕ О ГЕНЕАЛОГИИ РОДА РУБЦОВЫХ (К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ РОДОВОГО ГНЕЗДА) 10

Вересов Леонид Николаевич, член Союза писателей России, зам. председателя РОО «Вологодский Союз писателей-краеведов», г. Череповец, Вологодская область
НЕИЗВЕСТНЫЕ И ЗАБЫТЫЕ ЭПИЗОДЫ ТОТЕМСКОЙ ОДИССЕИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА 19

Вересов Леонид Николаевич, член Союза писателей России, зам. председателя РОО «Вологодский Союз писателей-краеведов», г. Череповец, Вологодская область
НИКОЛАЙ РУБЦОВ И ВИКТОР ПОТАНИН: ДРУЖБА ЧЕРЕЗ ГОДЫ 30

Никанорова Екатерина Борисовна, член Рубцовского центра, г. Череповец, Вологодская область
ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ЭПОХИ 41

Кувшинов Сергей Анатольевич, поэт, лауреат международных премий, г. Дзержинск, Нижегородская область
РУБЦОВ НА ВЕТЛУГЕ 48

Тищенко Алексей Борисович, член попечительского совета Мемориального музея Н. М. Рубцова в селе Никольском, член Санкт-Петербургского Рубцовского центра, г. Санкт-Петербург
КОГДА НИКОЛАЙ РУБЦОВ НА «СПАРТАК» ХОДИЛ 57

Мартюкова Галина Алексеевна, заведующая Мемориальным домом-музеем Николая Рубцова, с. Никольское, Тотемский район, Вологодская область
Данилова Тамара Валентиновна, председатель попечительского совета Мемориального дома-музея Николая Рубцова, заместитель руководителя Санкт-Петербургского Рубцовского центра, г. Санкт-Петербург
АЛЕКСЕЙ АНТУФЬЕВ – ПРИМЕР САМООТВЕРЖЕННОГО СЛУЖЕНИЯ ДЕЛУ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТИ ПОЭТА НИКОЛАЯ РУБЦОВА 65

Ефремов Николай Трофимович, член Союза журналистов России, краевед, организатор Рубцовских чтений в Апатитах, г. Апатиты, Мурманская область
ЛЕОНИД КАЛЕНИСТОВ: ПОВТОРНОЕ ЗНАКОМСТВО 74

Кувшинов Сергей Анатольевич, поэт, лауреат международных премий, г. Дзержинск, Нижегородская область
МИНИАТЮРНАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ РУБЦОВИАНА 77

Новиков Алексей Евгеньевич, кандидат филологических наук, доцент ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет», г. Череповец, Вологодская область
РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ ТВОРЧЕСТВА Н. М. РУБЦОВА 87

Калита Светлана Павловна, кандидат культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры Российского университета дружбы народов (РУДН), руководитель профессионального студенческого объединения «Музеологическая студия», г. Москва
ТВОРЧЕСТВО НИКОЛАЯ РУБЦОВА В КОНТЕКСТЕ ПОДГОТОВКИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ 93

Раздел второй

ТОТЬМА И ТОТЕМСКИЙ КРАЙ В КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ РУССКОГО СЕВЕРА 98

Черкасова Марина Сергеевна, доктор исторических наук, профессор кафедры теории, истории культуры и этнологии ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда
ТОТЕМСКИЙ СОЛЯНОЙ ПРОМЫСЕЛ СПАСО-ПРИЛУЦКОГО МОНАСТЫРЯ В КОНЦЕ XVI ВЕКА 98

Ромашкина Светлана Николаевна, ведущий искусствовед отдела по изучению истории и культуры Русского Севера культурно-исторического центра «Светочъ», г. Великий Устюг, Вологодская область
К ВОПРОСУ О ТОТЕМСКИХ ИКОНОПИСЦАХ В XVII ВЕКЕ 112

Иванов Павел Сергеевич, кандидат философских наук, журналист, историк, г. Тверь
ИКОНОСТАС ПОКРОВСКОЙ ЦЕРКВИ В УСТЬ-ПЕЧЕНЬГЕ. ОПЫТ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ 116

Головизнин Марк Васильевич, научный сотрудник Института проблем глобализации и социальных движений, г. Москва
ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТОТЕМСКОГО БАРОККО. СИНТЕЗ КУЛЬТУР, ТРАДИЦИЙ И ДИВИДЕНДОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ 125

Кузнецов Александр Васильевич, независимый исследователь, д. Усть-Печеньга, Тотемский район
НАБЛЮДЕНИЯ НАД АНТРОПОНИМИЕЙ ТИКСНЕНСКОЙ (ПОГОРЕЛОВСКОЙ) ВОЛОСТИ ТОТЕМСКОГО УЕЗДА ПО ИСТОЧНИКАМ 1775, 1799, 1824 И 1915 ГОДОВ 139

Пшеницын Дмитрий Александрович, историк-архивист, действительный член Вологодского Союза писателей-краеведов, руководитель Отдела генеалогических исследований Культурно-исторического центра «Свѣточъ», г. Вологда
РЕКРУТСКИЙ НАБОР 1849 г. В ТОТЕМСКОМ УЕЗДЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ) 158

Притчина Валентина Алексеевна, зав. отделом «Музей церковной старины» МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма, Вологодская область
ЖИЗНЬ И БЫТ ЖИТЕЛЕЙ ВОТЧИНСКОГО ВОСКРЕСЕНСКОГО ПРИХОДА 170

Галушкина Вера Николаевна, заведующая отделом искусства и традиционной народной культуры МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма, Вологодская область
НАРОДНАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ ТОТЕМСКОГО УЕЗДА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА 182

Кузнецова Светлана Васильевна, заведующая отделом природы, научный сотрудник МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма, Вологодская область
ИЗ ИСТОРИИ ЗЕМСКОЙ МЕДИЦИНЫ В ТОТЕМСКОМ УЕЗДЕ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ 192

Комягина Алена Николаевна, студент бакалавриата РУДН, г. Москва – г. Тотьма, Вологодская область
ТОТЬМА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА ГЛАЗАМИ ПУТЕШЕСТВУЮЩИХ ПО СУХОНЕ 205

Гладких Сергей Александрович, кандидат исторических наук, учёный секретарь Котласского краеведческого музея, г. Котлас, Архангельская область
ТОТЬМИЧИ В БОЯХ НА СОПКАХ МАНЬЧЖУРИИ (1904–1905 гг.) 209

Муравьёв Владимир Николаевич, директор МБУК «Сыктывдинское музейное объединение», с. Выльгорт, Сыктывдинский район, республика Коми
«МИЯН ЙӦЗ ТОТЬМАЫН» («НАШИ ЛЮДИ В ТОТЬМЕ») 218

Ганнибал Борис Константинович, кандидат биологических наук, доцент лаборатории общей геоботаники Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН, г. Санкт-Петербург
СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛИ ТОТЕМСКОГО УЕЗДА БУРЦЕВЫ И МАЛЕВИНСКИЕ: ИСТОРИЯ И ГЕНЕАЛОГИЯ 229

Сидорова Алёна Викторовна, главный архитектор проекта ООО «Валбэкру», г. Вологда
ДАННЫЕ ПЕРЕПИСИ 1923 ГОДА В ГОРОДЕ ТОТЬМЕ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ АДРЕСНОГО ПЛАНА И СУЩЕСТВУЮЩИХ ДОМОВЛАДЕНИЙ 238

Лютынский Антон Мечиславович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Северо-западного института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Вологда
ПРОТОКОЛЫ ПАРТИЙНЫХ СОБРАНИЙ 1930-х гг. КАК ИСТОЧНИК (НА ПРИМЕРЕ ПАРТОРГАНИЗАЦИИ ТОТЕМСКОГО РАЙОННОГО ОТДЕЛА МИЛИЦИИ) 243

Сысоева Елена Сергеевна, директор МБУК «Бабушкинский районный исторический музей», с. им. Бабушкина, Вологодская область
БАБУШКИНСКИЙ СОЛЕВАРЕННЫЙ ЗАВОД В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 248

Коренева Наталья Ивановна, заместитель директора МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма, Вологодская область
ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА. ПИШУТ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ 256

Ладыкова Ольга Вениаминовна, кандидат психологических наук, доцент Садовская Маргарита Вениаминовна, члены любительского объединения «Клуб "День краеведа"», Нижегородская обл.
РУКОПИСНАЯ КНИГА «СОЛДАТ НА ВОЙНЕ» ВЫПУСКНИКА ТОТЕМСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УЧИЛИЩА АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА БЕРЕЗИНА 266

Притчина Валентина Алексеевна, зав. отделом «Музей церковной старины» МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма, Вологодская область
ДЕТСКАЯ ПОЭТЕССА, ПИСАТЕЛЬНИЦА И РЕДАКТОР НАТАЛИЯ ЛЕОНИДОВНА ДИЛАКТОРСКАЯ В 20–30-е гг. XX ВЕКА 274

Дилакторская Елена Станиславовна, кандидат геолого-минералогических наук, член Союза писателей России, г. Санкт-Петербург
АХМАТОВСКИЙ АРХИВ НАТАЛИИ ДИЛАКТОРСКОЙ 284

Полоцкая Ольга Владимировна, научный сотрудник МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма, Вологодская область
РУКОПИСНЫЙ СБОРНИК СТИХОВ ИЗ НАУЧНОГО АРХИВА ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ: АТРИБУЦИЯ, ДАТИРОВКА, АВТОРСТВО 296

Савкова Ирина Сергеевна, зав. отделом учёта, хранения и систематизации музейных фондов МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма, Вологодская область
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ В СОБРАНИИ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ: КЛАССИФИКАЦИЯ И ОПЫТ НАУЧНОГО ОПИСАНИЯ 302

Завьялова Ольга Михайловна, заведующая отделом «Музей мореходов» МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма, Вологодская область
ПЛАТКИ И ШАЛИ В СОБРАНИИ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ: АТРИБУЦИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ 313

Правдина Мария Борисовна, кандидат культурологии, учёный секретарь МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма, Вологодская область
КОЛЛЕКЦИЯ ПЕЧАТНОЙ ГРАФИКИ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ: СОСТАВ И ИСТОЧНИКИ ПОСТУПЛЕНИЯ, ЖАНРОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ, ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ 321

Чернова Анастасия Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Перервинской духовной семинарии, г. Москва
ОСОБЕННОСТИ НАРОДНОГО ВОСПРИЯТИЯ МИРА: ФОЛЬКЛОР ТОТЕМСКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ 328

Раздел третий

РУССКИЙ СЕВЕР: СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ, МУЗЕЕФИКАЦИЯ И ТУРИЗМ 338

Новосёлов Алексей Михайлович, директор МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма, Вологодская область
ОПЫТ РЕВИТАЛИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО НАСЛЕДИЯ СТАРОГО УСОЛЬЯ В ДЕРЕВНЕ ВАРНИЦЫ ТОТЕМСКОГО РАЙОНА 338

Марина Николаевна Кошелева, член Союза писателей России, директор АНО «Бирюзовый дом», с. Никольское, Тотемский район, Вологодская область
ДОМ НА КАМЕННЫХ СТОЛБАХ: ОТ БАРАКА – К МУЗЕЮ 364

Вербицкая Елена Олеговна, координатор Проекта реставрации Георгиевского храма в селе Косково Кичменгско-Городецкого района Вологодской области, г. Санкт-Петербург
РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТА «РЕСТАВРАЦИЯ ГЕОРГИЕВСКОГО ХРАМА – ВОЗРОЖДЕНИЕ СЕЛА КОСКОВО» (ПРАВОСЛАВНЫЙ ПРИХОД ХРАМА ВМЧ. ГЕОРГИЯ В СЕЛЕ КОСКОВО КИЧМЕНГСКО-ГОРОДЕЦКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ) 376

Рогозный Михаил Геннадьевич, доцент кафедры живописи и реставрации Санкт-Петербургской художественно-промышленной академии им. А. Л. Штиглица, г. Санкт-Петербург
ИССЛЕДОВАНИЕ ЖИВОПИСНОЙ ОТДЕЛКИ ВЕРХНЕГО ХРАМА ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ГЕОРГИЯ В СЕЛЕ КОСКОВО КИЧМЕНГСКО-ГОРОДЕЦКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ 387

Кукушкин Игорь Полиевктович, начальник отдела памятников археологии АУК ВО «Вологдареставрация»
Калинина Надежда Ивановна, ведущий специалист-археолог АУК ВО «Вологдареставрация», г. Вологда
ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОЕ МЕСТО «ПОЛЯНА БЕЛОРИЗЦЕВ» В ВОЛОГДЕ 393

Егорова Юлия Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и мировой политики ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда
ИСТОРИЯ РУССКОЙ АМЕРИКИ: МЕСТА ПАМЯТИ И КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ 399

Чебыкина Настасья Владимировна, научный сотрудник
Горшков Олег Евгеньевич, заместитель директора по научной работе Музея народных промыслов и ремёсел Приморья, пос. Уемский – г. Архангельск
ПРОЕКТ «СЛАДКО ЖИТЬЁ» КАК ИНСТРУМЕНТ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО И ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ПОМОРЬЯ 406

Николаев Иван Романович, куратор проектов АНО «Идеи для музеев», член Международного конгресса морских музеев, г. Москва
РОЛЬ МУЗЕЕВ РУССКОГО СЕВЕРА В СОСТАВЕ СЕТИ МОРСКИХ МУЗЕЕВ РОССИИ 413

Дудников Станислав Вячеславович, магистр музеологии, независимый исследователь, г. Рига, Латвия
О ВОЗДУШНОМ КРАЕВЕДЕНИИ 418

Чернега Артём Андреевич, кандидат социологических наук, начальник отдела туризма и общественных проектов администрации Тотемского района, г. Тотьма, Вологодская область
СТЕЙКХОЛДЕРЫ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЕКТОВ КАК АГЕНТЫ РАЗВИТИЯ ГЛУБИНКИ (НА МАТЕРИАЛАХ ИССЛЕДОВАНИЯ В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ) 426

Якушева Людмила Алентиновна, кандидат культурологии, доцент кафедры теории, истории культуры и этнологии ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ АВТОФИКШН 432

Раздел четвёртый
РУССКИЙ СЕВЕР: ИСКУССТВО 442

Пинкусова Татьяна Владимировна, специалист по учётно-хранительской документации Российского этнографического музея, г. Санкт-Петербург
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СЕВЕРО-ДВИНСКОЙ ШКОЛЫ РУССКОГО ИЗРАЗЦОВОГО ИСКУССТВА XVIII В. НА ПРИМЕРЕ НАБОРОВ ПЕЧНОЙ КЕРАМИКИ ИЗ ФОНДОВ РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ 442

Шпаковская Светлана Евгеньевна, художник-реставратор, специалист по церковно-исторической живописи, член Союза художников России, г. Москва – г. Вологда
СВЯЩЕННЫЕ ПРОПОРЦИИ В СТЕНОПИСИ УСПЕНСКОГО СОБОРА КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ. ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ШКОЛЫ ЦАРСКИХ ИЗОГРАФОВ 450

Новикова Галина Владимировна, коллекционер, частный исследователь, член OIDFA, г. Москва
КРУЖЕВО ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В ЧАСТНОЙ КОЛЛЕКЦИИ 460

Филиппова Вера Ивановна, профессор изобразительного и декоративно-прикладного искусства и архитектуры кафедры социальных коммуникаций и медиа ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет», г. Череповец, Вологодская область
ОСОБЕННОСТИ ГРАФИЧЕСКОГО ИСКУССТВА ВОЛОГОДСКИХ ХУДОЖНИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI вв. 464

Ярошенко Мария Дмитриевна, студентка Института культуры и туризма ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда
ЦВЕТЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ВОЛОГОДСКОГО ХУДОЖНИКА В. КОРБАКОВА 470

Раздел пятый
РУССКИЙ СЕВЕР: ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 475

Акимова Мария Сергеевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, старший научный сотрудник ГБУК г. Москвы «Музей Зеленограда», г. Москва
ПОЕЗДКА Э.И. ДАШКОВА НА РУССКИЙ СЕВЕР (ОНЕЖСКИЙ БЕРЕГ) ЛЕТОМ 1967 ГОДА 475

Зайцев Алексей Анатольевич, координатор проекта «ВГлубинку», краевед, г. Москва
ОТХОЖИЕ И КУСТАРНЫЕ ПРОМЫСЛЫ СОЛИГАЛИЧСКОГО УЕЗДА В НАЧАЛЕ 1880-х ГОДОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ А.А. ТИЛЛО) 487

Варкентин Олеся Маннуровна, старший научный сотрудник научной библиотеки ГБУ ЯНАО
«Ямало-Ненецкий окружной Музейно-выставочный комплекс имени И. С. Шемановского», г. Салехард, Ямало-Ненецкий автономный округ
«ВОСПИТАНИЕ ТВОРЧЕСТВОМ» ИЛИ ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ, СОХРАНЕНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ФОЛЬКЛОРА НАРОДОВ СЕВЕРА НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Ю. Н. АФАНАСЬЕВА 496

Шматенок Тамара Дмитриевна, ведущий научный сотрудник Пермской государственной художественной галереи, г. Пермь
В. А. ПЛОТНИКОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И СОБИРАТЕЛЬ ПАМЯТНИКОВ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКОГО СЕВЕРА 502

Тимофеева Анастасия Евгеньевна, магистрант I курса Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург
ПРОСТРАНСТВО МОРЯ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ 512

Устин Ирина Ильинична, директор МБУ «Краеведческий музей «Поморье» Кемского муниципального района, республика Карелия
ОТ БЕРЕГА КЕМСКОГО К МОРЮ СТУДЁНОМУ: ПОДВИГИ ПОМОРОВ В ОСВОЕНИИ АРКТИКИ 516

Раздел шестой

РЕЦЕНЗИИ 528

Мелёхина Наталья Михайловна, прозаик, г. Вологда
СВЯЗАЛИ НИТЬ 528

Гришина Светлана Викторовна, редактор электронного журнала «Сфера», г. Вологда
ТОЛЬКО В ТОТЬМЕ: ПРОЧЕСТЬ КНИГУ И СДЕЛАТЬ ЕЩЕ 25 ДЕЛ 533

Багров Сергей Петрович, член Союза писателей России, г. Вологда
ТОЛШМА 536

Научное издание

РУССКИЙ СЕВЕР - 2021: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Рубцовские чтения

Сборник работ V Всероссийской научной конференции с международным участием

Подписано в печать 00.02.2021. Формат 60×84/16.
Гарнитура Cambria. Бумага офсетная. Усл. печ. л. .
Тираж . Заказ .

ООО ПФ «Полиграф-Периодика».
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.
Тел. 8 (8172) 72-61-75. E-mail: price@pfpoligrafist.com